

00175001A

С. 31

Мэн
ОБЖИТ-ОЖИМЕ

ЗАЛЮЖНИКИ
УДАЧИ

NEW

60110 -4

СЕРИЯ
"ЗОЛОТОЙ КУПИДОН"

IAN ST JAMES

FINAL RESORT

W3H

3AJ

ИЭН СЕНТ-ДЖЕЙМС
ЗАЛОЖНИКИ
УДАЧИ

Москва
ОЛМА-ПРЕСС
1995

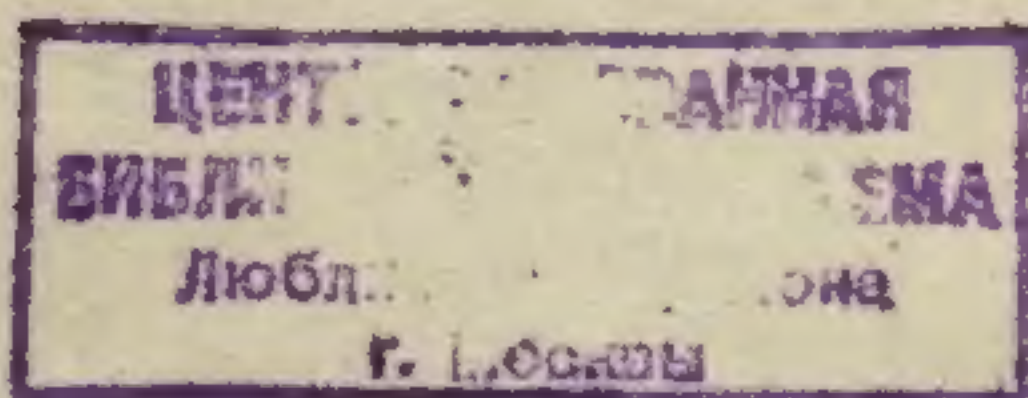
ББК 84.7 США
С 31

Перевод с английского В. Степанова

Художник Вадим КУБ

Исключительное право публикации книги
Иэна Сент-Джеймса «Заложники удачи» на русском языке
принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

60110-4

ISBN 5-87322-256-8

© 1994 by Ian St. James. All rights reserved. Published by arrangement with Harper & Collins Publishers, Inc.

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», издание на русском языке, 1995.

© В. Степанов, перевод, 1995.

© Вадим КУБ, оформление, 1995.

— Похож
оборачиваясь
С заднего
Лейн.

— В чем
продаю, ты
Герберт г
но было озна

— Все дел
за пешеходам
В дождь всегд

— Возмо
Бросив вз
провести с Ле

— Я обе
чашечку кофе

— Хорош
На секунд
Лео к себе д

когда-нибудь
стоит на том
нибудь он по
навести. Что
вечно. Он ст
с дочерью, д
сомненно до
встретил его,

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Похоже, мы застрянем,— пробурчал Герберт, оборачиваясь через плечо.

С заднего сиденья Тодд бросил взгляд на Парк Лейн.

— В чем дело? Тебе не нравятся машины? Я их продаю, ты не забыл?

Герберт громко фыркнул, что, по-видимому, должно было означать смех.

— Все дело в погоде,— произнес Тодд, наблюдая за пешеходами, семенящими по мокрому асфальту.— В дождь всегда образуются пробки.

— Возможно. Ты надолго, босс?

Бросив взгляд на часы, Тодд понял, что может провести с Лео всего один час.

— Я обещал вернуться домой к восьми. Выпей чашечку кофе и заезжай за мной в полвосьмого.

— Хорошо!

На секунду Тодд подумал: а не пригласить ли Лео к себе домой? Катрина вышла бы из себя, но когда-нибудь он сделает это. Когда-нибудь он *настоит* на том, чтобы она встретилась с отцом, когда-нибудь он положит конец этой бессмысленной ненависти. *Что было, то было*. Лео не будет жить вечно. Он старый человек и заслужил примирения с дочерью, даже если учитывать его прошлое, несомненно довольно «яркое». Когда Тодд впервые встретил его, Лео только что вернулся с афганской

границы, где он занимался контрабандой оружия для повстанцев. Узнав это, Катрина скривила губы с уничтожающим презрением, давая понять, что она оскорблена в своих лучших чувствах:

— Значит, теперь твое занятие — контрабанда оружия?

— Не только оружия,— попытался протестовать Лео.— Еще я поставлял им продукты. Но они не смогут ими воспользоваться, если не будут защищаться. Я продаю все, на что есть спрос. Я бизнесмен, как ты знаешь.

Катрина отвернулась, презрительно выпятив губу.

— Бизнесмен! Шулер дешевый, вот ты кто!

Это воспоминание вызвало у Тодда кривую усмешку. Дешевый? Итальянские туфли, костюмы от «Салва Роу», вилла во Франции, номер-люкс в гостинице «Ритц» — пятидесятивосьмилетний мужчина, чей шарм все еще привлекал внимание женщин на сорок лет моложе. Такой мужчина уж никак не мог быть назван дешевым.

Улыбка покинула лицо Тодда, когда он снова вспомнил о той первой встрече. Шесть..., нет семь лет назад. Тогда они все еще жили в той квартире над гаражом. Лео появился неожиданно. Ну, а как же иначе? Катрина сама ни за что бы его не пригласила.

— Привет,— сказал он, когда Тодд открыл дверь.— Я — отец Катрины.

Катрина была в бешенстве. Ненависть так исказила черты ее лица, что Тодд никогда не мог бы себе представить ее такой. Он всегда считал Катрин хорошенькой, в некотором смысле даже красивой, и никак не ожидал, что ее лицо может быть безобразным. Встреча не продлилась и нескольких минут. Вся в слезах, Катрина убежала в спальню, а Тодду ничего не оставалось, как указать Лео на дверь. Лео пытался сохранить самообладание, но Тодд видел, что его загорелое лицо заметно побледнело, и он начал бормотать какие-то извинения. Очевидно, он хотел остаться, что-то объяснить, хотел, чтобы его поняли. В другой раз Тодд, может быть, и выслушал бы его, но тогда больше всего его беспокоила Катрина.

— Не сейчас,— так, кажется, сказал он, подталкивая Лео к двери.— В другой раз, хорошо?

На следующий день Лео позвонил Тодду на работу. После осторожных расспросов о Катрине, он произнес:

— Может быть, встретимся, когда я снова буду в Лондоне? Просто посидим вдвоем, выпьем по рюмочке. Ну, как?

Тодд пробормотал в ответ что-то неопределенное и забыл об этом звонке. Вспомнил он о нем только через несколько недель и сказал об этом Катрине. Она так вся и вспыхнула.

— Слушай, я не понимаю, зачем ты вообще с ним разговаривал? Если я не хочу его видеть, то уж тебе-то он зачем?

А в самом деле, зачем? Кажется, у него были все причины не общаться с Лео. Он мог понять, какие чувства могла испытывать к нему Катрина. Лео вверг ее в крошечную нищету, лишил детства, был причиной того, что ее мать спилась, — все это Тодд слышал не один раз. Встречи с Лео против желания жены были предательством, за которое он осудил бы любого другого.

— Ты сам ищешь неприятности на свою голову, — сказал бы он.

Тем не менее, когда через шесть месяцев Лео снова позвонил, Тодд согласился с ним встретиться. Все дело было в том, что для них с Катриной тогда наступила черная полоса. Их усилия иметь ребенка, кажется, зашли в тупик. Когда Тодд закрывал глаза, перед ним сразу же вставал термометр, вставленный в роскошный зад, или календарь с отметками красным карандашом напротив известных дней, который расписывал все по дням и часам. Он представлял себе такси, дежурившие у подъезда, которые должны были отвезти Катрину к гинекологу, который впрыснет животворный бальзам в ее матку. Он представлял себе медленное движение сперматозоида под микроскопом, мог представить себе продувание фаллопиевых труб.

— Всего по рюмочке, — уговаривал Лео. — Я в «Ритце».

И он пошел исключительно из чувства протеста. До свадьбы секс был пылким и страстным. Секс был возбуждающим, секс был удовольствием! И так было, пока Катрина не захотела ребенка. Тогда все это и началось — визиты к врачам, консультации у гинекологов, встречи с профессорами. Секс стал каким-то больничным, стерильным, однообразным. Он мог бы по-прежнему испытывать физическое наслаждение, если

бы мог закрыть глаза на термометры и впрыскивание в матку, на дежурящие у подъезда такси, на продувание фаллопиевых труб и календари с отметками красным карандашом; но закрывать глаза становилось все труднее.

Поэтому-то он и согласился пропустить пару рюмочек с Лео. Ему хотелось отдохнуть от всего этого.

Лео несомненно был один из величайших авантюристов в мире. Он везде побывал и все повидал — торговал гашишем в Марокко, продавал землю на Аляске, добывал золото в Трансваале, охотился в Кении, занимался контрабандой оружия в Бельгийском Конго.

Настроенный по отношению к Лео враждебно, Тодд ожидал, что тот ему не понравится. Если верить Катрине, Лео был мошенник, развратник, человек, которому нельзя было доверять. Тем не менее, как ни странно, они подружились. Тодду он сразу пришелся по душе. Лео был высоким, худощавым, с орлиными глазами и благородными чертами лица. Тодд напротив — низеньким, полноватым, с мягкими чертами. На Лео одежда сидела с таким изяществом, как будто он сошел с картинки модного журнала, в то время как на Тодде даже костюмы от лучших портных не имели вида. Нельзя было не признать, что Лео был чертовски привлекательным старым волком.

«А меня даже симпатичным щенком не назовешь», — подумал Тодд, грустно усмехнувшись. Но что ему больше всего нравилось в Лео — так это его трезвый взгляд на жизнь. Лео видел вещи такими, какими они были, и за всю свою жизнь ни разу не испытал чувства вины. Ни из-за жены, ни из-за неудач в бизнесе. Единственным исключением была Катрина. Если сделка провалилась, то провалилась.

— В любом деле есть доля риска, — резюмировал Лео. — Выиграл — ты победитель, проиграл — ну что ж, на ошибках учатся. Если кредитор не получал денег, то уходил без денег. Такова игра, пожимал плечами Лео.

Таким он и запомнился Тодду, пожимающим плечами, с чуть заметной грустной улыбкой на лице. Иногда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, успокаивал он. Единственной потерей, о которой он жалел, была Катрина.

После этой первой встречи они встречались каждый раз, когда Лео приезжал в Лондон, нерегулярно, не чаще одного или двух раз в год, да и то всего на час или около того. Как правило, они лишь выпивали несколько рюмочек в номере Лео.

— Знаешь, старина,— сказал однажды Лео,— Катрина заслуживает такого мужа, как ты. Солидного, надежного...

— Ради Бога, перестань! Ты же знаешь, что на самом деле я не стою ни гроша.

— Да посмотри же, какие ты делаешь успехи! Удачная женитьба, растущий бизнес...

— Ты вечно все преувеличиваешь...

— Ха! Не прибедняйся. Дела у тебя идут в гору. Ты человек, который просто *создан* для бизнеса. Ты никогда не проиграешь. Я не сразу все это понял. Я всегда думал: «Сегодня проиграл — завтра отыграешься». В серых глазах Лео мелькнула искра сожаления.

— Поверь мне, есть вещи, которые, потеряв, никогда не веротишь.

Разумеется, Лео имел в виду Катрину. Но он не оставлял надежды, что Тодд поможет им примириться.

Поначалу Тодд вел себя осторожно. В конце концов, он помнил рассказы Катрины, и, несмотря на то, что теперешний безликий секс вносил напряжение в их семейную жизнь, он не хотел верить, что она ему лжет. Она и не лгала. Чем больше он слушал Лео, тем больше убеждался, что его восприятие отношений с дочерью и воспоминания Катрины о детстве были лишь взглядами с двух разных сторон. Вспоминая о жене, Лео упорно отказывался брать вину на себя.

— *Поддать* она всегда любила,— ворчал он.— Ничего страшного, даже если речь идет о женщине, но она просто спилась. Катрина сменила невообразимое количество школ, отовсюду ее выгоняли. И всегда по одной и той же причине — за учебу никто не платил. Деньги просто пропивались, вот в чем было дело, хотя Катрина, конечно же, ничего об этом не знала. А виноват оказывался я. Я всегда был во всем виноват. Возможно, в чем-то это и было так, но женщина уж как-нибудь могла бы пережить, что не имеет постоянного партнера. Другие же вроде как-то обходятся.— Брови его поднялись, как вопросительные знаки.—

Солдатки и тому подобное, жены, чьи мужья в постоянной отлучке, ведь мирятся с этим.

Он так же ненавидел свою покойную жену, как Катрина ненавидела его.

— Я, конечно же, был плохим отцом,— признавался он.— Чертовски плохим, но эта сука была еще хуже. И, доложу я тебе, влетела же она мне в копеечку! Частные лечебницы, знаешь, не дешевы. В первый раз, когда она отправлялась на лечение, она обещала мне, что после возвращения не притронется к бутылке. Куда там! Как только вернулась, в первый же вечер надралась, как свинья.

С тех пор она уже не вылезала из лечебниц. Катрина, которой тогда было двенадцать лет, училась в интернате, а на каникулы Лео отсылал ее к своей старой сестре в Харроу.

— Еще одна ошибка,— мрачно заметил Лео.— Выходит, даже кровной родне нельзя ни в чем доверять. Но по крайней мере сестре можно было доверять, когда дело касалось денег. За обучение она платила исправно, даже когда мой чек задерживался, но она настраивала девчонку против меня. Она заявляла, что я виноват в пьянстве Мариам, никогда ни в чем она не была на моей стороне...

Мать умерла, когда Катрине было пятнадцать, а еще через три года умерла ее тетя. Катрина унаследовала ее дом в Харроу и несколько тысяч в придачу. Всем этим заправлял адвокат ее тетушки.

— Через шесть месяцев этот идиот прислал мне письмо. Вернул мой чек и написал, что поскольку у Катрины теперь есть свои средства, от моих денег она отказывается. Представляешь? Родная дочь от меня отвернулась.

Эту историю Тодд уже слышал. Когда он встретил Катрину, ей было двадцать три. Она все еще жила в Харроу и делила дом с двумя подругами. Сперва она пришла в фирму Тодда бухгалтером, а потом...

— Мистер Синклер, кажется, уже давно в Лондоне? — спросил Герберт, поймав взгляд Тодда в зеркале.

— Несколько месяцев,— кивнул Тодд.

Герберт настороженно поднял бровь:

— И все еще никаких шансов примирения его с миссис?

— Скорее рак на горе съест, — проговорил Тодд. Время от времени он пытался как бы невзначай в разговоре вернуть имя Лео, чтобы проверить ситуацию, но каждый раз безуспешно. При малейшем упоминании об отце лицо Катрины омрачалось и горькие воспоминания об унижениях детства вызывали у нее резкие, бранные слова. Бог свидетель, он пытался их примирить, но, скрыв от жены свою первую встречу с Лео, он был вынужден скрывать и все остальные. Семь лет секретов! *Семь лет!*

Слава Богу, Лео примирился с таким положением вещей.

— Пожалуй, ей действительно трудно простить меня — я слишком перед ней виноват, — заявил он однажды с мрачным видом раскаяния. Но и на этот раз его лицо омрачилось лишь на мгновение. Лео так часто встречался с неудачами, что привык во всем находить светлую сторону.

— Могло бы быть и хуже, старина, — пожимал он плечами. — Главное, она счастлива. А я вот с тобой подружился. Я продолжаю быть ее отцом и всего лишь стою как бы на ступеньку дальше. Как знать, может быть, когда-нибудь ты сведешь меня с ней?

Но Тодд не был в этом уверен. Он постоянно чувствовал себя в долгу перед Лео, и это усложняло ситуацию. Боже праведный, он чувствовал, что он в долгу!

— Слушай, босс, ты какой-то осунувшийся, — произнес Герберт, рассматривая лицо Тодда в зеркале. — С тобой все в порядке?

Тодд усмехнулся. Что за идиотский вопрос! А как еще прикажешь себя чувствовать? Дела шли паршиво. Два года назад ничто и не предвещало такого спада. «Временное снижение темпов в экономике, — так, кажется, говорили все эти политиканы и газетчики. Временное? Шутники. Попробовали бы они продать машину с таким рынком...

— Лишь вчера, — произнес Герберт, — думал я, что трудная пора прошла...

— Слушай, води машину и помалкивай.

— Извини, босс. У тебя такое лицо... Ну не может быть все так плохо.

— Могло бы быть и хуже, — отозвался Тодд, вспоминая. Пять лет назад — в тот год, когда они с Катриной проводили отпуск на Майорке, — дело процветало. Он чувствовал себя мультимиллионером. А остров

Катрину очаровал. «Я не могу поверить, что всего в трех часах полета от Лондона», — повторяла она.

— Тебе нужен перерыв, — бросил Герберт через плечо. — Почему бы тебе не посвятить несколько дней своей яхте?

Тодд поморщился по причине, о которой Герберт не знал.

— Через пару недель мы едем на Майорку, — сказал он. — Всего на несколько дней.

Яхту они купили после виллы. Четыре года назад. Всего четыре года назад дела шли хорошо. А сейчас они вынуждены были ее продать, чтобы рассчитаться с Альдо Морони. Тодд прикусил губу, стараясь не думать о неприятном.

— Ничего, мистер Синклер тебя взбодрит, — произнес Герберт. — Мистер Синклер — как стакан хорошего тоника.

Это сушая правда. Лео был прирожденным оптимистом. Когда у него возникали проблемы, он умел над этим пошутить. Тодд вспомнил, как однажды Лео говорил смеясь: «Мой тебе совет, старина, — никогда не живи такой жизнью, как моя. Куча осложнений. Ты продал машину, получил деньги. А у меня все не так просто. Я получаю деньги, если свергнут правительство, или если цены на нефть поднимутся, или доллар упадет... все *всегда* зависит от случая».

На секунду его лицо омрачилось, он пожал плечами и примирительно усмехнулся: «Ну да что с того! Главное — мы живем. Есть у нас и еда на столе, и красивая одежда, и вино в бутылке, и женщины в постели».

Вот что еще нужно отметить, говоря о Лео. Женщины. Они слетались как осы на мед. Губы Тодда слегка передернулись. Герберт прав. Лео действительно *был* как тоник.

Закрыв глаза, Тодд попытался расслабиться. Он заставлял себя не думать о неприятностях. Он старался забыть о сером лондонском небе и представить себе залитую солнцем Майорку. Его щеки почти ощутили ласкающее тепло солнечных лучей. Он чувствовал соленый вкус морского воздуха на губах.

Он всегда о чем-нибудь мечтал. Даже когда был ребенком. Тогда он мечтал стать шести футов ростом.

Он станет таким мужчиной, что все женщины будут сходиться по нему с ума! Он испробовал все упражнения, увеличивающие рост, какие были, даже сам придумал несколько упражнений, — но так и не вырос выше того, что, очевидно, было назначено ему природой. Он так и не перешел за отметку в пять футов и пять дюймов. В конце концов он решил: *«Черт возьми, если я не могу стать шести футов, буду вести себя так, как если бы я был шести футов!»* Уже одно это было довольно смелым заявлением. Но что отравляло ему жизнь еще сильнее — так это его имя. Сирил. Он не мог этого простить своим родителям. Он скрывал свое имя сколько мог. «Зовите меня Тоддом», — говорил он мальчикам в школе. Но рано или поздно имя становилось известным — и непременно его мучители были выше его ростом. Но это не было для него помехой. Он побивал их всех, даже когда дрался с несколькими парнями сразу. Однако и ему в драках крепко доставалось. Его могли бы и убить, если бы не его крепкое сложение. Но он выжил — и продолжал мечтать.

— Когда-нибудь придет время и все заговорят обо мне, — похвастался он своему школьному приятелю Джимми Люису.

Джимми выкатил глаза:

— Да, а у меня будут во-от такие сиськи.

Насмешки над ним не прекратились, и когда он начал работать у Оуэна.

— Слушай, парень, — смеялись другие механики, — чем поднимать машину, мы тебя под нее подсунем.

Он проглатывал их насмешки. Несмотря на свою молодость, он уже научился кое-чему от жизни. «Скромность прячется глубже всего», — писал Ницше в «Самом спокойном часе». Тодд Ницше не читал, но уже знал, что порой в жизни ты оказываешься по уши в дерьме.

Он мечтал о работе механика. Машины стали его страстью даже раньше, чем женщины. А где еще узнать все о машинах, как не у Оуэна, крупнейшего производителя машин во всей округе.

— Ну-с, молодой человек, — спросил его Оуэн на собеседовании, — каковы ваши жизненные планы?

— Хочу стать лучшим механиком в Лондоне, — не раздумывая ответил Тодд.

Оуэн рассмеялся.

— Ну, не знаю, как насчет лучшего, а хорошего механика мы из тебя сделаем. Если, конечно, ты согласишься попотеть. На это уйдет пять лет. Ну, а что потом?

У Тодда замерло сердце. Высококласный механик — высокая ступень на общественной лестнице. Тогда и над малым ростом никто не будет смеяться. На него будут смотреть как на мастера. Он станет, наконец, человеком!

— Это еще не скоро, мистер Оуэн,— осторожно отвечал он.— Там видно будет.

Добродушная улыбка одобрения мелькнула на лице Оуэна.

— Ну ладно,— кивнул он.— Ближе к делу. Тут у нас шесть подмастерьев. Толковые ребята. Ты с ними быстро сойдешься. В конце концов, не так уж много места ты собой занимаешь.

Он, может, и быстро сошелся бы с ними, если бы не Ред Хиггинс, рыжий, долговязый парень лет восемнадцати, ставший для Тодда врагом номер один. Он никогда не упускал случая посмеяться над Тоддом. Как правило, на все шутки Тодд отвечал хладнокровной усмешкой, которой позавидовал бы сам Ницше, но он понимал, что рано или поздно одними словесными шутками дело не ограничится.

Через шесть недель его предчувствия подтвердились. Ред с двумя друзьями загнал его в угол красильной.

— Эй, коротышка,— усмехнулся Ред, держа в руках банку с нитрокраской.— Давай тебя немного покрасим. С цветными волосами ты будешь смотреться лучше.

Пока Ред снимал крышку с банки, его дружки попытались заломить Тодду руки. Но школьные битвы выработали у Тодда мгновенную реакцию. Он попросту стряхнул их с себя. Лево́й пяткой он так наступил на ногу одного из парней, что тот запрыгал, держась за ступню. Второй получил удар головой в лицо, а Ред — коленом в пах. У Реда перехватило дыхание, и он согнулся пополам, подставив шею под новый удар сцепленных рук Тодда. Ред вскочил и набросился на него, но Тодд снова пустил в ход колено. На этот раз удар пришелся Реду в грудь, и он отлетел в сторону.

— Эй, что происходит? — раздался голос за спиной у Тодда.

Оуэн стоял в дверях своего кабинета.

— Что за черт! — воскликнул он, посмотрев сперва на растянувшегося на полу Реда, затем на его дружка, держащегося за нос. Он повернулся к Тодду:

— Эй, парень, что все это значит?

Тодд поймал его взгляд.

— Я думаю, сэр, банка выскользнула у Реда из рук, а он хотел ее поймать.

В глазах Оуэна мелькнуло подозрение. Он пристально посмотрел на Тодда и затем перевел взгляд на Джо Холмса, держащегося за ногу.

— Ну, а с тобой-то что случилось?

— Моя вина, сэр, — моментально вставил Тодд. — Я ринулся помочь Реду и наступил Джо на ногу

Оуэн снова пристально посмотрел на Тодда. Казалось, он хотел что-то сказать, но передумал. Вместо этого он перевел взгляд на Реда. Корчась от боли, Ред поднимался с пола, привстав на одно колено. Малиновая краска стекала с его комбинезона, образуя на полу липкую лужу. Откашлявшись, Оуэн сурово произнес:

— Такие инциденты стоят времени и денег. Уберите все сейчас же — и за работу. А в будущем поосторожней. Ясно?

— Ясно, мистер Оуэн, — ответили они хором.

Когда рабочий день закончился, Тодда вызвали в кабинет. Оуэн взглянул на него из-за стола.

— Что же все-таки произошло?

Тодд потупился.

— Ничего, случайно...

— Слушай, парень, со мной этот номер не пройдет. Я сам вижу, где случайно, а где нет. И уж драку я сразу вижу. И я ее не допущу. Можно немного побузить — парни есть парни. Но это уже слишком. Такого я не допущу. Понял?

Тодд молчал, не зная что ответить.

— Даже если они снова начнут к тебе приставать.

В глазах Оуэна мелькнул веселый огонек.

— Однако и хитер же ты. «Банка выскользнула». Я еле сдержался, чтобы не рассмеяться. С таким умом тебе не чинить машины надо, а *продавать*.

— Не Бог весть, что за вид, — усмехнулся Ларкинс, лавируя между осколками бутылок.

— Всего лишь пустующий клочок земли.

Проигнорировав замечание, Тодд остановился, поджидая Ларкинса.

— Осторожно, мистер Ларкинс. Не упадите. Держитесь за меня.

— Я не пьян,— сердито ответил Ларкинс.— И на ногах пока еще стою твердо. А все из-за этой грязи.— Он посмотрел на свои забрызганные грязью туфли.— Знал бы, туристские ботинки надел.

— Да здесь уже недалеко,— подбодрил его Тодд.— Уже почти пришли.

Ларкинс поправил очки и уставился на деревянный сарай.

— Это и есть твой офис?

— Офис занимает только угол. Остальное — мастерская.

Стараясь выбирать места почище, они подошли к сараю.

— Здесь может разместиться двести машин,— сказал Тодд, пытаясь говорить убедительней. В душе он ругал погоду на чем свет стоит. Дождь, шедший всю ночь, превратил землю в болото. На прошлой неделе вид был получше. Тогда грело солнце и земля была твердой, как асфальт. Но и тогда все выглядело не блестяще. Блестяще оно и не могло быть. Клочок голой земли, с одной стороны — склад, с другой — фабрика. За ней тянулся ряд маленьких домишек, а за ними еще одна унылая улица. Но сама фабрика была большой, с длинным фасадом, выходящим на шоссе Килбурн.

— Этот сарай был продолжением соседнего склада,— объяснил Тодд, поворачивая ключ в замке.— Он больше, чем вы думаете. Подождите минутку, мистер Ларкинс, где-то здесь должен быть выключатель. Нам приходится заколачивать окна из-за хулиганов. Тодд нащупал панель выключателей и повернул их один за другим. Темнота постепенно рассеялась, но голые лампы под потолком мало оживляли мрачную картину. Ларкинс осторожно перешагнул через порог и выжидающе уставился на него.

— Он длиной в сто семьдесят футов,— гордо сказал Тодд.— Я измерял. Фундамент отличный,— он постучал ногой по полу.— Видели? Бетон! Десятитонный каток по нему пусти — выдержит.

— М-м-м,— промычал Ларкинс.

— Здесь стол и стулья. Присаживайтесь.

Тодд вынул из кармана газету. Одной страницей газеты он покрыл пыльный стол, а остальное смял в комок и вытер вращающуюся табуретку. Затем, изображая гостеприимного хозяина, Тодд расплылся в услужливой улыбке.

— Ну вот, мистер Ларкинс. Присаживайтесь. Не похоже на ваш офис?

— На твой у Оуэна тоже.

— В том-то и дело. Офис Оуэна — не мой офис. Поэтому мы и здесь.

Ларкинс подобрал полы пальто и сел.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь,— сказал он с тенью сомнения в голосе.— Ты много потерял. Давно ты у Сэма Оуэна?

— Двенадцать лет.

— Начинал ты подмастерьем...

— Это было давно, мистер Ларкинс.

— Он *говорит*, что ты лучший работник из всех, что у него когда-либо были. Неплохой комплимент, не находишь?

— Он хороший начальник.

— После того, как ты отработал у него механиком, он сделал тебя продавцом. Затем распорядителем выставок. А теперь он хочет, чтобы ты стал главным менеджером. Ты будешь входить в правление. Не так уж плохо в двадцать восемь лет...

— То-то и оно. Двадцать восемь. Пора бы уже и свое дело начинать. Сейчас или никогда.

Горячность Тодда заставила Ларкинса улыбнуться. В свои пятьдесят шесть лет он уже забыл, каким сам был в двадцать восемь. Впрочем, он никогда особенно и не стремился начать свое дело. В таком нестабильном мире... Банковские дела многому его научили.

— Хорошо,— сказал он и вздохнул.— Мы с Сэмом Оуэном уже двадцать лет друзья. Я обещал ему напомнить тебе, от чего ты отказываешься.

— Мы по-прежнему будем работать вместе. Сэм это знает.

— Так и будешь продавать его подержанные машины? Машины, которые клиенты отдают в обмен на новые. Я не понимаю, почему бы Сэму самому их не продавать?

Тодд рассмеялся.

— С его выставочными павильонами? Видели бы вы их. Все эти плюшевые диваны с антикварными столами. Нет, если бы он продавал новенькие сверкающие «ягуары», то тогда все было бы в порядке. Но не эти драндулеты.

— Здесь ты ничего не продашь,— мрачно произнес Ларкинс, глядя мимо Тодда в пространство.— А офис посolidнее обойдется тебе в копеечку.

— Вот в этом-то и дело. Более солидного офиса мне и не нужно. Площадку перед входом я, пожалуй, заасфальтирую. Но только и всего.

Ларкинс был поражен.

— Ты хочешь сказать, что так и останешься в этом сарае?

Тодд рассмеялся.

— Разрешите задать вам вопрос, мистер Ларкинс. Почему человек покупает подержанную машину?

Ларкинс вынул из кармана белоснежный платок и протер очки.

— Значит, на новую у него нет денег,— ответил за него Тодд.

— Это что, шутка? — Ларкинс заморгал, как сыч, и водворил очки на место.— По-моему, это и так известно...

Услышав в голосе Ларкинса нотку негодования, Тодд поспешил объяснить.

— Смотрите. Того, кто покупает подержанную машину, привлекает дешевая цена, но он хочет, чтобы она все-таки хорошо смотрелась и была на хорошем ходу, словом, была как можно лучше.

— Не слишком ли много они хотят? — иронично перебил Ларкинс.

— Они хотят, чтобы сделка была выгодной! Вот в чем все дело. Человек пришел купить машину. Значит, мне нужно убедить его в том, что я предлагаю ему выгодную сделку. Он должен быть в этом уверен, не так ли? — Тодд взволнованно ходил взад-вперед, возбужденно жестикулируя руками.— Не могу же я ему сказать, что она мне обойдется дешевле, потому что он знает, что я покупаю у частных лиц и на распродажах, как и все торговцы. Поэтому я говорю ему: посмотри вокруг. У нас даже потолка нет. Мы и не ремонтируем наш сарай. Но тебе-то что с того, что крыша у нас

протекает? Зато цены у нас божеские. Хочешь, иди в роскошный салон, но там дороже. Ну как, логично?

— Но не очень-то ново.

— А я в новаторы не лезу. Моя цель — стать миллионером.

Ларкинс сделал усилие, чтобы не рассмеяться. Сэм Оуэн предвидел весь этот разговор.

— У него все схвачено, — говорил Сэм. — Он только с виду тюфяк, а так парень с головой. Он своего не упустит. Клиенты его любят.

Ларкинс мог понять, за что клиенты любят Тодда. Он даже ему немножко завидовал. Сам Ларкинс был высоким, худощавым, и его вид заставлял людей вести себя настороженно.

Мысленно он провел параллель с героем Шекспира: *«У Кассио худой, голодный вид»*. Что касается Тодда, то он вовсе не выглядел худым и голодным.

Напротив, посмотрев на Тодда, никто бы не мог догадаться об его амбициях. Его брюшко и добродушная улыбка располагали людей. Но в глубине души Тодда кипели амбиции. А амбициозным людям Ларкинс всегда готов был отдать должное.

— Много же тебе придется продать машин, прежде чем ты станешь миллионером, — сказал он.

— Сами видите, мистер Ларкинс, время работает на нас. Шестидесятые годы как нельзя кстати выдвинули лозунг «потребительского общества». Посмотрите, что делается в Штатах. Теперь уже у каждого есть холодильник, стиральная машина и телевизор. Дело за автомобилем. Проблема в том, как набрать нужную сумму денег. Поэтому я беру малый задаток, и вы расписываете, как им платить дальше.

— Наш банк уже начал это делать.

— Не в таких масштабах.

Ларкинс промолчал.

— Представьте себя на месте нашего клиента, — продолжал Тодд. — Вы хотите купить машину. Вам попадается реклама нашей компании. Самый большой выбор подержанных машин в Лондоне. Любой марки, любой модели. Самые низкие цены в стране. Гарантия на любую машину три месяца. Выгодные условия оплаты. Если вы серьезно решили купить подержанную машину, куда еще вы пойдете?

Ларкинс никогда в жизни не покупал подержанных

машин. И к тем, кто покупал, он относился с подозрением.

— Нужно еще проверить платежеспособность твоих клиентов,— сказал он.

— Разумеется, и от некоторых придется отказаться, я знаю, но я хочу, чтобы те, кто останутся, платили.

— Сразу же?

— Да. Каждый раз, когда клиент забирает машину, мне нужно сразу же чем-то ее заменить.

— Сразу же? — повторил Ларкинс.

— Совершенно верно. К тому же у меня будут кое-какие расходы.

Ларкинс отпрянул в удивлении.

— Ты же сам только что сказал, что не станешь особо тратиться на этот сарай.

— Да, но должен же я объяснить им, как нас найти.

Рекламный бум разразился через месяц. Разворот «Дэйли Экспресс» зазывал: «В офисе компании «Тодд Моторз» нет плюша и бархата, но внутри машин вы их найдете!»

Картинка в «Дэйли Мейл» изображала прекрасный летний день и длинный ряд машин, сверкающих на солнце.

Слова «выгодная сделка» пестрели на каждой странице.

Самым ценным работником Тодда стал Герберт Спенсер. Именно Герберт, который был на пятнадцать лет старше Тодда, возился с подержанными машинами, после того как они поступали с заднего крыльца. Вся мастерская держалась на Герберте. А Тодд работал с клиентами. Он был то ярмарочным зазывалой, то механиком, то финансовым консультантом, в зависимости от того, что было нужно в данный момент — только бы покупали. Если покупателю нечем было заплатить задаток, Тодд шел ему навстречу: «Есть у вас что-нибудь ценное? Что у вас есть дома? Пианино? Хорошо, я беру его в качестве половины задатка. Остальное — наличными, и по рукам». Все эти пианино, мебель, старинные книги, картины и прочее барахло Тодд сбывал на субботних ярмарках в Петтикоат Лейн — порой дешевле, чем они ему обходились.

— Ну и что с того? — говорил он Ларкинсу. — Все равно я имею свои двадцать пять процентов, и, посмотрите, какой у меня оборот!

Через год он был все таким же маленьким и толстеньким, но уже был человеком, если не сделавшим, то упорно делающим себе имя.

— Слушай, я ухожу в отставку, — сказал Сэм Оуэн, разливая виски.

Тодд недоверчиво рассмеялся.

— Ну, и куда ты собираешься податься?

— Уж я-то знаю, куда мне податься.

— Твое здоровье... — Тодд поднял бокал. — Ну-ну, рассказывай.

— Я-то буду греть бока на солнышке. Я купил виллу на Майорке и яхту на двоих, — с довольным видом сказал Сэм. — А на мое место есть претендент.

Тодд присвистнул.

— Серьезно?

— Смотри сам, — Сэм вынул из стола какую-то бумагу. — С Хаслем собирается купить мою контору со всеми потрохами.

Тодд посмотрел на сумму, предлагаемую Хаслем, и снова присвистнул.

— Ты богач, Сэм, я рад за тебя.

Но, возвращая бумагу Сэму, Тодд выглядел скорее опечаленным, чем радостным. Сэм стал как бы неотъемлемой частью его жизни.

— Я буду по тебе скучать, — грустно признался он. — С Хаслем будет уже не то.

— Я не говорил, что я принял его предложение, — ответил Сэм, постукивая пальцами по столу.

Тодд удивленно взглянул на него.

— Билли Хаслем — дерьмо. Меня тошнит от одного упоминания о нем. Я потратил на все это тридцать лет трудов — и трудов немалых. Как подумаешь, что какой-то Хаслем... — поморщился Сэм и выпил свой бокал одним глотком, как бы для того, чтобы перебить неприятный вкус во рту.

— Понимаю, — задумчиво кивнул Тодд. Он попытался представить себе, что бы он почувствовал, если бы ему пришлось продать «Тодд Моторз». Какие деньги смогли бы окупить его семилетние труды? «Тодд Моторз» был для него всем, так же, как компания «Оуэн» для Сэма.

— Тридцать лет! Как можно все бросить после тридцати лет трудов? Не уходи,— промолвил Тодд.— Останься.

— Нет,— покачал головой Сэм.— Я обещал жене. Я уже принял решение.

— Понятно.

Сэм взглянул на него из-под очков.

— А ты? Так всю жизнь и будешь торговать подержанными машинами?

— А что, дела у меня идут неплохо...

— Дела у тебя идут замечательно, но пора бы тебе и новое дело открыть. Давно пора. Ты же знаешь. Не говори мне, что ты об этом не думал.

— Я думал об этом,— признался Тодд.

Он еще кое о чем думал. За семь лет управления «Тодд Моторз» он наслушался всяких шуток, которые ходили о продавцах подержанных машин, и они ему порядком надоели. Особенным виртуозом он не был, но был не честнее и не бесчестнее других продавцов. Он был даже почестнее некоторых своих клиентов. Те хотели получить свое за просто так. За семь лет работы на самого себя он хорошо изучил человеческую натуру. С годами Тодд стал меньше доверять людям, стал осторожнее, но амбиций своих не растерял. Усилия, которые он вкладывал в свое дело, никогда не ослабевали, деньги он зарабатывал неплохие, но мечтал о том дне, когда у него будет свой офис, роскошный выставочный павильон, как у Сэма. Тогда наконец-то он станет человеком! Конечно же, он мечтал о том, чтобы продавать новые машины, особенно самой престижной марки. Но здесь возникла одна старая как мир проблема. Производители всегда предъявляют большие требования к своим главным распространителям касательно уровня обслуживания, курса акций, площади выставочного павильона, расходов и администрации. Все это выливалось в кругленькую сумму. А альтернатива — стать бизнесменом средней руки, с трудом покупать машины у распространителей — не очень-то привлекала.

— А почему бы тебе всем этим не завладеть? — поинтересовался Сэм, обводя вокруг руками.

У Тодда мурашки забегали по коже.

— Купить? Откуда у меня такие деньги?

— Все эти семь лет дела у тебя шли неплохо...

— Ну, не так уж и плохо, скорее наоборот...

Сэм посмотрел на него.

— Ларкинс тебе одолжит...

Тодду сразу все стало ясно. Вот зачем Сэм позвал его пропустить по рюмочке. Они с Ларкинсом уже заранее это обсудили.

Через неделю, когда все бумаги были подписаны, Тодд пригласил их в ресторан. Он все еще никак не мог привыкнуть к мысли, что стал новым владельцем компании «Оуэн»! Чувство гордости и волнения переполняли Тодда. Весь штат «Тодд Моторз» состоял всего из шести человек, не считая его и Герберта, а в списке «Оуэна» было сорок. Мысли о займе из банка приводили его в трепет. Он представлял себе, какую сумму долга теперь должен выплачивать. Но то обстоятельство, что он стал хозяином солидной фирмы, льстило его самолюбию. Наконец-то он станет человеком!

— За долгую и счастливую жизнь, свободную от дел! — произнес он тост в конце ужина, поздравляя Сэма с отставкой.

Сэм поблагодарил его и посмотрел, как Тодд зажигает сигарету.

— А это тебе придется бросить! — сказал он, подмигнув Ларкинсу. — Ты сейчас будешь торговать роскошными автомобилями, и имидж у тебя должен быть соответствующий.

— Вот именно, — поддакнул Ларкинс. — Я хочу, чтобы все видели, что ты человек преуспевающий, так что теперь ты будешь курить только сигары!

«Придурки», — подумал Тодд.

— И не забывай, — продолжал Сэм, — как только выдастся свободное время, отдыхать ты поедешь на Майорку!

Свободное время! Свободного времени как раз и не было. Особенно когда ты заправляешь сразу двумя компаниями. Поначалу дела у него шли плохо. Казалось, все сотрудники сговорились уйти от него. Через неделю после того, как он переехал в комнату Сэма над выставочным павильоном, роскошную по сравнению с его прежней камеркой в Килбурне, бухгалтер Сэма подала заявление.

— Извините, мистер Тодд, — сказала она, — без мистера Сэма уже не то, — я еду к своей сестре в Торквей.

Затем подал в отставку менеджер выставочного павильона, которого сманил конкурент из Вест-Энда.

Двое механиков организовали свой собственный бизнес, лишив этим Тодда около дюжины клиентов.

Через неделю «Ягуар» захотел внести изменения в договор о торговле автомобилями.

И Тодд пришел в отчаяние.

— Садитесь, мисс Синклер,— сказал он, указывая на стул перед своим столом.

— Спасибо,— сказала она, но продолжала стоять.

Вдруг Тодд заметил, что стул весь завален бумагами. Он торопливо выбежал из-за стола, взял в руки бумаги и с минуту стоял в нерешительности, ища место, куда бы их положить. По всему кабинету возвышались горы бумаг! В конце концов, он нашел место на противоположной стороне кабинета, на баре.

Она улыбнулась.

— Да вы просто завалены бумагами! В агентстве сказали, что вам срочно нужен человек.

— Лучше бы вы пришли вчера,— вздохнул он и прошел на свое место. Он посмотрел на нее. Она ему понравилась. Красавицей, может быть, не назовешь, но достаточно хорошенькая. Темно-каштановые волосы, янтарные глаза, на дюйм или два выше его, но, увы, любая девушка в мире была выше его. Он протянул ей золотой портсигар:

— Не хотите ли закурить?

Она покачала головой.

— Спасибо, не сейчас.

— А я закурю, с вашего позволения,— сказал он вежливо. Он достал сигару и понюхал ее.

— Мне приказано курить сигары!

Ее брови поднялись.

— Это ваш врач вам велел?

— Нет, мой банковский управляющий. Он сказал, что с ними я выгляжу процветающим.

Она рассмеялась.

Ему понравился ее смех — теплый, без самоуверенности, доверительный, но не панибратский.

Он снова просмотрел письма, присланные из агентства.

— Ну что ж, хорошо, — сказал он. — Значит, компания, в которой вы сейчас работаете, переезжает в Шотландию?

Она кивнула.

— Большинство сотрудников уже переехало. Лондонский офис закрывается в пятницу. Они попросили меня и еще двоих остаться до последнего дня. Мы трое — как бы основной костяк.

На «костяк» она была не похожа. Толстой она не была, даже полненькой не назовешь, но и не слишком худенькой. Высокой она тоже не была. Однажды он попытался поцеловать довольно высокую девушку и ударился лбом о ее подбородок. От этого он испытал чувство унижения, которое надолго ему запомнилось. Целовать мисс Синклер он, может быть, и не собирался, но с высокими женщинами он чувствовал себя неуютно. Некоторым усилием воли он заставил себя перестать любоваться ею и снова посмотрел на рекомендательные письма.

— Тут пишут, что ваша компания сделала вам хорошее предложение — предложила поехать с ними в Шотландию. Вам, что же, не нравится Шотландия?

— Я не имею ничего против Шотландии, но я ее не знаю. К тому же у меня дом в Харроу, где я живу с двумя своими подружками, и они... Может быть, они в этом и не признаются, но мне кажется, я им нужна.

— Вы хотите сказать, что они зависят от вас материально?

Она снова рассмеялась.

— Нет, Софи работает в Доме моделей и хорошо зарабатывает, у нее большие планы, иногда слишком большие. В этом вся ее беда: она слишком часто парит в облаках, мне приходится возвращать ее на грешную землю. А Глория вечно в кого-нибудь влюбляется — приходится следить за ней, чтобы не теряла головы. — Она слегка покраснела. — Я единственный практичный человек, может быть, поэтому я и стала бухгалтером.

— Я практичен, когда дело касается машин и всего такого, но вся эта бумажная рутина... — Он поморщился, — я хочу сказать, посмотрите, что творится.

— Здесь просто нужно все рассортировать. Не волнуйтесь, мистер Тодд, я всегда все раскладываю по полочкам.

Он усмехнулся и указал на горы бумаг на полу:

— Вы хотите сказать, что вы и это сможете разложить по полочкам?

— И в этом заключаются все мои обязанности как бухгалтера?

Он покачал головой.

— Нет, не все. Я объяснил это агентству. Мне нужно нечто большее, чем бухгалтер или секретарь, мне нужен человек с головой, чтобы заправлял всеми делами в мое отсутствие. Видите ли, у меня еще офис в Килбурне. «Тодд Моторз». Слыхали?

Она улыбнулась.

— Я там покупала свою машину.

— В самом деле?

Она кивнула.

— Ну и как она ездит?

— Отлично! Я ею очень довольна.

— В следующий раз я научу вас, как вести контроль за сотрудниками.

Она не сразу поняла, что он имеет в виду.

Затем ее глаза округлились:

— Вы хотите сказать, что мне уже можно приступить?

— Чем раньше, тем лучше,— сказал он, сам не ожидая от себя такого быстрого решения.

Он опять стал просматривать бумаги из агентства. Брови его поднялись, когда он увидел, что на прежней работе она получала на три сотни в год больше, чем Сэм платил своему бухгалтеру. Поколебавшись, он подумал о том, что мог бы найти кого-нибудь подешевле, но ему срочно был нужен бухгалтер, а что-то в спокойной манере этой девушки внушало ему доверие.

— Да, насчет зарплаты,— сказал он. Я вам буду платить столько же, сколько вы получали на своей прошлой работе, но больше я себе позволить не могу. Здесь много нужно рассортировать...

— Все в порядке! Мне нравится то, что вы сказали о моих дополнительных обязанностях, мистер Тодд. Бухгалтерский учет — это хорошо, но хочется попробовать себя в чем-нибудь более серьезном. Я люблю работать.

— Не волнуйтесь,— улыбнулся он,— работы для вас здесь хоть отбавляй!

Он посмотрел в письмо, чтобы найти там ее имя.

— И, Катрина, не называйте меня «Мистер Тодд», от этого я чувствую себя стариком. Все вокруг зовут меня Тодди.

Через шесть недель все в компании «Оуэи» было под контролем. Она помогала ему заправлять сразу двумя компаниями. В «Тодд Моторз» он никогда не нанимал бухгалтера. Входящие и исходящие документы просто складывались в старую коробку из-под печенья, и Мэнни Шайнер, его счетовод, каждый месяц присылал за ними клерка.

— Я могу всем этим заняться,— сказала однажды Катрина.— Если вы будете приносить сюда эту коробку, я смогу составлять счета и для «Тодд Моторз», так что, если хотите, каждую неделю у вас будет отчет.

Ему понравилось это предложение, и он уже был готов принять его, когда она сказала:

— Вам не нужно будет платить счетоводу, и это с лихвой окупит те дополнительные три сотни, которые вы будете платить мне.— Она слегка покраснела.— Я просмотрела цифры за прошлый год и подумала, что вам пригодилась бы система сравнения расходов за тот и этот года. Вы смогли бы использовать ее для контроля за бюджетом.

Контроль за бюджетом был только первым из множества сюрпризов, которые она преподнесла ему. На стенах его офиса стала появляться вся нужная ему документация: графики продажи, отчеты об услугах, таблицы расходов и доходов, так что любой факт или цифра, которые ему были нужны, всегда оказывались под рукой. Когда он был в офисе, большую часть времени он проводил в выставочных павильонах, или в мастерских с механиками, или в Килбурне в «Тодд Моторз». Он по-прежнему использовал каждый час, особенно занят был по субботам, продавая новые «ягуары» в выставочном павильоне и подержанные машины в «Тодд Моторз». Хотя он увеличил штат продавцов, он все еще не решался назначить кого-нибудь на две самые главные должности: заместителя себе в Килбурне и нового менеджера выставочного павильона в «Оуэне». Он понимал, что с Катриной ему повезло. Надежные работники были редки. До Катрины старина Герберт был единственным человеком, которому он

доверял. Как-то он предложил Герберту должность главного мастера в «Оуэн», но Герберт отказался, покачав головой:

— Это не для меня, босс. Нет, разумеется, я благодарен тебе за это предложение, но, честно говоря, я более полезен тебе здесь. Видишь ли, здесь машины моего поколения, я в них разбираюсь, а эти «ягуары» с их техническими новинками... — Он оттопырил губу. — Черт возьми, тогда мне придется пойти на курсы при фабрике, а ты найди себе какого-нибудь толкового юнца и дай ему шанс.

Прошел год. За это время у Тодда произошло много изменений и многое изменилось вокруг него, особенно на рынке подержанных машин. Теперь уже было меньше покупателей, которые обращались к нему в первый раз, чем тогда, когда он начинал. Те дни, когда он брал пианино и мебель в качестве части оплаты, почти прошли. Иногда это все-таки случалось. По воскресеньям он все еще стоял за прилавком в «Петтикоат Лейн», чтобы обратить эту рухлядь в наличные. Но сейчас в «Тодд Моторз» приходили в основном старые клиенты, которые привозили машины, купленные годом раньше, чтобы обменять их на что-нибудь получше. Некоторые из них приходили даже в «Оуэн».

— Это добавляет вам престижа! — весело сказала Катрина.

Она стала частью его жизни в таком качестве, какого он не ожидал. Когда он приходил утром в офис, она уже была там и распечатывала почту. Они вместе выпивали по чашечке кофе и составляли планы на день. Затем он погружался в работу и не видел ее до вечера. Она всегда ждала его, прежде чем уйти домой, и последний час становился чем-то особенным. Они сидели и обсуждали происшествия дня. Часто он специально заговаривал ее, чтобы она подольше не уходила, но, в конце концов, кто-нибудь за ней приезжал. Постоянного парня у нее, как он понял, не было. Они постоянно менялись. Все были моложе и привлекательнее его и, разумеется, выше ростом.

Он пытался погрузиться в работу. Чем больше он работал, тем меньше ему приходилось платить другим, поэтому по вечерам он возился с машинами и по долгу торчал в мастерской, пытаясь отвлечься и не думать о Катрине.

Но чем больше он пытался отвлечься, тем меньше это ему удавалось.

Он проводил время в мастерской, возился с машинами, старался чем-нибудь занять себя, чтобы не думать о Катрине. Но не думать о ней становилось все труднее и труднее.

Однажды, вернувшись из Килбурна, он обнаружил в своем офисе незнакомую девушку. Когда он, задыхаясь от быстрого подъема вверх по лестнице, вошел в дверь, то увидел ее сидящей за столом Катрины.

— Ой! — вскрикнула она, испуганная его внезапным вторжением.

Он остановился. У него перехватило дыхание. Тонкая как тростинка, зеленоглазая блондинка. Он удивленно смотрел на нее. Больше всего его поразило то, как она одета. Она была в зеленом шелковом платье без бретелек, которое шуршало при каждом ее движении.

«Черт возьми, — думал он, не в силах оторвать взгляд от ее груди, — шикарно, ничего не скажешь...»

Она пришла в себя первой.

— Вы, должно быть, мистер Тодд. Я... А Катрина переодевается. Мы идем на вечеринку. — Ослепительно улыбаясь, она протянула ему руку. — Меня зовут Софи Бартльман. Я подруга Катрины. Я о вас наслышана...»

В тот момент, когда он пожимал ей руку, дверь отворилась и вошла Катрина. С первого взгляда на нее Тодд понял, что Софи он слишком переоценил.

«Черт возьми, — подумал, он, остолебнев, — если девушка носит платье без бретелек, значит, грудь у нее что надо...» По сравнению с Катриной Софи выглядела мальчишкой. Он почувствовал, как кровь приливает к вискам. Тодд с трудом оторвал глаза от ее декольте и перевел взгляд выше. Волосы она уложила не так, как обычно, зачесав их наверх. С такой прической он ее еще не видел. Катрина выглядела эффектно, как кинозвезда. Она перехватила его взгляд, и легкий румянец залил ее щеки.

— Извините. Если бы я не переоделась здесь, мы бы опоздали.

— Ничего, ничего, все в порядке. Ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо, — улыбнулась она и взяла со стола лежавшие там записки.

— Вам звонил Картер, — сказала Катрина, пе-

релистывая их.— И еще этот, как его, мистер Вильямс. И еще...

Он ничего не мог воспринимать. Единственное, что он чувствовал,— это близость ее тела и аромат ее духов.

С улицы донесся звук автомобильного сигнала. Софи подошла к окну и выглянула во двор.

— Они уже здесь,— сказала она.— Я спущусь, скажу им, чтобы подождали?

— Все в порядке,— Катрина отдала Тодду последнюю записку.— Я уже готова.

Софи улыбнулась и прошла к двери.

— Рада была познакомиться, мистер Тодд.

— Мм... и я тоже,— рассеянно пробормотал он, в то время как Катрина подбирала лежавший на столе боа. Тодд взял его из ее рук и накинул ей на плечи. Когда он прикоснулся к ее плечу, дрожь пробежала у него по телу. Откашлявшись, он пробормотал:

— Желаю весело провести вечер.

— Спасибо,— мягко произнесла она, посмотрев ему в глаза.

Машина, приехавшая за ними, была большой «камбер». Он наблюдал в окно, как двое молодых людей в вечерних пиджаках выбежали из машины навстречу девушкам, когда те выходили во двор. Сердце екнуло у него в груди, когда он увидел, что Катрина целует своего кавалера. Молодой человек поспешил учтиво раскрыть перед ней заднюю дверь. Прежде чем сесть в машину, Катрина взглянула вверх. Он отошел от окна, чтобы она не подумала, что он за ней шпионит. Через минуту она была в машине и вся компания отъезжала со двора.

Он позавидовал молодому человеку.

— Четр возьми! — проворчал Тодд, возвращаясь в мастерскую.— А у меня даже вечернего пиджака нет.

Этой ночью он вдруг ясно ощутил всю пустоту своей жизни. С тех пор, как он начал сам зарабатывать себе на хлеб, он почти не прекращал работать. И вот теперь, в тридцать шесть, он, казалось бы, наконец-то уже стал человеком. Его мальчишеская мечта все еще вела его по жизни — и все-таки...

«Черт возьми,— проворчал он про себя,— и думать о ней забудь. Сам видишь, какую жизнь она ведет — театры, концерты, вечеринки. К тому же ты

намного старше ее. Она, нахмурившись, воспринимает тебя как старика. Попробуй положить ей руку на плечо, как она, должно быть, расемсется тебе в лицо. Единственное, чего ты добьешься, — это потеряешь хорошего бухгалтера.

Но через неделю его сомнения разрешились. Она сама пригласила его. Подумать только, Катрина сама пригласила его — и не куда-нибудь, а на оперу. Однажды днем, когда он вернулся из Килбурна, он застал ее держащей руку на телефоне. Она в смущении посмотрела на него.

— Мы идем сегодня вечером в «Ковент Гарден». Дают «Дон-Жуана» с Тито Гобби. Мы хотели пойти вшестером. Я собиралась пойти с Дейвом Томасом, но он только что звонил из Бирмингема. Сказал, что застрял там на какой-то конференции.

Тодд не имел ни малейшего понятия о том, кто такой Дейв Томас. Но он был рад, услышав, что этот Дейв застрял на конференции. Катрина взглянула на него.

— Билеты у меня. Глорию и Софи вы знаете, они тоже идут. Не хотите пойти со мной?

В оперу? В оперу Тодд никогда не ходил. К таким вещам он всегда был равнодушен. Музыка, даже поп-музыка, никогда не входила в круг его интересов. Правда, о Тито Гобби он, кажется, что-то слышал. Он сильно сомневался, понравится ли ему опера, даже был почти уверен, что не понравится. Но если приглашает Катрина...

С этого все и началось.

Когда они сели ужинать, она сказала:

— Слушай, я собираюсь купить тебе несколько новых костюмов. Это будет мой тебе подарок. Что скажешь?

— Скажу спасибо, но мне они не нужны. Когда мы поженились, я купил себе кучу вещей.

Она промолчала. В ее молчании было что-то такое, что заставило его оторвать взгляд от тарелки.

— В чем дело? Тебе не нравятся мои костюмы?

Она снова промолчала. Он нахмурился. У него было два новых костюма — клетчатый, черно-белый и еще один клетчатый, коричневый.

— Ты считаешь, они слишком кричащие?
— Да, надо бы что-нибудь более приглушенное,— пробормотала она.

— Я продаю машины. Люди и представляют меня именно таким.

Она снова промолчала. Он взглянул на нее:

— Ты так не считаешь?

— Ты удачливый бизнесмен. Почему бы не выглядеть соответственно?

— Я и выгляжу соответственно,— усмехнулся он.— Я же курю сигары.

— Сигары сигарами, но костюмы твои мне не нравятся. Ты в них какой-то маленький и толстенный.

— Я и есть маленький и толстенный, и ничего тут не поделаешь.

— Может быть, но не для меня,— сказала она, взяв его руку.— Я хочу, чтобы другие видели тебя таким же, как я.

Она умела так посмотреть на него, что он начинал таять. К тому же, она умела говорить ему такие вещи, что он начинал чувствовать себя большим и значительным, как генерал, командующий целой армией. Даже сейчас, через год после того, как она переехала в его квартиру, через пять месяцев после того, как они поженились, он все еще никак не мог в это поверить. За всю свою жизнь никто никогда его так не поддерживал, как Катрина, несмотря на то, что время от времени она придиралась к нему по пустякам. Как сейчас. Чем ей не понравились его костюмы? Костюмы как костюмы. Раньше она их не критиковала. Но он был готов к тому, что в некоторых случаях ему придется ей уступить, и через два дня они отправились в ателье «Салви Роу».

— Я не вижу цен,— прошептал он ей.— Если спросят, скажи, что мы просто смотрим.

Но Катрина уже твердо приняла решение.

— Плачу я,— сказала она.— Это мой тебе подарок, запомни.

Пока с него снимали мерку, она перебирала рулоны тканей, лежавшие на большом столе. Шерсть, фланель, мохер... Она растягивала их, чтобы проверить, сильно ли будут они мяться. Она отходила с ними к двери, чтобы увидеть, как они будут выглядеть при дневном свете. Она прикладывала их к нему, чтобы посмотреть,

идут ли они ему.
двух тканях — серо-
темно-синей в бо-
— По три кост-
портному. Тогда б-
молчать. Портно-
дил их к двери.
— Костюмы б-
примерки,— сказа-
ли их на дом?
— Да, черт во-
ный суммой счета
Когда они в-
тестовать:
— Шесть кост-
было шести костю-
— Будешь мен-
проносятся.
— Да я машин-
— Перестань.
бой,— произнесла
шли, есть еще кое-
Через пять ми-
терской. Он остан-
вывеску.
— Еще что! К
черта мне сдались
Ротшильд?
Катрина повер-
шись, она собрал-
— Дорогой, м-
— Ты же знае-
дюймов.
— И это тебя
— Нисколько
— Здесь...—
есть человек, кото-
ко дюймов выше
что это тебя бес-
придумай что-ни-
когда иду с тобой
— В самом д-
— Иногда.
— Ради Бога,

идут ли они ему. В конце концов она остановилась на двух тканях — серой в тонкую полоску и шерстяной темно-синей в более широкую белую полосу.

— По три костюма из каждой ткани, — сказала она портному. Тодд был вынужден прикусить язык и промолчать. Портной получил чек от Катрины и проводил их к двери.

— Костюмы будут готовы через десять дней после примерки, — сказал он. — Желаете, чтобы вам доставили их на дом?

— Да, черт возьми! — взорвался Тодд, пораженный суммой счета. — Под вооруженным конвоем!

Когда они вышли на улицу, он пытался протестовать:

— Шесть костюмов! У меня никогда в жизни не было шести костюмов сразу!

— Будешь менять их каждый день. Так они дольше проносятся.

— Да я машины в Килбурне продаю дешевле!

— Перестань. Не мешай мне наслаждаться собой, — произнесла она с ободряющей улыбкой. — Пошли, есть еще кое-что.

Через пять минут он стоял перед сапожной мастерской. Он остановился как вкопанный и уставился на вывеску.

— Еще что! Ну уж на этот раз ты шутишь. На черта мне сдались ботинки на заказ? Что я, по-твоему, Ротшильд?

Катрина повернулась к нему. Минуту колебавшись, она собралась с духом и произнесла:

— Дорогой, мы ведь с тобой одного роста?

— Ты же знаешь, что нет. Ты выше на несколько дюймов.

— И это тебя беспокоит?

— Нисколько, — солгал он.

— Здесь... — она указала на дверь мастерской, — есть человек, который может сделать тебя на несколько дюймов выше меня. Мне-то все равно, но я вижу, что это тебя беспокоит. Либо забудь об этом, либо придумай что-нибудь, а то я чувствую себя виноватой, когда иду с тобой рядом по улице.

— В самом деле? — испуганно произнес он.

— Иногда.

— Ради Бога, извини.

Он посмотрел на нее глазами, полными раскаяния. Затем он медленно повернулся к мастерской.

— Ты думаешь, будет незаметно? Я хочу сказать, они не будут похожи на ортопедические ботинки или что-нибудь в этом роде?

— Не думаю. Зайди сам и посмотри.

Он не поверил своим глазам. Туфли на вид были самыми обыкновенными. Он представлял себе какие-нибудь колодки на толстой подошве и с высокими каблуками, но эти туфли были красивые, удобные, модные — и подошва, и каблук ничуть не выше, чем на туфлях, которые он обычно носил. И тем не менее он стал выше. Он прошелся по толстому ковру. Он подошел к наклонному зеркалу и посмотрел на свои ноги.

— Восхитительно! — произнес он и усмехнулся. — Извините, мы на минутку, — сказал он сапожнику.

Тодд притянул Катрину к себе. В первый раз ее глаза оказались ниже уровня его глаз. Он заключил ее в объятия и поцеловал, и так и стоял, пока она не отстранилась, переводя дыхание.

Он улыбнулся.

— Перехватило дыхание? Это еще что. Ничего, привыкнешь.

Широко улыбаясь, сапожник выписал чек на три пары туфель.

Обедать он повел ее в ресторан «Вилер». С утра Тодд планировал заехать в «Тодд Моторз», но они были заняты все утро покупками, а открытие удивительных туфель подняло ему настроение.

— Все равно, — он сделал вид, что сердится, — ты не должна была платить за все.

— Перестань, Тодди. Мы же договаривались, что сегодня за все плачу я.

Он уже знал, что к деньгам она относилась бережливо, но дело было не в финансовой стороне вопроса.

— Костюмы можно было купить подешевле, — начал было он, но Катрина оборвала его.

— Это была бы ложная экономия. В них ты будешь выглядеть восхитительно, и они принесут тебе еще больший успех. Можешь считать меня эгоисткой, если хочешь. Я вкладываю деньги в свою будущую удачу.

Он задумался.

— Мне это нравится, — сказал он. — Вкладывать деньги в будущую удачу. Нельзя не признать, что это хороший способ тратить деньги.

— Как нельзя лучше, — улыбнулась Катрина.

Он взял ее под локоть, и они вышли из ресторана.

— Куда мы идем? — удивилась она, увидев в его глазах неожиданный блеск.

— Ты сделала вклад в свою удачу, — сказал он. — Теперь я сделаю вклад в свою.

В магазине дамского белья он оказался единственным мужчиной, но это только придавало ему гордости. Теперь они поменялись ролями. Теперь Катрина сидела в кресле, а он рассматривал товар. Он выбрал прозрачный черный пеньюар, белую кружевную блузку, три бюстгальтера и целую охапку тончайшего шелкового белья с кружевной отделкой.

Катрина все еще краснела, когда они садились в машину. Тодд забросил покупки на заднее сиденье и пригнулся рядом с ней.

— Теперь поедешь в Килбурн? — спросила она, вспоминая его утренние планы.

— Нет, — сказал он, покачав головой. — Поедем домой, будем мерить наши новые вещички.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Твоих у тебя еще нет.

— В самом деле нет, — усмехнулся он. — Стыд-то какой.

Разговор об этом зашел в воскресенье, когда они готовили завтрак. Он вошел в кухню. На нем был лимонно-желтый свитер и коричневый клетчатый костюм — костюм, который теперь он, как было решено, будет надевать только по воскресеньям, когда отправляется на рынок. Тодд посмотрел в окно.

— Неплохой, кажется, денек. На рынке должно быть много народу.

— Тебе одно яйцо или два?

— Два, пожалуйста.

— Много всего на этот раз в твоём фургоне?

Он пожал плечами.

— Как обычно, если верить Герберту.

Герберт был его помощником в Петтикоат Лейн.

Каждую субботу, ближе к вечеру, два парня

загружали фургон, а в воскресенье утром Герберт отвозил его на рынок.

Катрина подала на стол яичницу со свиной.

— Послушай,— сказала она.— Почему бы Герберту не взять с собой одного из парней? А ты устроил бы себе выходной.

— Не волнуйся. К двум часам я уже освобожусь.

— Дело не в этом.

Он подавил в себе усмешку и принялся за завтрак. Тодд уже догадался, о чем пойдет разговор. Она уже несколько недель подбиралась к этому. С ее точки зрения, негоже было владельцу, представителю и главному управляющему «Тодд Моторз» держать лавку на ярмарке Петтикоат Лейн.

— Ты не должен создавать себе такой имидж,— сказала она однажды.— Нельзя, чтобы сегодня ты торговал роскошными машинами, а завтра тебя видели торгующим барахлом на рынке.

— На рынке другие люди,— возразил он.— Мои клиенты на рынок не ходят. Кроме того, это помогает мне быстрее расплатиться с банком.

Расплатиться с банком было задачей номер один. Поначалу заем, необходимый для приобретения компании «Оуэн», казался колоссальным, но мало-помалу он расплачивался. Намереваясь погасить задолженность в ближайшие три года, Тодд ни за что не хотел расставаться с рынком.

— Все равно,— настаивала она.— Не можешь же ты все время работать без выходных. Заведи себе какое-нибудь хобби.

Он покосился на ее декольте.

— У меня есть хобби.

Катрина улыбнулась и запахнула халат.

— Это само собой, от этого тебе нет нужды отказываться.

— Спасибо хоть на этом.

— Займись каким-нибудь спортом.

Он откинулся на спинку стула и похлопал себя по брюшку.

— Похож я на атлета?

— А как насчет гольфа? — предложила она.

— Гольф? Не смей меня!

— Почему бы и нет? Я думаю, игра в гольф только поможет тебе в бизнесе.

Через шесть
нице из выстав
была корзина с
сумка. Она с од
ую голову Сэл
шинкой. Сэлли
окупала свою за
Джимми Дэвис,
семь продавцов,
ему посетителей,
цветало.

Сэлли поднял
ную сумками Кат

— Успела, зна

— Перед сам

на часы.— Уже по

Сэлли встала

— Уже законч

проверить счета.

Вдруг сверху

воплъ:

— Мать твою!

Сэлли аж подо

в потолок.

— Что за х...н

Катрина с ужа

Сэлли смущени

— Он только

— С ним кто-н

— Никого.

Покачав голов

этаж.

— До завтра,

Наверху продо

— Что за черт

Он стоял поср

лицом. Вдоль ст

сколько чашек, пе

мячами для голь

вошла, он замахив

— Идиотская

— Тебя слыши

ли до смерти.

— Пусть слыш

Через шесть месяцев Катрина поднималась по лестнице из выставочного зала в офис. В одной руке у нее была корзина с колбасой, в другой — битком набитая сумка. Она с одобрением посмотрела на темноволосую голову Сэлли, склонившуюся над пишущей машинкой. Сэлли работала у них уже месяц и с лихвой окупала свою зарплату. Все окупали свою зарплату. Джимми Дэвис, новый менеджер выставочного зала, семь продавцов, Марсия, их новый секретарь по приему посетителей, — все лезли из кожи вон. Дело процветало.

Сэлли подняла голову и посмотрела на нагруженную сумками Катрину.

— Успела, значит?

— Перед самым закрытием. — Катрина взглянула на часы. — Уже почти шесть. Заканчиваешь?

Сэлли встала и потянулась за чехлом от машинки.

— Уже закончила. Я только хотела перед уходом проверить счета.

Вдруг сверху послышался душераздирающий вопль:

— Мать твою!

Сэлли аж подскочила. Она вспыхнула и поглядела в потолок.

— Что за х...ня! — прорычал голос.

Катрина с ужасом посмотрела наверх.

Сэлли смущенно произнесла:

— Он только что прошел туда.

— С ним кто-нибудь есть?

— Никого.

Покачав головой, Катрина поспешила на второй этаж.

— До завтра, Сэлли, — бросила она через плечо.

Наверху продолжали материться:

— Что за черт! — прорычал Тодд.

Он стоял посреди комнаты, с красным от злобы лицом. Вдоль стен кабинета было расставлено несколько чашек, перевернутых набок, а пол был усеян мячами для гольфа. В тот момент, когда Катрина вошла, он замахивался клюшкой.

— Идиотская игра! Она меня бесит.

— Тебя слышно по всему зданию. Ты напугал Сэлли до смерти.

— Пусть слышит, черт возьми!

— Ругаться вовсе не обязательно.

— Все ругаются.

— Но не такими словами.

Его глаза засветились, когда он посмотрел на нее

— Какими словами?

— Сам знаешь какими.

— Ха! — усмехнулся он. — Я разозлился, только и всего. Все матерятся, когда сердятся.

— Не думаю. Я, например, не матерюсь.

— Значит, ты материшься про себя.

— Никогда.

Он облокотился на клюшку.

— Как же ты тогда ругаешься? — спросил он с вызовом.

Она покраснела.

— Не знаю. Проклятье. Черт побери. И все такое. К чертовой матери.

— К чертовой матери! — Он расхохотался. — Ну и кретином же я буду выглядеть, если буду орать на все здание: «К чертовой матери!»

— Все лучше, чем мат, — настаивала Катрина, еле сдерживая улыбку.

Тодд отложил клюшку и подошел к ней. Он нежно убрал прядь волос со лба Катрины и поцеловал в кончик носа.

— Хорошо. Я принимаю замечание.

— Никто не вынуждает тебя ругаться. Это просто привычка. Ты можешь перестать, если захочешь. С такой силой воли ты всего можешь добиться.

Он улыбнулся и потрепал ее по щеке.

— Ты действительно так думаешь?

— Да.

— Хорошо.

— Бросишь ругаться?

— Постараюсь. — Он снова поцеловал кончик ее носа. — Слушай, — сказал он. — Я, пожалуй, уберу в комнате, пока ты готовишь ужин. Что у нас сегодня?

— Курица по-киевски, если не возражаешь.

— Курица по-киевски — это звучит вкусно.

Она повернулась и прошла на кухню.

Тодд нагнулся и начал подбирать мячи. Но его взгляд поневоле задержался на клюшке. Поколебавшись с минуту, он взял клюшку, как учил его тренер

в гольф-клубе, — левая рука поверх правой, большие пальцы вниз по направлению клюшки. Согнув колени, он принял удобную стойку. Тодд посмотрел на чашку у противоположной стены и мысленно начертил прямую линию на ковре, по которой должен был полететь шар. Он занял твердую позицию.

— Теперь будет не так уж и сложно, — пробормотал он, задержал дыхание и твердо ударил по мячу. Сердце его забилося.

«Ну, теперь уж точно в десяточку», — подумал Тодд, но триумф не состоялся. Мяч ударился о край чашки и откатился обратно к его ногам.

— Мать твою! — проворчал он про себя.

— Ты слышала, что говорят? У каждой пятой пары трудности с деторождением, — осторожно произнес он. — Мы и есть пятая пара, только и всего. Будем пытаться.

Он приподнял ее подбородок и поглядел ей в глаза.

— Я выдержу, а ты?

Катрина улыбнулась ему, но в глазах ее была печаль.

Он задумался, испытывает ли она то же ощущение, что и он, ведь теперь их сексуальная жизнь перестала приносить им наслаждение.

— *Черт возьми!* — подумал он. — *Какое уж тут наслаждение, если она так это переживает. У меня, как подумаю об этом, все мускулы напрягаются, кроме одного.*

Он сжал ее руку.

— В конце концов мы всегда можем усыновить ребенка.

— Может быть, — пожала она плечами в сомнении. — Посмотрим, как пойдет дело.

Он знал, как пойдет дело. Ничего хорошего. Он это понял в первый момент, когда она сказала:

— Дорогой, через месяц мне уже тридцать лет. Не пора ли всерьез подумать о потомстве? — Он это понял уже после первой ее встречи с гинекологом. После советов врача о том, какие дни месяца наиболее благоприятны. Уже тогда... Теперь, если даже ему удавалось достичь эрекции, то не всегда удавалось ее поддержать. С этого все и началось. Казалось, что она

подсчитывает каждый его толчок, рассчитывает его по времени, как будто готовит отчет своему врачу.

— Раньше было не так,— жаловался он.— Ты должна испытывать наслаждение.

— Я и испытываю. Если я не извиваюсь и не кричу, то это еще не значит, что я не испытываю наслаждения. Я была с тобой, хотела тебя. Не так ли?

— Вроде бы так.

— Чего же тогда тебе еще? Спроси сам у доктора Кларка, если мне не веришь. Если я с тобой нежна, то это значит, что мне нравится быть с тобой. Вовсе не обязательно каждый раз испытывать оргазм. Ты это отлично знаешь.

— Я знаю.

— Со мной все в порядке. Это с тобой что-то. Не знаю, что с тобой происходит в последнее время. Ты только и думаешь, что о деньгах и о сексе.

— В том-то и дело. Это вещи взаимосвязанные. Я хорошо зарабатываю, значит, у нас есть повод это отпраздновать.

Дело продвигалось. С банком он расплатился. Можно бы и расслабиться, но теперь Катрина навела на него тоску. *Вечно не одно, так другое.* Но волноваться было не в его характере. Если есть проблема, значит, надо ее как-то решать. Только и всего. Но вот только как? Она просто устала. Она больше не должна работать в офисе...

Вдруг память его вернулась к событиям шестилетней давности. Он вспомнил ту девушку, которая сейчас стала его женой.

— Я люблю работать,— сказала она ему при первой их встрече.

Она работала, напряженно работала, первые несколько лет. Но по мере того, как дело росло, менялась и их жизнь.

— Ты не должна так много работать,— говорил он ей.— Печатать может Сэлли, Барбара — вести бухгалтерский учет. Для чего же тогда мы их нанимаем?

Он хотел как лучше. Он всегда шел ей на уступки. Раз в неделю они обедали с Софи и Глорией. По воскресеньям, в то время как он проводил время в гольф-клубе, Катрина с подругами играла в теннис. Она читала, слушала музыку, обставляла квартиру. И все равно у нее оставалась масса времени.

— Я вери
— Хорош
Герберт
— Не над
Он все ни
у него был ш
Герберт оста
когда-либо ра
в том, что Г
заработал себ
чи рекомендо
— Да я со
торчать дома
быть, я в чем-
тать в гараже.
Тодд усмех
трел в картон
— Молчи.
Маленький
коричневыми
— Катрина
Ты в порядке?
— Но ты
идем...— Голо
хожую. Она по
коробку в его
— Какой го
— Он здесь
Вопрос, кот
полчаса. Все э
тискала его, в
потому что у
Затем она сказа
— Тодди, и
ли...— Она сдел
взглядом.— Со
жать, конечно..
— Об этом
молока. Пойдем
Через полча
Хэмпстед, пер

*

— Я вернусь через минуту,— сказал он.

— Хорошо, босс. Тебе помочь с этим?

Герберт кивнул на картонную коробку.

— Не надо. Лучше помой машину.

Он все никак не мог привыкнуть к тому, что теперь у него был шофер. Вообще-то Герберт был не шофер. Герберт оставался Гербертом — лучшим механиком, когда-либо работавшим в «Тодд Моторз». Дело было в том, что Герберт, десять лет возясь с машинами, заработал себе язву двенадцатиперстной кишки, и врачи рекомендовали ему выйти на пенсию.

— Да я сойду с ума от скуки, если буду все время торчать дома,— пожаловался он Тодду.— Может быть, я в чем-нибудь пригожусь тебе, если буду работать в гараже.

Тодд усмехнулся, взбираясь по лестнице. Он посмотрел в картонную коробку.

— Молчи. Говорить буду я.

Маленький толстый щенок моргал своими светло-коричневыми глазками и жалобно скулил.

— Катрина! — прокричал Тодд, открыв дверь.— Ты в порядке? А то у нас гость.

— Но ты же сказал, что сегодня вечером мы идем...— Голос ее оборвался, когда она вышла в прихожую. Она посмотрела сначала на Тодда, а потом на коробку в его руках.

— Какой гость?

— Он здесь. С днем рождения!

Вопрос, которого он ждал, она задала только через полчаса. Все эти полчаса она ворковала над щенком, тискала его, возилась с ним и назвала его Маком, потому что у ее тетки была собака с таким именем. Затем она сказала:

— Тодди, щенок, конечно, славный, но, видишь ли...— Она сделала паузу и обвела комнату печальным взглядом.— Собакам нужен простор. Здесь его держать, конечно...

— Об этом я уже подумал. Оставь ему блюдце молока. Пойдем, я тебе кое-что покажу...

Через полчаса она рассеянно ходила по дому в Хэмпстеде, переходя из одной пустой комнаты в другую и снова возвращаясь к входной двери.

— Эти комнаты, в принципе, можно отделать, они будут смотреться.. — сказала она. — Но уж больно они их запустили, до неприличия..

— Я знаю, но сам дом очень добротный. Я его вчера осматривал.

Сад был буйно заросшим.

— Пол-акра, — объявил он, распахивая двери террасы. — Я думаю, Маку этого вполне хватит для полного счастья.

Она посмотрела на него.

— Дорогой, место замечательное, но мы не можем себе позволить...

— Можем, — усмехнулся он. — Все уже улажено, дело за деньгами. А это уже не твоя забота. У меня есть мой бизнес. А ты начинай потихоньку, чем раньше, тем лучше. Мак не всегда останется маленьким щенком.

— Да возьми ты, наконец, отпуск! Так я ему и сказал, — говорил Сэм Катрине. — В первый год он так и не пошел. Ладно, подумал я, он слишком занят — покупает мою фирму и все такое. В конце концов, куш солидный, стоит того. На следующий год он, как я слышал, женился. Ну уж теперь-то, подумал я, в отпуск поедет как минимум на Багамы!

Катрина рассмеялась.

— Свадебное путешествие! Вечером мы пошли в ресторан. Вот и все свадебное путешествие. А на следующий день уже явились на работу и работали как всегда. Какие уж тут Багамы!

— Это похоже на Тодди, — усмехнулся Сэм. — Тем не менее, — добавил он, перехватив взгляд Тодда в зеркале, — скажу вам, вы оба хорошо выглядите.

— А ты похож на старого пирата, — ответил Тодд.

Копна белых волос Сэма резко контрастировала с его шоколадно-коричневым испещренным морщинами лицом. Он усмехнулся и, подъезжая к светофору, сбавил скорость. Бросив взгляд через плечо, он спросил:

— Катрина, ты здесь в первый раз?

— Она вытянулась вперед.

— Первый. Раньше я проводила отпуск в Испании.

— Ну что ж, — произнес Сэм с нескрываемым удо-

вольствием.— Самое лучшее ты поберегла напоследок. Я вам гарантирую, что, побывав здесь однажды, вы обязательно захотите вернуться сюда еще и еще.

Из аэропорта они поехали в Пальму вдоль побережья. Сэм указал на древний собор и на ряды лодок, принадлежавших яхт-клубу, с такой гордостью, как будто все это принадлежало лично ему. Солнце светило на ярко-синем небе, будто его кто-то щедро выкрасил краской. Катрина чувствовала на губах привкус соли, доносимый морским бризом.

— Не могу поверить, что мы всего в трех часах лета от Лондона,— произнесла она, сжимая руку Тодда.— Это больше, чем чудо.

Он посмотрел на нее.

Она рассмеялась.

— Одно наше пребывание здесь — уже чудо. Это ведь я вытащила тебя сюда.

Вилла Сэма располагалась на склоне горы, откуда открывался прекрасный вид на маленькую рыбацкую деревушку. Жена Сэма Памела, с такими же белыми волосами и такая же загорелая, как он, любезно показала гостям окрестности. В первые же два дня они облазили все вокруг. Обедали в Дейе, в «Ла Президенция», ужинали в яхт-клубе Пальмы, бродили по узким улочкам старого города, купались в бассейне Сэма, ходили в море на его яхте — а на третий день Сэм и Памела пригласили гостей провести вечер в «Вороньем гнезде».

Позднее Катрина говорила: «После вечера в «Вороньем гнезде» все изменилось.

Даже Тодд соглашался, что все действительно изменилось. Уже в первые двое суток он стал смотреть на себя по-другому. Приехал он на Майорку с сознанием собственного успеха. Он представлялся самому себе преуспевающим бизнесменом, позволившим себе отдохнуть. Но теперь, куда бы он ни обращал свой взгляд, всюду он видел людей гораздо более процветающих, чем он сам,— людей, позволявших себе такой отдых не раз в несколько лет, а раз в несколько месяцев.

— Черт побери,— проворчал он Катрине после ужина в яхт-клубе.— Слыхала, что сказал Сэм? Некоторые из этих яхт стоят миллион и больше. Представляешь, что это за деньги?

Он вспомнил о Лео, об его безукоризненных костюмах и вилле во Франции.

Я знаю одного человека, который должен иметь представление о такой жизни...

— Кто это?

— Что? А, да так, один человек. Ты его не знаешь.

— Кто-нибудь из гольф-клуба?

— Нет. В гольф-клубе ни у кого таких денег нет. Они там сами считают меня богачом.

— Дорогой,— она отошла от балкона и села на кровать рядом с ним,— ты и есть богач. Ты многого добился. Мы с Сэмом тобой гордимся.

— Еще бы,— пробормотал он.— Ты и должна быть на моей стороне.

— Разве этого недостаточно? — произнесла она, взяв его за руку.

— Это все прекрасно, но...— Он улыбнулся и пожал плечами.

Она легла на кровать, притянула его лицо к себе и поцеловала.

— Я тебя боготворю,— произнесла она вкрадчиво. В его глазах мелькнул огонек.

На следующее утро Сэм рассказал им о «Вороньем гнезде».

— Это лучший ресторан на острове,— сказал Сэм.— Он находится в маленькой гавани в пяти милях отсюда. Мы собирались этим вечером поехать туда, выпить пару рюмочек у Хэнка на балконе и угостить вас таким ужином, что вы надолго запомните.

— Кто такой Хэнк?

— Хэнк Мартин. Владелец ресторана. Он мой друг, очень интересный парень. Он вам понравится.

Тодд усомнился в этом. По своему опыту он знал, что ему редко нравились друзья друзей. Но когда они вечером приехали в гавань, она показалась ему красивой. Годы отделяли это место от всего остального острова, придавая ему экзотический вид. Это впечатление усугублялось архитектурой вилл, которые открывались взору, то здесь, то там, когда их машина петляла по открытой извилистой дороге, ведущей к морю.

Ведя машину, Сэм рассказывал о Хэнке Мартине.

— Он американец. Родился в Коннектикуте, но на родине не бывал уже много лет. Он был шкипером на яхте у одного из самых богатых людей в мире. Он отличный моряк. Он был занят любимым делом и получал за это столько, что ему по гроб жизни бы хватило. Но вот однажды судьба занесла его в эту гавань. Раньше он здесь никогда не бывал. Тем не менее, как он говорит, когда он, стоя у штурвала, бросил взгляд на эти горы, у него возникло странное чувство, как будто он после долгих мытарств наконец-то вернулся домой. Когда он сошел на берег, это чувство стало еще сильнее, а когда он прошелся по улицам, оно стало таким сильным, что он решился на безумный поступок. Он бросил свою работу и распрощался с жизнью капитана.

Катрина разглядывала поросшие соснами холмы.

— Я могу его понять,— сказала она, покачивая головой.— Искушение слишком сильное. Места действительно чудесные.

— Давно это было? — спросил Тодд.

— С тех пор прошло около двадцати лет. За это время Хэнк сделал из «Вороньего гнезда» конфетку. Когда он его приобрел, это был всего лишь портовый бар. А эти холмы,— Сэм оторвал руку от руля и описал ею в воздухе круг,— были пусты, если не считать нескольких убогих домишек. Тогда бы никто и не поверил, что сюда будут приезжать со всей Европы кинозвезды, заправилы шоу-бизнеса, политики. Хэнк первый открыл все это. До Хэнка никто об этом не мечтал, но и тогда, двенадцать лет назад, это место было лучшим земельным участком на всем средиземноморском побережье. А сейчас остров стал постоянным местом отдыха богатых и знаменитых. За столиком у Хэнка можно встретить самых богатых людей Европы...— Сэм усмехнулся.— Но зато и цены у него соответствующие. Поэтому мы с Памелой не каждый день бываем у него.

— Стало быть, он хороший бизнесмен?

— Вот этого не знаю. Но все равно, он знает здесь всех. И каждый, кому хоть однажды приходилось покупать очень стоящее, непременно знает его. Он что-то вроде посредника между ними и местными жителями. Вам нужен садовник, горничная, матрос? Хэнк всегда предложит лучший вариант. Хотите встретиться с кем-нибудь из местных юристов, банкиров, политиков?

Пожалуйста, все они приезжают из Пальмы, чтобы пообедать в «Вороньем гнезде». Хэнк вас с ними сведет и все уладит.

Такое предисловие заинтриговало Тодда, а красота гавани превзошла все его ожидания.

Когда Сэм вел машину на побережье, солнце садилось и все вокруг было залито мягким золотым светом. Листья пальм, растущих вдоль дороги, колыхал легкий бриз. У залива загорелись огни яхт-клуба, мерцавшие как звезды между мачт белых яхт, пришвартованных у пирса. Пряный воздух был полон запахом моря, сосен и ароматом жасмина.

— Рай,— прошептала Катрина.

Сэм, довольный таким комментарием с ее стороны, покачал головой.

— погоди, ты еще не видела, какой вид открывается с крыши «Вороньего гнезда».

Ресторан был назван очень удачно. Его белое двухэтажное здание возвышалось над остальными. Расположенный на плоской крыше ресторан создавал впечатление еще большей высоты. После того, как посетители выпили по рюмочке внизу в баре, они поднялись в ресторан. Немец Макс, главный официант, приветствовал их и провел к столику. Когда они расположились, Макс преподнес Катрине и Памеле по букету орхидей.

— От мистера Мартина,— произнес он, низко поклонясь.

— Он сегодня здесь? — спросил Сэм.— Я хотел бы познакомиться с ним своих друзей.

Макс посмотрел на часы.

— Он должен вернуться с минуты на минуту. Мистер Мартин поехал в аэропорт кого-то провожать.

— Блондинку или брюнетку? — с интересом спросила Памела.

Макс улыбнулся и понизил голос.

— Думаю, что и блондинку, и брюнетку, мадам.

Весь вечер Тодд был молчалив и подавлен. Время от времени он озирался вокруг, оценивая ресторан и посетителей. Он не мог сдержать восхищения.

«Здесь собрались избранные,— думал он,— богатые и знаменитые, мужчины в вечерних пиджаках с иголки и женщины, сияющие красотой, в платьях,

открывающих загорелые плечи». Разговоры велись на десятках языков.

— Это Лайза Мэггюз,— говорил Сэм Катрине. Кинозвезда. Ее лицо должно быть тебе знакомо.

Повернувшись, Тодд увидел, что Макс сопровождает очаровательную блондинку к столику, стоявшему недалеко от них.

— У нее вилла там, на мысе,— сказал Сэм.— Розовая, обратили внимание?

Тодд обратил внимание. Роскошные виллы неподалеку от гавани и рассказы Сэма об их владельцах запечатлелись в его мозгу. Сэм рассказывал так, что казалось, что его речи давно записаны на пластинку и сейчас он просто включает ее. Немецкие фабриканты, голландские издатели, французские музыканты, английские строители, бельгийские фабриканты шоколада... и почти каждый из них имел лодку в гавани и виллу на склоне горы. И какие лодки! Яхты, на которых можно выходить в океан, катамараны, тримараны, многие из которых имели постоянную команду.

Тодд уже не чувствовал себя преуспевающим человеком. Он чувствовал себя ничтожным торговцем автомобилями из Лондона.

— А вот и Хэнк,— сказал Сэм, кивнув в сторону человека, входившего в двери.

Тодд наблюдал, как Хэнк стал обходить комнату, приветствуя гостей. Ему было на вид около сорока лет. Он был темноволосый, голубоглазый и загорелый — с улыбкой, от которой, как догадывался Тодд, женщины сходили с ума. Хэнк подошел к их столику и протянул руку.

— Привет, Сэм! Памела! — Он поцеловал ее в щеку.— Я надеюсь, вам нравится ужин?

— Отлично, как всегда,— улыбнулась Памела.

После того, как он был представлен Тодду и Катрине, Хэнк присоединился к ним и весь вечер развлекал их местными сплетнями. Время от времени, когда кто-нибудь из посетителей заканчивал ужин и направлялся к двери, Хэнк подбегал к ним, чтобы предложить им стаканчик бренди и познакомиться с Тоддом и Катриной. Таким образом, к концу вечера за столиком Сэма собралась компания человек из двадцати, смеявшихся и оживленно болтавших по-английски с разнообразными акцентами.

Глядя вокруг, Тодд понял, что гавань была чем-то вроде международного клуба, а роль помещения клуба выполняло «Воронье гнездо».

По пути домой он молчал и пребывал в глубокой задумчивости. На следующий день Сэм повез Катрину и Памелу в Пальму.

Тодд намеревался провести этот день на берегу бассейна. Но как только они ушли, он взял из гаража машину Памелы и поехал в гавань. Она показалась ему еще красивее, чем вчера. Он пообедал в «Вороньем гнезде» вместе с Хэнком. Они проболтали полдня, сидя на балконе и смотря на море.

— Ну, как тебе Хэнк? — спросил он Катрину на следующее утро. Он отвез ее в гавань, где они выпили кофе на открытом воздухе.

— Памела говорит, что он переспал с половиной всех женщин этой гавани.

— Ну и что? Так и должно быть. Все холостяки ведут такую жизнь.

— Он тебе явно понравился.

— А тебе нет?

— Нет, я не могу сказать, что он мне не понравился. Симпатичный, знает кучу историй. Держит отличный ресторан...

— Да, ресторан что надо, — кивнул Тодд. — Сэм сказал, что Хэнку мы вполне можем доверять.

— Доверять? — поморщилась она. — Но у нас с ним, кажется, нет никаких дел...

Не ответив, Тодд затянулся сигарой и стал смотреть на рыбацкую лодку, подходящую к причалу. Вокруг лодок летали чайки. На той стороне залива мачты лодок, стоявших у причала, пиками устремлялись в безоблачное синее небо. Наконец он произнес:

— Чудесная гавань, не правда ли?

— Райский уголок!

— Я подумал, а не купить ли нам здесь местечко? Она улыбнулась.

— Когда пойдешь на пенсию?

— Нет, сейчас.

Она сняла свои солнцезащитные очки и уставилась на него.

— Ты шутишь? — удивленно спросила она.

— Нисколько!

Она прикрылась рукой от слепящих лучей солнца.

— Но у нас же нет таких денег! — В ее глазах отразилась тревога. — Будь разумным, Тодли, мы и так угрожали целое состояние на дом в прошлом году...

— Мы просто не можем себе этого позволить. Послушай, — прошептал он, наклоняясь к ней. — С тех пор, как Сэм купил здесь свой участок, его цена почти утроилась. А в гавани места еще лучше. Хэнк говорил мне...

— Хэнк в качестве продавца! Это что-то новенькое! — Она уставилась на него. — Слушай, ты меня иногда поражаешь! Сам ты такой хороший продавец, а когда тебе кто-нибудь что-нибудь продает...

— Хэнк мне ничего не продает, — перебил он ее.

— Не то чтобы непосредственно продает, но... — Катрина замолчала, подыскивая слова. — Он здесь живет. У него здесь бизнес. Конечно же, он будет воспевать здешние места.

— Он объездил весь мир. Нет места, где бы он не побывал. Но тем не менее, он выбрал именно эти места. Это о чем-нибудь да говорит, не так ли? — Он пристально посмотрел на нее. — Ты же сама всегда говорила, что мне нужно больше времени уделять отдыху. Собственно, поэтому мы и здесь.

— Конечно, мы здесь для того, чтобы дать тебе возможность отдохнуть, — сказала она, снова возвысив голос. Закусив губу, она постаралась успокоиться. — Мы приехали сюда, чтобы отдохнуть, — спокойно произнесла она. — Ты работал без перерыва.

— Правильно, — согласился он. — Мы должны отдыхать, как все люди.

— Все обычные люди останавливаются в гостиницах.

— Нет, я не про обычных. Кто же хочет быть обычным? Я хотел сказать...

— Богатые. Как Лайза Мэттьюз!

— При чем здесь Лайза Мэттьюз? Все эти люди в основном бизнесмены. Как я. И у них те же проблемы с отпуском. Все мы привязаны к своему делу. Иногда даже на пару недель выбраться не получается. И что же тогда делать? Выкраивай время для отдыха каждый раз, когда можешь. Здесь недельку, там пару дней.

Она вздохнула. Ее лицо приняло сердитое выраже-

ние. Поморщившись, она отпила глоток кофе, но затем отодвинула чашку и возобновила атаку.

— И конечно же,— произнесла она с иронией.— Уж если покупать земельный участок на Майорке, то уж непременно в гавани!

— Все правильно!

— Лучшие земли на всем острове. И, разумеется, самые дорогие.

— Такова наша страховая политика. За что-нибудь исключительное всегда приходится выкладывать лишние денежки.

— Но есть и другие, не менее прелестные места. Например, там, где Сэм и Памела...

— Мне это место не нравится.

— А там, куда они нас возили, Дейя или как ее там? Чем не милое местечко?

— Сэм говорил, что в Дейе живут, в основном, писатели и артисты, а это не тот тип людей, который мне нравится. Я и не знаю, как к ним подойти, я с ними помру от скуки!

— Ты хочешь сказать, что здесь твой тип людей? — Катрина кивнула в сторону лодок у причала.— Ты даже на яхте никогда не плавал. Разве что сейчас на яхте Сэма, но что такое яхта Сэма, по сравнению с этими?

Он затянулся сигарой и не отрываясь уставился на синюю воду залива.

— Ничего, там, глядишь, и яхту купим!

Катрина лежала без купальника на надувном матрасе, закинув руки за голову. Над ней был увитый виноградом решетчатый навес, который рассеивал палящие лучи солнца Майорки и бросал на нее решетчатую тень, от которой бронзовое тело Катрины казалось покрытым кружевами. Тодд вошел на террасу, застегивая рубашку. Волосы его были еще влажными после душа, а щеки покалывало от лосьона после бритья.

— Не много ли ты вылил на себя этого лосьона? — пробормотала Катрина в матрас.— Я чувствую его запах даже отсюда.

Он усмехнулся и подошел к ней.

— Хороших вещей никогда не бывает слишком много!

Она погрузилась глубже в матрас.

Его рука скользнула вниз, по ее телу.

— Не трогай гозар, если не погубишь! — предупредила Катрина.

Он неохотно отдернул руку.

— Извини, сегодня не могу, Хэнк меня ждет. Я ему обещал. Иначе...

— Обещания, обещания, — сонно протянула она. — На яхте поедешь?

— Нет, на яхте сегодня не поедем. Он сказал, что собирается мне кое-что показать.

— В прошлый раз он тоже собирался тебе что-то показать, и после этого ты выбросил сто тысяч на яхту. Что бы это ни было, у нас нет таких денег!

— Слушай, не лезь вон из трусов!

— Я и так без трусов!

— Я это отлично вижу, еще бы... — проворчал он, чувствуя, как кровь приливает у него к вискам. Он отвернулся, мысленно проклиная назначенную встречу с Хэнком. Если бы не эта встреча, он бы сейчас с удовольствием разделся и расположился бы с Катриной на матрасе. Вчера, перед тем как заняться любовью, она срывала виноград и кормила его им. Что еще человеку надо? Полуденный отдых по-испански — лучший обычай из всех когда-либо придуманных!

— Что он тебе показывает на этот раз?

— Не знаю, он сказал, что это пока секрет.

Она вскочила с матраса. В ее глазах появилась тревога.

— Ты обещал, не забудь! Вилла, яхта, остановись хоть на этом. Хватит дорогих покупок!

— Хорошо, хорошо, успокойся!

Она внимательно посмотрела на него, и тревожное выражение исчезло с ее лица. Оно озарилось улыбкой раскаяния.

— Извини. Я не хотела к тебе приставать. Просто ты иногда теряешь голову...

— Только когда я вижу голых женщин, — усмехнулся он и пошел на лестницу. — Тебе принести что-нибудь выпить?

Она чуть заметно покачала головой.

— Нет, спасибо. Я лучше немного подремлю. Счастливо!

— Счастливо!

Он спустился на нижнюю террасу по внешней лестнице. Проходя мимо бассейна, Тодд остановился, чтобы проверить один из фильтров. Удовлетворенный, он прошел к холодильнику, встроенному в бар. Откупорив бутылку ледяного «Сан-Мигеля», он отпил из нее, погрузился в плетеное кресло и стал смотреть на море. Вид гавани никогда не надоедал ему. При виде гавани он всегда испытывал удовлетворение и чувство того, что он многого достиг. Через минуту он затянулся сигарой, благословляя про себя жизнь, и стал думать о Хэнке.

Хэнк нашел для него виллу, научил его водить яхту, подыскал ему яхту. Хэнк стал его человеком в этой гавани. За два года их дружбы Хэнк стал значить для Тодда больше, чем все его друзья в Лондоне. Всем этим людям в гольф-клубе не хватало хэнковского знания жизни. По сравнению с колоритными людьми, с которыми он встречался в «Вороньем гнезде», все они выглядели провинциальными и серыми, как тени. Единственным исключением среди всех его лондонских знакомых был Лео. Лео с Хэнком были родственные души. Ничто так не нравилось Тодду, как выпить по рюмочке с Лео в отеле «Ритц» или с Хэнком в «Вороньем гнезде», слушая рассказы о деловых сделках, проходивших в разных уголках мира. У Хэнка была целая куча таких историй, которыми он всегда готов был поделиться. Тодд научился читать мысли Хэнка по его глазам. Эти голубые глаза загорались только от двух вещей — когда речь заходила о какой-нибудь крупной сделке или о новой женщине. Хэнк знал отношение Тодда к женщинам. Однажды Хэнк попытался его раздражить.

— Послушай,— сказал он.— Ты, кажется, здесь единственный парень, который не ходит налево.

— Я женат,— резко ответил Тодд.

— Другие тоже, но это их не останавливает. Слушай, ты что, даже ни разу не подумывал о том, чтобы кого-нибудь завести?

— Никогда.— Тодд нервно поежился, не желая обсуждать этот вопрос. Честно говоря, он об этом подумывал. Не думать об этом было просто невозможно: здесь были такие женщины, один взгляд на которых способен был вызвать эрекцию даже у каменной статуи. Но Катрина всегда находилась рядом,

а кроме того, он с
щинками и в глубин
концов, он мнети
быть не таким ра
что Катрина для
побавался, что
его жизни, то и
К тому же сексу
угодно. После то
и эту виллу, стер
не стал говорить
что он сказал бы

— Меня моя
Давай все так и с

Хэнк согласил

— Что такое

говаривая с Хэнк

— Я хочу теб

в три.— В голосо

— Что ты хо

— Секрет, ст

Хэнк поцокал яз

но сведет с ума!

Пока Тодд, п

летворенности д

Он оставалс

ким. Он по-през

шин из Лондон

фирм, двух домо

на которого обр

— Тодди! —

группы в बारे

вытянул вперед

— Рад теб

Тодда и отсту

его.— Ты выгл

— Неужели

Дела идут хрен

Лео покача

Он всегда вы

а кроме того, он был довольно нерешительным с женщинами и в глубине души боялся ее потерять. В конце концов, он многим был ей обязан. Она научила его быть не таким резким. Суеверен он не был, но знал, что Катрина для него — именно то, что надо, и в душе побаивался, что если Катрина перестанет быть частью его жизни, то и удача в делах отвернется от него. К тому же сексом он теперь мог заниматься сколько угодно. После того, как они купили дом в Хэмстеде и эту виллу, стерильный секс отошел в прошлое. Но он не стал говорить Хэнку обо всем этом. Единственное, что он сказал, было:

— Меня моя теперешняя жизнь вполне устраивает. Давай все так и оставим.

Хэнк согласился. На этом разговор и закончился.

— Что такое? — спросил Тодд этим утром, разговаривая с Хэнком по телефону.

— Я хочу тебе кое-что показать. Я заеду за тобой в три. — В голосе Хэнка слышалось возбуждение.

— Что ты хочешь мне показать?

— Секрет, старина! Но ты будешь в восторге! — Хэнк поцокал языком. — «Палома Бланка» кого угодно сведет с ума!

Пока Тодд, покуривая сигару, ждал, к чувству удовлетворенности добавились приятные предвкушения.

Он оставался все таким же маленьким и толстеньким. Он по-прежнему был всего лишь продавцом машин из Лондона. Но сейчас, будучи владельцем двух фирм, двух домов, яхты, он уже становился человеком, на которого обращали внимание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Тодди! — воскликнул Лео, отделившись от группы в баре. Его лицо озарилось улыбкой, и он вытянул вперед обе руки.

— Рад тебя видеть, старина. — Он потряс руку Тодда и отступил назад, чтобы получше разглядеть его. — Ты выглядишь как всегда преуспевающим!

— Неужели? В таком случае, я отличный актер. Дела идут хреново!

Лео покачал головой. Он выглядел великолепно. Он всегда выглядел великолепно. Он легко шел по

жизни, и годы были ему не помеха. В этом ему помогал его загар, его моложавая фигура и безупречно сидящий костюм. Но главное — это веселье, которое излучали его глаза. Все время казалось, что он вот-вот рассмеется. Даже когда он говорил о чем-нибудь серьезном или кого-нибудь внимательно слушал, глаза его излучали веселье.

— Как Катрина? — спросил Лео.

Он всегда первым делом задавал этот вопрос.

— Отлично, — ответил Тодд. Как бы он желал, чтобы мог сказать: *«Она посылает тебе свою любовь, она скоро присоединится к нам, она ждет не дождется встречи с тобой!»* Не имея возможности сказать что-нибудь в этом роде, он, как обычно, с виноватым видом прятался за стандартными фразами.

— Как дела на Майорке? — продолжал Лео. — Морони все так же доволен тобой?

— Видишь ли...

— Извини, минутку... — перебил его Лео, повернувшись к компании у стойки бара. — Я в некотором затруднении. Видишь ли, я тут встретил кое-кого. Может, останешься, поужинаешь с нами? Я тут случайно встретил одного старого друга...

— Извини, я не могу.

— Не можешь? — огорченно произнес Лео.

— Я обещал вернуться домой к восьми.

— Не можешь ли как-нибудь задержаться? — настаивал Лео. Он вглядывался в лицо Тодда, надеясь узнать ответ. — Что за ерунда. Нам нечасто удается поболтать.

Тодд ругнулся про себя. Он уже собирался сказать Лео о Морони.

— Извини, никак не могу, — печально пожал он плечами.

— Фрэнк тебе понравится, — все еще пытался уговорить его Лео. — Он парень веселый! А еще я нашел для тебя покупательницу. Девушка хочет купить машину.

Тодд ее сразу заметил, как только вошел в бар. Она стояла у стойки рядом с Лео и смеялась, запрокинув голову. На ней было изысканное бархатное платье с белым кружевным воротником. Он сразу обратил внимание на ее фигуру. Она была хорошо сложена и лишь чуть-чуть выше его ростом.

Во всяком случае, подейди и познакомься с ними. Может быть, им удастся тебя убедить!

Она приветливо улыбнулась Тодду, ослепив его белоснежными зубами. Ее золотисто-рыжие волосы были коротко подстрижены, гладко зачесаны и блестящие, как шлем пожарного. Ее изумрудно-зеленые глаза контрастировали с очень белой кожей. Когда Тодд подошел поближе, то заметил россыпь веснушек вокруг ее вздернутого носика.

Лео сначала представил ему мужчин:

— Это Фрэнк Степлтон, мой старый друг. А это Боб Левит.

Тодд пожал им руки.

— А эта юная красotka — твой первый покупатель на завтра!

Она снова улыбнулась, когда Тодд протянул ей руку.

— Привет,— произнесла она.— Лео рассказывал мне о вас.

— Я просто сказал,— торопливо перебил ее Лео,— что ты человек, который может исполнить ее мечты.— Он посмотрел на Степлтона, ожидая от него подтверждения.

— Мое имя Шарлотта. Но друзья зовут меня Шарли,— произнесла она с загадочным видом.— можно вас считать другом? Вы осуществите мои мечты?

Он попытался придумать какой-нибудь гениальный ответ — что-нибудь очень остроумное. Но все, что он смог придумать, это банальное:

— Если ваша мечта — автомобиль, тогда какой вы хотите!

— Спортивный «ягуар». Такой красивый, знаете?

— Вы хотите сказать «XIS»?

— Да, он так называется? — Ее ротик, широко улыбавшийся за минуту до того, скривился.— Такая красивая машина, а называется какими-то тремя буквами!

— Хотите, дайте ей какое-нибудь имя,— ответил он.

Она слегка задумалась.

— В самом деле? — промурлыкала она.— Надо подумать. У вас есть такая на выставке?

Лео рассмеялся.

— Тодд — крупнейший продавец «ягуаров» в Лондоне!

Это было неправдой, но, кажется, произвело впечатление на Шарли. Тодд заметил, что ее глаза округлились, и мысленно поблагодарил Лео за такое преувеличение.

— Я хотела бы ярко-красный,— произнесла она с видом твердо принятого решения.— С отделкой из черной кожи внутри. Это так сексуально...

Левит причмокнул языком:

— Шарли знает, чего хочет!

Тодд пытался представить себе эту цветовую гамму, но его сбilo с толку слово «сексуально», произнесенное Шарли. Уж если что-нибудь и было сексуально, так это сама Шарли.

Даже платье свободного покроя не могло скрыть ее умопомрачительную фигуру. Преодолевая искушение отойти чуть подальше, чтобы получше рассмотреть ее ноги, Тодд предложил:

— Может быть, вы позвоните завтра нам на выставку?

— Это зависит от обстоятельств.

— От каких? — спросил он.

Ему вдруг пришла мысль: а вдруг это девушка Лео? Когда он вошел, они смеялись над чем-то вместе, и одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть, как доволен Лео! Черт возьми, почему Лео так везет на женщин? Где он их находит?

Тодд попытался втянуть живот, чтобы выглядеть стройнее и вытянуться хотя бы на один дюйм.

Шарли улыбнулась.

— Это зависит от того, есть ли у вас то, что я хочу.

— Непременно должно быть,— ответил он, ловя себя на том, что хвастается, как девятнадцатилетний. Он подумал, а не дразнит ли она его?

— Вот наш адрес,— сказал Тодд, протягивая ей визитную карточку.— Или за вами кого-нибудь послать? Вы здесь остановились?

Ее огромные глаза угрожали поглотить его.

— Нет, у меня есть квартира в Лондоне. А сюда я приезжаю, чтобы побалдеть.— Она кинула на него дразнящий взгляд и рассмеялась.— Извините, я хотела сказать — отдохнуть. У меня просто сегодня веселое настроение!

— У Шарли сегодня праздник,— вмешался Левит, ухмыляясь,— она собирается гулять на всю катушку!

— Ох! — рассмеялся Лео, — чувствую, попадем мы все в полицию!

Все вдруг заговорили наперебой, так что Тодду потребовалось несколько минут, чтобы что-то понять. Первое, что он понял, это то, что они не с самого начала были в одной компании. Лео никогда раньше не встречал ни Левита, ни Шарли. Связал их Степлтон. Они с Лео были старые друзья, и Степлтон знал Левита.

— Мы с Бобом проворачивали одно дело несколько лет назад, — объяснил Степлтон, — мы как раз праздновали встречу, и тут вошел Лео.

— И таким образом получилась импровизированная компания, — сказала Шарли. — Такие компании всегда лучше.

Когда Тодд пришел в «Ритц», он чувствовал себя довольно паршиво: дела шли плохо, дождливый осенний вечер наводил тоску, и на душе было беспокойно. Он с нетерпением ждал часа свидания с Лео. Этот час обещал быть единственным светлым пятном за весь день, и он был разочарован, когда увидел, что Лео пришел не один. Но его разочарование рассеялось под влиянием общего веселья. Боб Левит был маленьким подвижным человечком с обветренным лицом, который знал кучу веселых историй. Степлтон был высокий, одного роста с Лео, почти того же возраста и с такими же седыми волосами, разве что они у него были коротко подстрижены и стояли ежиком. Они болтали друг с другом, вспоминая дни, проведенные в Афганистане. И, конечно, душой компании была Шарли, которая сияла своей ослепительной улыбкой, глядя то на одного, то на другого, подбадривая их смехом или кивком головы. Был ли ее смех более заразителен, чем смех Лео, который, смеясь, запрокидывал голову, или Степлтона, который наклонялся вперед и шлепал себя по коленке, трудно сказать, но ее смех был самым звонким, заливающимся и указывал на такое веселое расположение духа, которое очаровало Тодда. Он хотел было спросить, что именно она празднует, но, поскольку Лео и Степлтон не умолкая делились впечатлениями, а Боб Левит рассказывал свои истории, ему не сразу удалось вставить хотя бы словечко. Ответил опять-таки Левит.

— Удачи! — сказал он, подмигнув Шарли и подняв свой бокал. — За солнечную девушку нашего острова!

Оказалось, что Шарли была бухгалтером. Тодд удивился бы меньше, если бы узнал, что она выступает в цирке, или что она танцовщица, или стриптизерка. Ее внешние данные как раз для этого подходили.

Но Шарли была не простой бухгалтер. Она работала в Джерси, на островах Ла-Манша, с Бобом Левитом, который три года назад организовал там какую-то бухгалтерскую фирму.

— Банковскими операциями за границей мы стали заниматься уже потом,— произнес Левит с некоторым самодовольством.— Сначала мы были скорее компанией вкладчиков, чем бухгалтерской фирмой. Мы занимались вкладами клиентов во всем мире...

— Ничего подобного,— широко улыбаясь, сказала Шарли.— Мы просто ворочаем большими деньгами.

— Очень большими,— усмехнулся Левит.

Уточнять, чем же именно занимается их фирма, не было времени, да и место было неподходящее. Да они бы и не сказали. Конфиденциальность была их главным козырем, и держали марку они хорошо. Даже то, что отмечала Шарли, так и осталось зашифровано словами: «очень крупная сделка».

— Вы знаете Джерси? — спросила она его.

Он помотал головой, плененный ее лукавыми глазами.

— Как в аквариуме с золотыми рыбками,— сказал Левит,— все друг друга знают, особенно в финансовой сфере.

— В том-то и дело,— произнесла Шарли, энергично кивая,— нет, островок симпатичный. Летом там полно туристов.

— Вся беда в том, что он слишком маленький,— перебил ее Левит.— После четырех недель работы у Шарли просто начинается боязнь замкнутого пространства.

— Я просто начинаю беситься от скуки! — воскликнула Шарли.— А вы бы не взбесились? — Она прикоснулась к руке Тодда, и он почувствовал, как искра пробежала у него по телу.— Одни и те же лица, одни и те же занудные вечеринки... — Она покачала головой и поморщила носик.— Нет, некоторые из них ничего, но остальные все такие самодовольные... Можно подумать, что их островок — просто рай.— Она рассмеялась.— Время от времени приходится от всего

этого отдыхать. Как сегодня. Сегодня я выбралась в Лондон, чтобы отпраздновать. На Джерси просто как следует не расслабишься. Я не могу даже устроить попойку без того, чтобы на следующий день об этом все не узнали!

Когда она смеялась, все смеялись вместе с ней. Было просто невозможно не рассмеяться, настолько ее веселье было заразительным.

— Оставайтесь с нами! — настойчиво упрашивала она Тодда, сопровождая свое приглашение такой улыбкой, от которой у него сердце замирало. — Прошу вас. Сейчас мы выпьем еще по паре рюмочек и пойдем в ночной клуб, который недавно обнаружил Фрэнк. Завтра у меня будет жуткое похмелье, но это завтра, а сегодня... — Ее зеленые глаза были широко распахнуты и сияли от возбуждения. — Сегодня я хочу гонять консервные банки по улицам, сшибать шлемы полицейским с их тупых голов и вообще, гулять так гулять!

— Отлично! — усмехнулся Лео.

— Черт возьми! — воскликнул Левит.

— Лично я — за! — сказал Степлтон.

По дороге домой он молчал. Время от времени уличные фонари бросали лучи внутрь машины, и Герберт мог видеть лицо Тодда в зеркале. Одного его мрачного вида было достаточно, чтобы Герберт сохранял молчание.

«Черт возьми, — подумал он, — ничто его не может развеселить. Даже встреча со стариной Лео. Это совсем не похоже на босса. Что-то с ним не то...»

Тодд был зол оттого, что ему не удалось присоединиться к компании. Уже по пути к гостинице он был в подавленном настроении. Он приписывал это плохому состоянию дел, но суть была не только в этом. Дела шли плохо, но к неудачам ему было не привыкать. Он всегда умел выходить победителем из всех перипетий. Он был прирожденным победителем. Катрина говорила: «Тодди ничем не возьмешь, он пережил бы конец света». Но что толку было из всего этого? Какая польза из того, что он, наконец, стал солидным человеком, если у него не было никакой личной жизни, кроме того, что он каждый вечер приходил домой?

Нет, иногда он развлекается, когда видится с Лео. А Шарли — это другое дело: веселая, симпатичная, сексуальная. *Можно представить, что она вытворяет в постели!* К тому же умненькая и остроумненькая. Как она организовала этот вечер! И он еще посмел уйти! Он мог бы попросить Герберта, чтобы от заехал к нему домой за Катриной. Они провели бы этот вечер все вместе. Правда, Катрина не захотела бы даже разговаривать с отцом и не дала бы ему шанса самому поговорить с ней. Если бы не это...

Он еще сильнее расстроился, когда вспомнил, почему он должен был вернуться домой пораньше: ужин с Миддлтонами! Весь день он пытался об этом не думать.

— Не задерживайся, дорогой, — сказала Катрина, когда он уходил на работу. — Джулия хотела бы, чтобы мы пришли пораньше.

Чертовы Миддлтоны! Самая занудная чета в мире. Вечно окружают себя какими-то чопорными, высокомерными идиотами, каких он и в жизни не встречал! Что за жертва! И для чего? А все из-за ненависти Катрины к отцу! Из-за ее нелепого предубеждения.

Он нервно барабанил пальцами по подлокотнику. Так сколько это может продолжаться?! Отец ли Лео Катрине или не отец, все равно он вполне может быть хорошим другом. «В конце концов, Лео мне нужен! Мне нужна его помощь, его советы. Сегодня, например, он даже помог мне продать машину».

— Чертовы Миддлтоны! — процедил он сквозь зубы.

Машина продолжала свой путь, через Кэмден Таун, по Хэмпстедскому шоссе, свернув на шоссе, ведущее в район частных особняков, где стоял дом Тодда. Эта дорога, по обеим сторонам которой тянулся лес, обычно поднимала настроение Тодда и почему-то приятно щекотала его самолюбие. Иногда он наслаждался собственным успехом, вспоминая, с чего он начинал. Как далеко с тех пор он продвинулся! Подумать только, сейчас он живет в таком доме! Он вспомнил, что писал ему тогда агент по продаже недвижимости: «Всего в трех милях от лондонского Вест-Энда... уединенное, но не изолированное... редкий случай приобрести дом в одном из самых престижных районов Лондона».

О Миддлтонах ни слова. О них агент хранил гробовое молчание.

Его дом был последним в ряду двенадцати домов. Уединенный, стоявший посреди лесистого участка в пол-акра, он был огорожен высокой кирпичной стеной, которая преграждала путь в тупик. Миддлтонам принадлежал соседний дом — такого же размера и с такой же гравиевой дорожкой, ведущей к главному входу. Тодд бросил недовольный взгляд на него, в то время как они въезжали во двор через решетчатые железные ворота. Припарковав машину на площадке перед домом, у самого подъезда, Герберт вышел из нее и открыл заднюю дверь.

— Завтра утром в то же время, как обычно?

— Да, разумеется, — произнес Тодд, вылезая из машины. Он понимал, что не следовало бы срывать свое раздражение на Герберте, но уж как-то слишком несправедливо все складывалось. Ужин с Миддлтонами был совершенно ни к чему. Катрина не хотела примирения с отцом. И еще он сам чувствовал себя виноватым по отношению к Лео. Помощь друг другу должна была быть взаимной. После всего того, что Лео для него сделал, он заслуживал большего.

Мак выбежал ему навстречу, приветствуя радостным лаем. Обычно в таких случаях Тодд трепал Мака за ушами, положив его большую голову к себе на колени, и такое приветствие продолжалось минут пять. Но в те дни Тодд бывал в лучшем настроении.

— Катрина! — позвал он, бросив взгляд через открытую дверь в свой кабинет. Не найдя ее там, он прошел в гостиную.

Это была прекрасная комната, хорошо спланированная, с большими диванами по бокам настоящего камина. Светло-зеленые стены были увешаны картинами из коллекции Катрины, которые она любовно подбирала все эти годы, — в основном пейзажи. На большом черном блестящем пианино стояло около дюжины фотографий в серебряных рамках. На некоторых из них был запечатлен Тодд за штурвалом «Принцессы морей» на фоне берега Майорки. Светлые индийские ковры создавали атмосферу еще большей роскоши и уюта. За задернутыми шторами скрывались стеклянные двери, ведущие на террасу.

— Катрина! — повторил он, проходя на кухню.

Во всем доме горел свет. В столовой большой канделябр освещал стол из красного дерева, обеденная комната была светлой и гостеприимной. Мак, виляя хвостом, последовал за Тоддом, возвратившимся в гостиную. Часы из золоченой бронзы, вделанные в каминную плиту, показывали десять минут девятого. Катрина, наверное, одевалась наверху, но Тодду совершенно не хотелось, чтобы она его подгоняла. Он выпил большой стакан виски, вдобавок к выпитому в гостиной, и присел, думая о предстоящем вечере.

— Что за скука, — вслух проворчал он. — Как можно так бездарно проводить время!

Он поднялся, взял свой стакан, прошел в зал и стал подниматься по лестнице с видом идущего на эшафот. С каждым шагом его недовольство росло. Как можно так бездарно убивать время! Войдя в спальню, он прошел через нее, не поднимая глаз.

Через открытую дверь он увидел Катрину, сидящую перед зеркалом в гардеробной.

— Дорогой! — Она перестала красить ресницы и взглянула на него. — Слава Богу, наконец-то! Потопляйся, мы опаздываем.

Катрина произнесла это таким тоном, как будто визит к Миддлтонам был самым главным делом в жизни. И ему почему-то вдруг захотелось нагрубить ей. Он посмотрел на нее как бы со стороны. «Она еще недурна», — думал он. Катрин была в черной комбинации с кружевами на груди. Перед ней на столике стоял полупитый стакан джина с тоником. В пепельнице тлела сигарета со следами губной помады. Ее каштановые волосы, подстриженные и уложенные этим вечером, при свете лампы блестели, как полированное красное дерево. Она встряхивала левой рукой, чтобы кораллово-розовый лак быстрее высыхал. Ее изящное черное вечернее платье лежало перед ней на темно-синем шезлонге.

— Ради Бога, Тодди, не стой просто так, — проворчала она, увидев его в зеркале. — Мы и так уже опоздали. Потопляйся.

Молча он прошел в свою спальню и сел на стул у окна. Занавески были не задернуты, и он стал смотреть в сад. Тодд чувствовал себя отвратительно. Он смотрел перед собой невидящими глазами. В нем кипела злость. Он хотел выругаться, дать выход своей

злобе. Он сам не знал, чего он хотел. Но он мог твердо сказать, чего он *не хотел*. Не хотел он идти к этим чертовым Миддлтонам!

Катрина закончила красить глаза и припудривала подбородок. Торопливо вскочив, она подбежала к дивану и натянула свое мини-платье, приложив к губам тряпочку, чтобы не запачкать его помадой.

— Я не иду! — прокричал ей Тодд, еще сильнее разозлившись. — *Совершенно определенно.*

Поправив прическу, Катрина втянула губы, чтобы помада легла ровнее.

— Что ты сказал? — переспросила она. — Извини, я не расслышала.

Он оторвался от окна и посмотрел на нее. С ним как будто что-то произошло — как будто из-за своего нежелания идти к Миддлтонам он стал смотреть на свою жену глазами другого человека. Она стояла перед ним в черном платье, обтягивающем безукоризненную грудь и соблазнительный зад. «Очень сексуально», — подумал он, бессознательно восхищаясь ее пышными формами и янтарными глазами.

В эту минуту Катрина нахмурилась:

— Дорогой, да поторапливайся же. Ты же их знаешь. Джулия терпеть не может всех этих друзей Марка. Она надеется на нас.

— Его друзей *никто* терпеть не может. И есть за что. И я их терпеть не могу. Настолько, что и идти не собираюсь.

Она вынула его костюм из шкафа.

— Я понимаю, что скука будет смертная, — промурлыкала она, как будто уговаривая капризного ребенка.

Тодд протянул ей свой пиджак и ослабил галстук.

— Марк просто дерьмо!

— Но ведь Джулия тебе нравится, ты сам говорил, — уговаривала она Тодда, снимая с вешалки его выходной костюм.

— Мне ее просто жалко. Быть замужем за таким идиотом!

— Не всем же так повезло, как мне, — ответила Катрина, торопливо проходя в ванную. — Кроме того, — прокричала она, пытаясь перекрыть голосом шум воды, — я пригласила Глорию и Софи. Тебе же они нравятся...

— Все равно! — прокричал он. — К Миддлтонам я не пойду.

Быстро вернувшись в комнату, Катрина присела перед гардеробом.

— Эти туфли? — предложила она, протянув ему пару обычных туфель из тонкой кожи.

Он снял брюки, бросил их на стул, взял свой стакан и пошел в ванную. Ванная была одним из его любимых мест в доме. Эта часть дома была перестроена больше, чем остальные. Вместо двух прежних спален была построена новая роскошная спальня, его и ее гардеробные и ванная, блиставшая зеркалами.

— Ты что, хочешь уединиться там со стаканом? — прокричала она через открытую дверь. — *Давай быстрее*, одна нога здесь, другая там. Вечно ты не торопишься. Ты отлично знал, что мы идем. Я тебе еще утром напоминала.

— Ты не *напоминала*, а сказала мне сегодня утром в первый раз.

— Я тебе еще на прошлой неделе говорила. А сегодня утром я тебе *напомнила*.

Попробовав воду пальцем ноги, он нашел, что она как раз той температуры, что надо, и с наслаждением погрузился в ванну.

— Да что с тобой такое? — спросила она, пытаясь перекричать шум воды. — Что-нибудь на работе?

Она оглянулась на спальню.

— Черт возьми! Телефон!

Оставшись наедине, он выключил воду и распластался в ванне. Нет, так жить нельзя. Он мог бы и сам решить, с кем и когда ему встречаться. И уж конечно же, Миддлтоны не входили бы в этот список. Встречаться с ними, да еще в конце дня... Нет уж, увольте. В конце дня надо заняться чем-нибудь *приятным*. Сесть, расслабиться, выпить по паре рюмочек. Или пойти в ресторан. Или провести время в компании таких веселых людей, как Лео или Шарли...

До него донесся голос Катрины из спальни:

— Джулия? Да, да, сейчас идем. Тодди только что вернулся.

Он прокричал в бешенстве:

— Ты что, не слышала? Я уже десять раз сказал, что не иду!

— Пока, — проговорила Катрина в телефон. Она повернулась к двери с недовольным видом.

— Тодди, сколько раз говорить?

— Знаешь, кого я сегодня встретил? — сердито перебил он ее.

Она взяла банное полотенце с вешалки и прошла через ванную.

— Может быть, ты мне расскажешь, пока будешь одеваться?

— Твоего отца, — сказал он, посмотрев вверх.

— Господи! — проговорила она. На минуту Миддлтоны вылетели у нее из головы.

— Ты с ним разговаривал?

— Разумеется, разговаривал. Мы выпили по паре рюмочек в «Ритц». — Он вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть выражение ее лица. От этого ее выражения он получил злорадное наслаждение.

— В «Ритц»? — повторила Катрина с широко раскрытыми глазами.

Настроение Тодда начало улучшаться. По пути домой он думал о том, что наконец-то поставит все точки над «и». Прямо сейчас. Момент был как нельзя подходящий.

— Мне он понравился.

— Ерунда! Ты даже его не знаешь.

— Это ты его не знаешь. Когда-нибудь я представлю тебе возможность...

— Ради Бога, Тодди...

— Ну ладно, допустим, у тебя было трудное детство, но в конце концов...

— Да, *поторапливайся* же ты! — не выдержала она. — Мы можем обо всем этом поговорить...

— Нет, именно сейчас.

— Сейчас нет времени, — серьезно сказала она.

— Весь вечер в нашем распоряжении.

— А Миддлтоны? Дорогой, не выводите меня из себя.

Он поднялся из ванны. Вода струями стекала с него. На минуту Тодд остановился, мрачно рассматривая свое брюшко.

— Я бы мог отлично провести этот вечер, — раздраженно сказал он. — Извини, мы могли бы отлично провести этот вечер. Ты, я, Лео и несколько его знакомых...

— Я отказываюсь. Представляю себе его знакомых...

— Нет, ты их себе не представляешь.

— Наверняка какие-нибудь головорезы...

Тодд мысленно представил себе Альдо Морони. Вот кто выглядел настоящим головорезом. Но не Боб Левит. И не Степлтон. И уж никак не Шарли.

Катрина бросила мужу полотенце. Он начал медленно вытираться. На минуточку Тодд задумался, а правильно ли он поступает. Помирить Лео с Катриной стало уже жизненно необходимо. Нужно раз и навсегда положить конец этому бессмысленному противостоянию. Нужно силой заставить Катрину понять это. Но он не был уверен насчет Миддлтонов. Конечно же, он должен пойти... Катрина с ними договаривалась... Катрина обещала...

— Нет,— свирепо прорычал он, заворачиваясь в полотенце.— Я не пойду, черт возьми!

В гардеробной Катрина ждала его. Она уже вытаскивала белье и носки Тодда из комода. Она была ошарашена поведением Тодда. *«Черт возьми, что это на него такое нашло? Он ведет себя как капризный ребенок».*

Катрина расстегнула чистую рубашку Тодда и сняла ее с вешалки. Руки ее немного дрожали. Она пыталась успокоиться.

— *Что это за спектакль!*

Она торопливо начала перебирать его галстуки, а в глубине души считала минуты.

«Поторапливайся! Да поторапливайся же!» — повторяла она про себя.

Он вышел из ванной и проскользнул в комнату.

— Нравится тебе или нет,— объявил он зловещим голосом.— Мы с твоим отцом хорошие друзья.

Ее голова резко дернулась, словно ее потянули за веревку.

— И когда же вы успели подружиться? После двух рюмок? Отлично! Это в его духе. Сколько же ты ему одолжил?

— Нисколько. Никаких денег ему от меня не надо. Напротив, он вполне преуспевает.

— Что-то с трудом в это верится.

— Кроме того, не после пары рюмок. Он звонит мне каждый раз, когда он в Лондоне!

— С каких пор? — фыркнула она.

— Уже несколько лет.

— Ты шутишь! Какой ты галстук наденешь?

— Нет, серьезно. Уже давно. Шесть или семь лет. Я давно хотел тебе сказать.

Глаза Катрины округлились.

— Шесть или семь лет? — В голосе ее звучало недоверие. — Признайся, ты шутишь?

— Ничуть.

— И ты встречаешься с моим отцом вот уже шесть или семь лет?

— В этом нет никакого преступления.

— Нет, ты шутишь. Она уставилась на него, ожидая, что в ответ он рассмеется и этим выдаст себя. — Я не верю. Шесть или семь лет?

Он кивнул.

И Катрина вдруг поняла, что это правда. Она увидела это по его глазам, по серьезному выражению его лица. Она ему *поверила*.

— Господи! И все это время ты от меня скрывал?

— Каждый раз, когда я пытался...

— Пытался? Что значит пытался? Все это время... шесть или семь лет... И ты не имел возможности сказать мне об этом? Ты забывал мне сказать? — Даже ей самой ее голос казался слишком пронзительным, но это происходило помимо ее воли.

— Да, — сердито ответил он. — Именно так. Посмотри на себя сейчас.

— Нет. — Ее голова помимо ее воли начала раскачиваться из стороны в сторону. — Нет, — повторила она, бросив его галстуки на пол. — И ты еще говоришь, что я во всем виновата! Ну уж нет, дорогой! Ты занимаешься неизвестно чем за моей спиной, и у тебя еще хватает наглости меня в чем-то обвинять!

— Так я и знал, что все так и будет, — проворчал он. Он бросил полотенце и стал надевать белье. — Каждый раз одно и то же...

— Что значит каждый раз? — Ее лицо покраснело. — Я это все слышу в первый раз.

Он вздохнул и потянулся за рубашкой.

— Ты отлично понимаешь, о чем идет речь.

— Нет, не понимаю. — Она трясла головой, заикаясь от негодования. — Я ничего не понимаю. И я уже не уверена, что я знала тебя все эти годы. В один прекрасный вечер ты вдруг приходишь домой и заявляешь... *Семь лет!*

Ее голос сорвался, и она перевела дыхание.

— Нет, я отказываюсь верить.— Руки ее дрожали, а колени тряслись. Она чувствовала, что ей нужно было сделать какое-нибудь движение, чтобы ослабить напряжение. Она повернулась к двери, не отдавая себе отчета, куда она идет. Но через мгновение вспомнила.

— *Черт возьми! Миддлтоны! Джулия будет в панике.*— Я иду,— заявила она.

— Подожди. Я почти готов!

— Не волнуйся. Ты же не хочешь идти.

Он засунул одну ногу в брюки.

— Подожди,— сказал он, в то время как она направлялась к двери.

— Нет! — Она быстро прошла через спальню.— Я скажу, что ты не смог пойти, что-нибудь придумаю.

— Не можешь же ты пойти без меня.

— Я не хочу, чтобы ты шел со мной.— Катрина резко повернулась на лестничной площадке. Ее янтарные глаза сверкали, лицо было раскрасневшимся, голос звучал странно. Она отстраненно кивнула головой, как бы желая в чем-то убедить себя.— В конце концов, это всего лишь вечер с твоей женой! Тебе он не понравится. Ты сам это скажешь. Тебе он совершенно не понравится.

Через секунду Тодд был на лестничной площадке, но Катрин уже сбегала по ступенькам.

— Подожди! — крикнул он.

Но ждать она не стала. Тодд услышал, как с оглушительным звуком захлопнулась дверь. Мак выбежал из кухни, отчаянно лая, пробежал по прихожей и застыл перед закрытой дверью. Затем он повернулся, скуля засеменил к Тодду и стал лизать его босые ноги.

— Черт побери! — проворчал Тодд.— Черт побери!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Он вбежал наверх, натянул одежду, вскочил в туфли, но на середине лестницы вдруг остановился. «Почему это я должен за ней бегать? Это ее вина. Любая разумная женщина уже давно бы помирилась с отцом. Любая разумная женщина бежала бы от Миддлтонов, как от чумы...»

Вернувшись в гардеробную, он сбросил туфли и повесил пиджак обратно на вешалку. Кипя от негодования, он вынул из ящика свитер, быстро надел его и, минуточку поколебавшись, спустился вниз прямо в носках.

Он не имел и малейшего понятия о том, как провести этот вечер, куда себя деть. Весь дом казался ему чужим. Без Катрины он чувствовал себя не в своей тарелке. Она встречала его всякий раз, когда он приходил домой. Он ни разу не оставался дома один.

В прихожей выжидающе стоял Мак, склонив голову набок, и вопросительно смотрел на него.

Тодди кивнул Маку.

— Да, ты прав, старина. Еще одна глупая ссора. Сколько их было?

Он потрепал Мака по спине и произнес со вздохом:

— Пошли, поищем что-нибудь на ужин.

Он никогда не учился готовить. Зачем? Катрина была *первоклассной* кулинаркой. Ей даже нравилось готовить. А когда ей было лень, они ужинали в ресторане. Они часто ужинали в ресторане, иногда из-за деловых или дружеских встреч, иногда просто так. Но даже если бы и не это, ему никогда не приходило бы в голову попробовать готовить самому. Кухня была для него *terra incognita*¹. Он открывал серванты и смотрел на их содержимое ничего не понимающими глазами. Наконец Тодд нашел немного хлеба, сделал себе бутерброд с сыром, положил его на тарелку и отнес все это в гостиную. Наливая себе виски, Тодд с завистью подумал о том, как Лео сейчас веселится в гостинице. «Черт возьми, — подумал он, — и я бы мог повеселиться. Я бы смог пойти куда-нибудь с Лео и с этой Шарли. Или хотя бы пойти к соседям и поужинать как человек. А вместо этого я сижу здесь и ем какой-то бутерброд».

— Дело в принципе, — заявил он Маку, который сворачивался клубком на коврик.

Мак вопросительно взглянул на него и положил голову на лапы.

— Дерьмово, правда? Да, ты прав.

Он вытянул ноги на диване, отпил виски и надкусил бутерброд. Он задумался, в чем была причина ссоры.

¹ Неизвестная земля (лат.).

Конечно же, не в Миддлтонах. Очень надо ссориться из-за каких-то Миддлтонов. Раньше бы они с Катриной плюнули на это и повеселились бы вволю. Но в последнее время что-то не то...

— Куда ушло веселье? — мрачно спросил себя Тодд.

Но он отлично знал, куда оно ушло, веселье.

Веселье начало уходить в тот день, когда он положил глаз на «Палому Бланку».

Трясаясь в открытом джипе Хэнка, они отъехали из гавани и взбирались на гору.

— Куда мы едем?

— Я же сказал, сюрприз.

— Я не люблю сюрпризов.

— Этот тебе понравится.

— Ты уверен? Далеко еще?

— Около шести миль.

Хэнк был возбужден. Тодд пытался понять, куда же они едут. За два года он не узнал ничего нового о Майорке. Когда Катрина предлагала сходить еще куда-нибудь, он всегда отвечал: *«Зачем? У меня и так есть на этом острове все, что мне нужно»*. И у него действительно было все, что нужно. Вилла, яхта, «Воронье гнездо», круг друзей.

«Это совсем недалеко, в пяти часах полета», — хвастался он своим друзьям в Лондоне.

Благодаря усилиям Катрины, перелет из Лондона на Майорку был перелетом из одного роскошного и уютного дома в другой. Они путешествовали налегке, так как были вполне уверены, что в каждом из домов найдется гардероб на все случаи жизни. Прилетая в Пальму, они брали такси в аэропорту и ехали до самого дома. Поэтому остальную часть острова они почти и не видели. Они приезжали на Майорку и все время проводили в гавани — и это вполне устраивало Тодда. Тодд пытался угадать, что же еще смог найти для него Хэнк.

— Немного в стороне от избитой дороги, не так ли? — спросил он Хэнка. Тодд поморщился, глядя на дорогу.

Они ехали по какой-то дороге вдоль побережья, а не в глубь острова. Тодд усмехнулся.

— Только не говори, что присмотрел мне еще одну яхту. Катрина еще после той не отошла.

— Нет, это совсем не яхта.

Тодд вынул платок и вытер лоб.

— Ну и жарко сегодня! Ты что, не чувствуешь? Я весь мокрый. Да поставь ты себе кондиционер хотя бы. Я могу тебе по дружбе...

— Я люблю солнце. Потому я и живу здесь.

Тодд усмехнулся и посмотрел на пустынную дорогу, заворачивающую налево. Шины джипа шуршали по пересохшей земле, вздымая за собой облака пыли. Проехав с милю, Хэнк свернул на узкую тропинку. Тодд смотрел через плечо на плещущееся море, затем оно скрылось от его взгляда за высокой кирпичной стеной, длиной почти в две мили. Тропинка становилась все уже и уже. Тодд вздрагивал каждый раз, когда джип подскакивал на ухабах. Наконец Хэнк подъехал к стоянке. Он остановился так близко от стены, что не смог открыть дверь машины.

— Я вылезу с твоей стороны,— сказал он.

Тодд вышел из машины и устоялся на пустую дорогу.

— Это что же, мы приехали в никуда?

— Ты порой бываешь слишком нетерпелив. Здесь недалеко.

Хэнк указал на деревянную дверь в стене.

— Есть еще один вход, но я хочу, чтобы ты увидел ее отсюда.

— Да кого ее?

— Увидишь,— сказал Хэнк, открывая дверь. Пойдем.

Тодд вошел и очутился как бы в лесу. На несколько ярдов от стены тянулись густые деревья, растущие так близко друг к другу, что узкая тропинка между ними была едва заметна. Хэнк запер дверь и положил ключ в карман.

— Пошли, старина,— повторил он и ступил на тропинку.

Приятно было ощутить тенистую прохладу после изнурительной жары. Тодд посмотрел вверх, на зеленые верхушки сосен, уходящие в небо, и почувствовал себя как бы под высокими сводами собора. Это впечатление усугублялось тишиной и отдаленностью этого места. Воздух был насыщен ароматами хвои, и дорожка под ногами была усыпана иголками.

— Это частная земля? — подозрительно спросил Тодд.

— Местами. Она принадлежит одной и той же семье вот уже около двухсот лет.

— Ты хочешь сказать, что мы вторглись в чужие владения?

— У меня же есть ключ, если ты успел заметить.

— Если у тебя автомат, то это еще не значит, что ты солдат.

Хэнк улыбнулся, обнажив белоснежные зубы.

— Не волнуйся, у нас есть разрешение. Пошли,— повторил он.

После пятидесяти ярдов Тодд начал задыхаться.

— Зачем так бежать? — попытался протестовать он.— Кто бы она ни была, она подождет. Ты ей сказал, что ты не один?

— Ты шутишь? Ничего, пробежишься с милю. Это даже восхитительнее секса.

Хэнк усмехнулся, увидев, как Тодд изумленно выпятил глаза.

— Хватит паять по сторонам. Скоро увидишь. Уже недалеко.

Оказалось действительно недалеко. Тропинка свернула налево и пошла под откос. Лес становился все реже, и солнечный свет все сильнее проникал сквозь сосны. Тодд снова стал ощущать солнечное тепло. Хэнк остановился и театральным жестом простер вперед руку.

— Вот,— произнес он.— Теперь смотри, наслаждайся.

Сосны, сотни сосен тянулись до самого горизонта. Они стояли как часовые по склонам трех холмов, которые образовывали ложбину. Почти в двухстах ярдах от них, в самой глубине ложбины, стоял старый домик, аккуратные стены которого создавали впечатление уюта. Тодд рассмотрел терракотные вазы на асфальтированных террасах и герань, свешивающуюся с балкона.

А за всем этим — по крайней мере через двести ярдов — раскинулся золотой песок, отделяя землю от моря.

Он стоял, оглядываясь по сторонам и пытаясь переварить массу впечатлений — синее небо, еще более синее море, великолепную зелень холмов. Потряса-

ющая красота и вековая тишина заставили его на минуту забыть. Затем он стал всматриваться в детали. Ему понравилось, что террасы были разной ширины, одни широкие, другие — узкие, и все переплетенные виноградом. Виноград тянулся многими рядами, запущенный и разросшийся. Внизу была роща миндаля, а за ней апельсиновые деревья, все оранжевые от плодов на ветвях. За ними лимоны. Направо от дома был, как понял Тодд, цветник, точнее то, что когда-то было цветником, — настолько он был запущенным и заросшим. А выше по левому склону — еще террасы, увитые виноградом. Иногда со стороны моря прилетали чайки, и их резкие крики контрастировали с милым воркованием белых голубей, расположившихся на развесистых ветвях оливы, растущей неподалеку.

Хэнк пристально смотрел на Тодда, ожидая его реакции.

— Ну как, красиво?

Тодд кивнул, все еще озираясь вокруг.

— Я намерен купить все это, — спокойно произнес Хэнк.

У Тодда голова закружилась от удивления.

— Ты это все покупаешь? Но что это — ферма, виноградник или ...?

— Или... — кивнул Хэнк — Ты когда-нибудь видел такую красоту?

Тодд снова посмотрел на дом и на море за ним. Пустынный пляж был длиной минимум в сто ярдов. С обеих сторон к пляжу спускались холмы, словно обнимая его.

— Рай, — произнес он. Посмотрев на уходящие в небо сосны, он почувствовал восхищение. — Стоит только представить себе, что все это твое... — пробормотал Тодд, завистливо покачав головой. — Ты прав. Дивное место.

Хэнк просиял.

Подойдя к краю обрыва, Тодд поднес руки к глазам наподобие бинокля и обернулся вокруг, вытягивая шею.

— Ему нет конца! Какова же его площадь?

— Около двадцати гектаров.

— А если перевести в английские меры?

— Тридцать акров, плюс-минус несколько квадратных ярдов.

— Тридцать акров! — восхищенно повторил Тодд и отошел назад. — Черт возьми, фантастика! Представь себе, каково каждое утро просыпаться и обнаруживать, что ты в таком месте? Все равно что проснуться в раю! — Он вдруг остановился. — Подожди, как получилось, что ты все это *покупаешь*? Ты же сказал, что уже двести лет это райское место принадлежит одной семье?

— Старик умер год назад. Я имею дело с его сыном.

— А с сыном что такое? Ему здесь не нравится?

— Он игрок. Просадил целое состояние в рулетку, а теперь должен всему миру.

Тодди посмотрел на старый дом и представил себе уютную прохладу его комнат и тот стиль жизни, к которому они располагали. Он подумал о том, что в этом доме жило много поколений одной семьи, и на минуту ему стало грустно.

— Ну, что ты думаешь?

Тодд усмехнулся:

— Я рад, что у меня нет детей.

— Я имею в виду, как тебе вид?

Тодд покачал головой.

— Что можно сказать? Самое красивое место, которое я когда-либо видел. Серьезно. Райский уголок. В качестве виллы... Вилла в таком солнечном уголке, — с морем и со всем остальным...

— Потрясающе, правда?

— Еще как.

— Хорошо, — усмехнулся Хэнк. — А теперь привлеку все свое воображение. Вот там, — он указал на крайний левый угол побережья, — там, где горы спускаются к морю, мы построим пристань.

— Ты построишь причал?

— Небольшой, но очень изысканный. Около двухсот стоянок.

Тодд присвистнул. За свое место на стоянке он платил четыре сотни в год, а другие, как он знал, платили еще больше.

— Выгодное дельце.

— Это все цветочки, — перебил его Хэнк, указывая пальцем в противоположном направлении. — А там у нас будет яхт-клуб.

— Яхт-клуб?

— Со своим клубом, коктейль-баром, шикарным рестораном, модной родной кухней и всем таким...

— Что-то вроде «Вороньего гнезда»?

— Лучше. Приезжие будут платить дополнительно, чтобы войти.

— Приезжие? Ты хочешь сказать — иностранцы? Хэнк рассмеялся.

— Нет, те, кто не остановился в гостинице.

— В какой гостинице?

— В той, которую мы построим. Слушай, проснись, я же сказал тебе, чтобы ты подключил все свое воображение! — Хэнк похлопал Тодда по плечу и указал в другое место. — Вот там, видишь? — начертил он воображаемую линию от анельсиновых деревьев к вилле. — Понял? Вот здесь мы и построим гостиницу.

— Гостиницу? — эхом отозвался Тодд.

— Но не типа всех этих железобетонных чудовищ, а действительно красивую. В старом испанском стиле. С широкими арками в мавританском стиле, с высокими сводчатыми потолками, мраморными полами, итальянскими бассейнами. Это будет настоящий дворец. Я нашел совершенно фантастического архитектора. Ты бы послушал его. Главная идея — чтобы гостиница гармонировала с пейзажем. Там будут всякие штучки по последнему слову техники, но все они будут спрятаны...

— Ты уже нашел архитектора? — у Тодда кружилась голова. — Да, судя по всему, ты серьезно принялся за дело!

— Он один из лучших архитекторов в мире. В офисе у меня уже лежат планы, расчеты расходов и все такое. — Хэнк остановился. Глаза его сверкали. — Этот парень хочет привезти для строительства каменные глыбы из Барселоны, тонны камня. Но это все окупится. Роскошь по высшему классу. Я планирую двести пятьдесят номеров, не просто комнат, а люксов — каждый со своей террасой, глубоким бассейном и все такое. И каждый номер будет с видом на море. А за гостиницей, на этих террасах, мы разместим теннисные корты и бассейны, и все они будут связаны между собой переходами, а по бокам — пальмы, стены со всякими вьющимися растениями и все такое. А на остальном участке земли мы устроим маленькие уютные бары, с огнями по ночам. Внизу, там, будет яхт-клуб...

Тодд сел на землю.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Вот так гостиница.

Хэнк присел рядом с ним.

— Не просто гостиница. В том-то все и дело. Это место столь уникально, что у нас есть идея устроить здесь нечто действительно необыкновенное. Роскошь, какой нет нигде на Балеарских островах, может быть, даже нигде на Средиземном море. Кто знает, может быть, даже нигде в мире. «Палома Бланка» станет...

— Что такое «Палома Бланка?»

— Так называется это место. Есть легенда. Посмотри туда, — Хэнк указал на оливковую рощу. — Двести лет назад некий человек посадил здесь оливы и виноград. Он построил эти террасы, холил и лелеял свой виноград, поливал его, трудился день и ночь весь год. Бедняга делал все как надо, но кусты один за другим чахли и умирали. Он все расчистил и начал снова, потратив последние деньги. Но новые кусты приживались не лучше прежних. Он уже было решил, что ему не суждено вырастить здесь виноград. Он был в отчаянии. Но однажды утром он проснулся и увидел за окном белого голубя. До этого он видел лишь чаек и других морских птиц. У голубя было перебито крыло, и другие птицы наверняка бы его заклевали. Как говорит легенда, этот бедняк перевязал голубю крыло и стал кормить его и ухаживать за ним, пока он снова не смог лететь. Но голубь остался. И болезнь покинула виноград, он стал хорошо расти, а человек — процветать. С тех пор здесь каждый раз можно увидеть белого голубя — «Ла Палома Бланка».

Тодд понял, что Хэнк показывает не на оливу, а на голубя, сидящего на ветвях.

— Значит, «Палома Бланка» означает «Белый голубь»?

Хэнк кивнул.

— «Палома Бланка». Я, пожалуй, оставлю это название. Это символ счастья, с белым голубем связано много ассоциаций. Я представляю себе белого голубя на вывеске..

— Что ж, отлично. Хороший символ, — согласился Тодд. Он был слишком поражен размахом планов Хэнка, чтобы думать о названии.

— Я все еще не верю своим глазам

Тодд качал головой от восхищения. Он посмотрел в ложбину. Прищурившись, он почти увидел будущую гостиницу.

— Ну как?

— Все это не укладывается у меня в голове. Ты самый счастливый человек в мире, если тебе попался столь лакомый кусочек.

Хэнк рассмеялся.

— Я хотел тебя пригласить сюда еще четыре недели назад, но Дон Антонио все время увиливал...

— Это тот самый игрок?

Хэнк посмотрел на него с удивлением.

— Ты что, не слышал о Доне Антонио?

Тодд помотал головой.

— Архитектор. Известная величина в Италии и во всей Европе, может быть, даже и во всем мире.

— Я не разбираюсь в архитекторах,— признался Тодд, пожав плечами.

— Поверь мне, он один из лучших. Он как раз тот человек, которого я хотел. Я поехал в Барселону и умолял его приехать и посмотреть на это место. Сначала, разумеется, он сказал, что слишком занят, но я каждый день приходил в его офис и просто сидел там.

Хэнк усмехнулся.

— Я подумал, что незачем приглашать тебя, пока я сижу в Барселоне.

— Но в конце концов он поехал?

Хэнк кивнул, все еще улыбаясь.

— После того, как я упрашивал его целую неделю. Он пришел в восторг, когда увидел это место. Мы вернулись в «Воронье гнездо», позвонили в его офис, и на следующий день сюда приехали двое его помощников. Они возились здесь три дня, фотографировали, осматривали окрестности. Он обещал на этой неделе подбросить мне несколько идей. Я знал, что ты приедешь, поэтому я ждал тебя. Все это лежит в офисе: проекты, наброски, расчеты. Ему еще много придется работать, но уже можно понять, как все будет выглядеть.

Хэнк посмотрел на него.

— Если ты, конечно, согласен стать моим партнером.

У Тодда забилося сердце.

— Партнером?

— Партнером, и на пятьдесят процентов.

— Господи! — проговорил Тодд. Он ощутил то же смешанное чувство страха и радости, которое он испытывал, когда Сэм Оуэн спросил как ни в чем не бывало: «А почему бы тебе не перенять компанию от меня?» Ошеломленный этим предложением, с минуту он стоял неподвижно.

— Партнером? — переспросил Тодд.

Хэнк снова кивнул.

У Тодда закружилась голова.

— Но ведь это стоит миллионы?!

Хэнк снова кивнул.

— Миллионы, чтобы построить, миллионы оборота и миллионы прибыли.

Тодд закусил губу. Переводя дыхание, он произнес:

— Послушай, признаюсь тебе честно. Я всего лишь продаю машины. Я хочу сказать, это все, что я знаю. Я всего лишь механик. Я начинал механиком.

— Ну и что? Я начинал матросом.

— Я ни шиша не смыслю в гостиницах.

— Да там и смыслить нечего. Гостиница — это всего лишь ресторан с номерами. Я имею опыт с ресторанами, а ты знаешь бизнес. Я все вычислил. Вдвоем у нас дело пойдет.

Тодд чуть улыбнулся.

— Но почему я? — спросил он. Сердце его все еще отчаянно билось.

— Почему бы и нет? Мы ведь с тобой друзья, кажется?

— Да, но... здесь в гавани много людей, которые...

— Гораздо более подходят тебе, — закончил Хэнк. — Я знаю, но мне нужен человек, которому я бы смог доверять. А все эти идиоты готовы отца родного продать. Кроме того, — улыбнулся он, — мне кажется, что ты еще не оставил мечту выбиться в люди.

Тодд поднял голову и посмотрел на поросшие соснами вершины холмов.

— Честно говоря, не оставил, — произнес он.

— Что ж, вот тебе отличный шанс, Тодд, — сказал Хэнк. Его лицо приняло серьезное выражение. — Я помню, как я в первый раз приехал в Европу в шестидесятые годы. Вот было времечко! Сан-Тропез, Канни, французская Ривьера и все такое! А в семидесятые... —

Воспоминания оживились. Видел бы ты тогда Мербеллу. А сейчас... Это даже смешно. — Негуж былой роскоши. Народ туда еще ездит, но по инерции. Слишком там многолюдно... Я бы не хотел повторять их ошибку. У нас есть шанс превратить «Палому Бланку» в гостиницу для избранных из избранных! — Он посмотрел на море.

— Знаешь что? — произнес он. — Мне надоел мой ресторан. А это то, чего я всю жизнь ждал. Скажу тебе, Тодди, это то, что надо: самая подходящая идея, самое подходящее место и самое подходящее время!

Эти слова напомнили Тодду те дни, когда он сам только начинал. «Самая подходящая идея, самое подходящее время, самое подходящее место», — именно это он сам и сказал тогда Ларкинсу, слово в слово! А сейчас Хэнк говорит ему то же самое.

Чувство восторга переполняло Тодда. Он повернулся к Хэнку и не увидел на его лице знакомой улыбки. Он никогда не мог представить себе Хэнка без этой очаровательной улыбки. Но сейчас широкий рот Хэнка вытянуло в прямую линию и над верхней губой выступили капельки пота.

— Я не хотел бы от всего этого отказываться, — произнес Хэнк тихим голосом. — Я не давяю на тебя, но я не хотел бы долго пребывать в неизвестности. Мне дали срок в шестьдесят дней. Половину денег сразу, половину через шестьдесят дней. Половину я уже отдал, теперь у меня осталось двадцать два дня, чтобы найти партнера.

— Двадцать два дня? — удивился Тодд.

— Три недели и один день.

Хэнк кивнул.

— Первый шанс я хотел предложить тебе. Если ты откажешься — ничего страшного. У меня еще есть время кого-нибудь подыскать. Но пойми, я не смогу долго пребывать в неизвестности.

— А если ты никого не найдешь?

— Тогда сделка прогорит, и я потеряю сто миллионов песет.

Тодд нахмурился, пытаясь перевести сто миллионов песет в фунты.

— Это больше четверти миллиона фунтов. Правильно?

Хэнк кивнул.

— Все, что я смог предоставить. Я поставил на карту «Воронье гнездо».

— Ты потеряешь «Воронье гнездо»? Да ты авантюрист!

— Это не авантюра. Я найду деньги.

Тодд закусил губу, подсчитывая свою наличность. Четверть миллиона и он мог бы дать. Но не больше. Первые два месяца после этого пришлось бы трудно, но в конце концов, бизнес процветал. Он все еще был ошеломлен известием, что Хэнк поставил на карту свой ресторан. «Воронье гнездо» было для Хэнка делом всей его жизни. Всей жизни! Хэнк не рисковал бы так, если бы не был уверен на сто процентов.

— Двенадцать миллионов фунтов! — Голос Катрины разносился по всей вилле. — Ты собираешься занять двенадцать миллионов фунтов?

Тодд посмотрел на нее поверх стола, заваленного чертежами. Раскрасневшийся и раздраженный, он ответил:

— Это самый крупный шанс в моей жизни!

— В *твоей* жизни! Обо мне ты не подумал. Как же, это само собой разумеется! Ты даже не посоветовался со мной!

— Я, кажется, говорил тебе. Завтра я возьму тебя посмотреть.

— Я не пойду. Я не хочу впутываться в это дело.

Тяжело вздохнув, он поднялся и подошел к бару.

— Будь разумной. Я всего лишь сказал Хэнку...

— Что ты заплатишь ему четверть миллиона к концу месяца.

— Я не говорил ничего определенного, — солгал он. — Я сказал «*может быть*». Я хотел оттянуть время, обсудить это с тобой...

— Когда ты вернулся, ты говорил не это. Ты сказал, что все уже решено. Ты ворвался возбужденный, потрясая этими чертежами... И вдруг ни с того ни с сего оказывается, что ты замешан в гостиничном бизнесе! — Она перевела дыхание. — Тодди, что с тобой? Зачем тебе это надо?

— Больше миллиона в год! — Такова прибыль. Каждый год! Для нас обоих!

Он принес Катрину...
— Мы будем...
жешь это коня?

Он вернулся к...
Катрина испу...

детство сделало...
время как ее подруг...

всего лишь о боле...

нии. Самые ранни...

с судебными прист...

искать ее отца пос...

нибудь очередная...

не выдержав этого...

приводил ее к очер...

Катрина произн...

— Пусть Хэнк...

Тебе это не нужно.

— А с милли...

жить хуже?

— Мы приезжа...

хочу, чтобы ты схо...

за работу.

— Да мне и не...

строят за два года,

Хэнк. — Он присел...

только загребать де...

— Значит, Хэнк...

пополам?

— Я оплачиваю...

заканчивается.

— Двенадцать м...

двенадцать миллион...

Его лицо принял...

— Банк же дал м...

нию Сэма? Безо всяк...

— Там было все...

миллионов. К тому...

мобильного бизнеса...

«Тодд Моторз». Ты...

— Значит, это в...

машины? — Его ли...

Всю жизнь продават...

Катрина машина

Он принес Катрине стакан и поставил на стол перед ней.

— Мы будем обеспечены по гроб жизни! Ты можешь это понять?

Он вернулся к бару за стаканом для себя.

Катрина испуганно наблюдала за ним. Ее трудное детство сделало из нее расчетливого бухгалтера. В то время как ее подружки мечтали о дворцах, она мечтала всего лишь о более или менее безбедном существовании. Самые ранние ее воспоминания были связаны с судебными приставами. Десятки мужчин приходили искать ее отца после того, как проваливалась какая-нибудь очередная его афера. Мать Катрины спилась, не выдержав этого напряжения. Любой стук в дверь приводил ее к очередному запою.

Катрина произнесла умоляющим голосом:

— Пусть Хэнк найдет себе кого-нибудь другого. Тебе это не нужно. Мы и так прекрасно живем...

— А с миллионом фунтов в год мы будем жить хуже?

— Мы приезжаем сюда, чтобы отдохнуть. Я не хочу, чтобы ты сходил с самолета и сразу принимался за работу.

— Да мне и не придется работать. Гостиницу строят за два года, а дальше заправлять ею будет один Хэнк.— Он присел, широко улыбаясь.— А я буду только загребать денежки.

— Значит, Хэнк будет делать всю работу, а доход пополам?

— Я оплачиваю строительство. На этом моя роль заканчивается.

— Двенадцать миллионов? Ну и где ты возьмешь двенадцать миллионов?

Его лицо приняло удивленное выражение.

— Банк же дал мне кредит, когда я покупал компанию Сэма? Безо всяких возражений...

— Там было все же поменьше, чем двенадцать миллионов. К тому же дело касалось опять-таки автомобильного бизнеса. Они дали тебе как представителю «Тодд Моторз». Ты уже зарекомендовал себя...

— Значит, это все, на что я способен? Продавать машины? — Его лицо покраснело от оскорбления.— Всю жизнь продавать эти чертовы машины?

Катрина машинально осушила свой стакан. Мысли

ее были в смятении. Сначала ее удивило восторженное настроение Тодда. Затем она не на шутку испугалась. Мозг бухгалтера автоматически начал подсчитывать их долги. За виллу пока была уплачена только половина, за яхту осталось заплатить еще пятьдесят тысяч. Со всем этим можно было справиться, при условии что бизнес все так же будет процветать. Но сейчас он собирался выложить всю их наличность и еще занять миллионы...

— Да пойми же,— говорил он,— этот проект поднимет наш авторитет.

— Тебя и так все уважают. Все, кто тебя знают...

— Не все.— Он покачал головой.— Не все здесь, в «Вороньем гнезде». Например, этот, как его, Ганс Гинзберг. Знаешь, сколько он заплатил за яхту? Миллион семьсот.

— Ну и что? Он мафиози.

— Хорошо, а Датч Хэрри? Знаешь, сколько он заработал на ночных клубах? Однажды он мне признался...

— И ты поверил!

— Ты думаешь, он лжет? Посмотри, какую жизнь они ведут! Хиксоны прилетают на своем собственном самолете. Вилли Томпсон в прошлом году купил целый табун беговых лошадей. Я читал в газете.

— А я-то думала, что мы приезжаем сюда отдыхать,— резко оборвала его Катрина. Оказывается, я ошибалась. Оказывается, ты приезжаешь сюда, чтобы считать чужие деньги.

— Мы общаемся с богатыми людьми. Они все помешаны на деньгах. И мне надоело, что они смотрят на меня как на маленького толстенького продавца машин из Лондона! Это утрет им нос. Они увидят, что я ничуть не хуже их.

Они посмотрели друг на друга, понимая, что между ними начинает расти отчужденность. Он допил свой стакан одним глотком и пошел к бару за вторым. Наливая виски, Тодд сказал:

— Это мой самый крупный шанс. Давно пора. Я выхожу на международную арену, понимаешь?

На ее лице отразилась тревога.

— Ты всю жизнь работаешь,— испуганно пыталась протестовать она.— Сколько я тебя помню. Как ты можешь так рисковать?

— В чем же
жечь на курорт.
по два или три
— Чем же
нес? Тодди.
выкладывать чет
закли...
— Ничего, с
подсчитай оборо
— А если на
пойдут плохо?
— Если, ест
вдруг дела у ме
квартале были от
— Ну мало л
— В крайнем
— Продадим
ушам. Она люби
что можно ее по
— Почему б
понадобится. У
ломе Бланке». —
— Но...— Он
но сказать, наш
уже как бы роди
мебель, посуда...
— Посуда? Те
баров, три рестор
у тебя будет навал
— Гарри Лар
произнес он.— Ч
умеете смотреть в
в будущее.
— Это совсем
нил Смитсон. Ког
и давал вам этот
Оуэна. У него был
у него были счета
прибылях, он мог
— Я оплатил е
— Да, действи
Смит...

— В чем же здесь риск? Люди всегда будут приезжать на курорт. Сейчас каждый устраивает себе отпуск по два или три раза в год.

— Чем же вдруг стал плох твой тенересный бизнес? Тодди, одумайся! Никто тебя не заставляет вкладывать четверть миллиона в какие-то воздушные замки...

— Ничего, справлюсь. Отложи вынату кое-кому, подсчитай оборот капитала...

— А если настанет черная полоса и дела у тебя пойдут плохо?

— Если, если... — передразнил он ее. — Почему вдруг дела у меня должны пойти плохо? В прошлом квартале были отличные показатели, в позапрошлом...

— Ну мало ли что...

— В крайнем случае продадим эту виллу.

— Продадим виллу? — Она не поверила своим ушам. Она любила эту виллу. От одной мысли о том, что можно ее потерять...

— Почему бы и нет? Она нам больше не понадобится. У нас будет постоянный номер в «Паломе Бланке».

— Но... — Она глубоко вздохнула. — Это уже, можно сказать, наш дом. Мы привыкли к нему. Здесь все уже как бы родное. — Она огляделась вокруг. — Эта мебель, посуда...

— Посуда? Тебе нужна посуда? У нас будет пять баров, три ресторана и яхт-клуб. Так что уж посуды у тебя будет навалом!

— Гарри Ларкинс одолжил бы мне, — горько произнес он. — Что с вами, ребята? Вы просто не умеете смотреть в будущее. Вот Гарри умел смотреть в будущее.

— Это совсем другая ситуация, — спокойно объяснил Смитсон. Когда мистер Ларкинс был менеджером и давал вам этот заем, он давал его под ручательство Оуэна. У него была страховка имущества. К тому же у него были счета Сэма Оуэна. Имея отчет о прошлых прибылях, он мог предвидеть, как вы оплатите долг.

— Я оплатил его даже раньше, чем вы ожидали.

— Да, действительно, мистер Тодд, — улыбнулся Смитсон. — Никто из нас не сомневается в том, что

в автомобильном бизнесе вы можете многого добиться. Вы им всю жизнь занимались. Вы в нем собаку съели. Но этот проект с гостиницей...— Он ухмыльнулся, кивнув на планы, лежавшие у него на столе.— Простите, но это все вилами на воде писано... Я думаю, что вы с этим согласитесь.

— Нет, не соглашусь,— упрямо ответил Тодд.— В этом-то все и дело.

Он находился в банке уже час, но дело не сдвигалось с мертвой точки. Смитсон, как считал Тодд, был плохой заменой Ларкинсу. Старина Гарри одолжил бы ему. Гарри доверял его чутью и сам был расчетлив. Он никогда рабски не подчинялся директивам правления банка. «Я и не таких раскусывал,— говорил обычно Ларкинс.— Я знаю своих клиентов лучше, чем эти надутые индюки из правления банка. Если им что-нибудь не нравится из того, что я делаю, они могут меня уволить. Но каждый раз им не за что меня увольнять, и тогда они слезают с моей шеи!»

Смитсон ни за что бы не посмел сказать такое правлению банка. Смитсон все делал только по инструкции.

У него была отвратительная дикция и острый язык, который резко вздымался над его старомодным галстуком.

Тодд вздохнул, мысленно собрал все аргументы «за», которые у него были; и начал снова:

— Вы только что говорили о страховке. Нам нужны сразу все деньги. Мы будем платить строителям по мере того, как они будут строить. На каждой стадии мы будем получать сметы расходов от архитектора, так что вы не будете платить, пока определенная часть работы не закончена. Наш долг будет нарастать постепенно в соответствии с заемом.

Он воздел руки и откинулся в кресле.

— Так что страховку вы будете иметь на каждой стадии работы.

Смитсон улыбнулся.

— Если бы все было так просто...

— Что же может случиться?

— В таких больших делах сложности появляются неожиданно. Особенно в строительстве.

— У нас лучшие строители на Майорке.

Смитсон проигнорировал этот его ответ.

— И к концу второго года вы будете должны нам двенадцать миллионов с таким.

— Гарантированные под закладную.

— Да, но будет ли вновь построенное здание того стоить?

— Сметы архитектора покажут, во сколько обойдется строительство гостиницы и то, какую прибыль она будет приносить.

— Доход от гостиницы и то, сможете ли вы выплатить долг,— разные вещи!

Тодд бросил взгляд на Смитсона.

— Мне кажется, вы не понимаете, о чем идет речь, мистер Смитсон,— сказал он резко.— Вы слишком низко оцениваете этот проект. Речь идет о лучшем отеле на всем Средиземном море! Вы видели проекты...

— Да, но в том-то и дело, это всего лишь проекты. Это не отчет...

— Отчет у Хэнка. «Воронье гнездо» — лучший ресторан на всем острове...

— Это все-таки посерьезней, чем быть владельцем ресторана,— отрезал Смитсон.— И вы будете в полной зависимости от его деловых способностей. Вы с вашим полным отсутствием прошлого опыта не сможете внести в это дело никакого вклада.

— Хэнк отлично справится.

— Если подобная гостиница, как вы говорите, приносит такой доход, почему другие не спешат строить такие же?

— Мы строим в красивейшем месте,— объяснил Тодд с видом триумфатора.— Все дело именно в нем. Это наша козырная карта. Можно даже сказать, козырной туз. Да, новые гостиницы строятся. Но это всего лишь гостиницы. Они похожи друг на друга, как две капли воды. А «Палома Бланка» будет особенной. Поэтому мы и привлекли Дона Антонио, который построит там дворец. Мы оборудуем его антикварной мебелью. Поэтому мы и можем запросить за это лишний доллар.

— Тогда другое дело. Если вы гарантируете, что вам будут так хорошо платить...

— Я в этом абсолютно уверен. «Палома Бланка» будет гостиницей для избранных из избранных.

— Но такие цены,— Смитсон нахмурился и по-

смотрел на проекты Тодда.— Будут ли люди платить такие деньги?

— Послушайте, мистер Смитсон,— серьезно произнес Тодд, указывая на него своим похожим на обрубок пальцем.— На Майорке каждый год отдыхают миллионы людей. Миллионы! А у нас всего двести пятьдесят номеров. Капля в море! Поэтому мы можем позволить себе иметь гостиницу высшего класса.

— У тебя был плохой день? — спросила Катрина за ужином.

Он усмехнулся, потянувшись за солью.

— Да, вообще-то ничего хорошего.

Лучше было бы сказать, что плохой. Еще точнее — ужасный. Еще один банк ему отказал. Уже седьмой за эти десять недель.

Она посмотрела, как он солит еду.

— Я все решила, пока готовила ужин: все это тебе не нужно! Иметь слишком много денег — тоже ничего хорошего.

— Для меня ни в чем нет ничего хорошего,— проворчал он.

Она посмотрела на него с минуту и, стараясь не обращать внимания на его плохое настроение, весело произнесла:

— Звонил Джимми Дэвис. Просил передать тебе, что «Холловей» подтвердили свой заказ на еще две «XIS». Хорошая новость, не так ли?

— Хорошая,— безразлично произнес он.

— Джимми был возбужден.

— Еще кто-нибудь звонил?

В глубине души от стыдился своего мрачного вида. Даже немного сожалел о своем поведении. Однако во всем винил Катрину. По разумению Тодда, она вела себя неправильно. Именно то, что сейчас больше всего его волновало, стало запретной темой. Он ни на секунду не переставал думать о «Паломе Бланке». А Катрина не желала об этом слушать. Они говорили о других вещах. Вместо диалога у них получались два ничем не связанных между собой монолога.

Он посмотрел на нее.

— Еще кто-нибудь звонил?

Она поколебалась с минуту, хотя знала, что все равно скажет ему.

— Звонил Хэнк, спрашивал, как у тебя идут дела.

— Что ты ему сказала?

— Я сказала, что ты, может быть, позвонишь ему после ужина.

— Понятно, — рассеянно пробормотал он и принялся за ужин. Ел он молча, обдумывая сегодняшний вечер и прошедшие несколько недель. История с «Паломой Бланкой» утвердила его во мнении, что из всех людей банкиры были самым большим дерьмом, и к тому же еще непроходимыми тупицами. Они не могли понять всю выгоду самого выгодного предложения, даже если оно само шло им в руки. Ни воображения, ни умения смотреть в будущее...

Катрина еще раз попыталась завязать разговор.

— Заходила Глория.

— Да? — произнес он с притворным интересом. — Как она?

— Вполне довольна. После развода дом остался за ней.

— Бедняга Питер.

— Сам виноват.

Тодд был другого мнения. Не то чтобы он не любил Глорию, но защищать ее он бы не стал. Первое ее замужество продлилось два года, теперь еще один развод.

— Похоже, она хорошо наживаетея на своих разводах, — сказал он, прожевав. — И чем же она сейчас занимается? Ищет очередную жертву?

— Я думаю, она решила на время завязать с мужчинами.

— Да, а Папа Римский решил завязать с религией.

— Это несправедливо, — фыркнула Катрина. — Тебе же она всегда нравилась.

— М-м-м, — пробормотал Тодд.

Глория его совершенно не интересовала. Он опять погрузился в свои мысли. Хэнк придет в отчаяние, услышав эту новость, тем более что они с Доном Антонио уже закончили переговоры со строителями. Обо всем уже договорились — о цене, о сроке, об условиях взысканий, обо всем, — но только при условии, если строители приступят сейчас же. Вся проблема была в том, что дата начала работ не могла быть

назначена, пока деньги не будут внесены. А с этим пока было трудно.

— Ах, да, я совсем забыла,— сказала Катрина.— Звонила Сэлли. Сказала, что фирма «Ягуар» недовольна, что ты снова отменил заседание. Она сказала...

— Хорошо, утром я с ними поговорю.

— И она еще сказала, что Мэни Шайнер всю неделю пытается тебя найти.

Он молча переварил эту информацию, думая о том, как бы прервать связь между Катриной и Сэлли. Это было чем-то вроде незаконного союза. Дружба, установившаяся между ними за то время, пока они работали вместе, привела к тому, что Катрина обо всем узнавала первой.

Катрина словно прочитала его мысли.

— Сэлли позвонила просто потому, что ты не вернулся днем в офис. Она всего лишь передала то, что ее просили передать.

— Хорошо,— уязвленно произнес он.— Я свяжусь с ними.

Ему вдруг пришел на ум один почти забытый совет Сэма. «Бизнес — как грядка с овощами. Ухаживай за ним каждый день — и будешь жить припеваючи». Это воспоминание заставило его впервые поежиться. Он действительно перестал «ухаживать» за своим бизнесом. Все его время и усилия уходили на поиски денег для «Паломы Бланки». А свой непосредственный бизнес он *запустил*. Тодд понимал это, и Катрина, судя по ее плохо замаскированному недовольству, тоже понимала. Он закончил ужин и отодвинул тарелку.

— Спасибо, все очень вкусно. Я лучше позвоню Хэнку, пока он не застрял в своем ресторане.

— Хочешь кофе?

— Я выпью кофе в кабинете.

Тодд закурил сигару и сел за свой стол. Он помешкал с минуту перед тем, как набрать номер, обдумывая, как бы лучше преподнести Хэнку плохие новости. Но никакого другого варианта, кроме горькой правды, не существовало. Вздохнув, он взял трубку и через минуту уже разговаривал с Хэнком.

Тодд продолжал разговаривать, когда вошла Катрина.

— Да, Хэнк,— говорил он.— Дело никак не сдви-

нется с мертвой точки. Они никак не хотят поверить, что мы справимся с таким объемом работ.

К его удивлению, Катрина принесла целый кофейник. Обычно она разливала кофе на кухне и приносила ему чашку в кабинет, а со своей чашкой шла в гостиную. Он смотрел, как она ставит поднос на стол.

— ...я знаю, но мы не можем им это доказать, — говорил он.

— У нас же никогда не было гостиницы. Мы не можем представить им список имен и сказать: вот люди, которые были здесь в этом году и непременно приедут в следующем, вот столько-то они заплатили за номера, вот столько-то потратили в баре...

Катрина подошла к буфету и налила себе бренди, а мужу виски.

— Держу пари! — говорил Тодд, наблюдая, как она ставила стакан на его стол. — Да, Хэнк, я буду пытаться. Не волнуйся, еще не вечер.

Но когда он повесил трубку, то почувствовал себя совершенно разбитым. Он старался говорить уверенным тоном, но его выдавало мрачное выражение лица. Он чувствовал себя несчастным и подавленным.

Катрина налила кофе себе и Тодду и прошла со своей чашкой к креслу напротив камина. Она поставила чашку на столик рядом со своим стаканом бренди и села, глядя на мужа.

— Мы можем поговорить об этом? — произнесла она тихо.

Он удивленно поднял брови.

— Ты же сказала, что не хочешь ничего знать.

— Я действительно не хочу, но я не ожидала, что результатом явится долгое напряженное молчание.

Он недовольно посмотрел на нее.

— Чего же еще ожидать? Я проворачиваю самую большую сделку в своей жизни, а ты ничего не хочешь об этом знать!

Она покраснела и пыталась скрыть это, глядя в стакан. Наконец она подняла глаза, и их взгляды встретились.

— Прости, что я это сказала. Я была не права. Я просто думала... надеялась... что это заставит тебя одуматься... ты поймешь, что у тебя и так полно всего...

— Как видишь, не понял, — сказал он. На минуту

воцарилась тишина. Они смотрели друг на друга в се глазах стояла боль, а в его — раздражение. Наконец она тихо сказала:

— Хорошо, заключим что-то вроде перемирия. Это что-то на нас непохоже. Мы всегда разговаривали друг с другом, с тех пор как познакомились...

— Я знаю, — перебил он ее.

Голос Тодда звучал уже мягче. То, что она сказала, было правдой. Иногда в ресторане они замечали пары, явно женатые, которые за весь вечер умудрялись не произнести ни слова, как будто они давно уже все что могли, сказали друг другу. В то время как Тодд и Катрина всегда разговаривали. Правда, как правило, о бизнесе, но что из этого? Катрина одно время работала в его фирме и все еще интересовалась его делами, все еще имела свою точку зрения. Если не считать тех моментов, когда она просто была в плохом настроении, по-настоящему ссорились они только из-за Лео. И так продолжалось до истории с «Паломой Бланкой».

— Извини, — сказал он. Он перевел дыхание и попытался объяснить ей. — Я знаю, что ты не можешь этого понять, но позволь мне это сделать. Я не могу упускать такой шанс. Это самый большой шанс в моей жизни. Если я упущу его, я буду жалеть об этом всю жизнь. Через десять или двадцать лет я оглянусь и подумаю: «Черт возьми, ты должен был за это ухватиться. Ты сам упустил свою удачу. Сейчас бы ты был на самой вершине. Ты был бы человеком!»

— Тебе все это не нужно.

Он сердито посмотрел на нее.

— Если я сейчас этого не сделаю, то мне уже никогда не удастся...

— Не сделаешь что? Еще денег?

— Дело не в деньгах. Я хочу самоутвердиться. Возьми, например, гонщика. Он хочет доказать, что он лучший гонщик. Это определяется тем, насколько быстро он может вести машину. А в бизнесе успех определяется количеством денег.

Тодд сделал паузу, наблюдая за выражением ее лица. Он понял, что Катрина его не слушает. Это обстоятельство так его охладило, что он не смог продолжать.

— Я думаю, что мы и так вполне счастливы.

— Мы счастливы. И будем счастливы. Клянусь тебе...

— Нет. В конце концов, мы надеемся кучу долгов, будем нервничать. . . . Это ее сорвется. — Тодди, все это воздушные замки. Ни один банк тебе столько не одолжит. Это и так отнимает все твоё время. У тебя есть твой бизнес. Нам нужно оплатить счета! За виллу, за яхту...

— Пока еще, слава Богу, нет. Но это зависит от состояния твоего бизнеса. Бизнес сам о себе не позаботится, если ты о нем не позаботишься.

— Послушай,— начал он, стараясь говорить как можно убедительнее.— Хэнк мне сию минуту кое-что сказал. Если уж это не доказывает нашу правоту, то я просто теряюсь в догадках, как на тебя воздействовать? Ты готова слушать?

Не обращая внимания на ее реакцию, Тодд настойчиво продолжал:

Она кивнула.

— Турагентство.

— Да. Я хочу сказать, «Сантурз» очень большая компания. Самая большая в Европе, как сказал Хэнк. Так вот, этот парень выпил пару рюмочек и, как ты думаешь, что дальше? Он вдруг говорит Хэнку, что на Майорке нужна еще одна гостиница-люкс. Он сам сказал Хэнку. Представляешь? Этому парню не хватает номеров-люкс во время сезона пик! Черт побери! Если это не доказывает, что мы на правильном пути, то я не знаю тогда, что. Все банкиры говорят мне, что я не потяну «Палому Бланку», а тут вдруг этот парень говорит Хэнку...

— Вот именно, это доказывает, что мы на правильном пути. Мне нужно всего лишь бегать по банкам и подхлестывать банкиров. Хэнку нужно сидеть на Майорке. В конце концов все уладится, поверь мне.

— Я надеюсь,— горячо проговорила она.— Честно, Тодди, я действительно на это надеюсь.

Ему показалось, что Катрина подбадривает его.

— Вот видишь,— сказал он.— Теперь наша идея начала наконец до тебя доходить. Видишь, как все получается? — Тодд затянулся сигарой.— Сначала ты думаешь: «Черт возьми, планы грандиозные. Получится ли? Что будет, если не получится?» И все такое. А затем все обдумываешь и решаешь: «Черт возьми, так это же идея!» — Он рассмеялся, ободренный явной поддержкой с ее стороны.— Конечно же, доказать это банкирам не так просто. Чтобы убедить этих парней, нужно быть юристом.

— Или содержанием гостиницы.

— Или содержанием гостиницы,— кивнул он и вдруг посмотрел на нее.— А почему ты так сказала?

— Я сказала это, так как услышала твой разговор с Хэнком. Ты говорил, что, если бы ты содержал гостиницу, ты мог бы предоставить банкирам отчет в том, сколько твои постояльцы заплатили за номера, сколько потратили в баре и все такое. Поэтому я и подумала, почему бы не продать это место фирме, занимающейся гостиничным бизнесом? Пусть они занимают деньги.

Он уставился на Катрину. В ее голосе звучала надежда. Она продолжала:

— Ты на этом много зарабатываешь, не так ли? Это лучшее место на всем острове, ты провел всю подготовительную работу, у тебя чертежи архитектора...

— А будет ли банк финансировать гостиницу? — спросил он. Сердце его замирало от возбуждения.

— Но...— Она удивленно посмотрела на него. В голосе ее слышалось недоумение.— Ты же сам сказал: отчеты, предварительные заказы. Не так уж и много.— Она замолчала, сконфуженная тем, как он смотрел на нее.— Мне кажется, надо составить графики предварительного бронирования номеров, похожие на те, что я чертила в твоём офисе.— Голос ее затих, и она покраснела.— По ним ты, пожалуй, сможешь даже сказать, как пойдут у тебя дела летом, учитывая коли-

чество номеров, забронированных в январе. Я понимаю, что недостаточно хорошо объясняю.

— Нет, нет, я понял. Черт возьми вот то, что нам надо! Предварительное бронирование номеров!

Он был сильно возбужден.

— Да, черт возьми! Черт возьми, я теперь знаю, где нам взять деньги!

Он потянулся за телефоном.

— Подожди, я скажу Хэнку. Я надеюсь, этот парень из «Сантурз» все еще на Майорке?

Тодд ослабил галстук. Он был доволен собой, когда в первый раз сказал Лео об «Паломе Бланке». Он был полон гордости. До этого Тодд чувствовал себя провинциалом, слушая рассказы Лео о его сделках по всему миру. Теперь он сам заключил такую сделку, что Лео и не снилась, сделку, которая сделает его еще большим миллионером.

— Хорошо,— сказал он, успокоившись настолько, что смог затянуться сигарой.— Вот такой расклад. Два дня мы провели с Томом Хастингсом, это тот парень, что заправляет «Сантурз». Мы показали ему местность, планы, словом, все, что нужно. Ему понравилось. Единственная проблема возникла у меня с Хэнком. Он был смертельно напуган, сказав что имеет дело с «Сантурз» — значит превратить «Палому Бланку» в дешевую гостиницу. Правда, Томми настолько понравилась местность и проекты Дона Антонио, что он целиком на моей стороне. Он обещал издать специальную брошюру, развернуть широкую рекламную кампанию и вообще так все устроить, что Хэнк в конце концов отбросил все сомнения.— Тодд усмехнулся.— Затем мы приступили к переговорам и договорились, что мы вносим в «Сантурз» определенную плату за «Палому Бланку» на два года, а они в свою очередь гарантируют нам заполняемость гостиницы на семьдесят процентов в течение девяти месяцев каждый год. Кроме того...— Пауза придала значение его словам.— И в этом вся суть: они будут нам платить вперед за каждый год! — Лео присвистнул в знак одобрения.— Таким образом, денежки будут нам идти постоянно!

Лео удивленно посмотрел на него и покачал головой.

— Не понимаю, старина. Они все еще на это не идут? Даже когда за дело взялись в «Сантурз»? Чего же им еще надо?

На лице Тодда было написано отвращение. Он приехал в «Ритц» прямо со встречи с банкирами. Вместо того, чтобы праздновать победу, он чувствовал поражение.

— Черт меня возьми, если я что-нибудь понимаю,— горько произнес он.— Я-то думал, что контакт с «Сантурз» все уладил. Я был абсолютно уверен!

Они встретились внизу в баре, но после одного взгляда на лицо Тодда Лео потащил его через холл в лифт. Свирепо нахмурившись и сгибаясь под тяжестью чемодана, Тодди выглядел так, как будто все несчастья мира сразу свалились на его голову. В номере Лео он бросил чемодан на пол, швырнул пальто на стул и уставился невидящим взглядом в окно на Грин Парк. Только осушив полстакана виски, он перестал ругаться.

— Ничего не понимаю,— устало произнес он.— Мне самому все ясно как день. Но как вбить этим придуркам в их тупые головы...

— Бывает, старина,— сочувственно произнес Лео.

Тодд помолчал с минуту, сердито обдумывая свою недавнюю встречу с банкирами.

— Чертовы идиоты,— пробормотал он, вынимая из внутреннего кармана портсигар.— Послушай, старина,— начал Тодд.— Давай с тобой все это обыграем. Представь себе, что ты банкир. Посмотрим, как ты будешь вести себя.

— Это гарантирует, что денежки будут идти. В этом-то все и дело. Если все эти банкиры морщили нос, когда я им говорил о предполагаемых размерах нашего дела, то я решил, что они позеленеют от зависти, когда я швырну им на стол эту гарантию.

— И что же, не позеленели?

— Вообще-то, поначалу да. У них округлились глаза, когда они видели контракт с «Сантурз». Первые десять минут они были целиком на моей стороне. Я был уверен, что все уже решено. Затем они начинали снова просматривать цифры.

Лицо Тодда снова омрачилось.

— Ты не поверишь. «Сантурз» платила бы нам по семь с половиной миллионов в год. Правильно?

Итак, они все еще не идут? Даже когда за дело взялись в «Сантурз»? Чего же им еще надо? На лице Тодда было написано отвращение. Он приехал в «Ритц» прямо со встречи с банкирами. Вместо того, чтобы праздновать победу, он чувствовал поражение. — Черт меня возьми, если я что-нибудь понимаю,— горько произнес он.— Я-то думал, что контакт с «Сантурз» все уладил. Я был абсолютно уверен! Они встретились внизу в баре, но после одного взгляда на лицо Тодда Лео потащил его через холл в лифт. Свирепо нахмурившись и сгибаясь под тяжестью чемодана, Тодди выглядел так, как будто все несчастья мира сразу свалились на его голову. В номере Лео он бросил чемодан на пол, швырнул пальто на стул и уставился невидящим взглядом в окно на Грин Парк. Только осушив полстакана виски, он перестал ругаться. — Ничего не понимаю,— устало произнес он.— Мне самому все ясно как день. Но как вбить этим придуркам в их тупые головы... — Бывает, старина,— сочувственно произнес Лео. Тодд помолчал с минуту, сердито обдумывая свою недавнюю встречу с банкирами. — Чертовы идиоты,— пробормотал он, вынимая из внутреннего кармана портсигар.— Послушай, старина,— начал Тодд.— Давай с тобой все это обыграем. Представь себе, что ты банкир. Посмотрим, как ты будешь вести себя. — Это гарантирует, что денежки будут идти. В этом-то все и дело. Если все эти банкиры морщили нос, когда я им говорил о предполагаемых размерах нашего дела, то я решил, что они позеленеют от зависти, когда я швырну им на стол эту гарантию. — И что же, не позеленели? — Вообще-то, поначалу да. У них округлились глаза, когда они видели контракт с «Сантурз». Первые десять минут они были целиком на моей стороне. Я был уверен, что все уже решено. Затем они начинали снова просматривать цифры. Лицо Тодда снова омрачилось. — Ты не поверишь. «Сантурз» платила бы нам по семь с половиной миллионов в год. Правильно?

Лео кивнул :

— И потом они говорили: «Но, мистер Тодд, у вас не будет прибыли от этой сделки в «Сантурз». Ваши накладные расходы в год доходят до семи с половиной миллионов. Как же вы сможете вернуть нам деньги?» — Тодд откинулся в кресле и уставился в потолок. — Я говорил: «Что значит, что у меня не будет прибыли? Все расходы покрыты, значит, все остальное — прибыль! Все доходы от баров, от ресторана, от яхт-клуба, от стоянок яхт... И главное, — он поднял руку, — это то, что «Сантурз» только *гарантирует* семьдесят процентов за девять месяцев каждый год». Томми говорит, что это как минимум, а на самом деле мы получили бы от «Сантурз» гораздо больше. Если все это сложить, то получится еще семь миллионов, а может, и больше! Поэтому я и говорю этим тупицам: «Послушайте, черт вас дери! Этого вполне достаточно, чтобы я расплатился с вами в ближайшие три года». — Он взглянул на Лео.

— Знаешь, они сказали: «Начинайте планировать заново!»

— Я не верю, — нахмурился Лео, покачав головой.

— Наши расчеты верны. — Голос Тодда звучал резко. Он совершенно потерял контроль над собой. — Зачем нам начинать заново? — Он похлопал себя по лбу мясистой ладонью. — Я так им и сказал: «Вы что, с ума сошли?»

Лео сочувственно покачал головой и налил еще по стакану виски себе и Тодду.

Тодд почесал в затылке.

— Как ты думаешь, кто из нас сошел с ума?

Банкиры всегда перестраховщики. Они из тех, кто выходит на улицу с зонтиком даже в солнечный день.

— Да пошли они к черту! — нахмурился Тодд, принимая стакан из рук Лео. — Они умрут от зависти, когда увидят, что «Палома Бланка» будет построена и будет приносить колоссальную прибыль.

— Давай выпьем за это! — сказал Лео и вернулся на свое место. Оба молча осушили свои стаканы.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Опять все по-новой, буду продолжать поиски денег. Что мне еще остается? Хэнк взбешен, узнав о задержке, но...

— Ему-то легко!

Тодд покачал головой.

— Честно говоря, у него свои трудности. Он включил в свою платежную ведомость одного из местных политиканов. Если не дашь на лапу кому нужно, то можешь потерять несколько месяцев. К тому же он с архитекторами нашел лучшую строительную фирму во всей Майорке, которая готова приступить к работе, разрешив этим самую большую проблему. Если мы сейчас начнем, то уже к зиме строительство будет закончено. Мы должны это увязать с контрактом «Сантурз», так что время поджидает.

Его лицо снова омрачилось, и в голове прозвучала горечь.

— И все из-за этих чертовых банкиров!

Лео спокойно ответил ему:

— Но ты же твердо решил, не так ли? Я хочу сказать, что ты уверен, что это *сработает*. Абсолютно уверен!

Тодд был так удивлен, что пролил себе виски на галстук. Он поставил стакан на стол и вытер галстук платком.

— Ты что же думаешь, что я потратил все это время, не будучи абсолютно уверенным в том, что я делаю? — сердито спросил он. — Первое, — сказал он, подняв палец, — у нас самая лучшая местность на всем Средиземном море. Не только я так думаю. Хэнк тоже так думает, а уж он-то побывал везде. И Томми Хастингс, который знаком со всеми курортами...

— Никогда не знаешь, как все еще может обернуться, старина, это урок, который я получил от жизни.

— Что ты имеешь в виду?

— А если строитель тебя подведет?

— Я его убью! В контракте, который подписал Дон Антонио, все учтено. Там такие жесткие условия, штрафы, ты не можешь себе представить, так что...

— Но если все-таки...

— Тогда я из Дона Антонио все кишки вытяну! Кроме того, Хэнк каждый день будет на строительной площадке, черт побери!

— Хэнк не строитель.

— Да, но глаза-то у него есть. Если дело начнет замедляться, то он подключит еще строителей.

— Это означает дополнительные расходы!

— Не с нашей стороны! Это входит в обязанности строителя. Таковы условия контракта. Если он в чем-нибудь прогорит, ему придется иметь дополнительные расходы.

— Но ты же еще не подписал контракт со строителями!

— Мы не можем подписать этот чертов контракт! — Тодд даже подпрыгнул на стуле. — В том-то все и дело, мы не можем подписать его, пока у меня не будет денег!

Они посмотрели друг на друга, красный от возбуждения Тодд и серьезный, задумчивый Лео. Затем Лео улыбнулся.

— Катрина, наверно, без ума от твоей затеи?

Упоминание о Катрине на время сбило Тодда с толку. Он не хотел говорить Лео о том, что думает Катрина по этому поводу.

— Если мне удастся все это прокрутить, твоя дочь станет очень богатой женщиной. А мы все это обязательно прокрутим, если только мне удастся наскрести эти двенадцать миллионов!

— Если... — грустно повторил Лео.

С минуту они смотрели друг на друга. В глазах Лео мелькнул огонек, и это вселило в Тодда надежду. Он почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Если с банкирами у тебя не получится, то я, кажется, знаю одного человека, — тихо произнес Лео.

Тодд издал вздох облегчения.

— Но я должен быть абсолютно уверен, что ты сумеешь выплатить долг.

— Ты же видел все расчеты. Нет проблем!

Лео кивнул, но ему не удалось скрыть свою неуверенность — как будто бы, дав Тодду надежду, он пожалел об этом.

— У меня для этого не те связи. Я хочу сказать, что иногда бывает, ты знаешь кого-то, но не знаешь, что он из себя представляет, поэтому я был бы очень благодарен...

— Этот человек, — перебил его Лео с улыбкой, — не имеет ничего общего с «Барклейз», или «Чейз Манхэттен», или еще с каким-нибудь крупным банком.

— Слава Богу! Крупные банки мне осточертели. Может быть, ты знаешь какой-нибудь маленький банк, у которого есть такие деньги?

— Это совсем не банк,— сказал Лео, покачав головой,— это частное лицо.

— Черт возьми! — воскликнул Тодд. Слова Лео произвели на него сильное впечатление.— Ведь речь идет о миллионах! Кто он? Уж не Родшильд?

Лео опять улыбнулся.

— Его зовут Альдо Морони.

— Никогда о нем не слыхал. Кто он? Итальянец?

Лео пожал плечами.

— Кажется, корсиканец. Дело в том, что он из тех, кого не следует подводить. У него особая репутация.

Тодд заморгал, не зная, что сказать. Серьезное выражение лица Лео не подсказывало ему ответа. Это снова напомнило Тодду об образе жизни Лео и об его прошлом. На первый взгляд, Лео был обходительным, удачливым, обаятельным, дружелюбным, располагающим к себе, но некоторые его рассказы давали понять, что ему приходилось переживать трудные времена.

Закусив губу, Тодд рассеянно спросил:

— Ты хочешь сказать, что он замешан в каких-то темных делишках?

Лео рассмеялся.

— Говорят. Но иногда то же самое говорят и обо мне. Нет, ни в каких темных делишках он не замешан. По крайней мере я так не считаю.

— Тогда в чем проблема?

— Он абсолютно безжалостен,— сказал Лео,— у него все очень строго. Если уж он дал слово, то не отступится и от других ожидает того же.

— Ну что ж! Ведь это хорошо.

Лео удивленно посмотрел на него.

Тодд нахмурился.

— В чем же дело?

— Послушай! — Лео вздохнул.— Я надеюсь, что ты найдешь кого-нибудь другого, но если ничего другого не останется...

— Ничего другого уже не осталось, Лео.

— Я же сказал тебе: я недостаточно хорошо его знаю.

— Ты не подумал бы о нем, если бы не был уверен, что он мне одолжит, и, в конце концов, как ты знаешь, я всю жизнь занимался автомобильным бизнесом. Мне приходилось встречаться с крутыми людьми.

— Не все же из себя выставляй, Морони!

— Что же в нем есть хорошего?

С минуту Лео размышлял, а затем произнес:

— Пожалуй, я расскажу тебе, при каких обстоятельствах я в первый раз с ним встретился, тогда ты сам сможешь судить.

— Отлично!

— Это было давно. В начале шестидесятых Морони был наемным солдатом в Бельгийском Конго. Он с этого начинал.

— Ты тоже был наемником?

— Нет, старина, ничего подобного. По крайней мере в Конго. — Лео покачал головой, лицо его приняло задумчивое выражение. — Тогда я в первый раз был в Африке. Конго большое, как ты знаешь, примерно как Индия, но гораздо богаче полезными ископаемыми, особенно медью, так что потенциал очень богатый и сейчас остается таким же, как мне кажется, но тогда там была заварушка: конец колониализма, начало самоуправления. Я работал на одного бельгийца, его звали Ван Руен, он выискивал пустующие участки земли на севере. Я всегда подозревал, что у него была какая-то секретная сделка с Лумумбой касательно прав на полезные ископаемые. Он, как я догадывался, расплачивался с ним через швейцарский банк. — Лео пожал плечами. — Обычная политическая коррупция. Гражданская война, кровавая заварушка, а в это время толстосумы набивают свои кошельки.

Тодд кивнул, хотя ни о Конго, ни о Лумумбе у него не было никакого представления.

— Многие европейцы после этого уехали оттуда, и я тоже, но там осталось много бельгийцев и среди них сын Ван Руена. У большинства из них там был бизнес или вклады, а другие остались просто потому, что привыкли к этой жизни. И, скажу я тебе, эти старые колониалисты умели жить. — Лео сделал паузу и отпил из своего стакана. — Йойо Ван Руен жил в огромном имении под Элизабетвиллем с женой, маленькими детьми и с целой армией слуг. Я думаю, что он был в безопасности из-за своих связей с Лумумбой. Так или иначе, через две недели после объявления независимости снова разгорелась гражданская война. Лумумба был арестован и убит. Элизабетвилль сгорал в огне. По городу прокатилась волна мятежей,

насилий и убийств. Это была кровавая бойня. Бельгийцы тысячами уезжали по реке Конго в Браззавиль. В город были заброшены бельгийские десантные войска. ООН тогда ввела так называемые миротворческие войска...

— Но тебя там не было?

— Разумеется, не было. Я был в Брюсселе со стариком Ван Руеном. Мы думали, что Йойо подался в Браззавиль. Но потом мы узнали, что он задержан в Катанге. Все это были слухи. Нельзя было сказать ничего определенного, когда в стране хаос, конголезцы убивают друг друга, а войска ООН мечутся между ними. Мы все время слышали истории о том, как убивали и насиловали европейцев. Старик Ван Руен с ума сходил, думая о Йойо, Аннетте и их детях. Он звонил всем, кому мог, людям из правительства и из армии, которых он знал, но о семье Йойо все еще не было вестей. Потом объявился один полковник из десантных войск, который говорил о некоем Альдо Морони. Морони раньше служил во французском Иностранном Легионе, потом он был наемником в Конго, как раз до того времени, как там объявили независимость, поэтому он отлично знал всю территорию. Ван Руен раздобыл его адрес в Париже и послал меня к нему, чтобы я убедил этого Морони поехать туда и вызволить Йойо, а за ценой старик не постоит. Тодд присвистнул.

— Я помню, что меня поразило, как он был молод,— сказал Лео.— Я сам тогда был молод, но Морони выглядел лет на девятнадцать. Потом я узнал, что ему тогда было двадцать шесть. Надо сказать, что он выглядел как настоящий солдат: крепко сложен, широкоплечий, у него был очень пронзительный взгляд. Я вспоминаю, что я сидел в баре и долго ему все объяснял, и он пристально смотрел на меня, не проронив ни слова. Затем он равнодушно пожал плечами и сказал, что, скорее всего, они уже убиты, так что мы только зря потратим деньги. Я сказал, что Ван Руен почти убежден в том, что они, возможно, убиты, но оставался шанс, что они все еще живы. Ведь благодаря их богатству, они могли быть использованы в качестве заложников, поэтому старик хотел бы, чтобы Морони ехал немедленно. Морони пошел к телефону и сделал несколько звонков. Он сказал, что он возьмет-

ся за дело, только если найдется подходящий человек, который поехал бы с ним. Когда Морони вернулся, он заявил, что они это сделают за десять миллионов швейцарских марок. Половину на расходы и снаряжение сразу же, а половину после того, как они вернутся, вне зависимости от того, с Йойо или без него. Я сказал ему, что должен посоветоваться. Я позвонил Ван Руену, все объяснил, и после этого Морони взял трубку у меня из рук и сам поговорил с Ван Руеном. Губы Лео скривились в улыбке. — На минутку меня выставили, поскольку я был всего лишь посыльным. Позже я порадовался этому.

— Что же произошло дальше?

— Морони их вызволил. Всех: Йойо, Аннетту и троих детей. На это у него ушло пять недель. Я мало об этом знаю, разве что Йойо мне потом рассказывал, что их держали в деревне, когда парни Морони ворвались и перебили половину жителей. — Лео пожал плечами. — Но это не главное, дело в том, что Ван Руен отрекся от этой сделки.

— Ты хочешь сказать, что оставшуюся часть денег он не заплатил?

Лео кивнул.

— Слава Богу, я в этом не был замешан. Морони и Ван Руен сами договаривались между собой. Я даже не знал, что он ему не заплатил. Однажды вечером, когда я выходил из ресторана, рядом со мной остановилась машина. Через минуту кто-то схватил меня сзади и повалил на землю, затем втащил в машину. Мы проехали около двенадцати километров до маленькой деревушки под Брюсселем, свернули с дороги в небольшой лесок. Там ждала еще одна машина, в ней сидел Морони. Со мной было все в порядке, но признаюсь тебе, старина, я чертовски перепугался.

— Кто бы не перепугался!

— Но бояться было, в общем-то, нечего. Морони обошелся со мной вполне учтиво: он сказал, что понимает, что я всего лишь посыльный, поэтому он просит меня кое-что передать старику Ван Руену. Тут я понял, что мы сидим в машине Йойо. Это был «Астон Мартин», а таких машин не много в Брюсселе. Я должен был отвезти сверток старику и сказать, чтобы он посмотрел в багажник, только и всего. Правда, они велели мне нигде не задерживаться, а ехать сразу к стари-

ку. Я все так и сделал, а когда приехал к Ван Руену, то обнаружил, что Йойо и два его сына пропали. Аннетта и ее дочь были в истерике в тот момент, когда я подъехал на машине Йойо. Старик уже собирался вызвать полицию. Я уже наполовину догадывался, что произошло, но все равно был не готов к тому, что мы увидели в багажнике: голову Йойо; не тело, а одну голову.

— Господи!

— Слава Богу, Аннетта ее не видела и дочь ее тоже, и надо сказать, старик Ван Руен сохранил полное самообладание. Заперев багажник, он отвел меня в свой кабинет, выпил пару рюмок бренди, чтобы успокоиться, и затем расспросил меня, что же произошло. Когда я рассказал ему, он потребовал от меня, чтобы я поклялся молчать. На следующее утро я должен был поехать в Амстердам, и он сказал мне, чтобы я не менял свои планы. И, честно говоря, это все, что я знаю. Я пробыл в Амстердаме примерно десять дней. Когда я вернулся в Брюссель, мне сказали, что Йойо попал в аварию и его похоронили, на этом все и закончилось.

— А дети? Двое мальчишек?

— Их вернули Аннетте, и через три недели она переехала в Америку и детей взяла с собой.

— Значит, Морони это так и сошло с рук? Ему сошло с рук убийство?

Лео пожал плечами.

— Я только сказал тебе то, что знаю. Аннетту я с тех пор не видел, а нам со стариком Ван Руеном после случившегося тяжело было общаться, и мы расстались. Разумеется, он давно уже умер, и я до сих пор не говорил об этом никому.

— Но это же убийство! Подумай, здесь все виды преступлений: похищение, вымогательство и убийство! Лео посмотрел на него.

— Честно говоря, я не знаю, что это было, я тебе рассказал все, что знаю, и это было давно. Может быть, не следовало тебе рассказывать?

— Нет, конечно же, ты должен был. Я рад, что ты мне это рассказал, но... — Он перевел дыхание. — А что же Морони? Я хочу сказать, что с ним дальше случилось?

— Я снова встретил его уже через много лет. Один мой знакомый искал денег для одного дельца... Честно

говоря, это была партия оружия... И он упомянул Морони. Сначала у меня не возникло никаких ассоциаций, но потом оказалось, что это и есть тот самый Морони. Тогда он был чем-то вроде финансиста, или как бы это лучше назвать...

— Тебе приходится иметь с ним дело?

— Однажды. Но я вполне удостоверился, что все будет как надо.

— Он тебя помнил?

Лео улыбнулся.

— Я думаю, именно поэтому он на это и пошел. Моя сделка была небольшой, по его стандартам. Его адвокат удивился, когда узнал, что он на это согласился.

— Его адвокат?

— У него адвокат в Париже. Некто Лапьер. Ты идешь к нему, все объясняешь, он все взвешивает, и Морони принимает решение. Так что я получил свои деньги ровно через два дня.

Тодд испытал нервную дрожь, вспомнив о том, что он ходил из одного банка в другой четырнадцать недель, четырнадцать напряженных, потраченных впустую недель — и с каждым днем Хэнк все больше впадал в отчаяние. Три с половиной месяца были потеряны для его дела, три с половиной месяца он мог бы заниматься своим бизнесом.

У Катрины были все основания беспокоиться...

Он посмотрел на Лео.

— А что бы ты сделал на моем месте?

Лео улыбнулся.

— Я бы искал деньги везде.

— А если бы не нашел?

Лео пожал плечами.

— Если хочешь, я дам тебе адрес его адвоката в Париже, можешь попытаться, но не забудь, что случилось с Йойо. Не следует терять голову ради этого дела, старина Тодди.

Если бы не контракт с «Сантурз», то Тодд уже признал бы поражение, но одобрение такого человека, как Томми Хастингс, только придавало ему энтузиазма. «Томми эксперт, — говорил он про себя. — А что понимают банкиры в гостиничном бизнесе?»

Банкиры даже не сумели оценить работу дизайнера. Дон Антонио предсказывал, что «Палома Бланка» получит как минимум одну награду за архитектурное решение, и тогда журналы будут писать о ней в захлеб, и все журналисты съедутся, чтобы сфотографировать местность, и тогда весь мир призадумается...

— Что могут банкиры понимать в архитектуре? — кипятился Тодд. Все эксперты были на его стороне. — Посмотрите на Хэнка! — с жаром говорил Тодд любому, кто готов был его слушать. — Хэнк облазил все средиземноморское побережье. Он знает все что надо о том, как заправлять рестораном, а что такое гостиница, как не ресторан с номерами?

Идея «Паломы Бланки» полностью захватила его. Чтобы подбодрить себя, он вспоминал неудачи, которые приходилось переживать знаменитым людям — Эдисону, Генри Форду, Брунелю, Конраду Хилтону, Чарльзу Форте и многим другим, которые сумели преодолеть все трудности и стать людьми, известными и уважаемыми во всем мире и сказочно богатыми. За время его бесчисленных встреч с банкирами он утвердился в одной мысли. «Это похоже на продажу домов, — говорил он себе. — Мне нужен всего один человек, который сказал бы «да». Мне нужен всего один покупатель».

Тем не менее, он не сразу отправился в Париж. Лео не стал бы зря его предупреждать. Поэтому он все еще продолжал надеяться на свои контакты в Лондоне. Он не упускал ни одной встречи, даже с теми банкирами, которые не давали определенного ответа, а говорили: «Вообще-то это не наш профиль, но мы подумаем. Дайте время».

Но все сроки истекли, когда строители предъявили ему ультиматум. Они сказали, что обещают закончить в срок лишь при том условии, что контракт с фирмой будет у них на руках по истечении десяти дней. Десять дней! Если через десять дней он не найдет денег, ему придется навсегда распрощаться со своей мечтой стать наконец человеком. Так что получалось, что свет сошелся клином на Морони. Больше идти было некуда. К тому времени Тодд уже успел обойти все крупные лондонские банки плюс большинство мелких — и везде с тем же «успехом».

Договорившись предварительно по телефону и все

еще не теряя надежды, он поехал в Париж Лапьер оказался маленьким опрятным человечком в маленьком опрятном кабинете с анфиладой комнат на Монмартре. Он был не выше Годта и худой, как спичка, учтив, вежлив и вполне профессионален. Встреча с ним была обнадеживающей. Ну и что из того, что Морони когда-то был наемником в Конго? С тех пор прошло тридцать лет. Сейчас он был вполне приличным бизнесменом, который вел свои дела через адвоката.

Лапьер задал ему не один десяток вопросов и что-то все время писал в своем блокноте. Он одобряюще кивал, в то время как Годд излагал ему свои планы. Но к концу разговора Годд понял, что Лапьеру не принадлежит последнее слово. Настоящие переговоры нужно было вести с самим Морони.

— Когда вы сможете организовать мне встречу с господином Морони? — спросил Годд.

Лапьер посмотрел на него поверх стола, заваленного бумагами.

— Это зависит от моего клиента. Лично мне нравится то, что вы предлагаете. Я дам вам свои рекомендации. Я позвоню вам, как только смогу.

Позвонил он через два дня.

— Мсье Годд? С вами говорит Клод Лапьер. Мой клиент может встретиться с вами завтра в середине дня.

— Завтра? — переспросил Годд с замирающим сердцем.

— Да. В Риме.

Годд был так удивлен, что даже рассмеялся.

— В Риме? Завтра? Почему в Риме? Он там живет?

— Нет.

— У него там офис?

Ответ Лапьера был загадочно неопределенным.

— Мой клиент в данный момент находится в Риме, — осторожно сказал он. — После того как я сказал, что дело срочное, он согласился встретиться с вами завтра в пять часов.

— Прекрасно... но подождите минуту, я даже не уверен, смогу ли я вылететь...

— Я все уже выяснил. Есть билеты на рейс: утром туда, а вечером обратно. Могу я сказать моему клиенту, чтобы он вас ждал?

— Да, хорошо... я думаю, что да...

— Хорошо. В аэропорту вас встретят.

Все утро следующего дня он готовился к этой встрече. Он съел бутерброд прямо за столом и отправился в аэропорт с чемоданом, полным бумаг и фотографий «Палома Бланки», дополнительно к бумагам, которые он отдал Лапьеру в Париже. Во время полета он пытался представить себе Морони. Бывший солдат, бывший наемник, бывший финансист... Лео назвал его суровым человеком. Но он держит слово, как сказал Лео. *«Ну что ж, мне это вполне подходит»*, — ликовал Тодд, вполне уверенный в том, что застрахован на сто процентов. Весь свой бизнес он строил под этим лозунгом. Даже сейчас вывеска под офисом «Тодд Моторз» в Килбурне гласила: *«Надежные машины по выгодным ценам от людей, на которых можно положиться»*.

Полный надежды, раздираемый от нетерпения, он сосредоточился над своими бумагами, оттачивая каждое слово, которое он скажет на своей презентации. К этим переговорам, самым важным переговорам в его жизни, он подготовился как нельзя лучше.

Знал бы он Морони получше, он бы понял, что зря потратил время. Морони вовсе не вел переговоры в обычном смысле этого слова. Не так он вел и свои дела. Он никогда не упрасивал собеседника, чтобы тот занял у него, никогда не пытался убедить его, он всего лишь выдвигал свои условия, и от вас зависело, принять или не принять их. Любому ясно, как дважды два четыре, что каждый человек действует, исходя из собственной выгоды, и поэтому было ясно, что если кто-то занимал у Морони, значит, он делал это потому, что ему это выгодно. Поэтому любую попытку партнера ставить свои условия Морони воспринимал как оскорбление. Он чувствовал себя благодетелем. Он всегда говорил: *«Мне свойственно помогать людям»*. И он сам в это искренне верил.

Рожденный в бедной семье на окраинах Айаккио на Корсике, Морони сам научился всему, кроме солдатской службы. С солдатской службы и начался его путь — сперва легионером, затем наемником, и хотя с тех пор прошло много лет, уроки, которые он получил тогда, Морони запомнил на всю жизнь.

Один из главных уроков касался воровства. Не

прошло и месяца с тех пор, как мотехон Морони был в Легионе, когда он стал свидетелем случая, который надолго ему запомнился. Один сержант в их части попался на том, что крад деньги у солдат. Суммы были небольшие, да они и не могли быть большими, учитывая то, как мало платили легионерам, но красть у товарищей — это уже ни в какие рамки не лезло. Сержанта вывели на площадь перед бараками, лишили нашивок и разжаловали в рядовые. Потом его привязали к столбу и били плетями, пока он не потерял сознание. Тогда его привели в чувство и снова били. Полковник, проходя мимо, процитировал персидскую поговорку: «Украдший яйцо и укравший верблюда равно вор». А для человека, живущего в пустыне, верблюд — самая большая ценность.

Пока молодой Морони стоял по стойке «смирно» под испепеляющим алжирским солнцем, сердце его согревалось от одобрения того, что он видел. Жесткая улыбка играла на его губах, пока он наблюдал, как плети сдирают мясо со спины сержанта. Он понимал, что недостаточно, чтобы вор был наказан, нужно было, чтобы он был наказан при всех, чтобы *отбить* у остальных охоту к воровству, и чем изощреннее наказание, тем сильнее устрашение.

Легион стал для Морони университетом, еще более серьезным, чем служба в армии. К тому времени, как он покинул легион, он уже мог кое-как изъясняться на основных европейских языках. Говорил он на них с таким сильным корсиканским акцентом, что его часто не понимали, но это были уже не его трудности. Морони никогда и не скрывал свое корсиканское происхождение, он гордился своей родиной, так же, как тем, что он был солдат. Именно благодаря солдатской службе он потом занялся торговлей оружием — сначала сам по себе, затем в качестве финансиста, а финансирование торговли оружием привело его к тому, что он начал давать деньги в долг другим компаниям и в конце концов стал процветать. Но осторожность человека, который прошел через тяжелые времена, впиталась в плоть и кровь. Не доверяя никому, он окружил себя бывшими наемниками — суровыми, иногда жестокими людьми, привыкшими к дисциплине. Жил он роскошно, но без экстравагантности. У него были дома на Корсике, в Париже и Басле. На Корсике он имел свою

ферму, которой заправляла его жена. Считалось, что она умела вести хозяйство с выгодой. Сам же Морони также не бросал деньги на ветер. Он жил с любовницей по имени Николь в своей роскошной квартире в Париже, выдавая ей деньги на весьма скромное существование, хотя по-прежнему считалось, что она сама зарабатывает себе на жизнь, содержа цветочный магазин на Монмартре. Свой дом в Басле он не делил ни с кем, используя его для переговоров с банкирами. Главным в его характере было то, что он все еще мыслил как легионер. Если должнику не удавалось вернуть долг, он становился вором, а воры должны быть наказаны. Если кто-то не соблюдал условия сделки, он становился врагом, а Морони со времен службы в армии усвоил, что врага, стоявшего у тебя на пути, надо убирать.

Он стал очень богат, но все равно держался в стороне от двух самых доходных бизнесов в мире. Еще в легионе он научился не доверять наркобизнесу и всегда отказывался финансировать наркодельцов. В легионе он также научился не доверять сводникам и поэтому держался в стороне от очень доходного рэкета проституток в Марселе, несмотря на то, что в этом смысле Марсель традиционно был «вотчиной» корсиканцев. Он не вмешивался в дела мафии или в бизнес, контролируемый корсиканским «Миллье», и они относились к нему как к другу и иногда сотрудничали — это был бизнес между людьми чести.

Он никогда не думал о тех людях, которых он расстреливал в юности, о тех троих, которых он однажды взорвал, о том парне, чья голова была отделена от туловища, еще об одном, которого он задушил и расчленил своими собственными руками, о множестве других, к которым он подсылал наемных убийц. Вместо этого он думал о других людях, которые подвели его в гораздо меньшей степени и которых он поощадал.

— Мне свойственно помогать людям,— говорил он и сам свято верил в это.

Таков был человек, на встречу с которым летел Тодд. А Тодд был не дурак. Все эти годы ему приходилось общаться со всякого рода людьми из автомобильного бизнеса. Переговоры он умел вести отлично, но все равно опыта общения с такими людьми, как Морони, у него не было.

Когда самолет начал снижаться над Римом, он убрал свои бумаги в чемодан, вполне уверенный в том, что свою роль выучил наизубок. Уставившись в иллюминатор, он пытался угадать, где будет проходить встреча — на квартире, на вилле, в офисе? Но, где бы то ни было, это, наверно, недалеко от аэропорта, поскольку обратный рейс через три часа. Три часа! Сознание того, что судьба «Паломы Бланки» решится через три часа, наполняло его нервным ожиданием.

Он увидел человека Морони сразу же, как прошел таможенную. Лысый, в темном костюме, с бронзовым от загара лицом. На груди его был плакат с именем Тодда. Он сдержанно улыбнулся, когда Тодд подошел к нему.

— Синьор Тодд?

Тодд кивнул.

— Сюда, пожалуйста.

— Подождите минутку, — Тодд поставил свой чемодан и полез в карман за портсигаром.

Пока летел, он мысленно проклинал правила, запрещавшие ему курить сигары. От сигарет он давно отвык.

— Вот так-то лучше, — сказал он, пуская в небо столб голубого дыма.

Человек нетерпеливо кивнул. Устремившись за ним, Тодд пытался угадать, кто он? Шофер? Заместитель Морони? Посыльный? Он не предложил понести его чемодан, хотя и посмотрел на него внимательно, как бы пытаясь угадать, что внутри. Шел он достаточно быстро, и Тодд едва поспевал за ним на своих коротеньких ножках. Зал аэропорта был переполнен, так что Тодду приходилось лавировать между людьми, во избежание столкновения. Он был рад, когда они наконец добрались до эскалатора.

— Нам далеко? — спросил он, запыхавшись.

Во время движения эскалатора человек сосредоточенно рассматривал людей внизу. Его пронзительный взгляд скользил по толпе, как будто он выискивал в ней знакомые лица. В ответ на вопрос Тодда он рассеянно указал на знак у подножья эскалатора. Увидев силуэт автомобиля, Тодд узнал международный знак, обозначающий автомобильную стоянку.

— Я хотел спросить, далеко до аэропорта? — спросил он.

Прежде чем человек смог бы ответить, они достигли первого этажа. Сойдя с эскалатора, он быстрыми шагами пошел вперед, нетерпеливо кивая головой, словно принуждая Тодда ускорить шаг. Спеша за ним, Тодд столкнулся с женщиной, которая обругала его за неуклюжесть. Извиняясь, он поторопился за своим провожатым и настиг его в тот момент, когда он входил на стоянку. Человек взял его за локоть и провел через две вращающиеся двери. Напротив дверей стоял еще один человек, прислонившись к стене. На мгновение Тодд почувствовал инстинктивную тревогу. Большинство других пассажиров шли к лифту на противоположной стороне стоянки. Человек еще сильнее сжал его локоть. Когда они подошли к стоящему у стены, тот выпрямился и открыл одну из дверей. За ней Тодд увидел спуск из нескольких бетонных ступенек. Пройдя через дверь, они остановились. Бросив чуть заметный взгляд на пустые ступеньки, они повернулись к Тодду.

— Извините,— сказал человек, который встретил его в аэропорту. Второй начал ощупывать одежду Тодда еще тщательней, чем таможенники в аэропорту. Затем человек протянул руку к дипломату Тодда. У Тодда отчаянно забилось сердце и пересохло во рту. В душе зародилась тревога. Встреча с Лапьером в Париже была совсем не такой. Встреча с Лапьером была обычной деловой встречей, но эти люди с мрачными лицами...

— Порядок! — сказал человек, закрыв дипломат и вернув его Тодду.

Они поднялись по лестнице на следующий этаж, где их ждал еще один человек. Он повернулся и провел их через стоянку. Тодд и все остальные последовали за ним мимо длинного ряда автомобилей. В дальнем конце у стены стояли три автомобиля: большой «ситроен», а по бока его «фиат» и «опель». Оперевшись на «ситроен», стоял человек и читал газету. Когда они подошли ближе, он сложил газету и открыл заднюю дверь машины. Вдруг человек, стоявший рядом с Тоддом, ловким движением вытащил сигару у него из пальцев. Тодд было открыл рот и попытался протестовать, но его слегка подтолкнули вперед, и он инстинктивно пригнул голову, чтобы протиснуться в открытую дверь лимузина. В полуосвещенном салоне маши-

ны он увидел маленький откидной столик, на котором стояла бутылка красного вина, два бокала и пачка бумаг, которые он оставил у Лапсера в Париже. За столиком в углу заднего сиденья сидел крупный мужчина.

— Мистер Тодд? — Голос его был скрипучим, как будто кто-то тер наждачной бумагой по камню. — Альдо Морони, — он протянул Тодду свою руку.

Первое, что Тодду бросилось в глаза, это широкое лицо и широкие плечи. Могучая фигура Морони была облечена в светло-серый костюм и темно-синюю рубашку с открытым воротником. В рукопожатии Морони чувствовалась сила.

— Садитесь сюда, мистер Тодд. — Морони показал на место рядом с ним. — Здесь удобнее. — Он хрипло откашлялся.

Тодд протиснулся мимо столика на заднее сиденье.

— Долетели нормально? — спросил Морони все тем же хриплым шепотом.

— Спасибо, хорошо, — ответил Тодд, садясь на сиденье, обитое бархатом, все еще взволнованный после недавнего обыска. Он пытался успокоиться и сосредоточиться, глядя на смуглое мясистое лицо Морони, усеянное угрями, типичное лицо уроженца Средиземноморья, обветренное и загорелое от постоянного пребывания на солнце. Темные глаза были глубоко посажены, отчего взгляд Морони казался пронзительным. Нос был широким и слегка крючковатым. Огромная фигура Морони словно глыба «давила» Тодда, и рядом с ним он почувствовал себя еще меньше, чем был на самом деле. Он смотрел, как Морони своими большими руками с квадратными ногтями разливал темно-красное вино в два бокала и пододвинул один из них Тодду.

— Ваше здоровье, — усмехнулся Морони, подняв свой бокал. Когда Тодд потянулся за своим бокалом, его отвлекло некое движение за окном машины. Человек, который встречал его в аэропорту, о чем-то разговаривал с водителем «фиата», жестикулируя так, как будто давал ему указания. Затем оба рассмеялись и стали непринужденно болтать о чем-то. Пытаясь угадать, куда они поедут, Тодд вопросительно посмотрел на Морони, но тот не отрывал глаз от своего бокала. Тодд посмотрел на водителя «опеля», стояв-

шего перед их машиной. Поймав взгляд Тодда, водитель отвернулся, и Тодд понял, что «ситроен» окружало по крайней мере шесть человек, которые, несмотря на напускную беспечность, внимательно следили за стоянкой. Перед ним, отделенный перегородкой из дымчатого стекла, водитель «ситроена» о чем-то разговаривал с другими, но ни слова не проникало на заднее сиденье, мягкое, как подушка.

— Ваше здоровье,— рассеянно произнес он, пытаясь сохранить самообладание.

Морони облизнул губы и поставил свой бокал на стол. Положив мясистую руку на папку, он открыл ее щелчком большого пальца и стукнул торцом ладони о стол.

— В чем дело, мистер Тодд? — В голосе Морони проскальзывала ирония.— Вам надоело продавать машины? Вы считаете, что гостиничный бизнес лучше?

Тодд рассмеялся.

— Нет, дело не в этом. Дело в том... Видите ли, такой шанс выпадает раз в жизни. Мог бы и вообще не выпасть.

Морони воспринял это спокойно.

— Надеетесь разбогатеть? Заработать много денег?

— Я думаю, мы оба заработаем на этом деньги, мистер Морони.

Морони кивнул. Его взгляд снова вернулся к папке.

— Крупное дельце,— сказал он мрачно.— Денегки, должно быть, немалые.

— Да,— согласился Тодд.

— Значит, никто вам не дает таких денег, и вы обратились ко мне? — Его голос звучал резко, а лицо казалось каменным.

Тодд заморгал, обескураженный такой внезапной агрессивностью.

Морони всегда давал понять собеседнику, что условия здесь ставит он и ни на какие компромиссы не пойдет. Это было еще одной вещью, которой он научился за время службы в легионе: если хочешь командовать, первым делом надо проявить свою власть и превосходство. А потом, достигнув этого, неожиданно для собеседника показать, что за твоей суровостью скрывается золотое сердце. «Мне свойственно помогать людям»,— любил повторять Морони. Но сначала

он должен был подчеркнуть, что на его помощь не всегда можно рассчитывать.

Голос Морони стал немного мягче.

— Поделитесь со мной вашим планом, мистер Тодд. Посмотрим, сможем ли мы потащить.

Тодд представил себе разговор на вилле, в офисе, даже в гостинице, но не на автостоянке. Идти под такой охраной, подвергнувшись столь тщательному осмотру — и после этого обсуждать столь важное дело в машине! Сначала он подумал, что Морони собирается обсуждать дело по пути в офис или гостиницу, но когда тот поставил свой бокал вверх дном и откинулся на спинку сиденья, Тодд понял, что «сигарос» не сдвинется с места.

Обескураженный и сбитый с толку, он попытался блефовать. Поняв, что сделку действительно будет сложно проверить, он попытался придумать какую-нибудь альтернативу.

— Несколько моих друзей хотят создать что-то вроде консорциума, — солгал он.

Морони не стоило никаких усилий разгадать его замысел. Он помахал рукой перед носом, как будто отгоняя муху.

Этот жест так ясно выражал недоверие, что Тодд был выбит из колеи.

— Это всего лишь выдумка, — сказал он, ощущая неловкость. — Но... я и мой партнер хотели бы взять заем.

— Разумеется. Так вам, должно быть, удобнее? Не нужно ни с кем делиться, — сухо произнес Морони, как бы делая Тодду замечание за его жадность, в то время как сам был жаден непомерно. «*Это человек, у которого есть мечта*», — так отрекомендовал Тодда по телефону Лапьер. Морони это понравилось. Люди, имевшие мечту, как правило, плохо вели переговоры. Они вроде бы все взвешивали, но на самом деле готовы были всем пожертвовать ради своей мечты. Из мечтателей Морони всегда выкачивал много денег.

Все еще пытаясь держать себя в руках, Тодд потянулся за своим дипломатом, но Морони остановил его руку.

— Не надо бумаг, — сказал Морони, покачав головой. — Это Лапьер любит бумаги. Он адвокат. А я люблю живой разговор. С глазу на глаз. В процессе

обсуждения станет видно, сможем ли мы поладить, не так ли?

Это была самая странная встреча, которую когда-либо приходилось иметь Тодду. К тому же от вида людей в темных костюмах, стоявших рядом с машиной, Тодду становилось не по себе. Огромная фигура Морони пугала его, а странные условия встречи на автомобильной стоянке развеяли последние сомнения. «Это жулики, гангстеры, мошенники!» Мурашки пробежали у него по спине. Его охватило желание сбежать вниз по ступенькам в толчею аэропорта, раствориться в толпе, смешаться с законопослушными гражданами, спешащими по своим делам. Но затем он подумал: *«Ты не делаешь ничего плохого. Ничего противозаконного. В том, что ты собираешься занять у кого-то деньги и обсуждаешь сделку, нет ничего преступного»*. И еще одна мысль мелькнула у него в голове — он вспомнил, как Лео говорил, что Морони всегда держит слово.

Итак, с замирающим сердцем он стал рассказывать о «Паломе Бланке», и постепенно нервы его успокоились. Когда он описывал свой проект, он входил в раж и становился красноречивым. Он знал все слова наизусть — когда сделать паузу, что подчеркнуть, когда ожидать вопроса от собеседника — так много раз ему все это приходилось пересказывать, и даже необычные условия, в которых проходил разговор, перестали его смущать. Все-таки его лондонские приготовления не прошли даром. Он был великолепен — настоящий продавец, расхваливающий свой товар.

Морони действительно внимательно слушал. Почти все время его темные глаза разглядывали лицо Тодда немигающим, как у ящерицы, взглядом. Иногда он одобряюще кивал, даже явно давая понять, что согласен, а сам в это время думал: *«Ланьер был прав. У этого англичанина действительно грандиозные идеи. Этот трогательный продавец машин, этот маленький толстенький человечек видит себя в качестве дельца международного уровня! Черт возьми! Но из его мечтаний я могу извлечь солидную выгоду»*.

Когда Тодд наконец закончил, Морони одобрительно улыбнулся и снова наполнил бокалы. Он решил все-таки заключить сделку и даже оговорить сроки

и поставить условия. В том, что они будут приняты, он не сомневался.

— Лапьер сказал, что для меня это хорошая сделка,— произнес Морони, как бы размышляя вслух.

Сердце Тодда отчаянно забилося, но он промолчал, пытаясь сосредоточиться, так как с трудом понимал речь Морони из-за его сильного акцента. Тодд наблюдал за лицом Морони, пытаясь по его выражению понять, что у того на уме.

— Но...— Морони постучал пачкой бумаг о стол. Лицо его приняло недовольное выражение.— Не нравятся мне эти условия. Часть денег сразу, часть через шесть месяцев, часть через восемь месяцев... Слишком хлопотно. Все время ездить туда-сюда.

На это возражение легко было ответить, и Тодд улыбнулся. Он объяснил все о письменных заверениях архитектора и о выплатах строителям по частям. «Эти условия — гарантия того, что ваши деньги будут всегда защищены».

— Что?

— Защищены. У вас всегда будет отчет о строительной работе.

Темные глаза Морони заблестели, выражая что-то среднее между презрением и удивлением.

— Послушайте, я получил от жизни один урок. Если я доверяю человеку, я имею с ним дело. Если нет, то нет. Хороший урок, не так ли?

— Хороший,— с энтузиазмом согласился Тодд.

— Вы серьезный человек, мистер Тодд. Друг Лео Синклера. Человек чести, не так ли? Если мы заключаем сделку, то это значит, что мы друзья, не так ли? Значит, я надеюсь, что вы меня не подведете.— Он уставился на Тодда немигающим взглядом.— Если я беру отчет о строительной работе, то разве это похоже на то, что я доверяю вам? Это оскорбление, а не доверие. Вы хотите, чтобы я вас оскорблял?

У Тодда даже перехватило дыхание. Возможно ли было, чтобы этот человек давал займы такие деньги — и безо всякой гарантии?

— Человек берет деньги в долг,— продолжал Морони, вздев руки.— Что же он, после этого должен позволять одолжившему спать с его женой? Разве это правильно?

Не зная, что ответить, Тодд пожал плечами.

Морони с отвращением поморщился.

— Это неправильно. Это оскорбление. Зачем мне все эти бумаги? Если строитель хорошо делает свою работу, вы ему платите. Если плохо, то нет. Все очень просто, не так ли?

Не смея отвечать, Тодд кивнул, недоумевая, к чему клонит Морони. Во рту у него пересохло.

Морони постучал бумагами по столу.

— Мне свойственно помогать людям. Мы заключаем сделку, которая нам обоим понятна. Я прочитал все ваши бумаги. Вам нужны шесть миллионов в этом году и столько же в следующем. В фунтах стерлингов. Так?

— Да, в общей сложности.

Морони постучал пальцем в грудь Тодда.

— Мы заключаем сделку как друзья. Не так ли? Вы и я. Я одалживаю вам деньги. Еду в Париж и встречаюсь с Лапьером. Все улаживаю. Шесть миллионов сейчас. Через год еще шесть миллионов. Правильно? Двенадцать миллионов фунтов стерлингов. Через два года, считая от сегодняшнего момента, вы возвращаете мне шесть миллионов. Через три года от сегодняшнего момента — остальное. — Морони улыбнулся. — Видите? Все просто. Ничего сложного.

Сердце Тодда отчаянно забилося. Он был воодушевлен. Он представил себе, как отреагирует Хэнк. Хэнк будет просто счастлив. Они смогут подписать контракт со строителями, работа начнется, проект перестанет быть мечтой. Чувство восторга переполняло Тодда, и он с трудом сдерживал свои эмоции. Внутри у него все ликовало. Все оказалось так просто! То, что он сказал тогда Лео, оказалось правдой: *«Иногда ты знаешь кого-то, но не знаешь, на что он способен»*. Голова у него гудела, как заведенные часы. Сроки выплаты были более жесткими, чем хотелось бы, но приемлемыми благодаря контракту с «Сантурз».

На лице Морони отразилось злорадное удовлетворение.

— Значит, сделку можно считать совершенной?

Тодд усмехнулся и подал ему руку.

— Вы об этом не пожалеете, мистер Морони.

Морони и не собирался ни о чем жалеть.

— А платить вы будете двадцать процентов, — сказал он.

Улыбка сошла с лица Тодда. «Двадцать?» Он ожидал двенадцать, может быть, даже четырнадцать или пятнадцать, но двадцать! Он покачал головой.

— Это... пожалуй, многовато. Рыночные расценки гораздо меньше...

— Ну и идите на рынок. Идите ко всем этим людям, которые готовы переспать с вашей женой. Что они для вас могут сделать? У вас нет никакого рынка.— Морони уставился на этого наглого англичанина, посмевавшегося ему возражать.

Посмотрев в темные глаза Морони, Тодд понял, что воля его непрекаема.

— Здесь условия ставлю я,— свирепо произнес Морони.— Не нравятся — до свидания. Он сделал долгую паузу. Затем мышцы его лица немного расслабились.— То, что вы хотите заключить наиболее выгодную сделку, можно только приветствовать. Но запомните, мой друг, вы получите мои деньги прямо сейчас. Пусть они работают для вас. Делайте с ними что хотите. Это ваш бизнес. Я в него не вмешиваюсь.

Тодд кивнул. Он понимал правоту сказанного. Это позволит ему вкладывать деньги до тех пор, пока не начнутся поэтапные выплаты строителям. Он сможет получать прибыль от тех денег, которые он удержит. Это облегчит выплату двадцати процентов...

— И проценты вы будете платить каждые полгода,— произнес Морони.

Тодд снова пришел в смятение.

— Но у нас же не будет никакой прибыли, пока мы не откроем «Палому Бланку».

Морони с утомленным видом откинулся на сиденье и закрыл глаза, как бы желая остаться наедине с собой.

Боясь прервать его, Тодд неуверенно произнес:

— Я говорил мсье Лапьеру, что проценты могут нарастать, пока мы не получим деньги от «Сантурз». Тогда мы начнем выплачивать капитал плюс проценты.

Морони нахмурился и долго молчал. Наконец он открыл глаза.

— Это невозможно,— произнес он, пожав плечами.— Я-то думал, что вы разумный человек, друг мой.— Его упрекающий взгляд дал Тодду понять, что он совершил ошибку.

— Не хотелось бы быть неразумным,— попытался протестовать Тодд.

— Мне нужно что-то кушать. Мне нужно платить по счетам. У этих людей,— Морони указал на людей, окружавших машину,— есть жены, дети...— Он покачал головой, чтобы подчеркнуть свои последние слова.— Нет, это невозможно,— произнес он твердым голосом.— Проценты должны выплачиваться каждые полгода, и точка.

У Тодда упало сердце. Когда уже почти все уладилось! Он подумал о том, сможет ли он платить проценты с помощью автомобильного бизнеса. Это была единственная возможность. Это было бы тяжело, но возможно. Если, например, он повысит цены на пятнадцать или двадцать процентов. Поморщившись от нерешительности, он сказал:

— Мне надо подумать.

В глазах Морони не было удивления. Он с видимым безразличием рассматривал Тодда, как будто четыре миллиона восемьсот тысяч, которые он получит, если Тодд согласится, не имели никакого значения. В глубине души он не сомневался, что Тодд согласится.

Тодд чувствовал себя неловко под напряженным взглядом Морони. Как бы извиняясь, он сказал:

— Платить проценты каждые полгода будет сложно. Может быть, я посоветуюсь с моим бухгалтером? Может быть... может быть, я свяжусь с вами завтра?

Морони покачал головой.

— Это невозможно. Завтра я уезжаю. На шесть недель.

— Шесть недель!

Морони воздел руки ладонями кверху.

— Вы друг Лео Синклера,— произнес он обиженным тоном человека, пытавшегося быть логичным.— Вы сказали, что это срочно. Поэтому я сразу с вами встречаюсь. А сейчас вдруг оказывается, что не так уж и срочно.— Он пожал плечами.— Вы хотели заключить сделку. Мне пришлось сказать Лапьеру, чтобы он приготовил деньги к завтрашнему числу. И вдруг вы хотите ждать шесть недель!

— Нет, я хотел сказать...— испуганно перебил его Тодд. О том, чтобы ждать шесть недель, не могло быть и речи.— Я хотел сказать...— Он тяжело вздох-

нул. До него наконец дошел смысл слов Морони. — Вы хотите сказать, что завтра вы сможете все уладить?

Морони пожат плечами.
— Поезжайте в Париж, встретитесь с Жанером. Разумеется, вы можете все уладить. Но процент вы выплачиваете вовремя. День в день. Понятно? Каждые полгода. Это важно. Если не заплатите... Он провел пальцем по горлу. — Понятно? Сделка совершена.

— Как превышение кредита, — кивнул Голд. — Вся сумма будет выплачена по первому требованию.

Морони с минуту раздумывал.

— Да, по первому требованию, — настойчиво сказал он. Его лицо осветилось улыбкой. — Без проблем, не так ли? Вы честный человек, друг Лео Синктера. Вы меня не подведете. Поезжайте в Париж и... Он остановился, как бы пораженный неожиданной мыслью, пришедшей ему в голову.

— Еще одно условие. Ваше здоровье важно для меня, не так ли? Что-нибудь случится с вами и... — Он надул щеки. — Я потеряю свои деньги. Поэтому приготовьте страховку. Хорошо? Без проблем. С вами что-нибудь случается — я получаю страховку. — Он широко улыбнулся. — Этого мне хватит, чтобы послать цветы на ваши похороны.

От Катрины он это скрыл. Она знала, что он ездил в Рим, потому что он купил ей духи в магазине, не подлежащем таможенной пошлине, так же, как неделю назад он купил ей подарок в аэропорту «Шарль де Голль», но о Морони он ей ничего не сказал. Зачем? Она была бы недовольна, что он отрывает время от своего дела. К тому же, если бы он рассказал ей о Морони, ему бы пришлось рассказывать и о Лео, а это бы только привело к очередной ссоре.

К тому же описание Морони испугало бы ее до смерти, поэтому он не сказал ни слова. Даже разговаривая с Хэнком по телефону, он всего лишь сказал ему, что может занять деньги у «небольшой компании в Париже», но все же некоторые детали он был вынужден сообщить Мэнни. Мэнни был его бухгалтером с самого начала. Ему нравился Мэнни, он ему доверял, советы Мэнни часто оказывались полезными. Ему пришлось многое объяснить Мэнни, включая и то, что ему

срочно необходимо застраховать свою жизнь на двенадцать миллионов фунтов.

Они спорили несколько часов. Все утро.

— Зачем тебе это? — кричал на него Мэнни. — У тебя здесь хороший бизнес, зачем рисковать!

— Я еще не расстался с мечтой стать человеком, я должен сам себе доказать...

Мэнни воздел руки.

— Мечтатель! Ты бы хоть газеты почитал! Сколько таких мечтателей ломают себе шеи. Я уже давно у тебя бухгалтером, и за все это время я тебе когда-нибудь давал плохой совет? Я когда-нибудь тебе советовал прыгать с утеса или сунуть голову в горящую печь? И сейчас я тебе говорю то же самое: не делай этого, Тодди, не делай этого!

— Но если мы потуже затянем ремни...

— Нам придется затянуть не ремни, а петлю на шее! — закричал на него Мэнни. — Ты с ума сошел!

Мэнни вскочил и нервно забегал по комнате. Он был так же, как Тодд, коротышка, на дюйм или два выше, на десять лет старше, его круглое лицо было более красным, но у него было такое же брюшко, придававшее ему уютный и добродушный вид. Но в этот момент ему было явно неуютно.

— Двадцать процентов! — закричал он. Лицо его покрылось пятнами. — Ты собираешься делать деньги таким образом? Я подскажу тебе, как разбогатеть! Найди какого-нибудь пройдоху и одолжи ему двенадцать миллионов под двадцать процентов.

— Но дело не в двадцати процентах. Я говорю тебе: я все рассчитал. Я получаю стабильные двенадцать процентов на денежном рынке в одну ночь.

— Извини, — перебил его Мэнни, помахав пальцем в воздухе и вернувшись в свое кресло. — Это я получаю двенадцать процентов.

— Хорошо, благодаря тебе, я получаю двенадцать процентов. Итак, мы кладем эти шесть миллионов в банк и выплачиваем строителям по каплям. Поэтапная оплата, как ты помнишь. Мы заработаем достаточно, чтобы снизить стоимость примерно до четырнадцати процентов.

Мэнни похлопал ладонью по лбу.

— Только в первый год. Но как бы там ни было, как ты собираешься выплачивать? У тебя абсолютно

не будет никаких денег, пока ты не откроешь «Палому Бланку».

— Я тебе уже говорил, мы добудем деньги из нашего дела!

Мэнни усмехнулся. Лицо его исказила гримаса, глаза округлились.

— Ты знаешь, сколько это составит? — сердито спросил он. — В первый год? Даже после того, как ты рассчитаешься с денежным рынком? Восемьсот сорок тысяч...

— Мы с этим справимся.

— Неужели? — Мэнни откинулся в кресле. Голос его стал хриплым. — Ты что, считаешь как-нибудь по-особенному? У тебя есть какая-нибудь система, о которой я не знаю. В прошлом году ты получил прибыль семьсот тысяч. От обеих твоих компаний. Ну и как же ты заплатишь восемьсот сорок тысяч? Ты уже использовал все свои резервы, чтобы купить земельный участок.

— В прошлом году доходы выросли на пятнадцать процентов. Если в этом году они вырастут еще на столько же...

— «Если»...

— Но это возможно!

— Переплыть через Ла-Манш тоже возможно. Но большинство, как правило, тонет. А подумай о втором годе! Знаешь, сколько тебе понадобится? Около двух миллионов...

— Двумя взносами, — перебил его Тодд. — К тому времени, как настанет пора платить второй взнос, подойдут деньги от «Сантурз». Семь с половиной миллионов, не забыл? Я понимаю, что платить многовато, но...

— Ты с этим не справишься. Хорошо, в первый год еще возможно. А после того, как ты получишь деньги от «Сантурз», ты сможешь заплатить последний раз. Дальше ты не потянешь. Разве ты не понимаешь? Третья выплата через полтора года от нынешнего момента тебя доконает.

— Ты не прав, — оборвал его Тодд. Лицо его побелело. Он был непреклонен. — Как бы там ни было, я собираюсь рискнуть!

— Да? Нет, ты явно сошел с ума! А насчет этой страховки, о которой ты меня спрашивал, я говорил

с моим клиентом, брокером Абе Кацманом. Ты его видел, помнишь, тогда на скачках?

— И что, он все уладит?

— Речь идет о больших деньгах, понимаешь? Ты что, думаешь, что это какие-нибудь гроши?

— Так сколько?

— Прежде всего, медицинская страховка. — Слава Богу, речь идет только о психическом здоровье! — Мэнни покачал головой. — Любой бы сказал, что ты сошел с ума!

— Хорошо, медицинская страховка, так медицинская страховка. Здоровье у меня превосходное!

— У тебя излишний вес. За это они потребуют дополнительно...

— Я сяду на диету.

— К тому же ты куришь. За это они еще потребуют.

— Я курю сигары. А они обычно беспокоятся насчет сигарет.

— За двенадцать миллионов! — Мэнни закатил глаза, как бы моля Бога, чтобы тот дал ему терпение. — Поверь мне, за двенадцать миллионов они будут беспокоиться обо всем, о чем можно...

— Что же все-таки сказал Абе? Сколько это будет стоить?

— Ты не поверишь, — фыркнул Мэнни и сделал паузу. — Я скажу тебе, сколько стоит все это безумие. Около пятидесяти тысяч. Ну как?

— Твои накладные расходы уже повысились. — Тодд присвистнул. — И мое кровяное давление тоже!

— Во всяком случае не говори об этом Абе, иначе плата повысится. — Мэнни снова фыркнул и начал убирать свои бумаги в дипломат. — Да, кстати, насчет медицинской страховки, я тебе говорил, они сейчас проверяют на Н1. Ты сейчас ведешь активную половую жизнь?

От удивления у Тодда вытянулось лицо.

— Да, конечно, — ответил саркастически Тодд. — Я так же активен, как Эррол Флинн!

— Кинозвезда? Черт возьми, вот кто был активен!

— Во всяком случае, не последние двадцать лет, — мрачно сказал Тодд. — Я думаю, что я остановился тогда же, когда и он.

Тодд беспечно лежал в постели. Одессы было ему на лице, он лежал на спине. Он вцепился двумя руками в простыню, которая намоталась ему вокруг талии.

Кашляя и задыхаясь, он чувствовал себя так, как будто его толкали ботинком по спине. На подушке была кровь. Он выкрикнул и сел на постели. Вглядываясь в серую стену, он схватился за горло, прежде чем потрогать подушку. Он искал кровь, но обнаружил только влажные пятна пота.

Морони! Ему приснился Альдо Морони. Он откинулся на подушку, дыхание его восстанавливалось по мере того, как проходил страх. Сон был таким ясным, таким реальным! Он повернулся на бок, ища успокаивающего тела Катрины, но обнаружил, что постель рядом с ним была пуста. Он был удивлен и с минуту не мог ничего сообразить. Затем он вспомнил, мало-помалу восстанавливая события вчерашнего вечера. Он вспомнил, как они поссорились и как Катрина убежала к Миддлтонам. Он вспомнил, что он спал всю ночь, поздно лег спать и был разбужен шумом, когда она пришла и быстро направилась в комнату для гостей.

— Господи! — простонал он в подушку. — Почему мы все время ссоримся?

Прошлым вечером вместо ужина он съел сыру и фасоли и выпил много виски. Сейчас во рту у него стоял вкус желчи. Он пожалел, что не поужинал по-настоящему.

Душ помог ему, но лишь слегка. Голова все еще болела и кружилась, когда он надевал туфли. Внизу, одевшись, чтобы идти на работу, он открыл дверь кухни и полной грудью жадно вдыхал воздух. Он приготовил себе чашку кофе и прошел с нею к открытой двери. На лужайке лежал Мак и лаем пугал скворцов. Шум улицы отдавался в голове Тодда, как будто голову пилили пилой.

Чтобы избежать шума, он вернулся обратно в кухню, сел на табуретку, ругаясь про себя, щипля себя за нос и моргая глазами, как бы желая проверить, открываются ли у него веки.

Тодд с трудом восстанавливал в памяти события вчерашнего вечера. Он прислушался, желая услышать Катрину. Допив кофе, он прошел в гостиную. У подножия лестницы Тодд поглядел вверх, надеясь увидеть, как Катрина спускается, но лестница была пуста. Он вытянул шею и посмотрел на дверь комнаты для гостей, надеясь, что она отворится, но дверь не отворилась, и он вернулся на кухню, чтобы обдумать их ссору.

Он был виноват — он был сейчас достаточно трезв, чтобы признать это, — но лишь *наполовину*: Катрина вела себя вызывающе, когда услышала о Лео. Налив себе еще кофе, он вспомнил, как они поспорили из-за Миддлтонов.

— Ты лучше не ходи! — кричала она ему. — Я не хочу, чтобы ты шел со мной!

— Как хочешь! — проворчал он. — Я уже почти собрался.

Тодд снова прислушался, но единственным звуком, который доносился до него, был лай Мака.

«Если она сейчас выйдет, — подумал он, — то мы положим конец всему этому». Он представил себе, как Катрина будет умолять его быть снисходительным и забыть...

«Черта с два», — подумал он. Катрина никогда ни о чем его не умоляла, тем более о прощении. Она никогда не меняла своих решений. Доказательством этому служило решение о «Паломе Бланке». Она даже ни разу не ездила туда, она каждый раз отказывалась. Даже сейчас, когда «Палом Бланка» была закончена почти наполовину, когда строители работали строго по расписанию и гостиница с каждым месяцем становилась все грандиознее. Каждый раз, когда он бывал в «Паломе Бланке», его поражало великолепие местности, а приезжал он туда всякий раз, когда бывал на Майорке. Ездил туда он, а не Катрина. Она каждый раз отказывалась.

— Мы будем только спорить, — говорила она, качая головой. — Лучше поезжай один.

Поэтому она оставалась на вилле или ехала в Санта-Понзу, чтобы навестить Сэма и Памелу, а он ехал с Хэнком в «Палому Бланку», чтобы проверить, как идут дела. Всякий раз при виде этой экзотической местности они приходили в восторг, словно дети.

Мысль о том, что они стали владельцами подобной роскоши, приятно щекогала их самолюбие.

— Неплохо, старина, — говорил обычно Хэнк, хлопав его по плечу. Такой старый морской волк, как я, и такой маленький голстячок, как ты, — и владе- ем одной из лучших гостиниц в мире! Осталось не так уж и много, старина Тодди, не так уж и много!

Осталось действительно не так уж и много, до завершения всего восемь месяцев. Бюджет был жест- ким, и работы шли по расписанию. А Катрина так ни разу и не присхала туда.

Ее отношение портило ему настроение. Он жил этой гостиницей. Она была единственным островом надежды в том море нищеты, которое политиканы называли временным снижением темпов. Снижение! На самом деле наступил настоящий кризис. Люди перестали покупать машины. Клиенты откладывали свое решение, ссылаясь на то, что старая машина еще послужит, торговались из-за каждой мелочи и вообще причиняли много хлопот. Все его планы разлетелись в клочья, доходы сильно снизились, капиталоборот был невысоким, банкиры вели себя, как напуганные старухи. Между тем, нужно было чем-то расплачи- ваться с Альдо Морони. Он был вынужден все время думать о деньгах.

Его мрачные размышления прервал звонок в дверь. Это означало, что приехал Герберт. Допив кофе, он накинул пиджак и прошел в прихожую. У подножия лестницы он остановился.

«Последний шанс, — подумал он, с надеждой погля- дев наверх. — Катрина, сойди вниз. Герберт может подождать, пока мы выпьем по чашечке кофе!»

Но Катрина не подавала никаких звуков, и он прошел к машине, громко захлопнув за собой перед- ную дверь.

— Доброе утро, босс!

— Привет, Герберт!

Когда они проезжали дом Миддлтонов, он помор- щился.

— Чертовы идиоты, — проворчал он. — Ослы!

Он недовольно глядел на знакомые улицы, в то время как они поворачивали на шоссе.

Небо, серое, как шифер, усугубляло его мрачное настроение.

— Прогноз обещает прояснение,— произнес Герберт, чувствуя себя неуютно в воцарившейся тишине.

— Давно пора,— проворчал Тодд, мрачно уставившись на мокрые от дождя улицы.

Герберт заметил нездоровую бледность Тодда.

— Ты плохо провел вечер?

Он мог бы прекрасно провести этот вечер. Они бы могли присоединиться к компании Лео в «Айви». С этой Шарли. Они могли бы и повеселиться для разнообразия. Ругаясь про себя, он взял газету, которую Герберт всегда привозил с собой. Он уставился в заголовки невидящим взглядом. Он думал о другом. Он пытался вспомнить, когда он в последний раз веселился. Последние восемнадцать месяцев были перенасыщены напряжением. Он понизил расходы на автомобильный бизнес, опустошил все резервы, считал копейки. Каждый день был сражением. День за днем...

Все двенадцать миллионов Морони были уже израсходованы! Все! Общая стоимость к тому времени, как «Палома Бланка» будет закончена, составит около четырнадцати миллионов. Но Хэнк он не винил. Хэнк все делал отлично. Работы шли строго по плану. А когда «дополнительные расходы» Дона Антонио значительно превысили бюджет, Хэнк пошел на огромную жертву. Постоянные посетители «Вороньего гнезда» были удивлены. Жизнь Хэнка была нескончаемой чередой женщин, сегодня одна, завтра — другая, и расставался он с ними без особой сердечной боли... но расстаться со своей яхтой! Продажа его океанического пилота «Американская мечта» была сенсацией для всех Балеарских островов. Покупатели приехали из Барселоны, Ниццы, Саусхемптона, с Адриатики, даже из Сиднея. Хэнк пришел на аукцион мрачный, разбитый, но он пошел на это ради «Паломы Бланки».

Яхта Тодда по сравнению с ней стоила жалкие гроши, но он все равно продал ее.

«Все равно нет времени кататься на ней,— сказал он Катрине.— Я даже не буду по ней скучать».

Он лгал, он скучал по ней, но больше всего его огорчало то, что с одной катастрофой они, может быть, и справились бы, но перед ними было сразу две катастрофы. Первая — это то, что «Палома Бланка» потребовала расходов больше, чем они ожидали, а вторая — это спад промышленности. Он часто вспо-

мнил стола М... Это остано-
вительно его х... Не... Морони
уже выжали... Морони
горами... за
его разорит, если то... произойдет чудо.

Он знал все цифры наизусть. Следующая выплата
процентов составляла один миллион двести тысяч. Он
возлагал надежды на то, что автомобильный бизнес
принесет ему по крайней мере шестьсот тысяч, а оказа-
лось, что самое большее, на что он может рассчиты-
вать, — это четыреста тысяч. Хэнк отдаст весь доход
от «Вороньего гнезда». Это составит еще двести тысяч.
Он заложил свой дом еще за двести тысяч. Если бы
Катрина узнала, она бы сошла с ума.

«Пусть живет в неведении», — мрачно говорил он
себе, подсчитывая, что ему все равно не хватает трех-
сот тысяч.

Чертов спад, ругался он про себя. Если бы не спад,
то он бы справился. Даже Мэнни признавал, что дела
у него идут все-таки лучше, чем у других, но капита то-
оборот становился все меньше, все больше денег ухо-
дило и все меньше прибыли...

Даже Катрина не помогала, от нее не было никакой
радости. Они все еще занимались любовью, но значи-
тельно реже.

«Когда в последний раз она первая проявляла инициативу? Каждый раз — я! Наша половая жизнь даже хуже, чем тогда, когда она помешалась на ребенке, хуже, чем тогда, когда она кричала на меня: «Мы должны сделать ребенка, а не просто наслаждаться!», но этот период прошел. Все встало на свои места, когда они приобрели дом, когда стали проводить отпуск на Майорке и, наконец, когда они купили виллу в гавани, пока «Палома Бланка» не сделалась предметом их постоянных ссор.

— Ну вот и приехали, босс, — сказал Герберт с на-
игранным весельем, прервав размышления Тодда. По-
сле того, как Тодд резко оборвал его, он всю дорогу
молчал, решив, что день для болтовни неподходящий.
Все остальные тоже быстро поняли это. Джимми Дэ-
вис, менеджер выставочного павильона, посмотрел на
Тодда и вспомнил, что ему надо срочно поговорить по
телефону. Джилл Дэниэлс, секретарша, погрузилась
в какие-то проспекты, а наверху, в офисе, Сэлли уже

готовила ему кофе. На лестнице она встретила Билла Ховкинса, начальника мастерской.

— Это срочно? — спросила она. — Если нет, то я покину вас на минутку.

— Вот как? Вчера он был какой-то раздражительный.

— И позавчера. Я не знаю, что с ним происходит в последнее время.

Тодд отлично знал, что с ним происходит. Он бросил сердитый взгляд, сядя за стол. Он нахмурил лоб, глядя на цветные фотографии «Паломы Бланки» на противоположной стене. Словно приговоренный, он не мог никуда сбежать. Конечно, в конце концов все будет в порядке — его уверенность в будущем была непоколебима. Когда они получают деньги от «Сантурз», все нормализуется, но его раздражало постоянное выкраивание денег из одного места, чтобы вложить их в другое. От повседневных тревог у него появилась боязнь замкнутого пространства. Ему хотелось убежать от всего этого, устроить себе тихую, спокойную жизнь, которую он мог бы сравнить с наступлением весны.

Сэлли открыла дверь и принесла ему кофе.

— Вы не очень хорошо выглядите, — сказала она, поставив чашку на стол.

Он выдавил из себя слабую улыбку.

— Я просто перебрал вчера вечером, — только и всего.

Она все поняла.

— Принести вам чего-нибудь? Аспирину?

— Нет, спасибо, только кофе.

Кофе помог. Черный, сладкий, горячий и крепкий — как раз по его вкусу. Мрачное настроение немного рассеялось, и он углубился в свои проблемы. Виллу нужно было продать. Это был единственный способ добыть недостающие триста тысяч. Все остальное он уже перепробовал. Банк отказывался одолжить ему даже пенни. Он хотел обсудить это с Лео, надеясь, что у того могут быть какие-нибудь идеи.

Катрина сойдет с ума. Сердце его сжималось, так как он предвидел очередную ссору. Если бы она хотя бы понимала, в чем дело. Сложность с быстрым капиталоборотом. В конце концов все это с лихвой окупится. Через восемь месяцев строительство «Паломы

Бланки» будет... «Сал-турз», и все просто... Если бы только она попробовала посмотреть на мир с другой точки зрения, то это уже было бы здорово. Если бы она расслабилась, то и он смог бы расслабиться. Тогда все было бы здорово...

Он должен был сказать ей об этом еще много недель назад. Он давно об этом думал. Скоро он ей об этом скажет. Времени уже оставалось мало. Хэнк уже повсюду искал покупателя. Если бы это не удалось, ему бы пришлось отдавать битту агентам по продаже недвижимости.

Закусив губу, он подумал, а не произошла ли их ссора просто из-за того, что он слишком ожесточился из-за своих проблем? Сейчас добыть деньги было труднее, чем когда-либо. «Ресторан,— решил он.— Позвони ей и пригласи ее в ресторан».

Они обычно ходили в ресторан, когда отмечали дни рождения или какие-нибудь годовщины. После этого они обычно возвращались домой на такси — и сразу в постель. Ресторан всегда был праздником, и даже если сейчас это окажется не так, по крайней мере у нее будет хорошее настроение.

«Извинись за прошлую ночь, смирись, затем осторожно сообщи ей новость...»

Когда он грыз ноготь, обдумывая свои планы, раздался телефонный звонок. Нахмурившись, он взял трубку.

— Кто? Мистер Синклер? Ах, да, Лео. Да, соедини-те меня с ним.

— Тодди, старина! — прогремел голос Лео.

Тодд вздрогнул и отодвинул трубку от уха.

— Я просто хотел извиниться за вчерашний вечер. Такая ерунда получилась...

— Да, я жалею, что не пошел с вами. Вы хотя бы хорошо провели время?

— Прекрасно! Жаль, что тебя не было,— рассмеялся Лео.— Шарли без ума от тебя.

— Эта рыжая? Неужели?

— Не притворяйся, что ты ее забыл,— причмокнул языком Лео. Ему явно понравилась эта притворная рассеянность Тодда.— Видел бы ты ее вчера вечером. Сногсшибательная женщина, доложу тебе...

По звуку его голоса можно было понять, что пове-

селились они вволю. Придерживая трубку подбородком, Тодд закурил сигару — первую за этот день — и с завистью слушал рассказ Лео о том, как они поужинали в «Айви», потом еще как следует выпили в «Меридиэне», и потом пошли на рулетку в Блатчфордз.

— Когда мы вошли, — смеялся Лео, — Шарли говорит: «Мальчики, я ограничиваю себя пятью тысячами. Это все мои денежки, которые я собираюсь потратить на развлечения. Если я все просажу, придется ехать домой и трясти кошелек. Обычно это занимает у меня около часа». — Он снова рассмеялся. — В конце концов ушли мы оттуда в три ночи. Она все выигрывала и выигрывала. Все собрались вокруг ее стола, наблюдая за ней, подбадривая ее, заключая с ней пари. Знаешь, сколько она выиграла в общей сложности? Девятнадцать тысяч!

Тодд присвистнул.

— Так что теперь она при деньжатах, — рассмеялся Лео. — И она без ума от тебя. Поверь мне, старина, я-то всегда это вижу. Да она и сама это сказала. Она сказала, что ты самый сексуальный парень, которого она когда-либо видела.

— Ты шутишь!

— Я не шучу. Она тебе не звонила?

— Нет.

— погоди, она еще объявится. Весь вечер она говорила если не о тебе, то о своей новой машине. Нет, ты ей явно понравился.

Черный кофе, сигара, новость о том, что он понравился такой привлекательной женщине, — это все развело мрачное настроение Тодда. Он чувствовал себя гораздо лучше, чем несколько минут назад.

— Ну ладно, к делу, — сказал Лео. — Как я понял, тебе нужно со мной поговорить? Видишь ли, сегодня я весь день занят, а завтра в полдень улетаю. Может быть, удастся позавтракать завтра вместе? Здесь, в «Ритце». Часиков в восемь утра?

— Хорошо. Мне нужен твой совет насчет нашего друга в Париже. Следующая выплата через два месяца, а... сам знаешь, как паршиво идут дела... никто ничего не покупает, и все такое... честно говоря, я немного волнуюсь. Конечно, когда мы получим деньги от «Сантурз», все нормализуется...

— Разумеется.
Давай обдумать
этим. Вчера я
рассказывал. Знаешь
Продолжи эту историю
раньше что-нибудь
взбодрит.

После такого раз-
говора лучше, чем
умел поднимать настро-
ение, что не омрачалось.
Дверь отворилась.
— Слушайте, там
еще кофе?

— Я чувствую се-

— Нет, вы положе-

сразу повеселели...

— Да ладно, прек-

— Это хороший

чтобы вывесили во-

танцовщиц?

Перед его глазами

в «Ритце», ощутил теп-

теплый смех: «Пойдем

пьем еще немного здеш-

куда-нибудь». Когда

что она недовольна.

— Танцовщицы там

чтобы он проверил, ест-

— Красный?

— Да, с сексуально

Желание пригласит

у него из головы.

Честно говоря, Кат-
сторан. В «Вайнгард». Б-
дую третью среду мес-
с Софи и Глорией. По-
роу они стали ближе
вместе ходили на свид-
чатления, занимали др-
вечеринг»

— Разумеется. Но в конце концов, еще не вечер. Давай обсудим это завтра утром. И не вешай нос, дружище. Вчера вечером ты действительно выглядел раскисшим. Знаешь что, позволь себе расслабиться. Продай этой красотке Шарли манжину и своди ее в ресторан или что-нибудь в этом роде. Вот увидишь, это тебя взбодрит.

После такого разговора Тодд стал чувствовать себя гораздо лучше, чем за все прошедшие дни. Лео всегда умел поднять настроение, как стакан тоника. Но ничто не омрачало. А его комментарии о Шарли...

Дверь отворилась, и вошла Сэлли.

— Слушайте, теперь вы выглядите лучше. Хотите еще кофе?

— Я чувствую себя отлично.

— Нет, вы положительно выглядите лучше. Как-то сразу повеселели...

— Да ладно, прекрати...

— Это хороший знак. Хотите, я распоряжусь, чтобы вывесили воздушные шары и пригласили танцовщиц?

Перед его глазами стала Шарли. Он вспомнил ее в «Ритце», ощутил тепло ее руки на своей, вспомнил ее теплый смех: «Пойдемте с нами. Прошу вас. Мы выпьем еще немного здесь и пойдем в «Айви» или еще куда-нибудь». Когда он отказался, то почувствовал, что она недовольна.

— Танцовщицы танцовщицами, но скажи Джиму, чтобы он проверил, есть ли у нас красный «XIS».

— Красный?

— Да, с сексуальной черной обивкой.

Желание пригласить Катрину в ресторан вылетело у него из головы.

Честно говоря, Катрина сама собиралась идти в ресторан. В «Вайнярд». Была третья среда месяца, а каждую третью среду месяца она ходила туда на встречу с Софи и Глорией. После их совместной жизни в Харроу они стали ближе друг другу, чем сестры. Они вместе ходили на свидания с парнями, обсуждали впечатления, занимали друг у друга одежду, устраивали вечеринки, ходили в кино, читали книги, утратили девственность и делились впечатлениями даже об

этом. «А как у тебя?» — все время интересовалась Глория. Даже когда прошли вольные шестидесятые годы и наступили более строгие семидесятые, жизнь в Лондоне была вполне привольной. Хорошо быть девятнадцати лет (Софи, правда, было двадцать один), полным планом о будущем. И будущее — теперь прошлое и настоящее — более или менее дало им то, чего они хотели, хотя тогда только Софи знала, чего она хочет. Тогда, как и сейчас, она была моделью — с той разницей, что сейчас, кроме этого, она была владелицей школы моделей «Бартльман» и агентства моделей «Бартльман». И то, и другое возникло десять лет назад и все это время процветало. Софи была помешана на своей карьере и имела бесконечное количество знакомств, в то время как Глория всегда шутила, что замужество принесет ей больше денег.

Сначала это были просто регулярные встречи, а потом они превратились во что-то вроде клуба со своими правилами. «Вайнъярд» в общем-то не был клубом, но был лучшим рестораном в Хэмпстеде, и правила скорее были выдуманы самими женщинами, чем владельцем ресторана. Неписанные и негласные, но все-таки — правила, и самым строгим из них было то, что посещаемость была строго обязательной. Отсутствовать разрешалось, только если ты была больна, или в отпуске, или у тебя деловая встреча, или гости. Но соблюдать это правило было в общем-то несложно. Еда вкусная, быть в компании друг друга им нравилось, всегда было о чем посплетничать — так что не ходить не имело смысла.

— Как Тодди себя чувствовал этим утром? — с участием спросила Софи.

— Нормально, — произнесла Катрина, стараясь придать своему голосу нейтральное звучание.

— Он все-таки пошел на работу?

— Да.

— Значит, на самом деле он чувствовал себя не так уж и плохо?

Катрина не имела понятия о том, как он себя чувствовал. С тех пор, как она выбежала из дома, она его не видела. Когда она вернулась, чуть-чуть навеселе, было уже поздно. Он уже спал, и она прошла спать в комнату для гостей. Но ей так и не удалось заснуть. Большую часть ночи она проворочалась с боку на бок,

переживая из-за ссоры и из-за того, как она объяснила Миддлтонам отсутствие Тодди.

— Тодди неожиданно простудился, — объявила она сразу, как пришла. Глаза слезятся. Бедняжка. Пот с него ручьями льется. Никогда не смогла это к вам вытащить.

Несмотря на косые взгляды, она осталась вполне довольна своим представлением. Что касается Джулии, то она со своей стороны сделала все, чтобы растопить лед. Вечер прошел вполне успешно. Тем не менее сейчас, когда она сидит со своими подружками, а в голове у нее слегка гудело от слабого похмелья, она понимала, что ее представление никого не убедило.

— Ты же знаешь Тодди, — сказала она. — Ничто не может оторвать его от работы.

— Ты уверена, что он занят только работой? — произнесла Софи и повернулась к Пьеру.

— Пожалуйста, Пьер, мне мясо по-татарски. Но давайте выпьем еще по стаканчику «Кровавой Мэри», хорошо, девочки?

Глория кивнула, с охотой принимая это предложение.

— Мне тоже мясо по-татарски.

Пока ручка Пьера с золотым пером скользила по его блокноту, он вопросительно поднял бровь.

— С салатом, мадам?

— Да, пожалуйста, и побольше майонеза. Но давайте сначала выпьем!

— Хорошо, мадам, — кивнул Пьер, принимая заказ Катрины на телятину.

— Я хочу сказать, — мягко произнесла Глория, — не кажется ли тебе, что Тодди слишком много времени проводит на работе?

Катрина покраснела. «По сравнению с кем?» — хотела она спросить. По сравнению с последним мужем Глории, который унаследовал состояние и возился с антиквариатом почти без успеха? Он родился наследником чайного бизнеса, который приносил огромный доход, и всегда готов был увильнуть от работы.

— Тодди всегда много работает, — сухо произнесла Катрина.

— М-м-м, — задумчиво промямлила Глория. —

Мой Питер однажды вот точно так же много работал. А потом оказалось, что «работает» он в номере у некой блондинки, которая назвалась его секретаршей. Разумеется, никакая она не секретарша. Так что, дорогая, нас не проведешь. Я видела, в каком состоянии ты вчера пришла. От постели больного так не приходят.

— Я опаздывала,— резко возразила Катрина, пытаясь оттянуть неизбежное.

— Черт возьми,— хихикнула Глория.— И ты ради этого нарядилась?

Катрина очень осторожно поставила свой пустой бокал на стол. Зажигая сигарету, она следила за тем, чтобы рука ее была спокойна. Но внутри у нее все кипело. *«Куда запропастился Пьер с «Кровавой Мэри»? Выпью, пожалуй, еще бокал и хватит»*. Она откашлялась. Голос ее прозвучал неестественно весело:

— Это была вечеринка, не так ли? К тому же я была одна, без Тодди...

— Это, кажется, понравилось Алеку? Он собирался наслаждаться тобой всю ночь.

Катрина вспыхнула. Алек Джепсон был ужасный зануда, как и большинство друзей Марка. Она разделяла мнение Тодда по поводу мужа Джулии. Марк Миддлтон был идиот, каких мало. Почему Джулия вышла за него, было загадкой. В конце концов, она была довольно симпатичной, может быть, немножко пустоголовой, но порой вполне приятной. Катрине она нравилась, и у нее все внутри кипело, когда она видела, как Марк крутит ею так и сяк.

— Все равно,— мягко сказала она.— Спасибо, что пришла и помогла нам. А то Джулия была в запарке...

— Ее муженька давно пора бы пристрелить,— сказала Глория.

Софи состроила гримасу.

— И зачем ты к ним ходишь? Я понимаю, они соседи, но тебе-то что за дело?

Катрина нахмурилась.

— Я просто вижу, что Джулии нужна подруга...

— Что ей нужно,— нетерпеливо перебила ее Глория,— так это хороший адвокат. Пусть она позвонит мне. Ну да хватит об этой ерунде. Я хочу услышать о Тодди. Что же случилось вчера вечером? Еще минуту назад по телефону ты говоришь, что он дома и что вы

идете, и вдруг бах, трах, и ты пригнала, а у самой пар из ноздрей ваши!

— Я же тебе сказала, я опоздала, только и всего. Я ненавижу опаздывать!

— Да, а Тодди сначала был здоров, как бык, а через минуту вдруг умирает? Хватит заливать, уж мы-то тебя знаем как облупленную.

Вернулся Пьер. Это позволило Катрине на минуту расслабиться, но она уже понимала, что битву проигрывает. Глория была права, они знали ее вдоль и поперек.

— В конце концов, ты нам все выложишь, — настойчиво произнесла Софи. — Уж нас-то ты не проведешь!

И пришлось ей все выкладывать — что Тодд вернулся домой злой как черт, отказался идти на вечеринку, а затем вдруг признался, что уже много лет встречается с ее отцом.

— Больше всего меня разозлило именно это его признание, — мрачно произнесла Катрина. — Семь лет! Вы можете поверить? И все это время он скрывал от меня. Как он мог?

Явно сочувствуя ей, Глория потянулась через стол и взяла ее руку в свою. Софи сделала то же самое.

Они всегда были подругами, хорошими подругами. Когда они что-нибудь одобряли, они выпячивали губы и цокали языками, а когда сочувствовали, грустно щебетали. Они всегда были сочувствующими, добрыми и заботливыми, какими могут быть лишь настоящие подруги. С этого начиналось. Потом, когда они проходили за свой столик, они обсуждали свои проблемы так тщательно, как будто они были сыщиками и искали какую-нибудь разгадку.

— Знаете ли, у Тодда есть некоторые основания, — Софи вытерла рот салфеткой. — Теперь я вспоминаю. Ты всегда бесилась при любом воспоминании о твоём отце.

— Ты бы тоже взбесилась, если бы у тебя был такой отец. Он лжец и подонок. Ему совершенно нельзя доверять.

— Мужчинам вообще нельзя доверять, — сухо произнесла Глория.

— Но Тодди не такой, — с жаром возразила Катрина. — Они совсем разные. Я даже не представляю, о чем бы они могли разговаривать.

— Должно быть, о тебе. Это ты была причиной их сближения,— сказала Софи.

— Единственное, чего я не понимаю, это то, что Тодди отказался идти к Миддлтонам еще до того, как вы поссорились. Он решил это *заранее*. Или я что-нибудь *неправильно* поняла?

— Да нет, ты поняла все правильно.

— Вот то-то и оно.— Глория вздохнула и выпятила нижнюю губу.— А я-то думала, что я ему нравлюсь.

— Разумеется, ты ему нравишься. Ты тут ни при чем... просто он вернулся домой в ужасном настроении, только и всего.

Софи и Глория обменялись понимающими взглядами. Софи откашлялась, стараясь как можно осторожнее подбирать слова.

— Видишь ли,— сказала она с сомнением.— Я еще раньше заметила, что что-то неладно. Вы с Тодди, кажется, в последнее время немного охладели друг к другу.

— Вот именно,— поддакнула Глория.— Я помню, раньше вы болтали друг с другом так, что слова нельзя было вставить. Рты не закрывали. На нас уже не обращали внимания, как будто нас не существовало...

— Ерунда,— прервала ее Катрина.

— Нет, не ерунда,— возразила София.— Так оно и было.

Катрина уставилась на нее.

— Мы все такие же. Разве что, может быть, немного постарели...

— Вот как? — прервала ее Глория.— Может быть. Ну, а как у вас с сексом?

Катрина почувствовала, как краска приливает у нее к щекам.

— Это не твое дело.

Глория не смутилась.

— Хорошо, можешь не говорить нам, может быть, тема слишком личная, чтобы обсуждать ее, но...

— Спасибо, все нормально.

— Нормально? Что это за слово, нормально?

— Ты, может быть, скажешь, что мы суемся не в свое дело,— сказала Софи.— Но мы о тебе беспокоимся. Точнее, о вас двоих. О Тодди тоже. Что-то явно не так...

— Все в порядке.
— В таком случае...
Катрина посмотрела на Софи.
— Кто она? —
— Ты о ком? —
— О женщине. —
Женщина. Тодди не с...
вести, не тот он человек.
— Да нет же, —
никакой женщины. —
много работает, сидит...
Дела у него сейчас...
производства...
— Про спад мы...
фи. — И мы отлично...
отзывчивый. Мы ег...
добрый, сердечный,
и больше времени пр...
ется по такому ничт...
сти...
— Я не верю, —
такой человек.
— Милочка, все...
ком резюмировала Г...
— Но я бы знала...
— Как ты знала о...
огцом?
Когда они сели з...
себя голодной. Но т...
петит. Бросив на Соф...
лож и вилку.
— Дорогая, смир...
Ты уже получила сво...
— Десять лет. —
вернулась на стуле...
месяцев.
— Неужели уже...
Глория. — Немалый...
и того же, день за д...
они заслуживают не...
ва ощутить весну ж...
— Сколько лет...

— Все в порядке. Он только придет домой в плохом настроении, только и всего.

— В таком случае,— сказала Софи, едва заметно пожав плечами,— остается только один вопрос.

Катрина посмотрела на нее раздумывающе.

— Кто она? — произнесла Глория.

— Ты о ком? — Глаза Катрины округлились.

— О женщине. Непременно должна быть какая-то женщина. Тодди не стал бы ни с того ни с сего так себя вести, не тот он человек.

— Да нет же,— Катрина покачала головой.— Нет никакой женщины. Если бы была, то я бы знала. Он много работает, сильно понервничал, только и всего. Дела у него сейчас идут не очень хорошо. Этот спад производства...

— Про спад мы отлично знаем,— перебила ее Софи.— И мы отлично знаем Тодди. Добрый, сердечный, отзывчивый. Мы его очень любим. Но когда этот добрый, сердечный, отзывчивый человек все больше и больше времени проводит в офисе, а потом взрывается по такому ничтожному поводу, как поход в гости...

— Я не верю,— резко сказала Катрина.— Тодди не такой человек.

— Милочка, все мужчины одинаковы,— со вздохом резюмировала Глория.

— Но я бы знала.

— Как ты знала о том, что он встречается с твоим отцом?

Когда они сели за стол, Катрина не чувствовала себя голодной. Но теперь у нее вдруг появился аппетит. Бросив на Софи быстрый взгляд, она взялась за нож и вилку.

— Дорогая, смирись с этим,— произнесла Софи.— Ты уже получила свое. Давно вы женаты?

— Десять лет.— Отодвинув тарелку, Катрина повернулась на стуле, ища Пьера.— Десять лет и пять месяцев.

— Неужели уже десять лет? — удивленно спросила Глория.— Немалый срок. Мужчины устают от одного и того же, день за днем... Они начинают думать, что они заслуживают некоторого разнообразия, хотят снова ощутить весну жизни...

— Сколько лет Тодди? — спросила Софи.

— Сорок пять,— рассеянно ответила Катрина, увидев Пьера.

— Пожалуйста, Пьер, еще одну «Кровавую Мэри».— Она поглядела на подруг.— Вы будете?

Глория и Софи мрачно покачали головами.

Пьер посмотрел в тарелку Катрины.

— Мадам не понравился сегодняшний ужин?

— Скорее, я хочу выпить.

Софи посмотрела на Пьера.

— Сорок пять — опасный возраст. Мужская менопауза и все такое.

— Заткнись,— вспыхнула Катрина.— Тебе хорошо шутить...

— Успокойся,— мягко проговорила Глория.— Что-то не так. Ты сама в этом призналась. Тодди как-то странно себя ведет. Мы спрашиваем, в чем причина. Только и всего.

Я хочу сказать, что вчера вечером все получилось ни с того ни с сего, не так ли? Я готова поспорить, что ты занималась хозяйством как обычно, как всегда, когда он приходит домой...

— Ты слишком его балуешь, Катрина, ты сама это знаешь. Я тебе еще раньше говорила.— Софи определенно считала, что мужчины должны баловать ее, но ни в коем случае не наоборот. И, как правило, именно так и было.

Катрина открыла сумочку, достала сигареты и стала искать свою маленькую золотую зажигалку, когда подошел Пьер.

— Разрешите, мадам.— Он помог ей прикурить, поставил перед ней бокал «Кровавой Мэри» и убрал тарелки со стола.

Софи увидела, с каким нетерпением Катрина потянулась за своим бокалом.

— Дорогая, не увлекайся,— произнесла она тоном больничной сестры.— Мы и так все время пьем в последние дни.

— Да здесь почти один томатный сок,— пробормотала Катрина. Нервы ее были напряжены. Она ожидала ощутить вкус водки.

— Может быть,— задумчиво произнесла Софи,— но, по-моему, ты выпила два бокала перед обедом, затем вино во время обеда и еще бренди после. А потом ты заснуть не сможешь. Я права?

— Все это даром не проходит, дорогая. Буду с тобой откровенна. Глория посмотрела на Катрину прищуренными глазами. — Надо признаться, у тебя немножко растолстели верхние части рук. Набрать вес легко, а потом сам дьявол не поможет его сбросить. А ты всегда была довольно крупной.

— Я не толстая, — резко возразила Катрина, а сама пощупала свои руки. — Меня нельзя назвать толстой.

— Никто не говорит, что ты толстая. Но в твои годы лучше за этим последить.

Катрина почувствовала, как внутри у нее что-то содрогнулось. Ей вдруг стало неловко ощущать свое тело. Мурашки пробежали у нее по спине.

— Дорогая, — произнесла Софи, — я не хочу быть ханжой, но ведь у твоей матери была та же проблема... — Она заметила, как лицо Катрины перекосилось. — Дорогая, извини ради Бога, я не хотела тебя обидеть. Но сама знаешь, со спиртным шутки плохи.

— Софи права, — сказала Глория, выпрямившись в кресле. — Почему бы тебе завтра не поехать с ней в «Бродлэндз»? За неделю там с тобой чудеса сделают.

«Бродлэндз» был самым престижным оздоровительным центром во всей Англии. Он занимал собой восемьдесят акров в Сассексе. Софи ездила туда каждый год и всегда возвращалась посвежевшей.

— Завтра? — переспросила Катрина, покачав головой. — Я не могу все бросить и...

— Почему?

— Не задавай глупых вопросов! Это совершенно исключено. Тодди без меня ни дня прожить не сможет. К тому же через неделю или около того мы едем на Майорку.

— К черту Майорку.

— Нет, я не могу. Я хочу видеть Памелу и Сэма, и к тому же у нас есть дела на вилле.

— Оставь их для Тодди. В этом-то твоя и беда. Он воспринимает тебя как что-то само собой разумеющееся, ни на секунду не сомневается, что он тебя заслуживает. Поезжай в «Бродлэндз», займись своей фигурой, сделай себе новую прическу...

— Я не знаю, это так дорого.

— Тем лучше. Это встряхнет его. Дело стоит

того. Можешь ты хоть раз себе позволить? Обнови весь свой гардероб...

— Я, право, не знаю... Мы и так за последнее время много потратили...

— А тебе-то какое дело? Уж на свою девицу он наверняка денежек не жалеет!

— Ты даже не знаешь, есть ли у него девица!

— Да уж наверняка есть,— перебила ее Софи.— Конечно, знать мы не можем, но поверь мне, если мужчина вдруг взрывается по пустякам, то что-то здесь не то. Иначе с чего бы вдруг? До этого же вы, кажется, не ссорились?

— Ссорились? — Катрина вдруг неожиданно рассмеялась.— Да мы не то что не ссоримся, мы вообще не бываем вместе. Он и дома-то почти не бывает.

— Вот-вот, то-то и оно...

Честно говоря, поведение Тодда в тот день было действительно странным. Он был вполне предсказуемым человеком. Он рано начал работать, часами торчал в гараже, трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться в бизнесе, не говоря уже о женитьбе, которая была в основном удачной,— все это привело к тому, что он был на редкость верным супругом. Смотреть на других женщин — это одно, а нечто большее — это совсем другое.

Но он уже давно не мог позволить себе расслабиться. Уже много недель, даже месяцев он жил в неослабевающем напряжении.

А от встречи с Шарли в «Ритце» у него осталось приятное впечатление. Он явно почувствовал ее недовольство, когда объявил, что не сможет присоединиться к ним в тот вечер. Они явно *понравились* друг другу, но то, что предлагал Лео, было уже слишком...

Поэтому все утро он пытался убедить себя, что ее визит нежелателен. Похмелье его то проходило, то снова возобновлялось. Он даже пытался шутить, когда обсуждал проблемы мастерской с Биллом Ховкинсом. Но когда подошло уже время обеда, а Шарли все еще не появлялась, он начал беспокоиться. Он почему-то ожидал, что она появится в полдень. Он представил себе, как поведет ее в местный итальянский ресторан. Он представил, как остальные посетители, большинст-

во из которых он знал, выйдут шен, чтобы посмотре-
реть, с кем это он пришел, будут бросать завистливые
взгляды. Тем не менее, когда время уже приближалось
к двум, а она все не объявлялась, он был вынужден
что-то решать. Если бы он так поздно пошел обещать,
то смог бы с ней разойтись, поэтому он пошел Селли
в магазин на углу, чтобы она принесла какой-нибудь
бутерброд.

К половине третьего Тодд окончательно отчаялся
а в половине четвертого вдруг зазвонил телефон.
Звонил Джилл Дэвис, распорядитель выставочного
павильона.

— Вас желает видеть некая леди. Мисс Шарлотта
Сандерс.

Сердце его забилося.

— Хорошо,— произнес он, стараясь говорить без-
различно.— Иду.

Он быстро причесался, поправил галстук и по-
спешил вниз.

Когда он вошел в павильон, Дэвис так и вертелся
вокруг Шарли. Шарли восхищалась машиной, а Дэвис
восхищался Шарли. Нельзя сказать, что Тодд прирев-
новал его. Шарли вертелась во все стороны, рассмат-
ривая машину. Ее расстегнутое пальто летало за ней,
как накидка. Под пальто у нее было черное платье
с короткой юбкой, обнажавшее длинные стройные но-
ги. В ярком свете ее рыжие волосы блестели как-то
по-особенному, а двигалась она с такой энергией, что
никак нельзя было сказать, что она не спала почти всю
ночь. Она повернулась к нему, приветствуя ослепи-
тельной улыбкой.

— Привет! Отличная машина! Как раз то,
что я хотела.

Она была еще более очаровательна, чем он ее запо-
мнил. Тодд улыбнулся.

— Вы кажется, рады меня видеть,— с одобрением
произнесла она.

— Конечно, я рад.

— Нет, я хотела сказать, действительно рады. Вче-
ра вечером я не была уверена. Вы выглядели каким-то
недовольным. Мне показалось, что вам не нравится,
что я веду себя слишком непринужденно.

— Ни в коем случае. Я хотел с вами остаться, но не
мог. Насколько я понял, вы провели вечер на славу

— Это было что-то потрясающее! — Ее зеленые глаза вдруг удивленно округлились. — Откуда вы знаете?

— Мне звонил Лео.

— Понятно. Я даже было подумала, что мы попадем в газеты. Представляете, заголовок в газете: «Владельцы казино жалуются комитету по азартным играм» или что-нибудь в этом роде. Представляю, как они звонят в полицию или что-нибудь в этом роде. — Она рассмеялась. — Лео сказал вам, сколько я выиграла?

— Да. Поздравляю.

Она рассмеялась.

— Я всегда выхожу сухой из воды. Все номера выигрывали. Видели бы вы их лица. Крупье стояли как бы с наклеенной улыбкой. Когда менеджер поздравлял меня, мне казалось, что он говорит, не раскрывая рта.

Ее смех был очень заразительным. Когда она смеялась, он тоже не мог удержаться от смеха. С каждой минутой он все сильнее восхищался ею.

Она отступила назад и вопросительно посмотрела на него.

— Знаете, что? Вам так идет, когда вы смеетесь. У вас такое счастливое лицо. — Она повернулась к Дэвису, ища подтверждение своим словам.

— Смотрите, какие у него морщинки возле глаз. Каков плут, а?

Дэвис откашлялся.

Тодд чувствовал себя не то что шести, а десяти футов ростом.

— Шарли повернулась к машине.

— Восхитительно! Заверните, я беру. Ладно, не трудитесь завертывать, я возьму и так. — Она снова заразительно рассмеялась. — Мне кажется, я все еще праздную. У меня такое чувство, что сейчас Рождество. Вы любите Рождество?

— Еще бы.

— Вчера был канун Рождества, а сегодня Рождество, а это... — она положила руку на крышу машины, — ...а это мне подарок.

Она бурлила, как шампанское. Он вспомнил, что то же самое он подумал о ней вчера.

— Да, действительно, похоже на Рождество, — рассмеялся он. Открыв дверь машины, он предложил: — Почему бы нам не прокатиться?

Когда Шарли селась в машину, она наступила на полу своего пальто.

— О, я поняла. Правило номер один. Пальто нужно снять.

Она бросила пальто и уселась за руль.

— Черт возьми! Как пахнет эта кожа! Мне нравятся. Кто может устоять перед этим запахом. У меня мурашки по всему телу.

На ее восхитительном бедре он не видел никаких мурашек. Он объяснил ей про пульт управления и все остальное, а после этого предложил:

— Может быть, совершим пробную поездку?

— Отлично, — улыбнулась она.

— Сегодня чудный день.

День действительно был чудесный. Глядя сквозь окно павильона, он увидел, что тучи рассеялись и вышло солнце, как раз как предсказывал Герберт. Среди серых туч появились голубые просветы и на них легкие кучевые облачка. Улицы начали высыхать, а лужи блестели под полуденным солнцем.

— Но не просто вокруг дома, — сказала она, положив руку ему на плечо. — В Джерси просто негде развернуться. Вы когда-нибудь были там? Ах, да, вы же говорили, что нет. Самая длинная улица там едва ли в сто ярдов.

— Да уж, кататься так кататься, — произнес Тодд. После того, как он прождал ее весь день, ему не хотелось больше ничем заниматься.

Нерешительный человек никогда не станет хорошим водителем. Но Шарли была настроена вполне решительно. Она сбросила туфли на высоких каблуках и управляла машиной в одних чулках. Она освоилась с машиной за несколько минут, руки ее уверенно держали руль, и она великолепно чувствовала дорогу. Он без колебаний поехал с ней по шоссе. Всю дорогу они болтали, обсуждая то, что им попадалось по пути. Симпатия, которую они ощущали друг к другу в «Ритце», возросла еще сильнее. Сидя рядом, бок о бок, они чувствовали себя отделенными от всего остального мира. По крайней мере, когда он потянулся, чтобы показать ей, как включать задний ход, они соприкоснулись лбами и, отодвинувшись друг от друга, весело расмеялись. Их лица светились радостью, они наслаждались обществом друг друга.

Первые десять миль или около того они говорили о машине, но затем разговор постепенно переходит к более серьезным вещам, а поскольку они встретились благодаря Лео, они неизбежно заговорили о Лео.

— Он вчера был очаровательным. Это благодаря ему сложилась такая замечательная компания.

— Он мой хороший друг,— тепло произнес Тодд.

— Он, кажется, ваш тесть? — спросила она, слегка покосившись на него.

— Да. Его дочь не хочет с ним разговаривать, поэтому я что-то вроде посредника.

— Его дочь? Вы хотите сказать, ваша жена?

Он сам удивился, почему он не сказал *жена*. Сознает ли он не употребил это слово?

— Да,— осторожно подтвердил он, глядя на нее, как бы пытаясь найти ответ, но ее взгляд был сосредоточен на дороге. Она слегка поджала губы.

— Должно быть, вам это не очень удобно.

— Да, положение довольно дурацкое,— согласился он, уставившись на ее колени, как будто в них заключалась тайна его жизни.

— А что она имеет против него?

— Послушать ее, так он просто исчадие ада.

— Удивительно,— хихикнула она и прибавила скорость.

Ее смех заставил его обратить внимание на ее губы. Мягкие и свежие, очень скромно покрашенные. Он вспомнил о том, что меньше всего ему хотелось бы обсуждать Катрину.

— Расскажите мне о Джерси,— попросил он.— Чем вы там занимаетесь?

В ответ Шарли рассмеялась.

— Делаем деньги. Только это удерживает меня на Джерси.

Она была на Джерси уже два с половиной года.

— Я подписала контракт на три года с Бобом Левитом. Сначала это казалось хорошей идеей. Но что я говорю? Это и была хорошая идея. Я получила много опыта, познакомилась со многими людьми. Деньги фантастические, но я устала от этого острова. Я жду не дождусь, когда мы в следующем году вернемся в Лондон.

— И чем вы тут будете заниматься?

— Мы купили офис в Лондоне. А заправлять им буду я. По крайней мере такой был план, но недавно...

Сердце его сжалось, и он невольно задрожал над коленками юбку. В этот момент он почувствовал на ее лице.

«Какая энергичная женщина! Надо сказать».

— Что недавно? — Он сосредоточился на том, что она говорила.

— Может быть, я просто устаю! Я работаю деньгами для богатых людей. Отец много при- кнешь. Но мне нужно что-то поделать. Хотите бы познакомиться с новыми людьми? Знаете, это не просто по телефону..

Ему понравился ее курносый носик и морщинки в уголках губ. Он мысленно подбирая слова, чтобы описать ее.

«Живая. Соблазнительная. Очень соблазнительная».

Он поймал себя на том, что сравнивает ее с другими женщинами — подругами Катрины, клиентками, знакомыми на Майорке. И находил, что такой он еще не видел. Он осторожно попытался узнать что-нибудь об ее личной жизни, подозревая роман с Бобом Левитом, и успокоился, когда она рассмеялась. Похоже, что за всю жизнь у нее не было ни одного мужчины.

— Три года назад я работала в одной компании, — сказала она. — Затем она лопнула, а мне предложили поехать на Джерси и с тех пор... — Она повернулась к нему и улыбнулась.

— Мне нужны новые друзья. Ну что это такое — я приезжаю сюда, чтобы праздновать, и нет никого, с кем бы повеселиться. Вот, например, прошлой ночью. Слава Богу, что мы наткнулись на Лео и Фрэнка. Отличная получилась компания...

За разговором они проезжали милю за милей. Солнце клонилось к горизонту, но они не заметили, что тени начали удлиняться. Казалось, что им есть о чем поговорить. Они разговаривали как старые друзья, а не как недавно познакомившиеся люди, не столько потому, что они были принуждены к этому, так как находились в одной машине, сколько из-за ее откровенности. Ему казалось, что он уже давно знает ее. Чем больше он рассказывал ей о себе, тем больше она этим проникалась. Она так живо интересовалась его планами на будущее и так искренне сочувствовала

ему. Он и сам не заметил, как начал хвастаться ей насчет «Паломы Бланки», рассказывать о Хэнке и о контракте с «Сантурз» — причем с деталями, о которых он не рассказал бы никому другому.

— Отличная идея, — сказала она. — «Палома Бланка». Прекрасное имя. Пусть «Конрад Хилтон» потеснится и уступит место Хэнку и... — Она остановилась на полуслове. — Черт возьми, я даже не знаю твоего имени.

— Тодди, — быстро произнес он. — Все зовут меня Тодди.

— Все?

— Да.

— Все-все?

«Она имеет в виду Катрину», — подумал он. — Она избегает говорить «твоя жена». Почему? Это сознательно? И почему мне это нравится?»

— Но имя-то у тебя есть?

— Я им не пользуюсь.

— Я тоже не пользуюсь именем «Шарлотта», но оно же у меня есть. Шарлотта Энн Марйори Сандерс. Так везде пишется — в чековых книжках, пропусках, налоговых счетах. Не может быть, чтобы ты не пользовался своим именем.

Он фыркнул и уставился на дорогу.

Она снова посмотрела на него.

— Я не верю. Ты так мне и не скажешь?

— Нет, дело не в этом. Видишь ли... я уже сказал, что все зовут меня Тодди.

— Почему?

— Потому что я ненавижу свое имя. Все эти годы я его не использовал. С тех пор, как я имел право выбора.

— Ты меня заинтриговал, — засмеялась она. — Ничего, скажешь. Никуда не денешься. Я любопытная.

Пока он думал, как ответить, она опередила его.

— Дай мне какую-нибудь подсказку. С какой буквы оно начинается?

— «С», — произнес он.

«Идиот! Какого черта я ей сказал? Надо было хоть немного подумать...»

— Тогда тебя зовут так же, как и меня — Шарли?

— Нет. Шарли хорошее имя, оно мне нравится...

— Клод?

- Нет. Не думаю...
— Седрик?
— Нет! — воскликнул он.
— Цецил?
— Ради Бога!
— Сирил?

Он уже хотел изобрести какую-нибудь ложь, как она прервала его взрывом хохота.

— Я угадала! Сирил!

Он покосился на нее, Шарли вся тряслась от смеха. Грудь ее вздымалась, и руки за рулем тряслись. Она ослабила свою ногу на педали, чтобы перейти на меньшую скорость, пробормотав:

- Извини, — и снова засмеялась.
— Не вижу ничего смешного, — произнес он.
— Сирил! — хохотала она.

Он стал смеяться вместе с ней.

— Сирил! — заливалась Шарли.

Он смеялся все громче и громче. Он хохотал как сумасшедший.

Остановив машину, она согнулась над рулем. Слезы текли у нее по щекам.

— Ты прав, — пробормотала она, положив ему руку на плечо в знак того, что просит прощения. — Извини. Действительно, ничего смешного.

Но каждый раз, когда он косился на нее, она снова раздражалась смехом. Лишь через несколько минут воцарилась тишина. Она оглянулась назад на сиденье. Вытерев глаза платком, она посмотрела в зеркало, чтобы проверить, не размазала ли она тушь.

— Уф! — вздохнула она. — Извини, ради Бога!

— Все в порядке!

— Я не хотела тебя обидеть.

— Я же тебе сказал, — резко произнес он. — Имя действительно дурацкое.

— Только не заводи меня снова. Я этого не выдержу. В конце концов, я беру свои слова обратно. Имя «Тодди» тебе идет. Ты похож на славного плюшевого мишку.

Когда она посмотрела на него, сердце его забилося. Он почувствовал, что они стали близки друг другу. Дружеская близость перешла во что-то большее. Ему казалось, что он перешел какой-то барьер. Он еще более убедился в этом, когда она нагнулась

и поцеловала его в щеку. Затем отвернулась и посмотрела в зеркало.

Ничего другого ему было не нужно. В его уме зародились определенные планы, и он с восхищением смотрел, как она пудрит щеки. С минуту они оба молчали. Мимо них проезжали машины в предвечернем свете. Посмотрев на часы на пульте управления, он вдруг с удивлением обнаружил, что уже шесть часов. Неужели уже шесть?

Она высунулась из окна.

— Где мы? Ты не знаешь?

У него было лишь смутное представление. Должно быть, они проехали по крайней мере шестьдесят миль. Пытаясь вычислить, где же они находятся, он почувствовал тревогу. Он поглядел на счетчик горючего. У машин из выставочного павильона бак никогда не был заполнен полностью.

— В чем дело?

Посмотрев на счетчик, он сказал:

— У нас почти не осталось горючего.

— Вот как? — В ее глазах появился лукавый огонек. — Ну, это уже старая шутка. Я это слышала еще в шестнадцать лет.

— Что? — Он посмотрел. — Нет, я хочу сказать, в самом деле...

Прервав его протест, она потянулась к нему и положила ему руку на плечо.

— Все в порядке, я верю, — рассмеялась она. — И знаешь что, мне тоже не мешало бы подзаправиться. Ведь я с прошлой ночи не ела. Я только сейчас поняла. Я умираю с голода.

Его планы превратились в конкретные намерения. Он отлично знал, что он сделает, по крайней мере попытается сделать, надеется сделать. В его глазах вдруг мелькнул огонек.

— Ты все еще хочешь продолжить праздновать?

— Я не собираюсь останавливаться. Посмотри. Я выиграла целое состояние в карты, купила новую машину, встретила нового друга. Неплохо?

— Я — за. Я не могу тебе предложить что-нибудь вроде «Айви» в этой глуши, но если мы свернем с дороги, то здесь есть один деревенский ресторанчик, где подают божественную еду. Фазанов, оленину и все такое...

— Прекрати! — сказала она, выходя к своему-
бам. — Не забывай, что ты не один, а с подружкой.
У меня слюни текут. И ты же не хочешь, чтобы она
выглянула из окна. Не забывай, что ты не один.

— К северу от Рагби, — сказал он, устоявшись на
дорогу и пытаюсь определить их местонахождение бо-
лее точно. — Препятствие нам трудно перебраться. Затем
я отвезу тебя в рай для турманов.

— Как скажешь, Босс, — произнесла она, пожимав-
шись на него так, что у него мурашки забегали по
коже. Он все еще чувствовал прикосновение ее пальцев
на губах. А что она сказала перед этим? «Ты похож на
плюшевого мишку». А до этого, в павильоне: «Каков
плут!» А Лео сказал... Господи!

Когда они свернули с шоссе, шум машин стал
тише, а свет слабее. Облака сгущались, обещая легкий
дождик. Огни на боковых дорогах были редкими и да-
лекими. Шарли включила фары и дворники. В тишине
он пытался понять, куда им ехать. Однажды люди из
«Ягуара» давали ему обед в ресторанчике при некоей
гостинице «Брислингтон Мэннор» неподалеку от Раг-
би. Она должна быть где-то рядом. Это была старая
деревенская гостиница, расположенная в хорошем ме-
сте и комфортабельная. Он представил себе спальни —
досчатые потолки над кроватями с пологом — и при-
кусил губу.

— О чем задумался? — вдруг спросила Шарли.

— М-м-м... я думаю, та ли это дорога. Да нет,
я уверен, что та. Здесь скоро должен быть гараж.

— Что-то я не вижу никакого гаража.

— Подожди, скоро будет.

Они проехали еще пять миль, но никакого гаража
не было видно. Небо темнело, дождь усиливался, пе-
ред ними тянулись бескрайние поля без какого бы то
ни было признака человеческого жилья.

Счетчик показывал, что горючее на исходе.

Вдруг они увидели развилку.

— Поворачивай направо, — с видом победителя
скомандовал он. — Видишь тот знак? Четыре с полови-
ной мили до деревни Брислингтон. Я знал, что мы
где-то рядом.

Дорога превратилась в узкую тропинку, по обеим
сторонам которой тянулись деревья. Ветви сплетались
над их головами, закрывая свет.

— Черт возьми, темно, хоть глаз выколи! — воскликнула Шарли. — Страшновато! Если мотор заглохнет, то я прямо здесь и останусь.

— Я тоже. Проведем ночь в машине.

— Было бы здорово, — рассмеялась она.

«Ничего себе!» — подумал Тодд.

— Вот так приключение! — воскликнула Шарли. Голос ее звучал возбужденно.

Тодд представил себе «Брислингтон Мэннор». Он подумал, как бы вел себя Хэнк в подобной ситуации. Такой донжуан, как Хэнк, уж наверняка бы придумал какую-нибудь уловку. Он попытался сосредоточиться и представить себе, как они приедут на место... но вскоре они и в самом деле добрались до гостиницы.

Тропинка петляла и поворачивала. Они проехали горбатый мостик. Деревья становились все гуще, а тропинка стала такой узкой, что машина едва могла проехать по ней.

Он уже подумал, что они, должно быть, пропустили какой-нибудь поворот, когда дорога свернула налево и стала расширяться.

— Ого! — воскликнула Шарли. — Наконец-то хоть какие-то признаки цивилизации.

Посмотрев вперед, он увидел огни деревни. Они проехали мимо кафе, церкви, трех или четырех магазинчиков и наконец подъехали к гаражу.

— Подожди, — сказал он, когда они остановились. — Я на минутку.

Тодд прошел через двор. Когда он входил в дверь офиса, зазвонил колокольчик. Старик, стоявший за прилавком, взглянул на него. Мальчик-подросток отложил газету, которую он читал.

— Вам бензина, сэр? — спросил он.

— Да, заправьте машину, пожалуйста. И не скажете ли, как проехать к «Брислингтон Мэннор»?

Старик кивнул.

— Вверх по дороге, сэр. Около трех миль. Налево увидите большое здание. Он с видом победителя вернулся к машине.

— Вверх по дороге, — повторил он, и через несколько минут, когда он въехал на стоянку, Тодд с восхищением посмотрел на увитые плющом стены. «Брислингтон Мэннор» была такой же впечатляющей, как всегда. Окна отбрасывали квадраты желтого света.

Высокие деревянные двери, стояли открытыми настежь, как бы в ожидании, как бы в ожидании. Шарли выскочила из машины, оставив ее открытой, как бы в ожидании.

— Вот так гостиница! — воскликнула Шарли, оставив машину.

Она высунулась из машины повернувшись так, что ее юбка задралась.

Тодд уставился на ее ноги. Шарли обернулась и поймала его взгляд. Ее глаза загорелись. Она не спеша поправила юбку и посмотрела на деревянные двери.

— Кажется, интересное местечко, — промурлыкала она.

— Да, интересное, — подтвердил Тодд, почувствовав, как кровь приливает у него к вискам.

Он галантно провел ее через боковой вход. Память его запечатлела все точно. Они очутились в маленьком баре, отделанном дубом. В камине мерцал огонь. Это было неожиданно, но создавало атмосферу уюта. Запах бревен смешивался с запахом полированной мебели. На стенах висели картины, изображающие охоту. Глубокие кресла были обтянуты ситцем. И лучше всего было то, что они оказались одни во всем зале.

Когда Тодд потянулся помочь ей снять пальто, Шарли подняла руку к воротнику. Их пальцы соприкоснулись, и словно искра пробежала у него по телу. Он услышал, как у нее перехватило дыхание. Слегка покраснев, она отвернулась и встала у огня, скрестив руки и потирая ими плечи, как будто замерзла.

— Я пойду найду гостиную, — произнес он. Голос его прозвучал по-странным хрипло.

Она обернулась и посмотрела на него. В ее взгляде было что-то, что заставило его насторожиться. Он вспомнил, как она сказала: «Я приехала в Лондон, чтобы отпраздновать, а мне не с кем повеселиться». Сердце его отчаянно забилося.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

Тодд чуть не подскочил. Избегая ее взгляда, он пристально стал смотреть на маленький колокольчик на прилавке, рядом с которым была прикреплена картонка с надписью от руки «Звоните».

— Ты какой-то задумчивый.

— Нет, я... я просто думаю, чем тебя угостить.

— Я бы с удовольствием выпила розового джина,

но лучше я позабочусь о напитках, а ты разведай получше эту гостиницу.

— Хорошо,— произнес он, недоумевая, что она имела в виду: *гостиную или что-нибудь более интимное*. Он был уже у двери, когда она окликнула его. Тодд обернулся с виноватым выражением лица.

— Что ты будешь? — спросила она, потянувшись к колокольчику.

— Ах, да.— Он рассмеялся каким-то странным смехом.— Скотч,— сказал он.— Большой скотч.

Когда он проходил в дверь, сердце его отчаянно билось. Он жалел, что ничему не научился у Хэнка.

— Вам помочь, сэр?

Он вошел в вестибюль гостиницы. Он помнил широкую дубовую лестницу с резными перилами, поворачивавшую налево. Направо от него были две большие двери, а впереди — стол, за которым сидела женщина средних лет и выжидательно смотрела на него.

— Что? Ах, да... — промямлил он.— Мы, кажется, приехали...

— С автостоянки,— понимающе кивнула она.— Так часто бывает. К нам, как правило, приезжают по Лондонскому шоссе. Если вы поедете по нему, то упретесь прямо в наш главный вход.— Улыбнувшись, она показала на большие двери.— Вы останетесь на ночь?

Он был вне себя и уже собирался что-то ответить, как увидел меню в кожаной обложке.

— М-м-м... как получится,— произнес он.

Открыв меню, он сначала изучил список деликатесов — фазаны, оленина, пирог с дичью, затем список предлагаемых вин, в котором обнаружил отличное «Бене», «Нут Сейнт Джордж», очень хорошее «Монт-раше»...

На все у него ушло пятнадцать минут. Затем, с меню под мышкой и с замирающим сердцем он вернулся в маленький уютный бар.

Шарли сидела в кресле у камина и попивала свой джин. Его скотч стоял на столике рядом с ней. Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Наконец-то! Где ты был?

— Я здесь все разведаль.

— Ну и как?

Он протянул ей меню.

— Я говорил с директором и могу предложить тебе что-то особенное.

Ее зеленые глаза загорелись.

— Я предлагаю сначала устрицы. Если, конечно, мадам любит устрицы?

— Я обожаю устрицы!

— Тогда устрицы с шампанским, а потом... — он посмотрел в меню. — Может быть, фазан с хлебным соусом, чипсы из дичи и...

— У меня слюнки текут!

— А потом бутылку «Нут Сейнт Джордж».

— Одну как минимум, — включилась в игру она. — А лучше две.

— Отличное предложение.

— А напоследок, — перебила она, — по бокалу бренди перед камином.

— М-м-м, — пробормотал он, изображая раздумье. — Но есть одно «но».

Она посмотрела на него.

— После такой выпивки я бы не советовал мадам садиться за руль.

Глаза ее загорелись. Она посмотрела на него. Шарли поставила свой бокал на стол и сложила руки на груди.

— В общем-то, да. И что же ты предлагаешь?

Тодд нахмурил брови.

— Я предлагаю, — мрачно сказал он, — что не буду пить и сам поведу машину.

— Это не пойдет, — произнесла она, покачав головой. — Мадам терпеть не может пить в одиночку.

— В таком случае, если мадам настаивает...

— Абсолютно!

— Тогда машину не поведет никто — ни ты, ни я.

— Ого!

— Может быть, поинтересоваться насчет номера в этой гостинице? — осторожно спросила Шарли.

— Я уже об этом позаботился, мадам.

Она вскинула брови.

— С видом на дальнейшие вольности?

— Если мадам позволит.

Они уставились друг на друга. Это положило конец их шутливой беседе. Несколько секунд она пристально разглядывала его лицо. Эти несколько секунд показались ему часами. Затем она мягко произнесла:

— Мадам согласна, но при одном условии.

— При каком? — спросил он. Он был слишком возбужден, чтобы представить себе, что она скажет.

Веселый огонек в ее глазах потух, лицо стало серьезным.

— Ты, должно быть, уже понял, что ты мне нравишься, иначе бы ты этого не предложил, ты не какой-нибудь маньяк, слава Богу, иначе я бы с тобой не пошла. Секс — пожалуйста, я и сама очень даже не прочь, но влюбляться в тебя я не хочу. Это было бы глупо. Ты не согласен?

Он не знал, как ответить, и подбирал слова, которые прозвучали бы по возможности галантно.

— Я... об этом еще не думал, но мне кажется, здесь нечто большее, чем просто секс.

— В таком случае нам лучше этим не заниматься.

— Что? — испуганно прошептал он.

— Я всего лишь хочу сказать, что не хочу влюбляться в женатого мужчину, да и ты, если честно, не хочешь влюбляться в меня. Это не тот случай.

— В общем-то, да... — пробормотал он, совершенно растерявшись.

Ее лицо снова озарилось улыбкой. Она склонила голову набок.

— Поэтому, если быть честными друг с другом, я не вижу никаких проблем. А ты?

— Вроде бы никаких.

— Ключ от нашего номера у тебя?

Ключ уже прожег ему дыру в кармане.

— Это люкс. Между прочим, с видом на озеро.

Она протянула руку вперед.

— Дай мне десять минут, — произнесла она с улыбкой, от которой у него замерло сердце.

Обед был отвратительным. Хороши же Глория и Софи! А еще считались подругами! Катрина никак не могла от них такого ожидать.

Придя домой, она вбежала наверх по лестнице, промчалась через спальню, вбежала с свою гардеробную и скинула туфли. Мак последовал за ней, сел в углу, наклонив голову набок и свесив язык.

Она бросила пальто на диван и начала срывать с себя одежду.

Мак тяжело дышат. У него потекла слюна.

— Хороший мальчик, — сухо произнесла она. — Хотя бы ты реагируешь на меня так, как надо.

Стоя обнаженной перед зеркалом, она поворачивалась так и сяк, критически рассматривая свое тело. Ноги ее были все еще стройными. Грудь все еще тугой. Зад не отвисал. «Толстая»! Только такая толстая палка, как Софи, могла назвать ее толстой. Но крайней мере у нее был бюст, чего не скажешь о Софи. Это она запомнила еще с тех пор, как они жили вместе в Харроу. Тридцать второй размер тифчика! Сейчас мог быть и тридцать второй, но тогда был явно не тридцать второй. Что до Катрины, то она уже с восемнадцати лет носила тридцать шестой.

Катрина обхватила себя руками, как бы ожидая нащупать бицепсы. Она повернулась боком и посмотрела на свой живот. Она вздохнула, увидев, что он уже не такой плоский, как раньше.

— Слегка полненькая, — с неудовольствием признала она. — Но уж никак не толстая!

Снова одевшись, она села перед зеркалом туалетного столика и стала рассматривать свою кожу. Морщинки бывают даже у детей. Морщинки — это не морщины. Лоб ее был все еще гладким. Она оттянула губы и стала рассматривать свои зубы. Хорошие, белые и ровные. В детстве она носила зубную пластину, которая раздражала ее до смерти, но теперь это дало свои результаты. Наклонив голову, она стала рассматривать свои волосы...

Ее беспокойство прошло. Осмотрев себя, Катрина пришла к утешительным выводам. Она понимала, что красавицей ее, может быть, не назовешь, но при желании она вполне могла бы выглядеть очень даже неплохо. По крайней мере она нисколько не изменилась по сравнению со своей фотографией трехлетней давности, которая стояла у нее на туалетном столике.

— Пошли, — сказала она Маку, проследовавшему за ней на лестничную площадку. Он послушно засеменил по ступенькам.

Она переходила из комнаты в комнату, критически разглядывая мебель, ища сама не зная чего. Бог свидетель, по крайней мере она старалась создать уютный дом, в который было бы приятно приходить, оазис, в котором Тодди мог бы расслабиться...

В его кабинете она осмотрела содержимое бара. Скотч, джин, водка — все, что душе угодно. Она знала, что эта комната зря была названа кабинетом. Полки были уставлены книгами, но Тодди в основном читал только счета и технические журналы. Комната служила скорее баром, в ней выпивали, когда приходили гости, так что после обеда гостиная не оказывалась заставленной бокалами и пепельницами. Стол был скорее ее, чем его. За ним она сидела, когда составляла счета и выписывала чеки, что позволяло рационально вести хозяйство. «А хозяйство я веду хорошо», — похвалила себя Катрина.

Она налила себе чашку чая на кухне и прошла с ней в холл — комнату с большими окнами на юг, которая в середине лета выглядела как концертный зал. Даже сейчас в ней было полно зелени. Она уселась на диване и посмотрела на Мака, который разлегся рядом с ней. Это был единственный диван во всем доме, на который ему разрешалось залезать. Глядя его, она подумала: *«Все было бы по-другому, если бы у нас были дети. Но по-другому не обязательно означает хорошо. Тодди на самом деле никогда не хотел иметь детей...»*

— Ты мой мальчик, не правда ли? — сказала она Маку, играя с его ухом. — Может, мне найти какую-нибудь работу? Как ты думаешь, Мак? Могу я тебя оставлять одного дома ради карьеры?

Но какой карьеры? Она умела печатать и знала бухгалтерское дело, но все это умели и тысячи других. Да и печатала она на машинке, а сейчас уже все перешли на компьютеры. Ее настоящей карьерой всегда был Тодди! Да и два дома отнимали все время. Конечно же, у нее были помощники — миссис Бриджес приходила четыре раза в неделю, Мария присматривала за виллой на Майорке, Мануэль смотрел за бассейном, — но кому-то надо было всеми ими руководить. Кому-то нужно было заказывать билеты на самолет, ходить по магазинам, пополнять содержимое бара, готовить обед, быть чем-то вроде домашней секретарши, заполнять счета, возобновлять членство в клубе, платить за стоянку яхты, отвечать на звонки...

— Собачья жизнь, — со вздохом сказала она Маку. Он вильнул хвостом, заставив ее рассмеяться.

— Не согласен? И правильно. Собачья жизнь очень даже неплоха...

А все этот дурацкий обед. Уж слишком она разоткровенничалась. Идси Софи и взгляды Глории сформировались под влиянием их собственного опыта, который, как она считала, как правило, оставлял желать лучшего. Особенно это касалось мужчин. Ни той, ни другой никогда не удавалось завязать более или менее продолжительные отношения. Нескончаемая череда увлечений Софи закончилась ничем, а из браков Глории тоже ничего путного не вышло. Они были старыми хорошими подругами, но иногда выводили ее из себя.

— Чертовы куклы, — выругалась она вслух. — Что они из себя изображают? Как старые тетушки, сй-Богу.

Мак шмыгнул носом и помахал хвостом в знак согласия.

Ее негодование вытеснило последние остатки жалости к самой себе. Она прошла на кухню. — «Ну и что, что мы с Тодди поругались? — вспыхнула она. — Не первый раз и не последний. Но смешно даже думать, что у него есть другая женщина!»

Она отлично понимала, в чем была настоящая причина ссоры. Уж кому, как ей, не знать? Дела у Тодда уже много месяцев шли плохо. И главной причиной волнений была «Палома Бланка».

Сжав губы, Катрина ополоснула чашку под краном. Он знал, как она относится к этой затее. Она проклинала Хэнка. Ей это казалось безумием. Иметь виллу — другое дело. Это они еще более или менее могли себе позволить. Но занимать так много, двенадцать миллионов фунтов... двенадцать миллионов! От одной мысли ее в дрожь бросало. «Что это за богатство, ради которого отказываешь себе в последнем?» — ухмыльнулась она. Она могла бы его отговорить. Он так много работал. Они и так неплохо жили. Зачем все ставить на карту? Что им, денег не хватает?

Она понимала, что ее так довело. Она знала это вчера вечером. Она знала это за обедом. Его встречи с ее отцом. Какого черта ему понадобилось с ним встречаться? И почему втайне от нее?

Нервы ее понемногу успокоились. Это обед ее так расстроил. Она улыбнулась. Вот если бы была другая женщина, то тогда бы это была бы действительно серьезная проблема. А с отцом она воевала всю жизнь.

Катрина взглянула на часы и была удивлена. Хватит с нее этих обедов, они слишком долго тянутся.

День уже почти на исходе, а по дому так ничего и не сделано. Она попыталась сосредоточиться и подумать прежде всего об ужине. «А когда он вернется домой?» Она подошла к телефону, стоявшему на кухне, и позвонила в офис.

— Он уехал,— сказала Сэлли.— А через минуту мы закрываемся.

— Уехал? А ты не знаешь, куда?

— Он поехал с клиенткой испытывать машину. Он еще в полдень уехал, и до сих пор...

Катрина нахмурилась.

— А разве Джима Дэвиса сегодня нет? Обычно он...

— Обычно он, но эта женщина появилась и попросила его лично. У нее его визитная карточка, значит, он ее откуда-то знает.

— Понятно...

Переварив информацию, Катрина не нашла поводов для беспокойства. Тодди всем давал свои визитные карточки, половина всех жителей Майорки имела его карточки, у всех до одного членов гольф-клуба были его карточки.

— Значит, ты не знаешь, когда он вернется домой?

— Нет. Герберт тоже уже беспокоился.— Голос Сэлли звучал сердито.— У нас полно писем, которые он должен подписать, и еще Бог знает сколько всего. Я не припомню, чтобы пробная поездка когда-нибудь так затягивалась.

— М-м,— пробормотала Катрина, думая о том, что ужин надо, пожалуй, приготовить к восьми.— Я жду его с минуты на минуту. А ты закрывайся и иди домой.

— А Герберт?

— Пусть тоже едет домой. Незачем ему там торчать. Тодди может один раз обойтись и без шофера.

Она всегда гордилась тем, как она готовит. Для нее это никогда не составляло сложности. Нужно только применить здравый смысл, а уж этого ей было не занимать. Все точно так же, как в бухгалтерском деле. Главное правило в приготовлении пищи и в бухгалтерском деле было одно и то же — чтобы клиент был платежеспособным, нужно его подкармливать. Практичные правила практичной женщины. Неужели она только и была что практичной женщиной. Ни обаяния,

ни кокетливости? Сердце ее сжалось. Но через минуту ее губы изобразили чуть заметную улыбку. Алек прошлым вечером был очарован ею. Подавала ли она ему надежду? Может быть. Чтобы флиртовать с кем-то, нужно, чтобы он тебе по меньшей мере нравился, а к Алеку Джепсону она не чувствовала никакой симпатии. Она только старалась ради Джулии, помочь ей сделать вечер как можно приятнее, а потом... — Улыбка ее стала шире... — она флиртовала с ним потому, что Софи, кажется, собиралась перехватить его...

Когда Катрина шинковала лук и клала его в кастрюлю, у нее защипало глаза и она шмыгнула носом. Софи всегда пыталась отбивать у нее мужчин. Да, Софи симпатичная, мужчины всегда находили ее хорошенькой... но что у нее, монополия на мужчин, в конце концов! — «Но я все-таки ее поставила на место!» Добавив к луку кусочки свинины, она перемешала их лопаточкой и поставила сковороду на огонь. *«Господи, соревноваться из-за такого идиота, как Алек Джепсон! Это только потому, что я была в таком паршивом настроении, потому что со мной не было Тодди, потому что...»*

Но от сознания того, что Алек обратил на нее внимание, настроение ее улучшилось. По крайней мере она была все еще привлекательной, все еще вызывающей желание. Нарезывая говядину кубиками, она подумала: «Интересно, а какова я в постели с точки зрения мужчин? Может быть, Алек был бы разочарован? Возможно. У Софи было больше мужчин. Должно быть, Софи более опытна». Катрина добавила к готовящейся в сковороде свинине говядину и подошла к полке за бренди.

Стряпня успокаивала ее. Она никогда об этом не думала, но это было так. Ей становилось спокойнее от кухонных запахов и оттого, что руки были заняты. Она не могла готовить, когда была не в настроении. И есть она тогда тоже не могла. У нее просто не вырабатывался желудочный сок. Она налила бренди в половник, поставила бутылку на место и взяла зажигалку. Бренди закипел на медленном огне. Она полила им мясо. Услышав, как Мак сопит за ее спиной, она сказала: «Слышу, слышу. Тебе тоже достанется, не беспокойся».

Перемешав содержимое, она налила туда немного бургундского, строго дозируя количество. Перельешь —

и Тодди будет чувствовать себя сонным, недолго — и его любимое блюдо будет уже не то. Но если ровно столько, сколько надо, то...

Затем она навела порядок в гостиной и пошла принять ванну. У нее было достаточно времени, чтобы накраситься и решить, какое платье надеть. Катрина подумала, принесет ли Тодди ей цветы. Он часто приносил ей цветы после ссоры. Это был традиционный знак примирения. Он протягивал ей цветы с виноватой улыбкой на лице, а она притворялась, что не замечает ее. *«Что-то вроде пароя, — с улыбкой подумала она. — Он приносит мне цветы, а я готовлю его любимое блюдо — мы как бы просим друг у друга прощения, не сказав при этом ни слова».*

Она с удовольствием предвкушала этот вечер. Все прошлые ссоры заканчивались одним и тем же примирением — вкусный и долгий ужин служил прелюдией к сексу. *«Но прежде чем мы поцелуемся и помиримся, — думала она, — я хочу выяснить об его встречах с моим отцом».*

Она приняла ванну, надушилась и надела желтое платье с глубоким вырезом. Все это заняло у нее менее получаса. Мясо с бургундским распространяло приятные запахи по всей кухне. Откупорив бутылку, она оставила ее открытой. И все это время она боролась с искушением налить себе рюмочку. Она вспомнила, что говорила Софи. — *«Поосторожнее со спиртным, — передразнила Катрина голос Софи, — это может войти в привычку. В наши годы с этим надо быть поосторожнее. Что она имела в виду, в наши годы? — фыркнула Катрина. — Что мне, шестьдесят?»*

Она пыталась чем-то занять себя, пока ждала. Катрина подошла к телевизору. Прощелкала по всем каналам, но ничто не привлекло ее внимания. Нервничая, она прочитала газету от корки до корки, в то же время прислушиваясь к звуку машины в саду. Два раза она ходила в кабинет и смотрела в окно.

В восемь часов она позволила себе выпить первую рюмку за этот вечер — джин с большим количеством тоника.

— Где же он? — спросила она у Мака. Она уже начала волноваться.

В полдевятого она позвонила в офис.

«Должно быть, он вернулся, чтобы прибрать стол и подписать письма».

Но ей удалось позвонить
К тебе в часам
как-нибудь спаси у меня
К половине десятого
в аварию.
В сорок минут до пяти

Звук столика на колесах
ру, вывел его из задумчиво-
локте, посмотрел на ее
произошло. Он нежно до-
носого носика.

— Ты уверена, что у
сама говорила, что умира
Она открыла глаза и у
— Я только хочу, что
у тебя долгая ночь.
Он усмехнулся, быст
постели.

— Оставайся здесь. А
уладить. — Он быстро пр
накинул его и прошел че
Я тебе крикну, когда буду

Тодд закрыл дверь и с
Он был так покорен Шарл
только о ней. Желание взя
ми чувствами. Но сейчас...
вать, он должен был поз
искал глазами телефон. О
позвонить ей, что-то сказа

Его сомнения прервал
открывать. Официант вк
— Добрый вечер, сэр
ское.

— Отлично. Поставь
— Слушаюсь, сэр.

Из большого окна от
озеро выглядело черным
оживлялось отражениям
ветви нависших над ним
до красот. В этот момен
ной. Сердце его забило
официанта.

Но ей удалось поговорить с автоответчиком.
К девяти часам она вернулась на кухню, пытаясь
как-нибудь спасти ужин.

К половине десятого она уже решила, что он попал
в аварию.

В сорок минут десятого зазвонил телефон.

Звук столика на колесах, который везли по коридо-
ру, вывел его из задумчивости. Он приподнялся на
локте, посмотрел на ее лицо и подумал о том, что же
произошло. Он нежно дотронулся пальцем до ее кур-
носого носика.

— Ты уверена, что устриц будет достаточно? Ты
сама говорила, что умираешь с голоду.

Она открыла глаза и улыбнулась ему.

— Я только хочу, чтобы ты подкрепился. Впереди
у тебя долгая ночь.

Он усмехнулся, быстро поцеловал ее и вылез из
постели.

— Оставайся здесь. А я пойду, мне надо кое-что
уладить.— Он быстро прошел в ванную, взял халат,
накинул его и прошел через спальню в гостиную.—
Я тебе крикну, когда буду готов.

Тодд закрыл дверь и с минуту стоял в нерешимости.
Он был так покорен Шарли, что последние часы думал
только о ней. Желание взяло верх над всеми остальны-
ми чувствами. Но сейчас... он не мог больше отклады-
вать, он должен был позвонить Катрине. Он нервно
искал глазами телефон. Он был в панике. Он должен
позвонить ей, что-то сказать. Но что? Что придумать?

Его сомнения прервал стук в дверь. Тодд пошел
открывать. Официант вкатил столик.

— Добрый вечер, сэр. Ваши устрицы и шампан-
ское.

— Отлично. Поставьте на окно, пожалуйста.

— Слушаюсь, сэр.

Из большого окна открывался вид на озеро. Сейчас
озеро выглядело черным и лишь в некоторых местах
оживлялось отражениями огней, проникавших сквозь
ветви нависших над ним деревьев. Но Тодду было не
до красот. В этот момент его отвлек звук душа в ван-
ной. Сердце его забило. Он поспешил выпроводить
официанта.

— Спасибо,— произнес он, в то время как официант накрывал столик белой скатертью.— Спасибо,— повторил он, глядя на две тарелочки устриц.— Вино я сам открою,— вызвался он, глядя на шампанское во льду.— Отлично, отлично, спасибо большое.— Порывшись в пустых карманах халата, он извинился за то, что у него не было мелочи.— Я увижу вас завтра, хорошо?

Закрыв дверь, он перевел дыхание. Из ванной все еще слышался шум воды. Он поспешил к телефону и набрал свой домашний номер. Повернувшись спиной к ванной, он протащил провод за собой в самый дальний угол комнаты.

Голос Катрины звучал взволнованно.

— Где ты? Я волнуюсь...

— Извини, я не мог позвонить раньше. Я в Мидланде. У меня тут кое-что случилось с машиной, которую я испытывал. Мне ничего не остается, как остаться здесь до утра. Утром вернусь...

— Остаться?

Он попытался проигнорировать тревогу, звучавшую в ее голосе.

— Да... придется...— промямлил он.— Местный гараж закрыт. Если у них есть еще один, я утром первым делом все улажу. Это не займет и минуты. Я вернусь к...

— Тебе придется остаться? — повторила она.

— К сожалению, да,— беспомощно произнес он.

— Понятно,— произнесла она. Голос ее звучал удивленно.— Ты хотя бы заедешь домой? Я хочу сказать, утром? Перед работой.

Он нахмурился, вспомнив о том, что утром должен был встретиться с Лео.

— М-м-м, нет... не смогу... видишь ли, утром я должен встретиться... с одним человеком...

— С человеком? — резко переспросила Катрина. Недоверие ее росло с каждым словом.

— Д-да,— промямлил он.

— Кто этот человек?

Он не мог больше обманывать.

— Честно говоря, Лео.

Тодд услышал, как она перевела дыхание.

— Ты снова с ним встречаешься? — с тревогой прокричала в трубку Катрина.— Зачем?

— Мы только позавтракаем вместе

— Ради Бога, Тодди, что происходит?

Тодд напряг слух и вдруг услышал, что шум воды прекратился. Мурашки забегали у него по коже. Он инстинктивно понизил голос.

— Ничего не происходит, — прошептал он в телефон. — Просто он уезжает, я его провожаю, только и всего. Не придавай этому такое большое значение. Извини, я должен идти. Хорошо?

Вдруг из ванной раздался голос Шарли:

— Тодди, дорогой, ты знаешь, что ты забрал единственный халат?

На минуту у него кровь застыла в жилах. Он прикрыл трубку рукой и повернулся к спальне:

— Сейчас, иду, — громко прошептал он.

— Алло, Тодди! — громко звучал голос Катрины из трубки.

Он убрал руку.

— Я перезвоню тебе утром.

— Подожди!

— Не волнуйся, я обойдусь, — пропела Шарли из спальни.

Он чуть было не уронил телефон. Не слыша, что говорит Катрина, он прошептал в трубку:

— Я позвоню тебе завтра из офиса. Хорошо? Пока. Прежде чем она смогла что-нибудь ответить, он положил трубку. Пот ручьями струился у него по лбу. *«Господи, неужели она слышала?»* Трясущимися руками он отнес аппарат обратно на стол. *«Черт возьми, как все получилось! Хуже некуда...»*

В первый раз в своей жизни он возненавидел себя. Они никогда не занимался самооценкой. Бывали в жизни времена, когда он был доволен собой, даже горд, но самоанализом он никогда не занимался. Он не просто солгал Катрине, кроме лжи было еще презрение, преувеличение и, что хуже всего, вызов, враждебность...

— Побережье чисто? — раздался голос Шарли.

Он повернулся в сторону спальни, глядя на Шарли виноватыми глазами.

— Что?

— Я хочу сказать, ты закончил все свои дела?

— Да, разумеется, — сказал он, пытаясь прийти в себя.

Когда Тодд вошел, сердце его отчаянно забилося. Одета в его рубашку, с рыжими волосами, выпущенными из-под купальной шапочки, она выглядела очень соблазнительно. Шарли потрепала его по щеке и повернулась перед ним.

— Ну как?

— О Господи,— смущенно простонал он. Тодд оторвал взгляд от ее аккуратного маленького зада и опустил на диван.

Она рассмеялась и посмотрела на устрицы.

— М-м-м! Потрясающе! Что ж, угощайся! От секса мне всегда хочется есть...— Она вынула бутылку шампанского из ведра со льдом,— и пить. Откроешь?

Он взял бутылку у нее из рук и начал откручивать проволоку с пробки.

— Посмотри, какой вид! — воскликнула она, посмотрев в окно поверх столика.— Ты всех своих любовниц привозишь сюда?

— Хм,— хмыкнул он, открывая бутылку.

Она взяла салфетку и потянулась за устрицей.

— Признавайся.

— Честно говоря,— произнес Тодд,— у меня никогда не было никаких любовниц.

Она поднесла руки ко рту с притворным ужасом.

— Ты что, девственник?

Тодд рассмеялся. На минуту он забыл свое чувство вины. Шарли тоже начала хихикать, и, пока они смеялись вместе, пробка вылетела из бутылки.

— Ого! — рассмеялась Шарли.— За нашу встречу! — Она подняла свой бокал. Он сделал то же самое.

— В таком случае, я польщена,— сказала она и потянулась за устрицей.— Впрочем, я и сама догадалась. На тебе во-от такими буквами написано, что ты верный муж. Я это поняла, как только тебя увидела.

— Почему?

— Почему? Это сразу видно. Кроме того, мне ужасно хотелось наставить кому-нибудь рога. Это все оттого, что на этом Джерси можно помереть со скуки.— Она улыбнулась.— А сейчас я чувствую себя гораздо лучше, благодаря вам, добрый сэр. Ты восхитительный любовник.

Он удивленно покачал головой.

— На этот раз я польщен.

— Еще бы! Я обычно не веду себя как моряк, оставленный на берегу. Честно говоря, для меня это тоже первый раз. Я имел и дело, с женатым мужчиной. Правда, было один раз, но тогда обстоятельства были другими. — Она посмотрела на него и вдруг неожиданно спросила: — Ах да! — воскликнула она. — Я забыла спросить. Ты позвонил домой?

Неожиданность этого вопроса сбила его с толку.

— Если не звонит, то лучше позвони, — продолжила Шарли, протянув руку за другой устрицей. — Если хочешь, то я подожду в спальне.

— Нет... то есть, я хочу сказать, я уже позвонил.

— Молодец. Ну и как она? Должно быть, беспокоится?

Он с удивлением посмотрел на нее.

— А почему ты так решила?

— Конечно же, я беспокоюсь. Это не очень-то вежливо с твоей стороны, — обиженным голосом сказала она. — За кого ты меня принимаешь?

— Извини, я не хотел... — Он запинулся, сам не зная, чего он не хотел. — Ты же ее не знаешь...

— Я знаю тебя. Этого достаточно. Ты такой славный... — Потрепав его по голове, она взглянула на него, будто что-то вспоминая. — Смешное слово «славный». Я помню, наша учительница английского говорила, что это слово ничего не значит. Я никогда не могла этого понять. Некоторые люди действительно славные. Есть некоторые мужчины, которых даже можно назвать красивыми. Ты такой славный, значит, и жена у тебя славная.

— Ну что ж, спасибо.

— Пожалуйста. Ну что, как ты?

Он уставился на нее.

— Ты о чем?

— Как ты насчет того, чтобы совершить прелюбодеяние? Должно быть, сожалешь, чувствуешь себя виноватым?

— М-м-м, — смутившись, начал он.

— Только честно!

— Честно говоря, смущен.

С минуту она задумчиво смотрела на него, затем протянула руку за устрицей.

— Ты ничего не ешь. Гляди, так я все съем.

Он нехотя, как бы подчиняясь ей, взял одну

устрицу. Он действительно был смущен. Настолько смущен, что не мог есть.

— Жаль,— вдруг сказала она.

— Ты о чем?

— Что ты такой славный. Был бы ты каким-нибудь дерьмом, мы бы отлично провели ночь и тебя бы не мучили никакие угрызения совести.— Ее зеленые глаза загорелись.— С другой стороны, позволила бы я какому-нибудь дерьму заниматься со мной любовью? Поэтому я смущена. Значит, не у одного тебя есть совесть. К тому же, если бы я действительно думала, что сегодняшняя ночь разрушит твой брак — я бы на это не пошла.

— Ты не такая, как все. Ты знаешь это?

— Нет, я просто честная, только и всего.— Она посмотрела на устриц, оставшихся на тарелке.

— Доешь?

Он с улыбкой отодвинул свою тарелку.

— Ты сказала, что была голодна. Надо было заказать...

— Уж хотя бы этого не стыдись.— Шарли тоже отодвинула свою тарелку и засмеялась.— Господи, ты что, всегда так волнуешься?

— Да нет, просто...— начал он, но запнулся, не зная, что сказать.— Это глупо, то что я чувствую угрызения совести. Не знаю, я, должно быть, ненормальный. Ребята из клуба изменяют женам направо и налево.

— Вот кто дерьмо,— сказала она, вытерев рот салфеткой.

— Хэнк помер бы от смеха, если бы узнал.

— В таком случае, не рассказывай ему.

— Не волнуйся, не расскажу. Но...— Он посмотрел на нее, и его вдруг поразила ее красота.— Господи! Какая ты красивая! Послушай, разве это не смешно, я, должно быть, тебе в отцы гожусь!

— Ерунда! Мне двадцать восемь, а тебе сколько? Лет сорок пять? В таком случае, ты должен был стать моим отцом в шестнадцать или семнадцать лет!

— Даже если так,— он с сожалением покачал головой,— двадцать восемь. В двадцать восемь я только начал свой собственный бизнес, но тогда в моем окружении не было таких девушек!

— Только подумать, как много ты потерял! — рас-

смеялась Шарли, досаждая последнюю устрицу. Она вытерла рот салфеткой и потянулась за вином. — Сиди, Тодди, не смотри на меня так! К тому же, я не маленькая девочка, я взрослая, так что давай вести себя как взрослые: никаких сожалений, никаких угрызений совести. Так что давай весело проведем эту ночь и останемся друзьями, хорошо?

— Хорошо, — согласился он.

— Поэтому не делай такое серьезное лицо! Ты весь напрягся.

— Нет, со мной все в порядке, — пытался протестовать он. — Я просто хочу сигару.

Она наморщила нос.

— Подожди. Курить вредно, разве тебе не известно? Я знаю, как расслабиться.

Когда она проходила мимо него, сердце Тодда забилося. «Я спокоен», — уговаривал он себя. У него вырвался невольный стон.

Шарли вернулась в комнату, держа в руках сумочку. Она открыла ее.

— Вот, — сказала она.

Он посмотрел на то, что было в ее руке.

— Я не курю сигареты.

— Это не сигарета.

— Ого! — воскликнул он.

— Ого! — передразнила она его. Шарли подошла к нему сзади и взяла за плечи. — Нет, ты действительно весь напрягся, прямо как деревянный. Ладно, пойдем в спальню. Я сделаю тебе массаж.

Слегка смущенный, он покорно последовал за ней.

— Снимай халат и расслабь плечи.

— Но...

— Никаких «но», — сказала она, переворачивая его на живот. — Ложись лицом вниз, вот так. Устраивайся поудобнее. Возьми подушку, подложи под голову. Вот так, хорошо. Поверь мне, я в этом специалист. А теперь лежи спокойно.

Шарли приступила к массажу.

— Не думай ни о чем. Ты в плохой форме, ты знаешь? Вот здесь. Чувствуешь?

— Ой! — простонал он, когда ее пальцы впились в его плечи.

— Расслабься, — приказала она. — Не дерись.

Когда Шарли прошла по спине Тодда вверх

и вниз, его мускулы расслабились. По всему телу разлилась приятная истома. Ее руки были удивительно сильными, тем не менее он вскоре перестал их чувствовать. Вместо этого он ощущал себя погруженным в какое-то теплое море, волны которого нежно ласкали его. Он даже задремал. Когда он пришел в себя, то увидел, что она лежит с ним рядом. Тодд повернулся к Шарли, она сунула ему в губы недокуренную сигарету.

— Ну как, чувствуешь себя лучше?

— Фантастика! — Он закрыл глаза и затаился, ни о чем не думая. — М-м-м! — пробормотал он. — Я словно парю в облаках.

— Тихо! — шикнула она на него и взяла сигарету из его пальцев. — Лежи, расслабляйся. А то ты был весь как в узлы завязанный.

— Но сейчас уже все в порядке, — отозвался Тодд. И это действительно было так. Он никогда не чувствовал себя так хорошо. — Можно еще раз затаиться? — спросил он.

Она протянула ему сигарету.

— Всего один раз. — Когда он затягивался, рука его дрожала. Она взяла из его рук сигарету, затаилась сама, затем бросила ее в пепельницу. Когда Шарли вернулась в его объятия, он снова ощутил свой вес. С минуту он гладил ее плечо.

— Разве твоя жена никогда не делала тебе массаж? Эта мысль показалась ему забавной.

— Нет, — лениво улыбнулся он. С Катриной — ничего подобного.

Обдумывая все детали недавнего телефонного разговора, Катрина была в растерянности. Во время разговора она старалась прислушиваться к каждому звуку. Шестое чувство жены, развившееся со временем, подсказывало ей, что что-то не так.

«У него был какой-то странный тон. Он словно за что-то оправдывался. Что-то явно случилось... но не с машиной. Не существовало еще такой машины, которую Тодди не смог бы починить».

Она с трудом могла говорить с ним, горло ее пересохло. И он говорил каким-то шепотом, а не своим нормальным голосом.

«Прощай, Мак, — прошептала Катрина, — мне пришлось выяснить, что есть вещи, которые он от меня скрывает. Но сегодня еще рано. Я просто отказываюсь верить. Он мне лжет. Тогда, Тогда, что с нами такое происходит?»

Она чувствовала себя совершенно убитой. Как будто рухнули основы ее жизни, которые казались ей незыблемыми. Ей казалось, что земля утывала у нее из-под ног. Он говорил с ней так, как будто хотел немедленно отделаться от нее, не считаясь с ее чувствами. Она бросилась лицом на диван и зарыдала, не в силах сдержаться. Мак, соня, подошел к ней. Она положила его голову себе на колени.

Через двадцать минут она смогла взять себя в руки. Вся в слезах, Катрина, шатаясь, подошла к серванту и налила себе большой бокал бренди. Ища носовой платок, она взглянула на себя в зеркало. Лицо ее было совершенно бледным и перепачканным тушью.

Мак помотал головой и жалобно проскулил, как бы сочувствуя ей.

— Мак, Мак, — вздохнула она, вернувшись на диван. — Да что же это происходит?

Неожиданность этого происшествия убила в ней всякую способность что-либо соображать. Она не знала, что и подумать. Она вспомнила, как Сэлли сказала: «Он поехал с одной покупательницей испытывать машину... Она пришла и потребовала его лично».

Она вспомнила слова Софи и Глории: «Не может быть, чтобы у него не было другой женщины». При этом они обменивались такими взглядами, как будто знали это совершенно точно.

«Почему? Кто это сказал? Кроме Глории? Глория просто сука...»

Посмотрев на свой бокал, она с удивлением обнаружила, что он уже пуст. Она снова подошла к серванту, налила себе еще, взяла сигарету и вернулась на диван, ища зажигалку. Мысли беспорядочно крутились в ее голове. Он так странно с ней разговаривал тогда, по телефону. Не так, как обычно. А как? Она нахмурилась, пытаясь вспомнить подробности. «Даже не спросил, как я провела день. Вообще ни слова обо мне. И как будто спешил скорее повесить трубку...»

Позвонить Сэлли домой было бы делом необычным, но несколько раз ей приходилось это делать.

— Извини за беспокойство,— сказала она, пытаясь заставить свой голос звучать непринужденно.— Тодди не говорил, что он собирается еще куда-нибудь заехать? После этой пробной поездки?

— А что, он еще не вернулся?

— Нет. Он, правда, звонил, но я была в ванной. Он что-то оставил на автоответчике...— Катрина рассмеялась, чтобы скрыть ложь,— но что-то я ничего не разберу. Может быть, ты что-нибудь знаешь?

— Да нет, с тех пор, как он с ней уехал, ни слуху ни духу.

— Значит, ты говоришь, с какой-то женщиной. Должно быть, кто-нибудь из клуба. Может, я ее знаю. Как она выглядела?

— Совершенно очаровательно. Джим Дэвис аж позеленел от зависти.

Она попыталась вспомнить всех своих знакомых, но никого не могла себе представить.

— Блондинка или брюнетка?

— Рыжая. Прекрасная фигура, зеленые глаза, хорошо одета. Есть на что посмотреть.

Значит, не из клуба. Определенно, не из клуба. Сердце ее забилося.

— А-а! — Она сделала вид, что вспомнила.— Должно быть, эта, Памела... Диккинсон, или как ее там. Точно. Она действительно что-то говорила насчет новой машины. Значит ты считаешь, она хорошенькая?

— А ты так не считаешь? — удивленно спросила Сэлли.

— В общем-то да, если тебе нравится такой тип.

Она положила трубку. Руки ее дрожали.

— Подлец!

Мак почувствовал, что она злится и поспешил к двери.

— Подлец! — повторила Катрина, вскочив с дивана. Она налила себе еще один бокал бренди и стала возбужденно ходить по комнате. Ее взгляд упал на фотографию, стоящую в рамочке на пианино. На ней Тодди был запечатлен с Хэнком в «Вороньем гнезде». Она с размаху швырнула фотографию на пол. Она наступила на нее каблуком с такой силой, что стекло разлетелось в мелкие кусочки. Допив свой бренди одним глотком, она отошла к серванту с чувством удовлетворения.

Лицо Катрины уже не было бледным. От злости и от бренди ее щеки порозовели. «Я убью его!» Она подошла к фотографии на полу и наступила на нее другим каблуком. «Как он мог это сделать!»

«Жаль, что я не переспала с Алком. Тогда мы бы были квиты. Этим бы я его проучила. Надо бы...» Но на самом деле она не знала, что ей было надо. Гнев вытеснил все остальные мысли. Она представила себе, как он занимается любовью с другой женщиной, и это придало ей еще больше злости.

— Подлец! — выпалила Катрина.

Через пятнадцать минут она уже звонила Софи.

— Я передумала, — сказала она. — К черту расходы. Я поеду с тобой на этот твой жирокомбинат.

— «Бродлэндз» не жирокомбинат, — ехидно поправила ее Софи. — Это самый престижный оздоровительный центр во всей Англии.

— А я так и сказала, — начала Катрина, но с удивлением обнаружила, что глотает слова.

— Ты что, пила?

Катрина уставилась на остатки вина в бокале.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дни, когда происходят события, меняющие жизнь сразу многих людей, редки, но наступающий день, кажется, обещал быть именно таким. В Лондоне Катрина медленно просыпалась. Пара бокалов бренди все еще шумели в ее голове. Мало-помалу она вспоминала события прошедшего вечера. Господи, ну и вечер! Опять напилась, и уже в который раз. И в полночь кормила Мака говядиной с бургундским. Рыдала и скрипела зубами. А позавчерашним вечером? В каком настроении был Тодди. Вернулся домой поздно, отказался идти к Миддлтонам и, кажется, вообще искал причину поссориться. Она прищурила глаза от утреннего солнца, вздохнула и задумалась о всей своей жизни.

В «Брислингтон Мэннор» Шарли проснулась с похожими мыслями. Правда, жалеть ей было не о чем. Ее поездка в Лондон как нельзя удалась. Крупный выигрыш в казино, новая машина, встреча с Тодди. Она покосилась на его спящую фигуру. От одного взгляда

на него нельзя было не улыбнуться. Он был для нее как глоток свежего воздуха. В мире финансовых воротил, которые всегда все рассчитывали до последней копейки, симпатичные мужчины не так уж часто попадались. Правда, она не хотела, чтобы это зашло слишком далеко. То, что она сказала Тодду насчет женатых мужчин, было совершенно серьезно. Она уже однажды пыталась играть в такую игру, и этого одного раза было достаточно. *«Правда, этот испытывает угрызения совести»*. Она задумалась над тем, часто ли среди торговцев автомобилями встречаются люди, способные испытывать угрызения совести. Улыбнувшись, она с удивлением обнаружила, что ей приятно, что у него были эти угрызения. *«Хотя бы один порядочный мужик из всего этого дерьма»*, — сделала вывод Шарли. Это напомнило ей о ее собственной карьере. Она действительно скучала по Джерси. *«Пойди туда-то, сделай то-то»*. Она делала, и делала хорошо, но все-таки это было не то, чего бы ей по большому счету хотелось. Свое образование она всегда считала первой ступенью к настоящему менеджменту, и хотя операции с большими вкладами и прибавляли ей опыта, строгость, которую требовала эта работа, душила ее инициативу. *«Чтобы все было надежно, не нужны новые идеи»*, — решила она и снова, уже в который раз, задумалась, как бы приложить свои силы к чему-нибудь более творческому, более необычному, более интересному! *«Может быть, именно поэтому я здесь?»* — спросила себя Шарли. — *«Ищу чего-нибудь необычного, каких-то новых ощущений?»*

Она знала, чего ей хочется. Начать что-нибудь совершенно новое и довести до конца. И как можно скорее. Ей было двадцать восемь лет. Тодд в двадцать восемь начал свое дело, и, похоже, дело у него идет неплохо. Правда, что касается его затеи с гостиницей, то здесь она не была уверена. Она чуть было не выпалила ему свои сомнения. По ее мнению, отдавать первоклассный отель ничем не примечательной компании «Сантурз» — все равно что предлагать «Вулвортс» торговать духами «Кристиан Диор». Но она все-таки не сказала ему этого. В конце концов, это его личное дело. Завтра она поедет на своем сверкающем новеньком «ягуаре» к побережью, сядет на теплоход и вернется к своей обычной жизни. *«Торчу на этом Джерси»*, —

недовольно подумала она. — «А он на Майорке с другим Хэнком».

Друг Хэнк был бы поражен. Как любой человек, жизнь которого была несомненно чередой женщин, он, каждый раз, когда узнавал о верном браке, считал это чем-то таким, перед чем не стыдно снять шляпу. «Если парень верен своей жене, то и партнера он не подведет», — считал Хэнк. Ему никогда бы и в голову не пришло, что Тодд может изменять жене с какой-то рыжеволосой красоткой.

Позднее в тот же день Тодд подумал, что приключение с Шарли было единственным светлым пятном, но тогда он настолько был поглощен ею, что не поверил бы, что его удаче может прийти конец.

После того, как они отзанимались любовью, точнее, после того, как в их номере появились апельсиновый сок и кофе, он сообщил ей, что у него назначена встреча с Лео в Лондоне.

— На восемь часов? — быстро и отчаянно вскрикнула Шарли.

— Увы. Так что нам придется срочно выезжать, извини.

— Может быть, я хотя бы сперва оденусь? — спросила она. Его извинения заставили ее улыбнуться. — Ну ладно, — пожала она плечами. — Бизнес есть бизнес. Но я ненавижу рано просыпаться. Так что ты поведешь машину и разбудишь меня, когда мы приедем.

Сев в машину, она откинула сиденье, взобралась на него, поджала под себя ноги, сонно улыбнулась ему и так и заснула с улыбкой на лице.

В дороге ему нужно было нагнать упущенное время, и все мысли о чем-нибудь другом вылетели у него из головы. Но когда шоссе кончилось и он въехал на окраины Лондона, его снова охватило знакомое беспокойство. Каждый знакомый камень на дороге напоминал ему о его проблемах. Прошлая ночь была замечательной — ему удалось расслабиться, избавиться от постоянного напряжения, но чем ближе он подъезжал к своему офису, тем сильнее ощущал подступавший к горлу комок.

Остановившись в ожидании зеленого света, он покосился на Шарли. Взгляд его задержался на подоле ее юбки, которая задралась почти до бедер. Господи, у нее были потрясающие ноги!

«Но у Катрины, честно говоря, не хуже», — подумал он.

У него был бзик насчет ног. Может быть, потому что его собственные были слишком короткими. Он всегда был без ума от Катрины. «Что я ей скажу?» — с ужасом подумал он.

«Она не должна ничего узнать! Сама она ни разу мне не изменяла! Ни разу!»

— Чего это ты стонешь? — спросила Шарли так неожиданно, что он чуть не подскочил.

— Что? Ах да, привет, с добрым утром. Как спалось?

Она потянулась и поправила свое сиденье.

— Тебя явно что-то гнетет.

С минуту он не знал, что ответить. Затем он улыбнулся, но лицо его все-таки выглядело виновато.

— Ты что, умеешь читать чужие мысли?

— Только когда это ясно. Впрочем, как бы там ни было, я рада. Значит, у тебя есть совесть. Значит, ты никогда не станешь таким же дерьмом, как все. Смотри на это так. Хорошо?

— М-м-м... ну, если...

— Только ни о чем не жалею.

— Жалеть? Ты что, шутишь? Нет... я просто... я хочу сказать, все было очень здорово. Ты просто потрясающе...

Она рассмеялась и взяла его за руку.

— А у меня еще ни разу не было столь потрясающего отпуска, — сказала она, сжав его руку. — И мы останемся друзьями, не так ли?

— Безусловно.

— Хорошо. Да, кстати, Ты не можешь закончить всю эту волокиту с машиной к пяти? Я хочу сказать, налог, страховка и все такое.

— Без проблем.

— Хорошо, тогда я подъеду и заберу ее.

— Отлично. Выпьем по рюмочке или еще что-нибудь.

— Никаких «что-нибудь», — с улыбкой передразнила она его. — Просто выпьем. Тебе лучше пойти домой к жене, а мне нужно отдохнуть. Утром я поеду в Веймут, чтобы переправить машину на Джерси. — Она скривила лицо. — Обратно в рудники.

Он рассмеялся.

Она убрала руку, потрясла свои волосы и посмотрела на себя в зеркало.

— Мы, кажется, уже почти приехали?

— Да, здесь недалеко.

— Слушай, это стоянка такси? Высади меня. Не можешь же ты въехать во двор своего офиса со мной!

— Я лучше отвезу тебя домой.

— Да ты что! Это за Бейкер-стрит. А тебе еще встречаться с Лео. Нет, такси вполне сойдет. Мне просто нужно поехать домой, чтобы прийти в себя. — Она улыбнулась. — Я просплю до обеда, потом похожу по магазинам и подъеду к тебе к пяти. Хорошо?

Шарли наклонилась и поцеловала его. Затем быстро выскочила из машины. С минуту он смотрел, как она садится в такси. Он помахал ей, и она помахала ему из заднего окна. Когда такси развернулось и отъехало, он задумался о том, как изменился мир с тех пор, как ему было двадцать восемь. Но когда Тодд присоединился к потоку транспорта и повернул на дорогу, ведущую к его офису, он перестал восхищаться Шарли. Мысли его переключились на предстоящую встречу с Лео. Он думал, с чего начать. Может, стоит подчеркнуть, что первую часть долга он выплатил Морони вовремя. Вторую тоже вовремя. А ко времени третьей выплаты должны будут получить девятьсот тысяч. Почти миллион! Если учесть теперешний спад в экономике, то это было чудом.

Может быть, Морони подождет, пока они не получат остальные деньги от «Сантурз»?

«Может быть, мне стоит поехать в Париж и поговорить с Лапьером? Может быть...»

В офис он пришел первым. У двери стоял почтальон и как раз намеревался положить в ящик пачку писем. Тодд взял письма, поспешил наверх и выложил их на стол Сэлли. Затем прошел в умывальную. Хотя он уже побрился бритвой, которую купил в гостинице, но для большего эффекта еще раз прошелся по подбородку электробритвой. Он уже почти закончил, когда заметил пятнышко на рубашке. Маленькое пятнышко губной помады, на груди, размером с небольшую монету.

Ругаясь, он подставил это место рубашки под кран. Он яростно начал тереть пятно. Глаза его в ужасе округлились. Пятно только стало еще больше. Не

в силах ничего больше сделать, он оставил эту затею. Слава Богу, пятно быто на груди, а не на воротнике, под пиджаком не будет видно. Придется потом купить новую рубашку. «Черт возьми, нужно купить до того, как я приду домой». Между тем предстояла встреча с Лео. Он поспешил вниз и уже собирался завернуть за угол, чтобы пройти к стоянке такси, как во двор въехал Герберт.

— Оставайся в машине! — крикнул Тодд, закрывая дверь.

Не расслышав приказа, Герберт вышел из машины.

— Доброе утро, босс. Я заезжал к тебе домой...

— Да, Герберт, извини. Пришлось застрять в одном месте. Слушай, гони в «Ритц» как можно быстрее. Мне нужно туда к восьми.

— Черт возьми! — воскликнул Герберт, взглянув на часы, и поспешил открыть заднюю дверь. — В таком случае, у нас всего десять минут. Видал, что творится с транспортом?

Тодд чувствовал любопытство Герберта. Даже когда они отъехали, он видел его глаза в зеркале.

— У тебя были какие-то проблемы вчера вечером? — спросил Герберт, вскинув бровь.

— Что? Да, но я все уладил.

Чтобы избежать дальнейших расспросов, он потянулся за газетой, которую Герберт всегда покупал перед тем, как заехать за ним. Он откинулся в кресле и развернул газету. Но когда взгляд его поймал заголовки, глаза его округлились. У него замерло дыхание, и он почувствовал холод где-то в низу живота.

ПРОГОРЕЛА ТУРИСТИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ

Еще одна компания стала жертвой спада в экономике. «Сантурз», самая большая туристическая компания во всей Европе, объявила о закрытии.

Он уставился в газету, не веря своим глазам. Сердце его отчаянно забилося. Мозг отказывался переварить эту информацию. Может быть, это какая-нибудь другая «Сантурз»? Не его «Сантурз»? Не иначе. Не может быть, чтобы это была его «Сантурз». Но в газете была фотография Томми Хастингса, явно сделанная в более счастливые времена, так как улыбка на его лице никак не гармонировала с содержанием статьи.

Председатель комиссии... причиной падения... в экономике является...

Руки его дрожали так сильно, что газетные строчки сливались перед глазами. Ему стало плохо. Он попытался сосредоточиться, чтобы осмыслить прочитанное. Но снова фотография попала перед глазами, и вместо Томми Хастингса перед его взглядом встало другое лицо — мясistое лицо Альдо Морони.

Когда Лео открыл дверь, Тодд понял, что он уже все знает. Лео выглядел старым, уставшим и уже не таким элегантным, как прежде. Его серый костюм в тонкую полоску казался помятым. Это было непохоже на него. Тодд от волнения чуть не споткнулся о порог.

— Осторожней, старина, — протянул руку Лео. — Ты бледен, как смерть. Лучше сядь, а то упадешь. Взгляд Тодда упал на газету, лежавшую развернутой на столике.

— Господи, Лео! Ты читал новость? Я хочу сказать... я не могу в это поверить! «Сантурз» очень большая компания, черт возьми! Самая большая в Европе!

Лео провел его через комнату к креслам, стоявшим у окна. Тодд прошел за ним на негнущихся ногах и невидящим взглядом уставился в окно на парк. Раньше ему всегда нравился вид из этого окна. Не один вечер провели они здесь с Лео, глядя на деревья внизу и не спеша потягивая вино. Они болтали о самых разных вещах. Он вспомнил, как он впервые показал Лео план «Паломы Бланки»...

— Я закажу тебе кофе, — озабоченно произнес Лео. — И еще, пожалуй, что-нибудь покрепче, чтобы ты пришел в себя.

Тодд погрузился в кресло. На столике лежала открытой другая газета. Ему бросились в глаза заголовки.

КОМПАНИЯ «САНТУРЗ» ЛИКВИДИРУЕТСЯ.
ПРОГОРЕЛА ТУРИСТИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ.
ТЫСЯЧИ ОТДЫХАЮЩИХ ОКАЗАЛИСЬ ВЫБРОШЕННЫМИ
НА МЕЛЬ.

Руки его дрожали. На шее забила жила. Тяжело дыша, он попытался прийти в себя.

— Пишут, что они объявили об этом вчера вечером,— сказал он, прочитав.

— Да,— ответил Лео, наливая кофе.

А он прошлым вечером наслаждался с Шарли. Громко простонав, он вдруг почувствовал, что ему хочется нормальной жизни, домашнего уюта, хочется встретиться с Миддлтонами. Двадцать четыре часа назад одна мысль о том, чтобы убивать время в их компании, приводила его в бешенство. Теперь он бы все отдал за то, чтобы вернуть позавчерашний вечер и самому вернуться домой вовремя. Жизнь, где все стабильно, вдруг показалась чем-то недостижимым.

Лео стоял перед ним с чашкой кофе и бутылкой скотча.

— Вот, старина, выпей. Увидишь, полегчает.

Тодд взял чашку обеими руками и посмотрел на Лео, добавлявшего ему в кофе немного виски.

— Об этом было в утренних новостях,— произнес Лео, кивнув на телевизор.

— Да? Я узнал только из газеты.— Тодд закашлялся, глотая кофе. Горячий кофе и виски согрели его, дав ему понять, как он замерз. Вытерев рот, он сказал: — Я до сих пор не могу поверить. Просто в голове не укладывается...

— Я тоже сперва не мог поверить. Для меня это было как гром среди ясного неба. А все этот чертов спад. Люди перестали ездить в отпуска...

— Но «Сантурз» большая компания...

— Была,— поправил его Лео, поставив бутылку на стол.— А сейчас они всплыли кверху брюхом и не видят никаких шансов выкарабкаться. Тут только что по телевизору выступал один парень, аналитик бизнеса или кто он там, и сказал, что они прогорели из-за таких сделок, как с тобой.

— Он упомянул «Палому Бланку»?

— Да нет, не то чтобы упомянул, но он сказал, что для того, чтобы заполучить лучшие отели, они гарантировали полную занятость владельцам гостиниц по всему миру. Нет, если бы бизнес процветал, то все было бы прекрасно. Они считали себя вне конкуренции, но когда наступил курортный сезон, перед

ними сразу встало миллион проблем. У них просто не хватило денег.

Тодд дрожащими руками поставил чашку на стол. До него по-прежнему с трудом доходила важность происходящего.

— Надо позвонить Томми Хастингсу. — вдруг воскликнул он. — Неужели он не может ничего сделать? В конце концов, у нас с ним контракт!

— Хм! — пожал плечами Лео. — Твой контракт теперь — бумажка.

Тодд поднялся, уронив газету на пол, и ринулся к телефону. Бледность его немного прошла. Он откапывался. «Оператор? Будьте добры, свяжите меня с компанией «Сантурз». Да, да, туристическая компания. В Пэлл Мэлле. Спасибо». Он положил трубку и отошел к окну. Охваченный паникой, он невидящими глазами смотрел на Грин Парк. Ему приходилось видеть людей, столкнувшихся с трудностью, например, знакомых по гольф-клубу, причем это были люди, казалось бы, обеспеченные по гроб жизни. Он видел отчаяние в их глазах; ему приходилось слышать о том, как распадаются браки.

— Господи, Лео, — простонал он в отчаянии. — Без «Сантурз» я погиб. Даже если... даже если... — У него перехватило дыхание. — Тогда придется расставаться со всем — с моим бизнесом, с домом, со всем, на что я положил все эти годы.

Когда телефон зазвонил, трубку поднял Лео.

— Да, я не удивлен, — сказал он. — Попробуйте еще раз, пожалуйста. — Посмотрев на Тодда, он добавил: — Я думаю, дозвониться до «Сантурз» — довольно номер. Их телефон теперь перегружен. Надо полагать, их осаждают тысячи людей, не знающих, как теперь добраться до дома. Да и вообще, мне кажется, с Хастингсом теперь говорить бесполезно. Он уже ничем не управляет. Они назначили человека, который занимается ликвидацией. Лучше останься здесь и все обсудим. «Сантурз» уже нет. Капут. Понял, какая картина?

Единственная картина, которую мог представить себе Тодд, — это он сам в долговой «яме». Он снова вернулся в кресло, закрыл глаза и не открывал до тех пор, пока не успокоился. Он сделал глубокий вдох, чтобы сосредоточиться, и, обхватив голову руками,

попытался оценить свое положение. Он сказал Лео то, что должен был сказать еще позапрошлым вечером — что и без истории с «Сантурз» он был в беде, что он не мог выплатить Морони очередную порцию... что он уже хотел было поехать в Париж и встретиться с Лапьером, и почему он отложил продажу виллы: — ...цены на недвижимость упали, так что сейчас не лучшее время для продажи, но на самом деле это из-за Катрины. Мне кажется, вилла для нее значит даже больше, чем наш дом в Хэмпстеде.

Как ни странно, при упоминании о Катрине Лео почему-то не проявил интереса. Вместо этого он сурово произнес:

— Ты должен расплатиться с Морони. Он шутить не любит. Я тебя предупредил...

— Но Лапьер поймет. Особенно сейчас, когда лопнула «Сантурз».

— Ты не можешь поехать к Лапьеру с такими новостями. Это подорвет их доверие к тебе...

— Их доверие! Мне-то от их доверия ни жарко ни холодно, — выпалил Тодд, подпрыгнув в кресле.

— Если ты не выплатишь проценты вовремя, они потребуют обратно заем.

— Какой в этом смысл? Я никак не могу выложить пятнадцать миллионов. — Тодд был возбужден и рассержен оттого, что приходилось объяснять очевидные вещи. — Придется переиграть условия, только и всего.

От этих «очевидных вещей» во взгляде Лео появилось что-то странное. С минуту он пристально смотрел на Тодда, затем подошел к кофейнику, наполнил их чашки наполовину, а остальную половину долил виски и наконец сел в кресло напротив Тодда, так что прошло несколько минут, прежде чем он заговорил.

— Мне кажется, ты так ничего и не понял, — спокойно произнес он. — Я тебя предупреждал. Ты имеешь дело не просто с банкиром. Если ты скажешь, что ты не можешь выплатить долг, то ничего хорошего после этого не ожидай. Морони по-прежнему будет требовать от тебя деньги.

— Но он не может получить то, чего нет.

— Тогда он использует страховку.

Тодд уставился на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Он потребовал от тебя, чтобы ты застраховал свою жизнь, помнишь? Если что — все деньги его компании.

— Конечно же, я помню. Я даже попался с Морони из-за этого. Но в конце концов даже он признал, что это самое обычное требование. Это чертовски дорого, но ничего необычного здесь нет. Это защита для Катрины. Если что-нибудь случится, то долг все равно будет выплачен.

Лео уставился на него своими серыми немигающими глазами.

— Морони нет никакого дела до Катрины. Он защищал себя.

Тодд смотрел на него, не мигая.

— Ничего не понимаю. Если я обанкротился, то что тут можно сделать?

Лео с удивлением взглянул на него.

Тодд наконец начал понимать, в чем дело. Его лицо исказилось от ужаса.

— Ты хочешь сказать, что Морони что-нибудь со мной сделает? Что он меня убьет? Ради того, чтобы получить страховку? — Это действительно было так. Он читал это во взгляде Лео.

Лео пожал плечами.

— Он этого не захочет. Страховка только покрывает изначальную сумму. Он сделает деньги только в том случае, если ты останешься жив и выплатишь проценты. Но с другой стороны... — Он сделал многозначительную паузу. — Если ты не выплатишь проценты...

Тодд зажал уши и покачал головой. Он уставился на Лео, словно онемев. Наконец он нашел силы, чтобы заговорить.

— Он убьет меня! Господи! Я не верю! Боже праведный! Он действительно убьет меня? Ты хочешь сказать, в самом прямом смысле? Господи! — Холод пробежал у него по спине. Он перевел дыхание и уставился на Лео осуждающим взглядом. — И ты знал это? Знаешь, что ты заставил меня подписать?

— Спокойно, старина. Это несправедливо. Я тебя предупреждал...

— Об этом ты меня не предупреждал. Ты сказал мне об этом бельгийце... как его звали... который пытался обмануть его.

— Я хотел этим сказать, что Морони безжалостен...
— К тем, кто обманывает его! — перебил его Тодд, покачивая головой. — Отлично. Хорошо. Я все понял. Но я-то не собираюсь обманывать его. Я просто прошу его подождать, только и всего...

— Он тебе не поверит.

— Но ведь так оно и есть! — воскликнул Тодд. Он был напуган до смерти и жалел о том, что когда-то прельстился «Паломой Бланкой». Катрина была совершенно права. И Мэнни тоже. Даже Смитсон из банка был прав. Они все говорили одно и то же: *«Продолжай торговать машинами, продолжай заниматься тем, что ты знаешь...»*

— Пока ты будешь выплачивать проценты, с тобой ничего не случится, — повторил Лео.

Тодд не слушал. Он чувствовал себя опустошенным. Измученный заботами последнего месяца, обескураженный новостью о «Сантурз», он был на грани нервного срыва. Словно задыхаясь, он трясущимися руками ослабил галстук и расстегнул воротник, впуская в легкие поток свежего воздуха. Еще минуту назад он дрожал от холода, а теперь вдруг почувствовал, что ему жарко. Он даже выглядел, как будто ему жарко. Щеки его горели, на лбу выступили капельки пота, а ладони стали липкими.

Лео как мог пытался успокоить его.

— Все в порядке. До этого не дойдет. Успокойся. Я просто предупредил тебя о том, что может случиться, только и всего. Никакой катастрофы.

— Как ты можешь так говорить? — воскликнул Тодд. — Я уже почти убит, а ты говоришь, никакой катастрофы! Может, еще прикажешь радоваться этому? Ты так спокойно говоришь...

— До этого не дойдет! Я обещаю. Я говорю о том, что он может сделать, но это не значит, что он это сделает.

— Господи, — простонал Тодд, обхватив голову руками.

— Если Морони получит свои проценты, то он тебе ничего не сделает. Поверь, я его знаю.

Не слушая его, Тодд вскочил и стал мерять шагами комнату. Подойдя к окну, он уставился на парк, как будто среди деревьев ожидал увидеть Морони. Лео взял чашку Тодда со стола.

— Выпей и присядь. Честно говоря, я подумал о том, как тебе выкрутиться.— Тодд послушно прошел за ним к своему креслу и почти упал в него, как человек, у которого отказали ноги.

— Сначала о главном,— сказал Лео, садясь.— Проценты ты должен выплатить. Как ты прикидываешь, сколько к тому времени у тебя будет денег?

Тодд был все еще в шоке. Прошло две или три минуты, прежде чем он смог соображать.

— Срок выплаты приходился на первое декабря. У нас осталось еще семь или восемь недель,— выдал он из себя.— Я думаю, мы получим около девятисот тысяч.— Он посмотрел на Лео, ожидая, что тот отнесется к сказанному скептически.— При теперешнем состоянии рынка — это чудо.— Он остановился, ожидая комментария со стороны Лео, но Лео молчал.— Так что если я продам виллу, то даже при таком рынке я получу за нее тысячи три, этого мне почти хватит. Морони сможет получить свои деньги.

Лео кивнул. На минуту он задумался, а затем произнес:

— Пожалуй, к декабрю я смогу раздобыть триста или четыреста тысяч.

Тодд посмотрел на него с удивлением.

— Так что остаток я доплачу.

Шок Тодда был столь велик, что он только продолжал молча смотреть на Лео.

Лео рассмеялся.

— К концу месяца у меня появятся кое-какие деньги, а продавать недвижимость при таком рынке —дохлый номер.

— Ты хочешь сказать, что собираешься мне одолжить? Четыреста тысяч? — Тодд был поражен.

— Конечно. В конце концов, часть ответственности лежит и на мне. Насколько я знаю Морони...

— Нет. Это нечестно,— перебил его Тодд, покачав головой. Как только он успокоился, на его лице появилось выражение стыда.— Ты не виноват. Ты действительно предупредил меня. То, что я сказал раньше... извини... я не хотел...

— Ничего, ты просто был шокирован...

— Но...— Тодд запнулся.— Я хочу сказать, ты меня очень выручил, спасибо... это очень щедро

с твоей стороны... но, честно говоря, я не знаю, когда смогу вернуть...

— Ерунда. «Паломы Бланка» будет приносить большие доходы. Я по-прежнему верю в этот проект, и ты тоже, так что волноваться не о чем.

Тодд хотел было возразить, но Лео остановил его.

— Если тебя это беспокоит, — сказал он, — то считай, что я одалживаю тебе ради Катрины. В конце концов, если ей так нравится эта вилла, зачем ее расстраивать?

Тодд был слишком потрясен, чтобы что-нибудь отвечать.

— Дело в том, — продолжал Лео, — что, если я покрою остаток, ты можешь чувствовать себя в безопасности. Если ты с честью выполнишь все свои обязательства, Морони тебе ничего не сделает. А это даст тебе время, чтобы сориентироваться. «Паломы Бланка» все еще в твоих руках. Через восемь месяцев строительство будет закончено, и у тебя будет лучшая гостиница на всем Средиземном море. Тебе нужно за это время найти какую-нибудь замену «Сантурз».

Тодд уставился на него.

— Существует огромное количество других туристических фирм, — произнес Лео. — Ты предлагал «Паломы Бланке» только «Сантурз», как ты помнишь. И что же произошло? Они ухватились за нее двумя руками. Разве не так? — Лео рассмеялся. — Откуда ты знаешь, может быть, с другой компанией ты заключишь сделку еще лучше? Это будет как благословение Божье.

Тодд почувствовал, что оживает. Он молча смотрел на Лео, который снова наполнял чашки кофе с виски.

— Подумай хорошенько, — настойчиво сказал Лео. — Когда ты заключал сделку с «Сантурз», то «Паломы Бланка» была только на бумаге. Теперь же она наполовину построена. Так что шансов у тебя теперь еще больше. Так или не так?

— Вроде бы так. — Теперь Тодд чувствовал себя гораздо лучше. — Черт возьми, друг познается в беде — вот что надо сказать о тебе, Лео.

Лео принял этот комплимент с едва заметной улыбкой.

— У меня все-таки богатая практика, — сухо сказал он. — Кроме того, я раньше тебя услышал эту новость. У меня было время подумать. И к тому же, — он указал на чашку, — я выпил две или три таких чашки перед твоим приходом. Это мое изобретение — пол-чашки кофе и полчашки виски — и любого шока как ни бывало.

— Да, эта штука способна вернуть к жизни, — с благодарностью подтвердил Тодд.

— И не забывай, — добавил Лео. — Я знаю Морони. Если ты заплатишь в срок, он тебя пальцем не тронет. А ты тем временем к следующему лету подыщешь себе что-нибудь вместо «Сантурз».

От упоминания о том, что Морони может его тронуть, у Тодда снова пробежал мороз по коже. Он начал перебирать в уме людей, которым нужно было позвонить.

— В конце концов, — сказал Лео, — у Хэнка должно быть много контактов с людьми из гостиничного бизнеса.

— Хэнк! — виновато воскликнул Тодд. До этого момента мысль о Хэнке не приходила ему в голову. — Да, пожалуй, надо позвонить ему...

— Нет, нет, старина, сиди спокойно, — скомандовал Лео. — Прежде чем звонить кому-нибудь, давай все обсудим. — Он поднялся с кресла и подошел к столу. — И давай позавтракаем, пока все еще не окончательно остыло. — Он стал поднимать серебряные крышки и заглядывать под них. — Я надеюсь, к тебе уже вернулся аппетит? У нас тут яичница со свининой...

Они позавтракали. Еще полчаса назад Тодду кусок бы в горло не полез, но сейчас, успокоенный Лео, он за обе щеки уплетал яичницу. И сейчас, спокойно и хладнокровно обдумав свои проблемы, он понял, что Лео был прав. Он действительно предлагал «Паломе Бланке» только «Сантурз», и те сразу же ухватились обеими руками.

— Черт возьми, Лео, — воскликнул он, — с тобой действительно не пропадешь. Ты прав. И у меня остается восемь месяцев, чтобы найти замену «Сантурз». Целых восемь месяцев! Да за это время можно найти дюжину туристических компаний!

Он чувствовал благодарность к Лео. Все эти годы ему везло с друзьями — Сэм, старина Ларкинс, Хэнк,

теперь Лео. После завтрака он вполне оправился, так что даже смог закурить сигару.

Они еще час посидели за столом, обсуждая предмет их разговора, и хотя Лео снова упомянул Морони, к облегчению Тодда, это было только мимоходом. В конце концов, Морони был ему больше не опасен. Если Лео покроет остаток, то следующая партия будет выплачена.

Когда Тодд предложил подбросить его в аэропорт, Лео отказался.

— Нет, нет, я возьму такси. А Герберт пусть отвезет тебя обратно в офис. Чем раньше ты поговоришь с людьми из туркомпаний, тем лучше.

Они распрощались при выходе из гостиницы. Последними словами Лео было то, что он снова подтвердил свое обещание о выплате остатка.

— Мне будет известно насчет этих денег в начале следующего месяца,— сказал он, садясь в такси.

Тодд помахал ему рукой. В нем боролись два чувства — огромная благодарность Лео и странная вспышка гнева по отношению к самому себе. Он понимал, что желание Лео оплатить остаток было вызвано его заботой о дочери. Лео сам так и сказал. Тодд весь кипел от гнева. Более того, он чувствовал себя виноватым. Он отлично знал, что Лео все еще надеялся помириться с дочерью. *«Все это время»*, — пробормотал он про себя. — *«Семь лет, и я ничего не делал, только сидел на заднице!»* — В нем росло негодование. — *«Все, хватит! После того, что он сейчас сделал для меня, я должен примирить их во что бы то ни стало!»*

С такими мыслями он провожал взглядом такси Лео, исчезнувшее из виду на площади Пиккадилли. Он уже совсем забыл, как напуган он был, услышав о Морони. В конце концов, бояться ему было нечего. Лео выплатит остаток, и на этом все проблемы закончатся.

«Господи», — подумал он. — *«С поддержкой такого человека, как Лео, мне ничто не страшно».*

Он готов был боготворить Лео. Он боготворил бы его еще больше, если бы знал, что больше он его уже никогда не увидит...

Катрина, разумеется, ни о чем этом не знала. Она даже ни разу не слыхала о Морони. Она не знала ни

того, что жизнь Тодда эскадрилья, ни того, куда пойдет эта страховка, случись что-нибудь... Даже об истории с «Сантурз» она ничего не узнала, так как в то утро не читала газет и не смотрела телевизор. Мысли и заботы ее были совсем в другом. В тот момент, когда Тодд стоял у отеля «Ритц», она была в своей гардеробной с Софи.

Открытый чемодан был наполовину упакован. Софи укладывала в него последние вещи, одновременно читая Катрине нотацию.

— Ты сама виновата, — говорила она мрачно. — Я знала, что рано или поздно это произойдет. Ты всегда так носилась с ним. Ты всегда такой была. Он воспринимает тебя как что-то само собой разумеющееся. Так что теперь ты поступаешь абсолютно правильно.

— Хотела бы я быть уверена в этом.

Глаза Софи тревожно округлились.

— Ты уже не можешь изменить решение. Я же позвонила в «Бродлэндз». Мне пришлось их чуть ли не на коленях упрашивать, чтобы они тебя взяли. Знаешь, как у них строго?

— Я не отказываюсь, — защищаясь, воскликнула Катрина. — То, что мы едем, уже решено, но прекрати нудеть по поводу того, что я поступаю правильно. Просто нужно было что-то сделать, и я сделала. Но я не могу уехать, не сказав ему...

— Оставь ему записку, — посоветовала Софи, продолжая укладывать чемодан. — Между прочим, тебе надо взять твои причиндалы для тенниса. У них самые лучшие закрытые корты в стране. Подожди, ты еще не знаешь Стива. Так что оно стоит таких денег...

— Кто такой Стив?

— Тренер по теннису. — Софи удивленно посмотрела на нее. — Да ты меня почти не слушаешь!

Катрина действительно слушала ее вполуха.

— Я не могу просто оставить ему записку, — мрачно сказала она. — Я не буду спокойна. Я должна его видеть, прежде чем уеду. Дело в том, что он не в офисе...

— Он должен вернуться. Сэлли же сказала, что ожидает его с минуты на минуту. Герберт звонил.

— Я знаю, но...

— Хорошо, мы можем заехать в офис, если

хочешь. По пути из города. Мы как раз будем проезжать мимо.— Решив одну проблему, Софи захотела решить и другую.— На твоём месте я бы взяла красный топ, он тебе к лицу. По вечерам там все наряжаются...

Через пятнадцать минут они были внизу в кухне.

В то время как Софи сидела и пила кофе, Катрина давала указания миссис Бриджес.

— Да, я понимаю, что это для вас неожиданно,— говорила она, раздражённая манерой миссис Бриджес: та смотрела на нее с удивлением.— Я приняла решение только вчера вечером,— продолжала Катрина, а сама думала: *«Почему я должна перед ней оправдываться, ведь она моя горничная?»*

Софи улыбнулась своей сладкой улыбкой.

— Вы не узнаете ее, миссис Бриджес, когда она вернется.

— В самом деле? — вскинула бровь миссис Бриджес.— Чудесно.

— Каждый день, когда уходите,— сказала Катрина,— смотрите, чтобы Мак оставался в корзине.

— Значит, вы не отдаете его на псарню?

Катрина закусил губу. *«Это само собой разумеется»*,— подумала она.

— Мы отдаем его на псарню, когда уезжаем на Майорку, но он вполне может пробыть дома эту неделю. Он не причинит вам хлопот. Просто каждый день, когда уходите, следите за тем, чтобы он оставался в доме.

— А по вторникам? — спросила миссис Бриджес, желая узнать, нужно ли ей будет приходить в свой обычный выходной.

— Тодди придется просить Герберта. Не волнуйтесь, я ему скажу.

Повернув голову, Катрина заглянула в кладовку. *«Ничего страшного. Каждый вечер он будет ужинать в клубе. Будет ли?»* — Она вдруг ощутила беспокойство.— *«Или он будет проводить все вечера с той, с которой был вчера? Как там сказала Сэлли? «Рыжая, с хорошей фигурой, есть на что посмотреть. Дэвис позеленел от зависти». Еще бы! Этот Дэвис ни одной юбки не пропустит...»*

— Ну, что? — нетерпеливо спросила Софи, взглянув на часы.

— Я готова,— отвечаю в том, разумно вчерашней непоколебимости ее глодали сомнения. И Софи пришлось раскаиваться в решении.

— Будь хорошим, гнувшись к Маку и пот...

— Отлично,— сказала миссис Бриджес.

Пока они ехали в машине, возмущения. «Тебе-то о котором нужно заботиться?»

— Тебе давно бы пора с кем-то оставалось смотреть. Ты живешь одна.

Тебе ни о ком не надо думать.

— Тебе давно бы пора Софи.— Не знаю, почему в «Бродлэндз». Тебе там раз я знакомлюсь с кем-то.

«Вот-вот, ради этого» Катрина.— «Подцепить»

На месяц, на два, отсюда.

— Мы приедем туда, как же тебе завтра. В это время осенние цветы и все такое.

потом бассейн, массаж.

«Я могла бы и не ехать»

рина.— «Даже сейчас несерьезно — срывать

принимать решения. Ей завела... знает же, как

была, сколько я ее помню.

Все эти глупые разговоры Тодди позвонил и каким-то

что не будет ночевать дома. А я уже подумала

бедняга Тодди застряла шиной. Я уверена, он бы рассмеялся.

сказала, он бы рассмеялся. Расслабься, вернись к

пусть едет на свой дурной

— Ну вот мы и

— Я готова,— ответила Катрина, все еще сомневаясь в том, разумно ли она поступает. На смену вчерашней непоколебимой твердости пришла робкая неуверенность. И Софи тут бы не помогла. В глубине души ее глодали сомнения о том, как бы потом не пришлось раскаиваться в столь скоропалительном решении.

— Будь хорошим мальчиком,— сказала она, нагнувшись к Маку и потрепав его за ухом.

— Отлично,— сказала Софи.— До свидания, миссис Бриджес.

Пока они ехали в машине Софи, Катрина кипела от возмущения. *«Тебе-то хорошо. У тебя нет ни мужа, о котором нужно заботиться... ни собаки, которую надо с кем-то оставлять... ни дома, за которым присматривать. Ты живешь в квартире с обслуживанием. Тебе ни о ком не надо заботиться, кроме себя».*

— Тебе давно бы пора это сделать! — воскликнула Софи.— Не знаю, почему ты никогда раньше не ездила в «Бродлэндз». Тебе там понравится. А люди! Каждый раз я знакомлюсь с кем-нибудь интересным...

«Вот-вот, ради этого ты и едешь»,— подумала Катрина.— *«Подцепить кого-нибудь. Очередной роман. На месяц, на два, от силы на три. Не больше...»*

— Мы приедем туда к обеду. А окрестности я покажу тебе завтра. В это время года они очень красивы, осенние цвета и все такое... Потом мы пойдем в сауну, потом бассейн, массаж...

«Я могла бы и не ехать»,— подумала вдруг Катрина.— *«Даже сейчас могла бы отказаться. Это все несерьезно — срываться с места, так скоропалительно принимать решения. Если бы Глория меня вчера не завела... знает же, как меня завести! И всегда такой была, сколько я ее помню. С этого-то все и началось. Все эти глупые разговоры о другой женщине, а затем Тодди позвонил и каким-то странным голосом сказал, что не будет ночевать дома. Совпадение, только и всего. А я уже подумала Бог знает что, между тем как бедняга Тодди застрял в Мидлэнде со сломанной машиной. Я уверена, он мне не лгал. Если бы я ему сказала, он бы рассмеялся. Мы оба бы рассмеялись. Расслабься, вернись к нормальной жизни, а Софи пусть едет на свой дурацкий жирокмбинат одна...»*

— Ну вот мы и приехали,— радостно сказала

Софи, въезжая во двор компании «Оуэн». — Мне пойти с тобой?

— Что? Да нет, не надо. Я на минуту.

Она понимала, что выглядит хорошо. Ему нравился всегда этот ее голубой костюм. «Носи его почаще», — говорил он. А стала бы она его носить, он бы надоед ему до смерти.

— Доброе утро, — сказал Дэвис с приветливой улыбкой, открывая дверь.

«Да чтоб тебя черти взяли», — сердито подумала Катрина.

— Доброе утро, — ответила она, проходя мимо него и поднимаясь по лестнице.

— Привет, Катрина, — улыбаясь ей из-за стола, сказала Сэлли.

Катрина поглядела на дверь с матовым стеклом, ведущую в кабинет Тодда.

— Он там один?

— Один, но он чертовски занят, — сказала Сэлли, потянувшись к телефону.

— Не надо, не говори ему, что я пришла, — сказала Катрина, проходя к двери. — Пусть это будет сюрпризом. — Она больно сцепила пальцы, чувствуя, что начинает нервничать. *«Зачем нервничать? Черт возьми, ты ведь идешь к собственному мужу, а не к зубному врачу! И виноват он, а не ты. Ты всего лишь пытаешься вернуть жизнь в нормальное русло... чтобы все было как раньше... когда вы были счастливы...»*

Она открыла дверь, и лицо ее расплылось в улыбке.

— Не ждал? — выкрикнула она, ворвавшись в кабинет.

— Господи! — Он выбежал из-за стола. — Что ты тут делаешь? — Тодд выпалил вопрос, не задумываясь. Его даже не волновало, что она ответит. Он был весь озабочен недавними разговорами с представителями туристического бизнеса. Он уже переговорил с десятками этих людей, и его разговор с Лео теперь не казался ему оптимистическим. Все заправила гостиничного бизнеса как один пребывали в истерике, ибо заказов у них становилось все меньше. Все они уже слышали о «Паломе Бланке» благодаря усиленной рекламной кампании. Предложение им нравилось. Они проявляли большой интерес. Но дальше этого ни один из них не пошел. Они извлекли урок из истории с «Сан-

турз». Обеспокоенные
чать контракты даже
липами, не говоря уж
«Паломе Бланка».

Обескураженная е
месте.

— Ой! — воск
сельем. — Я рада тебе

— Что? — нахмур

— Ты, кажется, с
щат, что позвонишь

жив ли ты!

Он нахмурился

— Извини, ради
ли, сегодня, кажется

ня... — Тодд сделал па
Он рассеянно посмо
волосы.

— Попроси Сэл
ку кофе. Поговорим

— Нет, — ответи
трубку.

Его рука повисла
— Что?

— У меня нет
в машине. Мы на нес

Его лицо приняло
— С каких это

сказал: — Скажите,
ся на нее. — Я не зна

— А у меня бы
предупредить, что

жить за собой.

— Неделю?

— Или даже бо
А после этого я
билеты. Ты, кажется

того?

— Не знаю. Гос
товски занят...

— Миссис Бри
в два, так что Мак

ты не придешь. А
выходной, так что

турз». Обеспокоенные будущим, они и бегали заключать контракты даже со старыми известными гостиницами, не говоря уже о таких новых проектах, как «Паломы Бланка».

Обескураженная его манерой, Катрина замерла на месте.

— Ой! — воскликнула она с притворным весельем. — Я рада тебя видеть.

— Что? — нахмурился он.

— Ты, кажется, собирался мне позвонить? Ты обещал, что позвонишь мне сразу же. Я даже не знала, жив ли ты!

Он нахмурился.

— Извини, ради Бога извини, я забыл, но веришь ли, сегодня, кажется, целый мир обрушился на меня... — Тодд сделал паузу, поскольку зазвонил телефон. Он рассеянно посмотрел на свой стол и взъерошил волосы.

— Попроси Сэлли, чтобы она сделала тебе чашечку кофе. Поговорим минутку.

— Нет, — ответила она в тот момент, как он брал трубку.

Его рука повисла в воздухе.

— Что?

— У меня нет времени. Софи ждет меня внизу в машине. Мы на несколько дней едем в «Бродлэндз».

Его лицо приняло удивленное выражение.

— С каких это пор? — Поднеся трубку к уху, он сказал: — Скажите, что я им перезвоню. — Он уставился на нее. — Я не знал. Ты мне ничего не говорила.

— А у меня было время сказать тебе? Я хочу предупредить, что неделю тебе придется самому ухаживать за собой.

— Неделю?

— Или даже больше. Софи едет на десять дней. А после этого я полечу на виллу, я уже заказала билеты. Ты, кажется, сказал, что мы едем двенадцатого?

— Не знаю. Господи, я не верю своим ушам! Я чертовски занят...

— Миссис Бриджес заканчивает каждый день в два, так что Мак будет заперт в доме до вечера, пока ты не придешь. А по вторникам, как ты знаешь, у нее выходной, так что тебе придется посылать Герберта

среди дня присматривать за собакой.— Злорадно наблюдая за его реакцией, она продолжала: — Все это я сказала бы тебе вчера вечером, если бы ты был дома.— Она покачала головой и собиралась продолжить, как вдруг заметила, что что-то в нем было не так. Пиджак его, как обычно, висел на стуле, а на белоснежной рубашке красовалось пятно. Она стала пристально вглядываться, и сердце ее забилося. Глаза ее сузились. «Никак не пойму, что это такое... неужели?..»

— Что касается прошлой ночи...— начал он, но остановился, Катрина грозно направлялась к его столу.

— Что это? — спросила она, указав на пятно.

— Ты о чем?

— Это губная помада.— Она подошла ближе и принялась.— И духи! — воскликнула Катрина, посмотрев, как краска заливает лицо Тодда.— Господи! Ты пахнешь как... как...

— Ерунда,— резко оборвал он ее.— Это всего лишь одеколон.

— Подлец! Теперь мне все ясно!

— Что ясно? — Он чуть не подпрыгнул в кресле.

— Ты мне лгал! Вся эта история с поломанной машиной...— Она запнулась и отошла от его стола.— Ты что, за дурочку меня принимаешь?

— Я не понимаю, о чем ты...

— Неужели!

— Послушай! — настойчиво сказал он.— Я переживаю самый большой кризис в моей жизни...

— Мы оба переживаем кризис,— резко ответила Катрина.— Ладно, ты тут переживай свой кризис, а я со своим кризисом поехала в Бродлэндз.

Он уставился на нее.

— О чем это ты? Ничего не понимаю...

— О нас. О тебе и обо мне,— нервно рассмеялась она.

Катрина выбежала из кабинета. В этот момент зазвонил телефон.

— Катрина! — прокричал он, перекрывая своим голосом телефонный звонок, но она его уже не слышала.

Сэлли удивленно посмотрела на нее.

— Что с тобой, Катрина?

Но Катрина поднятой головой через приемную ее отчаянно билос...
— До свидан...
Дэвис, открывая...
Она улыбу...
масу. Говорить о...
подавила рыдания...
Рывком открыв...
ные.
— Все в поряд...

Тодд чувствовал мрачный день в...
было начал прих...
риной. Он даже, м...
ку, если бы в это...

— Звонит Хэн...

«Еще бы, с че...

Тодд. По голосу...
убит.

— Ты слыша...
безо всякого всту...

— Не задавай...
шал.

— Боже прав...
все в панике. Ве...
«Сангурз». Два...
Только что мне з...
шивал, не хотим...

Тодд был сли...
Катрины, чтобы...
венное, что приш...
нить ей в Бродл...
мрачно подумал...

Ему потребов...
успокоить Хэнк...
нику по всей Май...
ла от туризма, и...
туристы вообще...
— Да нет, у...
Тодд.— Успокой...

Но Катрина бежала, не оборачиваясь, с высоко поднятой головой и взглядом, устремленным вперед, через приемную секретаря и вниз по лестнице. Сердце ее отчаянно билось. Горячие слезы обжигали веки.

— До свидания, миссис Тодд, — галантно сказал Дэвис, открывая дверь выставочного павильона.

Она улыбнулась улыбкой, ботинки похожей на гримасу. Говорить она была не в силах. Сжав губы, она подавила рыдания, когда подбегала к машине Софи. Рывком открыв дверь, Катрина плюхнулась на сиденье.

— Все в порядке? — весело спросила Софи.

Тодд чувствовал себя как пьяный. Это был самый мрачный день в его жизни. Подбодренный Лео, он было начал приходить в себя, и тут вдруг сцена с Катриной. Он даже, может быть, послал бы за ней вдогонку, если бы в этот момент не позвонила Сэлли.

— Звонит Хэнк. Он, кажется, не в себе.

«Еще бы, с чего бы ему быть в себе?» — подумал Тодд. По голосу Хэнка чувствовалось, что он совсем убит.

— Ты слышал, что с «Сантурз»? — прокричал он безо всякого вступления.

— Не задавай дурацких вопросов! Разумеется, слышал.

— Боже праведный! Это полная катастрофа! Здесь все в панике. Ведь каждый пятый турист здесь от «Сантурз». Двадцать процентов! Представляешь? Только что мне звонил один парень из Пальмы, спрашивал, не хотим ли мы купить его гостиницу...

Тодд был слишком озабочен внезапным отъездом Катрины, чтобы думать о чем-нибудь другом. Единственное, что пришло ему в голову, — это решение позвонить ей в Бродлэндз. «Сам не знаю, что я ей скажу, — мрачно подумал он. — Но лучше все-таки позвонить».

Ему потребовалось полчаса, чтобы хоть как-нибудь успокоить Хэнка. Новость о «Сантурз» вызвала панику по всей Майорке. Вся экономика острова зависела от туризма, и вдруг появилась опасность того, что туристы вообще перестанут приезжать сюда!

— Да нет, уж до этого не дойдет, — уверял его Тодд. — Успокойся и подумай об этом трезво. Не

могут же люди вообще перестать брать отпуска. Ни пляжи, ни горы ведь никуда не делись!

Наконец ему удалось успокоить Хэнка настолько, чтобы рассказать ему о встрече с Лео и о том, что Лео согласился одолжить ему триста тысяч.

— Стал бы он предлагать их, если бы у него были бы какие-то сомнения? Подумай. Лео везде побывал, все повидал. Уж его-то на мякине не проведешь. Ну что, убедил я тебя? Он знает, что мы останемся в выигрыше.

Говорил он уверенно, но сам был вовсе не так уж уверен. Реакция туристических фирм приводила его в отчаяние, но он не хотел, чтобы его отчаяние передавалось Хэнку. Отчаяться он всегда успеет. Между тем он сказал Хэнку, чтобы тот попробовал подключить свои собственные связи в туристическом бизнесе, а после полудня прилетал в Лондон.

— Я пошлю Герберта, он встретит тебя в аэропорту. Вместе мы, может быть, что-нибудь придумаем.

После разговора с Хэнком он вернулся к тому, чем занимался. Перед ним лежал справочник туристических фирм, и он снова начал их обзванивать. Два года они с Хэнком жертвовали всем ради «Паломы Бланки», все свои деньги вкладывали в этот котел. А теперь котел был опрокинут экономическим спадом.

Он делал один звонок за другим.

Он разговаривал, пока у него не начал срываться голос.

Подкрепляясь кофе и бутербродами, Тодд звонил все утро и середину дня.

Голова у него гудела от множества разговоров, как правило, безуспешных. Наконец он безнадежно откинулся в кресле и стал смотреть в пространство. В таком виде его застала Сэлли, объявившая, что его желает видеть некая Шарлотта Сандерс.

Он недоверчиво посмотрел на часы. Шарли? Неужели уже пять часов? Как быстро пролетело время!

Поскольку жена его была в отъезде, он вполне мог посвятить еще одну ночь сексуальным забавам, но мысль об этом даже ни разу не пришла ему в голову. У него было совершенно не то настроение. Надвигающаяся катастрофа отбила у него все желания. Ничто так не убивает мужскую потенцию, как страх, и удовольствия прошедшей ночи были напрочь забыты.

— Хорошо, —
Джим. Должно бы
жизни. Чего бы при
объясни все... Э-э-э.
по имени Скотт.
э-э-э... десять минут
Засуетившись,
спрыснул лицо во
морщинки на лбу
опустил закатанн
и поспешил в сво
недоделенного обе
— Ну и денег. —
бы его побрал! —
когда Сэлли откры
— Та-ра-ра! —
его носом связкой
делен сверкающего
Как ни мрачно
улучшилось. Вид
его. Красивое лицо
шелковое платье. И
вет, он провел ее в
— Спасибо. С
берт проводит Хэн
— Хорошо... —
Шарли. — Тогда до
В ответ Шарли
кой.

— Спасибо, С
комиться.

— М-м-м, — н
и закрыла дверь.

Шарли хихика

— Будь ее во
ла по улицам.

— Ерунда.

— Нет, из ег
подойдя к его

она шпionка тво

гое. — Улыбну

и освела лицо

себя ставила. То

Она одобр

— Хорошо, — сказал он, — хорошо.
Джим, должно быть, уже по дороге к маме. Скажи ему, чтобы привел в порядок бумаги. Ты с Джимом объясни все... э-э... мисс Сандерс. А потом пусть он поднимется сюда, чтобы вынуть рамочку. Для мисс... э-э... десять минут... хорошо?

Засуетившись, он прошел в свою уединенную, спрыснул лицо водой, вытерся и попытался разгладить морщинки на лбу. Он спрыснул щеки одеколоном, опустил закатанные рукава рубашки, надел записки и поспешил в свой кабинет, где выбросил остатки недоеденного обеда в корзину.

— Ну и денек, — простонал он. — Ну и денек, черт бы его побрал! — Он все еще ругался, надевая пиджак, когда Сэлли открыла дверь, впуская Шарли.

— Та-ра-ра! — закричала Шарли, помахивая перед его носом связкой ключей. — Угадай, кто гордый владелец сверкающего нового «ягуара»?

Как ни мрачно было его настроение, оно немного улучшилось. Вид ее улыбающегося лица успокаивал его. Красивое лицо и красивое тело, одетое в желтое шелковое платье. Найдя в себе силы улыбнуться в ответ, он провел ее на диван и повернулся к Сэлли.

— Спасибо, Сэлли, можешь быть свободна. Герберт проводит Хэнка наверх, когда они приедут.

— Хорошо... — Сэлли недоверчиво посмотрела на Шарли. — Тогда до завтра.

В ответ Шарли улыбнулась ослепительной улыбкой.

— Спасибо, Сэлли. Рада была с вами познакомиться.

— М-м-м, — неопределенно пробормотала Сэлли и закрыла дверь.

Шарли хихикнула и снизила голос до шепота.

— Будь ее воля, она бы обрила мне голову и провела по улицам.

— Ерунда.

— Нет, не ерунда, — настойчиво возразила она, подойдя к его столу. — Либо она ревнует, либо она шпионка твоей жены. Я думаю, что и то, и другое. — Улыбнувшись, она поцеловала его в щеку и обвела взглядом его кабинет. — Нехило. Высоко себя ставишь, Тодди.

От ее одобрения у него поднялось настроение.

— Как картинка из журнала «Бизнес». Она сделала жест в сторону стола. Империя торговли. Его величество таинственный мистер С. (имя секретно) Тодд, некогда просто продавец машин, а ныне еще и владелец роскошного отеля, собственной персоной заседает за своим столом...

— Перестань,— сказал он, не в силах подавить улыбку.

— Вот так-то лучше. Теперь ты выглядишь гораздо веселее.

— Еще бы,— ответил Тодд, искренне восхищаясь ею.— Ты развеселишь кого угодно. Ты всегда такая веселая?

— Только когда симпатичный мужчина предлагает выпить по рюмочке.— Она рассмеялась, продолжая обводить взглядом его кабинет.— «Паломы Бланка»? — Указав на цветные фотографии на дальней стене, она подошла, чтобы получше разглядеть их.— Тодди, это фантастика. Потрясающе.— Она обернулась к нему, и улыбка сошла у нее с лица.— В чем дело, Тодди? Ты что, уже забыл? Если можно, розового джина или виски, но небольшую рюмочку.

— Дело не в этом.

— Ты снова стал каким-то мрачным. Тебе это не идет.

— Хорошо,— пожал он плечами, повернувшись к бару.— Ты смотрела на фотографии, и это мне опять напомнило. У меня сегодня был отвратительный день. Самый плохой день в моей жизни. «Сантурз» распались.

— Неужели? Это та фирма, с которой у тебя контракт? — Она была явно на его стороне, явно опечалена.— Бедняга. Представляю, каково тебе. Удивительно, как ты еще держишься.— Она взяла его за руку и отвела на диван.— Как бы там ни было, успокойся. Сиди, джина я сама налью. Какой кошмар. Сядь и расскажи, что там у них стряслось.

Он с благодарностью подчинился ей. Он чувствовал себя инвалидом, за которым ухаживает заботливая сиделка.

— Рассказывать особо нечего,— мрачно сказал он.— без «Сантурз» мы погибли, если я не найду замену, но с таким рынком шансов на это мало. Скоро сюда приедет Хэнк. Сегодня вечером у нас с ним будет

военный совет, а завтра он летит в Германию. У него в Берлине есть связи с туристическими компаниями...

— Держи. — Она протянула ему рюмку.

— Затем он, может быть, поедет в Копенгаген. На Майорке отдыхают много скандинавов. Датчане, шведы...

— Я знаю скандинавов, — весело сказала Шарли, поднеся ему кувшин с водой, чтобы разбавить виски. — Ты кого-нибудь найдешь, я уверена. Особенно теперь, после того как видела эти фотографии. Место действительно невообразимой красоты. Достаточно воды?

Вернувшись к бару, она помешала в стакане «Ангостуру», прежде чем добавить джину.

— Твое здоровье! — сказала она, подсев к нему на диван. — Не беспокойся. Ты найдешь что-нибудь еще получше «Сантурз». Я знаю, что найдешь. В тебе есть что-то нерушимое. Гранитная решимость. — Она рассмеялась, когда он посмотрел на нее протестующим взглядом. — Нет, я серьезно.

К его собственному удивлению, она напомнила ему Кагрину. Не такой, какой она сейчас выбежала из его кабинета, а такой, какой она была несколько лет назад. В поддержке Шарли было что-то особенное, и он понимал, как ему не хватало этой поддержки.

— Кроме того, — продолжала она, снова переведя взгляд на фотографии на стене, — это слишком хорошая штука, чтобы закончиться ничем. — Шарли снова подошла к фотографиям, с восхищением рассматривая их. — Знаешь, что я хочу тебе сказать? — С минуту она колебалась. — У меня странное чувство. Может быть, это тебе не понравится. Я не хочу тебя обидеть, но когда ты мне вчера обо всем этом рассказывал, я кое о чем подумала. Я уверена, что права, особенно сейчас, когда увидела фотографии. — Она перевела дыхание. — Ты уверен, что «Сантурз» были именно теми людьми, которые тебе нужны? Тебе не кажется, что они все-таки ширпотребовская компания?

— Они планировали провести отдельную рыночную компанию, — попытался протестовать Тодд.

Она пристально рассматривала фотографии, поэтому не расслышала его как следует.

— Может быть, — с сомнением сказала она. — Но тем не менее, «Форд» все-таки остается «Фордом», а не

«Роллс-ройсом» и не «Феррари», не так ли? А ты для «Паломы Бланки» хочешь именно такого имиджа.

Шарли повторяла то, что говорил Хэнк. Все это Тодд выслушивал сегодня весь день. Все представители туркомпаний были шокированы, услышав, какие он запрашивает цены.

«Слишком много для нашей клиентуры», — сказали ему в «Глобал Травел». И еще кое-что. Палома Бланка выглядит грандиозно, но никто, кроме людей из туристского бизнеса, не слыхал о ней. Профессионалы сегодня имеют возможность выбирать.

— Палома Бланка — гостиница для богатых, — сказала Шарли. — Но все же не для самых богатых. У них есть свои собственные острова, на которых они отдыхают, или они могут снять такой остров. Но для того, чтобы заполнить «Палому Бланку», найдется достаточно просто богатых.

— Ты что, эксперт? — перебил ее Тодд с сарказмом. Уж о торговле он кое-что знал, и ему совершенно не нравилось, что его учат.

— Только когда дело касается богатых людей. И я знаю кое-что о лодках и причалах... — Она вдруг остановилась и посмотрела на него. — Ой, извини. Я, кажется, лезу не в свое дело?

Она была явно на его стороне.

— Это все мой длинный язык, — сказала Шарли, словно оправдываясь. Он прекрасно понимал, что без «Сантурз» и без какой-нибудь замены «Сантурз» единственной надеждой спасти «Палому Бланку» было самому заняться гостиничным бизнесом, а также и маркетингом.

Усмехнувшись, он сказал:

— Для сотрудничества с «Сантурз» были серьезные коммерческие причины.

— Я в этом не сомневаюсь. Я хотела только сказать, что сиюминутные выгоды могут войти в конфликт с твоими более долгосрочными интересами.

Он понимал, что она была права. Он слишком связывал доходы, полученные от «Сантурз», с выплатой долга Морони и о других выгодах не думал. А сейчас у него вообще не будет никаких выгод, если он срочно что-нибудь не предпримет. Тодд вспомнил свой разговор с «Глобал Травел»:

— «Паломы Бланки» об этом и не задумывались, но о ней никто не слышал.

— Если никто о ней не слышал, то как я привлек к ней внимание?

— Извини? — переспросила Шарли, подняв голову. И Тодд начал ей рассказывать о людях из гостиничного бизнеса и об их отказе иметь дело с таким рынком.

— Значит, придется нам самим иметь дело с нашими клиентами. Если бы мы успели раскрутить кампанию по рекламе «Паломы Бланки», нам теперь было бы гораздо легче. По крайней мере люди бы о ней знали...

Чем больше они говорили, тем больше ему нравились ее ответы и ее идеи. Все предложения Шарли были разумными и деловыми. Перед ним была другая женщина — умная и деловая, совсем не та, с которой он вчера забавлялся в постели.

В семь часов зазвонил телефон. В этот момент они говорили о причале и о том, каких богатых клиентов он привлечет. Разговоры о бизнесе всегда ободряли Тодда, и на этот раз его настроение поднялось. Ему даже пришла в голову идея устроить регату. Именно об этом он думал в тот момент, когда поднимал трубку. Он вполуха слушал Герберта, который объяснял, что самолет Хэнка задержался, но что теперь он должен быть с минуты на минуту. Он больше думал о теперешнем разговоре с Шарли. Улыбаясь, он положил трубку.

— Я понял твою идею, — сказал Тодд. — Нам нужна не просто регата. Может быть, устроим регату вокруг всех Балеарских островов? И сделаем ее ежегодной. Назовем ее «Золотой кубок Паломы Бланки» или что-нибудь в этом роде.

Глаза Шарли загорелись от возбуждения.

— Тогда это имя сразу станет известным. Оно станет популярным как раз среди тех людей, которые нам нужны. Я имею в виду очень богатых людей, которые не считают денег.

Стоило этой идее возникнуть, как они ухватились за нее двумя руками, и об отказе от нее уже и речи быть не могло. Один из них предлагал что-нибудь, а другой подхватывал. Если Тодд одобрял какую-нибудь идею Шарли, она развивала ее дальше.

Общение умов было столь же плодотворным, как вчерашнее общение тел. И почти столь же восхитительным. Вскоре они уже говорили о том, как разошлют по всем европейским яхт-клубам письма с подробностями о регате.

— И не только европейским,— возбужденно сказала Шарли.— Я могу выяснить поподробнее об американских яхт-клубах через яхт-клуб «Рейал Джерси». Кроме того, я знаю кое-кого на Лонг-Айленде...

У нее была целая куча деловых контактов. Она общалась с богатыми людьми всего мира каждый день.

— Ах да,— сказала она в ответ на один из его вопросов.— Я могла бы одолжить тебе шесть миллионов самостоятельно, не обращаясь ни к кому.

— Жаль, что я тебя не встретил пару лет назад.

Она рассмеялась.

— Это было бы бесполезно. Такие проекты, как «Паломы Бланка»,— не наша стихия. У нас сроки короткие. Максимум сто двадцать дней и полная безопасность.

Но их разговор почти не отклонялся от темы «Паломы Бланки», и идея регаты постепенно все более и более овладевала Тоддом. Чем больше он о ней думал, тем более стоящей представлялась она ему. Время поджимало уже со страшной силой. А у Хэнка была та же проблема — ему нужно было заправлять «Вороньим гнездом», а каждую свободную минутку уделять тому, чтобы проверять работу строителей. Если бы они взяли бы все управление «Паломой Бланкой» на себя, то время поджимало бы еще сильнее. Тогда бы им понадобилась помощь. А Шарли подошла бы как нельзя лучше. Во-первых, она привлекательная, во-вторых, сильная натура. Идеи у нее потрясающие. Любое ее предложение было как нельзя к месту. И кроме того, у нее масса контактов с богатыми людьми...

Переменив тему, они заговорили о казино.

— Между прочим, я тебя больше не буду сюда пускать,— пошутил он.— После того, как ты обчисти-ла «Блетчфордз»...

— Это первый раз, когда я выиграла в рулетку. Обычно я всегда проигрываю.

Она посмотрела на него, встряхнув головой, и ее возбуждение сменилось задумчивостью.

— Я тут кое-о чем подумал. — Миссис Говард, позвони мне к себе, — если, конечно, не будет в дороге. Иначе. Как ты смотришь на то, чтобы я стал директором по культурной части?

— Дадим тебе испытательный срок — пошутил он и импульсивно погнулся к ней и поцеловал.

— Отлично, — пробормотала она, вырываясь из его объятий. — Только если мы будем работать вместе, то никаких романов. Ни к чему хорошему это не приводит. Хорошо?

Хотя последнее заявление Шарли и задевало его самолюбие, в целом ее предложение ему нравилось. Он знал, что она права. Он взял ее руки в свои и уже собирался сказать ей это, как вдруг услышал шум за дверью. Он обернулся. На пороге стоял Хэнк.

— Хэнк! Привет! Заходи, заходи!

Он был настолько возбужден, что не заметил мрачного выражения на лице Хэнка. Он горел желанием рассказать Хэнку о «Золотом кубке Паломы Бланки» и подумать о том, как бы им привлечь Шарли. Он был непобедимым оптимистом, всегда смело идущим вперед, — такова была его натура. Этот день принес много неудач — ликвидация «Сантурз», разговоры Лео о возможной угрозе его жизни, сцена с внезапным отъездом Катрины — а посмотрите, чем все закончилось? Лео вдруг выплыл с тремястами тысяч. А после трех часов обмена идеями с Шарли они выработали проект, как сделать имя «Паломы Бланки» популярным. Кроме того, проект касался яхт, которые были самой большой страстью Хэнка. Так что Тодд поспешил ввести Хэнка в курс дела.

Но Хэнк отнесся к этой идее довольно прохладно. И от Шарли он почему-то не пришел в восторг. Тодд видел Хэнка с неисчислимым количеством женщин и знал, что перед его шармом женщинам трудно было устоять. Но Хэнк не спешил очаровывать Шарли. Вместо этого он был сдержанно-вежлив. «Ну что же, мы говорим о важных делах, и стиль должен быть соответствующий», — с одобрением подумал Тодд.

— Мы должны сводить Шарли в ресторан и продолжить обсуждение там, — предложил он.

Даже Шарли поняла, что ему не следовало бы этого говорить. Идея с рестораном ей очень нравилась, но ее смущало выражение удивления на лице Хэнка.

— М-м-м,— пробормотала она, покачивая головой.— Ты же, кажется, сказал, что идешь домой? Разве твоя жена не ждет тебя?

— Жены нет. Она уехала в оздоровительный центр.

— Как, Катрина уехала? — с удивлением переспросил Хэнк. Он посмотрел на Тодда, затем перевел взгляд на Шарли и снова на Тодда.

— Да, видишь ли... — Тодд пожал плечами с напускным безразличием.— Она поехала на неделю или на десять дней, в зависимости от того, понравится ли ей. Поэтому, хочешь не хочешь, придется идти в ресторан.

Итак, было решено. Обещав Шарли, что Герберт завтра утром первым делом доставит автомобиль к дому Шарли, Тодд проводил их вниз, запер дверь офиса и повел через дорогу в итальянский ресторан на углу.

За ужином Хэнк немного оттаял. И, конечно же, поскольку он сам был моряком, идея «Золотого кубка Паломы Бланки» ему понравилась.

— Популярность «Паломы Бланки» будет потрясающей,— с улыбкой согласился он.— Как я сам до этого не додумался?

Тодд встал на его защиту.

— Ничего, старина,— сказал он.— Не будь несправедлив к себе. У тебя и так было много дел, ты следил за работой строителей и заправлял «Вороньим гнездом». Фактически ты работал двадцать четыре часа в сутки. Кроме того, до сих пор нам не нужны были новые идеи. У нас был «Сантурз».

— В общем-то да,— согласился Хэнк.— К тому же, между нами, я невысокого мнения о «Сантурз».

— Шарли того же мнения,— сказал Тодд, посмотрев на нее.— Не так ли, Шарли?

Взглянув на нее, Тодд понял, как много между Хэнком и Шарли общего. Хэнк был моряк. Жизнь Шарли тоже была так или иначе связана с морем. Она и Хэнк знали гораздо больше о богатых людях, чем он. Пока он продавал свои машины, Хэнк был шкипером на яхте у миллиардера. А у Шарли были контакты чуть ли не со всеми богатыми людьми. Вместе они бы составили отличную команду.

Но лучше всех чувствовала себя Шарли. Восхищенная фотографиями «Паломы Бланки», она представ-

ляла себе, как начнет новую жизнь — яркую и захватывающую, — вместо этой рутины с ворочанием деньгами на Джерси. Она уже представляла себе, как дело Тодди и Хэнка позднее перейдет в ее руки. Мир не стоял на месте, а она была представительницей нового поколения — с хорошей подготовкой, большими амбициями, а то, что она постоянно имела дело с вкладами богатых людей, научило ее тому, что она хорошо знала их образ мышления. Она знала одно: имущие не хотели жить бок о бок с неимущими, особенно во время отпуска.

— Чем дороже, тем лучше, — сказала Шарли. — Если мы действительно хотим лидировать на рынке, мы должны заламывать как можно более высокие цены. Чем больше мы будем брать, тем исключительнее будет «Паломы Бланка». Чем больше мы будем запрашивать, тем больше будет наш доход.

Для ушей Тодда эти слова прозвучали как музыка. К концу вечера он чувствовал себя гораздо лучше. Он вспомнил, как Лео сказал: *«Это неприятность, но не катастрофа»*. Теперь, когда он сидел в ресторане с Шарли и Хэнком, даже слово *«неприятность»* казалось ему слишком сильным. *«Благословение Божие»*, — сказал Лео, и это действительно казалось ему благословением Божиим. Так что к тому моменту, как он оплатил счет и вышел из ресторана, прежнее хорошее настроение вернулось к нему. Он и не подозревал, что сюрпризы этого дня еще не закончены.

Вулкан взорвался через несколько минут после того, как они пришли домой. С того момента, как они проводили Шарли до ее квартиры на Бейкер-стрит и вышли из ее дома, Хэнк погрузился в гробовое молчание. Он молчал всю дорогу до Хэмпстеда, всем своим видом давая понять, что он недоволен.

— В чем дело, черт побери? Что происходит?

Его настойчивый вопрос застал Тодда в неподходящий момент. Возвращение в пустой дом подействовало на него еще хуже, чем он того ожидал. До этого ему легко было не вспоминать о Катрине на всем протяжении этого дня, когда он сначала вел бесконечные телефонные разговоры, а потом обсуждал яхты и регаты, но возвращение в пустой дом напомнило ему, как

на самом деле обстояли дела. Он собрал весь дом, зажигая повсюду свет. Он выпустил Мака на прогулку, покормил его, поиграл с ним, пытаясь сделать вид, что все в порядке. Но никакого порядка не было. Без Катрины дом был уже не тот.

«Здесь ее место, — подумал он. — А она занимается там какой-то ерундой с Софи! Она должна быть здесь. Она всегда здесь!»

— Так что же? — повторил Хэнк. — Что происходит?

Доставая чашки из серванта, Тодд взглянул на Хэнка.

— Ты о чем?

— Сам знаешь, о чем. Что у тебя с этой Шарли?

— Мне показалось, она тебе понравилась.

— Я не для того летел сюда сломя голову, чтобы смотреть, как ты с ней любезничаешь! Мы почти что вылетели в трубу, а ты вдруг строишь из себя Казанову! Что с тобой происходит? И что означает вся эта ерунда, что Катрина вдруг уехала в оздоровительный центр? С каких это пор вы начали жить по-врозь?

Тодд покраснел.

— Не твое дело.

— Нет, мое! Мы, кажется, партнеры, ты не забыл? Если бы мне понадобился кто-нибудь с мозгами в заднице, я бы обратился к какому-нибудь старому пердуну из гавани. По крайней мере у них водятся деньжонки.

— Иди ты знаешь куда...

— Ну погоди же! — злобно ответил Хэнк.

Тодд сжал кулаки, но затем перевел дыхание, чтобы успокоиться.

— Я и сам отлично знаю, что мы вылетаем в трубу. Я даже еще кое-что тебе скажу, то, что я выяснил сегодня. Замены «Сантурз» мы не найдем. Ни одна туристическая компания не хочет теперь рисковать. Единственное наше спасение — это заниматься всем этим самым. А для этого нам нужен кто-нибудь вроде Шарли. У нее восхитительные идеи. У нее контакты чуть ли не со всеми на свете...

— Разумеется. Она восхитительна. Тебя это устраивает? Я впервые вижу такую соблазнительную шутку. И к тому же очень умна, соображает будь здоров.

Я думаю, она там притомится... но я думаю, что он должен с ней крепить турки-турки.

Тодд сглотнул обиду, но ничего не сказал. Шарли уже без обиняков сказала ему, какие у нее виды на дальнейшие отношения, но он не испытывал желания обсуждать это с Хэнком. Он выругался про себя, наливая кофе.

— Тебе с сахаром?

Хэнк помотал головой.

— Возьми свою чашку, пойдем, выпьем.

Он шел впереди, зажигая все настольные лампы в гостиной, как будто, наполняя комнату светом, он хотел сказать, что ничего не скрывает от Хэнка.

— Итак,— настойчиво переспросил Хэнк.

Тодд налил себе скотча, а Хэнку бренди и поставил свой бокал перед собой на стол.

Хэнк выжидающе смотрел на него.

— Итак, давно это происходит?

— Ничего не происходит.

— Ну да, как же. Ты здесь развлекаешься с девочками, а Катрина где-то прячется. Это нормально? С каких это пор? Вы с Катриной — пример для подражания, идеальная пара. Сколько я вас помню, вы всегда вместе. Вы любите друг друга, черт побери! Не такие вы люди, чтобы ходить налево! Ты самый верный муж в мире, и это не отнять. Ты не можешь изменить свой образ жизни, иначе ты будешь себя чувствовать, как рыба, вынутая из воды.

— Прошлой ночью я себя так не чувствовал.

— Ты себя так чувствовал, когда вернулся сюда. Я видел, какое у тебя было лицо.

Тодду не хотелось признавать правду, которая состояла в том, что он чувствовал себя подавленным и опустошенным. Раньше Катрина никогда не уезжала. По вечерам она всегда была дома. Ему хотелось ответить Хэнку что-нибудь резкое, но, подумав, он прикусил язык. Его семейные дела были его личным делом. Раньше все его разговоры с Хэнком касались «Паломы Бланки», портовых сплетен, рассказов Хэнка о далеких краях, курсах валют, автомобилей и того, кто что купил и где он раздобыл на это денежки.

— Меньше всего я ожидал встретить кого-нибудь типа Шарли,— сказал Хэнк.

— Но ты весь вечер соглашался со всем, что она ни скажет.

— Да, что греха таить, она мне понравилась! Я, кажется, так и сказал. Мне даже нравится, что она будет вовлечена в наше дело. Ты прав, у нее много хороших контактов и замечательные идеи. Но сейчас, как ты сам отлично знаешь, мы по уши увязли в дерьме. Сейчас нам должно быть не до романов. Я даже не ожидал... я ожидал, что мы... — Он покачал головой, — что мы поужинаем с Катриной и потом обсудим наши проблемы.

Для Тодда это было последней каплей, переполнившей чашу.

— С Катриной? — Он недоверчиво шмыгнул носом. Он уже не мог сдерживать свое недовольство. — Ты шутишь?

— Почему?

— Она не станет даже разговаривать о «Паломе Бланке». Это запретная тема. Табу! «Паломы Бланки» не существует. Так же, как и Лео. Он одалживает нам триста тысяч, а она даже не хочет говорить с ним! Со своим родным отцом!

Хэнк с удивленным видом откинулся в кресле.

Тодд вскочил и снова вернулся с бутылкой виски. Виски и чувство вины развязали ему язык.

— Она ведет себя совершенно иррационально! Это невозможно! Не знаю, что на нее в последнее время нашло.

Чувство обиды захлестнуло его. Катрине были совершенно безразличны его проблемы! Он нервно забегал по комнате.

— Бросить меня в такой момент! — воскликнул он, совершенно уже не в силах сдерживаться. — А все эта Софи! И Глория. Помешались на своих этих феминистских идеях. Все это х...ня. Х...ня! — повторил он, и в этот момент зазвонил телефон. Он остановился и прислушался.

— Должно быть, это она, — зло сказал он и подошел к телефону. — Нашла время! Для меня тут, можно сказать, решается вопрос жизни и смерти, а она там прожигает денежки! Ты не поверишь, если я тебе скажу, чем они занимаются на этом чертовом жирокмбинате! — Он схватил трубку. — Да! — прокричал Тодд.

Мистер Тодд!
Да! Говорит Альдо Морони.
Да! Что вы хотите?
Я всего лишь хочу
Морони позвонит явно
на часы. Тодд узнает, что
Катрина даже не со
была. Конечно ли она дога
сдать себе отчет в том, ч
— Мы все слышали эти ч
ион. — Я тут из кожи вон
рыать. А тут еще ты со сво
тщательно! Знаешь что? Ты пол
дать процентов, но точно
Пчел!
Вопарившаяся тишина
ладил. Жар злости сменил
ся, за минуту до того крас
пересохло. Ему пришлось от
— Мистер Морони! — пр
Тишина.
— Мистер Морони?
В трубке раздались гудки
— Вы слушаете? — Тод
Мистер Морони!
Он посмотрел на Хэнка.
Трясущимися руками он пол
— Морони? — задумчиво
я, я уже где-то слышал это
Парижа?
Тодд прошел к своему кр
Охваченный ужасом, он н
пок, монументальный по с
— Ну ты ему и от
Хэнк.
Тодду стало нехорошо.
— Господи! — про
брал!
«Небольшая контора с
сказал тогда Хэнку. Всем
самое, не распространя
ствовал, что человек, ко

— Мистер Тодд?

— Да!

— Говорит Альдо Морони

— Да! Что вы хотите?

— Я всего лишь хочу сказать, что я слышал новости.

Морони позвонил явно не вовремя. Бросив взгляд на часы, Тодд увидел, что уже полночь. Полночь, черт побери! Катрина даже не сочла нужным сообщить ему, благополучно ли она доехала. От злости он перестал отдавать себе отчет в том, что делает.

— Мы все слышали эти чертовы новости! — закричал он. — Я тут из кожи вон лезу, чтобы что-то предпринять. А тут еще ты со своими звонками! И без тебя тошно! Знаешь что? Ты получишь свои вонючие двадцать процентов, но точно в срок, и не днем раньше! Понял?

Воцарившаяся тишина дала ему понять, что он наделал. Жар злости сменился ледяным ужасом. Лицо его, за минуту до того красное, побледнело. Во рту пересохло. Ему пришлось откашляться.

— Мистер Морони! — прохрипел он.

Тишина.

— Мистер Морони?

В трубке раздались гудки.

— Вы слушаете? — Тодд постучал по трубке. — Мистер Морони!

Он посмотрел на Хэнка. Глаза его округлились. Трясущимися руками он положил трубку.

— Морони? — задумчиво произнес Хэнк. — Кажется, я уже где-то слышал это имя. Это тот парень из Парижа?

Тодд прошел к своему креслу на негнувшихся ногах. Охваченный ужасом, он понял, что совершил поступок, монументальный по своей глупости.

— Ну ты ему и ответил, старик! — рассмеялся Хэнк.

Тодду стало нехорошо.

— Господи! — простонал он. — Черт бы меня побрал!

«Небольшая контора в Париже». Вот и все, что он сказал тогда Хэнку. Всем остальным он говорил то же самое, не распространяясь о деталях. Он всегда чувствовал, что человек, который что-нибудь из себя

представляет, смог бы занять деньги в солидном банке. Ему было стыдно того, что ему пришлось иметь дело с таким человеком, как Морони. Кроме того, до сего момента он не сталкивался с необходимостью что-то объяснять. Все было шито-крыто, благодаря «Сантурз».

Он отпил из своего бокала и трясущимися руками поставил его на стол.

— Хэнк,— произнес он.— Пожалуй, лучше я тебе расскажу, что за тип этот Морони.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Если считать, что был какой-то момент, решивший судьбу Тодда, то этот момент совпал с несвоевременным звонком Морони. Морони был рассержен, очень рассержен. Гнева своего он не проявлял — волноваться было не в его стиле. Служба в легионе научила его тому, что не следует принимать поспешных решений, не взвесив все «за» и «против», а жизнь финансиста научила его тому, что от беспокойного человека нельзя было ожидать ничего хорошего, когда дело касалось денег, тем более денег, принадлежавших Альдо Морони. Поэтому после разговора с Тоддом он был не столько зол, сколько озабочен, и поэтому на следующее утро он со своими заботами приехал в Париж, где находилась квартира, оборудованная Лапьером под офис.

Лапьер слушал его, перебирая карандаши на столе. Он знал, что Морони был удивительно хладнокровен, что нетипично для корсиканца. Он также знал, что о мыслях Морони нужно было судить не столько по тому, что он говорил, сколько по его тону. Нюансы его интонации были очень важны, тем более что в темных глазах Морони и на его неподвижном каменном лице ничего нельзя было прочесть. Единственные ключи к разгадке таились в его хриплом голосе, но даже Лапьеру пришлось напрягаться, чтобы понять всю степень того, как оскорблен был Морони.

Когда Морони закончил, Лапьер отложил карандаши, откашлялся и попытался сосредоточиться. Он был заинтересован в том, чтобы представить дело в как можно более выгодном свете. В конце концов, это он

порекомендовал Морони вступить в стелку. Если стелка оказывалась плохой, то это погрязало его престиж.

— Не забывайте, что он англичанин, — начал Лапьер. — Он не привык к нашим манерам. Англичане слишком прямолинейны, чтобы требовать от них уважения. Или слишком глупы. — Лапьер поднял голову и посмотрел на Морони, рассматривающего его пристальным, немигающим взглядом. Поняв, что его слова не возымели должного эффекта, он продолжал: — В конце концов, кто он такой, этот Тодд? Всего лишь какой-то механик, зарвавшийся продавец машин. Он не умеет себя вести, это так, но я не думаю, что он хотел вас оскорбить. Он не посмел бы.

Морони кивнул, как будто только такое объяснение было действительно разумным.

— Главное, — продолжал Лапьер, — он же сказал, что выплатит долг вовремя.

Морони на это надеялся. Этот год был трудным. Спад в экономике заставил поволноваться многих банкиров во всем мире, в том числе и Морони. Теперь уже не так просто стало возвращать обратно долги, розданные в более счастливые времена. Когда он заключал сделку с Тоддом, экономика Европы процветала. И «Сантурз» была далеко не на последнем месте. Теперь «Сантурз» уже нет. И к тому же Тодд нагрубил ему по телефону, тем самым проявив неуважение.

— До сих пор по крайней мере платил исправно, — попытался подбодрить его Лапьер.

Морони пропустил сказанное мимо ушей, пожав плечами. Это не имело никакого значения. То, что ему должны платить исправно, было само собой разумеющимся. Иначе он не стал бы заключать никаких сделок. Кроме того, вчерашний день был уже историей. Его беспокоило будущее, особенно если учесть, что у Тодда в этом будущем уже не будет «Сантурз».

Откинувшись в кресле, он напряженно сдвинул брови. Как и финансисты во всем мире, давая займы, он уже сразу мысленно прибавлял к изначальной сумме проценты, тем самым как бы сразу гарантируя себе прибыль. В конце концов, зачем вообще заниматься бизнесом, если прибыль не гарантирована? Заняв двенадцать миллионов, Тодд должен был вернуть почти семнадцать. На сей день он вернул два миллиона четыреста тысяч. Оставалось около четыр-

надцати миллионов фунтов стерлингов, разумеется. Сумма огромная.

— Не забывайте о Синклере,— добавил Лапьер.— Это он рекомендовал нам Тодда, а уж он, наверно, плохого не посоветует. То, что в это дело вовлечен Синклер,— для нас дополнительная гарантия безопасности.

Безопасность — главное в банковском деле, и, как ни старался Морони внушить себе, что сделка с Тоддом несущественна, ее безопасность не могла его не волновать. Сжав зубы, он снова пристально уставился на Лапьера, ожидая, что он скажет дальше.

— Я понимаю ваше беспокойство,— сказал Лапьер.— Потеря «Сантурз» может вызвать серьезные проблемы. Но с другой стороны, из этого Тодда, как мне кажется, при желании мы всегда сможем выколлотить деньжонки. Синклер — пройдоха будь здоров и наверняка не беден. Так что между ними...— Он остановился, чтобы проверить, какое впечатление произведут его слова, но в глубине души понимал, что зря тратит время. Он отлично знал: Морони не убедишь никакими уверениями о надежности того или иного человека. Морони будет спокоен только тогда, когда будет уверен, что в безопасности его деньги.— Я хочу спросить,— продолжал он,— что я должен делать? Я имею в виду, если Тодд не сможет рассчитаться к декабрю?

Морони молчал.

— Может быть,— продолжал Лапьер,— мы пошлем эксперта, чтобы он оценил стоимость «Паломы Бланки»? Я могу это уладить довольно быстро. Так что, если Тодд не сможет...— Он изобразил некое подобие улыбки.— Мы будем знать, сколько стоит эта местность, в случае если вы заставите его продавать «Палому Бланку». Я уверен, что тогда он сразу захочет выполнять свои обязательства.

Морони понемногу успокоился. Неуважительное отношение Тодда его несколько не волновало. На протяжении всей его жизни люди всегда раскошеливались, если их «хорошенько попросишь».

— Я пошлю Филиппа Роса,— решил Лапьер.— Я знаю, что это дорого, но он лучший специалист по гостиницам во всей Европе.

Морони пошел
свою дорожку...
Лапьера. О...
подумал еще кое-что...
обсуждать. Есть же...
даже своему а...
одни вопросы, касавшиеся...
получив ответ, котор...
с кресла, давая тем са...
чен. Отклонив предложе...
вышел в приемную, и...
Карбоне болтал с Пал...
пьера, которая, как...
же его любовнице...
Морони из шкафа и...
плечи своего патрона...
— Прощайте!
лангто поклонился П...
боне, спустился по к...
улицы Монмартра.
Морони любил М...
себя в безопасности. В...
которых других район...
улицам, рискуя стать...
для своих врагов, но н...
ничего. Хотя Карбоне...
был скорее расхитител...
угрожавшие Альдо М...
этого района. После с...
что он стал такой же...
мартра, как собор С...
почти с таким же ува...
Чаще всего он бр...
по длинным улочкам...
башни. Правда, имен...
его в дорогостоящие...
улице Фабур Сел-О...
или в «Крейзи Хор...
и припасены для с...
с которой он жил. А...
лучше всего было го...
бержер» и т. д. и т. д.
Но если эти места о...

Морони понимал, что Теллер всегда привлекает самых дорогих экспертов «Коттеджа, не трогая немее-ки», — подумал он про себя. Но он одобрил предложение Лапьера. Оно, кажется, имело смысл. Морони подумал еще кое о чем, но с Лапьером не хотел этого обсуждать. Есть вещи, о которых не следует говорить даже своему адвокату. Вместо этого он задаст Лапьеру один вопрос, касающийся страхования жизни Толда, и, получив ответ, который его удовлетворит, поднимаясь с кресла, давая тем самым понять, что разговор окончен. Отклонив предложение Лапьера вызвать такси, он вышел в приемную, где его человек по имени Жюль Карбоне болтал с Изабеллой Восгес, секретаршей Лапьера, которая, как подозревал Морони, была к тому же его любовницей. Карбоне достал мохеровый плащ Морони из шкафа и почтительно водрузил его на плечи своего патрона.

— Прощайте! — помахал Морони Лапьеру, галантно поклонился Изабелле Восгес и, следуя за Карбоне, спустился по короткой лестнице, ведущей на улицы Монмартра.

Морони любил Монмартр. Здесь он чувствовал себя в безопасности. В Лионе или Марселе, даже в некоторых других районах Парижа, он боялся ходить по улицам, рискуя стать слишком заманчивой мишенью для своих врагов, но на Монмартре ему бояться было нечего. Хотя Карбоне и сопровождал его повсюду, он был скорее рассыльным, чем телохранителем. Люди, угрожавшие Альдо Морони, давно уже исчезли из этого района. После стольких лет про него говорили, что он стал такой же достопримечательностью Монмартра, как собор Сакр Кур, и относились к нему почти с таким же уважением.

Чаще всего он бродил по Елисейским Полям или по длинным улочкам, которые тянулись от Эйфелевой башни. Правда, иногда Николь удавалось вытянуть его в дорогостоящие походы по домам моделей на улице Фабур Сан-Онор. Иногда они ходили в «Лидо» или в «Крейзи Хорв». Но такие походы были редки и припасены для специальных случаев. Если женщина, с которой он жил, хотела провести время в кабаре, то лучше всего было пойти в «Мулен Руж» или в «Фолли-бержер»: и то, и другое было близко от их квартиры. Но если эти места оказывались заполнены туристами

или становились слишком современными — а Морони не очень любил шоу с компьютерными световыми эффектами, которые сейчас шли в «Мулен Руж», — то к их услугам всегда было «Лапэн Ажиль», а что касалось баров и ресторанов, то их на Монмартре великое множество, причем около дюжины наполовину принадлежали ему, а тратить деньги он предпочитал с выгодой для себя.

Вот и сейчас он шел в ресторан, повернув направо с улицы Норвин, проходя мимо баров и магазинов для туристов, находящихся на площади Дю Тетр. Даже в холодные дни октября на площади тусовалась кучка художников, готовых за несколько минут нарисовать портрет любого туриста, который поддастся на их уговоры.

Морони шел, чеканя шаг. Эта привычка выработалась у него во время службы в Легионе. Обычно, пока ноги его маршировали, голова разрабатывала очередное решение, но сейчас нужное решение никак не находилось. Инстинкт подсказывал ему, что дела у Тодда шли из рук вон плохо, а своим инстинктам Морони всегда доверял. Лапьер прав: нужно было оценить все имущество Тодда, не только «Палому Бланку», но и доходы обеих его компаний в Лондоне. Если общая сумма оказалась бы недостаточной для того, чтобы покрыть долг — оставалось бы прибегнуть к страховке.

Но эта мысль не очень-то успокаивала Морони. Он все-таки предпочел бы не идти на крайнюю меру. Ведь только в кино убивать просто. А в жизни убивать сложно, опасно, дорого и отнимает много времени. Иногда в это дело вмешивалась полиция, а к полицейским Морони испытывал пожизненное отвращение. Кроме того, в страховых компаниях сидели на дураки. Прежде чем расставаться с большими суммами денег, они задавали кучу вопросов. У него уже был опыт. Постепенно он выработал серию приемов, которые применял с самого начала: каждый раз он действовал через новую компанию. После того, как все было завершено, он уже не имел дело с этой компанией. В результате, если сделка оказывалась прогоревшей и возникала необходимость привлечения страховки — страховая компания не знала о его предыдущих делах, и никто не знал, ибо, несмотря на то, что Морони

используют множественно
но, тем не менее, ему не
рыле. Две стелки прораба
он в французских фразе
он в американских долл
терн, которые на то по
Разумеется, опыт нау
исходят большие катаст
бывают. Когда самолет
жертв исчисляется сотня
дело с таким количеством
вряд ли кто-нибудь обр
отдельную жертву. Мор
шие катастрофы, и каж
ганизация требовала бол
— «Да, денешки нем
подсчитывая расходы. Т
нил тактику — теперь бо
ев происходило у жертв
Сейчас он шел в рест
то Сартене. Им уже прих
ство способов. Неплатеж
в собственных ваннах, п
ясь неисправными элект
ниц во время починки
разбирая какое-нибудь б
Когда Морони вход
стоял в дверях, прощая
шицами из «Фолиберже
санными назад черными
боксера. Таких мужчин
лица, женщины часто на
рокасемилетний корсик
бывших легионеров, зн
Десять лет назад Мор
ресторана, именно да
Сартене был настолько
мог рассчитывать на с
были услуги Сартене.
Поцеловав руки о
галантностью и отп
к своему добродетелю
кой. Они дружески о

использовал множество страховых компаний во всем мире, все они хранили информацию в строгой тайне. Но, тем не менее, ему не всегда удавалось быть в выигрыше. Две сделки провалились. Одна на двести миллионов французских франков, другая на двадцать миллионов американских долларов. Это были серьезные потери, которые надолго выбили Морони из колеи.

Разумеется, опыт научил его кое-чему. Когда происходят большие катастрофы, о маленьких как-то забывают. Когда самолет взрывается в воздухе — число жертв исчисляется сотнями. Когда приходится иметь дело с таким количеством застрахованных жизней, вряд ли кто-нибудь обратит внимание на какую-то отдельную жертву. Морони пять раз устраивал большие катастрофы, и каждый раз успешно, но их организация требовала больших денег.

— «Да, денежки немалые», — вздыхал он мрачно, подсчитывая расходы. Так что впоследствии он изменил тактику — теперь большинство несчастных случаев происходило у жертв на дому.

Сейчас он шел в ресторан, чтобы встретиться с Вито Сартене. Им уже приходилось придумывать множество способов. Неплатежеспособные должники тонули в собственных ваннах, получали электрошок, пользуясь неисправными электроприборами, падали с лестниц во время починки крыши или ломали себе шею, разбирая какое-нибудь барахло на чердаке.

Когда Морони входил в ресторан, Вито Сартене стоял в дверях, прощаясь с двумя главными танцовщицами из «Фолибержер». Крупный мужчина с зачесанными назад черными волосами, он был похож на боксера. Таких мужчин, несмотря на грубые черты лица, женщины часто находят привлекательными. Сорокасемилетний корсиканец, Сартене был одним из бывших легионеров, знавших Морони еще с тех пор. Десять лет назад Морони дал ему денег на покупку ресторана, именно дал, а не одолжил. После этого Сартене был настолько предан Морони, что тот всегда мог рассчитывать на его услуги. А сейчас ему нужны были услуги Сартене.

Поцеловав руки обеим женщинам с изысканной галантностью и отпустив их, Сартене повернулся к своему добродетелю, приветствуя его широкой улыбкой. Они дружески обнялись. Затем Сартене провел

Морони в глубь ресторана. Он провел его через зал к пустому столику, стоявшему у черной стены. Этот столик постоянно сохранялся для Альдо Морони в знак уважения и был отделен от других шелковым шнуром. Сартене почтительно снял шнур с крючка. Морони пробормотал слова благодарности и сел в углу. Карбоне с минуту колебался, затем, поймав взгляд Морони, подыскал себе столик у двери, и Сартене понял, что его благодетель пришел сюда по неотложному делу. Окинув взглядом ресторан, который к половине третьего обычно пустел, Сартене подозвал официанта.

Чувствуя себя уютно в компании друг друга, оба принялись за еду, вспоминая о семьях, оставленных на Корсике, о днях, проведенных в легионе, о политических событиях во Франции. Ко времени окончания трапезы ресторан совсем опустел. Лишь за дальним столиком обнималась парочка. Карбоне сидел за своим столиком у двери и обсуждал футбол с одним из официантов. Другие официанты сидели тут же, но до их столика разговор Сартене и Морони не долетал.

Сартене понимал, что пора переходить к делу. Он наполнил бокалы.

— Ты выглядишь озабоченным, мой друг. У тебя проблемы? — спросил он.

Морони рассказал ему о сделке с Тоддом и о «Паломе Бланке».

Сартене внимательно слушал, ничего не записывая, полагаясь на свою память, которая его никогда не подводила, когда дело касалось важных вопросов.

Закончив свой рассказ, Морони отпил виски и вытер рот салфеткой.

— Тодд, может быть, и выплатит в срок. Хорошо, если да, но... — Он почесал живот и сделал недовольное лицо. — У меня плохие предчувствия, Вито. Лучше быть готовым, не так ли? Тем более, что сумма большая.

Сартене вызвался поехать в Лондон и провентилировать ситуацию. Морони именно этого от него и ожидал. Сартене уже приходилось ездить по таким поручениям. Вернувшись, он должен был знать не только состояние дел Тодда в Лондоне, но, изучив привычки Тодда, его офис и дом, он должен был решить — на случай если бы это понадобилось, — как и где инсце-

низовать несчастный случай. Сартене предпочитал взрыв газа. В этом было два больших преимущества: проводить экспертизу жертв взрыва очень трудно, и иногда вкладчик получал компенсацию от общественной компании страхования, что увеличивало возможность покрытия долга. Поэтому Сартене, когда ему предоставлялось право выбора, каждый раз выбирал газ. В первый раз они с Морони испробовали этот способ в Амстердаме. Они оглушили жертву ударом по голове, взломали трубу подачи газа, подложили взрывное устройство с часовым механизмом и скрылись. Взрыв разрушил целое здание, и погибло еще восемь человек, но через семь месяцев страховая компания выплатила страховку, и это положило начало.

Они обсуждали такие дела открытым текстом, без обвиняемых. Ни один из них не считал себя убийцей. Если должник не платил долг, то сам был и виноват. Во всяком случае, Морони считал, что он со своей стороны сделал все возможное, чтобы помочь Тодду, а если Тодд оказался дураком, Морони здесь ни при чем. Сам запугал свои финансовые дела, нагрубил ему... если не вернет долг, придется с ним расквитаться... и если это означало убийство, Морони пойдет на такой шаг. В конце концов, должен же он вернуть свои деньги.

Он уже закончил разговор, поблагодарив своего друга за обед, и собрался было уходить, как вдруг вспомнил слова Лапьера о Лео Синклере. Подумав о нем, он пришел к выводу, что участие Синклера в этом деле было особо важным. Был один аспект, который они проглядели. Тодд приходился Синклеру зятем. Узнав, что его дочери угрожает опасность, Синклер все отдал бы, чтобы ее спасти.

Взяв Сартене за руку, Морони вернул его за стол.

Через девять дней после того, как Сартене получил указание ехать в Лондон, Катрина прилетела на Майорку. Она понятия не имела об отношениях Тодда с Морони. Разумеется, он сообщил ей плохие новости о «Сантурз», она знала его проблемы и чувствовала себя виноватой, но он вряд ли мог рассчитывать на ее сочувствие. Она ведь с самого начала умоляла Тодда бросить эту идею.

Когда такси проезжало мимо цветочного базара в Рамбе, у нее возникло искушение попросить шофера остановиться. Обычно она останавливалась здесь по пути из аэропорта. Когда она была с Годдом, они приезжали на витлу с огромными охапками цветов, и целый час она занималась тем, что расставляла их по вазам, в то время как он снимал засовы, раскрывал окна, проверял бассейн и содержимое бара...

Но, огорченная тем, что все это ей придется делать самой, Катрина поехала дальше, мимо прилавков, пестревших цветами.

«Позвони мне, когда приедешь», — сказал он ей по телефону.

С того дня, когда произошла ссора в его офисе, они не видели друг друга, телефон был единственным средством связи. С того дня, как она уехала с Софи в «Бродлэндз». Десять дней назад. Десять дней, которые казались ей двадцатью. Но тогда она и представить себе не могла, что встретит такого человека, как Осси.

Он спускался с лестницы, когда они с Софи подъезжали к двери.

— Привет! — улыбнулся он. — В нашем полку прибыло! Добро пожаловать в летний лагерь! Поднести ваши сумки?

— Да, пожалуйста, — улыбнулась Софи и, когда вылезала из машины, не замедлила выставить хорошенькую ножку. Катрина могла бы остановить ее. Она даже указала на стоявшего у двери портье, но Софи проигнорировала, и Осси опередил портье.

— Мое почтение, — с улыбкой поклонился он. — Рад познакомиться. Я Осси Келлер, а вы похожи на конницу.

— На конницу? — удивленно воскликнула Софи.

— Вы что, не смотрите вестерны? Когда герой уже должен погибнуть, появляется отряд конницы и спасает его.

Софи вскинула брови.

— Разве вы погибаете?

— Ог скуки, — Осси поморщился. — Я потерял вкус к жизни, но я увидел вас и сказал себе: Осси, ты спасен.

Софи была польщена его комплиментами, но обескуражена заявлениями о том, что здесь скучно.

— Не может быть, чтобы здесь было скучно. Здесь всегда столько интересных людей...

— Да, согласеня он, — но таких красивых, как вы, нет.

Через полчаса Софи пришла в комнату Катрины.

— Ты что, всегда так знакомишься с мужчинами? Я не шучу, Софи! — взорвалась Катрина.

— По-моему, он милашка. Он даже чем-то напоминает мне Тодди...

— Тодди! Тодди не бросается на первую попавшуюся женщину!

— На кого-то же он бросился.

Ее воспоминания были прерваны, когда такси поднялось на гору и перед ними открылся чудесный вид на гавань. Вид белых лодок и прозрачной синей воды всегда очаровывал ее. Катрина до сих пор помнила, как увидела гавань в первый раз, когда Сэм и Памела привезли ее сюда из Санта-Понсы. Сэм и Памела нравились ей больше остальных. Если Тодди приезжал сюда с желанием раствориться в обществе завсегдагавань «Вороньего гнезда», то она приезжала, чтобы встретиться с Сэмом и Памелой. Это была идеальная пара. Памела со своей страстью к музыке и любовью к природе напоминала ей ее покойную тетушку, а старик Сэм почти заменял отца. В глубине души Катрина надеялась, что они с Тодди станут такими же лет через двадцать.

Когда Катрина открывала дверь дома, зазвонил телефон. В открытую дверь за ней устремились потоки света. Она побежала в прихожую и взяла трубку.

— Алло! Ты, кажется, собиралась позвонить мне?

— Я только что вошла, — сказала она, переводя дыхание. — Самолет задержался: погода была нелетная, поэтому мы приземлились на час позже.

— На час? Странно! На вилле все в порядке?

— Тодди, я же сказала, я только что вошла. Я все еще в прихожей!

— Понятно.

Она промолчала. Катрина специально делала разговор столь же трудным, как тогда, когда он ей позвонил в Бродлэндз. А почему бы и нет? Он этого заслуживал. Он до сих пор так и не сказал ей ни слова

о своем путешествии в Мидлэндз, если он действительно был там. Скорее всего, он остался в Лондоне.

— Какая там погода? — спросил Тодд с притворной веселостью.

— Отличная! Не очень жарко, но тепло и солнечно.

— Отлично! Каковы твои планы на сегодня?

— С минуты на минуту должна приехать Памела. Мы пообедаем на площади, а потом, наверно, вернемся сюда.

— Отлично! Передай ей привет. Да... Я сегодня говорил с Хэнком. Он заедет к тебе, чтобы убедиться, что ты в порядке.

Она нахмурилась. Ей не понравилось, что Хэнк заедет. Она старалась избегать его. Она обвиняла его во всем, что случилось. Не в добрый час познакомились они с Хэнком. Без Хэнка не было бы «Паломы Бланки», не было бы ни забот, ни хлопот, ни больших расходов и, вполне возможно, не было бы другой женщины. Это все из-за него.

— Я думаю, он пригласит тебя поужинать в «Воронье гнездо», — сказал Тодд.

— Он может приглашать меня куда угодно — я не собираюсь сорить деньгами...

— В конце концов, он мой партнер, Катрина, — не унимался Тодд.

— То есть, ты хочешь сказать, он тебя вовлек во всю эту чертовщину?

Тодд тяжело вздохнул.

Катрина немного успокоилась, но не настолько, чтобы спокойно продолжать разговор.

— Ладно, хорошо, — сказал он подавленным голосом. — Я рад, что ты долетела благополучно. Желаю вам с Памелой хорошо отдохнуть и... я, пожалуй, позвоню тебе завтра. Хорошо?

— Хорошо!

Она вернулась на крыльцо за сумкой и прошла с ней в спальню. Ставни были все еще закрыты, и ей пришлось включить электричество. Катрина открыла гардероб и сняла с вешалки летнее белое платье. Подумав о том, достаточно ли теплая погода для такого платья, она нахмурилась и стала искать в гардеробе что-нибудь другое. Взгляд ее упал на хлопчатобумажный пиджак Тодда, довольно простой, но красивый.

Тодд нравился ей в этом нитяке, тогда, когда он вообще ей нравился.

Все еще думая о том, надевать ли ей белое платье, она разложила его на кровати и снова повернулась к своей сумке. Открыв ее, Катрина вынула компакт-диск Барзини. Она представила себе, как обрадуется Памела такому подарку. Музыка, особенно опера, и особенно Энрико Барзини, были самой большой страстью Памелы. Голос величайшего тенора из всех ныне живущих с утра до вечера разносился по вилле в Санта-Понзе, вызывая непреходящее восхищение Памелы и порой недовольное ворчание Сэма.

— Разумеется, он величайший тенор,— говорил Осси с улыбкой.— Энрико — гений! Стал бы я, потвоему, посвящать свою жизнь какому-то второстепенному певцу!

Сначала она относилась к певцу недоверчиво из-за его постоянно подчеркиваемой гениальности, только когда он перестал улыбаться и начал сетовать на жизнь, за внешним блеском успеха она увидела — Катрина усмехнулась, вспомнив, как он сам определял себя,— *«живого и душевного человека, гораздо более ранимого, чем другие, и постоянно нуждающегося в любви и понимании»*.

Все еще усмехаясь, она разделась и прошла в душ.

Первые несколько дней в «Бродлэндз» были ужасны. *«Какого черта я здесь делаю — я должна быть дома. Что происходит с Тодди, что с нами обоими происходит?»* — эти вопросы не выходили у нее из головы ни днем, ни ночью. Они терзали ее на кортах, когда она играла в теннис, во время массажа, даже во время того, что как бы в насмешку называлось ужином. Ничто не могло отвлечь Катрину от ее мыслей. Волнение усугублялось еще и тем, что руки ее постоянно искали сигарету или большой бокал джина с тоником. В атмосфере всеобщей трезвости она так же чувствовала себя не в своей тарелке, как абсолютно трезвый человек в компании пьяниц.

— Пошли, отлично проведем время,— упрашивала ее Софи, отправляясь играть в теннис со Стивом.

Но Катрин меньше всего хотелось развлекаться. Весь день, к своему собственному удивлению, она ждала звонка от Тодди. Как правило, он звонил ей по вечерам. Как ни странно, несмотря на то, что весь день

ей хотелось услышать его голос, ее раздражало все, что он говорил.

С Осси она сошлась на четвертый день. К тому времени Катрина уже знала, кто он. Это выяснила Софи. Софи всегда выясняла, кто чем занимается.

— Он менеджер Барзини, знаешь, этого певца...

Он проявлял к ним внимание с первого дня, как они приехали, но сначала Катрина думала, что его интересует Софи. Но в воскресенье, в середине дня, она поняла, что ошиблась. Катрина сидела с книгой в большой викторианской оранжерее и пыталась сосредоточиться на чтении, как вдруг на страницу упала тень. Катрина подняла глаза. Над ней, улыбаясь, стоял Осси. Он был не намного выше Тодди и с почти такой же фигурой, даже с таким же круглым лицом, которое сейчас выглядело покрасневшимся после занятий теннисом. На нем был синий спортивный костюм. В одной руке он держал теннисную ракетку, а в другой — кубок.

— Привет! Можно к вам присоединиться? Я был там, — он указал на шезлонги, — когда я увидел, как вы здесь сидите одна, и я подумал: шанс слишком хорош, чтобы его упустить. — Он широко улыбнулся, давая понять, что он настроен дружелюбно, словно большая собака, помахивающая хвостом. — Я хочу поговорить с вами с тех пор, как вы здесь появились.

Он поставил кубок на стол, бросил ракетку и подвинул плетеное кресло.

— Знаете что? — сказал он, садясь, — я вам тогда солгал. Это не летний лагерь. Это Дантов ад и Остров Дьявола, вместе взятые. Хуже того, лагерь — это только для прикрытия. Кого здесь обманывают, хотел бы я знать? Половина отдыхающих приезжает сюда не ради спорта или диеты. Как вы думаете, зачем они сюда приезжают?

Она вежливо улыбнулась. В глубине души ей нравилась его детская откровенность.

— Разве это не глупо? — Он вскинул бровь и пристально посмотрел на нее, как будто ее ответ был для него очень важен.

— Глупо. А вы для чего здесь, мистер Келлер?

Он поморщился.

— Зовите меня Осси. А вас, кажется, зовут Катрина?

Она кивнула.

— Так почему ты здесь? — повторила она, избегая называть его по имени.

Он усмехнулся.

— Считайте, что это наказание за долгие годы безмятежной жизни. Вот, например, мой врач: «Осси,— говорит он мне, — после двух недель ты почувствуешь себя другим человеком». И он оказался прав, черт побери. Признаюсь вам, Катрина, я не могу больше это переносить! Это меня убивает! Еще пара дней, и я готов к лоботомии! — Глаза его округлились. — Может быть, мне ее уже сделали? Когда я спал? Во всяком случае, мозги у меня уже не работают. Нужно быть сумасшедшим, чтобы платить такие деньги за то, что тебя морят голодом! Если бы я поехал в Индию, я бы все это имел бесплатно.

Она улыбнулась.

— Вы не голодны? — участливо спросил он.

— Немного, — призналась Катрина.

— Подождите, вы еще не так проголодаетесь, когда пробудете здесь с неделю. Черт возьми, я готов уплести огромный сочный бифштекс. Знаете, такой, с черной корочкой и с кровью в середине. Представьте себе, я готов съесть все, что хоть немного напоминает еду. И как бы они меня ни упрашивали, не стану я пить эту минеральную воду. Мне подавай нормальную выпивку. — Он озабоченно посмотрел на нее. — Нет, серьезно, как вы здесь еще живы?

— Лучше об этом не думать!

— Я тоже так считаю. Поэтому они и применяют лоботомию.

Улыбнувшись, она призналась:

— Я готова выпить целую бутылку джина и глазом не моргнуть. И еще я бы с удовольствием выкурила сигарету.

— Курите?

— Курю.

Он усмехнулся.

— Вот-вот, то-то и оно. Похоже, все идет к тому, особенно в Штатах. Я раньше выкуривал по две пачки в день, но сейчас, когда я все время кручусь около певцов... — Он провел ладонью по шее, показывая, как ему надоели певцы. — Некоторые из них прямо с ума сходят, стоит им почувствовать хоть самый слабый

дымок в воздухе.— Он пожал плечами.— Хотя их, конечно же, можно понять. Без голоса им будет нечем зарабатывать себе на жизнь. Так что я бросил курить, стал набирать вес и в конце концов оказался здесь. Где же справедливость, спрашиваю я вас? Я до сих пор не пойму, за что, что я такого сделал?

Она рассмеялась — впервые с тех пор, как приехала сюда.

Он снова улыбнулся своей широкой улыбкой.

— Ну вот, другое дело. Это мне нравится.

— Что вам нравится?

— Ваш смех. У вас замечательный смех, вы знаете об этом? Теплый, веселый, и... — он перестал улыбаться, подыскивая слова, — ваш смех как бы обволакивает меня. Как будто погружаешься в ванну. Леди, я тону в вашем смехе.

Не зная, что ответить, она улыбнулась. *«Сколько раз Тодди говорил мне это? Про мой смех? Сотни раз. Но не долго.»*

Собравшись с мыслями, она спросила:

— Почему же вы не уедете отсюда?

Он посмотрел на Катрину так, словно она небрежно причесана или неопрятно одета. Когда Катрина в своей комнате оценивала себя в зеркале, то ее кремовая блузка и шелковые белые слаксы выглядели вполне презентабельно.

В конце концов он произнес:

— Я пытался. Я уже почти было уехал.

— Что же вас остановило? — спросила Катрина, уже зная ответ. Что-то в глазах Осси говорило ей, что сейчас он скажет такие вещи, которые ей давно уже никто не говорил.

— Вы, — сказал он.

Сердце ее замерло. Пытаясь выглядеть удивленной, Катрина изобразила подобие смеха. Она покачала головой.

— Приятно слышать, но...

— Это так. Как только я увидел вас, я сказал себе: *«Осси, с ней ты должен познакомиться. Это надежный человек. Искренний.»* Видите ли, Катрина, дело в том, что я работаю среди мошенников и шарлатанов. Может быть, это из-за нестабильности? Знаете, люди, которые выбились из грязи в князи, боятся, что когда-нибудь они снова все потеряют. По ночам им снятся

кошмары, что они происходят, что все потеряно. Поэтому они становятся паникерами. И еще хуже. Вы не поверите, они даже не встречают искреннего человека.

Не зная, как реагировать на его слова, Катрина лишь молча смотрела на него.

— Взять, к примеру, этот центр, — сказал Осси, обведя вокруг себя рукой. — Вы так же не принадлежите к этим довольным отдыхающим, как и я. Здесь одни позеры. Нам они осточертели. Я не имею в виду вашу подругу Софи.

Она оторвала взгляд от его лица и потянула на шезлонги, как будто ожидая увидеть Софи где-нибудь неподалеку. Но вокруг не было ни Софи, ни кого бы то ни было другого.

— У меня идея, — вдруг сказал он. — Сегодня ночью я удеру отсюда. Перелезу через забор. Не хотите со мной?

— Через забор? — повторила она. В этом было что-то гангстерское.

Он посмотрел через плечо и снизил голос.

— Не массовый побег. Только вы и я.

— Здесь в деревне есть небольшой трактир. Разумеется, это не «Фор Сизонз», но в каталоге «Мичелин» он отмечен двумя звездочками. Я специально смотрел. Через два часа вы будете в баре и сможете курить как дымоход и выпить столько джину, сколько сможет вместить ваш желудок. А после этого у нас будет ужин при свечах. Я буду строить вам глазки. Что вы на это скажете?

Ее горло жаждало сигареты и хорошей выпивки, а при мысли об аппетитной еде у нее текли слюнки.

— Ну как? — настаивал он.

— Идея замечательная, но я не хотела бы, чтобы вы строили мне глазки.

— Тогда я надену на глаза повязку и буду рассказывать вам разные истории.

Она рассмеялась.

— Какие истории?

— Что-нибудь смешное, чтобы заставить вас смеяться! У вас такой замечательный смех!

Тепло пробежало по ее телу.

— Вы, должно быть, певица, если у вас такой смех! У всех великих певцов такой смех. Я помню...

— Нет, я не певица.

— Но вы любите музыку! Я это вижу. Это у вас в душе. Держу пари, вы помешаны на опере!

— Одно время я регулярно ходила в «Ковент Гарден»,— сказала она. Это была правда.

— Ну вот видите,— счастливо улыбнулся он.— Я так и знал. Вот что мы сделаем: весь вечер я развлекаю вас историями о великих певцах, всякими закулисными сплетнями. Хорошо? Мы выпьем какого-нибудь хорошего вина, а после этого вы можете покурить, и до поздней ночи мы будем говорить о смысле жизни.— Он откинулся в плетеном кресле и улыбнулся ей.— Что скажете, Катрина?

— Это очень мило с вашей стороны, но...— нерешительно произнесла она.

— Нет, это будет мило с вашей стороны. Я буду польщен. Серьезно. Я буду благодарен. Подумайте, даже сам Барзини будет благодарен: вы спасете мне жизнь, а я ему нужен.

— Ерунда,— ответила Катрина.

— Вы доставите мне огромное удовольствие,— настаивал он.

— Но...— она была настолько польщена, что не могла подобрать слова,— что я скажу Софи?

— А зачем нужно ей что-то говорить? Что она, приставлена следить за вами? Скажите ей, что вы решили рано лечь спать, или что вы моете голову, или что вы переели рыбы. Скажите ей, в конце концов, чтобы не лезла не в свое дело.

— А как же все ваши приятели, с которыми вы играете в бридж? — спросила она и прикусила язык, надеясь, что он не расслышал это ее высказывание о том, что она заметила, что каждый вечер он пропадает в комнате для игры в карты.

Он усмехнулся:

— А я их не приглашаю, будем только я и вы.

Катрина в нерешительности опустила глаза и стала рассматривать свои руки, ей вдруг стало неловко.

— Мы вернемся, когда все будут спать,— сказал он шепотом,— так что никто ничего не узнает.

Она подавила смешок. Идея провести ночь вне этого заведения с нормальным ужином и нормальной выпивкой очень привлекала ее. Улыбаясь, она подняла

глаза, и их взгляды встретились. Она смотрела на нее с нескрываемым восхищением.

— Прежде чем вы снимете обручальное кольцо, сказал он, — должен вам кое-что сказать.

Она удивленно посмотрела на него. Лицо Осси было серьезным.

— На случай, если у вас создается неправильное впечатление, я хочу предупредить: подавать вам слишком больших надежд я не намерен!

— Что вы имеете в виду?

— Видите ли... — он пытался скрыть свое восхищение, — мне очень не хотелось бы вас разочаровывать, но у меня есть одно правило: как бы мне ни нравилась женщина, с первой встречи я с ней в постель не ложусь.

— И что, это все, что произошло? — Памела с нескрываемым недоверием вскинула брови. — Вы просто сходили в Гетвик?

Катрина поставила свой стакан на стол и потянулась за сумочкой. Она огляделась вокруг. Они сидели в кафе под открытым небом. Взгляд ее просветлел, когда она увидела Сэлли и Бобби Томаса, садившихся за столик неподалеку. Они были погружены в разговор и не заметили ее, в отличие от многих других, которые постоянно отрывали ее от обеда своими приветствиями. К осени на острове становилось меньше туристов, и сейчас почти за всеми столиками в кафе сидели ее друзья и знакомые. За три последних года гавань стала для нее более родным домом, чем Хэмпстед.

— Слава Богу, что я опять здесь, — с удовлетворением сказала она и вытащила из сумочки сигареты. — Здесь все еще курят на открытом воздухе.

— Да, я думаю, что тебя это немного расстроило? Какая неожиданная развязка! И сколько раз вы с ним так лазили через забор?

— Три, если считать прошлую ночь.

— Три. Что вам, больше нечем было заняться? Во сколько тебе пришлось встать сегодня утром?

Их разговор был прерван подошедшим официантом. Он молча сложил кости от сардин на одну тарелку, взял тарелки из-под салата и многозначительно посмотрел на почти пустую бутылку вина. Поймав его взгляд, Памела покачала головой.

— Я думаю, лучше кофе с бренди. Как ты думаешь, Катрина?

— Да, пожалуйста.

— Да, синьора!

Поблагодарив его улыбкой, Памела опять повернулась к Катрине.

— Значит, когда ты выехала из «Бродлэндз»?

— Рано, еще не было семи. Мне нужно было успеть в Гетвик к восьми.

— Значит, этому бедняге пришлось подняться на рассвете?

— Он мог бы меня и не провожать! Я могла бы взять такси. К тому же сам он собирался улететь позднее. — Она посмотрела на часы. — Сейчас он должен быть уже в Риме. Он пробудет там месяц.

— Так что, ты его больше не увидишь? — спросила Памела.

— Думаю, что нет.

— Ты об этом жалеешь?

— Не то чтобы жалею, но... Да, с ним действительно было здорово! С ним было очень весело. Ты не можешь представить, какую жизнь он ведет! Фантастика! Рим, Венеция, Нью-Йорк, Париж... — Она остановилась на полуслове. — В чем дело, почему ты смеешься?

— Я просто подумала, какой шанс ты потеряла! Пройшей ночью вам бы не следовало возвращаться в «Бродлэндз». Вы могли бы найти какую-нибудь уютную сельскую гостиницу в окрестностях Гетвика и провести бурную ночь любви. На твоём месте я бы так и сделала!

Катрина закашлялась, облив вином себе подбородок. Она вытерла рот бумажной салфеткой. Глаза ее удивленно округлились.

— В самом деле? — прошептала она.

— Если бы я была в твоём возрасте, то да! Непременно. Я была бы польщена! Ты же, наверно, представляла себе, каков он в постели? — Выражение лица Памелы было таким же осуждающим, как и ее голос. — Честное слово, Катрина, ты не умеешь наслаждаться жизнью.

— А как же Сэм? — удивилась Катрина.

— О! Сэм только остался бы в выигрыше! На следующую ночь я бы его так ублажила, что он бы

подумал, что наступил его день рождения и Рождество одновременно!

Катрина не сдержалась и расхохоталась. Но все равно она продолжала нетверчиво кивать головой.

— Ни за что не поверю! — удивленно сказала она. — Это на тебя не похоже. Кто угодно, но только не ты.

— Почему бы и нет? — В глазах Памелы мелькнул лукавый огонек.

— Да потому что... Я хочу сказать, ты с Сэмом. Она запнулась. — Ты всегда напоминала мне мою тетю. Ты так похожа на нее, что я всегда думала, что ты такая же, как она. Она меня, можно сказать, воспитала. Я тебе о ней рассказывала, помнишь? Она была самым порядочным человеком на земле, а ты похожа на нее, как две капли воды. С твоей страстью к музыке и к природе.

— Если кроме этих у нее не было никаких других страстей, то я на нее совершенно не похожа, — перебила ее Памела. — Я понимаю, что ты хотела сделать мне комплимент. Я знаю, как высоко ты ценила свою тетю, но иногда я думаю... что она была очень чопорной старой леди.

Катрина слегка покраснела. Чтобы ослабить эффект от своих слов, Памела потянулась к ней через стол.

— Я только делала выводы из твоих слов, — сказала она, слегка потрепав Катрину по плечу. — Я знаю, что у тебя очень сильно развито чувство ответственности, и это похвально. Я понимаю, ты так воспитана, это чувство вырабатывалось в тебе годами. Когда ты была ребенком, ты присматривала за своей матерью. Ты присматривала за домом своей тети, когда она оставила его тебе, платила по счетам. Ты присматривала за своими подружками Софи и Глорией, когда они жили с тобой, потом присматривала за Тодди и его бизнесом.

— И из-за этого я стала чопорной! — сердито перебила ее Катрина. — И все эти разглагольствования о моем характере только из-за того, что я не легла в постель с Осси?

— Это не причинило бы никому вреда! Почему бы иногда не побыть легкомысленной? Почему хоть раз не насладиться жизнью? — Памела рас-

смеялась, и пучок ее белых волос затрясся. — Тебе ведь ничего не пришлось бы делать, только лечь и наслаждаться! По крайней мере хоть раз сыграла бы роль неверной жены!

Если бы Памела вдруг прямо здесь разделась, Катрина и то удивилась бы меньше. Но, в одежде или без одежды, она теперь видела Памелу в новом свете — ее тетя никогда не сделала бы такого.

— Боже праведный! — прошептала она и могла бы повторить это, так как на дальнем конце площади она увидела Сэма. И с ним был Хэнк.

— Смотри, — простонала она, — Хэнк объявился.

Памела повернулась в кресле и поднесла ладонь ко лбу, защищая глаза от солнца.

— Черт возьми, — весело сказала Памела. — Я его сто лет не видела! Я его обожаю! Бедняга, он сейчас переживает такие трудности... — Она замолчала, когда подошел официант с кофе и бренди.

— Две кружки пива, пожалуйста. Спасибо, — кивнула она официанту и уловила мрачный взгляд Катрины, направленный в сторону Хэнка. — В чем дело, Катрина? Что означает этот мрачный взгляд? Хэнк к тебе пристает?

— Что? С чего ты взяла?

— Почему бы и нет? Хэнк нравится женщинам. А если тебе он не нравится, то это либо потому, что он делал тебе предложение, которое ты отвергла, как этого беднягу Осси, либо тебе не нравится, что он тебе ничего не предлагает!

— Что за чушь!

— Тогда почему ты так настроена против него? Здесь все эти провинциальные предрассудки не берутся в расчет, тем более в наше время.

— Значит, мало того, что я чопорная, я еще и провинциальная! — Янтарные глаза Катрины сверкнули недовольством. — К тому же вряд ли он посмеет ко мне приставать, он ведь партнер Тодди.

— Так чем же ты недовольна?

Катрина снова почувствовала, как краска приливает к ее лицу.

— Лучше бы я его никогда не встречала, — с горечью призналась Катрина. — Все было так хорошо, пока Тодди не встретил его. Это Хэнк вбил ему в голову всю эту ерунду насчет «Паломы Бланки», будь она

проклята! С тех пор все пошло наперекосяк. Я так и знала, у меня было предчувствие. Я умолила Тодди, чтобы он в это не влезал! Обычно он всегда слушал меня, но не на этот раз. Черт бы все и пообратил! — Все его голосе звучало раздражение. — Захочет стать бизнесменом международного класса, а сейчас одному Бату известно, что с нами будет дальше! — Она попыталась сдержать свой гнев, прикусив губу, но это ей не удалось. — Почему он не хочет оставаться продавцом машин, как Сэм? Сэм на его месте был бы умнее. Сэм не дал бы втянуть себя в то, о чем он ничего не знает!

— Ошибаешься, дорогая, — спокойно сказала Памела. — Сэм, как узнал, так весь позеленел от зависти. Он сказал, что это совершенно гениальная идея!

Катрина удивленно уставилась на нее. Повернувшись в кресле, Памела посмотрела на дальний конец площади, где Хэнк и ее муж болтали с местным врачом по имени Тауло Торрелла.

— Сэм сказал, что сделка с «Сантурз» была очень мудрым решением. По крайней мере бизнесмены на Майорке так говорили. Они готовы были все отдать, чтобы самим принять в этом участие.

— Сейчас бы они запели по-другому, — мрачно ответила Катрина.

— Да, — признала Памела. — Сейчас им хорошо оттого, что остались в стороне, но это не значит, что они радуются неудаче Хэнка и Тодди, наоборот, они втайне молятся, чтобы Хэнку и Тодди удалось что-нибудь проверить! Все на Майорке зависит от туризма, даже мы, старики, хотя мы давно не у дел. Все, что строится для туристов, также и в нашем распоряжении круглый год, так что «Палома Бланка» всем нам нужна.

— Мне она не нужна.

— Жаль, — сказала Памела, повернувшись к ней. — Для такого маленького острова такая большая гостиница очень важная вещь.

— Хватит! Тодди мне уже все уши прожужжал о том, какая это важная вещь.

— Разве тебе не хочется, чтобы он ее построил? — Памела удивленно посмотрела на Катрину. — Ты сама сию минуту сказала: люди запоют по-новому, не пора ли тебе самой запеть по-новому?

Катрина почувствовала как у нее начинает болеть

голова. Она не ожидала такого поворота их беседы. Катрина представляла себе, что будет рассказывать анекдоты Осси о Барзини, которые она специально запоминала. А это что такое? Одно дело было выслушивать всякие глупости от Софи и от Глории, и совсем другое дело — от Памелы!

— Я могу представить, что Тодди сейчас вне себя, так почему же ты не с ним? — спросила Памела. — Я считаю, что было — то прошло. Была или не была ты против «Паломы Бланки», теперь уже неважно. Важно то, что ты нужна ему!

— Ничего не понимаю, — перебила ее Катрина, голос ее дрожал от возмущения, — только что ты мне чуть ли ни приказывала спать с Осси...

— Тихо! — шепнула Памела, посмотрев на соседние столики.

— Ты сама так сказала, а теперь требуешь, чтобы я была верной женой!

— Ты и есть верная жена. И я тоже, поэтому ничего страшного не случилось бы, если бы ты разок повеселилась со своим Осси. А если бы Тодд был в опасности — тогда другое дело, я бы первая тебе посоветовала быть рядом, чтобы помочь.

Катрина не поверила своим ушам. Казалось, весь мир ополчился против нее. *«Ерунда, — подумала она, — моей вины ни в чем нет. Тодди сам заварил всю эту кашу. Он брал кусок не по зубам. Он все от меня скрывал, ходил вокруг да около».*

— Мне нужно было приехать сюда на этой неделе, — сказала она настойчиво, — у меня есть дела на вилле.

— Ерунда! Позвонила бы мне.

— Привет, Катрина! — прогремел бас, и на столик легла тень. Над ними, освещенный солнцем, стоял Сэм, широко улыбаясь ей. Белые волосы, растрепанные ветром, обрамляли его загорелое лицо. Он поцеловал ее в обе щеки и отступил назад, пропуская Хэнка.

— Привет, Катрина, — сказал Хэнк, улыбаясь ей сдержанней, чем обычно. Голос его звучал так, как будто он сомневался, стоит ли ее приветствовать. — Рад тебя видеть.

— Привет, — ответила она с холодностью, адресовавшейся частично ему, а частично Памеле.

— Ну что ж, надо сказать, ты посвежела. Черт возьми, будь я годков на двадцать помоложе...
— Сэм! — перебила его Памела.
— Нет, нет, — запротестовал он, широко улыбаясь, — я только хочу сказать, пусть Тодди лучше за ней присматривает. Что это такое — отпустить совсем одну! Как ты думаешь, Хэнк?

— Разумеется, — улыбнулся ей Хэнк.

— Слава Богу, — сказала Памела, — я здесь за ней присматриваю.

— Да? — Сэм лукаво посмотрел на жену. — Но ты же ведь не ездила с ней в этот самый оздоровительный центр! Неизвестно, что бы там могло с ней случиться.

К тому же эта Софи всегда готова сбить с пути праведного.

Катрина с ужасом почувствовала, что краска снова приливает к ее лицу и она опять готова взорваться. Она посмотрела на Памелу, как бы ища защиты, и та не замедлила прийти ей на помощь.

— Прекрати, Сэм, — резко сказала Памела. — Ты кого угодно вгонишь в краску своими высказываниями. Кстати, я заказала тебе пиво и тебе, Хэнк. — Взглянув на Хэнка, она сбавила тон: — Ты, кажется, уезжал?

Хэнк кивнул.

— Я ездил в Лондон, чтобы встретиться с Тодди. Я жалею, что не застал тебя, — произнес он, посмотрев на Катрину.

Подозрительный огонек в его глазах на минуту привел ее в замешательство. «Эти дурацкие шуточки Сэма как назло почти попали в цель, но... Господи!»

— Да, видишь ли... — пробормотала Катрина, пожимая плечами с безразличным видом и стараясь не смотреть на него. Она понимала, что так себя вести невежливо, но Хэнк заслуживал грубости: Тодд был счастлив, пока не встретил его...

Не обратив внимания на реакцию Катрины, Хэнк повернулся к Памеле.

— Затем я поехал в Берлин и в Джерси, чтобы уладить кое-какие делишки. Положение ужасное. Я уже рассказывал Сэму Но ничего. На данный момент дела, может быть, и не клеются, но все как один говорят, что «Паломы Бланка» будет одной из лучших гостиниц в мире.

«Ложь», — думала Катрина, слушая, как он хвастается.

Она вспомнила тот роковой день, когда они с Тодди пили кофе в этом самом кафе и когда он выдвинул идею купить виллу в гавани. «Мне надо было остановить его. Тогда бы ничего этого не случилось. Мы ведь были вполне счастливы». Ей не хотелось думать о Хэнке, и она взглянула на Памелу, пытаясь представить ее на двадцать лет моложе, Памелу, возвращающуюся после любовного приключения к Сэму и устраивающую ему день рождения вместе с Рождеством. Неужели она на самом деле это делала? «Неужели бы она на моем месте легла бы в постель с Осси? Неужели я на самом деле слишком чопорная и провинциальная? Софи так думает, но я не могу представить себе Осси в таком качестве... По крайней мере... Нет, он мне действительно нравится, но...»

— Отлично! — воскликнул Сэм. — Выпьем по кружечке, — он указал на пиво, которое только что появилось на столе, — и поедем! Хорошо, Катрина?

— Куда? Извините, я что-то размечталась!

— В «Палому Бланку». Хэнк собирается нам ее показать.

На минуту она ощутила волнение.

— Нет, нет, спасибо, но я...

— Но ты же ни разу там не была, — настойчиво произнес Хэнк, покосившись на Памелу и Сэма.

— Ты что, действительно там не была? — воскликнула Памела. — В «Паломе Бланке»? Ни разу за все это время? Я не верю!

— Господи! — воскликнул Сэм, потянувшись за пивом.

Оба они с удивлением уставились на нее.

— У меня полно дел на вилле, — словно оправдываясь, сказала Катрина.

— Не сегодня, — перебила ее Памела. — Ты же

хотела отдохнуть сегодня Ты сама говорила мне за обедом.

— Но мне нужно еще кое-что купить.

— Купим на обратном пути

— На сегодняшний вечер продукты тебе не понадобятся,— сказал Сэм.— Хэнк нас всех пригласил в «Воронье гнездо»

Катрина почувствовала себя затравленным зверем, а Хэнк представлялся ей охотником. Они с неприязнью посмотрели друг на друга. Он с видом победителя, она — побежденного. От злости Катрина потеряла контроль над собой, и презрительные слова вылетели у нее раньше, чем она смогла их остановить.

— Какого черта ехать и пялиться на белого слона! — Голос ее звучал громче, чем она сама того хотела.— Сам отлично знаешь, что вся ваша затея уже, считай, лопнула. Тебе надо бы назвать ее по-другому «Дурость Хэнка» или что-нибудь в этом роде!

— Катрина! — возмущенно воскликнул Сэм.

Она расплакалась. Мнением Сэма она дорожила, и мнением Памелы тоже. А во всем виноват был Хэнк! Во всем! Будь он проклят! Руки ее сжались в кулаки. Она готова была провалиться сквозь землю.

— Я подгоню джип.— Хэнк быстро вскочил и убежал, прежде чем они смогли промолвить слово.

Чтобы избавиться от неловкого положения, Памела позвала официанта.

— Марио! — закричала она, помахав ему рукой. Сэм вдруг нахмурился.

— Господи! У меня мотор от лодки на заднем сиденье! Я вез его в Пагеру починить.

— Не беспокойся,— быстро сказала Памела,— Хэнк подвезет Катрину. Не возражаешь, Катрина, поехать в его джипе?

Что она могла ответить? Все еще кипя от возмущения, Катрина заставила себя слабо улыбнуться и принялась искать в сумочке кошелек.

— Я заплачу.

— Нет, нет, я угощаю,— настаивала Памела, в то время как официант подошел к столу.

Сэм отодвинул свой стул и встал.

— Я подгоню машину,— сказал он, в то время когда джип Хэнка затормозил на обочине.

Не в силах справиться со своими эмоциями, Катрина беспомощно смотрела на Сэма, который подошел к Хэнку и что-то сказал ему. Затем поднялась Памела и взяла ее за руку.

— Я сгораю от нетерпения показать тебе «Палому Бланку». Знаешь, в газетах постоянно печатают эскизы будущей гостиницы.

Катрина послушно поднялась из-за стола. Она хотела закричать: *«Я не хочу ничего знать об этом! Ты можешь ехать, если хочешь, но, ради Бога, не впутывай меня в это!»*

Хэнк подошел к ней и взял за руку. Она почувствовала себя пленницей, которую под конвоем ведут к месту заключения. Катрина освободила руку и влезла в джип Хэнка. Хэнк крикнул Сэму, что по пути еще заедет в офис. Потом склонился над рулем, завел мотор и дернул за рычаг с такой силой, что ее откинуло на сиденье. Катрина испуганно посмотрела на него: лицо его выражало ярость. Она испуганно вцепилась в пульт управления.

— Осторожнее!

— *«Дурость Хэнка»!* Что это еще такое? — сердито спросил он, крутанув руль так, что джип чуть не перевернулся.

Они выехали с площади на дорогу, идущую вдоль побережья, чуть не врезавшись в автобус, полный школьников. Ее отбросило в сторону, она вцепилась в пульт управления обеими руками.

— Ты думаешь, мне это нужно, — сказал он, нажав на педаль так, что она почти коснулась пола. — Как будто у нас и так нет проблем? Это еще Тодди может закрывать глаза на твои выходки, но не я.

Джип высоко подпрыгнул на ухабе. Перед ними посреди дороги стоял грузовик, груженный замороженной рыбой. Засигналив, Хэнк, резко повернув, обогнул его, отчего туристы с рюкзаками прижались к обочине дороги. Катрина заметила ужас, стоявший в их глазах.

— Осторожнее! — завизжала она.

Навстречу им шла цистерна с нефтью. Крутанув руль, Хэнк объехал ее всего лишь в нескольких сантиметрах.

— Ты сумасшедший! — закричала она. — Ты нас обоих убьешь!

Она вцепилась в руль и уперлась в сиденье. Она пошла и вперед, словно шарик, катящийся по дорожке из ниточки. Шей ее болела от напряжения, в глазах все мелькало. Она едва различала контуры мира: белые деревья, белую церковь, белозаправленную станцию, тележку с овощами, запряженную лошадей. Все это вихрем пролетало мимо нее.

— Ради Бога! Осторожнее, — умоляла Катрина.

Джип со скрежетом влетел на гору мимо роскошных вилл и въехал в сосновый лес. Она не могла дышать, ее подбрасывало на сиденье.

— Нам сейчас нужна помощь, — закричал Хэнк, наполовину обернувшись к ней. — Нам сейчас нужны друзья, а не...

— Следи за дорогой, — взвизгнула Катрина, закрывая глаза, когда они проезжали поворот.

Ее отбросило в сторону, и она уцепилась за дверь. Когда она открыла глаза, то увидела, что дорога исчезла, как в воздухе растворилась! Еще минуту назад была, и вот ее нет! Внизу плескалось море, ласкающее подножия скал. Когда они проезжали следующий поворот, из-под шин полетели мелкие камешки.

— Ради Бога! — умоляюще сказала Катрина, дрожа от страха, когда колеса оторвались от земли. Увидев на минуту ярко-голубое небо и зеленые верхушки сосен, она почувствовала, что теряет контроль над собой...

Затем они стали съезжать с горы — между деревьями образовался просвет — и, наконец, остановились.

Все еще дрожа от страха, она с трудом перевела дыхание. В ушах у нее гудело. Наслаждаясь тишиной, она с трудом поверила, что поездка закончена. Медленно она подняла голову. Сквозь слезы, застилавшие глаза, Катрина увидела свои руки, сжимающие пульт. Земля под машиной была твердой. Убедившись в этом, Катрина разжала руки. На секунду она почувствовала облегчение, а затем ее душа снова наполнилась гневом.

— Идиот! — всхлипнула она и ударила его по лицу ладонью. В его темных глазах загорелся гнев. Ее рука оставила заметный след на его лице. Испугавшись, Катрина прижалась к двери. Руки его сжались в кулаки, и все тело дрожало. Он выпрыгнул из джипа, ударил ногой по колесу и хлопнул рукой по багажнику.

— Ну что, испугалась? — зарычал он на нее. — Я надеюсь, что да! Потому что ты меня напугала до смерти! Если мы потеряем «Палому Бланку», то я вернусь к тому, чем я был двадцать лет назад, когда был шкипером у этого толстопузого...

— Меня это не волнует!

— Мы боремся за свою жизнь! Не только я, допустим, до меня тебе дела нет. Но пойми же ты, наконец, своей тупой башкой, что тогда мы все пропадем! Тодди вместе со мной, а ты вместе с ним. Кто тебя за язык тянул? Знаешь, как ты нас подставила при всем честном народе? В этой гавани, когда полмира на нас пялились!

Катрина вспомнила столики в кафе. Сплетни распространяются в гавани со скоростью пожара, тем не менее...

— Мы висим на волоске, — кричал он на нее, — а тут еще ты!

— Я не хотела...

— Знаешь, кто там сидел за столиком в углу? Боб Ньютон! — Он снова пнул шину и снова хлопнул рукой по багажнику. — Он агент «Фанфэр Трэвел», он мог бы нам здорово помочь с «Паломой Бланкой», поэтому я так заливал.

— Черт возьми, — прошептала она, вдруг все поняв.

Хэнк ругался еще с минуту, затем сильно закашлялся. Он положил обе руки на стекло машины. Грудь его вздымалась, пока он переводил дыхание. Когда приступ кашля прошел, Хэнк с удивлением посмотрел на Катрину.

— Что с тобой такое? Все остальные пытаются нам помочь. Мне каждый день звонит кто-нибудь. Тодди из кожи вон лезет! Черт возьми, даже твой старик одолжил нам деньги, но это ведь все не считается, не так ли? Тебя ничем не проймешь, ничем!

На этот раз удивлена была она. «Мой старик? Что он хочет сказать?» Катрина в смущении открыла рот, но слова застыли у нее на губах. Наконец она произнесла не своим голосом:

— Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа он отвернулся и отошел от машины. Руки ее немного успокоились, и она смогла открыть сумочку. Катрина достала сигареты и закурила. Она

втянула в себя дым, выдохнула, затянулась еще раз, откашлялась и только тогда заговорила.

На этот раз голос вернулся к ней. Она почти кричала:

— О чем ты говоришь, черт возьми?

Хэнк повернулся и подошел к ней. В его лице больше не было гнева. Наоборот, он выглядел робким. Плечи его сутулились, а выражение лица было почти извиняющимся, но когда он заговорил, стало ясно, что он все еще рассержен.

— Ты должна научиться хоть немного придерживаться язык, когда ты здесь: это деревня. Такие люди, как Ньютон, могут нам пригодиться!

— Нет, за это я извиняюсь, но я не об этом. Ты сейчас сказал: «мой старик». Ты хотел сказать — мой отец? Он тоже в этом участвует?

Хэнк пробормотал что-то неразборчивое.

Он действительно имел в виду ее отца. Она поняла это по выражению его лица. Значит, ее отец тоже был в этом как-то замешан!

— Господи! — воскликнула Катрина. — И что теперь?

Его гнев прошел. С удрученным видом он вынул сигареты и стал шарить по карманам своего белого пиджака в поисках зажигалки.

— Вот, возьми, — Катрина протянула ему свою.

— Спасибо, — поблагодарил ее Хэнк.

— Слушай, извини меня за то, что произошло. Я действительно сожалею. Я не должна была тебе этого говорить.

— Надо быть поосторожнее. Сейчас даже у стен есть уши.

— Да, теперь я понимаю, извини. Я клянусь, что теперь этого никогда не повторится, честное слово. И прости, что я ударила тебя. Я просто перепугалась.

— Ладно, хорошо. — Он пристыженно посмотрел на нее и потер лицо. — Может быть, я и заслужил этого, я действительно напугал тебя, извини.

— Но что с моим отцом? — нетерпеливо спросила она, — ты, кажется, сказал, что он одолжил вам деньги?

Хэнк удивленно посмотрел на нее.

— Ты что, до сих пор ничего не знаешь? — Он смущенно шмыгнул носом и посмотрел вниз. — Да, он нам помогает. И я был хотел, чтобы Тодди и ты...

— Я не верю! Он вам помогает? Да ты не знаешь моего отца. Ты хочешь сказать, он действительно одолжил вам деньги?

— Ну, пока еще нет, но он обещал...

— Господи! — простонала она, — да ты его совсем не знаешь! На него нельзя полагаться! Он лжец, он мошенник!

— Успокойся!

— Что он обещал моей матери! Он ей всю жизнь испортил. Ты не поверишь! Вот что я тебе скажу: он мог вам обещать что угодно. У вас больше шансов занять деньги у человека на Луне!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Внезапное возвращение Катрины с Майорки явилось спасением для Тодда. Несмотря на то, что он изо всех сил пытался справиться со своим положением сам, его совместная жизнь дала трещину. «Радостей холостяка» для него не существовало. Вместо лишних развлечений были только лишние заботы. «Ну что это за жизнь? — жаловался он Маку. — Каждый вечер приходишь домой, а там встречаешь меня только ты...» Он постоянно думал о Катрине. «Как она могла поступить так со мной? — стонал он. — Вот так взять и уйти! Зачем ей понадобился этот отдых? Как будто бы она одна, а моя жизнь — сплошной нескончаемый праздник!»

Говоря по правде, он очень скучал по ней. Скучал по тому миру, который она создала, по хорошей еде, которую она готовила, и еще о том, что все в доме делалось, как он захочет и когда захочет. Ему не доставало ее. Ему хотелось просто поговорить с ней. Они могли говорить часами ни о чем, по крайней мере ни о чем важном, но ведь главное — они понимали друг друга и счастливые засыпали. Они никогда не ссорились и почти ни о чем не спорили — кроме Лео и «Паломы Бланки».

Ее внезапная холодность, когда она звонила ему, очень его встревожила. У них никогда не было подобных отношений. Раньше он всегда спрашивал: «Тебе тяжело на душе? Так поделись со мной», — и она всегда делилась. Теперь же это напряженное молчание повергло его в уныние.

Но в целом он справлялся. Вечерами, по пути домой, Тодд забегал в китайский ресторанчик напротив своей конторы, чтобы забрать заказ: «Еще немного такой еды, и я сам буду похож на эту противную лапшу», — жаловался он Маку, и старался заполнить день телефонными разговорами и деловыми встречами.

И Хэнк тоже справлялся. Из Лондона он отправился в Германию.

— Я вот тут думаю, — говорил он из Берлина. — У нас не было времени окончательно договориться с Шарли тогда. Ты не возражаешь, если я поеду и увижусь с ней?

Тодд возражал, и еще как. Ему было плохо и одиноко в Лондоне. Ему так и хотелось сказать: «А что, если я присоединюсь к тебе?» Но он сдержался из страха показаться дураком. Конечно, Хэнк был прав. Неподходящий момент для романов, даже если престная Шарли того желала, в чем он совершенно не был уверен. Да и его интерес к внебрачным связям улетучился. Ведь если даже не брать в расчет чувства вины, посмотрите только, сколько проблем сразу появляется! А потому он спокойно обсудил сроки, которые они должны были предложить Шарли, и поручил все переговоры Хэнку. Хэнку понадобились считанные минуты, чтобы договориться с Шарли. Нет, конечно, Тодд был рад этому обстоятельству. Ему нравилась Шарли, очень нравилась, она произвела на него сильное впечатление с самой первой встречи, но тем не менее его немножко задевала столь быстрая победа Хэнка.

— Послушай, ты абсолютно прав, — начал Хэнк, как бы успокаивая, — мы не можем делать все своими силами. Я целый день в разъездах, а ты — в конторе. Нам нужна помощь. Шарли умница, и у нее куча связей. Она как раз то, что надо. Да и этот парень, как его, Боб Левит, согласился отпускать ее на один день в неделю, пока не закончится ее контракт...

Вот так втроем они начали работать. Тодд продолжал заниматься туристическими делами, хотя он и оставил идею об одной крупной сделке взамен мелких, надеясь, что, если объем продаж будет достаточным, его дело даст хорошую прибыль.

Шарли вплотную занялась «Золотым кубком «Паломы Бланки».

Были изданы новые буклеты.

Шарли написала письма секретарям яхт-клубов всего мира.

Хэнк и Дон Антонио обсуждали всевозможные способы расширения гавани.

Много перемен произошло за время отсутствия Катрины.

Решение прервать отдых пришло к ней совершенно неожиданно.

Пока Катрина летела обратно в Лондон, она вспоминала свою поездку в «Палому Бланку». Красота этого места превзошла все ожидания. Конечно, она видела фотографии; Тодд немало старался, чтобы они не остались незамеченными, но воздух и простор нельзя было показать на снимках, и она не очень-то ориентировалась в расстояниях. «Так же величественно, как Вест-Энд», — похвастался однажды Тодд, но воспоминания о Риджент-стрит и Пикадилли почему-то смутили ее. Ничто не шло в сравнение с «Паломой Бланкой». Вест-Энд был заполнен зданиями, большинство из них были уродливыми, тогда как даже незаконченные строения в «Паломе Бланке» были так же красивы, как волшебная книжка с картинками. Действительно, как сказал Хэнк с необычной для него торжественностью:

— Работа великого художника, окруженная удивительной красотой природы.

А еще он добавил:

— Я никогда не видел твоего старика, но, помоему, если Лео одолжил нам триста тысяч, то это уже о чем-то говорит. Тодди высоко его ценит.

Высоко его ценит? Человек, разрушивший жизнь ее матери. Тот отец, которого она в детстве ждала часами, чтобы только увидеть.

— Но люди меняются, — настаивал Хэнк, — как только человек начинает зарабатывать настоящие деньги и немного наберется ума.

Катрина удивилась. Неужели его махинации оправдали себя? Неужели он в самом деле был способен одолжить Тодди триста тысяч? Неужели у него были

такие деньги? Встревожившись и что-то подозревая, она пыталась понять, где он мог столько заработать?

Но что тревожило ее больше всего, так это разговор с Памелой. Ее критика задела Катрину за живое. «Неверность? — думала она раздраженно. — И это я-то! Было бы изменой лечь в постель с Осси. Вот это была бы неверность! Но я ведь этого не сделала. Я всегда поддерживала Тодди!» Тогда она шла в его офис с твердым намерением помириться. И что она обнаружила? Его рубашка была перепачкана женской косметикой. Да, Софи была права. И тем не менее, хотя она и помнила об этом случае все время, разговор с Памелой как-то приуменьшал его значение. Главным, что ее задело, были слова Памелы: «Если бы Сэм попал в беду, я бы стремилась быть с ним. Я бы была сама с собой не в ладу, если бы не стала работать на износ, только бы помочь ему...»

Так что, возвращаясь домой, Катрина была совершенно в другом состоянии, чем тогда, когда она рассерженная вылетела из конторы Тодда. Хэнк и Памела помогли ей изменить свое мнение, а один вид «Паломы Бланки» все в ней перевернул.

— Я никогда не видела места красивее, — призналась она Тодду.

Катрина сделала вид, что не помнит ни следов косметики на его рубашке, ни той ночи в Мидлэндс. Она отложила разговор о своем отце. Вместо этого, взяв на заметку слова Памелы, она решила устроить ему день рождения и Рождество одновременно.

Тодд напоминал пьяницу, любимый бар которого наконец снова открылся. Вернулась его настоящая жизнь. Хэнк был прав, когда назвал Тодда «образцом женатого мужчины». Снова он спешил домой на вкусный запах готовящейся пищи, смешанный с ароматом французских духов. Он спешил к жене. Это был его второй медовый месяц. Они не только вместе наслаждались едой и постелью, они снова говорили друг с другом! Катрина сама заговорила о «Паломе Бланке».

— Тодди, ты должен был заставить меня поехать туда, притащить меня силком, если хочешь. Это просто сказка! И все говорят, что тебе очень не повезло в «Сантурз». Сэм сказал, что это был замечательный контракт...

Они болтали без умолку, ели, пили, снова болтали. И каждую ночь занимались любовью.

— О черт! — восклицал он с восхищением. — Ты словно какой-то энергией подзарядилась...

Но это было больше, чем просто энергия. Желая восстановить прежние отношения, Катрина превзошла себя, чтобы вернуть волшебство их браку. И делала это с чистой совестью. Буквально за неделю она превратила дом в уютное любовное гнездышко. После ужина они разговаривали, делясь планами о будущем. «Паломы Бланка» стала постоянной темой их разговора. Конечно, жаль, что сейчас она вызывает массу проблем, но Тодд был уверен, что беспокоиться не о чем, и в конце концов все будет в полном порядке.

И Катрина изо всех сил старалась поддерживать его. Но больше всего ей хотелось продлить ощущение счастья в их отношениях. Да, она искренне была в восторге от «Паломы Бланки» — пусть даже она думала, что это не их дело, а дело какой-нибудь крупной корпорации с миллионным оборотом.

Итак, она попыталась. Беда была в том, что, чем больше они говорили, тем больше она делала открытий. И чем больше она узнавала, тем больше беспокоилась. За ее улыбками и ободряющими словами стояла тревога. Нет, она ни разу не упрекнула Тодда. Все свои переживания она держала в себе. Однако ее мозг — мозг бухгалтера — быстро считал цифры. Продажа машин уже не оправдывала себя. Катрина была в ужасе оттого, что банк отказал им в деньгах. Она задумалась о тех днях, когда сама вела бухгалтерию. В те далекие времена банк всегда был рад помочь им. Всегда! «Помните, миссис Тодд, — говорили они, — если возникнут проблемы, всегда обращайтесь к нам».

Теперь к банку не обратишься. Да к тому же он еще настаивает на дополнительном счете за гараж.

— Таким образом, они станут нашими первыми кредиторами, если случится самое худшее, — объяснил Тодд.

— Что значит, — если случится самое худшее?

У Катрины кровь застыла в жилах, когда Тодд заговорил о ликвидации дела.

Взглянув на жену, он попытался ее успокоить.

— Ну, конечно, до этого не дойдет. Просто банк всегда смотрит на дело с самой черной стороны. Ты

ведь знаешь, какие они, эти мрачные чудаки. Мы просто продолжаем делать дело, вот и все.

— Надеюсь, — согласилась Катрина, при этом спрашивая себя, не лучше ли остановиться?

Через полторы недели, однако, она поняла, что спасти автомобильный бизнес могли только успешные операции с «Паломой Бланкой». Ей становилось не по себе, когда она слушала Тодда. Он по-прежнему продолжал расшвыривать деньги, вместо того чтобы сократить расходы. Его планы были, как всегда, грандиозны. Он даже собирался устроить там международную регату «Золотой кубок Паломы Бланки»! Да, и они пригласили кого-то по имени Шарли.

— Кто такой этот Шарли, про которого ты недавно говорил? Когда он, наконец, выйдет на сцену?

К ее удивлению, Тодд покраснел.

— Ах да, — сказал он как-то виновато. — Э-э... я как раз собирался объяснить тебе... Дело в том, что... э-э... Шарли — это она.

— Шарли — это женщина?!

Новая тревога появилась у Катрины. Боже мой! Только этого еще не хватало!

— Ее полное имя — Шарлотта. Это Хэнк ее нашел. Сейчас она работает на нас по полдня, но летом вступит в правление. Она будет нашим директором по развлекательным программам.

— Вступит в правление?! — воскликнула Катрина, пытаясь скрыть свое удивление. — Это что, была идея Хэнка?

— Ну, в общем да, хотя я согласился. Это было нашим общим решением.

— Ты видел ее?

— Э-э... недолго. Квалифицированный специалист. Очень деловая. Видимо, карьеристка. Ну, ты знаешь этот тип.

Еще бы не знать. Это тип Софи, Софи тоже карьеристка, Софи — пожирательница мужчин. И почему это, интересно, он покраснел?

— А сколько ей лет, этой... как ее... Шарли?

— Да не знаю, — он чуть пожал плечами. — Не старуха, конечно, но и не очень молода. В общем-то, Хэнк с ней больше занимается. Они разрабатывают идею, про которую я тебе говорил, ну, «Золотой кубок Паломы Бланки».

Катрина пропустила мимо ушей последнюю фразу Тодда, ее больше занимали их финансовые проблемы, чем Хэнк и его женщины.

— Ну, вот видишь, — подвел Тодд итог разговору, — с «Золотым кубком» и всем прочим все в конце концов будет в полном порядке.

Но он ее не слишком убедил.

К вечеру Катрина немного успокаивалась. Не зная точной банковской стоимости дома, она прикидывала, нельзя ли продать его и обойтись более скромным жильем. А может быть, продать виллу? Или лучше опять начать работать в конторе? Она даже решила по примеру миссис Бриджес начать экономить деньги. И конечно, в таком настроении она была совсем не расположена развлекаться, когда к ней вдруг заглянула на чашечку кофе Софи.

— Для чего же тогда друзья, если не для того, чтобы поддерживать друг друга? — промурлыкала она.

— Что-нибудь знаешь о нем? — спросила Софи, имея в виду Осси.

— Нет, ничего, — ответила Катрина. — И ты, пожалуйста, прекрати расспросы...

— Да нет, извини меня, я ничего такого не имею в виду. Я просто подумала, а что сказал Тодди, когда узнал?

Ну и стерва! Конечно, она ничего не рассказала Тодди. Да и нечего было рассказывать, хотя в это, конечно, судя по выражению глаз Софи, никто не поверит. Раздраженная и уставшая от Софи, Катрина изобрела поездку в парикмахерскую, только чтобы выпроводить подругу из дома, а это означало, что она должна была выйти вместе с ней и целый час слоняться по Хай-стрит, как девчонка, прогуливающая школу.

Катрина потеряла контроль над всем. Когда она вела бухгалтерию в фирме, она знала все расходы до последнего пенни. И даже когда она бросила работу, она так не тревожилась. Ведь в конце концов Тодди умный, уверенный в себе деловой человек, твердо стоящий на ногах. Или по крайней мере он был таким — до «Паломы Бланки».

Через две недели Катрина уже чувствовала страшное напряжение. Хотя теплота отношений вернулась в их семью, были моменты, когда она была готова

закричать на Тодда. «Спокойней, — твердила она себе, пока готовила ужин. Не спорь с ним». Сегодня вечером она спросит о предложении ее отца помочь заботиться тем людям в Париже...

— Как ты узнал об этой фирме в Париже? — ласково спросила Катрина.

Вытерев рот салфеткой, Тодд терпеливо откинулся в кресле.

— Ну, это не какой-нибудь там крупный банк. Маленькая такая фирмочка, свой юрист.

— Ну да? Так как же ты их нашел?

— Честно говоря, меня свел с ними Лео.

Да, хуже и быть не могло. Катрина похолодела. Перед этим она старалась спрашивать осторожно, если что-то касалось ее отца. Сейчас она нажала посильнее. Тодд, казалось, не слишком много знал о нем, он даже не знал, где тот живет.

— У него замок где-то на Юге Франции, между Марселем и Ниццей. Я забыл его название.

— Замок? — недоверчиво спросила Катрина. «Тогда я, наверное, живу в Букингемском Дворце!» — подумала она. Вслух же она сказала: — Да, кажется, дела у него идут неплохо.

Тодд с готовностью рассмеялся.

— Просто великолепно, если человеку ничего не стоит одолжить триста тысяч!

Сердце у Катрины замерло. Она вся напряглась. «Триста тысяч! Хорошо, если в конце концов у тебя останется триста пенсов». Катрина прикусила губу, чтобы не ляпнуть ничего лишнего. Она постаралась привести в порядок свои мысли.

— Это, конечно, с его стороны хороший поступок, но все-таки я не могу понять, зачем ему все это? — спросила Катрина.

Она чуть не завизжала, когда Тодд с легкостью начал говорить о своей дружбе с Лео и их общей вере в «Палому Бланку». Слушать все это было просто невыносимо. «Ты ведь не можешь положиться на него. Он всех подводит. Где ж ты потом окажешься?! Что тогда случится?»

— Ну, ладно, — сказала она легко. — Но ты ведь, конечно, не во всем на него полагаешься? Ты сказал,

у тебя все под контролем? Я думаю, этот юрист в Париже согласится подождать остальные деньги.

Ожидая ответа, Катрина взглянула на мужа. Его лицо выражало замешательство. То же самое выражение замешательства было у Хэнка на Майорке, когда она высмеивала обещания своего отца. «Тодд знает все подробности,— было все, что он ответил.— Ты уж лучше его спроси».

Тодд не смог скрыть своих сомнений.

— Не знаю, будет ли он на это согласен...— произнес он.

— Так что же он может сделать, этот юрист?

Она видела, как Тодд заерзал в кресле.

— Ну...— произнес он медленно.— Главнее, это платить проценты. Поэтому Лео и одолжил мне деньги.

Итак, его слова подтвердили ее худшие опасения. Она должна была признаться самой себе, что уже давно это подозревала. Хэнк болсе или менее открыл ей глаза на происходящее. По какой-то причине выплата процентов была жизненно важной. И несмотря на это, они полагались на ее отца! Пара идиотов! «Почему вы верите ему? Почему бы не поверить мне, ведь я выросла с ним, вы что, это забыли?» Она очень хорошо помнила судей, бэйлифов, тревожный стук в дверь и постоянный страх ее матери потерять крышу над головой.

Прикусив губу, Катрина начала молча собирать со стола посуду. Может быть, потому что она всегда была готова к худшему, она не почувствовала удара. На этот раз «Паломы Бланка» снова выиграла. Но Катрина знала, что надо было сделать, знала уже давно. Надо было продать виллу, она уже подготовила себя к этой утрате. Она пыталась не думать о красивом саде, который так любила, пыталась выбросить из памяти счастливые вечера на террасе. С этим покончено, покончено навсегда. Ясно, что ее отец не сдержит своего обещания. Продажа виллы была единственным выходом. Единственным средством снова вернуть деньги.

«Никого не упрекай»,— напредила она себе, унося тарелки в кухню.

«Не делай из мухи слона»,— твердила она себе, подавая Тодду кофе.

— Милый, обратилась Катрина к мужу. — Я подумала, нам ведь не нужна вилла, когда в «Паломе Бланке» все будет готово? Ведь мы можем ее продать, правда?

На его лице отразилось удивление.

— Но ты так любишь виллу! — покачав головой, сказал Тодд.

— Да нет, не слишком.

— Чушь! Я ведь знаю, что любишь. Ты ведь всегда говорила, что это лучшее наше приобретение.

— Времена меняются.

— Чепуха! Ты ведь столько работала в саду.

— Неважно.

— Нет, очень даже важно!

— Но ведь нам нужны деньги! — Она произнесла слова резче, чем ей хотелось, а голос зазвенел, выдавая тревогу.

Кровь бросилась в лицо Тодду, и он раздраженно сказал:

— Успокойся, нам незачем продавать виллу...

— Да нет, нам надо ее продать! — крикнула Катрина, не в силах больше сдерживаться.

— Я сказал — нет, и это благодаря Лео. Я тебе больше скажу. Он знал, что ты расстроишься, если мы продадим виллу, и это, может быть, главная причина, по которой он одолжил нам деньги.

— И ты на это надеешься? Цыплят по осени считают.

— Что это еще значит?

— Да то, что ты ничего от него не получишь! — бросила Катрина в отчаянии, и голос ее сорвался на крик. — Он все разрушает...

— О Бог мой! Не начинай снова. — Отпихнув кресло, он встал, лицо его было красным от злости. — Всегда одно и то же. Стоит мне только заикнуться о Лео...

— Нет! Пожалуйста, — она подняла руки, показывая, что сдается, — давай не будем спорить.

Вздыхнув, Катрина сделала последнюю отчаянную попытку.

— Я только хочу сказать... что это будет надежней. Тебе и не надо ни на кого полагаться, если мы продадим виллу...

— Да пойми ты, мы с Лео договорились. Если

сейчас я продам виллу. Лео подумает, что я ему не доверяю. Вот как это будет выглядеть! Как пощечина!

«Да кому какое дело?» — подумала Катрина, но прикусила язык.

— Да и все равно, — сказал он, повернувшись к двери, — я сомневаюсь, что у нас еще есть время. Нам нужны деньги к первому декабря. А рынок-то сама видишь какой. Если даже мы найдем покупателя, Хэнк считает, мы потеряем на этом тысяч тридцать.

Катрине не удалось переубедить мужа. Отчаявшись, она смотрела, как он выходит из столовой.

Это был самый плохой вечер с момента ее возвращения с Майорки. Перед сном они смотрели телевизор. Точнее, Тодд смотрел, а Катрина, тупо уставившись на экран, была больше занята своими мыслями. «Что бы я ни сказала, это не убедит его. Он все поймет, когда будет уже поздно. И что же тогда?»

Следующие недели были самыми длинными в жизни Тодда. Он утратил атмосферу уюта, которая вновь возникла в его доме после возвращения Катрины. Радость второго медового месяца стала постепенно исчезать, а дела в доме обстояли не лучшим образом. Правда, ему удалось уговорить другую компанию вложить деньги в «Палому Бланку», и та согласилась получать десять процентов от сделок за восемь месяцев в году, что, разумеется, не слишком выгодно, но любые проценты были хороши в это трудное время. Шарли проявляла все больше энтузиазма относительно «Золотого кубка Паломы Бланки», и устроители уже составляли распорядок работы. Но Тодда беспокоили краткие сроки и, в частности, упорное молчание Лео.

Он призывал себя к спокойствию. Он старался не обращать внимания на враждебность Катрины в отношении отца. Он напомнил себе о том, что в течение семи лет знакомства с Лео их встречи всегда носили нерегулярный характер; Тодд мог только услышать, например, что Лео в Лондоне...

Он пытался убедить себя. Он говорил себе, что предложение Лео исключительно благородно, что Лео человек чести.

С другой стороны, Тодд ругал себя, что не записал его адрес. Как-то утром он поручил Сэлли найти номер телефона Лео через Международное Справочное Бюро, однако без адреса это было бесполезным делом. Однажды он заглянул в «Ритц» и, объяснив, что он близкий друг Лео, попросил дать его адрес, но эту просьбу отклонили с ледяной вежливостью, не скрывая подозрительных взглядов.

А тем временем недели шли — закончился октябрь, и начался ноябрь, — и он пожалел о своем решении не продавать виллу. Он даже позвонил насчет этого Хэнку.

— У меня должны быть деньги к первому числу следующего месяца, — сказал он Хэнку. — Я не могу больше ждать Лео.

— У тебя нет выбора. Ты не забыл, что это Испания? Тут так быстро ничего не происходит. Да и время неподходящее. Никто перед Рождеством не покупает недвижимость...

И хотя дело обстояло действительно так, Хэнк все же попытался пойти в местный банк и разузнать что-нибудь насчет возможных денег за виллу. Получить сейчас за нее триста тысяч было бы чудом. Тодд урезал расходы в «Тодд Моторс», делал дополнительные предложения, рекламировал введение дополнительных скидок, но пока что его банк в Лондоне сокращал его кредиты — и Тодд чувствовал, что скоро окажется в страшной западне...

Потом — как будто и без этого мало было ему забот! — он начал подозревать, что контору собираются ограбить. Однажды, совершенно случайно, он выглянул в окно и увидел человека на противоположной стороне улицы, смотревшего на него в упор. Конечно, прохожие частенько глазели на окна — зеркальные стекла и сияющие новенькие автомобили были хорошей рекламой, — но этот человек не смотрел на зал, где выставлялись автомобили, он смотрел в окна служебных помещений наверху, и именно то, что он не отрывал от них глаз, привлекло внимание Тодда. Это был не простой взгляд зеваки. Осмотр был таким тщательным, как если бы этот человек являлся строителем или архитектором и разглядывал здание, которое нужно было ремонтировать. Или же он был вором, планирующим ограбление.

Перед уходом в тот вечер Тодд проверил все двери и окна в здании. Он даже осмотрел все мастерские, тщательно проверил систему сигнализации. На следующий день он издал приказ с напоминанием персоналу правил безопасности. Сэлли смеялась, когда вешала этот приказ на доску объявлений.

— Мы ведь здесь не держим много наличности. Тут вору особенно не поживиться.

Тодд криво усмехнулся, изображая согласие. И все равно три раза в день он подходил к окну и выглядывал на улицу, пытаясь найти человека, которого видел вчера. Но человека не было, и случай был постепенно забыт. А потом он снова увидел его — по крайней мере ему так показалось, — но не рядом с конторой, а рядом с домом в Хэмпстеде. В этот вечер, когда Герберт, как всегда, скрылся в тупике, Тодд заметил машину недалеко от дома Миддлтонов. Припаркованные машины были необычным явлением, в особенности по вечерам; здешние жители ставили свои машины в гаражи, все дома были далеко от дороги, поэтому гости предпочитали останавливаться там же. К тому же шел сильный дождь, поэтому приезжего промочило бы насквозь, прежде чем он добрался бы до Миддлтонов. Но человек в припаркованной машине, кажется, не собирался никуда идти. Он, как успел заметить Тодд, даже и не интересовался Миддлтонами. Человек не отрываясь смотрел на ограду дома Тодда.

Была уже поздняя ночь, и струи дождя стекали по стеклам. Проехавшая мимо машина вспышкой фар осветила мужчину. Черты его лица напоминали Тодду кого-то, кого он уже видел раньше. В тот момент он не думал об этом, но позднее, когда он уже лег в постель и собирался заснуть, вдруг понял, что эти черные волосы и грубые черты лица вполне могли принадлежать тому типу, которого он видел у своей конторы.

Тодд, правда, сразу же отбросил эту мысль. Он не обладал живым воображением и не запоминал лица людей, которых видел случайно на улицах. Но уже то, что он подумал об этом, говорило о повышенной нервозности и вызывало раздражение.

И вдруг все переменилось.

— Вас мистер Синклер, — сказала Сэлли однажды утром.

Тодд не сдержал вздоха облегчения.

... Лео! — зык
я рад тебя слышать
— Как ты, стар
музыканта.

— Где ты? В Л
— К несчастью
два-три дня, но
проверить. Ну что
За это время
потребовалось вре

го не знает об их
сообщил ему обо
«Золотого кубка Г
присоединилась Ш
ую картину, како
с энтузиазмом. Он

— Слава Богу!

могу сказать, как

Лео рассмеялся

Тодд тоже по

беспокойство по

сдержался и спро

— Э-э-э... пос

первого числа с

— Да нет пр

в Лондон на сл

я и звоню. Сколь

Огромный гру

он отдышался и

шил, что трехсо

на специальные

выслал, он смог

— Таким обр

— Не волну

и привезу с собо

Кто-нибудь

ное, заплакал

в горле. Он бук

Лео хмыкну

— Ты, на

в беде?

Но если С

Лео. Правда, с

даже вит

— Лео! — закричал он в трубку. — Господи, как я рад тебя слышать!

— Как ты, старик? — Лео был по-прежнему полон энтузиазма.

— Где ты? В Лондоне?

— К несчастью, нет. Я в Милане и пробуду там два-три дня, но я подумал, что надо бы вас там проверить. Ну что, нашел замену «Сантурз»?

За это время так много произошло, что Тодду потребовалось время, чтобы сообразить, что Лео ничего не знает об их новых планах. Тодд быстро и кратко сообщил ему обо всем — новое направление, идея «Золотого кубка Паломы Бланки» и о том, как к ним присоединилась Шарли. Он нарисовал самую радостную картину, какую только мог, он пытался говорить с энтузиазмом. Он все время повторял:

— Слава Богу! Как я рад слышать тебя! Просто не могу сказать, как рад.

Лео рассмеялся.

Тодд тоже почувствовал радость и одновременно беспокойство по поводу кредита, и минуту спустя он не сдержался и спросил об этом:

— Э-э-э... послушай, Лео, мне надо внести деньги первого числа следующего месяца, и я хотел бы...

— Да нет проблем, дружище. Я могу заглянуть в Лондон на следующей неделе. Частично поэтому я и звоню. Сколько тебе надо? По-прежнему триста?

Огромный груз свалился с плеч Тодда. Затем, когда он отдышался и смог говорить, он с огорчением сообщил, что трехсот тысяч может и не хватить; несмотря на специальные сделки и те двести тысяч, что Хэнк выслал, он смог набрать только восемьсот тысяч.

— Таким образом, нужно еще четыреста.

— Не волнуйся, — перебил его Лео. — Я одолжу и привезу с собой в Лондон банковский чек.

Кто-нибудь более слабонервный, чем Тодд, наверное, заплакал бы. Да и Тодд почувствовал комок в горле. Он буквально не мог говорить.

Лео хмыкнул.

— Ты, надеюсь, не подумал, что я тебя бросил в беде?

Но если быть справедливым, Тодд всегда верил Лео. Правда, он поручил Хэнку разузнать насчет продажи виллы, но ведь это так, на крайний случай.

— Нет,— произнес он хрипло, когда наконец смог прийти в себя.— Нет, конечно, я знал, что ты помо- жешь мне с деньгами.

И, пока он пытался найти слова благодарности, ему в голову пришла новая идея. Это была простень- кая идея, даже что-то вроде жеста, но он знал, как много это будет значить для Лео. К тому же он был переполнен самыми теплыми чувствами и хотел бы поступить по совести. Нехорошо было бы взять у Лео все, не давая ничего взамен.

— Лео,— сказал он взволнованно.— Когда будешь в Лондоне, может быть, зайдешь к нам, пообедаем вместе? К нам, в Хэмпстед, я имею в виду. Будут только свои, мы трое. Ты, я и Катрина.

Причесываясь, Катрина поняла, что нервничает. Она попыталась вспомнить, когда в последний раз видела отца. Когда же это было? Сколько ей тогда было — шестнадцать или семнадцать лет? Боже, как давно...

Она чуть не убила Тодда. Нет, не за то, что он пригласил отца в гости, хотя это само по себе было ужасно, а за его постоянное хвастовство. Он только и говорил что об этом кредите. Катрина испытывала сильное желание сказать, что чек окажется фальшив- кой, но была рада, что сдержалась, когда речь пошла о чеке, заверенном банком. Четыреста тысяч фунтов! Ее отца! Неужели его игры оправдали себя? Правда, когда она обдумывала все более спокойно, то не очень удивлялась. Она знала, что он всегда был способен заработать деньги. «Копить деньги — это не для не- го,— бывало говорила о нем тетка.— Он тратит так же быстро, как зарабатывает. Очень уж любит хорошо проводить время, и в этом его беда. Никакого чувства ответственности. Эгоист до мозга костей».

Катрина очнулась от своих мыслей, услышав шум воды в ванной. Она крикнула:

— *Поскорее там, пожалуйста!*

— Да я только начинаю.

— Тебе дай волю, так ты часами будешь там плескаться.

Она в последний раз провела расческой по волосам и повернулась к шкафу. В одних трусиках и лифчике

она сняла с вешалки зеленое шелковое платье и приложила к себе.

— Понятия не имею, что надеть? — крикнула она мужу. — Может быть, зеленое платье? Которое я купила в Палме?

— Какое зеленое?

Держа платье в руках, она открыла дверь в ванную.

— Или это, или белое с черным, которое я надевала на ужин в гольф-клубе, как ты думаешь?

Тодд выглянул из ванны.

— Повернись-ка.

Она повернулась, забыв о том, что не одета.

— Замечательная попка! — фыркнул он.

Катрина рассмеялась.

— Нет, серьезно. Как ты думаешь?

— Отличное платье.

— Да? — воскликнула она с ноткой сомнения в голосе. — Ты правда так думаешь? — Держа платье на вытянутых руках, она тщательно рассматривала его. — А может, другое? Что-нибудь более подходящее?

Он промычал что-то невразумительное.

— По-моему, оно... очень уж вечернее. В конце концов это просто домашний ужин. Мы ведь не идем куда-нибудь на вечеринку. — Она слегка наморщила лоб. — Конечно, оно очень красивое, и я люблю его, но уж очень большой вырез. Очень уж открытое...

— Да что, Лео грудь что ли не видел?

— Мою он не видел. Может быть, мне все-таки надеть белое с черным?

Глядя на Катрину, он улыбнулся. Конечно, она не особенно обрадовалась тому, что придет Лео, но уж по крайней мере перестала ворчать. До этого два дня они не разговаривали.

Надевая черно-белое платье, Катрина пыталась представить, как пройдет вечер. «Это ведь мой дом, — напоминала она себе, пока влезала в туфли и последний раз оглядывала себя в зеркало. — Он здесь на моей территории, и нечего волноваться». И уж тем более глупо чувствовать себя виноватой. Ей не в чем себя упрекнуть. Еще раз причесавшись, она отошла от зеркала и направилась к ванной.

— Ну, я готова.

Он поднял глаза.

— Замечательно. Ты великолепно выглядишь.

— А я так не чувствую. Мне как-то не по себе. Это в тысячу раз хуже, чем принимать кого-то, с кем вовсе не знаком.

— Ты ведь не удержишься? — В ее голосе появилась тревога. — Если он придет рано...

— Да не волнуйся, он будет рад видеть тебя...

— М-м, — протянула Катрина. — Все равно, чем быстрее ты спустишься вниз, тем будет лучше.

Он вылез из ванны и достал полотенце. Тодд с нетерпением ждал вечера. Он вспомнил их разговор с Лео, когда тот пригласил его на ужин. Лео был так взволнован. Он закашлялся, и чувствовалось, что он вот-вот заплачет.

Напевая про себя, Тодд начал одеваться. Все образуется, он чувствует. Он пережил плохие времена. Он справится. Просто не надо опускать голову, и все в конце концов образуется. Планы по проведению «Золотого кубка Паломы Бланки» с помощью Шарли быстро осуществляются. Она выехала на Майорку для встречи с Хэнком.

— Тодди! — пропела Катрина снизу.

— Иду.

— Без двадцати восемь! — крикнула она, в последний раз осмотрев холл.

В кабинете Катрина подняла шторы. В столовой поменяла освещение, переставила фотографии и поправила занавески.

В столовой ей очень хотелось поставить свечи в серебряные подсвечники, но она не стала этого делать. Погрозив пальцем Маку, Катрина предупредила его:

— Или води себя хорошо, или запрем тебя в комнате.

Затем отправилась в кухню, проверить, все ли готово. Вернувшись в кабинет, она смешала джин с тони-ком, принесла все это поближе к дивану и взглянула на часы. Осталось пятнадцать минут. Через пятнадцать минут она встретится лицом к лицу со своим отцом...

— Двадцать минут десятого! — воскликнула Катрина сердито, вернувшись из кухни. — Конечно, ужин пропал. Я собиралась начать в восемь тридцать!

— Давай подождем его еще десять минут.

— Ты ведь знаешь, что фазан может засохнуть. Он

будет безвкусным, если его подать не вовремя. Я уж и так поставила на самый тихий огонь.

Он вздохнул и поднялся с кресла.

— Давай я тебе чего-нибудь налью.

Она села на диван. Ее лицо пылало от джина.

— Ты уверен, что он знает наш адрес? — раздраженно спросила Катрина.

— Конечно. Он его всегда знал. И о времени мы договорились. Восемь часов, так мы условились по телефону. Надо было, чтобы Герберт его подбросил.

— Это в духе моего папочки! Он никогда не приходил к ужину, когда готовила моя мать!

— Не могу понять. — Тодд разочарованно покачал головой, он и сам начинал тревожиться. — Этот ужин так много значил для него, он был очень взволнован. — Он нахмурился и протянул ей бокал. — Он так этого ждал. Не знаю, что и думать. Наверное, что-нибудь случилось.

— Да у него всегда что-нибудь случается, — заметила Катрина едко и так разозлившись, что чуть не пролила джин. Поставив бокал на стол, она полезла за сигаретами. — Ну и что делать будем? Если дальше ждать, уже нет смысла ужинать.

В сотый раз он поглядел на часы.

— Может, позвонить в «Ритц»? Там могут знать, когда он ушел.

Катрина посмотрела на него пустым взглядом. Она уже не могла говорить. Она так готовилась к сегодняшнему вечеру. И вот тебе, пожалуйста!

— Я тебе говорила, — бросила Катрина. — Он ничуть не переменялся, такой же, как был, и все это значит для него не больше, чем книжка в этом шкафу. — Она указала на книжный шкаф.

— Лео никогда еще меня не подводил, — сказал Тодд, открывая телефонную книжку.

— Да он, небось, все еще торчит в баре, — ядовито заметила Катрина.

Перелестав странички, он наконец нашел номер.

— Кого-нибудь встретил и разговорился. Его обычное извинение.

Тодд набрал номер и ждал.

— Небось, какая-нибудь баба!

— Да, алло! Мне нужна информация об одном из ваших гостей. Мистер Синклер, Лео Синклер. Да,

правильно. Нет, я не думаю, что он в номере... — Закрыв трубку ладонью, он сказал: — Они звонят к нему в номер. Но он не может быть до сих пор в номере.

— Конечно, потому что он в баре.

— Да, — произнес Тодд в трубку. — Нет, я и не думал, что он в номере. Да, спасибо. — Он повернулся в сторону: — Они меня соединяют с регистрацией. Да, добрый вечер...

Она смотрела ему в лицо и ждала. Она ведь пыталась объяснить ему, предупреждала, что собою представляет ее отец...

— Да, — сказал Тодд. — Да, я понимаю. Если можно, скажите, пожалуйста, что звонил Тодд. Да, верно. Да, у него есть мой телефон. Спасибо. — Он еще больше нахмурился и поставил аппарат обратно на столик. — Они ждут его. Он заказал номер, но еще не вселился. Обычно он приезжает в середине дня. Может быть, задержка рейса или что-нибудь еще...

— Уж конечно, что-нибудь еще!

— Да ради Бога! — воскликнул Тодд со злостью, глядя, как она встает с кресла. — Хотя бы раз посомневайся на его счет, будь другом!

Но Катрина уже ушла в кухню.

Ужин пропал. Фазан засох, как она и предсказывала, да и аппетит у них был уже не тот после стольких выпитых бокалов. Один Мак выиграл от того, что Лео не пришел. Семейная гармония пяти прошедших недель была разбита за какие-то жалкие три часа. Ссора разразилась, как гроза.

— Это все ты виноват, — взорвалась наконец Катрина. Лицо ее было красным от злости. — Мы бы не оказались в этом дерьме, если бы ты не...

— Ради Бога! Просто он задержался, и все.

— О да, он и его обещания. Я-то знаю, я с ним выросла. Он никогда не изменится.

— Дай ему хоть передышку, ладно?

— А он дал передышку матери?

Это уж было чересчур. Тодд поднял голову, глаза сверкали от злости.

— Лео признает, что он поступил неправильно. Он говорил мне об этом. Все, закончили? Но это было уже давно, и, если хочешь, твоя мамочка не была ангелом!

Катрина побежала
— Да ты мою мамочку
— Хочешь знать, как
я пригласил его. У него
Вот как это много
я тебе скажу. Я себя
его раньше не приглашал
разу меня не попросил
— Хорошо, ну и
обещанные денежки
— О Бог мой! —
С меня хватит! Я иду
Он направился к
— Где-то там, — кри-
куда-то в сторону, — си-
лет в аэропорту из-за
Этот бедняга — твой от-
— Я его лучше знаю
— Ерунда! Ты его не
В глазах у Катрины
как он хлопнул дверью
лестнице. Она тихо за-
прошел в спальню. Кус-
своей пустой бокал и на-
Перемирие заканчи-
Они снова ссорились
И ссорились по том

Разговор за завир-
казалось, уже немного
обычное выражение. И
и кому придется пото-

— Это Герберт,
остатки кофе, си-
знаю что-нибудь о

— Если ты что-
ответила Катрина
тельно.

Первый раз с
Однажды утром, ко-
Катрина поцеловала
одним быстрым дви-
стель в спальню. И

Катрина победела

— Да ты мою мать никогда не видел! И ты смеешь..

— Хочешь знать кое-что? Да Лео плакал, когда я пригласил его. У него, бедняки, комок в горле стоял. Вот как это много для него значило! И еще кое-что я тебе скажу. Я себя дерьмом почувствовал за то, что его раньше не приглашал! Семь лет я его знаю, и он ни разу меня не подвел!

— Хорошо, ну и где же он теперь? И где его обещанные денежки?

— О Бог мой! — крикнул Тодд, вскочив со стула. — С меня хватит! Я иду спать.

Он направился к двери, потом внезапно обернулся.

— Где-то там, — кричал он, — показывая пальцем куда-то в сторону, — сидит старик, может быть, дремлет в аэропорту из-за того, что его рейс задержался. Этот бедняга — твой отец, но тебе на это плевать!

— Я его лучше знаю!

— Ерунда! Ты его не знаешь совсем!

В глазах у Катрины стояли слезы. Она слышала, как он хлопнул дверью, видела, как он поднимался по лестнице. Она тихо застонала, когда услышала, как он прошел в спальню. Кусая губы, Катрина уставилась на свой пустой бокал и налила себе бренди.

Перемирие закончилось.

Они снова ссорились.

И ссорились по тому же поводу.

Разговор за завтраком был односложным. Тодд, казалось, уже немного расслабился. Его лицо приняло обычное выражение. Время покажет — кто был прав и кому придется потом извиняться.

— Это Герберт, — сказал он, подняв голову. Допив остатки кофе, он поднялся. — Я позвоню тебе, когда узнаю что-нибудь о Лео.

— Если ты что-нибудь узнаешь о нем, — ядовито ответила Катрина. — По-моему, это очень сомнительно.

Первый раз она не поцеловала его перед уходом. Однажды утром, когда они только что помирились, Катрина поцеловала его в губы, и он ей ответил. Затем одним быстрым движением Тодд повалил ее на постель в сильном приступе страсти...

«Теперь этого еще долго не случится». — всхлинула Катрина, унося посуду, оставшуюся после завтрака, в кухню.

А чего, собственно, беспокоиться? Она изо всех сил старалась поддержать его. Раньше он прислушивался к ее мнению. Но сейчас все, что бы она ни сказала, принималось в штыки. Даже и сейчас он все еще верил, что ее отец вернется с деньгами. Даже сейчас! Какая глупость!

Катрина умылась, оделась, убрала постель, раздраженно бормоча что-то себе под нос, и как только вернулась в кухню, то увидела, что пришла миссис Бриджес и принесла письма.

— Я встретила почтальона у ворот и говорю: ты опоздал. А он знает, что ответил: я, говорит, проспал. Вот так вот. Даже не извинился. А я его всю ночь сижу жду, вместо того чтобы спать. Ну и люди пошли, правда?

— Да. Все кругом тебя подводят, — грустно подтвердила Катрина.

Обычно она оставалась минут на десять с миссис Бриджес, они пили вместе кофе, обсуждали домашние дела. Но сегодня Катрина была не в настроении. С натянутой улыбкой она направилась в кабинет, по дороге распечатывая почту. В основном это были счета, но на одном из конвертов стояла необычная марка, явно не английская. Она на минутку остановилась в холле, пытаясь разглядеть ее повнимательнее. Итальянская. Итальянская марка — письмо из Рима. Адресовано не им двоим, а лично ей.

Она села за стол и разорвала конверт. Внутри лежала небольшая записочка.

«Моя любимая Катрина,

Как насчет того, чтобы еще раз прогуляться? Двадцатого я опять приеду в Лондон. Может быть, двадцать первого поужинаем? Или пообедаем? Или проведем месяц на Багамах? Или всю жизнь в раю? Скажи, что ты выбрала, когда я тебе позвоню.

С любовью, Осси».

Катрина почувствовала, как ее лицо заливают краски. Ее бросило в жар. Она была вне себя. Он не имел никакого права такое написать. А если Тодди это

найдет? Она представила, что он у себя за спиной и, не осознавая, что делает, бормочет. Секунду она смотрела на штрик в своем ладони, словно опасаясь, что он вдруг укусит.

Катрина вспомнила, что он сирееет ее адрес.

— Я тебе буду присылать билеты на концерты, сказал он с невинным выражением лица.

Она развернула записку и разгладила ее руками на столе.

Когда она снова прочитала ее, тизз куда-то исчез, и на смену ему пришло четкое веселье. Ей даже стала приятна мысль о том, что Тодд прочитал бы записку. Ну и что, если бы он ее увидел? Так ему и надо. Это следует проучить.

Представляя выражение его лица, она улыбнулась в первый раз за все утро. Опасливо поглядывая на дверь, Катрина в третий раз перечитала записку.

Месяц на Багамах.

Он сошел с ума, просто сошел с ума!

Жизнь в раю.

И что же ей теперь делать с этим? Что ей говорить ему, когда он позвонит? И когда он позвонит?

Как насчет того, чтобы поужинать двадцать первого? Или пообедать?

Двадцать первое число было сегодня!

У нее перехватило дыхание. Сегодня! Она бросила испуганный взгляд на телефон, как будто бы он должен был зазвонить прямо сейчас.

Она вспомнила, как они обедали вместе. Даже если отбросить все комплименты, которые он говорил ей и которые она навсегда запомнила, он и сам по себе был очень интересным человеком. Организуя концерты Барзини по всему миру, он встречался с королевой, с американским президентом, с бесконечной вереницей премьер-министров, чьи имена не удержались в ее памяти... и еще разными, разными людьми.

Жизнь в раю?

Положив записку обратно в конверт, она подумала, что уже хватит ее читать. Слова отпечатались в ее памяти. Я буду в Лондоне двадцатого... ужин двадцать первого... или обед...

«Не дергайся», — сказала она себе, неожиданно почувствовав себя счастливой оттого, что он хочет видеть ее снова.

Катрина даже забыла о ссоре с Тоддом. Она не могла себе объяснить, зачем пошла наверх в спальню и открыла шкаф. Затем подошла к зеркалу и поправила прическу, пытаясь решить наконец, что же ей теперь делать. Конечно, никаких ужинов. Но что, если с ним пообедать? Было бы таким облегчением забыть хоть на минутку свои проблемы. Она могла бы пойти пообедать с ним... только чтобы сказать ему, чтобы он перестал писать ей, сказать, чтобы он перестал себя вести, как мальчишка. Взглянув на свои часы, она побежала обратно в спальню, чтобы сравнить время с будильником. Часы показывали двадцать минут десятого.

Катрина опять сбежала вниз и увидела, что миссис Бриджес все еще на кухне.

— Я пойду приму ванну,— сказала она.— Я, может быть, попозже выйду прогуляться.

После того как она перенесла телефонный аппарат из спальни в ванную, она стала обдумывать, что бы ей надеть и есть ли еще время сходить в парикмахерскую?

В ванной Катрина решала, как ей вести с ним разговор. Она произносила вслух фразы, добиваясь, чтобы они звучали просто, непринужденно.

Но телефон не звонил, и она почувствовала себя несчастной. Она вылезла из ванны и уже начала вытираться, как услышала звонок.

— Алло,— сказала она, задыхаясь.

— Катрина?

Сердце у нее екнуло. Это он! Никто больше так не произносил: «Катрина!» Так нежно и так призывно.

— А, привет. Это ты?

— Ты получила записку?

— Да, сегодня утром.

— Ну и как мои предложения? — Он хмыкнул.— Я знаю, что ты выбрала.

— Знаешь?

— Конечно, знаю. Что же еще, конечно главный приз! Жизнь в раю!

Она рассмеялась. Глупенькая школьница! И этот смех был не таким, как всегда.

— Я думаю, что мы... э-э-э... могли бы начать с чего-нибудь попроще.

— Месяц на Багамах?

— М-м, может быть, сначала обед?

— Катрина — В
шутки и упрям
предлагать мне
думал о тебе.
— Уверена, что
— Давай же
дней разберись с
— Осси! — рас
— Ну давай
рают, поэтому я со
встретиться?
— Я думаю, что
— Так ты смеж
ее сердце забилось.
— Я жду этого с
Браво! Ты же
Фэрр? Я обычно жу
У нее загораются
обедать? В его номер
— Э-э... да, я
— Чудесно. Гол
Или за тобой заса
— Нет-нет, давай
Договорившись
лась в спальню, о
что ей надеть. «Н
в номере?» Она на
концов он предла
если предложить
ведь может быть...
Катрина глот
но взрослая и ум
ацией, что она
в основном се
Сорок мину
ние, пятнадцать
в общем, в с
Часа на парикмах
Катрина уже с
завонил телеф
Какую-то де
это Тодд и
ния отца. Не
раз с ним... Г

— Катрина. — В его бархатном голосе прозвучал шуточный упрек. — Мы не виделись целый месяц, а ты предлагаешь мне всего лишь обед? Я ведь все время думал о тебе.

— Уверена, что это неправда.

— Энрико мне говорит: «Вернись, наконец, в Лондон и разберись с этой женщиной».

— Осси! — рассмеялась она и нежно пожурела его.

— Ну ладно, — он вздохнул. — Просители не выбирают, поэтому я согласен на обед. Сегодня мы сможем встретиться?

— Я думаю, что я смогу.

— Так ты сможешь! — Осси так обрадовался, что ее сердце забилося.

— Я жду этого с нетерпением.

— Bravo! Ты знаешь, где находится отель «Мэй Феэр»? Я обычно живу там, когда бываю в Лондоне.

У нее затряслись коленки. Так это там они будут обедать? В его номере?

— Э-э... да, я знаю, где «Мэй Феэр».

— Чудесно. Тогда в двенадцать тридцать в баре. Или за тобой заехать?

— Нет-нет, давай встретимся прямо там.

Договорившись с парикмахером, она снова бросилась в спальню, открыла гардероб и стала выбирать, что ей надеть. «Интересно, будем ли мы обедать у него в номере?» Она надеялась, что нет. Точно нет? В конце концов он предложил встретиться в баре. Но все-таки, если представить, что будем обедать в номере? Потом ведь может быть...

Катрина пыталась убедить себя, что она достаточно взрослая и умная, чтобы справиться с любой ситуацией, что она посмотрит, как повернется дело... но в основном ее беспокоил гардероб.

Сорок минут на одевание, две минуты на раздевание, пятнадцать минут на то, чтобы одеться снова, в общем, в одиннадцать часов она была почти готова. Час на парикмахерскую, и она будет как раз вовремя. Катрина уже собиралась вызвать такси, когда снова зазвонил телефон.

Какую-то долю секунды она колебалась. Наверное, это Тодди собирается передать ей патетические извинения отца. Надо ли ей это слушать? Она их уже тысячу раз слышала! Ее рука неуверенно потянулась к трубке.

А если это Осси звонит, и у него изменились планы?

А если...

Она подняла трубку.

— Алло?

— Э-э... э-э... Это мадам Катрина Тодд?

Она вздрогнула. Это был не Тодди. И не Осси.

Недовольная тем, что ее назвали «мадам», она произнесла:

— Да... это... это говорит Катрина Тодд.

— А, значит, я говорю с мадам Катриной Марион Энн Тодд? Девичья фамилия мадемуазель Синклер?

Почему он говорил «мадам» и «мадемуазель»?

— Да,— сказала она нетерпеливо.

— А, да-да... Мадам Тодд, мы не знакомы. Меня зовут Роша. Жерар Роша. Я... как это по-английски... адвокат? Я звоню из Франции.

Взглянув на часы, Катрина постаралась сдержать нетерпение и молчала, заинтригованная.

— Мадам Тодд, вы являетесь дочерью Лео Синклера?

— Да.

— Мадам Тодд, я не знаю, сидите ли вы сейчас, но если нет...

— Что-нибудь случилось?

— Да. Боюсь, что с вашим отцом произошел несчастный случай. Серьезное несчастье. Приготовьтесь к худшему.

— Что?

— Произошел пожар в его замке. Страшный пожар. Ужасное происшествие. Вы понимаете?

— Пожар? Нет. Вернее; да, я слышу вас...

— Я... да, это ужасно... сообщать плохие новости, но должен сказать вам, что ваш отец мертв. Он погиб при пожаре.

— Что? — прошептала она так тихо, что он не услышал.

— Мадам Тодд, вы слышите меня?

— Да. Извините. Я... — Она попыталась взять себя в руки. — Что там случилось? То есть когда?

— Два дня назад. Вчера был... э-э-э... сумасшедший день, так, кажется, по-английски, да?

— Да, правильно, сумасшедший день. Наверное... — бормотала она, не зная, что говорит. — А... как вы узнали обо мне?

— Но вы ведь слышали...
— Я имею в виду...
... телефона, кто вам...
... вильно сделали. Но...

— Из моих данных...
... ственница? И потом...
... У Катрины так...
... смогла записать теле...
... ривала.

Ее охватила дрожь...
сказал: — Я знаю его с...

разу. Катрина не чувств...
Ее отец был мерзв. Но...
Она закурила, поте...
... шись с мыслями и...
скажет.

Тодд рывкнул на не...
— Пока я о Лео не...
Катрина сглотнула...
такие новости по теле...

— Ты не можешь...
Мы бы чего-нибудь...
ладно? Я зайду за тоб...
Она отменила зака...

в «Мэй Феър Огелъ».

Номер мистера К...
рина оставила ему за...
— Да, правильно...

Тодд. Передайте ему...
сегодня я не смогу пр...

ГЛА...
Смерть Лео соби...
обеда, во время кото...
Тодд и Катрина сид...
друг на друга, и тих...
варивают люди, ког...
трясенный, Тодд чу...
больше, чем ожидал...
оказалась таким с...

— Но вы ведь его дочь, не правда ли?

— Я имею в виду, откуда вы знаете мой номер телефона, кто вам сказал? Нет, это вы, конечно, правильно сделали, но...

— Из моих данных. Вы ведь его ближайшая родственница? И потом, вы его единственная наследница.

У Катрины так дрожали руки, что она с трудом смогла записать телефон человека, с которым разговаривала.

Ее охватила дрожь. Она вспомнила, как Тодд вчера сказал:

— Я знаю его семь лет, и он не подвел меня ни разу.

Катрина не чувствовала ни сожалений, ни печали. Ее отец был мертв. Но вот Тодди эта новость убьет.

Она закурила, потом позвонила в контору, собравшись с мыслями и продумав, что она ему сейчас скажет.

Тодд рявкнул на нее, едва сняв трубку:

— Пока я о Лео ничего не слышал!

Катрина сглотнула, решив, что не надо сообщать такие новости по телефону.

— Ты не можешь к обеду пораньше освободиться? Мы бы чего-нибудь выпили и съели по бутерброду, ладно? Я зайду за тобой в контору.

Она отменила заказ в парикмахерской и позвонила в «Мэй Феэр Отель».

Номер мистера Келлера был занят, поэтому Катрина оставила ему записку.

— Да, правильно,— сказала она портье.— Катрина Тодд. Передайте ему мои извинения и скажите, что сегодня я не смогу прийти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Смерть Лео сблизила их. Вернувшись домой после обеда, во время которого они преимущественно пили, Тодд и Катрина сидели в столовой, растерянно глядя друг на друга, и тихо разговаривали; так всегда разговаривают люди, когда сталкиваются со смертью. Потрясенный, Тодд чувствовал, что он расстроен гораздо больше, чем ожидал, а для Катрины смерть отца оказалась таким сильным ударом, который она до

конца еще не смогла осознать. Она приехала к Тодду в контору бледная, дрожа от страха. Сейчас, сидя рядом на диване, они пытались поддерживать друг друга, но разговор их не клеился. Они все время замолкали, каждый по-своему задумываясь над происшедшим.

Внезапно Катрина воскликнула:

— Боже мой, я чувствую себя такой виноватой!

— Не надо. Он никогда не винил тебя за нежелание видаться. Он прекрасно понимал, что ты не должна была бы ему многое простить.

Но Катрина думала о другом. Ведь когда зазвонил телефон, она собиралась встретиться с Осси. После обеда они поднялись бы к нему в номер и занялись бы любовью. К чему притворяться? К чему лгать самой себе? Ты собиралась заниматься любовью весь день, потом прийти домой, приготовить ужин и не говорить никому ни слова...

— Это ужасно,— сказал Тодд.

Она взглянула на него, чувствуя себя недостойной его утешений. «Слава Богу, что я не пошла туда! Представить, что Роша позвонил бы, когда меня не было дома, и миссис Бриджес дала бы ему номер Тодди... он пришел бы домой и не застал бы меня, а потом... вдруг все бы открылось?» Эта мысль так испугала ее, что она схватила Тодда за руку, как будто хотела убедиться в том, что они по-прежнему были вместе и их брак был таким же крепким.

Когда он в ответ удивленно взглянул на нее, она попыталась улыбнуться.

— Я так ужасно чувствовала себя, когда раздался этот звонок. Даже не знала, что сказать этому Роша. Я имею в виду...

— Ты была потрясена.

— Ну, положим, немного, но, признайся честно, ты ведь гораздо больше расстроен, чем я. Я должна была бы хоть что-то почувствовать! Но я не могу скорбеть о нем. Я не могу. Он умер, а я ничего не чувствую. Просто какую-то пустоту. Бог знает, как я буду вести себя на похоронах.

— Ужасный удар,— повторил Тодд.— Если я и больше расстроен, так это потому, что я его лучше знал. Он был хорошим другом.

Катрина покачала головой, как будто до сих пор удивляясь, как это он мог подружиться с ее отцом.

— Я все время пытаюсь представить его. Пытаюсь с того момента, как узнала. Старюсь понять это. Я понимаю, что сейчас уже поздно, но... Она запылала, словно искала подходящие слова. Он ведь не женился еще раз? Или он был женат?

— Я в общем-то точно не знаю... Не думаю.

— Роша сказал, что он жил один. Конечно, у него была экономка, но она жила отдельно. И ей повезло, иначе бы она тоже погибла при пожаре. Но странно, я не могу себе представить, чтобы он жил без женщины. Насколько я знаю, они все его обожали. Я думаю, что из-за этого и запыла моя мать. Он все деньги тратил на женщин, пока она пыталась свести концы с концами...

Он вздохнул.

— Не говори плохо о покойнике.

— Я не хотела,— быстро перебила Катрина.— Как раз наоборот. Я подумала о твоих вчерашних словах. Ведь семья — это дело двоих. Быть может, она его недостаточно поддерживала. Я ведь не знаю, я слышала все это только с ее слов. К тому времени, как я уже начала понимать кое-что, он уехал в Африку.

— В Конго.

Она подняла на него глаза.

— Он уехал в Конго.

— Видишь? Ты даже это знаешь.— Посмотрев на него, она почувствовала непреодолимое желание рассказать про записку Осси, ее решение и то, что могло бы случиться. Она сдержалась и вместо этого, как бы стремясь загладить свою несовершившуюся измену, произнесла: — Я ведь тоже могла бы тебя больше поддерживать, да? Подобные несчастья заставляют смотреть на себя со стороны. Задавать себе всякие вопросы. Думать.

— Я все думаю о Лео. Такой трагичный конец!

— Роша полагает, что он задохнулся во сне, отравился угарным газом. Он, наверное, ничего не почувствовал.

— Надеюсь, что нет.

Катрина замолчала, он тяжело вздохнул, глядя себе под ноги. Через минуту Тодд спросил:

— Во сколько, ты говоришь, в четверг будут похороны?

— В два тридцать. Мы можем полететь прямым рейсом из Хитроу в Марсель. Тогда мы будем там

в полдень. Роша обо всем позаботится. Он встретит нас в аэропорту и довезет до Ле Кьога...

— Вот как называется замок! — воскликнул Тодд. — Ле Кьога! Теперь я вспомнил. Лео говорил об этом. Он находится на побережье, в Ницце.

Глядя на него и в который раз пытаюсь представить мужа рядом со своим отцом, она спросила:

— Ты знал, что он оставил все мне?

— Нет. Мы никогда об этом не говорили.

— Я думаю, что именно поэтому я чувствую вину. Я не могла поверить, когда Роша сообщил мне об этом.

Тодд понимающе кивнул, он тоже чувствовал себя виноватым. Семь лет! Семь лет Лео ждал примирения с дочерью. И он подвел его. Он должен был пригласить его раньше. О Боже, как ему жалко... как жалко, что...

Но у него были более серьезные, чем у Катрины, причины для чувства вины, и он знал это отлично. Конечно, первой его реакцией были шок и страшное чувство потери. Затем стыд. Стыд за то, что не успел помирить отца с дочерью. А потом — все мы эгоисты! — Тодд подумал о четырехстах тысячах фунтов, которые он должен был отдать Морони. Только десять дней оставалось до конца месяца! Ох, Лео! Ну почему именно сейчас?

Катрина кашлянула.

— Роша сказал, что он закажет нам номер в гостинице на сутки. И он пригласил нас на ужин после похорон, где, я думаю, и состоится разговор о наследстве.

Тодд молча пил виски.

Она сделала отчаянную попытку развеселить его.

— Вот все-таки характер, а? Из Уэмбли-парка в замок во Франции через Конго.

— Да, — выдавил он из себя с грустью. — Характер что надо. Я буду так скучать о нем.

Катрина нервно расправила складки на платье и попыталась выразить в словах то, что чувствовала:

— Жаль, что он не оставил все деньги тебе. Это ты был его другом, а не я. Ты единственный, кто этого заслуживает. Я знаю, что я его дочь, но чувствую себя обманщицей.

Да ведь нет никакого обмана...

— Но я так чувствую, — настаивала Катрина. Только чувства имеют значение. Когда ты пришел домой и сказал, что отец одолжит тебе деньги, я собиралась сказать, что чек окажется фальшивым, но я не узнала, что он будет с банковским подтверждением. Потом ты рассказывал про его замок, а я опять не поверила. Я не поверила ни единому слову. Ни единому. Я даже не могла сомневаться на этот счет. И все оказалось правдой, все... Всклинув, Катрина покачала головой. — А он сделал меня наследницей.

— Ну, успокойся, — сказал Тодд ласково, неояв, что Катрина сейчас заплачет. Он обнял ее за плечи. Ведь так хотел Лео.

— Но ведь это куча денег, правда же? Он собирается одолжить тебе четыреста тысяч. Да еще этот замок. И ты сам говорил, что он был очень состоятельным человеком. — Она повернулась к мужу и пристально посмотрела на него. Единственно правильным выходом будет считать, что это наши общие деньги. Я уверена, что отец хотел бы этого. Может быть, мы потратим их на «Палому Бланку»?

— Ш-ш-ш, — прошептал он.

— Ведь «Паломы Бланка» — единственный предмет наших споров, Тодди. Мы ссорились по этому поводу все время. Не хочу вставать в позу, но я не могу жить с этой постоянной тревогой. Не могу я жить под дамокловым мечом! — В ее глазах появились слезы. — Неужели ты не понимаешь? Это единственный способ улучшить наши дела. Он спас наш брак...

И Катрина разрыдалась, но не от жалости к Лео, как думал Тодд. Слезами она старалась облегчить чувство своей вины перед отцом.

На следующее утро разговоры об этом продолжались. Тодд, выглядевший усталым после бессонной ночи, пошел в контору, чтобы позвонить Хэнку на Майорку. Зажав трубку плечом, он достал сигару и закурил.

— Тут можно говорить о серьезных деньгах. Я имею в виду... Бог знает, что я не хотел этого, да и кто бы этого хотел, но только подумай. Лео собирался одолжить мне четыреста тысяч. Так теперь в нашем распоряжении все его деловые вклады, а я думаю, они

значительны, потом этот замок во Франции и Бог знает что еще. Катрина получает все. Все.

Хэнк на другом конце провода только присвистнул.

— Конечно, не годится говорить сейчас так, но Лео первый понял бы меня. Он, который сам всю жизнь был купи-продай...

Этот разговор облегчил его совесть, и после него Тодд почувствовал себя лучше. Они с Катриной полночи просидели, обсуждая потрясшую их новость. В конечном итоге она была права. Собственность Лео обещала быть существенной, и он хотел бы вложить эти деньги в «Палому Бланку».

— Ну и как ты там? — Хэнк прервал его мысли. В его голосе слышалось сочувствие. — Более или менее в порядке?

— Ты имеешь в виду моё душевное состояние? — Тодд глубоко вздохнул. — Да, вчера я был очень потрясен. Просто разбит. Я ушел домой, потому что не мог работать. А вечером... — Он застонал. — Даже и говорить об этом не хочу. Как мы провели его с Катриной — чувство вины, слезы, отчаяние... И я до сих пор не могу прийти в себя. Лео, боже мой! Умер. Вот так. Я всегда представлял нас четверых в «Паломе Бланке»: Лео, Катрина, ты и я. Я думал, что помирю их к тому времени, и у нас будет большой праздник.

— Вот он и сделал этот праздник возможным. Ведь можно на это и так посмотреть.

— Да, правда. Ты точно сказал. — Тодд даже закивал. — Вот и я так считаю. Сказать тебе честно, я проснулся сегодня утром с тяжелым чувством — похмелье, разбитость, отчаяние, — и вдруг мне стало удивительно легко, будто с моих плеч свалился огромный груз. Понимаешь, что я имею в виду, Бог знает, я уже сказал, что я этого не хотел, да и кто хотел бы, но это означает, что мы выдугались, Хэнк. Сейчас счет пошел на миллионы, ведь я прав? Для начала этот замок. Хотя, конечно, как сказал адвокат, все там разрушено после пожара, но он должен был быть застрахован.

— А ты говорил с юристом?

— Катрина вчера с ним разговаривала. Я сейчас собираюсь ему звонить. Но сначала я с тобой хотел посоветоваться. Он кажется мне подходящим парнем, если верить Катрине. Сейчас он занимается похоронами. А потом будем с ним говорить по делам Лео.

— Это в четверг?

— Да.

Хэнк заколебался.

— Четыре дня осталось до платежа Мерфи. Еще остался срок до следующего понедельника.

— Да еще достаточно времени. Я ведь думаю, что это не усложняет дело? Ведь все завещано Катрине.

— Я думаю, — согласился Хэнк с нервным смешком. — Черт, я не разбираюсь в этих деталях. Мне-то ни копейки никто не завещает.

— Мне-то тоже, — сказал Тодд. — Это моя жена теперь богатая наследница. Никак я не приду в себя.

— Все благодаря старому доброму Лео.

— Да, — вздохнул Тодд. — Жаль, что ты с ним не встретился, он был совсем другим, но вот ты только что правильно сказал о том, что он сделал этот праздник возможным, это как раз то, чего бы он сам хотел. Он бы мне по заднице врезал, если бы узнал, как я распустился. Seriously, он был таким. Он бывало говорил: *«Вот деньги, Тодди. Иди и доделай свою работу»*. Только так я смогу поблагодарить его за все, Хэнк. Спасибо ему — наши беды кончились.

На минуту они замолчали, каждый думал о своем. И когда Хэнк наконец заговорил, в его голосе слышалось облегчение.

— Это поможет тебе более спокойно принять плохую новость, — сказал он. — Ничего у меня не вышло с виллой. Самая большая цена за нее — восемьдесят тысяч.

— Да она стоит полмиллиона! — неожиданно взорвался Тодд.

— Ты знаешь, какова здесь публика, — сказал Хэнк с отчаянием в голосе. — Все крупные покупки должны оцениваться в Мадриде. А это значит — навсегда потерять все. Но я могу...

— Да не беспокойся. Шли бы они на... банкиры есть банкиры. Они везде одинаковы, — буркнул Тодд с отвращением. — Благодаря Лео нам не нужно с ними связываться. Пусть они подавятся своими деньгами.

Он закончил разговор с Хэнком и собрался позвонить адвокату Лео в Ле Кьота. К его удивлению, это заняло у него все утро. Когда он первый раз набрал номер, там было занято, потом он не туда попал, затем звонили ему по разным делам, и он был вынуж-

ден отвечать на звонки, и таким образом только к обеду ему удалось дозвониться до Роша.

— Мистер Тодд? Добрый день.

— Добрый день, мосье Роша.— Он не доверял своим знаниям во французском языке, поэтому сразу перешел на английский.— Вы вчера звонили моей жене насчет постигшего нас горя.

— О да,— согласился Роша, голос его звучал скорбно.— Я только что закончил все приготовления насчет четверга. Жаль, что мы должны встретиться при столь печальных обстоятельствах.

— Да, очень,— согласился Тодд.— Очень печальных. Спасибо вам большое за то, что вы занялись похоронами.

— Не стоит благодарности. Я ведь исполняю волю покойного — так, кажется, вы говорите по-английски?

— Да, так.

— Значит, это часть моих печальных обязанностей, правда в этом случае нужно было организовать не так уж и много...

Пока Роша объяснял, каким образом останки Лео заберут из больничного морга и отправят на кладбище, Тодд думал, как бы ему приступить к главной части разговора. Ему отчаянно хотелось быть тактичным и не казаться хапугой, но с чего-то надо было начать разговор. Юристы любят потянуть резину, а он был не в том положении, чтобы терпеть всяческие задержки. Он подождал, пока Роша закончит, затем откашлялся и приступил к делу.

— Мосье Роша, мы, естественно, очень расстроены, тем более что два дня назад мы ждали Лео в Лондоне.

— Понимаю, в день пожара.

— Да. Видите ли, в чем дело... мне, право, ужасно неприятно говорить сейчас об этом, но мы... то есть Лео и я ... собирались заключить одну сделку. Он должен был вручить мне банковский чек. На четыреста тысяч фунтов стерлингов. Мне не по себе, что я об этом говорю. Дело в том, что... в общем, это очень важно. С другой стороны, естественно предположить, что я этого ждал.

К счастью, Роша, кажется, понял.

— А ваша жена в курсе этой сделки?

— Да, конечно. Полностью. Она все знает.

— Тогда у вас в конце-то концов...
— Да, правда.
— Но вы должны момент запущены.
— Следующей неделей тоже встретитесь с мадам Тодд.
— Огромное спасибо.
— Не за что.
— Мосье Тодд.
— Хорошо.

свидания.
Потом он сказал соединяла. Он сказал о том, что произошло правдой. Прошлым вечером, да и с утра произошло нечто огромное. Огромное чувство с его плеч и сделало поговорив с Рошей. Естественно наследство. Ну, из-за денег, которые. Мир настал и как он занялся «Годаря Лео».

Дождь шел в из Хитроу, и слеза Ла-Манш, затуманено так низко, что, ев. В порту в Мадриде от дождя так, а ветер был гал до костей. От холода в хитроу согреваться. Разбилось, больно дворике.

Вернувшись

— Тогда у вас нет причин беспокоиться. Ведь в конце-то концов ваша жена получит по завещанию все. Вся его собственность перейдет к ней.

— Да, правда.

— Но вы должны понять, мсье, дела в настоящий момент запущены. Надо все как следует разобрать. На следующей неделе, думаю, я смогу вам ответить. Вы тоже встретитесь со мной в Марселе, как мы договорились с мадам Тодд?

— Огромное вам спасибо.

— Не за что. Сейчас я должен уйти. До свидания, мсье Тодд.

— Хорошо. Спасибо. Огромное спасибо. До свидания.

Потом он сказал Сэлли, чтобы она его ни с кем не соединяла. Он спокойно сидел в кресле, размышляя о том, что произошло. То, что он сказал Хэнку, было правдой. Прошлым вечером он был страшно расстроен, да и с утра проснулся с тяжелой головой. А потом нахлынула огромная волна облегчения; это замечательное чувство окончания всех бед. Груз забот упал с его плеч и сделал его на десять лет моложе. А теперь, поговорив с Роша и получив подтверждение относительно наследства, он чувствовал в душе необыкновенную легкость. Не надо было больше сходить с ума из-за денег, которые он должен был заплатить Морони. Мир настал в его сердце в первый раз после того, как он занялся «Паломой Бланкой». И все это — благодаря Лео.

Дождь шел весь день. Он шел, когда они улетали из Хитроу, и следовал за ними, когда они пересекали Ла-Манш, затуманив собой Прованс, и тучи стояли так низко, что, казалось, задевали верхушки деревьев. В порту в Марселе пешеходы бежали по скользким от дождя тротуарам, подняв от ветра воротники, а ветер был таким пронизывающим, что пробирал до костей. За городом, в полях, скот дрожал от холода в хлевах и жался друг к другу, пытаясь согреться. Разбухшая земля чавкала под ногами, и, казалось, больше всего воды было в кладбищенском дворике.

Вернувшись с похорон, Катрина залезла в ванну.

— Никогда так не замерзала. У меня даже зубы стучат.

В спальне Тодд вытер волосы, бросил полотенце и выглянул в окно.

— Все еще идет, и сильный. Роша сказал, что на побережье наводнение.

— На меня не сырость действует, а холод. И это Юг Франции! Ведь тут не должно быть холодно,— жалобно сказала Катрина, стараясь забраться поглубже в воду. Какое было счастье оказаться в гостинице. Горячая ванна возвращала ее к жизни.— Почему они не отпели Лео в церкви? Почему надо было это делать на кладбище?

— Я думаю, такова традиция. Просто погода нас подвела: обычно здесь все по-другому. Ты ведь слышала, что сказал Роша: «Для английского джентльмена и день английский». Бог словно специально послал этот дождь специально для Лео.— Тодд, стоя в одном белье, рылся в единственном чемодане, жалея, что не взял второй костюм.— Я надеюсь, здесь высушат мои брюки. Пиджак еще ничего, в основном пальто промокло, но брюки — просто насквозь.— Бросив белье, рубашку, галстук и носки на кровать, он устало покачал головой.— Бог мой, ну и денек. Я чертовски рад, что все наконец закончилось.

Но закончились только похороны, длинная процедура, требующая нечеловеческого напряжения, организованная Роша с тщательностью человека, ожидавшего сотни посетителей, хотя были только Тодд, Катрина да полдюжины незнакомцев, которых они встретили во дворе церкви.

— Я не знал, кому еще сообщить,— признался Роша, когда встретил их в аэропорту.— Конечно, я был знаком с несколькими его друзьями, но подумал, что вы сообщите остальным...

Он оказался не таким, каким представлял его себе Тодд. Адвокат Лео, по его мнению, должен напоминать Лапьера — если не внешне, так хотя бы манерой поведения. Но Лапьер был маленьким и худым, с острым наблюдательным взглядом и быстрым умом, а Роша — огромным, неуклюжим человеком, чьи действия не могли заставить предполагать в нем наличие живого ума. Он говорил с медлительностью старого учителя, наставляющего непоседу-ученика, частично

из-за того, что выражал свои мысли на иностранном языке, но главным образом потому, что был таким по натуре: медлительный и осторожный во всем. Правда, в нем была искренность, которая располагала к себе, особенно когда он говорил о Лео, и можно было предположить, что он был его хорошим другом. Тогда он за это понравился.

— Как звали тех людей? — спросила Катрина из ванной. — Этих — из Лиона?

— Биленберги, по-моему. Обычно они с Лео отдыхали летом. Роша сказал, что иногда в августе в замке жили до двадцати человек.

— И что ты о нем думаешь?

— О Роша? Да нормальный вроде. Немного медлительный и неуклюжий, но искренне любит Лео. Правда, Биленберг сам разыскал Роша, да и остальных, впрочем, тоже. Французские газеты скупно писали о пожаре. Бедняга Роша сказал, что он многих встречал у Лео, но не знал, где они живут. Он говорит, что получилось бы лучше, если бы он знал, как с ними связаться. Между прочим, он предложил взглянуть за замок завтра утром. Ну, или скорее на то, что от него осталось. Хочешь пойти?

— А надо?

— Только если хочешь.

Иногда Катрина и сама не знала, чего хочет. Последнее время она часто задавала себе этот вопрос. Она не хотела такого переворота в своей жизни, не хотела убегать в «Бродлэндз» с Софи, не хотела вступать в близкие отношения с Осси и жить в постоянной тревоге о «Паломе Бланке» тоже не хотела.

— Нет уж, спасибо, — твердо сказала она. Но крайней мере уж в этом-то она была уверена. Встряхнувшись после теплой ванны, Катрина начала думать об отце. Она вспомнила свое несчастное детство, пьянство матери и безвременную ее кончину. Но после его смерти она начала думать о нем иначе. И особенно сегодня, когда она, дрожа, стояла на кладбище. В нем, оказывается, было что-то, чего она совсем не знала. Катрина вспомнила, как однажды ее тетка сказала: «У него хорошие намерения, но на него нельзя положиться. Вот где твоя мать ошибалась. Она верила во все, что он говорил ей. Она всегда искренне верила его обещаниям. Я даже скажу, что он и сам в них

верит, но у него всегда что-нибудь да случается, а поэтому он подводит людей».

Подведет ли он их? Даже сейчас? В Лондоне легко было представлять огромное наследство. Все досталось ей чрезвычайно легко. По временам она чувствовала даже угрызения совести, ей становилось стыдно. Потом Катрина убедила себя, что эти деньги нужны Тодди для его пресловутой «Паломы Бланки». И она поделилась своими мыслями с мужем. Он тут же начал носиться с новыми проектами и строить воздушные замки. Каждый день на прошлой неделе, приходя домой, он произносил новую цифру, все большую цифру, и если бы кто-нибудь мог их подслушать, он подумал бы, что речь идет о Барбаре Хаттон, унаследовавшей мультимиллионы от Вулворта.

— Ты в порядке? — спросил Тодд, выходя из спальни.

— Я немного боюсь.

Удивленный, он сел на край ванны и тихонько обнял ее за мокрые плечи.

— Чего же ты боишься?

— Узнать от Роша сумму денег.

Он рассмеялся.

— Так ты что, денег боишься?

Катрина не нашла, что ответить.

— Это похороны на тебя так подействовали, — сказал он ласково. — Да и перелет был тяжелым. И еще эта погода, ты немножко расстроена, вот и все.

Она кивнула с несчастным видом. Да, Катрина была очень расстроена. Утром она проснулась в подавленном состоянии.

Но больше всего ее мучали страхи. Над ней нависло предчувствие катастрофы. Кашлянув, Катрина сказала:

— А вдруг там не так много денег, как мы думаем? А вдруг...

— Эй! — перебил ее Тодд. — Через час Роша нам все скажет.

— Ну а вдруг?

— Ну что вдруг? Что, там не было замка? Мы ведь знаем, что замок был. Лео не собирался одолжить мне четыреста тысяч? Собирался. Разве он не останавливался все время в «Ритце» и не колесил по всему свету?

Я знаю, что это так. Может быть, он был не очень состоятельным?

— Но ведь ты должен заставить деньги работать! Это ведь очень важно!

— Ну и что? Роша сказал, что с этим проблем не будет,— Тодд рассмеялся.— Ну, подумай, Роша — типичный законник, он ведь быстро выяснил, что это все — твои деньги. Ты ведь единственная наследница, ты не забыла об этом? Лео оставил тебе все свои капиталы.

Катрина улыбнулась вымученной улыбкой.

— Так что — я дурочка?

— Ну, конечно, дурочка.— Он поцеловал ее в макушку, поднялся и пошел обратно в спальню.— Может, уступишь мне местечко рядом? — крикнул он ей, сбрасывая одежду.— А ты давай-ка привыкай к этому. Мы теперь богачи! У нас до чертиков этих паршивых денег!

Его твердая уверенность успокоила ее. Катрина вылезла из ванны. Она убеждала себя, что Тодди, конечно, прав, и ее страхи безосновательны.

Но позже, когда Катрина одевалась к ужину, предчувствия близкой катастрофы опять завладели ею.

Ее отец подведет ее вне зависимости от того, живой он или мертвый. Он все равно подведет ее. А Тодди нужны деньги в понедельник...

Может быть, дождь в Париже и не лил потоком, как в Провансе, но был достаточно сильным. Все водостоки были залиты водой, а улочки Монмартра сплошь покрыты лужами, и каждый проезжающий по ним автомобиль поднимал фонтан грязи, обливая пешеходов, бегущих по тротуарам. Правда, пешеходов было немного. Паршивая погода загнала всех в дома или бары и кафе, где люди ели и пили, ожидая, пока разойдутся тучи.

В ресторане Вито Сартене посетители и официанты пытались вспомнить, когда в последний раз был такой сильный дождь.

— Такого дождя не было со времен Ноева ковчега,— пошутил кто-то.

Но в угловом кабинете не было ни шуток, ни

разговоров о погоде. Там, как всегда, шел деловой разговор.

Сартене подводил итоги своей поездки в Лондон.

— Два дела,— сказал он.— «Тодд Моторс» и «Оуэнс», оба дела на крючке. Даже если он продаст их, все деньги заберет банк. Оба источника иссякли.

Морони вздохнул и передвинул на край тарелки остатки еды. Подобная новость не улучшила аппетит. Вытерев рот салфеткой, он выпил вина, чтобы придать себе сил.

— Итак,— мрачно заключил Сартене.— Его дом тоже отойдет к банку. Честное слово, я не знаю, как он хотя бы центимо сможет заработать в Лондоне.

Чувствуя отвращение к человеку, который так запутал свои дела, Морони, покачав головой, стиснул зубы. Он посмотрел в сторону Джулиуса Карбоне. Наблюдая, как он поглощает дорогую пищу, Морони подумал, что за все в жизни надо платить. У человека есть расходы, обязательства; но чтобы расплатиться, сначала надо получить деньги.

Сообщив плохую новость, Сартене размышлял над тем, чем бы подсластить пилюлю.

— Жена — это просто,— сказал он.— Только скажи мне — и мы возьмем ее завтра.

Морони печально покачал головой. Он подумал, что Лео Синклер хорошо заплатил бы за то, чтобы уберечь свою дочь от беды. Но теперь газеты сообщили, что Синклер погиб при пожаре. Таким образом, даже это решение нельзя было принять. И все пойдет наперекосяк, как пошла наперекосяк эта сделка. Такие дела и раньше у него бывали. Правда, к счастью, не так уж часто. Опыт научил Морони как можно быстрее сокращать свои потери.

— Так что ты думаешь делать дальше? — осведомился Сартене. Морони имел вид человека, готового к самому плохому. Он устало улыбнулся.

— Он должен заплатить до первого числа. Может быть, заплатит? А? Это ведь возможно? Хорошо, если это будет так. Без проблем.

— А если он не заплатит? — колеблясь, спросил Сартене.— Ты что, хочешь, чтобы я опять поехал в Лондон? — Для Сартене декабрь был удачным, сборы высокими. Ресторан был заполнен до отказа с десятого числа и до Рождества.— Я просто спрашиваю,—

поспешно пояснил...
будет подготовиться...
Морони кивнул. Е...
дами он стал человек...
дять начало декабря...
Рождество и Новый...
вать Николь, хотя...
грустно, и для него...
ника запланировала...
хотелось ехать в Лон...
Морщина пересек...
о своих планах. Назв...
вана встреча с экстер...
«Палому Бланку». М...
она стоит? А может...
Зная, что мысли...
тене терпеливо ждал...
Наконец Морони...
— Если он заплат...
следующей неделе м...
в Лондон. Если это...
расходы...— Он пож...
уступить нам это мес...

Сартене кивнул. М...
ные уговоры. Больн...
вали свои долги. У...
настырный швед в О...
часов, но это был рек...
он скоропостижно ск...
Морони взглянул...
— Но если это...
у нас не остается др...
Сартене со слезам...
страховку.

Тодд не появлял...
говоре в Париже. О...
собираются уехать...
беспокоится о резул...
ся? Восемьдесят...
дил, что они могут...
ря правду. Тодд...
о размере наследст...

поспешно пояснил он, потому что тогда мне надо будет подготовиться.

Морони кивнул, показывая, что понимает его. Стодами он стал человеком привычек, и он любил проводить начало декабря с Николь на Монмартре. Но Рождество и Новый год он встречал с женой. Откладывать Николь, хотя бы на двадцать четыре часа, было грустно, и для него, и для нее, потому что она наверняка запланировала ряд «выходов». Ему совсем не хотелось ехать в Лондон.

Морщина пересекла лоб Морони, когда он подумал о своих планах. На завтра у них с Ланьером запланирована встреча с экспертом Русом относительно цены за «Палому Бланку». Может быть, Рус скажет, сколько она стоит? А может быть, даже покупателя найдет?

Зная, что мысли Морони нельзя прерывать, Сартене терпеливо ждал.

Наконец Морони принял решение.

— Если он заплатит, у нас не будет проблем. А? На следующей неделе мы будем знать. Если нет, мы едем в Лондон. Если это место на Майорке покроет наши расходы... — Он пожал плечами. — Мы уговорим его уступить нам это место. А?

Сартене кивнул. Он знал, как происходили подобные уговоры. Большинство должников быстро отдавали свои долги. Упрямылись лишь единицы. Этот настырный швед в Осло сопротивлялся целых восемь часов, но это был рекорд, и потом его побили так, что он скорострительно скончался.

Морони взглянул на него из-под нависших бровей.

— Но если это место не покроет наши расходы, у нас не остается другого выхода.

Сартене согласился. Они должны будут получить страховку.

Тодд не поверил бы, если бы ему рассказали о разговоре в Париже. Он бы рассмеялся. Они с Катриной собираются унаследовать миллионы Лео, а Морони беспокоится о текущем платеже! Абсурд! Чего он боится? Восемьдесят тысяч уже в банке, и Роша подтвердил, что они могут рассчитывать и на остальное. Говоря правду, Тодд всю неделю только и думал, что о размере наследства Катрины. Сколько же там мил-

лионов? Может быть, достаточно денег, чтобы оплатить весь кредит Морони, все, до последнего пенни.

Поэтому Тодд чувствовал себя суперменом, приглашая Роша на ужин. Единственной его заботой была Катрина. Бледная и изможденная, она едва притрагивалась к еде. Он знал, как сильно она тревожится. Она ведь уверена, что Лео подведет. Но что он мог сказать? Ничего, ведь рядом был адвокат. К тому же Роша докажет состоятельность Лео раз и навсегда. Тодд улыбнулся про себя. После того как он твердил Катрине о положительных качествах Лео целых семь лет, Тодд чувствовал что-то вроде триумфа.

Роша, правда, сразу к делу не приступил. Он и ел-то медленно. Каждый кусок он, казалось, прожевывал дважды и думал долго и с трудом, прежде чем ответить на вопрос. Он говорил обо всем в общем и, казалось, собирался оставить главный вопрос на потом.

Понимая, что формальности должны быть соблюдены, Тодд старался в это время развеселить Катрину, истолковывая в свою пользу редкие ответы Роша. Он полагал, что Роша около семидесяти. Конечно, ему не столько лет, сколько было бедному старине Лео, но около того. У него были редкие седые волосы, загорелое лицо сельского жителя и длинный крупный нос. Он хорошо говорил по-английски, но страшно медленно, сначала мысленно формулируя слова, затем переводя их на иностранный язык. Выяснилось, что он был местным адвокатом, которого Лео пригласил помочь, когда покупал замок десять лет назад. С тех пор Лео консультировался с ним по разным мелким вопросам, и они стали друзьями. Роша с радостью говорил о Лео. За ужином, пока они ели, он вспоминал разные истории о вечеринках в замке и долгих воскресных обедах летом. Как человека Лео он знал очень хорошо, но у него было мало сведений о его делах.

— Он часто уезжал, — извиняющимся тоном говорил Роша, оторвав глаза от тарелки. — Летом он чаще бывал здесь, но... — Он слегка пожал плечами. — И тогда он готовился к какой-нибудь поездке...

— Он всегда был таким, — сухо сказала Катрина. Роша с любопытством взглянул на нее.

— Я думал, вы не виделись со своим отцом. Она покраснела. Но она уже решила для себя,

что на любые деньги
и до конца.
— Нет, я никогда
Катрина. —
наверное, уже маж
та, чем он. Тут, ко
сейчас, но...
— Я всегда
в Лондон, — переби

Тодд.
Роша кивнул.
— Жаль, — ска

не видели.
Во время их бес
говор на замок и
пожар. Роша уже
селя, что пожар бы
ше. Но Тодд думал
Роша прекратить хо

Но не тут-то бе
подробности. Роша
любит занимать бр
тали. Он объяснял,
охраны был его пле
личным другом, и
следование. «Но ста
пожимал он плеча
старая просодка».

— А старые зап
бормотал Тодд про
просив счет.

В конце концов
красный ужин, Роша
комнатку, которая
иногда использовал
помещения для гес
знал эту гостиницу
жену, зная — и ос
из них, — но в конц
в эту комнату и з
горел стена, вокруг

что на любые вопросы хотел дать ответ прямо и полностью.

— Нет, я никогда не приезжал к нему. Приехала Катрина — Мы очень дружны людьми, как ты, наверное, уже знаете. Я думаю, здесь скорее я виновата, чем он. Тут, конечно, нечем гордиться, особенно сейчас, но...

— Я всегда виделся с ним, когда он приезжал в Лондон, — перебил ее Тодд, чтобы сгладить ее смущение.

Но Роша продолжал смотреть на Катрину.

— Мы очень хорошо подружились, — добавил Тодд.

Роша кивнул.

Жаль, — сказал он Катрине. — Вы многого не видели.

Во время их беседы Тодд ухитрился перевести разговор на замок и на то, каким образом там начался пожар. Роша уже объяснял, когда они ехали из Марселя, что пожар был вызван плохой проводкой в крыше. Но Тодд думал, что разговор о пожаре заставит Рошу прекратить ходить вокруг да около.

Но не тут-то было. Он и здесь стал вникать во все подробности. Роша был старым человеком, который любит занимать время описанием каждой мелкой детали. Он объяснял, что местный начальник пожарной охраны был его племянником, шеф полиции был его личным другом, и оба провели тщательнейшее расследование. *«Но старые здания есть старые здания»*, — пожимал он плечами. — *А старая проводка — это старая проводка»*.

— А старые зануды — это старые зануды, — пробормотал Тодд про себя, подзвав официанта и попросив счет.

В конце концов, поблагодарив Тодда за прекрасный ужин, Роша поднялся и повел их в маленькую комнатку, которая, как он тоже подробно объяснил, иногда использовалась в качестве дополнительного помещения для гостей. Видно было, что он хорошо знал эту гостиницу. Он знал хозяина отеля, его жену, зятя — и останавливался поболтать с каждым из них, — но в конце концов провел Катрину и Тодда в эту комнату и закрыл за собой дверь. В камине горел огонь, вокруг которого располагались кресла,

а кофе и три бокала с армянским коньяком стояли на низеньком столике.

Тодд оценивающе огляделся. Конечно, комнате не хватало шика, который был в номере Лео в Ритце, но у нее был свой особый колорит. Картины в тяжелых золоченых рамах украшали стены. В шкафу стояло дорогое серебро. Лео хорошо вписывался в атмосферу этой комнаты.

Когда они сели возле камина, Тодд почувствовал волнение. Наконец-то! Закурив сигару, он взял бокал с бренди.

— За память Лео,— произнес он, и остальные присоединились: Роша с готовностью, Катрина с колебаниями, испуганно глядя на него.

— Итак, мосье,— сказал Тодд, откинувшись в кресле.— Слово предоставляется вам.

Роша вежливо улыбнулся и кивнул.

— Благодарю вас,— сказал он, вопросительно взглянув на Тодда.— Ну и... с чего мне начать?

Это показалось Тодду странным. Ошарашенный, он взглянул на Катрину, которая тоже была потеряна. Собравшись с мыслями, он повернулся к Роша.

— Простите,— удивленно сказал он.— Я не привык к таким вещам, не знаю, как это должно быть, но вы разве не должны огласить завещание?

Роша покраснел, слегка озадаченный.

— Да,— быстро согласился он.— Когда наследников много. Но в данном случае, зачем? — Он взглянул на Катрину в замешательстве.— Вы — единственная наследница. Я же уже сказал вам. Завещание находится у меня в конторе, вы можете прочесть его завтра, если желаете, но... — Он покачал головой.— Я ведь сказал вам. Ваш отец оставил вам все.

Видя его растерянность, Катрина с осуждением взглянула на Тодда.

— Я уверена, что оглашать завещание незачем,— дипломатично сказала она.— Но просто мы не знаем, на что нам рассчитывать...

— Например — взорвавшись, грубо перебил ее Тодд.— Что означает это ваше *все*?

Роша удивленно посмотрел на него.

— Вы сказали *все*. Лео оставил все Катрине. Что это означает?

— Все, — медленно сказал Роша, видимо, продолжая переводить про себя слова Тодда, — означает всю его собственность.

Пережив тяжелый, утомительный, полный стрессов день, ужин, который, казалось, будет длиться вечно, Тодд больше не мог сдерживаться. Он проветрил лицо волосам, задыхаясь.

— Может быть, это и невелико, — сказал он нетерпеливо. — И я бы не сказал этого, если бы не был уверен, что Лео простит бы меня, но, может быть, вы скажете хотя бы приблизительно стоимость всей его собственности? Хотя бы примерную цифру, чтобы понять, откуда танцевать?

Нахмурившись, Роша спросил:

— Что значит — *откуда танцевать*?

— Ну, округленная цифра, — Тодд показал руками круг. — Приблизительная. Понимаете.

— А... — Морщины на лице Роша разгладились, и он улыбнулся, показывая, что наконец понял. Потом он сказал: — Но я не знаю.

— Вы не знаете? — Тодд недоверчиво уставился на него. — Как это вы не знаете? — повысив голос, спросил Тодд, все еще не веря. — Но ведь Лео все описал вам, когда вы составляли завешание?

— В этом не было необходимости. Ведь все состояние Лео по завещанию должно было перейти к его дочери. Может быть, когда-нибудь он и собирался рассказать мне некоторые подробности, но... — Роша вздохнул и покачал головой. — К сожалению, этот ужасный несчастный случай... — Он замолчал, надеясь, что выразился достаточно ясно.

Тодд сжал пальцы в кулак.

— Подождите минуту, — сказал он, закашлявшись и отчаянно ища разъяснений. Может быть, он чего-то не понял? — Катрина унаследует все, но вы не знаете стоимость этого? Вы это хотите сказать?

Роша кивнул и улыбнулся, соглашаясь.

Сердце Тодда екнуло. Он, значит, все понял правильно. Напряженно думая, он искал какое-нибудь решение. Через минуту он сказал:

— Ну, хорошо, я понял, что вас беспокоит. Вы, адвокат Лео, исполняете его последнюю волю, и вы должны быть тактичным, осторожным. — Он выдавил улыбку. — Но ведь никто не требует от вас большой

точности. Ладно? Я не говорю о точной сумме, но вы должны иметь хотя бы приблизительную идею.

Роша нахмурился и с минуту молчал. Затем он поднял палец.

— Я не знаю ничего о... м-м... делах Лео, поэтому сперва я должен выяснить, в каком они состоянии. Но выяснение этого будет крайне сложно.— Он стукнул себя по лбу.— Лео все дела держал здесь. Все — в голове. В замке была комната, отведенная под его офис, но я уже сказал вам, все это сгорело при пожаре.— Он взглянул на Катрину, словно хотел обвинить ее в чем-то.— Разве я не сказал вам по телефону? Я уверен, что я объяснил...

— Все сгорело? — перебил Тодд недоверчиво.

— Да. Все было уничтожено. Я ведь говорил вам...

— И у вас не осталось никаких записей?

Роша повернулся к Катрине.

— Ваш отец... — он нахмурился, — ...был ведь посредником при заключении сделок? Да? И он заключал сделки во всех точках земного шара. Я знаю это, потому что он мне рассказывал. Но на него никто не работал. Мадам Ферье и ее дочь убивались у него в доме, старый Альфонс Шамо занимался садом, но, конечно, они были не в курсе его дел.

— А секретарь? — перебила Катрина.

Роша покачал головой.

— Иногда он приносил кое-что напечатать ко мне в контору, но только это бывало редко... — Он поднял бровь, — ...шесть или семь раз за десять лет. И последний раз это было...

— А тот, кто вел его счета? — резко спросил Тодд.

— А у него был такой человек? — спросил Роша.— Во всяком случае, я о таком не слышал. Может быть, он кого-то нанял в Париже? Или в Лондоне? Как я уже сказал, он часто уезжал. В замке он жил, только когда принимал гостей в праздники.

— Его банк, — радостно перебил Тодд.— Его банк должен знать о состоянии его финансов.

Но Роша снова покачал головой.

— Местный директор — мой друг, — скромно сказал он.— Вы же понимаете, нас здесь мало, мы все знаем друг друга. Поэтому я могу сказать вам, что на счету Лео достаточно денег для местных расходов, но небольшая сумма денег.— Он полез в карман пиджака

и вытащил откуда-то из кармана еще одну пачку. — Если быть точным, — он позволил себе улыбнуться. — Чтоб знать, откуда тащить, так? Точно: две тысячи восемьсот франков.

Тодд почувствовал, что у Катрины перехватило дыхание. Да и у него чуть сердце не остановилось. Оно куда-то провалилось, у него закружилась голова, и прошла минута, прежде чем он смог заговорить снова. В конце концов он откашлялся.

Мосье Роша, — сказал он, чувствуя, что готов его упал до шепота. — Вы помните тот наш телефонный разговор? Я сказал вам, что Лео собирался дать мне банковский чек на четыреста тысяч фунтов. Вы помните это?

Роша кивнул.

— Вы сказали, что с этим проблем не будет.

Роша нахмурился.

— Простите, мосье, я сказал, что если Лео собирался привезти эти деньги и если мадам Тодд была в курсе дела, тогда вам не о чем беспокоиться. Так ведь? Ведь это я сказал? — Он улыбнулся. — Но сначала нам надо все выяснить. Конечно, на местном счету он держал деньги только на местные расходы. Таким образом, имеются счета в других банках.

— В других банках?

— Естественно, этот счет не имеет к его делам отношения, у него есть счет где-то еще. Деловой счет. Может быть, и не один. Это логично, вы со мной согласны? И он собирался одолжить вам большую сумму денег, подтвержденную банковским чеком?

— Да.

— Какой банк должен был заверить чек?

— Да откуда, черт возьми, я могу знать это?

Голос Роша упал.

— Вы не знаете?

— Конечно нет.

— Ах, какая досада. Очень жаль. Тогда я бы хоть знал, с чего мне начать.

Охваченный ужасом, Тодд слушал, как Роша перечисляет все свои трудности. Не было ни чековых книжек, ни банковских счетов, ни сертификатов доли его собственности, ни доходов, ни бухгалтерских книг. Ничего! Пожар уничтожил все. Друг Роша — местный банкир — запросил свое главное отделение в Париже,

чтобы найти какие-нибудь записи, проследить источник предыдущих вкладов. Местная налоговая служба подтвердила, что мосье Синклер не имел дел, которые были бы зарегистрированы в Провансе, но они продолжали наводить справки...

Тодд едва мог осознать все это. Раньше он ждал с нетерпением, презирая адвоката, считая его надутым старым дураком. Теперь он понял, что ошибался. Роша уже занимался этим делом. И все равно, несмотря на это, Тодд пытался определить, где же произошел сбой, и с его губ само собой сорвались обвинения:

— Но вы ведь сказали, что нечего беспокоиться о четырехстах тысячах. Для меня это очень важно. Я ведь сказал вам!

— Да. Вы сказали — важно, и я согласился. — Роша кивнул головой, его лицо стало каменным. — Конечно, такая сумма денег важна. Но, мосье, вам нечего беспокоиться. Мы все выясним. Мы уже наводим справки. Все сдвинулось с мертвой точки.

Тодд и сам сдвинулся с мертвой точки, он то закидывал ногу за ногу, то ставил обе ноги обратно на пол.

— Но мне нужен ответ сейчас. Мне нужны эти деньги в понедельник.

Густые брови Роша поползли вверх.

— В понедельник это невозможно. — Помотав головой, он перешел на английский: — Это невозможно. Совсем невозможно. Надо еще очень много сделать...

Тодд больше не слушал. Допив бренди, он вскочил с кресла и закружился по комнате. Он вспомнил слова Лео: «Морони колебаться не будет... он не принимает извинений... он потребует назад свои деньги... придется выплатить весь кредит... он использует свою страховку...»

«Страховка!» — вдруг осенило его.

— А страховка? Вы сказали, что замок был застрахован?

Недовольный тем, что его перебили в середине рассказа о работе, которую предстояло провести, Роша произнес:

— Да, — кивнул он. — Я сам его страховал. Полисы в моей конторе. Они в порядке.

«Господи, спасибо тебе!»

— Так на сколько был застрахован замок?

Роша взглянул в записную книжку.

— На пятьдесят восемь миллионов франков.

Когда Тодд перевел франки в фунты стерлингов, он вздохнул с облегчением.

— Это больше, чем полмиллиона! — Он победно взглянул на Катрину. «Спасибо тебе, Господи! Это нас спасет». Подойдя обратно к камину, он рухнул в кресло. — Если мы возьмем полис и заявим о страховке...

— Это уже сделано.

— Вы уже сделали это! — Тодд чуть было не обнял его. — Вы молодец, — сказал он с чувством огромного облегчения. На его лице появилась улыбка. — Ну и напугали же вы меня. — Вдруг он почувствовал к адвокату горячую благодарность. — Так, значит, нет проблем.

— Правда, есть свои формальности, но местный представитель — мой друг и...

— Ну, мы их сведем — парня из страховой компании и банкира. Когда страховая компания закончит свои формальности, они могут перевести деньги в банк, а банк выплатит деньги мне. Так? Можем ли мы это сделать завтра утром?

— О нет! Завтра утром невозможно!

Снова Тодд подскочил в своем кресле.

— Что вы имеете в виду, как так невозможно?

— О нет, нет, нет. — Качая головой, Роша казался шокированным, испуганным и даже оскорбленным. — Мм... Тодди, вы должны понять. Ничего нельзя выплатить, пока я не выясню состояние дел. Таков закон. Ведь и в Англии было бы так же.

Хорошее настроение Тодда, в котором он пребывал минуту назад, начало исчезать.

— Я должен выяснить, сколько у него на счетах, — продолжал Роша, — оповестить кредиторов...

— Оповестить! Черт побери! У меня достаточно кредиторов и без оповещения...

— Я должен выяснить, что он должен банкам. К тому же похоронные услуги и налоги должны быть выплачены, прежде чем я могу начать действовать. Вы, конечно, понимаете? Вы должны быть терпеливым. Такие вещи занимают много времени... Даже простое завещание вступает в силу только через несколько месяцев...

— Месяцев? — переспросил Тодд в ужасе. — Я не могу столько ждать!

Взгляд Роша стал суровым; теперь перед ними было официальное лицо, которое знало свои обязанности и собиралось их выполнить.

— У нас нет другого выхода, — сказал он твердо. — И я должен предупредить вас. Здесь столько осложнений, что в этом случае может пройти год, прежде чем вы получите какие-нибудь деньги.

Месяц, год... Это было все равно для Тодда. Он должен был заплатить Морони в понедельник.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На следующий день, когда Тодд в полном отчаянии летел обратно в Лондон, судьба его была решена.

Альдо Морони и Клод Лапьер слушали, как Филипп Рус выносил свой вердикт по «Паломе Бланке».

За свою долгую жизнь Рус сделал сотни оценок, но еще ни одна из них не являлась смертным приговором.

Рус не был особенно любим, однако был очень известен в кругах бизнеса отелей. Крупный, тучный мужчина лет пятидесяти пяти, с круглым, полным лицом, он сделал карьеру в Лондоне и Нью-Йорке. Он был единственным сыном голландского торговца и английской характерной актрисы и переехал в Париж, когда его отец окончательно обосновался там в конце пятидесятых годов. Друг его отца помог ему начать первое настоящее дело. Однажды начав бизнес, больше он назад не оглядывался. О нем впервые услышали во время бума отелей в шестидесятых годах. Тогда говорили, что Рус продал каждый отель в Торремолинос по крайней мере дважды, и, пока его партнеры занимались в офисе бумагами, фирма «Альсруэр, Вормак и Рус» не останавливалась на достигнутом. Сейчас у них имелись представительства почти в каждой европейской столице, и Рус проводил жизнь в полетах из одного города в другой. Он летал часто, никогда сам не настаивал на встречах с клиентами — в основном они звонили ему; но, как он сам шутил со своими компаньонами, он бы и чертям в ад позвонил и провел бы оценку чего-нибудь, если бы черти оплатили счет и расходы.

Огромные счета и расходы, которые вела жизнь Руса, и, даже не зная причины, он был вынужден встать на его пути. Он уже видел, как зарабатывает куча денег «Паломе Бланке». По своему опыту он знал, что можно продать его, оценить что-нибудь, когда они там равняются продать свою собственность, поэтому, заработав по селу на оценке, он уже думал о том, как бы получить гораздо больше. Говоря по правде, он даже прокатился на Монмартр, пытаясь решить, кому из своих клиентов по отелям позвонить в первую очередь, и это, естественно, означало, что первый звонок будет тому, кто заплатит больше. Счет агента в три процента не был, конечно, чем-то таким, из-за чего стоило сдаться, тем более что он видел, как зарабатывает солидную сумму на продаже курорта. Конечно, это было нарушение правил. Но кто узнал бы об этом?

Он восторженно расхваливал «Палому Бланку». «Это, — сказал он, — *наверное, лучший курорт, созданный в Европе за последнее время*». Говоря о ландшафте, он прибавил: «место редкой красоты». Рассыпавшись в комплиментах архитектору, он предрек «Паломе Бланке» по крайней мере одну победу в конкурсе на лучшую архитектуру. И пока он говорил, он наблюдал за реакцией клиентов. Лапьер снял, но основной клиент, этот крупный человек, с глазами цвета гранита, по фамилии Морони только кивал. Филипп Рус подумал, что ему трудно угодить.

— А еще мне нравится мысль о проведении «Золотого кубка Паломы Бланки», — уверенно продолжал он, тем временем внимательно глядя на Морони. — Я думаю, это привлечет туда в будущем огромное количество туристов.

Лицо Морони не выражало ничего.

Рус по-прежнему внимательно наблюдал за ним. Клиенты всегда радовались, когда он продавал собственность по большей цене, чем оценивал, и всегда огорчались, когда он получал меньше. Он ведь не был дураком, чтобы сразу назначать высокую цену, тем не менее он собирался просить три процента от продажи «Паломы Бланки». По пути на Монмартр Рус все точно рассчитал. Он оценит курорт в двенадцать-четырнадцать миллионов фунтов стерлингов. Покупателю же он скажет цену — двадцать. Сделку он заключает на семнадцать с половиной. Обе стороны будут

удовлетворены, Рус подтвердит свою замечательную репутацию, а в процессе сделки получит миллион. Это был замечательный план!

Но поведение Морони настораживало. Что-то в его повадках, с его тяжелым взглядом, заставляло Руса чувствовать себя не в своей тарелке. Морони был человеком, который потребует всю сумму полностью, и, хотя в конечном итоге это не имело никакого значения, Рус предупредил себя, что он должен быть осторожным. И потому он сказал:

— В настоящий момент я могу оценить курорт в восемь-девять миллионов фунтов стерлингов.

Лапьер в ужасе подскочил.

— Даже на постройку ушло в два раза больше!

— Но ведь там все еще строится,— заметил Рус, переводя взгляд на Морони.— Моя оценка соответствует настоящему моменту.

— Но все-таки,— запротестовал Лапьер, испуганно глядя на Морони.

— И не забудьте о том,— добавил Рус,— что туризм сейчас переживает трудные времена. Весь мировой бизнес...

Лапьер простонал:

— Но такая низкая цена! Ведь она стоит больше,— продолжал бормотать он с несчастным видом.

— Ну...— Рус сделал вид, что задумался. Сейчас он выглядел, как человек, взвешивающий все возможности.— Может быть. Но только когда курорт откроется и люди узнают о нем. Там, конечно, кое-что имеется для того, чтобы достичь успеха, но это займет время, чтобы привлечь туда народ.

— Но вы сказали, что «Золотой кубок» сделает это.

— Я думаю... со временем. Ну, скажем, через пять или шесть лет...

— И не раньше? — тихо спросил Лапьер. Он держал руку под пиджаком, судорожно водя ею по груди и пытаясь облегчить боль в сердце.

— Ведь нужно время, чтобы создать курорту репутацию,— сказал Рус тоном, не требующим возражений. Не глядя на Лапьера, он все еще пытался понять реакцию Морони. Он почувствовал, что этот человек тоже ошеломлен, хотя и прятал это под маской равнодушия и не произнес ни слова. Но он скуп, решил Рус,

осторожен и не любит тратить деньги. Чтобы проверить свои наблюдения, он сказал: — Конечно, все по-вернется по-другому, если вы потратите большую сумму на рекламу. Ключ к успеху лежит в том, чтобы сделать это место известным. С соответствующими расходами, я имею в виду большие расходы, потому что туризм в данный момент в кризисе, только тогда вы будете на коне. Только тогда вы получите хорошую прибыль.

— И сколько курорт будет стоить тогда? — с тревогой спросил Лапьер.

По-прежнему наблюдая за Морони, Рус убедился в том, что правильно понял его реакцию, — презрительная ужимка в уголках рта, небрежное пожатие плеч — язык жестов человека, удивляющегося предложению потратить крупную сумму денег на рекламу. Чувствуя себя увереннее, Рус сделал честное заключение:

— Если бы это место было в более готовом состоянии... — Его лицо приняло выражение раздумья. — ...тогда бы вы увеличили сегодняшнюю оценку на три-четыре пункта. Но тогда оно должно было уже принести прибыль.

Но Морони уже не слушал. Он тяжело поднялся с кресла, коротко кивнул Лапьеру, давая понять, что разговор он будет заканчивать один, и, не глядя на Руса, вышел в другое помещение.

Спустя пять минут, вместе с верным Джулиусом Карбоне, он был уже на пути к Вито Сартене.

А спустя двадцать минут Филип Рус уже возвращался в свой офис с намерением сделать первый звонок из нескольких, необходимых для того, чтобы выставить «Палому Бланку» на рынке.

К среде Тодду стало лучше. Он чувствовал себя уже не таким испуганным, как в прошлый четверг, когда он встречался с Роша.

«Французский мошенник! — без конца ругал он адвоката Лео. — Ведь просил его. Дай мне какую-нибудь бумажонку, говорил, дай мне хоть что-нибудь, чтобы я мог показать в банке, чтобы получить там четыреста тысяч!»

Но Роша недвусмысленно дал понять, что такой

документ имел бы сомнительную ценность, ведь расследование еще не закончилось.

Тодд с ума сходил все выходные. С одной стороны, он чуть было не рассказал всю правду Катрине — чуть не выдал ей все сведения Лео о той самой страховке и угрозе их жизни. Но вовремя остановился. Тодд решил переговорить об этом с Хэнком по телефону, и когда тот не смог подать ему никаких идей, он позвонил Мэнни, чтобы встретиться с ним первым делом в понедельник. Едва Мэнни успел сесть, он передал ему в подробностях весь свой разговор с Роша.

— Начнем с самого простого, — произнес он хриплым от отчаяния голосом. — Страховка за замок — полмиллиона. Да и само место — мы ведь можем продать его. Роша сказал, что это можно сделать. И не забудь, что Лео собирался дать мне займы четыреста тысяч, это куча денег, которая лежит где-то там. Кто знает, сколько там еще? Наверняка миллион, может быть, два, может быть, три...

Однако Мэнни, к удивлению Тодда, был солидарен с Роша.

— Ну да, да, — сказал он неопределенно, махнув рукой. — Но ведь еще французские налоги и похоронные дела и...

— Но ведь не все же они займут!

— А что такое это *все*? Затвердил: *все* да *все*. Может быть, твое *все* — означает *ничего*. Ты об этом думал? Может быть, твой дружок Лео по уши в долги залез. Ну, жил он в замке. Прекрасно. А ты вот, например, живешь в большом, хорошем доме. Допустим, ты сейчас умер. Что получится? Все достанется банку.

По своему горькому опыту в одалживании денег даже Тодд должен был согласиться с такой возможностью.

— У всех есть кредиторы, — вернул его Мэнни к теме разговора. — И причина в том, что им надо заплатить до того, как этот... как его там? Роша все уладит с собственностью. Он выполняет свою работу, вот и все...

Тодду захотелось рассказать ему историю Лео, про Морони и страховку, но он испугался, что Мэнни высмеет это. Ведь в конце концов Мэнни не знает Морони. Он ничего не поймет.

Но по крайней мере...
соглашение с другими...
— Во время встречи...
всегда с пеней у...
ку». — Предупреждаю...
— Ты думаешь...
— Ну, это все-таки...
есть шансы. Каким...
тов? Может быть...
— Нам нужен кто-то...
Нам нужен кто-то...
Мэнни фыркнул...
— Верил! Он не...
сказать, звонил...
— Нет, от них...
После того как...
в понедельник, он...
ситуацию.
Тодд рассказал...
что теперь Катрина...
собственности, от...
Бланки» и о том, что...
говорил быстро и...
концов Лансер...
клиенту.
— Отсутствие...
заклучил Тодд...
Час за часом...
в него надежду. По...
репутация. Он ведь...
— У них есть и...
Они ведь знают, что...
рвал сам себя, по...
трубку, он прикри...
Мэнни выдохнул...
и приоткрылся...
как Тодд держится...
на него, но в душе...
Тодда, его убежде...
образуется. Ему...
Катриной. Но его...
была программа...
продолжала вести...
бы не случилось.

Но по крайней мере он помогает. Он так почти соглашение с другим банком.

— Во время встречи, говорю я, потому что ты всегда с пеной у рта расписываешь «Палому Бланку», — предупредит его Тодд.

— Ты думаешь, есть шанс?

— Ну, это все-таки новый банк, при этом всегда есть шансы. Каким еще образом они привлекут к инвестов? Может быть, они это даже приветствуют.

— Нам нужен такой, как Ларкинс. Помнишь его? Нам нужен кто-нибудь, кто бы верит в нас.

Мэнни фыркнул.

Верил! Он не раввин, а ростовщик. К слову сказать, звонила тебе эта парочка из Парижа?

— Нет, от них ни звука.

После того как он заплатил восемьдесят тысяч в понедельник, он позвонил Лапьеру, чтобы объяснить ситуацию.

Тодд рассказал ему о смерти Лео, напирая на то, что теперь Катрина единственная наследница всей его собственности, он говорил о «Золотом кубке Паломы Бланки» и о том, что строительство продвигается, он говорил быстро и уверенно в течение получаса. В конце концов Лапьер пообещал обо всем сообщить своему клиенту.

— Отсутствие новостей — уже хорошая новость, — заключил Тодд весело, закрывая свой дипломат.

Час за часом проходили без новостей, и это вселяло в него надежду. Почему бы нет? У него хорошая репутация. Он ведь не пытается сорвать сделку.

— У них есть и другие платежи, — сказал Тодд. — Они ведь знают, что я их не обманываю... — Он прервал сам себя, потому что зазвонил телефон. Подняв трубку, он прикрыл ее ладонью. — Это Хэнк.

Мэнни вздохнул и взглянул на часы, потом сел и приготовился ждать. Иногда он удивлялся тому, как Тодд держится. Хотя иногда Мэнни и сердился на него, но в душе он всегда восхищался оптимизмом Тодда, его убежденностью, что все в конце-то концов образуется. Ему нравился Тодд, и он восторгался Катриной. По его мнению, Катрина не должна была прекращать работу в офисе. Если бы она продолжала вести бухгалтерию, ничего этого никогда бы не случилось.

Тодд засвистел в трубку.

— Прямо не верится! — воскликнул он, и лицо его засветилось радостью. — Это доказывает, что мы на верном пути! Замечательно! Великолепно, Хэнк!

Мэнни не верил своим ушам. *Замечательно, великолепно*, кредиторы буквально стучатся в дверь. Глубоко вздохнув, он подтянул рукав пиджака повыше и нервно постучал по часам.

Тодд кивнул.

— Хэнк, мне надо идти, но это великолепная новость. Здорово, да? Ну ладно, я позвоню тебе вечером. — Положив трубку, он победоносно посмотрел на Мэнни. — Только послушай! Это и тебя обрадует. Несколько дней назад какой-то парень на строительстве крутился, вопросы задавал. Строители подумали, что это Хэнк его послал, но Хэнк ничего и не знал об этом. Но тем не менее, скорее всего, этот парень занимается собственностью, наверное, отелями, у него офисы во всем мире. Голландское имя, Рус, или что-то в этом духе. Из тех, кто на самом верху. Так ты понял, что я имею в виду. Даже эксперты уже узнали, что мы напали на золотую жилу.

— Это голландец сказал?

— Да ты послушай! Даже еще лучше! — От счастья у Тодда перехватило дыхание. — Майорка — что провинция. Там все про всех знают. Этот парень возвращается в аэропорт, ждет самолета и там сталкивается с Хосе Карьером, которому принадлежит «Белла Виста» — большой отель в Палме. Карьер знает его. Это голландец продал ему «Беллу Висту» восемь лет назад; словом, они разговорились, Карьер задал пару вопросов, сложил два и два и решил, что мы собираемся выставить «Палому Бланку» на рынок. И сегодня он звонит в «Воронье гнездо» и говорит, что хочет купить ее.

Мэнни присвистнул, удивление его сменилось облегчением.

— Ты шутишь! Нет, серьезно? Он сделал твердое предложение?

Тодд кивнул.

Мэнни поднял глаза к потолку.

— Бог есть все-таки! — Затем взглянул на Тодда. — Ну, расскажи мне! Сколько он заплатит?

— Рус предложит нам девять миллионов на момент, когда она будет закончена.

Радость на лице Минни погасла. Недовольство переросло в удивление, а удивление сменилось болезненным ощущением.

— Девять миллионов? — Он застонал, как от боли. — И это хорошие новости?! Ты уже занял двенадцать. Сейчас ты должен больше четырнадцати. Ты все поставил на карту...

— Да ведь это только его начальное предложение, — возразил Тодд. — Ведь никто не начинает с высокой цены, верно? И чего этот голландец крутится и вынюхивал вокруг? Говорю тебе, Минни, люди начинают понимать, что у нас за дело.

— Ну да, шакалы пронюхали и готовы разорвать тебя на кусочки. Ну и что сказал Хэнк этому... тому, кто сделал предложение?

— А ты что думаешь? — усмехнулся Тодд. — Сказал ему, чтобы и думать забыли. Хэнк — как я. Он верит в то, что мы затеваем. Все, что мы должны сделать, — это пережить черную полосу. Все в конце концов будет хорошо.

Катрине хотелось биться головой о стену. Говоря по телефону из кухни, она пыталась быть терпеливой.

— Нет, — сказала она твердо. — Осси, совершенно точно, что я не смогу пойти с тобой обедать. Даже и разговоров не может быть. Да, и мне тоже жаль.

На самом деле это было неправдой. На самом деле она жалела, что пообещала встретиться с ним. Начиная с понедельника, он звонил уже два раза и прислал ей огромный букет красных роз.

— Катрина, — нежно говорил он в трубку. — Я понимаю, тебе сейчас очень тяжело из-за смерти отца. Я все понимаю, но давай пообедаем, и я, может быть, облегчу твою боль.

Как она могла сказать ему, о чем она думает? Как она могла признать, что ее реакция на его записку была нетипичной для нее? Что записка появилась как раз в тот момент, когда она была не в себе, что она — замужняя женщина, которая против внебрачных связей.

— Я не составлю тебе хорошую компанию, —

сказала Катрина. — Ты прав, мне действительно тяжело сейчас.

Но не смерть отца явилась причиной ее теперешнего состояния, а тот кошмар, в котором они оказались. Тодди был невыносимым с момента похорон. Он был не в себе от волнения все выходные. Она была уверена, что он что-то скрывает...

— Ну, может быть, пообедаем завтра? — настаивал Осси. — Я пробуду еще только два дня в Лондоне. Потом я уеду в Нью-Йорк на шесть недель.

«Слава тебе, Господи, — подумала она, как только это услышала. — Осси уедет, и будет в моей жизни хоть одной проблемой меньше».

— Тогда только пообедаем, — сказала она суровым тоном. — И не увлекайся.

— Катрина! — воскликнул он взволнованно. — Но у меня уже куча разных идей. У нас будет чудесный обед.

Когда она повесила трубку, то не смогла удержаться от улыбки. По крайней мере хоть какое-то разнообразие. Тем не менее завтра она скажет ему: никаких больше роз, никаких записочек, никаких грандиозных планов. «Но я его тихо устраню, — сказала она себе. — В конце концов, если быть честной, ты сама подала ему надежду. Но кто мог знать, что ситуация выйдет из-под контроля?»

После этого она пошла убирать в кухне. Миссис Бриджес не приходила во вторник, это был единственный день, когда Катрина управлялась сама. Правда, Катрина была не против этого. Иногда по утрам она предпочитала оставаться дома одна, наедине со своими мыслями, не будучи вынужденной слушать сплетни. По правде говоря, она решила отпустить миссис Бриджес в конце месяца. Надо же было что-то сделать, чтобы хоть как-то сократить расходы.

Катрина настояла на том, чтобы выставить виллу на продажу. Это было единственным решением, которое они приняли после той встречи с Роша в четверг. Не доверяя в этом Тодду, она позвонила в фирму по продаже недвижимости.

— Ты и без того загружен, — сказала она Тодду, заявив, что продажу виллы берет на себя. Конечно, продажа не выход, но хотя бы что-то она делала...

В дверь позвонили, когда она готовила себе обед.

Закрыв Мака в кухне, она вышла в холл на ходу вытирая руки кухонным полотенцем. Когда Катрина открыла переднюю дверь, все, что она смогла увидеть, был огромный букет: лилии, розы и гвоздики, и сверху огромное облако красивой упаковки.

— Цветы для миссис Тодд, — сказал человек, которого она почти не видела из-за букета.

— О нет, — простонала она, — не надо больше!

Вдруг ей бросили букет в лицо. Катрина отступила на шаг, пытаясь повернуться, но не успела сделать этого, как чья-то рука зажала ей рот. Ее повалили на пол в холле. Она смутно видела других мужчин, потом ее голову насильно приподняли вверх, и теперь она смотрела на потолок. Прижатая к полу, она едва могла дышать. Она услышала, как хлопнула передняя дверь, потом тяжелые шаги на лестнице, потом, как открывали и закрывали дверь в спальню, звук, как будто кто-то вошел и вышел из кухни, отчаянный лай Мака. Потом ее потащили в гостиную и бросили на диван.

Изнасилование! Ужас расползлся по ее телу. У нее звенело в ушах от собственных криков. Она вцепилась в руку, которая зажимала ей рот. Извиваясь, Катрина пыталась визжать и кусаться, но кто-то из мужчин скрутил ее и ткнул лицом в подлокотник. Чье-то колено уперлось ей в спину. Ее схватили за волосы, оттянули голову назад и вставили в рот кляп. Она кричала, но крики заглушало кухонное полотенце, которым было обернуто ее лицо. Катрина задыхалась. Ей заломили за спину руки и посадили на диван.

Сдавшаяся, с отчаянно бившимся сердцем, она взглянула на двоих мужчин, стоявших над ней. Удивительно, но она почти чувствовала к ним благодарность из-за того, что их лица не выражали похоти, а лишь одно пустое равнодушие. В дверном проходе появился еще один человек, в руках он держал чемодан. Он смотрел поверх нее на окна. Затем кивнул. Она дернулась, почувствовав, что кто-то стоит над ней. Потом появился четвертый — высокий, сильный, с утомленным лицом, он был явно старше остальных. Он прошелся по комнате и сел в кресло.

Да, но где же у них маски? Чулки? Они были в перчатках, но не прятали своих лиц. У того, здорового, были темные глаза и пронизывающий взгляд.

Невольно она снова закричала. Она сама слышала свой крик, от которого у нее звенело в ушах, она чувствовала напряжение мышц, но полотенце заглушало все звуки. Все, что она могла слышать, это лай Мака в кухне. Да часы, которые тикали в холле. Час дня. *«Боже мой, пусть они не трогают меня. Пусть не трогают. Пожалуйста...»*

Двое из них отошли; один сел на вёртящийся стул рядом с пианино, другой — напротив дивана. Человек, стоявший в дверном проеме, поставил на пол свой чемодан, подошел ближе и сел рядом с ней. Она вздрогнула, когда он дотронулся до нее.

— Миссис Тодд,— сказал здоровый, глядя на нее.

Ее сердце екнуло. У него был странный акцент. Иностранец со смуглой кожей, совсем не такой, как у англичан. Но его тон не был угрожающим. Мак продолжал так сильно лаять в кухне, что ей приходилось напрягаться, чтобы понять, что он говорил.

— Мы хотим видеть вашего мужа. Он в конторе?

Секунду она мочала, растерянная и испуганная. Человек повторил свой вопрос.

— Да,— кивнула она и снова отпрянула, когда сидящий рядом с ней человек дотронулся до ее бедра. Посмотрев вниз, она увидела в его руке что-то металлическое. И вдруг выскочило лезвие с такой силой, что она отпрыгнула. Она замычала, переводя взгляд на толстяка, и одним взглядом молила его о пощаде: *«Пусть он не трогает меня. Пусть он не делает мне больно».*

Толстяк продолжал говорить. Ей приходилось напрягаться, чтобы разбирать, что он говорил, у него был сильный акцент. В конце концов она поняла, что, если она обещает не кричать, они вынут полотенце из рта. Они хотели, чтобы она позвонила Тодду и попросила его прийти домой. Просто так, без всяких объяснений.

Условия были следующие: если она закричит, тот, кто сидел рядом с ней, перережет ей горло. Кровь застыла у нее в жилах от ужаса. Взяв ее за волосы, он приставил ей нож к горлу. Холодная сталь прикоснулась к ее коже. Она сидела, вся застыв от ужаса, не дыша, чувствуя тонкое, как бритва, лезвие, представляя, что будет, если им слегка надавить ей на горло...

— Понятно? Кивайте головой.

Но нож мешал ей это сделать.

Нахмурившись, толстяк бросил на напарника свой пронизывающий взгляд, и тот убрал нож.

Сглотнув, Катрина кивнула.

Сидевший за пианино поднялся и встал у нее за спиной. Он развязал полотенце, и оно упало на пол. Катрина глубоко вздохнула. Мужчины смотрели на нее. Их взгляды не дали ей разрыдаться. Они предупреждали ее, что кричать нельзя. Но предупреждение было излишне. «Я не закричу. Я слишком напугана», — стучало у нее в голове. Она приоткрыла рот, глотнула, закашлялась и начала ровно дышать. Углом глаза она видела нож. Катрина попыталась попросить еще раз.

— Пожалуйста, — сказала она шепотом, — пусть он уберет это.

Толстяк кивнул. Звякнув, лезвие исчезло, но рука по-прежнему была у нее на плече. Нож был рядом, в каких-нибудь дюймах от ее шеи. Катрина дрожала всем телом. В ужасе оттого, что лезвие может появиться снова, она прошептала:

— Пожалуйста... я... ничего не понимаю...

Толстяк повторил все снова.

Ее тело отказывалось подчиняться ей. Ноги и руки сделались от страха деревянными. В горле стоял ком, во рту пересохло.

Они принесли ей выпить бренди из бара, и она попросила разрешения закурить. Им пришлось зажечь ей сигарету. Руки у Катрины дрожали, и она не могла поднести сигарету к пламени. И бренди пролилось ей на подбородок.

Здоровяк еще раз повторил инструкции.

Мысль о том, что надо звонить Тодду, еще больше напугала ее. Кто они? Чего они хотят? Она подумала, что они избьют его. «Боже мой, что же делать?»

— Может быть, его там нет, — прошептала она, когда они принесли ей телефон. — Может быть, он куда-нибудь вышел.

— Звоните! — скомандовал толстяк и поднялся из кресла. Потом он заговорил по-итальянски с тем, за пианино. Она была уверена, что он итальянец. Оssi то и дело приходил ей на ум. Закрыв глаза, она представляла Тодди в его конторе, но почему-то он выглядел гораздо моложе. Она видела себя, сидящей напротив,

одетой в серый, сшитый в ателье костюм, который выбросила давным-давно Тодди спрашивал у нее, почему она не захотела поехать в Шотландию с тем, с кем работала...

— Будьте осторожны! — раздался чей-то голос, и она открыла глаза и увидела, что стоящий за пианино теперь развалился перед ней на полу. Он говорил по-английски скорее с французским акцентом, нежели с итальянским.

— Мы будем недалеко, в соседней комнате. Одно неверное слово и...

Лезвие снова выскочило и коснулось ее горла.

Ее затошнило

Мак, наконец, замолчал в кухне.

Теперь она слышала только тиканье часов.

Ее руки дрожали, когда она набирала номер.

— Какой номер? — спросил тот, что сидел напротив.

Катрина назвала номер, и он набрал его сам. Она поняла, что толстяк вышел из комнаты. Может быть, он пошел в кабинет, чтобы подслушать?

— Соединилось, — сказал этот человек, протянув ей трубку.

Катрина приложила ее к левому уху. Нож был приставлен к ее горлу.

«Что же я ему скажу? Что мне делать?»

— «Оуэнс». Доброе утро, — последовал смешок. — Извините, я хотела сказать: добрый день.

— Сэлли?

— Катрина? Как ты?

Она облизнула губы.

— Муж у себя?

— Соединяю.

— Алло?

— Тодди?

— Да?

Слова прямо-таки вырвались из нее.

— Слава Богу. Ты можешь приехать? Сейчас? Сию минуту?

— А что такое? Что случилось?

— Пожалуйста. Пожалуйста!

Неожиданно она закричала:

— Тодди, не приезжай! Не приезжай!

Телефон выбили у нее из рук. Ее оттолкнули. Кат-

рина почувствовала содрог в сердце, она ожидала, что увидит нож.

Но ножа не было.

Толстяк вошел в комнату с улыбкой на лице.

— Пожалуйста! — В голосе звучал страх. Пожалуйста!

— Катрина, Катрина...

Она повесила трубку.

Тодд растерянно смотрел на телефон. Он быстро набрал номер. Занято. Он набрал снова. Снова занято. Может быть, трубка не лежит на рычаге? Не зная, что делать, он остался сидеть, прислушиваясь. Он снова набрал номер, пытаясь понять, что произошло, снова прокручивая их разговор в уме. Когда снова оказалось занято, он забил тревогу. Он представил, что на Катрину упала горячая кастрюля и она не может взять трубку, и трубка болтается на стене...

Быстро надев пиджак, он бросился в приемную к Сэлли.

— Думаю, с Катриной несчастье.

— Что?

Где Герберт?

— Ты его за принтерами послал, когда вернулся от Мэнни. Он вернется не раньше, чем через час. Что за несчастье? Что с ней?

— Не могу дозвониться. Попробуй, понаблюдай, ладно? Если дозвонишься, скажи, я уже выехал.

— Дэвис может тебя подбросить.

— Нет, не хочу, чтобы в выставочном зале было пусто. Я возьму такси.

Он никогда не видел Катрину испуганной. Он видел ее огорченной, сердитой, злой, обиженной. Сейчас она явно чего-то боялась!

Такси на углу сразу же остановилось, как только он поднял руку. Задыхаясь, Тодд сел в машину и дал шоферу свой домашний адрес.

— Как можно быстрее, — сказал он.

Почему она повесила трубку?

Почему не отвечала на звонки?

И этот необычный тон: «Можешь приехать? Сейчас? Сию минуту? Пожалуйста!»

Боковым зрением он видел, что шофер свернул с шоссе и ехал окружным путем

На Голдерс Грин просто убийство,— бросил шофер через плечо — Всю дорогу заволокли.

— Да-да. Спасибо.— Откинувшись на сиденье, он вытащил портсигар, посмотрел на него и запихнул обратно в карман.

Через десять минут такси уже пробиралось сквозь пробки в конце шоссе.

Последний дом,— сказал он, подавшись вперед, и потянулся к дверце.— У ворот остановите.

Пока он бежал по дорожке, он слышал, как Мак лает внутри дома. Голубой «гранда-форд» был припаркован рядом со входом. Он не знал кого-нибудь, кто имел бы такую машину, у его друзей не было такой — он знал их машины. Вытащив ключи, он рванулся по ступенькам к двери. К его удивлению, дверь была открыта, и он чуть не упал.

— Катрина!

Хлопнула дверь, и появился мужчина, он не был знаком Тодду, но Тодд с удивлением узнал это лицо, хотя и не мог вспомнить, где именно он его видел.

— Кто вы? Где моя жена?

Он побежал из холла прямо в гостиную.

— Катрина!

Она была там, бледная, как полотно, ее янтарные глаза широко раскрыты... Она сидела на диване рядом с Альдо Морони.

Тодд в жизни не подумал бы, что Морони способен ворваться в его дом. Дом англичанина — его крепость. Чтобы банда ворвалась в его дом среди бела дня — эта мысль была для него настолько абсурдной, что никогда не приходила ему в голову. Тем не менее такие набеги были второй стороной жизни Морони. Это было частью его уроков. Во французском Алжире он раз двенадцать вламывался в частные дома. Двенадцать человек с их семьями были мертвы. Он жил в стране, развращенной лозунгами нацистских агитаторов, и считал своим долгом насадить такие порядки во Франции. И это ему удалось и даже принесло ему полный арсенал медалей, а потом он исчез из легиона, чтобы пожить более роскошной жизнью.

Катрина вскочила и бросилась к нему, дрожа и рыдая.

— Слава Богу, ты
внись сюда... я не смогу
Тодд даже не испуга
ставить, что сейчас про
в арест, потом, киня
— Что, черт возьми,
лад шаг вперед, но ту
мста за пизинию. Тодд
ли за плечи, а потом —
тот ударил его коленом
Тодд повалился на пол.
Катрина закричала
прикрыть его своим телом
Мак отчаянно лаял
С невозмутимым, хо
вернулся на свое место
чемоданом, который
замками, он поднял кри
плиту, пока собака сво
кухни. Он взял тасный
чемодана и положил их
— Все нормально.—
Я в порядке, не волнуйс
— О Тодди,— запла
Ее руки дрожали.

Прошла минута, по
минута, пока он добра
рины. Постанывая и за
различное лицо Морони

— Убирайтесь отск
ясь.— Убирайтесь, или

Эти слова свидетел
будет достичь взаимон
ло понять друг друга
рони тоже. Ведь это Т
Тодд просил у него
неуважение. А уж уро
терпение.

— Мистер Тодд, —
нить свое обычное де
ли наше соглашение.
— Ради Бога! Я
Я все ему разложил
тальные деньги.

— Слава Богу, ты здесь! О Господи! Они... ворвались сюда... я не смогла остановить их...

Тодд даже не испугался, он просто не мог представить, что сейчас произойдет. Он усадил Катрину в кресло, потом, кипя от гнева, повернулся к Морони.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — Он сделал шаг вперед, но тут Сартене поднялся со своего места за пианино. Тодд почувствовал, что его ухватили за плечи, а потом — страшный взрыв боли, когда тот ударил его коленом в мошонку. С диким криком Тодд повалился на пол.

Катрина закричала и бросилась к мужу, чтобы прикрыть его своим телом.

Мак отчаянно лаял и царапал дверь в кухне.

С невозмутимым, холодным спокойствием Сартене вернулся на свое место за пианино. Он наклонился над чемоданом, который принесли раньше. Щелкнув замками, он поднял крышку. Он уже видел газовую плиту, пока собака своим лаем не выгнала его из кухни. Он взял гаечный ключ и два тяжелых болта из чемодана и положил их на полу.

— Все нормально, — прошептал Тодд Катрине. — Я в порядке, не волнуйся.

— О Тодди, — заплакала она, пытаясь помочь ему. Ее руки дрожали.

Прошла минута, пока он встал на ноги, и еще минута, пока он добрался до кресла с помощью Катрины. Постанывая и задыхаясь, он устался на безразличное лицо Морони.

— Убирайтесь отсюда, — прошипел он, задыхаясь. — Убирайтесь, или я позову полицию.

Эти слова свидетельствовали о том, что им трудно будет достичь взаимопонимания. Им невозможно было понять друг друга — Тодд был в ярости, но и Морони тоже. Ведь это Тодд не сдержал обещания. Это Тодд просил у него деньги. Это Тодд выказал ему неуважение. А уж угрожать полицией?! Морони терял терпение.

— Мистер Тодд, — сказал Морони, пытаясь сохранить свое обычное ледяное спокойствие. — Вы нарушили наше соглашение. Что теперь делать?

— Ради Бога! Я ведь объяснил все Лапьеру. Я все ему разложил по полочкам. Вы получите остальные деньги.

— Мы не так договаривались.

— У меня недостает сейчас четырехсот тысяч. Вот и все. Вы их получите через месяц, если я смогу продать виллу.

— А через полгода? Что тогда? От «Сантурз» вы не получите ни гроша.

Но даже сейчас Тодд не видел прямой угрозы. Даже будучи разъяренным и возмущенным, будучи поставленным на колени, он все еще не мог понять, куда клонит Морони. Такой была его вера в «Палому Бланку». Он продолжал видеть свет в конце туннеля.

— Я не знаю, что вы беспокоитесь. Вы получите свои деньги. Сейчас многое проясняется,— сказал Тодд, мыслями устремляясь в будущее. Он загибал пальцы, выставляя несколько причин, по которым проект должен был иметь успех. Его вера подействовала даже на того человека, который стоял у окна, он повернулся к нему с нескрываемым интересом. Даже тот, возле пианино, перестал вынимать инструменты из чемодана и внимательно слушал.

— В конце концов все будет в порядке,— заключил Тодд.

Но Морони не сдвинулся с места.

— Мы так не договаривались. Слишком большой риск.

Тодд со злостью ударил себя по лбу.

— Как вы можете так говорить? Мы победим! Даже и без «Сантурз»! Мы бы вам уже четыреста тысяч заплатили, если бы не смерть Лео!

— А! Так это другое дело. А? Если бы он был жив, может быть, он помог бы, но теперь...

— Нет, именно теперь! — перебил его Тодд, повысив голос. — В этом все дело. Разве Лапьер не сказал вам? Лео оставил все Катрине. — Повернувшись к Катрине, он кивнул ей, словно хотел показать, какой они были дружной семьей. — Понимаете, у нас ведь будут деньги Лео. Я имею в виду, Бог знает, сколько там денег, но...

В темных глазах Морони появился блеск, но когда он услышал о сложностях с завещанием, блеск тут же погас.

— Мы не знаем, сколько там денег. Мы не знаем, когда вы их получите. А срок истек. Мне нужно четырнадцать миллионов, восемьсот тысяч и...

— Как я могу заплатить четыре сдвдть миллиона? Если бы у меня были деньги, вы бы получили четыреста тысяч.

Взгляд Морони был таким холодным, что, наконец, Тодд понял, что сейчас произойдет.

Морони не замедлит подтвердить это.

— Соглашение есть соглашение, — сказал он. — Поэтому я использую страховку.

— Боже мой, ну подождите же минуточку, — возразил Тодд. Холодный пот струился по телу. — Я не срываю вам сделку! Я делаю все, чтобы вернуть вам деньги. Может быть, я перефинансирую всю сделку. Мы говорили с новым банком. Мы встречались с ними утром. Всегда есть шанс. Я попытаюсь, если вы хотите...

— Мистер Тодд. Сегодня или никогда.

— Что вы имеете в виду? — спросил Тодд пересохшими губами.

Ему стало плохо, когда Морони рассказал о взрыве газа в Амстердаме. У него засосало под ложечкой. Он чувствовал, какой ужас сейчас испытывает Катрина, но в основном слушал, что говорил Морони. Чудовище! Серийный убийца. Восемь человек погибли!

Морони пожал плечами, как бы извиняясь.

— Это все, что я могу сделать.

— Вы хотите, чтобы я это понял? — Тодд готов был броситься на Морони. Огромным усилием воли он заставил себя остаться в кресле. — Вы хотите, чтобы я одобрил это, вы хотите, чтобы я сказал, ладно, черт с вами, разорвите нас на куски...

— Это не моя вина, что вы не уважаете наше соглашение.

— Я буду уважать ваше соглашение, если вы дадите мне время! — закричал он так громко, что Мак в кухне залаял снова и на этот раз громче прежнего. Катрина завизжала и разрыдалась. От звука ее голоса, казалось, весь дом задрожал.

Морони прикрыл ладонями уши, Сартене бросился в холл, Карбоне последовал за ним. Мак скулил, лаял, мужчины переругивались. Вдруг раздался такой душе-раздирающий вопль, что Тодд и Катрина в ужасе замерли. Крик боли отдавался у них в ушах. Второй вопль заставил их вздрогнуть. Третий вопль перешел в вой. Тодд бросился через холл в кухню.

Но было уже поздно. Последние силы Мака уходили вместе с тем, как он терял кровь. Его печальные глаза начинали затягиваться пленкой. Увидев Тодда, он попытался поднять голову, но захлебнулся. Тодд нагнулся в последний раз приласкать его. Мак замахал хвостом, заскулил и умер у Тодда на руках.

Поднявшись, Тодд замер в оцепенении. Все произошло так быстро. Мак был членом семьи. Он вошел в их жизнь, когда они купили дом. Тодд вспомнил, как он нес его в гараж, как подарил на день рождения Катрине...

Но когда он опустил голову Мака, грубые руки подняли его с пола. Гнев душил Тодда, он был в ярости, у него зашумело в ушах. Он оттолкнул одного, отшвырнул другого и бросился к третьему. Но их было трое против одного, они были сильнее и были профессионалами, они тоже отвечали ему пинками и били наотмашь. Его вытащили из кухни, он задышался от боли, одна его рука безжизненно повисла, мокрая от собственной крови и крови Мака.

Катрине уже ничего не надо было говорить. Она все слышала. И подтверждение она нашла в его побледневшем лице, когда его толкнули в кресло. Катрина бросилась к нему, обняла его, рыдая от жалости, и он обнял ее, пытаясь успокоить.

— Негодяй! Какой же негодяй! — простонал Тодд. Морони несказанно удивился. Он должен был вот-вот взорваться, а расстраивался из-за гибели собаки? Эти англичане все сумасшедшие. У них мозги не в порядке. И даже что-то не то с инстинктом самосохранения. Хорошо еще Бог предоставил им в распоряжение только маленький островок. А то в большом мире они натворили бы дел.

— Боже мой, — прошептал Тодд, успокаивая Катрину.

Однако мысль о собаке заставила Морони нахмуриться. Им надо было это учесть. При взрыве следов не остается. Тела разрывает на клочки размером с крошку хлеба. А даже поверхностное расследование покажет, что животное было убито ударом ножа. И поверхностное расследование станет более тщательным, когда выяснится, что в деле были замешаны миллионы. Люди Морони были отлично натренированы. Через открытую дверь он увидел,

... Карбоне несет свет
... дам в куле. И чер
... в доме в сопровождени
... Маркози, который дер
... это слежка, который на
... Морони взглянул на
... второго. Тридцать на
... как они появились в до
... — Ради Бога! — ро
... сом рыдания Катрины.
... даю виллу. Мы скоро п
... — Это поздно.
... — Я подпишу чек.
... и бумагу. — Я все подп
... Морони сжал губы
... дискуссии бесполезны.
... — Назовите сумму.
... Тодд, пытаясь думать
... проверить сделку. Он
... что-нибудь придумать.
... Его крики прервал
... вздрогнул, увидев, как
... в комнату. Они кивн
... собака уже в машине
... Морони взглянул н
... дую минуту.
... Щелкнув ножом, о
... в карман и направился
... взять гаечный ключ. И
... ся и пошел в кухню
... а Маркози остался с
... Эти быстрые при
... принять последнюю
... — Подождите! —
... Морони отчаянные
... говорить.
... Морони развел ру
... — Я дам вам
... все, ради Бога! —
... хоть как-то ослаби
... хоть какой-нибудь
... несколько месяцев!
... Вы можете позвони

что Карбоне несет сверху одеяло. Он услышал какой-то шум в кухне, и через минуту Карбоне появился в холле в сопровождении своего двоюродного брата Маркози, который держал одеяло за другой конец; оно слегка прогибалось под тяжестью своей ноши. Морони взглянул на часы. Тридцать пять минут второго. Тридцать пять минут прошло с момента, как они появились в доме.

— Ради Бога! — воскликнул Тодд, перекрыв голову рыдания Катрины. — Чего еще вы хотите? Я продаю виллу. Мы скоро прокрутим эти деньги...

— Это поздно.

— Я подпишу чек. — Тодд глазами искал ручку и бумагу. — Я все подпишу!

Морони сжал губы в знак того, что дальнейшие дискуссии бесполезны. По опыту он знал, что время разговоров истекло.

— Назовите сумму, и вы ее получите! — вскричал Тодд, пытаясь думать о сделке. Он всегда сможет проверить сделку. Он преуспел в этом. — Мы можем что-нибудь придумать. Надо это обсудить, вот и все...

Его крики прервал хлопок передней двери, он вздрогнул, увидев, как те другие два человека вошли в комнату. Они кивнули Морони, подав знак, что собака уже в машине и они уберут ее позже.

Морони взглянул на часы, он смотрел на них каждую минуту.

Щелкнув ножом, Сартене положил его обратно в карман и направился в другой угол комнаты, чтобы взять гаечный ключ. Не говоря ни слова, он повернулся и пошел в кухню, Карбоне последовал за ним, а Маркози остался сторожить жертвы.

Эти быстрые приготовления заставили Тодда предпринять последнюю попытку.

— Подождите! — запротестовал он, бросая на Морони отчаянные взгляды. — Мы ведь можем поговорить.

Морони развел руками.

— Я дам вам «Палому Бланку»! Я отдам вам все, ради Бога! — Тодд нервно засмеялся, пытаясь хоть как-то ослабить напряжение, пытаясь получить хоть какой-нибудь ответ от Морони. — Ведь только несколько месяцев! И потом, есть еще деньги Лео. Вы можете позвонить этому парню Роша, если хотите.

Он вам все скажет. Я все это объяснил Лапьеру. Я все ему рассказал. Я не похож на того человека из Бельгии. Я не срываю сделку! Ради Бога, вы должны мне поверить!

Металлический скрежет донесся из кухни.

— У нее есть деньги! — внезапно воскликнул Тодд, показав на Катрину. — Вот что я вам скажу. Если она пойдет в банк... я имею в виду, у нее есть свои деньги. — Он врал, и слова легко слетали с его губ. — Она богата и без денег Лео. Она заплатит вам. Сейчас. Сегодня. Кто-нибудь из вас может пойти с ней, если хотите, взять деньги и принести сюда.

Удивление на залитом слезами лице Катрины говорило Морони, что все это глупые выдумки и не стоит обращать на них внимания.

— Но она к этому не имеет отношения! — завыл Тодд. — Она в этой сделке не участвовала! Она ничего о ней не знала. Отпустите ее, ради Бога! — Он поднялся, но Маркози толкнул его обратно в кресло. — Сидеть! — закричал он, отбросив его руку. — Ведь что-нибудь должно...

Из кухни доносились удары металла о металл.

Морони задумался о неприятностях в жизни. Ведь в этом не было бы необходимости. Если бы только люди умели держать свое слово. Он поклялся никогда больше не связываться с англичанами. Может быть, он стареет? Пора уходить? Он тогда мог бы провести больше времени с Николь в Париже...

— Я достану деньги, — отчаянно закричал Тодд. — Обещаю. Дайте мне время. Дайте мне позвонить кому-нибудь. Если вы разрешите мне позвонить хоть нескольким друзьям...

Морони вспомнил, что и другие давали такие же обещания. Эти слова ничего не значили.

В мозгу у Тодда мгновенно проплыла вереница лиц. Кому он смог бы позвонить? Кто сможет ему помочь? Хэнк, Мэнни, Смитсон в банке, старый Каррузерс в гольф-клубе... старик сейчас зарабатывает неплохие деньги, кучу денег, он этим хвастался, может быть, он... а Шарли... Шарли, точно, Шарли! Он услышал ее уверенный голос: «Конечно, я смогу достать шесть миллионов без проблем любому..., но это такая волянка...»

— Шесть миллионов, — прохрипел он, не пол-

шестью миллионам, что...
шесть миллионов?
Искорка заинтересованно
ных глазах Морони.

— Сегодня?
Тодд кивнул, отрицая
жет ли она? Станет ли
и даст, если я ей все
Морони не даст тебе
брать? Потом я все о
Морони хорошо знает
что этот англичанин о чем
случалось, веселенькая пер
что-либо другое активизи
Наморщив лоб. Тодд с
какую только мог изобра

— Есть шанс. Есть Р
я смогу получить шесть
положим, я это сделаю? (О
ный перевод в ваш банк. К
Шесть миллионов? С

Морони никогда не забывал
преследовали воспоминания
лезненные воспоминания
наилучшим образом состав
дела шли так как надо, с
очень долго. Проводили м
чал свои деньги.

— Это меньше, чем вы
выплатите остальное?

— Я продам «Нал
Тодд. — У нас есть пред
предлагает девять милли
Морони был так счаст
жение лица сменилось на
Куини не хуже убий

— Вот видите!
получите деньги. Все де
нибудь подвернется.

Интерес Морони воз
лил Тодду встать. К
в кресло у огня, а Марк
ся в дурном настро

ностью осознав, что говорит. — Что, если я достану шесть миллионов?

Искорка заинтересованности промелькнула в темных глазах Морони.

— Сегодня?

Тодд кивнул, отвечая больше себе, чем ему. «Сможет ли она? Станет ли это делать? Может быть, и сделает, если я ей все объясню? Не будь идиотом. Морони не даст тебе ничего объяснить... А если со-
врать? Потом я все объясню, мы пойдем в полицию...»

Морони хорошо умел читать чужие мысли. Ясно, что этот англичанин о чем-то думал. Такое и прежде случалось, веселенькая перспектива смерти лучше чем что-либо другое активизировала мысли людей.

Наморщив лоб, Тодд сказал со всей уверенностью, какую только мог изобразить.

— Есть шанс. Есть. Реальный шанс. Может быть, я смогу получить шесть миллионов сегодня. Предположим, я это сделаю? Они могут послать телеграфный перевод в ваш банк. Как вам это?

Шесть миллионов? Сегодня? Без осложнений. Морони никогда не забывал о проваленных сделках. Его преследовали воспоминания об огромных потерях, болезненные воспоминания о том, как могут сорваться наилучшим образом составленные планы. И если даже дела шли так как надо, страховщики всегда возились очень долго. Проходили месяцы, прежде чем он получал свои деньги.

— Это меньше половины, — сказал он. — Как вы выплатите остальное?

— Я продам «Палому Бланку»! — выкрикнул Тодд. — У нас есть предложение. Парень из Майорки предлагает девять миллионов.

Морони был так ошарашен, что его каменное выражение лица сменилось выражением интереса.

Купцы не хуже убийц читают чужие мысли.

— Вот видите! — закричал Тодд радостно. — Вы получите деньги. Все деньги. Я ведь сказал, что что-нибудь подвернется.

Интерес Морони возрос настолько, что он позволил Тодду встать. Кивком головы он отослал Карбоне в кресло у окна, а Маркози к пианино. Сартене появился в дверном проеме, подав знак, что в кухне все готово, но Морони остановил его взглядом. Тодд тем

временем ходил взад-вперед, потирая руки, словно адвокат, который пытается убедить присяжных.

— Я могу повернуть сделку хоть завтра. Все, что мне нужно сделать, — полететь на Майорку. Парень по фамилии Карьер уже сделал нам предложение. Он крупнейший бизнесмен в области отелей на острове. Девять миллионов, правильно? Выплатит в день, когда мы все закончим.

— Закончите? — переспросил Морони, в голосе его прозвучало разочарование.

— В апреле, — быстро сказал Тодд. — Бог мой, через несколько месяцев! Ваши расходы полностью окупятся! Вы получите шесть миллионов сегодня и девять, когда мы все продадим! Пятнадцать миллионов! У вас уже есть два! Семнадцать миллионов. А вы одолжили мне только двенадцать. Ради Бога, неужели вам надо еще больше?

В апреле? Морони нахмурился, он понял, что в апреле он еще не сможет получить страховку. Последняя страховка была выплачена через год после... Год! И только для того, чтобы собрать собственные деньги. Никакой выгоды. Он облизнул губы и снова сел на диван.

— Да это будет замечательная сделка! — настаивал Тодд.

— Она будет замечательная, когда я получу деньги, — произнес Морони, думая об оценке Руса. Девять миллионов — звучало неплохо. Он взглянул на Тодда. — А как я узнаю, что вы говорите правду? А? У вас есть какое-нибудь письмо?

Тодд чуть не брякнул всю правду об их ответе Карьеру. Только дурак продал бы за девять миллионов. Или тот, кому к виску приставили дуло пистолета. А впрочем, что об этом беспокоиться? «Все равно Шарли не одолжит мне шесть миллионов. Если только она с ума не сошла».

— Я получу предложение в письменном виде, если я поеду и увижусь с ним, — произнес с трудом Тодд.

Морони считал. Шесть миллионов сейчас и письменное подтверждение о девяти от кого-то с деньгами. Что ж, это шаг вперед. Пятнадцать миллионов вместо двенадцати. К апрелю все расходы полностью окупятся. Наконец, приняв решение, он кивнул.

— Хорошо. Вы получите письменное подтверждение и отдадите Лапьеру. Понятно?

Сердце Тодда стукнуло

— Я должен поехать на Майорку

— Конечно. Вы поедите завтра, и вы Морони засвистел, подсчитывая даты, и вспомнил, что тоже должен быть дома на Корсике восемнадцатого. Хорошо, договорились. Но у Ланьера письменное подтверждение должно быть семнадцатого. А?

Тодд вздохнул с облегчением.

— Я знаю, — ответил он. — Мне можно не объяснять. Если он этого не получит, вы вернетесь и убьете меня. — И тут он рассмеялся. Это был идиотский, истерический смех, но Морони начал смеяться тоже, и Сартене улыбнулся, а Карбоне выкатил глаза и посмотрел на Маркози.

Только Катрина не двигалась, ее рука была прижата ко рту, а на бледном лице — маска ужаса.

— Теперь — шесть миллионов, — сказал Морони.

Сартене стоял за спиной у Катрины, одной рукой держа ее за плечо, в другой у него был нож, пока в кабинете Морони собирался подслушать телефонный разговор и в случае необходимости сразу прервать связь.

Катрина была в шоке, и Тодд не осмеливался взглянуть на нее. Вместо этого он сел в кресло, согнувшись, словно ожидая удара, остановил взгляд на записной книжке и набрал номер прямого телефона Шарли в ее офисе.

Она ответила быстро и сухо, после третьего звонка.

— Алло.

— Шарли? Это Тодди.

— Привет! — Ее голос сразу потеплел. — Как ты там? Какая честь для меня. Это я тебе должна звонить, ты забыл?

Он смеялся. Он смеялся, правда! Катрине приставили нож к горлу, а он смеется, как дурак. «Ей-Богу, я, наверное, сошел с ума!»

— А что такой истерический смех?

— Нет-нет, только, понимаешь... э-э... Я так рад, что ты на месте. У меня... понимаешь, я имею в виду, что... у тебя есть минутка?

«А вдруг она скажет «нет»? Вдруг у нее переговоры или встреча? Вдруг?..»

— И ты спрашиваешь? — Она понизила голос, как делала всегда, когда дразнила его. — После того, чем мы были друг для друга?

«Боже мой!» Прижав трубку к уху, он поглубже уселся в кресло.

— Я... э-э... только спросил. Ты у себя одна?

— Зачем ты спрашиваешь? Хочешь поругаться?

— Шарли!

— Ну, давай, давай, ты ведь знаешь, как мое пребывание здесь действует на гормоны. Вот только что...

— Шарли, пожалуйста!

— Хорошо, хорошо. Если уж честно говорить, ты меня случайно поймал. Я собираюсь в большой город.

— В Лондон?

— На четырехчасовой рейс. Покидаю здешние места. Двадцать четыре часа полета от этого грязенького островка. У меня первая встреча завтра утром, но я могу с тобой поужинать, если ты меня пригласишь?

— Да, — сразу же согласился Тодд. — Да, грандиозно, давай поужинаем. Это будет прекрасно. — «Если я еще буду жив к этому времени...»

— Вот здорово, — сказала она, удивившись.

— Я пошлю Герберта, чтобы он встретил тебя в аэропорту. Скажи мне данные.

Его рука дрожала, пока он записывал номер рейса. «Разрешат ли они мне позвонить Герберту? Сможет ли Герберт обратиться в полицию? Может ли...»

— ...прекрасно, — говорила Шарли в трубку. — Ну, пока, увидимся.

— Нет! Шарли! — в страхе закричал он. — Не вешай трубку. Я хочу поговорить кое о чем важном.

— А, так ты все-таки хочешь поприставать ко мне? Вытянувшись вперед, с локтями, упертыми в колени, и с телефоном, зажатым между ног, он пытался сосредоточиться на разговоре. Тодд знал, что кредит просто так не мог быть выдан, но, к сожалению, у него не было времени что-то придумать.

— У меня... появился шанс перефинансировать «Палому Бланку», — начал он, пытаясь говорить веселым голосом. — Мы сэкономим на процентах. Это сократит наши расходы на полмиллиона в год...

— Отлично! — Из ее тона пропала дразнящая нотка, в голосе звучало одобрение. — Продвинулись, да еще в такое время!

— Да, ну, понимаешь, спускаем старый кредит на новые деньги. Правильно?

— Ну конечно.

— Но... понимаешь, миллионы сегодня, чистая Бланкой все чисто. Ты в наш банк и... конечно, Он выдал смехотворительский. — Им нужно.

— Но Шарли даже не Шесть миллионов.

— Да это только одна. — Это большое.

Но если у меня не будет Шарли, я разбит, — приди.

— Что за спешка? — Послушай, парни.

договор, улетает... э-э а я хочу все подписать вот в чем, ты нам помо.

— Я? — Шарли я шутишь? Где ж я возьму?

— Я имею в виду.

— Я не могу ввязаться, можем давать такие деньги.

— Так это сугги!

— Тодди! Мы не знаем. Я говорила. — Я заплачу раньше, чем ты сможешь только полагаться.

— Я заплачу раньше, чем ты сможешь только полагаться.

— Да нет. Я прошу разрешения.

Окончательная резолюция. По спине пробежал холодок. — Шарли, пожалуйста, перешлю деньги и до двенадцати часов. Правильно? Ведь ты Тодд почувствовал. Сколько скажет ист... а пос...

— Да, ну, понимаешь... вот такая сделка. Мы оплачиваем старый кредит сегодня, а завтра получаем новые деньги. Правильно?

— Ну конечно.

— Но... понимаешь, мы должны выплатить шесть миллионов сегодня, чтобы показать, что с «Паломой Бланкой» все чисто. Ты поняла? Сразу. И вот я пошел в наш банк и... конечно, ты мне сейчас не поверишь. — Он выдавил смешок, который тоже походил на истерический. — Им нужна санкция главного офиса.

Но Шарли даже не удивилась.

— Шесть миллионов — это шесть миллионов, — сказала она. — Это большие деньги.

— Да это только один день! Мы все выплатим завтра. Но если у меня не будет денег сегодня, я упусти сделку. Шарли, я разбит, — признался он, говоря наконец правду.

— Что за спешка? Твои новые банкиры поймут...

— Послушай, парень, с которым мы заключаем договор, улетает... э-э... он улетает в Японию завтра, а я хочу все подписать до того, как он улетит, и... дело вот в чем, ты нам поможешь?

— Я? — Шарли явно была потрясена. — Ты что, шутишь? Где ж я возьму шесть миллионов?

— Я имею в виду твою фирму, твоих людей здесь.

— Я не могу втянуть фирму в такую сделку. Мы можем давать такие деньги только на сутки.

— Так это сутки!

— Тодди! Мы не играем на собственности, ты ведь знаешь. Я говорила. Нам это не разрешено. Мы можем только полагаться на живые деньги клиентов.

— Я заплачу раньше, чем через сутки.

— Да нет, Я просто не могу сделать этого. Нам не разрешают.

Окончательная решимость прозвучала в ее голосе. По спине пробежали мурашки, он чувствовал, что близится его конец.

— Шарли, пожалуйста! Не говори *нет*. Ради Бога, я перешлю деньги по телеграфу завтра в твою фирму. До двенадцати часов. Ведь тебе с нами работать. Правильно? Ведь ты вступишь в правление.

Тодд почувствовал, что все его объяснения бесполезны. Сколько бы он ни врал, Шарли все равно скажет *нет*... а после этого они не разрешат ему звонить никому... Морони убьет его.

— ...Шарли, я просто прошу об одолжении, и все. Твоим инвеститорам это не будет стоить и пенни. Наоборот, ты им помогаешь получить проценты сверх того...

Тодд говорил без остановки; просил, умолял, врал. На лбу у него выступили капли пота. Он не мог взглянуть на Катрину.

Вдруг — о чудо! — он услышал в голосе Шарли легкое колебание. Ее голос был уже не таким отказывающим, в нем было участие.

— А может быть, твой новый банк сразу заплатит деньги? Обычная операция...

— Это Испания. — Он опять начал врать. — Там свои законы. Тогда мы должны будем заплатить двойную сумму, если мы поступим таким образом. Понимаешь, я не знаю, это очень сложно, адвокаты мне объясняли. Но поверь мне, мы пытались поступить таким образом...

И он что-то говорил и говорил, опасаясь, что Морони перережет провод, не решаясь взглянуть на Катрину.

— Ненавижу нарушать правила, — сказала Шарли с сомнением в голосе.

— Да их нарушают сплошь и рядом.

— А я нет. Для кого-нибудь другого я бы и не подумала их нарушать. Тодди, я правда не хочу этого делать.

Его сердце забилося.

— Мы не должны упускать наш шанс, Шарли, ты должна понять. Все наше будущее зависит от этого. Твое будущее, мое...

— Но я не знаю...

— Пожалуйста, Шарли. Одни сутки. У тебя будут деньги завтра.

— Я должна быть абсолютно уверена в этом. Не подведи меня.

— Конечно не подведу.

— Обещаешь?

— Конечно обещаю!

— Ты можешь дать мне банковский чек, когда я приеду в Лондон?

Вдруг его озарило вдохновение.

— Шарли, ты должна пойти на встречу со мной. — Его голос зазвенел от волнения. — Как я раньше об этом не подумал? Ты ведь вступаешь в правление, черт

Я представлю тебе...
Но у меня уже назначен...
Я перенесу свою. Когда...
Десять, пол-одина...
Половина...
Шарли, ты прямо бу...
И ты дашь мне банковс...
обратно? — Конечно... — согра...
— Нет проблем.
— Ты не подведешь меня...
— Шарли! Как ты може...
— Это ведь я, ты понима...
заукином.

— Ну да, — вздохнула...
Я все понимаю, но...
— Пожалуйста, Шарли!
Она еще раз вздохнула, п...
— Ну хорошо. Куда мне...
Он так вспотел, что теле...
вала из его рук. Голос ег...
произнес:

— Первый банк в Берн...
жу тебе код и номер счета...
на кредитный счет «Пало...
включить это в документа...

— Конечно.

— И, Шарли, последн...
сделай это прямо сейчас!...
в их банк и получить...
минут.

ГЛАВА

Пока Морони зациклился на...
спускали глаз с Тодда и...
что вся жизнь прошла...
буквально, у Катрины...
и хотя они запутались в...
ужаса, их обрадовала р...
ра с банком.

возьми! Я представлю тебя этому парню. Ты можешь сама увидеть его.

— Но у меня уже назначена встреча.

— Я перенесу свою. Когда ты освободишься?

— Десять, пол-одиннадцатого...

— Пол-одиннадцатого. Назначим на пол-одиннадцатого. Шарли, ты прямо будешь присутствовать при сделке...

— И ты дашь мне банковский чек, чтобы я отвезла его обратно?

— Ну конечно,— соврал он, и пот потек по его лицу.— Нет проблем.

— Ты не подведешь меня?

— Шарли! Как ты можешь задавать такие вопросы? Это ведь я, ты понимаешь? Я все тебе расскажу за ужином.

— Ну да,— вздохнула она с печалью в голосе.— Я все понимаю, но...

— Пожалуйста, Шарли!

Она еще раз вздохнула, потом сказала:

— Ну хорошо. Куда мне перевести деньги?

Он так вспотел, что телефонная трубка выскальзывала из его рук. Голос его был хриплым, когда он произнес:

— Первый банк в Берне. Подожди минутку, я скажу тебе код и номер счета. Шарли, эти деньги пойдут на кредитный счет «Паломы Бланки». Ты можешь включить это в документацию?

— Конечно.

— И, Шарли, последняя просьба, если можешь, сделай это прямо сейчас! Наши люди хотят позвонить в их банк и получить подтверждение через десять минут.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Пока Морони звонил в банк в Берне, его люди не спускали глаз с Тодда и Катрины. Тодду показалось, что вся жизнь прошла. Впрочем, если все понимать буквально, у Катрины и Тодда и прошла вся жизнь, и хотя они запутались в проблемах и были вне себя от ужаса, их обрадовала реакция Морони после разговора с банком.

— Ведь хорошо, что мы все уладили? — сказал Морони, сияя от удовольствия. Он даже захотел пожать Тодду руку. — Бизнес есть бизнес, правда? А к вам лично я претензии не имею.

И так в общем-то это и было — Морони просто защищал свои интересы, и дело закончилось лучше, чем он ожидал — не понадобится применять страховку. На целых три миллиона лучше.

Но после минутной мягкости в голосе тон Морони вновь стал ледяным, когда он напомнил:

— Через две недели, — произнес он, ткнув Тодда в грудь. — Поняли? Две недели — или я вернусь.

Безмолвная, с побелевшим лицом, Катрина смотрела, как они собираются уходить. Из кухни доносились звуки, свидетельствующие о том, что двое из них укладывали инструменты, как мастера, окончившие ремонт. Потом они вернулись в комнату и подали знак толстяку. Катрина дернулась, когда кто-то похлопал ее по плечу.

— Все в порядке. Нет больше никаких проблем, — произнес человек, выходя в холл. Она услышала, как открылась и закрылась входная дверь, и через секунду заработал мотор в отъезжающей машине. Катрина на минуту задержала дыхание, а потом зарыдала.

Тодд подбежал к ней, обнял, посадил в кресло и стал укачивать, как ребенка. Она уткнулась ему в лацкан пиджака, чтобы сдержать рыдания. Тодд задышался, он мог только крепко сжимать ее в объятиях, чтобы хоть немного успокоить. Минуты шли, и никто из них не мог говорить. Потом Катрина всхлипнула.

— Мак. Я должна...

— Нет. — Он удержал ее в кресле. — Не ходи туда, его уже нет в доме. Они взяли его... с собой в машину.

Она уставилась на него пустым взглядом, и вдруг в нем вспыхнула боль: она все поняла.

— Но... они... — Катрина сглотнула, ее лицо искалось от горя. — Они...

Тодд закашлялся, пытаясь заговорить обычным голосом. Он старался убедить Катрину в том, что смерть Мака была быстрой, без мучений, что пес не страдал. Он попытался найти правильные слова, которые могли хоть как-то облегчить ей боль, но Катрина, казалось,

ничего не осознавая. Он крепко схватил ее за руку.

— Все хорошо, любимая, они ушли, все нормально. — Тодд шептал эти слова ей на ухо, пытаясь успокоить ее, убедить ее в чем-то, все время твердя себе, что оцепенение должно пройти позже, а сейчас он должен восстановить силы, действовать, думать. Голос в его мозгу твердил: «Да делай же что-нибудь!» Но мозг отказывался подчиняться. Тодд потерял способность логически мыслить. Все, что он мог, это повторять: «Все нормально, все нормально». Казалось, прошли часы, прежде чем он смог подняться. Уложив Катрину на диван, он подошел к бару. Дрожащими руками налил бокал виски для себя и бренди для нее.

— Вот, — Тодд протянул Катрине бокал, — выпей это, пожалуйста.

Он дал ей сигарету, укрыл пледом и сел рядом. И только после того, как Тодд заставил ее выпить все до конца и сам проглотил виски, он начал приходить в себя.

— Обожди, я на минуточку.

— Нет! — Катрина судорожно схватила его за руку. — Не оставляй меня одну...

— Все в порядке. Они ушли. Я просто осматриваю дом. Лежи здесь, я быстро.

Тодд заново наполнил бокалы и унес свой бокал с собой, на ходу отпивая виски. Он был в ярости от того, что произошло. Он думал обо всем и в то же время ни о чем. Его мозг все еще пытался осознать события, прежде чем решить, что делать дальше.

Тодд пошел на кухню без определенной цели, думая обнаружить там полный разгром. На пороге кухни он застыл в изумлении. Все было так, как будто бы ничего не случилось. Газовая плита стояла на прежнем месте. Пол был чистым, без единого пятна крови. Все кругом выглядело как всегда — только половники блестели от влаги, телефонная трубка не была в гнезде и единственным напоминанием о Маке была его пустая корзинка.

Потрясенный, чувствующий сильное желание сесть, он опустился на табуретку и пустым взглядом смотрел вокруг. Протирая глаза, Тодд словно пробуждался от ночного кошмара. Да, все было так, как всегда. Как будто бы это был сон.

Но в голове у него постепенно прояснялось. Ведь только одно имело для него значение, когда он разговаривал с Шарли,— получить деньги. Страх заслонил от него возможные последствия. Если он о чем-то и думал, так о том, что позже он все уладит, объяснит, они пойдут в полицию и расскажут там обо всем, что произошло. Но, по правде говоря, он не думал ни о чем конкретно, он был слишком напуган, он был в ужасе оттого, что Катрине к горлу приставили нож...

И вот сейчас, сидя на кухне, Тодд вспомнил и другое. Он вспомнил последний взгляд Морони, блеск успеха в его глазах и его змеиную усмешку. Мурашки побежали по спине Тодда.

Он стал восстанавливать все в памяти. Закурив сигару, Тодд пытался заставить себя успокоиться. Он попытался взглянуть на ситуацию с точки зрения Морони.

«Мы ничего не докажем,— подумал он в отчаянии.— Мы даже не сможем доказать, что кто-то здесь был!»

Понимание этого вновь вызвало тревогу и холод у него в груди.

«Что произойдет, если я обращусь в полицию? Банкиры Морони подтвердят, что кредит на «Палому Бланку» сокращен на шесть миллионов. И что? По их сведениям, это легальная операция. Они не вернут деньги без согласия Морони. А Морони скажет, что с этим все в порядке. А он ничего незаконного и не делает. Он в своем праве. Он знает, что мне не с чем идти в полицию».

Телефон Шарли прозвонил двенадцать раз, прежде чем кто-то ответил.

— Алло?

— Шарли?

— Нет, это ее секретарь. Что-нибудь передать?

— Она у себя?

— К сожалению, нет. Она улетела в Лондон. Она будет завтра после обеда. Может быть, она перезвонит вам?

Он обошел весь дом, комнату за комнатой, не зная точно, зачем и что он проверяет. Все на своих местах, пропали лишь одеяла в комнате для гостей.

— Черт, все в абсолютном порядке! — пробормо-

тал он, возвращаясь в гостиную. — Даже и не поверишь, что они были здесь.

Катрина вытерла залитое слезами лицо.

— Что сказали в полиции?

Тодд покачал головой.

— Я не звонил туда.

— Но... мне показалось, что ты с кем-то разговаривал...

— Я пытался дозвониться до Шарли, — перебил он, красный от возбуждения. — Но она улетела.

— Так позвони в полицию.

Он задумался, потом сказал:

— С плитой в кухне все в порядке. Даже трубу не отвинтили от стены.

Катрина нахмурилась, покачивая головой.

— Чисто сработали, — сказал Тодд, махнув рукой в сторону комнаты. — Посмотри на все это. Ни-че-го. Никто не поверит, что они были здесь.

— Но... ведь Мак...

— Пропала собака — вот и все, что скажет полиция. Ведь часто пропадают собаки. Уходят далеко от дома и...

— Но они угрожали нам! Говорили, что убьют нас, — возразила Катрина, и недоверие прозвучало в ее голосе.

— Мы не сможем доказать это.

— У тебя на пиджаке следы крови.

— Ну и что? Что это доказывает?

— Но... — Она сглотнула слюну, покачала головой и повторила: — Они собирались убить нас.

— Да не сможем мы это доказать! — воскликнул Тодд, повысив голос. — Мы даже не сможем доказать, что они вообще здесь были!

Сжавшись в кресле, Катрина испуганно смотрела на него. Все еще потрясенная происшествием, расстроенная по поводу смерти Мака, она никак не могла понять, что он говорит.

— Так ты хочешь сказать, что ты не пойдешь в полицию? — спросила она озадаченно.

— О, Бог ты мой! — Стресс и страх выводили его из себя. — Я ведь сказал об этом только что, правда? Я объяснил тебе все. Мы не сможем ничего доказать! Мы даже не сможем доказать, что нам кто-то угрожал. Шарли ничего не докажет. Ей не

угрожали. Она не была даже в опасности, тем не менее она покрыла шестью миллионами своей фирмы часть моих долгов. А эти деньги никакого отношения не имели к ее фирме...

— Но... они все поймут. Конечно, поймут... я хочу сказать, ведь это было вымогательство...

— Ну и как ты это докажешь? Я ведь сказал только что, Шарли не угрожали. Тем не менее она совершила мошенничество, подлог, воровство. Вот и все, что они скажут. Если она не вернет деньги, она будет арестована. Она сядет в тюрьму. И я вместе с ней. Мы украли эти деньги. Мы украли шесть миллионов фунтов.

— Нет... — продолжала шептать Катрина. — Ведь все было не так. — Она схватилась рукой за горло, вспомнив про нож. — Они ведь угрожали, что убьют нас.

Тодд сделал нетерпеливый жест рукой, и виски выплеснулось из его бокала.

— Посмотри на эту комнату. То же самое и во всем доме. Все стоит на месте. Нет никаких доказательств. Мы не можем пойти в полицию, потому что тогда мы втянем в это Шарли. И меня тоже не ждет ничего хорошего. Можешь ты это понять своей?..

Катрина отшатнулась, в ее глазах блеснули слезы.

Тодд мерял шагами комнату.

— Я вообще ничего не могу сделать, пока не поговорю с Шарли...

— Ничего не понимаю, — вдруг перебила его Катрина, — я совсем растерялась. — Упрек слышался в ее голосе, когда она произнесла: — Я не знаю больше, что правда, а что неправда. Ты сказал, что в Париже есть фирма, и у них свои адвокаты. Вот что ты сказал...

И тут разразилась ссора. Еще час назад они были готовы умереть друг за друга, а сейчас, возбужденные алкоголем, тревогой, сожалением и взаимным чувством вины, они вцепились друг другу в глотки.

— Я тебя предупреждала! — закричала Катрина. — Я тебе говорила, с каким типом людей мог связаться мой отец. Но ты ведь не слушал, правда же? Нет, конечно нет! Ты предпочел обдѣлывать делишки за моей спиной...

— Никто ничего не сделал за твоей спиной...

— Ну да, конечно, все это чепуха! А эта женщина

...Шарли? Приятельница...
...Вот что ты говоришь...
...не подозревала, что ты...
...что ты хочешь этим сказать...
...она сидит перед глазами...
...О Шарли, я с огромным...
...с тобой. Я пошлю Герберта...
...в Гетвике! О Шарли, это...
...только подумать, что я...
...только повернулся к Катрине...
...ее произносящего все это...
...Сколько времени все это...
...стала бы знать! Ты врал...
...этой фирмы в Париже...
...называет этой женщины. Вот...
...в полицию. Ты, видя...
...Мы украли шесть миллионов...
...Понимаешь, украли! Это...
...Так тебе, дураку, и надо...
...запинула Катрина.

Телефонный звонок спас их от...
говора. Нечего и говорить, что...
чули друг на друга море упреков...
воле Бога, зазвонил телефон.

Ответил Тодд.

— А! Значит, ты дома. — глас...
бедно. — Я пыталась раньше до...
там на линии не в порядке. Как...
случилось?

Ему было слишком тяжело пр...
ния. Казалось, прошли годы с...
ушел из офиса.

— Что? Да так, ничего. Э-э...
я хотел, чтобы Герберт поеха...
самолет из Джерси.

Разговор с Сэлли привел его...
раскался в своих слова. Катри...
резкости. Она выскочила из...
в ванную, где еще раз разрядил...
ругать его в такое время? И...
телом, она села на корзину с...
кошмар никогда не кончится. Ч...
на счет тюрьмы? Катрина пр...
рит с Тоддом через тюремную

по имени Шарли? Приятельница Хэнка. Она утешалась. — Вот что ты говорил. И я поверила тебе. Я ведь не подозревала, что ты врешь.

— Что ты хочешь этим сказать?

Она ехидно передразнила его:

— «О Шарли, я с огромным удовольствием поужинаю с тобой. Я пошлю Герберга, чтобы он встретил тебя в Гетвике! О Шарли, это я, помнишь? Как ты могла только подумать, что я тебя подведу!»

Тодд повернулся к Катрине спиной, чтобы избежать ее пронизывающего взгляда.

— Сколько времени все это продолжается? Вот что я хотела бы знать! Ты врал мне! Ты врал насчет этого... этой фирмы в Париже, этих гангстеров... и ты врал насчет этой женщины. Вот почему ты не хочешь звонить в полицию. Ты, видишь ли, ее защищаешь!

— Мы украли шесть миллионов фунтов! — взревел Тодд. — Понимаешь, украли! Это кончится тюрьмой.

— Так тебе, дураку, и надо! — беспомощно всхлинула Катрина.

Телефонный звонок спас их от дальнейшего разговора. Нечего и говорить, что иначе они бы выплеснули друг на друга море упреков. И тут, словно по воле Бога, зазвонил телефон.

Ответил Тодд.

— А! Значит, ты дома, — воскликнула Сэлли победно. — Я пыталась раньше дозвониться, но что-то там на линии не в порядке. Как Катрина? Что с ней случилось?

Ему было слишком тяжело придумывать объяснения. Казалось, прошли годы с того момента, как он ушел из офиса.

— Что? Да так, ничего. Э-э, Сэлли, послушай... я хотел, чтобы Герберт поехал в Гетвик и встретил самолет из Джерси.

Разговор с Сэлли привел его в чувство. Он тут же раскаялся в своих слова, Катрина пожалела о своей резкости. Она выскочила из комнаты и побежала в ванную, где еще раз разрыдалась. «Как ты можешь ругать его в такое время?» Измученная, дрожа всем телом, она села на корзину с бельем, чувствуя, что кошмар никогда не кончится. Что означают его слова насчет тюрьмы? Катрина представила, как она говорит с Тоддом через тюремную решетку...

В кухне, готовя кофе, Тодд тоже испытывал угрызения совести. «Сначала пройти через этот ужас, а потом начать орать на нее, вместо того чтобы помочь пережить все...»

Через секунду, помирившись, они бросились друг другу в объятия, пытаясь успокоиться.

Потом Тодд усадил Катрину в кресло, принес кофе и долил туда бренди. Он говорил и говорил, чтобы успокоить ее нервы и вернуть румянец ее лицу.

— Теперь-то я вижу, — сказал он, — ничего бы не случилось... они только хотели нас попугать...

Нет, Катрина ему не верила. Она слушала с отсутствующим видом, онемевшая, думая только об одном, — чтобы они были вместе и в безопасности, хотя бы сейчас, в эту минуту.

— Но ведь ты поняла, почему я не позвонил в полицию? — спросил Тодд взволнованно. — Морони уже выехал из страны. Если даже английская полиция свяжется с французской, что будет? Морони будет отрицать, что был здесь, а его банк всего-навсего получил те деньги, которые я ему был должен, вот и все. Когда я это понял, ситуация сложилась не в мою пользу. А тем временем Шарли совершила подлог...

Они еще долго говорили друг с другом.

Катрина пыталась объяснить все. Она считала, что Морони заслужил, чтобы его отправили в тюрьму. Да, Тодд и Шарли нарушили закон — она избегала слов подлог и мошенничество, — но это была ложь во спасение. Бедь так? Полиция должна понять это. Но когда Тодд уже в который раз повторил причины, по которым не хочет обращаться в полицию, она еще больше испугалась. Катрина заставила его все рассказать о предложении купить «Палому Бланку».

— Нет, конечно, предложение есть. Это я только сегодня узнал. К Хэнку заходил этот самый Карьер. Ему принадлежит «Белла Виста», ну, знаешь, этот большой отель в Пальме.

— И он действительно предложил девять миллионов?

— Когда мы закончим строительство. Он и ушам своим не поверит, когда мы согласимся на это. Наша кровь, наш пот и слезы, а ему это все достанется, можно сказать, даром. — В его голосе слышалась го-

...Бог знает, что...
Я даже не знаю, с чего...
Сейчас бы его да...
...на софе, скрючив...
...осталось и следа. Тодд...
...глазами. Он пережил...
...Да, ты ведь пред...
...Я был полным...
...Да, мечта стать богаче...
...Катрина попыталась...
...Тебе просто ужас...
...взяв его за руку. — Все...
...тоже говорили, когда я...
...Катрина, как могла, на...
...строение. И хотя Тодд был...
...не проходило.

— Какой ужас, — бормотал Тодд, когда он думал о том, что девять миллионов Морони и шесть миллионов Шарли...

— Ты думаешь, этот ч... в письменном виде? — со... из. — Этот... как его... Кар...

— Еще бы, черт его п... онов. Он от радости и руч...

И вдруг, вспомнив сво... нахмурился.

— А может быть, он з... он, размышляя. — Начал... стоит по крайней мере... предложил, и он это з... сразу с высокой цены.

Катрина сдвинула бров... К Тодду вернулась с... ность. «Если я стергусь... онах, я смогу заплатить... равно Карьер останется... это меньше, чем она нам...

Чем больше он говори... лось разумным. И тем б... Хотя даже пятнадцать м...

речь.— Бог знает, что по этому поводу думает Хэнк. Я даже не знаю, с чего начать разговор.

Сейчас бы его даже Мэни Шайнер не узнал. Тодд сидел на софе, скрючившись, от его обычной живости не осталось и следа. Темные круги залегли у него под глазами. Он пережил, он пребывал в депрессии. Тодд не видел выхода из создавшейся ситуации.

— Да, ты ведь предупреждала меня,— тихо начал он.— Я был полным идиотом.

Да, мечта стать богаче привела к тому, что они чуть не лишились жизни.

Катрина попыталась ободрить его.

— Тебе просто ужасно не повезло, — сказала она, взяв его за руку.— Все так считают. Сэм и Памела тоже говорили, когда я их последний раз видела...

Катрина, как могла, пыталась поднять мужу настроение. И хотя Тодд был благодарен ей, напряжение не проходило.

— Какой ужас,— бормотал он про себя.

Тодд оказался в ловушке. У него обрывалось сердце, когда он думал о том, сколько должен. Он должен девять миллионов Морони, чтобы остаться в живых... шесть миллионов Шарли, чтобы избежать тюрьмы.

— Ты думаешь, этот человек сделает предложение в письменном виде? — со страхом спросила Катрина.— Этот... как его... Карьер?

— Еще бы, черт его побери. За девять-то миллионов. Он от радости и ручку-то не сразу вытащит.

И вдруг, вспомнив свой разговор с Хэнком, он нахмурился.

— А может быть, он заплатит больше? — сказал он, размышляя.— Начальная цена, вот и все. Это стоит по крайней мере в два раза больше, чем он предложил, и он это знает. Никто ведь не начинает сразу с высокой цены.

Катрина сдвинула брови.

К Тодду вернулась его привычная самоуверенность. «Если я торгуюсь с ним на пятнадцати миллионах, я смогу заплатить и Морони, и Шарли. И все равно Карьер останется в выигрыше. Пятнадцать — это меньше, чем она нам стоила...»

Чем больше он говорил, тем больше это ему казалось разумным. И тем больше он подбадривал себя. Хотя даже пятнадцать миллионов не оставляли ни

гроша для автомобильного дела. А если деньги не будут поступать — это конец. И в этом случае к банку отойдет дом. И все пойдет с молотка.

«Все пойдет с молотка», — думала Катрина, забыв о том, сколько времени прошло с той минуты, как они освободились от банды, и о том, что Тодду грозит тюрьма. Она думала о нем с необычной теплотой. Говоря о продаже «Паломы Бланки», он расставался со своей последней мечтой. Но, несмотря на то, что Катрина всегда хотела избавиться от этого постоянного предмета их ссор, сейчас она не почувствовала радости.

— Мы можем все начать сначала, — подбадривала она его. — Мы ведь еще молоды. Если мы купим где-нибудь маленький гараж, ты сможешь его отстроить. А я в конторе буду отвечать на звонки...

Они сидели на диване рядом, взявшись за руки. Время от времени они расцепляли руки, и Тодд шел к бару, чтобы снова наполнить бокалы.

— Когда приезжает эта женщина? — спросила Катрина, посмотрев на часы.

— Что ты говоришь? — Он уставился на часы, стоявшие на камине. — О Боже! Уже шесть! Она вот-вот появится.

— Тогда я пойду переоденусь, — сказала Катрина, бросая тревожный взгляд на дверь.

Увидев выражение ее лица, Тодд тут же вскочил с места.

— Обожди, я пойду с тобой.

Но сначала он допил свой бокал: ему предстояла встреча с Шарли. Он не знал, что сказать этой веселой, умной, приятной женщине, которая была его любовницей и другом, которая всегда помогала ему — с момента их первой встречи.

Вскочив, Шарли заметалась по комнате и рухнула в кресло у окна. Потом снова вскочила и села у пианино. Не успев сесть, она опять встала и принялась ходить кругами по комнате, словно львица в клетке.

— Не верю! — закричала она. — Так завтра у тебя нет никакой встречи?

— Не с кем мне встречаться.

— И нет банковского чека?

Эй, развесь руки!
— Нет.
— И ты не вернешь мне...
— Шарли, они бы убили...
...перед ней на коленях...
Только представь себе...
— Ты мне соврал. Как...
...верила.
— Но послушай, хотя бы...
— Послушай? — сердито...
Я уже слушала тебя. Теперь...
...меня. Ты что, ничего...
...миллионов фунтов. Я...
...его из-за тебя!
— Да подожди ты!
Но Шарли не обращала на...
...комнате, зажав руками уши...
...что может случиться. Она...
...будет это для ее матери в...
...характеристику, данную ей...
...тета «одна из самых...
...мнила, как училась в универ...
...в бухгалтерии, свою бистро...
...Боб Левит, вспомнил сво...
...жизнь промелькнула перед...
...чено. Никто никогда больш...
— Боже мой, — шептала...
повторила она снова, упав...
Она почувствовала на...
Герберт встретил ее.
— Ты уверен в этом?
сказал, что собирается от...
— Да, мисс.
— Не ко мне на Бож...
— Нет, мисс. Сэлли с...
...том настаивал.
«Наверное, какой-то...
Отпраздновать переф...
спорить, что и Хэлл гри...
Она бы хотела пере...
горжественное. Сыр...
есть прие...

Он разве в руках.

— Нет.

— И ты не вернешь мне деньги? — сказала Шарли.

— Шарли, они бы убили нас! — Он тут же опустился перед ней на колени. — Все это время, пока я говорил с тобой, они держали нож у горла Катрины. Только представь себе...

— Ты мне соврал. Как ты мог сделать это? Велья тебе верила.

— Но послушай, хотя бы минуту!

— Послушать? — сердито переспросила она. — Я уже слушала тебя. Теперь ты послушай, во что ты втянул меня. Ты что, ничего не понимаешь? Я украла шесть миллионов фунтов. Я совершила подлог. И совершила его из-за тебя!

— Да подожди ты!

Но Шарли не обращала на него внимания. Бегая по комнате, зажав руками уши, она представляла себе, что может случиться. Она представила, каким позором будет это для ее матери в Барнмауте. Она вспомнила характеристику, данную ей преподавателями университета: «одна из самых способных студенток». Она вспомнила, как училась в университете, как стажировалась в бухгалтерии, свою быструю карьеру, как верил в нее Боб Левит, вспомнила свои планы на будущее. Вся жизнь промелькнула перед ее глазами. Все. Все кончено. Никто никогда больше не будет доверять ей.

— Боже мой, — шептала Шарли. — Боже мой, — повторила она снова, упав в кресло у окна.

Она почувствовала неладное уже в Гетвике, когда Герберт встретил ее.

— Ты уверен в этом? — спросила она, когда он сказал, что собирается отвезти ее в Хэмпстед.

— Да, мисс.

— Не ко мне на Бэйкер-стрит?

— Нет, мисс. Сэлли сказала, мистер Тодд очень на этом настаивал.

«Наверное, какой-нибудь прием, — подумала она. — Отпраздновать перефинансирование сделки. Могу поспорить, что и Хэнк прилетел...»

Она бы хотела переодеться во что-нибудь более торжественное. Сюрпризы — это здорово, но прием есть прием, и Тодди должен был рассказать ей. Да

и к тому же она встретит там его жену. Ее губы сами собой сложились в улыбку. Он ей нравился все больше, хотя она не влюблялась в него. Встреча с ним изменила всю ее жизнь. О «Паломе Бланке» она думала днем и ночью. Их планы уже начали сбываться. Ответы яхт-клубов обнадеживали, никто не сбивал цены. «Дороже — значит лучше», настаивала она в разговоре с Хэнком, который всегда слушал ее. И Тодди тоже. Они оба слушали. И не потому, что у них не было собственных идей. «Замечательные ребята, и приятно с ними работать», — думала она радостно, когда Герберт вез ее мимо дома Миддлтонов.

Радость ее погасла сразу же, когда она только увидела выражение его лица. Она уже поняла, что что-то случилось, когда он открыл дверь. «Он бледный как смерть, и пахнет тут чем-то не тем», — подумала она. А покрасневшее лицо Катрины подтвердило ее худшие опасения. «Боже мой, он все рассказал ей! Идиот! Мужчины не умеют держать язык за зубами!»

— Если я все объясню Бобу Левиту, — начал Тодд, как-то странно наклонившись. — Я расскажу ему, что произошло...

Она подпрыгнула и бросилась к телефону.

— Не смей и думать о том, чтобы говорить с Бобом! — Она взмахнула руками, словно хотела вырвать провод из розетки.

— Но я возьму вину на себя. Он ведь тоже не захочет втягивать в это полицию, верно? Подумай об огласке. Шарли, я уверен, что он все поймет...

— Поймет? — завизжала она. — Еще бы ему не понять! Деньги наших вкладчиков украдены. Это он очень хорошо поймет.

Отойдя к бару, Тодд сделал еще одну отчаянную попытку убедить ее.

— Я вылету завтра на Майорку первым рейсом, — пообещал он. — Если я увижусь с Карьером в полдень, то о сегодняшнем вспомнишь со смехом.

— Я теперь долго не буду смеяться.

— Поверь мне...

— Поверить тебе!

Крик Шарли болью отдался у Катрины в голове, и она вздрогнула. Катрина почти ничего не говорила с той минуты, как появилась Шарли. Она была ошарашена, когда увидела эту женщину — молодую жен-

пину, — увидела, как она шло к нему в Ток-сиде, и он поцеловал ее, при этом все-то восторженно.

Тодди! Ты можешь предпринять что-нибудь, как пугало.

Ничего более непохожего на пугало Катрина в жизни своей не видела. Но не замечательно спитти с грубо костюм придал ее внимание. Ее поразили рыжие волосы. Даже и плохо соображая, как же брэнди, после пережитого отчаяния ее память быстро восстановила тот телефонный разговор с Сэтти. *«Тодди, можно сказать, хорошенька! — сказала тогда Сэтти. — Джим Дэвис аж позеленел от заиски. Рыжая Прекрасная фигура, зеленые глаза, хорошо одета. Иди на что посмотреть».*

Вот, значит, кто она!

Катрина стиснула зубы.

— Привет, — сказала Катрина.

«Корова!» — подумала Шарли, рассматривая длинные точеные ноги.

«Сучка», — решила Катрина, поглядев на свежее личико.

— Если только Боб хотя бы заподозрит, — горячо заговорила Шарли, — он сейчас же пойдет в полицию. Тут и говорить нечего. Именно поэтому ему так доверяют. На этом он построил свою репутацию. Его зовут мистер Честность. Он не то что некоторые мелкие воришки, которые в бизнес полезли, у него нет двойной бухгалтерии...

Катрина пила кофе с брэнди, курила сигарету за сигаретой и наблюдала за сценой с напряженным вниманием. Она как бы раздвоилась: одна ее половина по-садистки радовалась отчаянию Шарли. Когда Шарли простонала: *«Я сяду в тюрьму!»*, Катрина воскликнула про себя: *«Так тебе и надо! Заслужила, голубушка!»* Но вторая ее половина испытывала страшную жалость к мужу. Бедный Тодди! Ему приходится объясняться перед этой шлюхой. *«Его любовницей»*, — напомнила она себе, выпив еще брэнди, чтобы заглушить кислый вкус во рту.

— Ты разорил меня! — кричала Шарли.

— Это был вопрос жизни и смерти! — повторял Тодд, размахивая руками.

Катрина утешалась мыслью, что происшедшее между ними больше не повторится.

— Послушай,— сказал Тодд, подавая Шарли очередную бокал с розовым джином,— ведь все будет в порядке, если ты вернешь эти деньги.

— А как ты это сделаешь? Ты сказал, что тот парень предлагает только девять миллионов.

— Это начальная цена. Мы сторируемся. Я выгашу тебя из этой ситуации. Верь мне.

— Верить? Тебе? У тебя хватает наглости просить, чтобы я поверила тебе?

Тодд застонал.

— Не о том речь,— произнес он, схватившись руками за голову.— Если я достану деньги, ты сможешь вернуть их на счет фирмы, ничего не говоря об этом Бобу Левиту?

В лице Шарли появилось недоверие.

— Промолчать? Стать твоей сообщницей? Ты это мне предлагаешь?

Испытывая сильное желание начать биться головой о стену, он принялся объяснять все сначала. Он объяснил все подробности. И как Хэнк показал ему место. И как он маялся в Лондоне, мотаясь из банка в банк. Как он вел переговоры с «Сантурз». Как он напал на Морони. Как началось дело. Как все пошло наперекосяк...

Комок стоял в горле у Катрины, пока она слушала. Он так боролся, так старался. «И чем я помогла?» — упрекала она себя.

Тодду казалось жизненно важным объяснить Шарли все подробности. Ему казалось, что, если он заставит ее поверить, он сможет себя уважать по-прежнему.

— Я понимаю, какой это удар для тебя,— признавал Тодд.— Но у меня было время подумать. Мы не сможем пойти в полицию. Кроме всего прочего, скандал окончательно все погубит. Мы сядем в тюрьму, Боб Левит разорится. Что здесь хорошего? Лучше пусть он не знает. Все, о чем я тебя прошу,— это немного времени, чтобы вернуть деньги.

Шарли вздрогнула. Испугавшись при мысли о тюрьме, она почувствовала, как тело покрылось гусиной кожей.

— Мне конец, если они узнают...

— Они не узнают, если ты им не скажешь,— перебил Тодд, и в его сердце зародилась надежда.— Воп-

рос в том, сможешь ли ты молчать, пока я скажу что-нибудь глупое?

Формально, конечно, она молчала и знала об этом. Боб Левит потихоньку доверял ей. Конечно, аудиторы обнаружат правду, но аудиторы не будут их проверять раньше лета.

— Ну, может быть — согласилась Шарли с сомнением в голосе и тут же передумала: — Но мои нервы этого больше не выдержат. — Отвернувшись от него, она мучительно решала свою дилемму. Нет, она бы не осмелилась сказать Бобу Левиту. Но она и не может оставаться спокойной, пока не продадут «Патому Бланку».

— Я думала — это одни сутки, — с горечью произнесла Шарли. — Ты ведь так сказал.

И снова начались обвинения. Тогда сегодня, с одной стороны, как будто проверяли на выносливость, а с другой — на способность убеждать. Он снова и снова повторял, что в тот момент он думал, что они смогут пойти в полицию, и только когда Морони ушел, он понял, во что втянул Шарли. Обиженный и потрясенный ее непониманием, он говорил уже охрипшим голосом, как будто сам с собой.

— Я должен позвонить Хэнку, — сказал он, посмотрев на часы и удивившись, что было уже девять часов. — Я не могу продать «Патому Бланку» без его согласия.

— Он что, ничего не знает? — Шарли побелеела.

Ухватившись за предлог, чтобы уйти, Тодд обернулся к ней.

— Может быть, я еще долго превожусь. Он, может быть, в ресторане. Я позвоню из кабинета.

— Нет, — начала Катрина, но сдержалась. Только взглянув на Тодда, она сообразила, что он хочет поговорить с Хэнком наедине. Тодд выглядел таким изможденным, что она начала молиться, чтобы эта шлюха проявила к нему хоть немного сочувствия...

Не обращая внимания на неодобрение Катрины, Шарли промолчала, когда Тодд ушел из комнаты. Она никак не могла осознать новость. Она доверяла Тодду. Она верила в него. А сейчас — именно он, а никто другой, так предательски с ней поступил.

— Бог мой, — пробормотала она, не замечая, что говорит вслух. — Никогда не надо доверять людям! И как меня только угораздило?

Вот это было уж слишком.

— В постели с ним тебя угораздило, — резко сказала Катрина. — Именно в постели.

Зеленые глаза Шарли широко раскрылись. Она уставилась на Катрину, словно видела ее впервые. Через секунду она взорвалась:

— Поверить невозможно! — закричала Шарли, прыгнув с кресла. — Бандиты угрожают вам ножами, говорят, что взорвут ваш дом, потом втягивают вас в подлог, а тебя беспокоит только то, что я переспала с твоим мужем!

Краска бросилась в лицо Катрины.

— Я тебе ответила на вопрос, вот и все!

— В следующий раз я скажу, когда мне от тебя ответ понадобится!

— Так не надо ничего вслух спрашивать.

— Я сама с собой говорила!

— Ты обвиняла его! В постели-то, конечно, тебе с ним было хорошо.

— Как знать, — возразила Шарли, повышая голос. — Это не была любовь, которая могла потрясти мир!

— Нечего оправдываться.

— А я и не оправдываюсь! — Шарли почти кричала. — Я пока еще не в суде! — Она схватилась за бокал и обнаружила, что он пуст. — Боже мой! У тебя что, повышенное чувство собственности к нему? Ты все это теряешь... — Она махнула рукой в сторону комнаты. — Ваш картонный домик в конце концов развалится, и все, о чем ты думаешь, это...

— Я защищаю своего мужа, — произнесла Катрина с достоинством. — Вот так!

Откинувшись в кресле, Шарли надула щеки и выпустила воздух.

— Извини, пожалуйста. Но я тоже сижу по уши в дерьме, как ты прекрасно понимаешь. По милости твоего мужа я могу получить десять лет.

— Конечно, ты бы предпочла, чтобы он дал им перерезать мне горло!

Шарли открыла было рот, но тут же закрыла его. Впервые за все время она попыталась представить себя в такой ситуации. Она всегда испытывала ужас при виде ножей. Она и в кухне у себя всегда прятала ножи. Иногда, в зависимости от настроения, один вид кухон-

ного ножа наводит ее на
оставив холодное оружие
передернулась.

— Да, пожалуй. Да.
до нее дошел смысл ска-
ужасно. Ужасно.

Катрина смотрела на
Глядя на нее. Шарли
через все это. а шум
кашляться.

— Э-э... пожалуй...
— Так, обычное де-
дать, — холодно сказала

Шарли поставила ста-
этим понять, что разгов-

— Ох, — сказала Шар-
старела на сто лет. — Т-

выпьешь? Если мы собира-
— Угощайся. Я и не

говоря...

— Я слышала, что т-

ли, которая не хотела с-

взяла бутылку, мысль

заставила ее вздрогнут

было быть ужасно. Я о-

что вернулись из ада, а

Так? И я по-скотски по-

ди. Я... правда, извини

момент, сдали нервы...

Однако то, что у э-

нервы, забеспокоило Ка-

Размышляя над тем, бы-

принялась разглядывать

Шарли повернулась к

рели друг на друга без

молчание:

— А насчет всего с-

— Я не хочу обсу-

— Да, но мы не м-

ничего не было. Я не

Шарли оборвала фразу

кажется, это нас обес-

нет. Лучше будет, если

Она села, чтобы

ного ножа наводил ее на неприятные мысли. Представив холодное острое лезвие у своего горла, она вся передернулась.

— Да, пожалуй, да, — сказала Шарли мягко, когда до нее дошел смысл сказанного. — Это должно быть ужасно. Ужасно.

Катрина смогла взглянуть вниз.

Глядя на нее, Шарли почувствовала вину. «Пройти через все это, а тут еще я». Она попыталась откашляться.

— Э-э... пожалуй... насчет нас с Тодди. Это было...

— Так, обычное дело? Я не хочу ничего обсуждать, — холодно сказала Катрина, поджав губы и давая этим понять, что разговор закончен.

Шарли поставила стакан рядом с баром.

— Ох, — сказала Шарли устало, чувствуя, что постарела на сто лет. — Ты не возражаешь, если я еще выпью? Если мы собираемся продолжать скандалить...

— Угощайся. Я и не устраиваю скандала. Я просто говорю...

— Я слышала, что ты говоришь, — перебила Шарли, которая не хотела слушать все снова. Но когда она взяла бутылку, мысль о том, что пережила Катрина, заставила ее вздрогнуть. — Я... э-э... да, это должно было быть ужасно. Я об этом не подумала. Вы только что вернулись из ада, а тут я, и думаю только о себе. Так? И я по-скотски поступила с бедным старым Тодди. Я... правда, извини. Я себя не помнила в тот момент, сдали нервы...

Однако то, что у этой шлюхи, оказывается, есть нервы, беспокоило Катрину, а извинение — удивило. Размышляя над тем, было ли оно искренним, Катрина принялась разглядывать рыжие волосы Шарли. Потом Шарли повернулась к ней лицом. Секунду они смотрели друг на друга без улыбки. Шарли первая прервала молчание:

— А насчет всего остального...

— Я не хочу обсуждать это.

— Да, но мы не можем делать вид, как будто бы ничего не было. Я не хочу, чтобы ты подозревала... — Шарли оборвала фразу и села обратно в кресло. — Мне кажется, это нас обоих касается, нравится нам это или нет. Лучше будет, если мы проясним ситуацию.

Она села, чтобы не начать снова ходить по

— И Шарри выдарила из
ящика из нее. Тогда сзади
появилась женщина, с кото
рой в «Ритке».
Катрина тоже смотрела на Шар
ри, но ничего не успела подумать
и стала извиняться дру
зьями, словно до этого и
они ссылались на Катрину.
— Я как раз объяснила это
сидя рядом с ней на диване.
Представят, придется продать
миллионов?

— Я как раз объяснила это, сидя рядом с ней на диване. Они приставляют к ней ноги, и ей приходится от нас этот идиллический момент пропустить.

Иногда удача подворачивалась неожиданно. Тогда чуть было не могло бы быть и хуже, и увидеть, что Шарли и Катрина в глотки. У Катрины было недолюбливать Шарли, а Шарли была Катрине, кроме извинения неслась. Но Тодд, и Шарли, в опасности, и это их объединяло.

Катрина вела себя достойно. Правда, между ними все же напряженность:

— Я проголодался. Можем? — сказал Тодд, войдя. Было уже девять часов.

троим. Шарли, которая уж
лепном и изысканном обе
сильный голод. Тогда

— Я сейчас что-нибудь направившись в кухню.

— Спасибо, я сама.
Направляясь в кухню,
с Шарли, оди-

приготовить. Включив

тебя — И Шарли и Катрина из себя улыбку, может быть, немножко жуткую, но все-таки утешку.

Глядя на них, Тодд словно видит перед собой ту оживленную жеманную, с которой впервые встретился в «Ритце».

Катрина тоже смотрела на Шарли. «Не сомневаюсь, что он опять сделает зло», — подумала она. Больше она ничего не успела подумать, потому что Тодд и Шарли стали изгибаться друг перед другом с такой симпатией, словно до этого и не думали ссориться. Шарли ссылаясь на Катрину каждый раз, едва открывала рот.

— Я как раз объяснила это Катрине, — говорила она, сидя рядом с ней на диване. — Ладно, если нас заставляют, придется продать «Палому Бланку». Но отстанет ли от нас этот идиот, получив свои девять миллионов?

Иногда удача подворачивается совершенно неожиданно. Тодд чуть было не провалился в бездну, но могло бы быть и хуже. Он мог вернуться и увидеть, что Шарли и Катрина вцепились друг другу в глотки. У Катрины была масса причин недолго любить Шарли, а Шарли ничего не должна была Катрине, кроме извинений, которые уже принесла. Но Тодд, и Шарли, и Катрина были сейчас в опасности, и это их объединило.

Катрина вела себя достойно, а Шарли мужественно, правда, между ними все же оставалась некоторая напряженность:

— Я проголодался. Может быть, чего-нибудь поедим? — сказал Тодд, войдя в гостиную.

Было уже девять часов. Поесть не мешало бы всем троим. Шарли, которая уже оставила мысли о великолепном и изысканном обеде, тем не менее чувствовала сильный голод. Тодд с Катриной тоже не ели с утра.

— Я сейчас что-нибудь соображу, — сказала она, направившись в кухню.

— Может быть, помочь? — предложила Шарли.

— Спасибо, я сама.

Направляясь в кухню, Катрина думала о разговоре с Шарли, одновременно соображая, что можно быстро приготовить. Включив свет в кухне, она увидела

пустую корзинку Мака и в ужасе закричала. Слезы потоком хлынули из глаз.

Услышав крик, Шарли бросилась в кухню. Ее реакция была быстрой и естественной.

— Эй! — крикнула она, обняв Катрину и крепко прижимая ее к себе. — Все хорошо, все хорошо.

Катрина рыдала так сильно, что не могла произнести и слова.

— Все хорошо, — повторяла Шарли.

— Они убили нашу собаку, — с грудом произнесла Катрина, и Шарли поняла, почему та плакала.

Эти слова больше, чем какие-либо другие, заставили Шарли осознать весь ужас происшедшего в этом доме. Пытаясь облегчить боль Катрины, Шарли отвела ее обратно в гостиную. Она заботливо укрыла Катрину пледом, принесла сигареты, налила еще бренди и пошла в кухню за кофе. Вернувшись в гостиную, Шарли ласково сказала:

— Ты посиди здесь, я скоро.

Она побежала обратно в кухню, убрала тарелочку Мака и его блюдечко для воды в корзинку. Быстро оглянувшись по сторонам, думая, куда бы все это спрятать, открыла дверь из кухни и поставила все это на ступеньку лестницы.

— Ну вот, а теперь, — сказала она весело, вернувшись в гостиную, — держу пари, что ты замечательно готовишь.

Катрина удивленно взглянула на нее заплаканными глазами.

— Тодди сказал, что он проголодался, ты забыла?

Вздыхнув в знак согласия, Катрина заставила себя подняться с кресла.

— А вот я отвратительно готовлю! — улыбнулась Шарли, пытаясь обернуть все в шутку. — Но я все же приготовлю ужин, если обещаешь руководить мной. Я приготовлю омлет по-испански. Это почти единственное блюдо, которое я умею готовить. А ты садись вот здесь и руководи. — Она указала на табуретку. — Сначала я сделаю салат. Как ты думаешь? Салат я делаю неплохо...

У Катрины потеплело на сердце от такого участия, а особенно оттого, что Шарли спрятала вещи Мака, но вслух она не выразила благодарности, боясь снова

расплакаться. И все-таки
йти к их дружбе.

Даже Тодд, войдя в кухню,
переменилась. Шарли стояла

и боясь, наблюдала за ней.
Шарли подняла глаза.

— Привет. У тебя есть
супа, а такого, покрепче,
моя стряпня.

И в следующие двадцать
ужином и забыли о своих
открыть вино, Катрина

а Шарли заканчивала готовить
болтая и пытаясь поднять
выглядело неплохо. Тодд пр

оживленной, но для Катрин
обычным, и она отвечала ей

Вот в эту самую минуту
к Тодду лицом. Правда, ни

бы выдержать новых стрессов
свою роль. Тодд и Катрина

присоединилась к ним по
знали, что им предстоит
смеялись, и напряжение

рассеялось.

Разрезав омлет, Шарли

— На неделю гарантиро
с усмешкой. — Ну, ладно.

тарелки. — Что сказал Хэнк

До Хэнка не дошла п
в ресторане, он мог уде

и Тодд не нашел в себе му

— Я не смог ввести с
признался он. — Но Хэнк

ний рейс, самый ранний
означает, что он вылетит

долететь до Майорки к
много ему объяснить: по

вернуться с Карьером за
Но срочность для Н

роли. Собрав все сво
смелое решение:
— Я ничего не скажу
придумаешь, — признала

расплакаться. И все-таки это были первые шаги на пути к их дружбе.

Даже Тодд, войдя в кухню, заметил, что атмосфера переменилась. Шарли стояла у плиты, а Катрина, чуть улыбаясь, наблюдала за ней.

Шарли подняла глаза.

— Привет. У тебя есть бутылка вина? Нет, не сухого, а такого, покрепче, чтобы заглушить вкус моей стряпни.

И в следующие двадцать минут они были заняты ужином и забыли о своих проблемах. Тодду велели открыть вино, Катрина подготавливала приправы, а Шарли заканчивала готовить омлет, при этом весело болтая и пытаясь поднять им настроение, в общем все выглядело неплохо. Тодд привык видеть Шарли такой оживленной, но для Катрины это явилось чем-то необычным, и она отвечала ей слабыми улыбками.

Вот в эту самую минуту удача и повернулась к Тодду лицом. Правда, ничьи нервы уже не смогли бы выдержать новых стрессов. Да и опьянение сыграло свою роль. Тодд и Катрина пили весь день, а Шарли присоединилась к ним позже. Сядя за ужин, они знали, что им предстоит еще много бед. Но они смеялись, и напряжение тяжелого дня несколько рассеялось.

Разрезав омлет, Шарли попробовала его.

— На неделю гарантирована изжога, — сказала она с усмешкой. — Ну, ладно. — Шарли подняла глаза от тарелки. — Что сказал Хэнк?

До Хэнка не дошла печальная новость. Занятый в ресторане, он мог уделить Тодду только минутку, и Тодд не нашел в себе мужества все объяснить ему.

— Я не смог ввести его в курс дела по телефону, — признался он. — Но Хэнк заказал себе билет на утренний рейс, самый ранний рейс через Барселону, что означает, что он вылетит на рассвете, но не успеет долететь до Майорки к полудню. А мне надо так много ему объяснить; возможно, мы не успеем возвратиться с Карьером завтра...

Но срочность для Шарли уже не играла такой роли. Собрав все свое мужество, она приняла смелое решение:

— Я ничего не скажу Бобу, пока ты что-нибудь не придумаешь, — призналась она.

Тодд подарил ей взгляд, полный благодарности. Спустя минуту он вдруг воскликнул:

— Голландец! Я забыл про этого чертова голландца!

— Голландца? — нахмурилась Шарли.

Катрина положила нож и уставилась на Тодда.

Оттолкнув от себя тарелку, Тодд вскочил со стула.

— Какой-то голландец что-то разведывал на строительстве, — сказал Тодд и повторил слово в слово свой разговор с Хэнком.

— Этот крутой мужик, по-видимому, представляет самую верхушку бизнеса отелей. Он продал Карьеру «Беллу Висту». Он должен быть заинтересован. Он специально вылетел на Майорку, чтобы посмотреть на «Палому Бланку».

Достав из кармана сигару, он начал мерить шагами кухню.

— Это означает, что у нас есть Карьер и голландский парень. Готовые покупатели. Может быть, можно будет организовать аукцион.

— Аукцион? — хором спросили женщины.

— Почему бы и нет? Натравим их друг на друга. —

Он зажег сигару и с наслаждением закурил. Радостно кивая, он ходил взад-вперед по кухне. — Если бы только начать аукцион, а там уж посмотрим, что будет? Мы можем получить и больше пятнадцати миллионов. Шарли и Морони получают свои деньги, а у меня будет достаточно денег для того, чтобы сохранить средства для автомобильного бизнеса. Да, ну и Хэнк, конечно. Хэнк тоже должен получить свои деньги.

Былой оптимизм снова вернулся у Тодду. Как только ему пришла в голову эта идея, он уже не мог с ней расстаться, он развивал ее, полировал, оттачивал, пока она не засияла, как звезда.

— Немного везения, вот и все. Это все равно что дом продавать, — начал Тодд. — Один из покупателей платит нужную цену, и все наши беды...

Вот сейчас Мэнни Шайнер преисполнился бы гордости за него, и Катрина тоже, если бы не страх перед Морони.

— Но, — перебила она, собравшись с мыслями, — ведь Морони будет ждать только до семнадцатого...

— С этим проблем не будет. Карьер может напи-

сать что-нибудь, а злобно и погнаться на аукцион. Морони-то все равно верчо! Он все равно получит свои девять миллионов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Конечно, их настроение утром изменилось. Ушли надежды, вызванные алкоголем, ушло перемолнивающее их чувство облегчения, необходимость сплотиться, чтобы вместе противостоять невгодам. Исчезли эйфория и истерический смех.

Шарли проснулась первой. В пять утра. Она была в комнате для гостей и проснулась потому, что ей срочно понадобилось выйти. Не поняв спросонья, что она находится в чужой кровати и в чужом доме, она бы так и осталась лежать, если бы не эта необходимость. Она на ощупь нашла выключатель, откинула одеяло и пошла в ванную — а когда вернулась обратно, то уже не могла заснуть.

Затем пробудилась Катрина, от слабого шума в доме. Она вздрогнула, когда в темноте ей привиделись вчерашние ужасы. Ее сердце тревожно забилося. Ее руки инстинктивно сжались, и только когда она поняла, что это шумело, она с облегчением вздохнула. Но, проснувшись, она тоже не смогла заснуть снова. Она проснулась в другом мире, в таком страшном месте, что хотела повернуться к Тодду, разбудить его, чтобы он ее успокоил, но вовремя одумалась, боясь потревожить его сон. Зная, что для наступающего дня ему понадобятся силы, она выскользнула из постели и пошла в ванную.

Будильник разбудил Тодда в пять сорок. Он застал, просыпаясь, и сразу же вспомнил о грозящей им катастрофе. После самого черного дня в его жизни он должен был сказать Хэнку о том, что придется продать «Палому Бланку». В страхе перед этой мрачной перспективой, он вылез из кровати, пошел в душ, закрыл стеклянную дверцу, сел на кафельный пол и подставил голову под струю. «Может быть, утону так», — подумал он с надеждой отчаяния.

Шарли и Катрина были уже внизу на кухне, пили по первой чашке кофе и изо всех сил старались не поддаваться панике. Прошлым вечером легко было верить,

что Тодд решит все их проблемы. Но все выглядело по-другому мрачным и холодным декабрьским утром.

— Не знаю,— сказала Шарли с сомнением в голосе.— Я вот все думаю. Этот парень, Карьер, предлагает только девять миллионов. Девять и пятнадцать — это две большие разницы.

Катрина согласилась с нею. Перед тем как заснуть, она мечтала о том, чтобы цена оказалась больше, чем пятнадцать миллионов. Поверившая в разумную, казалось бы, мечту Тодда об аукционе, она мечтала о восемнадцати, девятнадцати, и даже двадцати миллионах — так, чтобы хватило денег на спасение автомобильного бизнеса, дома и всего, к чему она так привыкла. И хотя она была вне себя от горя из-за Мака, она все-таки думала о том, что случится с ними. Предупреждение Шарли о том, что они живут в карточном домике, который вот-вот развалится, не выходило у нее из головы. Если они потеряют дом, нечего и говорить о том, как им придется существовать. По крайней мере Мак провел свою жизнь в красивом саду...

— Конечно, «Паломы Бланка» действительно стоит пятнадцать миллионов,— сказала Шарли, пытаясь придать голосу солидность.— Ей-Богу, даже больше пятнадцати.

Все было по-другому вчерашним вечером, когда Тодд расхаживал по комнате, с бокалом в руке и с дымящейся сигарой, говоря об аукционе, миллионах и миллионах.

— Первым делом надо получить письменное подтверждение,— сказала Катрина, и страх все еще был в ее глазах.— У нас срок только до семнадцатого. Этот бандит вернется. Я знаю, что он вернется.

Вот такой шел разговор в кухне, в тот момент когда Тодд спустился вниз. Уже готовый к отъезду, он вызвал такси в аэропорт. Он остановился на секунду, чуть не оступившись, слушая голоса внизу, полные отчаяния. Его настроение тоже упало. На секунду ему захотелось сбежать отсюда, но вдруг, когда он усилием воли остановил себя, что-то повернулось у него в голове. Частично это был гнев. Он был зол, отчаянно зол на себя, за то, что создал всю эту неразбериху. И ему было стыдно за то, что он всех подвел. И Катрину, и Шарли, и Хэнка, и даже, в какой-то степени,

Лео Лео-го ждал...
как-нибудь реше...
«Это не...»
вспоминание...
«Черт...»
что я...
бало его...
втянул их в это...
он вздохнул и...
потрепал Шарли...
и сел за стол.
Их удивила...
Катрина, казалась...
появляется он с...
торговлей всю свою...
моменты улыбка...
— Жизнь...
ло.— Так почему...
я свяжусь с Карьером, все...
Бросив ободряющий...
ее по плечу.
— Ты ведь меня знае...
ные сделки. Я продам...
блем.— И когда она с...
он рассмеялся с наигранным...
правду. Было когда-нибу...
годную сделку?
Вспомнив...
ства», которые...
ные машины, она...
— Нет.—...
вчера, когда мне...
— Забудь о...
чет купить курорт, и...
главное — это...
этого голландца и...
связях. Потом мы...
Я думаю, это будет...
Древнейший трюк. Т...
сразу же сменишь тему...
Возбужденно вертя...
оглядел их.
— «Паломы Бланка»...

Лео. Лео-то ждал от него большего, и Лео напеч бы какое-нибудь решение. Он как бы слышал голос Лео: «Это неприятность, старик, а не катастрофа». Это воспоминание вызвало у него саркастическую улыбку. «Черт побери, Лео. У меня столько неприятностей, что я заменю их на одну катастрофу». Но это не хотело его настроение. Он сказал себе, что раз уж он втянул их в это дерьмо, то он должен их и вытаскивать. И он их вытащит. И, собрав все свое мужество, он вздохнул и пошел в кухню. Он поцеловал Катрину, потрепал Шарли по плечу, пожелал им доброго утра и сел за стол.

Их удивила его улыбка. Шарли чувствовала отчаяние. Катрина, казалось, вот-вот расплачется — и вот появляется он с улыбкой на лице. Но он занимался торговлей всю свою жизнь и знал, что в некоторые моменты улыбка очень важна.

— Жизнь продолжается, правда? — сказал он весело. — Так почему такие скучные лица? Как только я свяжусь с Карьером, все наши тревоги будут позади.

Бросив ободряющий взгляд Катрине, он похлопал ее по плечу.

— Ты ведь меня знаешь, я всегда заключаю выгодные сделки. Я продам курорт Карьеру, и нет проблем. — И когда она с сомнением посмотрела на него, он рассмеялся с наигранной бравадой. — Ну-ка, скажи правду. Было когда-нибудь, чтобы я заключал невыгодную сделку?

Вспомнив пианино, мебель и «предметы искусства», которые частично обменивались на подержанные машины, она сложила губы в слабую улыбку.

— Нет, — поспешно согласилась Катрина. — Даже вчера, когда мне приставили нож к горлу.

— Забудь о вчерашнем! Карьер действительно хочет купить курорт, и тут не будет проблем. Самое главное — это устроить аукцион. Я должен достать этого голландца и поговорить с ним о его торговых связях. Потом мы договоримся о сроке аукциона. Я думаю, это будет апрель. А ты как считаешь?

Древнейший трюк. Ты избежешь возражений, если сразу же сменишь тему. Это срабатывало всегда.

Возбужденно вертя головой, он быстрым взглядом оглядел их.

— «Паломы Бланка» будет достроена в апреле. Все

будет выглядеть великолепно. И у нас есть время все обсудить...

Постепенно он поднял их боевой дух. Они начали смотреть на дело с более светлой стороны. Катрина ходила взад-вперед по комнате с кофейником в руке, ее взгляд был прикован к лицу Тодда. Шарли оставалась на месте, пока намазывала маслом хлеб. Вдруг она застонала, когда внезапно вспомнила:

— А «Золотой кубок»? Мы планируем первую регату к открытию.

Искренняя боль отражалась на ее лице. Она чувствовала ее. Благодаря ее усилиям, журналы яхт-спорта уже оповестили об этом весь мир. У нее уже была толстая папка с газетными вырезками. «Паломы Бланка» стала ее мечтой. Прошлым вечером, переполненная ужасом, страхом, а потом внезапной надеждой, она не нашла места в своей душе ощущению потери. Но сейчас она это почувствовала так сильно, что не смогла удержаться от слез.

Тодд сделал попытку облегчить горечь ее разочарования.

— Я знаю, я все знаю,— повторял он, успокаивая ее.— Знаю, что ты сейчас чувствуешь. Я ведь тоже в таком же положении, но мы должны расстаться с нашей мечтой, должны...

Потом ему предстоит то же самое с Хэнком. Только в сто раз хуже. «Хэнк сойдет с ума! Бог мой...»

Но он сдержался. Он даже ободрял Шарли, заставлял ее думать о будущем.

— Продолжай заниматься «Золотым кубком». Чем больше людей узнают о «Паломе Бланке», тем выше будет цена на аукционе. Подумай об этом, Шарли. Что может принести больше денег? Международный отель, о котором все знают, или тот, о котором никто ничего не слышал? «Золотой кубок» принесет нам известность, а известность принесет деньги.

Он как будто снова говорил со стариком Ларкинсом, многие годы назад. «Только подумайте, мистер Ларкинс, если бы вы покупали подержанную машину, куда бы вы пошли? В какую-нибудь фирму, как наша, с большим капиталом...» Он умел заражать людей своим энтузиазмом.

— ...и нам нужна дополнительная известность, Шарли. Что-то немножко другое.

Но это было немилосердно черство.

— Что такое? — возразила она. — Все журналы по яхт-спорту знают о «Золотом кубке». Они обязаны покрыть расходы, но только не так, как...

— И вот поэтому нам надо что-то еще. Что-нибудь, чтобы заработать себе имя перед тем, как состоится аукцион.

— Но мы не можем ускорить проведение «Золотого кубка».

— Ну тогда придумай что-нибудь — под другим углом. Что-нибудь с меньшими расходами. Ты сможешь, Шарли. У тебя талант к таким вещам.

Несмотря ни на что, она почувствовала прилив гордости. Даже расстроенная и озадаченная, она не смогла перестать думать. «Да, он прав, у меня талант к подобным вещам».

И, оставив Шарли задумавшейся, Тодд повернулся к Катрине. Он начал с того, что подчеркнул, как Сэлли оценит ее помощь в конторе.

— Конечно, я не имею в виду весь день, но загляни туда часиков в двенадцать, помоги ей там немного...

Он хотел занять ее. Занять чем-нибудь ее мысли. Он даже начал уговаривать ее снова заняться последствием.

— Бесполезно, если я буду разговаривать с Роша, я только потеряю терпение, а с тобой он будет вежлив. Это очевидно. Может быть, ты заставишь его сообщать чуточку быстрее.

Пока он говорил все это, он выпил две чашечки кофе, съел кусочек тоста и закурил первую сигару за утро. Прошло только двадцать пять минут. Потом таксист позвонил у двери, и уже пора было отправляться в аэропорт.

Катрина улыбалась, когда он поцеловал ее на прощанье. И Шарли улыбалась, когда помахала ему рукой.

И Тодд улыбался тоже. Пока такси не выехало из ворот. Но когда они проезжали мимо ворот Миддлтонов, он ругнулся. «Задницы! — бормотал он. — Тупорылые!»

Но это было рефлекторным. Конечно, он не думал о Миддлтонах. Он думал о встрече с Хэнком и невозможности сторговаться с Карьером за цену, большую, чем девять миллионов...

*

«Подумай, — сказал он. — Что может принести больше денег? Международный отель, о котором все знают, или какое-то место, о котором никто не слышал?» — Эти слова без конца крутились у Шарли в голове и заставляли ее беспрерывно вздыхать. Конечно, она поняла идею. Разумно, слов нет. Но легко Тодди было говорить: «подумай над этим».

— Спасибо, — сказала она с благодарностью, когда Катрина подлила ей еще кофе.

Она и раньше пыталась представить жену Тодда, и Катрина была почти такой, как она ожидала. Правда, она была, может быть, более решительная, более приятная, с хорошей фигурой и модной прической, но в общем очень домашняя, как и представляла себе Шарли. Она ей нравилась, хотя Шарли и не могла вообразить, как бы она смогла вести такой же образ жизни. Такой мужчина не родился еще, чтобы она променяла на него свою карьеру. «А будет ли она у меня еще?» — подумала она со страхом, и это напомнило ей о ее встрече сегодняшним утром. Это был обычный вопрос, который можно было решить и по телефону, но это была возможность хотя бы на двадцать четыре часа исчезнуть из Джерси. Подумав об этом, Шарли вспомнила о времени. Она вздрогнула.

— Еще и семи нет! Ну, мы сегодня и встали!

«А ты выглядишь отдохнувшей, — думала Катрина, глядя на Шарли через стол. — Или хотя бы помолодевшей». Не то чтобы она сама плохо себя чувствовала. На удивление, если принять во внимание вчерашнее, она спокойно проспала пять часов. «Наверное, я так устала, что забыла о страхе».

Но страх окончательно не прошел. Несколько секунд спустя шум у входной двери заставил ее побледнеть. Она затаила дыхание, но это просто почтальон опустил письма в ящик, и она вздохнула с облегчением.

— Это почтальон, — сказала она озадаченно. — Прости. Я все еще малость не в себе. Хорошо, что ты здесь со мной.

Шарли посмотрела на нее с тревогой.

— А ты сможешь побыть одна?

— Да, наверное, спасибо. Домработница придет сегодня. В девять часов.

— А вечером? Тогда ведь не будет?
Катрина подумала.

— Я могу позвать подругу. Поврону Сефи, хотя не знаю, как я ей все объясню. Я даже не знаю, что придумать, чтобы объяснить все домработнице. Я не могу сказать ей правду про Мака.

— Я могу подождать, если хочешь. Пока твоя домработница придет. Я скажу, что с Маком произошло несчастье, а ты так расстроена, что не можешь говорить об этом. Ведь она поймет, правда? А потом ты сможешь позвонить подруге...

И так начался день. Они не стали подругами, но были сестрами по несчастью: они строили планы, пили кофе, пыгались вести себя как обычно, хотя ситуация была совсем ненормальной. Разговор неотвратимо возвращался к их тревогам. Закуривая третью сигарету за утро, Катрина сказала:

— Бедный Тодди. Ему предстоит ужасный разговор с Хэнком, потом он должен получить это письмо... то есть, письменное предложение...

— Он его получит, — сказала Шарли с наигранной уверенностью. — Не бойся.

Катрина выдавила из себя улыбку.

— Не теряй время зря и не думай об этом. Он ведь так сказал? Думай об аукционе.

— Не считай, что я не думаю об этом, — про-
стонала Шарли, помотав головой. — Хотя я и правда не знаю, чем тут можно помочь. Я поняла идею насчет известности и согласна с этим, но что еще я могу сделать?

Она не собиралась хвастаться, но она и правда постаралась, организовывая «Золотой кубок Паломы Бланки». Она работала над этим один день в неделю, и все вечера, и все выходные, она рассылала письма в яхт-клубы и в журналы по парусному спорту, во все страны Европы, и в Соединенные Штаты, и даже в Австралию с Новой Зеландией.

— Я всюду звонила. Разница во времени позволяет работать и по вечерам. Тяжело было, но результат — невероятный.

На Катрину это произвело впечатление, и она поняла, что никогда не мечтала сама сделать карьеру. Нет, ей нравилось вести бухгалтерию, это было частью их жизни, но она никогда сама не чувствовала

потребности взять инициативу в свои руки самой вести бизнес. Если бы ее спросили о карьере, она бы сказала, что ее дело — помогать мужу, но сейчас, слушая Шарли, она чувствовала себя виноватой. Шарли была такая целенаправленная. Как Тодди и Хэнк. Они месяцами что-то проталкивали и покупали, работали и работали, делали все что можно, чтобы «Паломма Бланка» имела успех. «А что сделала я, сидя тут на задворках?» Даже и сейчас Шарли побеждала ее...

А Шарли в это время говорила:

— Я понимаю, что нужно, чтобы название курорта стало известным, но ему хорошо говорить: посмотри под другим углом. Под каким другим углом?

Катрина вдруг почувствовала, что хочет предложить что-то.

— Ведь будет регата?

— «Золотой кубок» — это и есть регата.

— Ну да, я знаю, но ты разве не можешь придумать что-нибудь еще?

Шарли посмотрела на нее.

— Что-то, не связанное с яхтами?

— Ну да. Вот это идея. Мы должны забыть про яхты. Не это ли он имел в виду?

— И что мы сделаем? — возмутилась Шарли. — Что мы имеем? Недостроенный отель, гавань, морское пространство, горы и золотой пляж. Ну и что, в чем идея? Как ты заинтересуешь прессу?

— Да, это трудно...

Шарли возмущенно фыркнула.

— Поставь «Палому Бланку» на карту, говорит он мне. Создай отзыв прессы. Как? Ну скажи мне, как?

Ее раздражительность увеличивалась с каждой минутой, и Катрина почувствовала, что должна сказать что-то. Она молчала, отчаянно пытаясь родить какую-нибудь идею, но больше надеясь на это, чем веря, что это ей удастся.

— Ну? — потребовала Шарли, чувствуя, что сама что-нибудь изобрести не в силах.

— Да, я согласна с тобой. Я же сказала, что это очень трудно...

— Точнее сказать — невозможно, — горько вздохнула Шарли.

Катрина вздрогнула. Да, Шарли была такая взрывная, однако это не раздражало, и в другом состо-

янии Катрина оценила бы это качество, но сейчас она никак не могла сосредоточиться.

— Да, невозможно, — вяло согласилась она, не очень-то и слушая. Отчаянно пытаясь отыскать в голове какую-нибудь идею, она мысленно нарисовала себе «Палому Бланку» и, при подсказке Шарли, увидела горные склоны. Она вспомнила, как стояла, повернувшись спиной к морю и глядя на складки и вершины и чувствуя, что она как будто в театре. Она сказала об этом Хэнку, что-то о том, что горы расположены прямо-таки амфитеатром, но он так рвался показать ей яхт-клуб, что ему некогда было слушать. Сейчас же это ощущение вернулось к ней.

— Ты знаешь, — сказала она тихо. — Если подумать, так «Палома Бланка» — это прямо-таки театральный зал. Я имею в виду, расположение склонов и все остальное. Если бы устроить там сцену, прямо над морем, и все, конечно, украсить... ну, фонарями цветными и... получится великолепно.

— Ну и зачем?

— Да... ну... для чего-нибудь. Для концерта, например?

Шарли взглянула на нее в замешательстве.

— Для концерта?

— Ну, это просто так я подумала, — тут же призналась Катрина, готовая отступить, но, даже когда она это говорила, ее мысль принимала все более реальные очертания.

Шарли могла быть очень нетерпимой с другими. Именно эта нетерпимость и вызвала сарказм в ее голосе.

— Ну, да, великолепно, — сказала она. — Испанские гитары, танцоры фламенко. Журналисты передерутся, описывая все это.

— Да нет, я не имею в виду...

— И это, конечно, принесет «Паломе Бланке» мировую известность.

Катрина покраснела.

— Послушай, — сказала она. — Я признаю, что не продумала все это как следует, и я знаю, что пока это только голая идея, но что если устроить что-то вроде Глиндебурна? — Она с надеждой взглянула на Шарли, и когда не получила ответа, уточнила: — Что-то вроде Глиндебурна на Средиземном море?

— Оперу, что ли?

— Или концерт классической музыки. На открытом воздухе. Вечером.

Шарли была озадачена.

— Но зачем? Мы продаем курорт, а не концертный зал.

Такое отношение обижало Катрину. Она было подняла чашку, потом поставила ее на стол и крутила в руках ножик для масла. Она робко начала:

— Чтобы создать рекламу...

— И для кого? — Голос Шарли стал резким. — Для жителей Майорки? Мы ведь не для них стараемся. Мы хотим привлечь внимание богатых международных бизнесменов.

— Бизнесмены поедут на Глиндебурн. Только они смогут это себе позволить.

Ответ был таким неожиданным, что Шарли даже замолчала. Она чувствовала одновременно и удивление, и презрение. *Я-то думала, она умная. Хотя бы имела побольше здравого смысла.* Сделав усилие, чтобы не оборвать Катрину, она начала объяснять:

— Не хочу быть грубой с тобой, — начала она тяжело, — тут трудно усмотреть какую-нибудь выгоду. Для начала представь себе стоимость всего этого. Тебе придется нанять артистов и оркестр, оплатить их полет, потом все надо подготовить в самой «Паломе Бланке». — Она коротко рассмеялась. — Хэнку это понравится. Нет, правда, не вижу никакой выгоды. Ни в деньгах, ни в рекламе. Никакой международной известности мы так не достигнем, а нам именно такая нужна. Конечно, может быть пара заголовков в газетах Майорки, но, как я уже сказала, ведь нам не это надо?

Разгромленная по всем статьям, Катрина замолчала. Секунду спустя она признала:

— Да, конечно нет. Так, это была только мысль. Я просто подумала, что если бы кто-нибудь, вроде Энрико Барзини...

— Барзини! — перебила Шарли. — Ты что, шутишь, что ли?

— Ну, это ведь принесло бы международную известность, так!

— Ну конечно! И Папа Римский спел бы «Аве

Марию», но что Барзини будет делать в «Паломе Бланке»? Он выступает в Ла Скала, в «Мег» в Нью-Йорке, или в Ковент-Гардене. Он звезда мировой величины, а не пляжный массовик-затейник.

— Однако он выступает с концертами на открытом воздухе,— упрямо твердила Катрина.— Несколько концертов он дал в Италии. И тот большой концерт в Гайд-Парке. Тысячи людей ходили на него. И его показывали по телевидению. Весь концерт, два с половиной часа. Вот тут я и подумала, что это может быть неплохой рекламой. Барзини всегда покрывает все расходы.

Устав от бесполезного разговора, Шарли вздохнула.

— Ну, да,— сказала она с неприязнью.— Конечно, это неплохая мысль, но ты что, сможешь пригласить величайшего тенора современности за просто так?

— Да нет, конечно,— согласилась Катрина, покраснев от неловкости.— Конечно, ты права. И если это все бесполезно, то и просить не стоит.

Чашка кофе застыла в руке Шарли. Она внезапно замолчала и нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду, не стоит просить? Ты что, знакома с Барзини?

— Да нет, лично я его не знаю.

Шарли отпила немного кофе.

— Но я знакома с его импресарио. Он, кажется, сам принимает решения,— сказала Катрина. Свое собственное решение она приняла в семь часов утра, и это решение было отменить обед с Осси, но теперь она вспомнила о нем и о Барзини.

Шарли медленно опустила чашку вниз.

— И ты настолько близко его знаешь, чтобы просить о таком?

Катрина покраснела еще больше.

— Думаю, что да. Думаю, что смогу попросить его об одолжении.

Шарли удивилась, чего она краснеет. «Что это с ней такое? Но Энрико Барзини! Бог ты мой!» Впервые за все время разговора она начала считаться с ее идеей.

— Я просто подумала,— быстро сказала Катрина, чтобы скрыть смущение,— если в газетах будет сообщение и хотя бы немного покажут по телевидению, ты ведь знаешь, как это бывает, то это поможет «Паломе

Бланке» стать известной. Ведь идея такова, правда? Ведь этого мы как раз хотим.

— Конечно, это как раз то, чего мы хотим.

— Если бы я покупала «Палому Бланку», это бы произвело на меня впечатление. Большой международный концерт, широко освещенный в прессе. Это принесет ей известность.

Шарли поглядела на нее.

Более уверенно Катрина продолжала:

— И тогда Палома Бланка будет прекрасным местом. Да и так все согласны, что это место прекрасное. А международный концерт будет чем-то уникальным. У меня прямо перед глазами все это: фонари на горных склонах, вспышки света на сцене и этот неподражаемый голос, вздымающийся к верхушкам деревьев, оркестр, все в вечерних костюмах. Ну, знаешь, такой гала-концерт. Ну, ты только представь все это себе!

Шарли показалось, что она все это видит, и причем точно так, как описала Катрина. «Палома Бланка» будет самым романтическим, важным местом в мире.

— Да, чисто визуально это здорово, — признала она. — Даже лучше, чем фильм.

— Ну, вот это я и имела в виду.

Неожиданно холодок пробежал у нее по спине, и даже волосы на голове зашевелились. Странная мысль смутно возникала у нее в голове. Она поглядела на Катрину.

— Это ведь возможно, так? — спросила она, удивленная тем, что так взволнована. — У тебя что с этим импресарио? Я имею в виду, кто он для тебя, кто-то, кто купил у Тодди машину? Знакомый? Друг? Насколько хорошо ты его знаешь?

— Да... достаточно хорошо, как полагаю.

Она снова покраснела, заметила Шарли. Да что она все время краснеет? Но этот вопрос был оставлен из-за почти готовой идеи.

— Гала-представление, — сказала она, больше говоря с собой, чем с Катриной. — Интересно...

Знаменитые лица промелькнули перед ее мысленным взором. Она видела вспышки фотоаппаратов, словно вспышки звезд, среди деревьев, телевизионные камеры. Телевизионные камеры. И Майк Томпсон! Она уже видела его там.

— Подожди-ка. —
пейский. — Что ты то
дения. Нам нужна не
— Она устала в про
— Назови какую-ни
нибудь, что подходит
была какая-нибудь
петься?

Нахмурились. Кат
— Ну... «Кармен»
— «Кармен!» — за
но! Послушай, оти
в Джерси. Майк Том
слышала о нем? Он
мый, его уважают, у
виделась на прошлой
ли он поснимать «З
ния начнутся. Ну
фильм или еще что-н
определенно скажет
сказав, что подумает
ему это? Барзини в
ле! — Ее лицо засвет
дело!

— Да?

— Да ведь это Бар
знаменит!

— Еще бы, — сказ
конец-таки заслужила

Вдруг Шарли прос

— О Бог мой! —

бросила стул, встала

ку. На ее лице появи

Забудем про «Кармен

с собой. Она вытяну

из сплетенных паль

Телеспектакль! Он б

быть, и все два. Май

ное исключительное

Он выиграет, но и м

назовем... — Она ос

ибольший эффект. —

зини в «Паломе Б

Бланке!» — радост

— Подожди-ка. — Она поджала губы, словно полицейский. — Что ты только что сказала? Насчет телевидения. Нам нужна не просто передача.

Она уставилась в пространство. Потом моргнула.

— Назови какую-нибудь испанскую оперу! Что-нибудь, что подходило бы к «Паломе Бланке»? Чтобы была какая-нибудь связь, чтобы было за что зацепиться?

Нахмурившись, Катрина подумала с минуту.

— Ну... «Кармен».

— «Кармен»! — звонит Шарли. — Замечательно! Послушай, один парень, я его знаю, он живет в Джерси. Майк Томпсон! Продюсер! Ты, наверное, слышала о нем? Он — большой человек, независимый, его уважают, у него огромные связи. Я с ним виделась на прошлой неделе, спрашивая, не сможет ли он поснимать «Золотой кубок», когда соревнования начнутся. Ну там, сделать документальный фильм или еще что-нибудь такое. Я думала, что он определенно скажет нет, но он оставил мне надежду, сказав, что подумает над этим. Но если я предложу ему это? Барзини в «Кармен»! И на испанской земле! — Ее лицо засветилось. — Это же совсем другое дело!

— Да?

— Да ведь это Барзини! Ты что, не знаешь, как он знаменит!

— Еще бы, — сказала Катрина, довольная, что наконец-таки заслужила одобрение.

Вдруг Шарли простонала:

— О Бог мой! — словно была в экстазе. Она отбросила стул, встала и подняла глаза куда-то к потолку. На ее лице появилось мечтательное выражение. — Забудем про «Кармен», — шептала она, как будто сама с собой. Она вытянула руки и смотрела через решетку из сплетенных пальцев. — Знаешь, что мы сделаем? Телеспектакль! Он будет продолжаться час, а может быть, и все два. Майк убьется за это свое телевизионное исключительное право! Как он выиграет от этого. Он выиграет, но и мы не внакладе останемся. И мы это назовем... — Она остановилась, чтобы произвести наибольший эффект. — Послушай! Мы назовем это «Барзини в „Паломе Бланке“!» Вот! «Барзини в „Паломе Бланке“!» — радостно повторила она.

Катрина не нашлась с ответом и молчала, потрясенная.

— Ну? — потребовала Шарли, вне себя от возбуждения. — Как ты думаешь? — Она начала мерять шагами кухню, она делала широкие шаги, и ее юбка из шерстяной ткани натягивалась на бедрах.

— Да... ведь это была только мысль, — сказала Катрина, вдруг занервничав. У нее даже лицо начало чесаться.

— Да послушай! Концерт — это еще не все. Телевидение — вот ключ к успеху! Интервидение! Представь масштаб! И название курорта будет в названии фильма! Вот в чем все дело! «Барзини в „Паломе Бланке“!» К черту «Кармен», — Шарли весело засмеялась.

— К черту «Кармен»?!

— Ну да. Надоел уже этот Бизе...

Замотав головой, Катрина была во власти других мыслей.

— Это ведь была только мысль, — начала она, но вздрогнула в тревоге. — Что это?

Шарли повернулась к раковине и вцепилась в кран так сильно, что побелели костяшки пальцев. Она то открывала, то закрывала его.

— Ты в порядке?

— Боже мой! — простонала Шарли. Она отпустила кран и отошла от раковины. — Боже мой! Что в первую очередь скажет Майк Томпсон? В первую очередь?

Катрина отступила.

— Видео!

Катрина заморгала.

— Кассетный рынок! Он огромен!

— Кассеты?

— Да. И Си-Ди тоже будут в этом участвовать! Твой приятель будет знать об этом. И на всем будет стоять название: «Барзини в „Паломе Бланке“!» — Она подхватила Катрину в объятия и начала танцевать по кухне. — Боже мой, Катрина! Как здорово! Монументальные сборы...

Теперь уже не на шутку взволнованная, Катрина высвободилась из объятий и села. Схватив Шарли за руку, она попыталась усадить ее рядом.

— Угомонись на минутку, — сказала она и снова повторила для себя: — Угомонись. Сядь на секундочку.

Но Шарли снова вскрикнула и это напомнило Катрину.

— Речь идет об огороде? — О нет, только из-за задержав дыхание и конец этой чепухе. — Рядом попали в это дерьмо. — Тодди!

Шарли внезапно села.

— Извини? — Она то не понимаю? Мы, катрина, видео и не Си-Ди...

— Звезды мирового уровня, — резко сказала Катрина. — Я на таком уровне подготовлю платформу, — резко сказала Катрина. — Зачем нам это? — Перестань говорить!

Шарли открыла рот, Катрина продолжала.

— Ты улетела за границу? Это была просто мысль, ты, наверное, права. Зачем ему это?

— Ты ведь сказала, Факт был в том, что просить. Жаль, что в голову. Начав уже с Катриной, объяснишь все Шарли.

— Это даже и не сказано. Я просто думаю.

— Ну да? — Голос резким. — А теперь например: все узнаю о том, которую все хотят за кучу денег. Результат ничего не слышал о «копейки». Тодди садится а парень по имени Мо с отвращением фыр

Но Шарли снова вскочила и закружилась по кухне, и это напомнило Катрине Тодда, особенно когда Шарли крикнула:

— Речь идет об огромных деньгах! Миллионах...

— О нет, только не это! — воскликнула Катрина, задержав дыхание и внезапно решившись положить конец этой чепухе. — Речь шла о миллионах тоже, а мы попали в это дерьмо. — Ты так же плохо считаешь, как Тодди!

Шарли внезапно остановилась, подтянула себе стул и села.

— Извини? — Она наморщила лоб. — Я что, чего-то не понимаю? Мы, кажется, твою идею обсуждали?

— Я на таком уровне не говорила. Не спектакли, не видео и не Си-Ди...

— Звезды мирового значения не поют в деревенских залах, — резко сказала Шарли. — Надо правильно подготовить платформу. Но посмотри, что мы при этом получаем! Что за дело! А реклама? Миллионная!

— Перестань говорить про миллионы! — взвизгнула Катрина. — Зачем опять миллионы? И Тодд был таким же. И посмотри, к чему это привело!

Шарли открыла было рот, чтобы ответить, но Катрина продолжала.

— Ты улетела за облака! — ругала она Шарли. — Это была просто мысль, только и всего. И кроме того, ты, наверное, права. Барзини не захочет этого делать, зачем ему это?

— Ты ведь сказала, что можешь попросить?

Факт был в том, что Катрине больше не хотелось просить. Жаль, что эта мысль вообще пришла ей в голову. Начав уже отказываться от нее, она попыталась объяснить все Шарли:

— Это даже и идеей не назовешь. Слишком сильно сказано. Я просто думала вслух.

— Ну да?! — Голос Шарли стал холодным и даже резким. — А теперь дай и мне подумать вслух. Вот, например: все узнают о «Паломе Бланке»; это собственность, которую все хотят срочно купить, и Тодди продает ее за кучу денег. Результат — все довольны. Или так: никто ничего не слышал о «Паломе Бланке» и она продается за копейки. Тодд садится в тюрьму, я тоже сажусь в тюрьму, а парень по имени Морони порубает вас на котлеты. — Она с отвращением фыркнула. — Тебе выбирать, Катрина.

Страх и смущение стояли в янтарных глазах Катрины.

— Ну? — потребовала ответа Шарли.

Катрина сглотнула слюну.

— Я тебя спрашиваю, Катрина.

Она замешкалась на секунду, не найдя что ответить. В конце концов, откашлявшись, она произнесла, заметно нервничая:

— Ты действительно думаешь, что это поможет?

— О Боже, дай мне терпения! — Шарли забарабанила по столу пальцами, потом собралась с мыслями. — Это еще как поможет, если Майк покажет свою передачу всему миру. Миллионы людей смогут увидеть ее. «Барзини в „Паломе Бланке“!» Только представь, как от этого возрастет цена.

Достав сигарету, Катрина действительно попыталась представить.

Шарли возвела руки к небу в отчаянии. Наградив Катрину презрительным взглядом, она поглядела на часы.

— Без пяти девять. Интересно, Майк сегодня утром у себя в конторе? Если бы я сейчас дозвонилась до него, это значило бы... — она оборвала фразу на середине и посмотрела на Катрину. — А что насчет твоего знакомого? Как мы сможем связаться с ним?

— Э-э-э... он иногда приезжает в Лондон.

Глаза Шарли широко раскрылись.

— Мы сможем его достать? Сможем договориться о встрече?

— Может быть, просто позвонить ему...

— Да нет! Это невозможно, обсуждать такую серьезную вещь по телефону. Нам нужна встреча.

— М-м... ну, хорошо, если честно, я собиралась пообедать с ним.

Шарли так и подскочила.

— Обедать?

Катрина кивнула.

— Когда?

— Сегодня...

— Ты сегодня обедаешь с ним?

— Да я не собиралась идти, — поспешно объяснила Катрина. — После вчерашнего... Да мне по крайней мере месяц надо отходить...

— Действительно! У тебя нет этого месяца. Вспом-

ни о возможности
ты что, не понима
взя руками. — Оди
как там еще! — За
чала подсчитывать
чу на Фэнчерч-стр
то позвонить. — В
— А? В... э-э...

Мэй Фэр.

— Замечательно

быть у себя в офи
Шарли замолчала
этом. — Ладно, я з
заключила она, бр
насчет твоего пари
должны найти наи
представить. Ну-ка
клянет?

Прошло два ча
свой страх. Событи
рассказать об Оссе
упускала ни одной
к тому, что надо бы
Шарли добралась
в плоть быстрее, ч
дюшку на Рождест
в голосе Катрины.

— Я все-таки д
сказала, что пойдеи

— Это пока ты

— Да это не
думаешь. Я счита

деловая, чем я.
— А ему не дел
— И нечего ухм
вот и все.

— Ну да, конеч
сухо сказала Шар
сказала все об это
ведь ты уже сказ
увивается.

— Я не говорил

ни о возможности быть порубленной на котлетки. Да ты что, не понимаешь? — объяснила Шарли, размахивая руками. — Один шанс из миллиона. Судьба, карма, как там еще! — Загоревшись от возбуждения она начала подсчитывать, сколько времени уйдет на ее встречу на Фэнчерч-стриг. В конце концов она решила просто позвонить. — Во сколько у тебя обед?

— А? В... э-э... в двенадцать тридцать, в отеле Мэй Феэр.

— Замечательно! К этому времени Майк может быть у себя в офисе. Если я дозволюсь до него... Шарли замолчала, обдумывая, как сказать ему об этом. — Ладно, я знаю, как договориться с Майком, — заключила она, бросив взгляд на Катрину. — Так что насчет твоего парня? Расскажи-ка мне про него. Мы должны найти наилучший путь, чтобы все это ему представить. Ну-ка, спроси об этом себя. На что он клюнет?

Прошло два часа. Катрина с трудом преодолела свой страх. События развивались вовсю. Она пыталась рассказать об Осси в общих чертах, но Шарли не упускала ни одной детали. Один вопрос приводил к тому, что надо было задать следующий. Как только Шарли добралась до сути дела, она облекла идею в плоть быстрее, чем фермер, откармливающий индюшку на Рождество. Упрек все еще был слышен в голосе Катрины.

— Я все-таки думаю, что ты должна пойти. Ты сказала, что пойдешь.

— Это пока ты не объяснила ситуацию.

— Да это не та ситуация, про которую ты думаешь. Я считаю, ты должна пойти. Ты более деловая, чем я.

— А ему не деловые нужны.

— И нечего ухмыляться. Он интересный человек, вот и все.

— Ну да, конечно, вы просто хорошие друзья, — сухо сказала Шарли. — И именно поэтому ты рассказала все об этом Тодди. Давай, рассказывай все, ведь ты уже сказала, что этот парень за тобой увивается.

— Я не говорила, что он увивается.

Катрина разрывалась на части. Ее даже послали в ванную охладиться, пока Шарли разговаривала с миссис Бриджес. Потом Шарли звонила в офис Майка Томпсона в Джерси, разговаривала с его помощником, бегала наверх сообщить, как продвигаются дела.

— Он в Брюсселе,— объявила она на одном дыхании.— Но к тому времени, как ты пойдешь обедать, он вернется. Джозефин, его помощница, аж вспотела. Она все поняла и купилась на это! Я ей дала ваш номер, в случае если Майк рано вернется. Еще я позвонила себе в контору и отменила встречу на Фэнчерч-стрит. Это важнее.

А Катрина все колебалась. Она еще не отошла от вчерашнего — она это понимала — и понимала то, что за уверенностью Шарли стояло отчаяние.

— Ты слушала, что сказал Тодди! — сказала Шарли, когда они спорили друг с другом.— Создай отзыв прессы. Сейчас есть что-то, что ты можешь сделать, а ты не хочешь даже попытаться!

Полчаса они были у Катрины в спальне, и она еще не сняла с себя кимоно.

— Все равно,— сказала Катрина упрямо.— Не понимаю, чего ты так беспокоишься о том, как я выгляжу. Я думала, ты современная женщина. Ведь в бизнес-школе главным образом учат тому...

— Как заключать сделку. Правильно. Это значит — знать, что надо тебе и партнеру, и только дурак не догадается, чего хочет твой Осси.

Катрина открыла было рот, чтобы возразить, но Шарли предупреждающе подняла руку.

— И всегда помогает презентация. Если ты говоришь о миллионе долларов, и выглядеть ты должна тоже на миллион долларов.— Она сняла с вешалки шелковое зеленое платье Катрины, ее глаза сверкнули одобрением.— Эй, а вот это? Как ты думаешь? Держу пари, ты в нем обалденно выглядишь.

— Я не могу надеть это на обед.— В голосе Катрины прозвучал ужас.— Оно чересчур открытое.

— Это только женщины так говорят. А мужчины знают, что их заводит.

— Ну, все равно я его не надену.

— Хорошо. Тогда что?

Решив хотя бы одно решение принять сама, Катрина произнесла:

— Я знаю что.
Она сняла с вешалки
ящик колонки.
— И вот этот тон.

— М-м.— пробормотала
Выглядит красиво...
— И действительно...

Шарли приложила к
— Миленко,— со
флект.— Но если юбку чу
Катрина фыркнула

— Ладно, ладно.
Положив рядом бел
как будто была недо
знания обдумывала то.

— Я все еще дума
путем. Ну, представь
маленькую любезности

— Мы это уже про
зывать любезность, се

— Конечно, профе

— Тогда он не бу

ни, только для того,

Катрина отступила

Глубоко вздохнув
убеждать ее:

— Все эти любез
будешь заслуживать
его. Ты должна заин
он сам захотел имет
дополнительную сл

— Я не бизнесме
ным видом.— Я д
делать. Жалко, что

— И что ты см
знает.

— А вдруг он н

— Почему это?

ше людей узнает о

будет стоить. Разв

Ему нужна известн

Телепредставление

— Я знаю что.

Она сняла с вешалки ярко-синий костюм, положила его на шезлонге и хотела открыть уже ящик колонки.

— И вот этот топ.

— М-м,— пробормотала Шарли, раздумывая.— Выглядит красиво...

— И действительно красивый.

Шарли приложила юбку к Катрине.

— Миленько,— согласилась она, наблюдая эффект.— Но если юбку чуть покороче? Я неплохо шью... Катрина фыркнула с пренебрежением.

— Ладно, ладно.— Шарли подняла руки, сдаваясь.

Положив рядом белый топ, Катрина нахмурилась, как будто была недовольной. Но только часть ее со-знания обдумывала то, что надеть. Смущенная и нерешительная, она сказала:

— Я все еще думаю, что мы идем неправильным путем. Ну, представь, что я попрошу оказать мне маленькую любезность...

— Мы это уже проходили. Это не он должен оказывать любезность, если он профессионал...

— Конечно, профессионал...

— Тогда он не будет рисковать репутацией Барзини, только для того, чтобы оказать тебе любезность.

Катрина отступила и упрямо замолчала.

Глубоко вздохнув, Шарли снова начала терпеливо убеждать ее:

— Все эти любезности — для дилетантов. Ты не будешь заслуживать уважения, если будешь просить его. Ты должна заинтересовать его. Сделай так, чтобы он сам захотел иметь с тобой дело. Барзини получит дополнительную славу. Понятно? Плюс деньги.

— Я не бизнесмен,— персбила Катрина с несчастным видом.— Я даже не знаю, стоит ли нам это делать. Жалко, что я не могу поговорить с Тодди...

— И что ты ему скажешь? Он этого человека не знает.

— А вдруг он не примет эту идею?

— Почему это? Это ведь наше спасение. Чем больше людей узнает о «Паломе Бланке», тем дороже она будет стоять. Разве не это он сказал, когда уходил? Ему нужна известность. Ты только подумай, Катрина. Телепредставление. На весь мир! И я никак не могу

понять, чего ты колеблешься. Это ведь была твоя идея! А Осси — твой человек. У нас никогда не будет лучшего шанса. — Он — импресарио Барзини, ведь правда же! — Шарли остановилась, потому что зазвонил телефон. — Я возьму трубку. — Повернувшись к Катрине, она уже бежала в спальню. — Я дала этот телефон куче людей. Ты пока одевайся.

— Есть, мэм, — устало вздохнула Катрина. Пытаясь привыкнуть к ситуации, она тяжело опустилась за туалетный столик. Пока она приводила в порядок волосы перед зеркалом, она слушала Шарли.

— ...Джозефин! Привет! Он звонил перед тем, как уехать из Брюсселя? Я думаю, он заинтересовался! Да? Пока не продолжай, остановись. Никаких скидок! Мы будем говорить с Энрико Барзини. Точно. Я не глубоко копаю, но сейчас я покупаю, а не продаю. Сделка с любым, мне все равно, кто он. Почти...

Катрина простонала. Она сняла кимоно и взяла юбку.

— ...Абсолютно. Так. Угу, Майорка. Нет, это больше, чем просто отель. Мой Бог, да! Он просто новый, вот поэтому. Исключительный. Как только он станет известным, все места будут заказаны на годы вперед. Самое замечательное место на этой земле. Такой вид, что Майку понравится. Ну да, обещаю. В этом все дело. Классическая комбинация. Певец с мировой известностью будет петь песни мировой известности в этом волшебном Саду Эдема...

Катрине хотелось побежать к телефону и выхватить трубку из рук Шарли. Ей хотелось сказать этой женщине, Джозефине, что это все ошибка. Она быстро надела блузку.

— ...Конечно, конечно, Энрико с ума сходит по этой идее. Сейчас мы отработываем детали. Ну да, сроки, расписания, вот такие вещи. Абсолютно правильно. Но, Джозефин, я должна тебе сказать. Мы уже начали все это дело. Со многими людьми встретились. Просто Майк живет на Джерси, а я — большая поклонница его работы... да, так и есть... но здесь важна быстрота...

Катрина чуть сознание не потеряла, пока надевала туфли. «Детали!»

— ...Я сегодня вечером возвращаюсь в Джерси, но Майк может позвонить сюда, когда вернется. Так. Да, хорошо, пока, до свидания.

и когда она вернулась
в свой кабинет.
— Как ты можешь
сказать от этой идеи? Так
ясно знаем. Безответственно
— Т-ш-ш, — прошептала
воздуху. Не заводи на Кат
мечтала и поглядывала на Кат
именно красиво. Да. Теперь
Опрешившись от своего
лишь оглядела себя.
— Шикарно!
Довольная, Катрина
речь в зеркало.
— Ты думаешь?
— Определенно.
Катрина забыла о себе
— Я и правда думаю, что
— Идет. И сидит, как
обалдеет.
Катрина захихикала и с
— Что на меня напало?
буду смеяться, я заплачу.
— Ты не можешь плак
зала Шарли резковато. —
заканчиваешь. Ладно?
— Я могу сама. Я поч
Шарли колебалась. Он
шаг и посмотрела на Ка
накмурилась еще сильнее.
— Ты знаешь, — сказ
лосе. — Я что-то не п
Я знаю, он красивый и
он к костюму? Вот вопро
А ты что думаешь?
Катрина купила блу
четыре раза, когда она
топ вместе с ним. До
уверена, что вещи подк
— Ну... — пробормо
в зеркало. — Если не
голубая рубашечка, он
и еще блузка, которую

Катрина с удивлением посмотрела на Шарли, раскрасневшегося и победно улыбающегося. Она взглянула на свои ногти и взгляд Катрины.

— Как ты думаешь, Шарли? — Шарли с улыбкой сходит от этой мысли. Точно, впечатление, что ты лично знаешь. Безотрадно, что ты знаешь...

— Т-и-и-и, — гримасничает Шарли, поводя рукой по воздуху. Не заводишь. И что я сделала? — Она молчала и не могла сказать Шарли с одобрением. Вам теперь красиво. Да. Ты действительно эстетично.

Отрешившись от своих мыслей, Катрина машинально оглядела себя.

— Шикарно!

Довольная, Катрина посмотрела в зеркало и улыбнулась.

— Ты думаешь?

— Определенно.

Катрина забыла о своем раздражении и сказала:

— Я и правда думаю, что это мне идет.

— Идет. И сидит, как перчатка на руке. Осси обалдеет.

Катрина захихикала и сама удивилась.

— Что на меня нашло? Еще смеюсь. Но, если я не буду смеяться, я заплачу.

— Ты не можешь плакать, ты нарядилась, — сказала Шарли резковато. — Я кофе сделаю, пока ты заканчиваешь. Ладно?

— Я могу сама. Я почти закончила.

Шарли колебалась. Она нахмурилась, отступила на шаг и посмотрела на Катрину внимательно. Потом нахмурилась еще сильнее.

— Ты знаешь, — сказала она с сомнением в голосе. — Я что-то не понимаю насчет этого топа? Я знаю, он красивый и все такое, но подходит ли он к костюму? Вот вопрос. Я не очень уверена в ответе. А ты что думаешь?

Катрина купила блузку специально к костюму. Все четыре раза, когда она надевала костюм, она надевала топ вместе с ним. До настоящей минуты она была уверена, что вещи подходили друг к другу.

— Ну... — пробормотала она, посмотрев на себя в зеркало. — Если не эта, так у меня еще есть нежно-голубая рубашечка, она, может быть, подойдет. Да, и еще блузка, которую я купила на Майорке...

Через несколько минут Шарли вернулась с кофе, и, пока Катрина меняла одну блузку на другую, она вспомнила, как она проводила время с Софи и Глорией в Харроу.

— Мы часами этим занимались, — она вслух делилась воспоминаниями. — Мы, бывало, все перемеряем, что у нас есть. Софи была манекенщицей и таскала домой просто удивительные вещицы. Оригинальные модели дизайна и всякие такие штучки, которые мы себе, возможно, и не смогли бы позволить.

Разговорившись о своем прошлом, она успокоилась, и ситуация снова показалась ей обычной.

Шарли отвергла бледно-голубую блузку.

Она отвергла также и блузку, купленную на Майорке.

И топ, который Катрина купила специально под костюм, был также отброшен в сторону.

Они не подходят, — таким было ее мнение.

— Но ведь нет времени идти в магазин, — разозленно сказала Катрина.

Шарли начала ходить кругами по комнате.

— М-м, — промычала она задумчиво. — Вроде бы нет и ничего... но немного по-деревенски.

По-деревенски! Я купила это в «Хэрродс».

Как будто бы чего-то в них не хватает, — сказала Шарли. Вдруг ее глаза широко открылись. — Я поняла. Это все — лишнее. Тебе не надо надевать топ.

— Не надевать?

— Точно. У тебя будет такой... экстравагантный, современный вид.

— Тогда будет видно лифчик.

— А ты не надевай лифчик, — сказала Шарли, смеясь над помертвевшим от ужаса лицом Катрины. — Ну-ка! Попробуй.

Машинально Катрина сделала так, как ей сказали. Потом она опустила подбородок и скосила глаза вниз.

— Я не могу пойти в таком виде, — задыхнулась она. — Даже соски видно!

— Я, например, не вижу. А эффект — потрясающий! Ты выглядишь просто великолепно!

— Правда?

— Просто фантастика!

— Я чувствую себя раздетой! — Катрина, затаив дыхание, смотрела на себя в зеркало. — Меня аресту-

ют, если я пойду в таком виде, вояв, как шелковая куколка того... э-э... ты знаешь, я чувствую себя сексуальной. И это замечательно. Вы будете настроит. Вы будете заключать сделки с людьми в мире.

Катрина снова охнула. — Ну, что теперь? — Вот еще полтора свидетельствует о том, человек в мире.

— Да что ты? Выпавив больше, чем ла больше ничего с собой.

— Если уж хочешь засток. Правда, я собираюсь только для того, чтобы этой чепухе. Тебе бы надо он пишет! Тодди бы меня Я имею в виду, сейчас, я должна быть с ним, чтобы уговорить его. Я чувствую, что еще одну

Зеленые глаза Шарли

— Да, — мягко повто

— Тебе-то что? Ты

если у него возникнут Раныше-то это было все дала ему отставку, по «Паломой Бланкой».

— Великолепно! Он бе он правится...

— Да перестань ты жакет. — Я надеву во

— А если я пересту

— Правда?

Шарли пояснила:

— Но не вискниа можем появиться то соответствующее наг сованность в тебе, предложением.

ют, если я пойду в таком виде! — Она охнула, почувствовав, как шелковая ткань щекочет грудь. — И кроме того... э-э... ты знаешь, я чувствую, что...

— И это замечательно! Это тебя соответствующим образом настроит. Выглядеть будешь грандиозно и чувствовать себя сексуальной. В конце концов, ты будешь заключать сделку с одним из культурнейших людей в мире.

Катрина снова охнула.

— Ну, что теперь?

— Вот еще полпроблемы. Его поведение не свидетельствует о том, что он культурнейший человек в мире.

— Да что ты?

Выпавив больше, чем собиралась, Катрина не могла больше ничего с собой поделать.

— Если уж хочешь знать, он ведет себя, как подросток. Правда, я собираюсь с ним сегодня обедать, но только для того, чтобы раз и навсегда положить конец этой чепухе. Тебе бы надо прочесть письма, которые он пишет! Тодди бы меня убил! Сейчас беда в том... Я имею в виду, сейчас, когда мы все это придумали, я должна быть с ним милой и все сделать для того, чтобы уговорить его... — она покачала головой. — Я чувствую, что еще глубже увязну в этом.

Зеленые глаза Шарли оживленно блеснули.

— Да, — мягко повторила она.

— Тебе-то что? Ты ведь даже не пойдешь! А что, если у него возникнут какие-нибудь планы на будущее? Раньше-то это было все равно, после этого обеда я бы дала ему отставку, но представь, я его заинтересую «Паломой Бланкой»...

— Великолепно! Это и есть то, что нам надо. А тебе он нравится...

— Да перестань ты! — Катрина стала расстегивать жакет. — Я надену вот эту голубую блузку.

— А если я передумаю и пойду с тобой?

— Правда?

Шарли пояснила:

— Но не втискиваться между тобой и Осси. Мы не можем появиться там вместе. Это не создаст ему соответствующее настроение. Нам нужна его заинтересованность в тебе, чтобы заинтересовать его нашим предложением.

— Что-то мне все это не нравится,— сказала Катрина.

Но Шарли не обращала на нее внимания. Мысль о том, что она не сможет повлиять на события, вызывала у нее чуть ли не зуд. Это было не в ее характере. Просто ждать, когда вернется Катрина, было выше ее сил. А с другой стороны, ей надо было быть здесь, ждать звонка.

— Предположим, я позвоню Майку из Мэй Фэр,— сказала она внезапно.— Если я позвоню в час дня, мы сможем сравнить наши успехи в четверть второго. Мы можем встретиться в вестибюле или где-нибудь еще.

— Но почему? Почему бы тебе не присоединиться к нам?

— Я только что объяснила тебе. К тому же это поможет нам работать каждой в своем направлении, мне — с Майком, тебе — с Осси. Как ты думаешь?

Катрина колебалась.

— Ты — наживка, Катрина. Ты его подцепишь, а я уж сделаю все остальное. Только без топа. Если наденешь топ, я не приду.

Выбрав апельсиновый сок на завтрак в самолете, Тодд пил то же самое и в большом количестве в баре Барселонского аэропорта. Не то чтобы это ему нравилось, но он взял себя в руки в ожидании встречи с Хэнком. Потом ему понадобится выпить. Они выпьют вместе. К концу вечера они свалятся без задних ног, но провести разговор надо с ясной головой.

Он летел, ругая себя за то, что не сказал Хэнку вчера. Правильно, Хэнк был занят, правильно, время было неподходящее, ну а когда подходящее? Когда было бы подходящее время сообщить о том, что они разорены, что Хэнку придется удовольствоваться «Вороньим гнездом», что Шарли может закончить жизнь в тюрьме и что ему, Тодду, чуть не перерезали горло?

Три часа полета были самым худшим временем в его жизни. Вчерашний оптимизм испарился. Одна мысль о реакции Хэнка заставила его вздрогнуть. Хэнк все еще верил в мечту. Хэнк будет протестовать против продажи. Тодд поежился при мысли об их возможном разговоре. Погруженный в черное облако отчаяния, он

осознал, что все...
«Мэни» пре...
она всегда...
кончится...
Крутя в ру...
одну, бесп...
шуюся от в...
рое время...
себе, что п...
божвой ду...

Через двадцать мину...
— Алло?
— Да, миссис Бр...
рину, пожалуйста. Я...
— Не могу. К сожа...

минуты.
— Ушла?
— С рыжеволосой де...
Он удивленно вы...
— Они сказали, куда...
— Мне не доложили...
жес.— Они улизнули, как...
были такими. Болтали на...
Я удивлялась на миссис...
более чувствительна. Вы...
огорчается, после того ка...

— Но, Осси,— кастан...
нравится эта мысль?
Он взял ее руки в свои...
— Катрина,— сказа...
сом, который делал ее н...
альным.— Я здесь не д...
Я пришел увидеться с кр...
очень скучал.

Словно ныряя в хо...
взглядом, скользким п...
Она разрешила взят...
Тодд, жена местного...
«ягуаров», была бы о...
кого публично проявл...
не чувствовала себя м...
смерти надоела миссис...

«И Майли... И Катрина... Боже мой, кончится хорошо...»

Крутя в руках... Катрину дома одну, беспокоясь... шуюся от вчерашнего... время уже... себе, что пора забыть... боевой дух.

Через двадцать минут он дозволился до дома.

— Алло?

— Да, миссис Бриджес. Позовите быстренько Катрину, пожалуйста. Я звоню из Испании.

— Не могу, к сожалению. Она ушла. Вы разминутесь.

— Ушла?

— С рыжеволосой дамой. Они вышли вместе.

Он удивленно взглянул на часы.

— Они сказали, куда пошли?

— Мне не доложились,— фыркнула миссис Бриджес.— Они улизнули, как две школьницы. Они все утро были такими. Болтали наверху, как шаловливые дети. Я удивлялась на миссис Тодд, ей-Богу. Я думала, она более чувствительна. Вы, небось, думаете, она очень огорчается, после того как Мака задавили...

— Но, Осси,— настаивала Катрина.— Скажи, тебе нравится эта мысль?

Он взял ее руки в свои.

— Катрина,— сказал он своим бархатным голосом, который делал ее имя таким итальянским и сексуальным.— Я здесь не для того, чтобы обсуждать дела. Я пришел увидеться с красивой женщиной, о которой очень скучал.

Словно ныряя в холодную воду, она следила за его взглядом, скользящим по ее груди.

Она разрешила взять свою руку. Миссис Катрина Тодд, жена местного владельца фирмы по продаже «ягуаров», была бы озадачена и занервничала от такого публичного проявления нежности. Но она больше не чувствовала себя миссис Катриной Тодд. Ей до смерти надоела миссис Катрина Тодд. Миссис Тодд

была очень ответственной, аккуратной, осторожной и занудой. И еще провинциалкой! Все, что она делала, так это — беспокоилась. И что она получила за свое беспокойство? Смрадное чесночное дыхание того мужика, который приставил нож к ее горлу. Эта другая Катрина, новая Катрина, чувствующая себя сексуальной и итальянкой, гораздо лучше проводила время, обедая в этом замечательном ресторане с этим человеком с мировой известностью в этом замечательно сшитом костюме и серебристом шелковом галстуке.

Протянув ему руку, она улыбнулась дразнящей улыбкой.

— Ну да,— сказала она.— Но ты ведь знаешь, что это неправда. Признай! Ты ведь приехал в Лондон по делу.

Удивляясь самой себе, она наслаждалась. Ей нравилось, как он смотрит на нее. Она однажды прочитала про человека, который родился двадцать девятого февраля и мог праздновать свой день рождения только в високосный год. У Осси сейчас был вид такого человека.

Ей нравилось, как мужчины поворачивали головы, когда она входила в ресторан. «Никогда больше,— клялась она себе,— не надену топ с этим костюмом. Сколько лет прошло, а я до сих пор не знаю, как одеваться!»

Ей даже нравилось внимание официантов, выкашивших на нее глаза.

— Да это просто было оправданием, предлогом, чтобы увидеть тебя,— возразил Осси.— Я все отложил ради этого, весь день освободил. А тут являешься ты и начинаешь говорить о каком-то концерте.

Она чувствовала себя дерзкой, беспокойной, немного злой. Но прежде всего она контролировала себя.

— Это тоже неправда,— отпарировала она с улыбкой.

И действительно, это было так. Пока они ели ветчину по-пармски и дыню, она ни словом не обмолвилась о Майорке. Потом, когда подали камбалу по-веронски, она расспрашивала его о предстоящей поездке в Нью-Йорк. Когда подали клубнику со сливками, она расспрашивала его про сезон концертов Барзини в Милане, который, как она осторожно за-

...уже по телефону
...ей удовольствие
...в беседе
...как и
...не сказ
...вечера. И как бы
...что она мо
...рассмеяла
...сказал он
...еще чер
...так до
...дело сме
...Осси тоже сме
...на столе
...сказ
...поднима
...бренди...
...пер
...идею.
...Мы можем по
...стуле и жестом по
...Официант кивнул
...Осси,— промур
...Это ведь все для тебя
...Игрушки? — он
...И ты в них иг
...всему миру. Держу
...в Риме, другая в Нью-
...ее найдешь. — Она по
...признайся.
...В его глазах за
...растянулись в улыбке.
...Ты сейчас как
...за руку.
...За руку?
...Когда он воро
...А,— он улыбу
...Ты знаешь, ч
...интересный, обаяте
...я — очень... очень за
...Я тебя за это
...Но я себя не
...Я знаю, что это гл
...молящими. — Не мо

метили, уже подошли к концу. И все эти разговоры доставляли ей удовольствие, она была искренне заинтересована в беседе, и его ответы были такими же остроумными, как и прежде.

Она ничего не сказала из того, что собиралась сказать вчера. И как бы она смогла? Правда, когда он намекнул, что она могла бы поехать с ним в Париж, она просто рассмеялась.

— Ах, — сказал он. — Как я скучал по этому смеху

— Тогда я еще через минутку посмеюсь, — сказала она и была так довольна собственной шуткой, что начала то и дело смеяться.

И Осси тоже смеялся, но он начал и рассматривать фотографии на столе.

— Ну вот, — сказал он. — Если ты уже закончила, давай поднимемся ко мне в номер. Мы можем еще выпить бренди...

— Нет, нет, — перебила она его. — Мы обсуждали мою идею.

— Мы можем поговорить наверху. — Он откинулся на стуле и жестом подозвал официанта.

Официант кивнул и пошел выписывать счет.

— Осси, — промурлыкала Катрина с упреком. — Это ведь все для тебя игрушки, правда?

— Игрушки? — он притворился удивленным.

— И ты в них играешь... где бы ты ни был, по всему миру. Держу пари, что у тебя одна женщина в Риме, другая в Нью-Йорке. А если ее и нет, ты скоро ее найдешь. — Она подбодрила его смехом. — Ну же, признайся.

В его глазах зажглась искорка. Губы против воли растянулись в улыбке.

— Ты сейчас как мальчишка, которого поймали за руку.

— За руку?

— Когда он воровал яблоки в чужом саду.

— А, — он улыбнулся. — Запретные плоды.

— Ты знаешь, что твое внимание льстит мне. Ты интересный, обаятельный и очень привлекательный, но я — очень... очень замужняя женщина.

— Я тебя за это прощаю.

— Но я себя не прощу, понимаешь. Вот в чем дело. Я знаю, что это глупо, но не могу. — Ее глаза стали молящими. — Не можем ли мы остаться друзьями?

Его взгляд скользнул по ее груди, потом он снова поднял глаза. Видя, что она очень серьезна, он вздохнул, соглашаясь.

— Такая потеря...

— Ты ничего не потеряешь. Мы провернем вместе кучу прекрасных дел и останемся друзьями на всю жизнь.

В ответ на ее смех, он сумел выдавить жалкую улыбку. Машинально он перенес внимание на фотографии.

— Может быть, мы и останемся друзьями,— сказал он с сомнением.— Но я ничего не понимаю в бизнесе. Как я и сказал только что. Пейзаж замечательный. Место — очень красивое, и я все слышал, что ты о нем сказала, но сама идея...

— А вот этот снимок сделали прямо в море,— перебила она, внутренне вздохнув с облегчением, и взяла со стола одну из фотографий.— Ты подумай насчет моей идеи с концертным залом на природе. Только представь.— Она замолчала и улыбнулась официанту, который принес счет.— Может быть, мы выпьем еще кофе? — сказала она, разрешая ему бросить взгляд в вырез жакета.

Довольный официант ушел, а Катрина продолжила свой рассказ.

Было уже два часа. Краешком глаза она видела рыжие волосы Шарли около бара. Шарли уходила и приходила, вероятно, для того, чтобы встретиться с ней, с Катрипой, в холле. Но у Катрины не было еще никаких результатов, и она оставалась сидеть за столиком, хотя после вина, бренди и нескольких чашек кофе у нее могли возникнуть вполне естественные причины ненадолго выйти.

— Катрина,— произнес Осси, расстегнув манжеты у рубашки, положив локти на стол и подперев подбородок руками,— я должен сказать тебе, что, являясь импресарио Энрико Барзини, я получаю от него нечто святое — это доверие. Это серьезно. Он — один из талантливейших людей в мире, и я очень ценю то, что работаю с ним. А в мою работу входит поддержание его репутации, я должен все время поддерживать ее. Ты понимаешь? Ты не поверишь, в каких только местах ему не предлагали выступать. Ну например... — он повел плечами.— Но Катрина, я должен сказать тебе,

«... в это дело я его не
... А мы даем между
... валь я не могу.

— Да вель о чем
... Мы просто
... Паломы Бланки» как
... приманку, как что-то удив
... телевидения.

— Нехотя он оторвал
... Испанского талан
... нием в голосе.

— Не только испанск
... бы показать это всему
... ление.

На этот раз его глаза
... не удивился, а рассмеялся.

— Дорогая моя Катри
... так просто?! — Его глаза
... Это все чрезвычайно гру
... это действительно велико
... то нужен крупный продю
... это будет мировое предс
... и не представляешь, что

— Майк Томпсон да
... Улыбка сбежала с
... раскрылись.

— Ты знакома с Май
... Шестое чувство под
... «Ему нравится мой смех

Она закрыла лицо ру
... привлекая к себе внима
... — Не глуми,— смея
... Томпсона.

Он сидел, глядя ей
... косясь на вырез.

— Ну да,— кивнул
... у него хорошая ре
... отличных работ.

— Ну и разве
... работу для нас?

Он отвернулся от не
... на сделало ее менее пр
... — Да, привлече
... другое дело.

ка. А Майорка — это Майор-
вать я не могу. Майорские концерты. Так гуско-

Да я тебе говорю! — воскликнула она. Мы действительно используем природные качества «Патомы Единицы» как поддержку, как волшебную приманку, как что-то уникальное, а остальное — дело

— Несмотря на оторванный край от выреза на жакете Иванского? —

— Испанского свидетельства? — спросил он с сомнением в голосе.

— Не только испанского. Мы думаем о том, чтобы показать это всему миру. Двухчасовое представление.

На этот раз его глаза не скользнули к вырезу и он не удивился, а рассмеялся.

— Дорогая моя Катрина, ты что, думаешь, что это так просто?! — Его глаза насмешливо заблестели. — Это все чрезвычайно трудно совместить. Может быть, это действительно великолепная идея, но вам для этого нужен крупный продюсер. Ты говоришь о том, что это будет мировое представление. А где гарантии? Ты и не представляешь, что ставишь на карту..

— Майк Томпсон даст необходимые гарантии. Улыбка, обещающая, что...

Улыбка сбежала с его лица, и глаза широко раскрылись.

— Ты знакома с Майком Томпсоном?

Шестое чувство подсказало ей путь к спасению
«Ему нравится мой смех, так буду смеяться».

Она закрыла лицо руками, сдерживая смех, как бы привлекая к себе внимание всех окружающих.

— Не глупи,— смеялась она.— Все знают Майка Томпсона.

Он сидел, глядя ей прямо в глаза и больше не косясь на вырез.

— Ну да,— кивнул он, почесывая подбородок.— У него хорошая репутация. У него несколько отличных работ.

— Ну и разве он не сделает замечательную работу для нас?

Он отвернулся от нее, как будто обозрение ресторана сделало ее менее привлекательной.

— Да, привлечение Майка Томпсона — это другое дело.

Катрина почувствовала как озноб пробежал у нее по телу

Он снова взглянул на фотографии

— Естественно, когда мы что-то снимаем, мы настаиваем на артистическом подходе к работе.

— Ну конечно,— кивнула она с жаром, готовая согласиться с чем угодно — О чем еще говорить.

Он взял фотографию, которая лежала сверху, поглядел на нее, отложил и взял другую из-под низа.

— А как насчет видеорынка?

— Так ведь он же огромный,— быстро сказала Катрина.— Очень большой. Ты даже не представляешь, как он сейчас разросся.

Он улыбнулся.

— Я знаю, знаю. Знаю, какой он большой. Я хотел сказать, вы рассчитали цифры, которые получатся в случае нашего участия?

— Э-э... да, конечно, еще бы! — Она отчаянно закивала головой, пытаясь не выдать себя.— Все-все уже рассчитано. М-м... мы даже название придумали. Мы... э-э... очень серьезно подумали над названием.

— И что же?

Она сделала паузу, чтобы произвести надлежащий эффект, и решила взглянуть на Шарли. Она обернулась, скрестила пальцы рук и сквозь них стала смотреть назад. Потом повернулась обратно, откашлялась, как будто бы хотела сделать важное сообщение.

Мужчина за соседним столиком отложил нож и вилку и уставился на нее в оба глаза.

Официант замер с кофейником в руках.

Глубоко вздохнув, она прошептала:

— «Барзини в „Паломе Бланке“!» — Она снова повернулась и развела руки в стороны.— «Барзини в „Паломе Бланке!“» — прошептала она, глядя в потолок.

Осси просиял.

— Мне нравится,— сказал он с одобрением, кивнув головой.— Название — на высоте. Звучит сильно. Международный подход.— Он на минуту задумался, потом кивнул снова.— Да,— сказал он,— это название, с которым можно работать.

Никогда еще Катрина так не гордилась собой. Никогда она еще не была такой взволнованной. Она до конца не могла верить в то, что она сейчас делает. Домохозяйка из Хэмпстеда заключает контракт с ве-

личайшим певцом мира «Я сделала это! Я! Не Тодди, а я!» Но вдруг внезапный страх заслонил от нее успех. А вдруг Майк Томпсон скажет «нет» Шарли? Нет, не сейчас, не может быть, когда они уже так продвинулись...

Осси задумчиво присвистнул.

— У меня еще идея, — сказал он, поглаживая подбородок. — Большая компания Си-Ди. Одновременно запись на видео. Мы можем все устроить, опубликовав дату записи и сообщив сведения индивидуальным компаниям видеозаписи. Может быть, в де-ло запустить Энрико, пусть что-нибудь скажет, даст интервью?

— Прекрасная идея, Осси, — сказала Катрина с энтузиазмом, раздираемая волнением и страхом. «О Боже, пожалуйста, пусть Томпсон скажет «да»!

Он выглядел довольным.

— Тебе это нравится?

— Это просто великолепно! — воскликнула Катрина, зная, что дальнейшие переговоры она не может вести без Шарли и поднимаясь на минуточку выйти и собраться с мыслями...

Он кивнул головой и стал тоже вставать из-за стола.

— Теперь я думаю, что нам надо это отпраздновать. Надо же наградить себя чем-нибудь за такой упорный труд. А детали оставим...

— А я люблю детали. В деталях весь смысл. Мы не должны отбрасывать детали.

— Катрина, — нежно побранил он ее.

Она улыбнулась ему.

— Ты никогда не перестанешь пытаться завоевать меня, а?

— Ты меня уже лишаешь удовольствия ухаживать? — спросил он весело.

— Сможем ли мы быть друзьями, если ты меня не понимаешь?

Он бросил на нее взгляд, полный упрека.

— Это об этом ты думаешь?

Она покачала головой.

— Ни минуты не думала. Ты — слишком большой человек, чтобы так поступить.

Он рассмеялся и поднял свою чашку с кофе, как бокал.

— За твое хорошее мнение обо мне.

Ей захотелось расцеловать его.

— Я на минуточку, — сказала она. — Допивай пока кофе и посмотри еще фотографии. — Пока она пересекала зал, она повернулась к Шарли, которая сидела в баре. Чтобы не выдать себя, она поспешила в холл. Она повернула налево, пролетела по коридору и подошла к туалетной комнате. Едва она закрыла дверь, как она открылась снова, и туда ворвалась Шарли.

— Ну? — спросила она на одном дыхании. — Как?

— Ты говорила с Майком Томпсоном?

— Майку понравилось. — Шарли прыгала на одном месте от волнения. — Особенно насчет выгод видеорынка. Он говорит, это грандиозно!

— Грандиозно?

— Рынок просто огромный!

— Ну да, — сказала Катрина, легко зардевшись от успеха. — Мы покроем видеорынок. Я уже заручилась участием Осси...

— Заручилась участием... — Шарли не могла справиться с удивлением, потом широко открыла глаза и расхохоталась. — Участием? Ах ты! Ну, так я полагаю, обед был успешным.

— Еще один час, — и могли бы быть неожиданности.

— Так он хочет сделать это?

Глядя на себя в зеркало, Катрина фыркнула.

— Ты посылаешь меня сюда в таком виде и потом задаешь такой вопрос?

Не удержавшись, Шарли снова запрыгала на одном месте.

— Мы их поймали! — Схватив Катрину за руку, она сказала: — Я ужинаю с Майком, но основные вопросы мы уже обсудили. Я полчаса с ним проговорила. Он без ума от нашего проекта.

Катрина сияла от собственного успеха. Впервые в жизни она начала понимать своего отца. Она вспомнила, как однажды ребенком она сидела дома, ее мать плакала от страха перед бейлифами. Ее отец только что вошел, полный энтузиазма.

— Не волнуйся, все будет хорошо, — закричал он, вне себя от радости. — Я только что провернул это замечательное дельце!

И вот сейчас, когда
он и по тебе...
Шарли сказала...
— Я думаю, с Осси...
можете сделать. Как...
И вдруг все стало на...
того, что она бу...
— А если мы последуем...
Там мы сможем все...
может, мы все это и со...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бармен прогирал бока
посетителями. Маленький
не ушел. Он был тут у
в дальнем уголке бара. Т
про себя, как будто спо
выглядел довольно безо
опасным, но после трех
мен перестал доверять
месяцев десять назад,
забралась в самолет, на
попала, Бог ее знает, и
возникли черт знает как
тоже пила что-то в бар
совершенно безобидной.
Погруженный в собо
чал, что привлекает к с
сбросить парадную маск
уверять в чем-то, не д
в Катрину, Шарли или
полностью отдаться св
он вот-вот и собирался
был в таком состоянии
ему на Майорке, верну
в Париж.
Когда он встречал
му она прилетает. Вчер
Хэнк сказал ему:

И вот она... в руке битье, во рту, пере-
сохшая и... она начала понимать
его интуитивно.

Шарли сказала:

— Я думаю, самым разумным шагом будет свести их
вместе с Осси. Они оба готовы к встрече. Когда мы это
сможем сделать, как ты полагаешь?

И вдруг все стало на место. Катрина теперь знала
точно, что она будет делать в следующие часы. Соби-
раться. Ее голос зазвучал от волнения:

— А если мы поедem с тобой? В Джерси. Я и Осси.
Там мы сможем все вместе поужинать. Так, быть
может, мы все это и совместим?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бармен протирает бокалы, краем глаза наблюдая за
посетителями. Маленький толстый англичанин все еще
не ушел. Он был тут уже час и пил «Сап-Мигуэлс»
в дальнем уголке бара. То и дело он что-то бормотал
про себя, как будто споря сам с собою. Он, правда,
выглядел довольно безобидным, не сумасшедшим и не
опасным, но после трех лет работы в аэропорту бар-
мен перестал доверять человеческой внешности. Вот,
месяцев десять назад, психически больная женщина
забралась в самолет, на рейс 707. Уж как она туда
попала, Бог ее знает, но, когда это обнаружилось,
возникли черт знает какие неприятности. А ведь она
тоже пила что-то в баре перед полетом и выглядела
совершенно безобидной.

Погруженный в собственные мысли, Тодд не заме-
чал, что привлекает к себе внимание. Сейчас он мог
сбросить парадную маску — он не должен был кого-то
уверять в чем-то, не должен был вселять мужество
в Катрину, Шарли или Хэнка. В одиночестве он мог
полностью отдаться своим мыслям и неудачам. Что
он вот-вот и собирался сделать. К слову сказать, он
был в таком состоянии, что даже не знал, остаться ли
ему на Майорке, вернуться ли в Лондон или полететь
в Париж.

Когда он встречал Катрину, он даже не знал, поче-
му она прилетает. Вчера, когда он прибыл на Майорку,
Хэнк сказал ему:

— Звонила Катрина. Она не будет ночевать дома сегодня. Она сказала, чтобы ты не беспокоился.

А он и не беспокоился, он был слишком занят мыслями о Хэнке. Он решил, что Катрина договорилась с Софи или Глорией, чтобы переночевать у них. Он только о Хэнке и волновался.

Тодд поднял свой пустой бокал и постучал по стойке.

Подошел бармен.

— Senor?

— Еще раз, то же самое.

Даже когда он ложился спать, он все еще беспокоился о Хэнке. Ну и вечерок! Я бы его убил, если бы он появился с такой новостью. Только Хэнк и был у него в голове, и он совсем не думал о Катрине. Звонок Шарли сегодняшним утром был для него как гром с ясного неба. Он был в душе, когда внезапно зазвонил телефон; разбрызгав воду по всему номеру, он подошел и взял трубку.

— Что? — закричал он в тревоге. — Она с тобой в Джерси? Но зачем?

Но Шарли ему не рассказала подробностей. К сожалению, она сама очень спешит, а Катрина уже на пути в аэропорт Джерси, а потом в Гетвик, а потом в Палму.

Его сердце екнуло.

— Ты ведь не рассказала ничего Бобу...

— Нет, нет, речь не об этом. Катрина тебе объяснит. Она постарается попасть на рейс, который прибывает сюда в шесть вечера. Ну, все, я уже не могу с тобой говорить, я опаздываю, но новости хорошие. Не волнуйся.

Хорошие новости. Для него уже не существовало хороших новостей. Карьера не было на Майорке. На всем острове его не было. Он был в Мадриде или в Севилье, у него в конторе не были точно уверены, где, но с ним нельзя было связаться до среды, где бы он ни был.

А ведь уже прошло два дня. Два из тех двух недель, которые дал ему Морони. Два дня — и у него до сих пор нет нужной бумажки. Он даже и не намеревался просить кого-нибудь об этом. На сегодня он планировал роскошный обед, предварительные переговоры, обсуждение цены, составление меморандума о намере-

ния. Он представил...
Карьера то-то... он...
Карьера не будет на М...
Когда он достал...
ниво, его взгляды на...
все там же, целая и не...
«Альсруер, Вормак и...
ющему на строительство...
передал ему. Глядя на...
большого пальца. «...
мистер Рус, это что...
Зачем вы там были? Д...
И еще были разн...
офис в каждой европе...
в Париже, он получил...
позвонил в Лондон, в...
день-другой, но что в...
концов, придя в ужас...
нил в Париж, погово...
свои собственные ном...
Теперь он не был у...
до среды, чтобы уви...
нуться в Лондон и в...
Руса. Ему следовало...
в «Тодд Моторс» бы...
ужасно. А еще хуже...
которых из своего инт...
и проворачивали сво...
машинами. Ему над...
ющего, такого, кому...
«А вот что мне с...
себе сердно, — это...
должна быть!» В...
рвало его мысли. С...
прибыл самолет из...
чку обратно в бум...
скажет Катрине. Ч...
Ведь она, конечно...
Софи? Конечно, о...
ваться дома одна...
в Джерси? Конечно, он и...
ли и Катрина при...
замечательно. Бы...

ниях. Он представлял, что он будет говорить то-то... а Карьер то-то... он только не ожидал одного — что Карьера не будет на Майорке.

Когда он достал бумажник, чтобы заплатить за пиво, его взгляд упал на визитную карточку. Она была все там же, нечаянная и невредимая. Филипп Рус. Партнер. «Альсруер, Вормак и Рус». Рус оставил это управляющему на строительстве, он отдал ее Хэнку, а Хэнк передал ему. Глядя на нее, он постучал по ней ногтем большого пальца. «Что я хотел бы знать, чертов мистер Рус, это что вы делали у нас на строительстве? Зачем вы там были? У нас, наверное, есть покупатель...»

И еще были разочарования. У Руса, казалось, был офис в каждой европейской стране. Позвонив в офис в Париже, он получил уверения, что Рус в Лондоне. Он позвонил в Лондон, и там сказали, что Рус уехал на день-другой, но что в понедельник вернется. В конце концов, придя в ужасное настроение, он снова позвонил в Париж, поговорил с секретарем Руса и дал ей свои собственные номера на Майорке и в Лондоне.

Теперь он не был уверен, остаться ли здесь и ждать до среды, чтобы увидеться с Карьером, или же вернуться в Лондон и попытаться оттуда дозвониться до Руса. Ему следовало бы вернуться в Лондон. У него в «Тодд Моторс» были еще дела. И срочные. Дела шли ужасно. А еще хуже было то, что он подозревал некоторых из своего штата в том, что они надували его и проворачивали свои собственные дела, торгуя его машинами. Ему надо было нанять другого управляющего, такого, кому бы он смог доверять...

«А вот что мне совсем не нужно, — сказал он сам себе сердито, — это отсутствие Катрины там, где она должна быть!» Внезапное пощелкивание табло прервало его мысли. Он поднял голову и увидел, что прибыл самолет из Хитроу. Пора! Он положил карточку обратно в бумажник и стал думать о том, что он скажет Катрине. Что она там *делала* вместе с Шарли? Ведь она, конечно, могла переночевать у Глории или Софи? Конечно, он мог понять, что ей страшно оставаться дома одной, но зачем для этого отправляться в Джерси?

Конечно, он испытал облегчение, увидев, что Шарли и Катрина привязались друг к другу. Это было замечательно. Было здорово, что они вот так обща-

лись друг с другом, и он был рад этому, но чтобы они стали друзьями... Бабья болтовня. Да, да, да. И вот она узнает о той ночи в Регби, и будут такие проблемы... Только этого мне не хватает. Как будто у меня своих забот не хватает...

— Чего я не могу понять, — ворчал он, ведя джип Хэнка из аэропорта к парковке, — так это что ты делала в Джерси?

— А Шарли разве не сказала тебе?

Он сердито фыркнул.

— Она сказала, что ты объяснишь, когда приедешь. Спасибо тебе большое!

Она откинулась немного в сторону и рассматривала его лицо. Полуденное солнце четко освещало каждую его черточку, и было очевидно, что он очень встревожен.

— Ты, я смотрю, не очень рад, что я приехала.

— Конечно, я рад. Просто...

— Ой! — вскрикнула она, когда джип подпрыгнул на ухабе. — Хорошо бы Хэнк купил более благородную машину.

— Он будет до чертиков рад, если сумеет сохранить эту.

Она бросила на него пронизательный взгляд.

— Как все прошло вчера вечером?

Он даже застонал, вспомнив все снова.

— И не спрашивай, — произнес он с горечью. — Знаешь, что самое худшее? Я все это вывалил на него, сказал, что придется последнюю рубашку продать, что у нас даже ночного горшка не останется...

— Но ты рассказал ему про Морони?

— Конечно.

— И что?

— Это было самым тяжелым ударом. Первое, о чем он спросил, это о нашей безопасности. О тебе и обо мне. Потом он начал беспокоиться о Шарли. Он был таким до черта благородным... — Тодд переглотнул и покачал головой. — Я бы из штанов выпрыгнул на его месте, а он... Неудивительно, он ведь был капитаном. Он сохраняет спокойствие при любом шторме, я в этом уверен. Он даже ни в чем не обвинял меня. Нет. Конечно, он был в ужасе. Ну, ты можешь

прежде... До утра расстроен и огорчен До чер-
тиков...

Хэнк... Она не могла смотреть вперед, она увиде-
ла, как... Присмотревшись к его лицу.

Глубоко вздохнув, он сказал:

— Я обещал ему, что если вдруг каким-то чудом
мы получим больше пятнадцати миллионов, они —
его. Ты знаешь, я поклялся тобой и собой. — Как будто
испугавшись, что она будет ворчать, он взглянул на
нее, извиняясь. — Прости, но я должен был это сде-
лать. Это только справедливо.

— Конечно, я все понимаю.

Он вздохнул с облегчением.

— Хэнк согласился насчет продажи. У нас нет дру-
гого выхода, черт побери. — Сосредоточившись на
том, чтобы проскочить через пробки, возникшие в час
пик, он на минуту замолчал. Потом сказал с горе-
чью. — Я ведь знал, что наделал много ошибок, но
насчет Хэнка я был прав. Нет и не будет партнера
лучше.

«А я не поняла его», — подумала она, чувствуя
благодарность к Хэнку за его понимание. Вслух же она
сказала:

— Ты не делал никаких ошибок. Ты пытался зара-
ботать деньги, вот и все.

Он почувствовал к ней сердечную теплоту за ее
понимание и поддержку, и все-таки он был слегка
озадачен. Он был в отчаянии, на грани нервного срыва,
но в ней не было и тени волнения. Даже наоборот.
Заинтригованный, он снова бросил на нее взгляд. Она
была одета в рубашку и джинсы, рукава свитера, на-
брошенного на плечи, были завязаны узлом на груди,
и она выглядела прекрасно. Она была очень привлека-
тельной. Из аэропорта она шла, смеясь и болтая с мо-
лодым парнем лет двадцати. Она почти флиртовала
с ним...

— О, послушай, — вдруг сказала она, показывая на
«Клуб Наутико». — Это лодка Томми Гослинга?

Чуть замедлив движение, он посмотрел в том
направлении, которое она показывала. Да, это была
яхта Гослинга, но тут кое-что другое привлекло его
внимание.

— Черт возьми, ты лифчик не надела!

— Очень жарко.

Он остановился на красный свет и стал внимательно ее разглядывать.

— Что с тобой случилось? — нахмурился он. — Ты так ведешь себя... ты совсем другая. Такая... странная.

Она рассмеялась, ее смех был совсем беззаботным.

— Это потому, что я без лифчика? Ты иногда такой смешной. Тем не менее, я думаю, что в будущем не буду такой запудрой. В конце концов, Шарли всегда без лифчика ходит, правда?

Пытаясь избежать ее взгляда, он повернул голову и стал следить за светофором. Упрямо, как бы защищаясь, он произнес:

— Ты ведь не должна делать все так же, как Шарли.

— Но ведь я не знаю, что она делает, так?

Он умолял светофор загореться зеленым светом. В ее голосе было подозрительное спокойствие, которое его тревожило. Он вспомнил, как часто она его таким образом обманывала. По опыту он знал, что ее тон может резко меняться. Он стал держать ушки на макушке. Он начал искать другую тему разговора и напряженно смотрел вперед.

— Наверное, светофор сломался, — раздраженно сказал он. — Как всегда!

Он чувствовал, что жена смотрит на него, и очень нервничал. Он даже начал тревожиться. «О чем, черт возьми, она говорила с Шарли?» Он чувствовал, как жар бросился ему в лицо. «Эти чертовы светофоры здесь на этом отрезке дороги всегда такие. Всегда так долго, каждый раз! Жизнью своей клянусь, что...»

— А, наконец-то! — воскликнул он, когда загорелся зеленый свет. Он убрал ногу с тормоза, переключил скорость и дал газ. «О черт!»

Шофер сзади засигналил.

Он повернулся и погрозил ему кулаком.

— А ты заткнись! — закричал он зло, готовый выпрыгнуть из джипа и драться. Но он увидел, что сзади ехала фигура в монашеском одеянии, повернулся и снова завел мотор.

— Видела? Чертова монашка! Куда она торопится?

Когда мотор заработал, он снова дал газ и устремился вперед:

— У нее что, свидание с Богом?

— У тебя ужасное настроение.

— Да, конечно. У меня
жена ожидает. Моей жене
жена дышит мне в спину.
— Я не шучу. — Закр
— Но зачем? — Закр
— Вот что я
Говорят, что перед
пролетает перет глазами
и с Тоддом. В те дни
ворвался в его дом, он
в салоне самолета, пок
Паму, — и для него ка
ющие люди. Он был
думал и думал... но бо
Конечно, масса раз
ла в его мозгу. Он ви
он воображал себя с
Морони, а не Морони
работает в полиции
Но это все было фан
жизни, по крайней ме
пистолет? Он никогда
Он не был Джеймсом
маленьким толстячком
же в полицию нельзя
и не загремев в тюрьму

За два дня он в у
дежных сценариев.

Другие мысли то
поминания — напри
протиз «Паломы Б
конечных спорах с
нет. Теперь он виде
чур жадным. До это
семь лет, потом
Семь лет тяжеле
Все время — рас
мы, рост прибили
ради... Сумасшедш
Он винил себя
не «Сантурз», не
рынка. Он даже
Альдо Морони.

— Да, конечно, у меня ужасное настроение! А ты чего ожидала? Моя жизнь полностью разрушена! Морони дышит мне в спину! Да я взорваться готов! Моя жена черт-те где шляется...

— Я не шлялась, а летала в Джерси.

— Но зачем? — закричал он, кидая на нее свирепый взгляд. — Вот что я хочу знать! Зачем?!

Говорят, что перед смертью у человека вся жизнь пролетает перед глазами. Почти то же самое случилось и с Тоддом. В те два дня с того момента, как Морони ворвался в его дом, он думал о многом — пока был в салоне самолета, пока ждал в Барселоне рейса на Палму, — и для него как бы не существовали окружающие люди. Он был наедине со своими мыслями. Он думал и думал... но больше всего об Альдо Морони.

Конечно, масса разных сумасшедших сцен пробежала в его мозгу. Он видел, как он ставит ему ловушку, он воображал себя с пистолетом в руках, угрожал Морони, а не Морони ему. Он даже видел, как он работает в полиции и арестовывает своего врага. Но это все было фантастикой, далекой от реальной жизни, по крайней мере его жизни. Где он возьмет пистолет? Он никогда в жизни не стрелял из пистолета. Он не был Джеймсом Бондом, он был всего лишь маленьким толстячком, продававшим машины. И даже в полицию нельзя было пойти, не предав Шарли и не загремев в тюрьму.

За два дня он в ужасе перебрал множество безнадежных сценариев.

Другие мысли тоже приходили ему на ум, воспоминания — например, о том, что Катрина была против «Паломы Бланки» с самого начала, и о бесконечных спорах с Мэни. Да, они были правы, а он нет. Теперь он видел это слишком ясно. Он был чересчур жадным. *До этого ты был во главе «Тодд Моторс» семь лет, потом Сэм дал тебе шанс купить Оуэнс. Семь лет тяжелейшей работы. Годы труда потом. Все время — расширения. Стабильное положение фирмы, рост прибыли. А потом ты все поставил на карту ради... Сумасшедший!*

Он винил себя за то, что оказался в этом дерьме — не «Сантурз», не свое невезение, не ужасное состояние рынка. Он даже не винил — если быть честным — Альдо Морони. Он ведь с самого начала знал, что

представлял из себя Морони. Лео предупреждал меня. Кроме того, я все понял тогда на этой встрече в Риме... в душе я всегда знал...

Единственное, за что он действительно ненавидел Морони — это за то, что он втянул в это Катрину. Никогда! Никогда больше этого не будет, в следующий раз она будет в безопасности. В следующий раз все будет по-другому.

А в том, что будет еще и следующий раз, он ни чуточки не сомневался.

Он довел себя до истерики, все время думая об этом. Он все искал выход, словно зверь, попавший в ловушку. Но одновременно с этой agonией он чувствовал, что все примет. Пусть лучше будет слабая, неверная надежда. Мысль о том, что придется продать «Палому Бланку», больше не мучила его. После двух дней он понял, что может примириться с этой мыслью. Его боль стала тупой, утихла.

Единственное честолюбивое желание в отношении «Паломы Бланки», которое у него осталось, — цена. Очень хорошо с презрением относиться к цене в девять миллионов, предложенной Карьером, и он чувствовал это презрение, но на сколько может повысить цену Карьер? На сколько больше даст Рус? Как сказала Шарли, девять и пятнадцать — две большие разницы. Даже пятнадцать было недостаточно. Пятнадцать хватит на то, чтобы заплатить Морони и спасти их с Шарли от тюрьмы, но пятнадцать все равно оставит их с Хэнком без куска хлеба.

И вот осталось только двенадцать дней до возвращения Морони...

Вот такими были его мысли. Тяжелые мысли, нерешительность в заключениях, колебания, испуг вместо храбрости.

И вот Катрина привезла эту новость.

— Я просто не могу в это поверить, — говорил он. — Расскажи-ка еще раз.

Она рассказала ему сразу же, как только они приехали на виллу. Она повела его на террасу, взглянула на любимую ею гавань, глубоко вздохнула и начала быстро говорить. Было семь часов вечера. Час спустя они все еще были на террасе, и он был еще не в себе,

все это было для него мило. Он не был любителем оперы, он не был любителем музыки. Он был гитаристом, но у него был немзыкальный. Что именно не было чувством ритма. Он даже не мог запомнить ни одной мелодии. Впрочем, он слышал об Эндерико Барзини. И, конечно, он знал, что такое телевидение.

— Сколько стран? — все спрашивал он, уже заранее зная ее ответ, но хотел, чтобы она послушала, что скажет он, словно, если бы он сказал это сам, он поверил бы в это.

— Девять, десять, может быть, больше, включая Штаты и Японию!

У него на сердце просветлело, он стал надеяться и был очень взволнован. Вопросы так и слетали с его губ.

— Так насколько велик видеорынок? Что сказал этот австралиец про компакт-диски?

Последний вопрос ее немного озадачил.

— Какой австралиец?

— Этот «Асси».

Ее лицо прояснилось.

— Не «Асси», а Осси. Он не австралиец.

— Какое-то странное имечко.

Ее глаза засветились, когда она увидела, как похожи все мужчины в ее жизни.

— Я думаю, что это сокращенное от Освальд или что-либо в этом духе, — сказала она с легкостью. — Может быть, ему не нравится имя, данное при крещении.

Его настроение немножко испортилось. Ему было скучно все это слушать, он предпочел бы, чтобы она рассказала еще раз, как она видит сам концерт — со сценой над водой, с горящими фонарями на горных склонах, артисты, освещенные софитами, и над всем этим — волшебный голос Барзини в волшебной ночи.

— Великолепно, — все говорил он. — Просто великолепно!

Как раз это он говорил, когда в ворота позвонили.

Катрина подняла руку:

— Ш-ш! Послушай-ка!

— Это Хэнк! — крикнул он, спрыгивая со стула. — Подожди, что он скажет, когда узнает!

До этого он дрожал при мысли о том, что может приехать Хэнк. Он воображал себе еще одни «поминки». Новость Катрины вернула его к жизни и вытеснила все другие мысли из головы. Сейчас он бросился бегом по тропинке, распахнул калитку и схватил Хэнка за руку.

— Хэнк! Ты не поверишь... — он остановился и отпрянул, на секунду онемев от испуга.

В свете фонаря Хэнк казался каким-то потрепанным и опустившимся — в основном не из-за одежды, а потому, что у него был вид неудачника. Он был одет в какую-то робу моряка, свитер, блейзер и хлопчатобумажные брюки, но в основном тревога и отчаяние на его лице делало его таким. Он был просто серым от этой тревоги. Тодд был в ужасе. Он понял, что прошлым вечером Хэнк проявил профессиональное мужество шкипера, ведущего яхту по штормовому морю. Сейчас он выглядел человеком, скорбевшим целый день по разрушенной жизни.

Тодд преградил ему дорогу. Крепко схватив его за руку, он потащил его на террасу, по дороге почти крича: «Скорее иди к Катрине!» Как только он дошел до террасы, все трое начали говорить разом — Хэнк с участием о происшествии с Катриной, взяв ее руки в свои, говоря о том, как он рад видеть ее целой и невредимой, Катрина — пытаясь убедить его в том, что она действительно цела и невредима, а Тодд — подпрыгивая на одном месте, желая скорее завершить всякие приветствия и перейти к делу.

— Садись ты наконец, — все время повторял он. — Садись, Хэнк. Давай я принесу тебе выпить. У Катрины потрясающие новости.

Наконец он устремился в бар, вернулся и чуть ли не силой усадил Хэнка в кресло.

— Вот, — сказал он, подавая ему кружку с пивом. — Давай, послушай Катрину.

После этого он заставил ее объяснять все снова, и пока она говорила, он ходил взад и вперед по террасе и так волновался, что то и дело перебивал ее рассказ своими замечаниями.

— Ох, Тодди, перестань наконец перебивать! — воскликнула она. — Кто будет рассказывать, ты или я?

Удивленный таким волнением, Хэнк смотрел то на него, то на нее, пытаясь ухватить суть довольно

сумбурного рассказа, который ему пытались подать с двух сторон.

— Да вы помедитируйте, — наконец взмолился он. — По очереди, пока не уста.

Катрина вытаращила на одном дыхании:

— Мы говорим о том, чтобы вовлечь в эту передпачу миллионную аудиторию. А у видеокассет и компакт-дисков будет то же название, что и у шоу: *Барзини в „Паломе Блэке“*. Вот в чем трюк! Поставить его имя в названии. Понимаете?

Хэнк окончательно смущался.

— Подождите минутку, — возразил он. — Откуда вдруг внезапно съехались к нам эти парни?

Чтобы защититься от прохладного вечера, Катрина натянула свитер. Она так увлеклась разговором, что до сих пор была в том же, в чем приехала. Она счастливо улыбнулась. Уже ответив до этого на вопрос, она хорошо подготовилась к ответу.

— Шарли знала уже Майка, они встречались на Джерси, — сказала она сквозь свитер. Просунув голову в воротник, она продолжала: — А Софи встречалась в Бродлэндзе с Осси. Ну и я тоже его немножко знаю, конечно... — она замахала рукой, пытаясь попасть в рукав. — Ну, ты знаешь, Софи легко знакомится с людьми.

«Да, а вот я этого не знаю», — подумал Тодд немного сердито, но, получив уже замечание за то, что все время перебивает, молчал, разрываясь между радостью от замешательства Хэнка и наблюдая за поведением Катрины. Ему все время приходилось напоминать себе, что эта женщина — его жена. Конечно, он знал, что она очень талантлива. Он никогда и не думал, что она глупая. Она очень аккуратно обращалась с бумагами, четко помнила, у кого какие торжественные события и дни рождения, записывала всю информацию по телефону, прекрасно создавала комфорт в домашней жизни... но слушать ее сейчас было для него каким-то открытием, как будто это говорил кто-то еще, кто-то, может быть, не совсем ему знакомый, но в то же время не совсем Катрина.

— ...Майк говорит, что предварительно снимет Энрико гуляющим по пляжу, чтобы показать горные склоны и архитектуру Дона Антонио, это, конечно,

днем, и я еще подумала о том, что... нарочку видов с моря...

И вдруг он задрожал. Он понял, что она ему напоминала, знакомый наклон головы и так же размахивает руками... «Все эти годы...» подумал он, вне себя от удивления. — И я это увижу впервые. Все-таки она дочь своего отца. Лео гордился бы ею. Интересно, а что бы она сделала, если бы я сказал ей это?»

— ...Майк уверен, что он сможет сделать показ по телевидению живым эфиром в Европу, — продолжала Катрина. — Он уверен, что в Великобритании это поймут, и в Италии, конечно, и в Испании. Да, и во Франции, чуть не забыла.

Тодд подумал: «У нее такой голос, как будто...» — он подбирал правильное слово, — она очень уверена в себе». Она была взволнована, она была такой живой, и все это привлекало внимание к ее словам.

Хэнк только головой качал, пока все это слушал. Тревога сбежала с его лица, но он все еще выглядел озадаченным.

— Ну и что в результате? — спросил он, не очень понимая, куда она клонит. — Что мы-то с этого будем иметь? Телевидение и видео...

— Ну, Хэнк! — Катрина поглядела на него с упреком. — Конечно, мы с этого не будем иметь ничего. Это их выгода в этом деле. Очевидно, что они хотят получить с этого дела большую прибыль, но при этом они сами и рискуют. Ведь у них тоже огромные затраты. Я не говорю уж об оркестре и артистах, Осси хочет еще привезти сюда хор и черт знает что еще. Конечно, мы получим деньги, чтобы покрыть наши расходы, но самое важное — это наша будущая огромная известность.

— Огромная, — согласился Тодд, кивнув головой. — Вот в этом-то все и дело, Хэнк. «Паломы Бланка» покроет все это. Мы думали, что «Золотой кубок» создаст ей имя, но это окупает...

— Да это окупает все, — перебила Катрина. — Все. Это сделает «Палому Бланку» лучшим и известнейшим отелем для туристов всего мира.

На секунду Тодд и Катрина замолчали, как будто сразу и одновременно иссякли. Каждый был так же взволнован, как и его партнер, они обменялись взглядами и взглянули на Хэнка, ожидая его реакции, но тот

с минуту не мог сказать ничего. Он крутил в руках бокал с пивом и почесывал подбородок. Он не смотрел на них, он смотрел на море. У него был взгляд человека, который надеется, что хорошая новость окажется обманом или роздрышем.

Тодд пошел в бар, чтобы принести еще пива. Он выпрямился, обернулся и увидел огни в гавани. В море светились огни чьей-то яхты, спешившей в порт. Он усмехнулся про себя: «Может быть, это плывет накопец моя лодка?»

Хэнк оторвал взгляд от моря и посмотрел на Тодда, который вернулся с бокалами пива в руках.

— Ну это уже что-то, да? — пробормотал он тихо. — Создать известнейший курорт в мире. Я имею в виду, даже если преувеличением будет сказать, что это лучший курорт в мире, он окажется одним из таких курортов.

В его голосе слышался сарказм.

Тодд знал, о чем он думает. Было тяжело расставаться с мечтой, которая вдруг становилась реальностью. Он и сам почувствовал спазм в сердце. Он понял его иронию, но не расстроился. Он отодвинул стул.

— Это дает мне кое-какие карты в руки, Хэнк, — сказал он, снова садясь. — И козырные. Представь, что я смогу сделать с Карьером и этим другим парнем. Только о них подумай, ни о чем другом. Теперь я смогу продать известнейшее место. С мировым именем! Успех гарантирован! Гостиницы действуют тридцать-сорок лет, чтобы заработать известность. А у нас это получится за один день!

— Но когда все это произойдет?

— В феврале.

— В феврале?

— В конце февраля, — поспешно сказала Катрина. — Это единственно возможное время для Барзини. Ты должен посмотреть его заявки. Осси показал мне его расписание. Некоторые месяцы у него расписаны на годы вперед...

— А как насчет Морони? — воскликнул Хэнк, глядя на Тодда. — У тебя срок только до семнадцатого...

— Но ведь мне надо только показать письмо, — усмехнулся Тодд. — Это все, что ему нужно. Подождет до весны с деньгами. Нам нужно предложение

Карьера, но мы ведь не обязаны принимать его, правда? Никто не принимает первое же предложение, а представь проценты, которые набегут с этого дела. На экранах всего мира! Все, кто видит «Палому Бланку», с первого взгляда влюбляются в нее. Мы с тобой это знаем, правда? Это наша козырная карта. Так ее увидят миллионы! «Паломы Бланка» будет уже курортом с твердой репутацией еще до открытия.

Хэнк ответил слабой улыбкой.

— Я понял. И потом мы продадим ее?

— Правильно. В марте. А ты как думаешь?

— Колоссально, — его улыбка перешла в усмешку. — Феноменально. Аж дух захватывает.

Тодд почти сиял. Откинувшись в своем кресле, он поцеловал Катрину в щеку, потом спрыгнул и пошел в гостиную, вернувшись оттуда с сигарой.

— Подожди минутку, — сказал Хэнк, нахмурившись и покачав головой. — Ты собираешься рассказать Карьеру об этом аукционе?

— А почему бы нет? — спросил весело Тодд.

— А вдруг он с этим не согласится? И попадешь опять в ситуацию. Морони нужно письменное предложение...

— Мы дадим Карьеру некоторые преимущества. Я не прошу у него что-то за просто так, — сказал Тодд все так же весело, выпустив облачко голубого дыма. — Мы ему честно расскажем об аукционе, но дадим ему исключительные права. Он дает нам письменное предложение сейчас, а взамен получает право давать любые цены на аукционе. Это ставит его в преимущественное положение. Он может просто сидеть на аукционе, зная, что, как бы ни повысилась цена, он может повысить ее на пять процентов и получить «Палому Бланку». Это его полностью успокоит.

Хэнк налил себе еще пива в кружку и поставил бутылку под стол.

Чувствуя, что он с ним не согласен, Тодд посмотрел на него.

— Что тебя беспокоит?

— На первый взгляд, ничего особенного. Это только справедливо будет, поступить с ним таким образом, я так думаю, но Карьеру это не понравится. Он будет до ужаса испуган аукционом.

— И что? Если этот жадный негодяй сделает нам

сейчас соответствующее — благородное — предложение. Тогда никакого аукциона не будет. Он может купить это место сейчас по нормальной цене. А может остаться на своей позиции в девять миллионов и занять преимущественную позицию на аукционе. Пусть выбирает. Я думаю, что для него это замечательная сделка, — усмехнулся Тодд. — А кроме того, у нас есть еще другой парень, Рус. У него есть связи с крутыми мужиками. Представь, как они среагируют на наше телевизионное шоу? — Он широко раскинул руки, словно хотел обнять весь мир. — Это просто невероятно, Хэнк. Я думал, что мы без последней рубашки останемся, а мы можем еще какую-то прибыль получить.

Хэнк уставился в ночное небо, словно ища там Бога. Он даже сложил руки вместе, словно собирался молиться.

Чувствуя облегчение оттого, что тревога ушла с лица Хэнка, Тодд все еще ощущал свою вину из-за того, что вызвал эту тревогу. Поежившись в своем кресле, он начал:

— Я знаю, что это значит для тебя, Хэнк. Скажем прямо, я знаю, что «Палома Бланка» — это твоё детище. Ты нашел это место, ты даже купил его еще до того, как мы стали партнерами. Потом ты нашел настоящего архитектора и трудился вместе со строителями. Ни одно решение на строительстве не принималось без твоего участия!

— Но это была моя сторона контракта. Мои обязательства...

— И ты это сделал как надо. «Палома Бланка» действительно твоё творение. Поэтому я могу понять...

— Постой, — Хэнк протестующе поднял руки. — Я разве когда-нибудь говорил, что хочу владеть отелем всю свою жизнь? Мы ведь всегда собирались продать его, верно? Достроить его и продать. В этом ведь и состояла наша идея? Так сейчас мы одним ударом покончим со всем.

Тодд посмотрел на него с удивлением. Они часами говорили о том, как построят «Палому Бланку», откроют ее, будут финансировать, но, насколько он помнил, они никогда не говорили о том, сколько времени они будут владеть ею.

— Я хочу сказать тебе, — усмехнулся Хэнк, не своей обычной усмешкой, но все-таки усмехнулся. —

Я получал удовольствие, организуя здесь строительство. Правда. Но я не хотел владеть гостиницей. Я и так уже устал от своего ресторана, я бы и от огня устал. Я хочу, чтобы все развивалось, было в процессе, не стояло на месте. Вчера вечером один парень в ресторане предлагал мне одно местечко на Сейшелах, которое может быть очень дешевым...

— Бог мой! Ты еще раз хочешь пройти через это? — Тодд откинулся на кресле в изумлении. Тебе нравится делать это?!

Не отвечая, Хэнк встал, пошел в бар, пригнал оттуда табуретку, похлопал по карману в поисках сигарет, вытащил одну и закурил. Потом он сел на табуретку и повернулся к ним лицом. Что-то в его лице снова обеспокоило Тодда. Усмешка исчезла с его лица, и на нем появилось то же самое выражение неудачника, которое было у него, когда он пришел к ним. Когда он посмотрел на Тодда, тот отвел взгляд в сторону, как будто избегая смотреть ему в глаза.

— Я должен тебе сказать кое-что, — начал он. — Я собирался тебе сказать, как только пришел, но вы мне не дали.

Инстинктивно Тодд испугался того, что может произойти. Ему захотелось напомнить Хэнку об этой хорошей новости, снова возратить атмосферу надежды и оптимизма, но он молчал, вздрагивая от возможности новой катастрофы.

— Ну что? — спросил он его со страхом.

— ...правда в том, что я весь день чувствую себя виноватым.

— Ты? Ты чувствуешь себя виноватым? Хэнк кивнул.

— Понимаешь, я всегда полагал, что смогу сделать это. Ты знаешь, найти место, нанять архитектора, работать со строителями и создать развивающееся дело — это мой конек. Это было нечто, в чем я всегда считал себя специалистом...

— Ты и есть специалист, — перебил его Тодд. — Ты доказал это.

— Но ты не знаешь, что я обсуждал дело с несколькими парнями, прежде чем заключил контракт с тобой. — Избегая взгляда Тодда, он начал искать пепельницу и увидел ее в баре, встал, принес ее и поставил рядом с собой. Когда он снова сел, то сказал: —

Лучший процент от сего-
днати. И я сказал: хрен
сего, мне нужно пятьдесят
как ты и сказал, я заключил
тебя и все остальное. М
Первый раз за все время
в глаза. — Деньги всегда
Я это знал еще до того,
втянул тебя в это. Я все
и скажешь, что единствен
это созвать консорциум
что-то понимал в зар
вот... — он пожал плеч
связался с теми людьми
смотрел на Катрину с пр
прощении. — Если ког
в котором мы оказались
таким жадным. Если бы
процентах, все было бы

Тодд был слишком
В другом настроении
он, может быть, и поч
даже предали, но ег
легчение, а не гнев.

— Мы заглотнули
вот и все, — сказал он.
жаловался на получение
же? Тем не менее, что
начались проблемы? Т
Это не было частью
подключение доходов

— Я ведь не поли
Хэнк, он выглядел оск
тебе приходилось про
американца». Каждый
пошел в это...

— Ну и вот, — п
Пятьдесят на пятьде
на Катрину, боясь
старые раны.

Но Катрина улыба
— Суть в том, ч
имеет значение.

Лучший процент от сделки с ними был около пятнадцати, и я сказал: хрен с ними, я заслуживаю больше, как ты и сказал, я заключил эту сделку, нашел архитекторов и все остальное. Мне нужна была половина. Вот что я сказал себе. А правда в том, что я пожадничал. — Первый раз за все время он посмотрел Тодду прямо в глаза. — Денги всегда были говенной стороной дела. Я это знал еще до того, как мы начали, но я вроде как и скажешь, что единственный путь набрать денги — это созвать консорциум и поделить пирог. Но ты сам что-то понимал в зарабатывании денег и потом, вот... — он пожал плечами. — Когда ты сказал, что связался с теми людьми в Париже, я молчал. — Он смотрел на Катрину с просьбой о понимании или даже прощении. — Если кого-то и винить за это дерьмо, в котором мы оказались, так это меня, за то, что я был таким жадным. Если бы я не настаивал на пятидесяти процентах, все было бы по-другому.

Тодд был слишком удивлен, чтобы говорить. В другом настроении, в других обстоятельствах, он, может быть, и почувствовал бы, что его подвели, даже предали, но его первой реакцией было облегчение, а не гнев.

— Мы заглотнули больше, чем смогли прожевать, вот и все, — сказал он. — Мы оба были жадинами. Я не жаловался на получение пятидесяти процентов, правда же? Тем не менее, что произошло, когда с деньгами начались проблемы? Ты продал *«Мечту американца»*. Это не было частью начального контракта. А также подключение доходов с... *«Вороньего гнезда»*.

— Я ведь не полное дерьмо, — резко проговорил Хэнк, он выглядел оскорбленным. — Я видел, через что тебе приходилось пройти. Конечно, я продал *«Мечту американца»*. Каждый цент, который я получил с этого, пошел в это...

— Ну и вот, — перебил Тодд, пожав плечами. — Пятьдесят на пятьдесят. — Он мимоходом посмотрел на Катрину, боясь, что признание Хэнка откроет старые раны.

Но Катрина улыбнулась.

— Суть в том, что мы продаем ее. Вот и все, что имеет значение.

— Точно, — сказал он, соглашаясь, прежде чем посмотреть на Хэнка. — Спасибо, что подсказала мне. Это делает меня менее виноватым.

— Но это и должно быть так. Ты не должна чувствовать себя виноватой. И не говори, что я должен получить деньги сначала. Мы начали как партнеры, должны так же и закончить, — сказал Хэнк Катрине с прежним энтузиазмом, как будто сбросил с себя груз и почувствовал себя таким же оптимистом, как и они.

А они были оптимистично настроены. Чем больше они говорили, тем больше убеждались в том, что «Барзини в „Паломе Бланке“» решит все их проблемы. Одной замечательной идеей Катрина и Шарли вытащили их из ямы, и что казалось Тодду наиболее замечательным, так это то, что они все были согласны насчет того, как жить дальше. И было правдой то, что он сказал. Признания Хэнка облегчили его вину, хотя бы по отношению к нему самому. Шарли — это дело другое. Он до сих пор страдал из-за вины перед Шарли, но все, что он мог сделать, это то, что он сейчас делал, и как можно быстрее вернуть деньги.

— Так что мы собираемся делать? — спросил с ожиданием Хэнк. — Когда мы проведем переговоры с этими парнями?

— Завтра, — быстро сказала Катрина. — Осси пока нет, он уехал в Штаты, но Майк Томпсон прилетает завтра. Если ему понравится то, что он увидит, они подпишут контракты. Убедите его — и мы в деле.

Тодд был уверен в том, что он достигнет успеха в деле добывания бумаги для Морони. Он был уверен, что Карьер напишет свое дурацкое предложение, а если с Карьером возникнут какие-то трудности, то был еще Рус. Он был уверен в том, что хотя бы один из них напишет предложение. Что он не учел, так это другие тупики, в которые его загоняли.

Время было всегда его врагом. Ничто другое не доводило его так, не держало в таком напряжении, как время.

Для начала «Паломы Бланка» не могла быть закончена в феврале. Они знали это, но когда Хэнк сказал:

— Этот парень Томпсон не будет снимать сразу все, правда ведь? Если он даст нам преимущества

забора, мы можем
лучше закончена. Ж
е. Основное здани
но издалека он вы
— Да, если сн
— Конечно. М
проблем.

И она была
здорового продала
Томпсону она о
прибыл утром и
вечера — не мог
крупным, атлетич
он обошел все мес
информацию на м
дакивая, и тани
составляли списки

— Как насчет э

— Нет проблем.

— А насчет то

— Сделаем. —

Это был действ

рина еще глубже

Томпсон провал

для камер и раз

понадобится ч

на Катрину, и

был занят пр

парня, Руса, у

Шарли четыре

Вот в чем и

никогда не хватало. Пр

вложенных де

возникновения. И

— Проблема

сону по дор

беспокойтесь.

Он на всякий

подумал об

жен был про

ждали его в

письменное

К его удив

время.

выбора, мы кое-что подработать. Гавань почти закончена. Проект будет завершен к Рождеству. Основное здание отеля еще долго не будет готово, но издали он будет законченным...

— Да, если снимать фильм! — закричала Катрина. — Конечно, Майк будет согласен. С ним не будет проблем.

И она была права, потому что «Паломы Бланка» задорого продала себя на следующий же день. Майку Томпсону она очень понравилась. Его визит — он прибыл утром и собирался улететь в шесть часов вечера — не мог пройти лучше. Томпсон был высоким, крупным, атлетическим мужчиной, полным энергии, он обошел все место, делая фотографии и наговаривая информацию на магнитофон. Тодд ходил рядом, подкивая, и тащил Катрину и Хэнка за собой, и все составляли списки различных дел.

— Как насчет этого? — спрашивал Томпсон.

— Нет проблем, — уверял его Тодд.

— А насчет того?

— Сделаем, — обещал Хэнк.

Это был действительно триумф оптимизма. А Катрина еще глубже влезла в дело, так как после того, как Томпсон провел много времени, выбирая платформы для камер и различные углы съемки, он сказал, что ему понадобится человек для работы днем. Все посмотрели на Катрину, и работа досталась ей. А кому еще? Тодд был занят преследованиями Карьера и этого другого парня, Руса, у Хэнка и без того было полно работы, Шарли четыре дня в неделю работала на Боба Левита...

Вот в чем и было дело. Не хватало людей. Их никогда не хватало. Проект страдал от несоответствия вложенных денег и количества людей с момента его возникновения. И еще одна нехватка беспокоила их.

— Проблема во времени, — признался Тодд Томпсону по дороге в аэропорт. — Но мы справимся, не беспокойтесь.

Он на всякий случай скрестил пальцы, так как подумал об огромном количестве работ, которые должен был провести Хэнк, и о своих проблемах, которые ждали его в Лондоне, и о необходимости получить письменное предложение для Морони.

К его удивлению, Томпсона тоже беспокоило время.

До конца февраля только три месяца. — сказал он. — Поверьте мне, три месяца — это ничто, когда речь идет о деле, таком грандиозном, как это.

И Тодд выслушал монолог о проблемах другого человека. Как и большинство людей, он мало понимал в том, как делаются телевизионные передачи или продаются кассеты. Он ошеломленно слушал, как Майк говорил о трудностях в расписании телевизионных программ и огромном промежутке времени между началом создания передачи и выходом ее на экран.

— Здесь они, конечно, сделают исключение, — уверенно сказал Томпсон. — Это что-то уникальное с международным оттенком. Такое может никогда и не повториться. Но мне надо это подать как надо. Мне нужно как сумасшедшему бить в барабан, а это означает, что надо начинать завтра.

— Завтра воскресенье, — напомнил Тодд.

Когда Томпсон в ответ рассмеялся, Тодд понял, что сморозил глупость. У Тодда была масса знакомых телевизионщиков в разных странах мира, которым он мог позвонить домой, несмотря на воскресенье.

— Но я начинаю им заниматься только на основании устного соглашения, — сказал он, вдруг строго поглядев на Тодда. — И, если быть честным, это меня немного тревожит. Я хочу получить твердые контракты, и как можно скорее.

Тодд был согласен. Он тоже хотел получить надлежащие документы. Чем быстрее, тем лучше. Поэтому он принял предложение встретиться в Лондоне в понедельник, несмотря на множество других дел.

Сначала он намеревался в понедельник решить множество проблем в «Тодд Моторс».

И еще ему предстоял полный рабочий день в Оуэнс.

И не надо было забывать о том, что ему надо было переговорить с Русом и вылететь в Париж на встречу с ним.

Но когда Томпсон предложил встретиться, он ответил ему:

— Да, хорошо, мы можем организовать встречу в понедельник.

Он видел, что у него не было другого выбора. «Барзини в „Паломе Бланке“!» было его спасением. Преимущество надо было отдавать этому делу. В десять часов утра, снова за своим рабочим столом, снова

в Лондоне, он уже...
...информацию...
...конкретно...
...доставить...
...важным, немного...
...стал в «Паломе Бланке»...
...тем, что работа...
...яется, что бы...
...строительство из...
...«Да, конечно...»...
...бы. Ты был там...
...Жаль, что вы...
...сказал он...
...пустить выгодный...
...Но даже когда Ру...
...будет продаваться, он...
...Отбросив всякую...
...вать концерт Барзини...
...это может вызвать...
...так, как надо. Его...
...Он был не состояни...
...задавать вопросы...
...Тодд превознес...
...только мог...
...— Будьте уверен...
...концерт по телевид...
...будет называться, «Б...
...копеечное название, п...
...состоится... в февра...
...открытием...
...Его энтузиазм п...
...потому что десять...
...наверное, будет в с...
...— Правда, не...
...он. — Но в случае...
...быть, мы сможем...
...Тодд чуть не...
...полететь обратно...
...с Карьером. Одна...
...ер — это один пр...
...время как Рус ра...
...объединял в себе...
...его: — Вы сможете...

в Лондоне снова попал в беду. Передав еще одну записку для Филиппа Руса, он был ужасно рад, когда тот перезвонил через час, но разговор оказался довольно скучным. Голос Руса был очень осторожным, неуверенным. Он признал, что летал в «Палому Бланку», но отказывался согласиться с тем, что работал на возможного покупателя. Он клялся, что был на Майорке в отпуске и зашел на строительство из чистого любопытства.

«Да, конечно. — думал Тодд. — Ты там не в отпуске был. Ты был там по делу, если уж зашел к нам».

— Жаль, что вы не надели вашу «деловую» шляпу, — сказал он. — Один из ваших клиентов может упустить выгодный шанс.

Но даже когда Рус узнал, что «Паломы Бланки» будут продаваться, он продолжал все это отрицать.

Отбросив всякую осторожность, Тодд начал описывать концерт Барзини, отклик прессы, который все это может вызвать, и наконец Рус начал реагировать так, как надо. Его отношение сразу переменялось. Он был не в состоянии скрыть свой интерес и начал задавать вопросы.

Тодд превознес все достоинства курорта, как только мог.

— Будьте уверены, полмира будет смотреть этот концерт по телевидению... потому что, ведь как это будет называться, «Барзини в „Паломе Бланке“!», великолепное название, правда? Совершенно точно, что это состоится... в феврале, в начале сезона, перед самым открытием...

Его энтузиазм наконец принес некоторые плоды, потому что десять минут спустя Рус сказал, что он, наверное, будет в своем лондонском офисе в среду.

— Правда, не обещаю, — осторожно произнес он. — Но в случае, если у меня это получится, может быть, мы сможем встретиться?

Тодд чуть не закричал. В среду он планировал полететь обратно на Майорку, чтобы встретиться с Карьером. Однако он тут же сказал себе, что Карьер — это один представитель отельного бизнеса, в то время как Рус работал на сотни таких людей. Рус объединял в себе целое общество. Поэтому он спросил его:

— Вы сможете точно сказать мне в среду утром?

Полагаю, что да.

Хорошо, с нетерпением жду вашего ответа.

Он чувствовал, что готов разорваться, желая быть сразу в двух местах. Еще один звонок, пятнадцать минут спустя, вызвал еще большее напряжение ситуации. Звонил Майк Томпсон, назначая двухчасовую встречу в Линкольнс Инн, в офисе Карлинга, Льюиса и Вудса, адвокатов Осси Келлера в Лондоне.

— Я тоже приду со своим адвокатом, — сказал он. — Вы приходите со своим человеком, и мы попытаемся решить все вопросы побыстрее. Если у людей Осси возникнут какие-либо проблемы, им придется позвонить ему в Нью-Йорк.

Что мог сказать Тодд?

— Прекрасно, — ответил он. — Я там буду.

Потом он позвонил своему адвокату, Бернарду Фрэнсису в Хэмпстеде.

— Берни, ты нужен мне, чтобы уладить кое-какие дела...

К этому времени Катрина уже уехала в контору. Она с утра целый час объясняла все миссис Бриджес.

— Все очень просто, миссис Бриджес, в будущем я не смогу быть здесь по утрам, потому что я буду в конторе у мужа, поэтому спокойно заходите и начинайте работать...

Он мог бы послать Катрину на встречу с юристами. Он мог бы послать кого-нибудь еще, но встреча была очень важной, и нельзя было поручать это кому-нибудь, даже собственной жене. К тому же, Берни Фрэнсис почти ничего не знал о «Паломе Бланке». Он даже и на вопросы не смог бы ответить, не говоря уже о том, чтобы принять решение. И даже Катрина не очень хорошо знала вопрос. Да и опыта у нее поменьше. Да и...

В общем, ему нужно было пойти. Поэтому, вместо того, чтобы решать срочные проблемы в Килбурне, он прояснил самые срочные вопросы, не выходя из кабинета, подписал несколько писем и полдюжины счетов — и поехал в Линкольн Инн вместе с Катриной.

— Промедление смерти подобно, — предупреждает Сервантес в Дон-Кихоте, но Тодд не намеренно откладывал какие-либо дела, он, наоборот, набирал обороты, но ведь все занимало столько времени! Та же

встреча в Лэнко Би Ини. Она прошла хорошо. Они продвинулись вперед, в атмосфере взаимопонимания и гармонии. Ни на кого за столом переговоров нельзя было полагаться, но все-таки изначально присутствовали три группы юристов, представляющих интересы трех разных людей, и в шесть часов вечера их работа была еще не закончена.

— Но мы далеко продвинулись, — сказал кто-то из адвокатов, Карлиш или Льюис. — Предлагаю продолжить в десять завтра утром.

Тодд даже застонал про себя. У него не было другого выбора, кроме как согласиться, но когда он кивнул в знак согласия, старый совет Сэма пришел ему на ум. «Бизнес — как огород, — говаривал Сэм, — пропалывай, ухаживай каждый день — будешь королем. Забрось его — окажешься нищим».

То, что он забросил автомобильный бизнес, не имело решающего значения. Он полагал, что у него нет другого выбора. Остаться в живых и не попасть в тюрьму — вот что было главным, и для этого он должен был продать «Палому Бланку» по самой высокой цене. Он работал над этим не покладая рук, но проблемы, которые накапливались в «Оуэнс» и «Тодд Моторс», уже начинали сказываться.

Правда, больше всего его радовало то, что он начинал выигрывать. Они замечательно продвинулись. После того, как они расстались с юристами, он пошел выпить с Майком Томпсоном в паб на Чэнсери Лэйн. Майк был в восторженном настроении. Уверенный в том, что работа над контрактами будет завершена утром, он с большим энтузиазмом говорил о своих воскресных телефонных звонках.

— Я получил фантастическую поддержку, — говорил он, улыбаясь до ушей. — Если удача улыбнется мне, я подпишу на это дело Би-Би-Си и РАИ на следующей неделе!

По правде говоря, они двигались даже быстрее, чем кто-либо из них осмеливался предположить.

Томпсон уже сейчас был так уверен в успехе, что даже сообщил новость двум корреспондентам.

— Я немного поторопился, — сказал он. — Ох, уж и напишут они завтра! Но мне действительно необходима небольшая реклама. Правду сказать, я собирался сказать вам, что, как только контракты будут

написаны, мы должны собрать пресс-конференцию, чтобы сделать формальное заявление. Вы сможете это организовать?

Брови Тодда полезли вверх. Пресс-конференции не были обычным делом в автомобильной торговле.

— Конечно, я вам помогу — сказал Томпсон. — Но вы должны быть хозяином бала. В конце концов, это вы представляете «Палому Бланку». В его голосе прозвучало легкое колебание. — Я не хочу быть грубым, так что не обижайтесь, — сказал он. — Но умеете ли вы как следует бить в барабан? Ну, знаете, создавать рекламу?

Глаза Тодда сверкнули.

— Что вы имеете в виду?

Все оказалось на первый взгляд очень простым, когда Томпсон объяснил, и, конечно, Тодд, оставаясь самим собой, хотел организовать огромнейшую пресс-конференцию, какую только можно купить на их деньги. Он хотел, чтобы Барзини скорее прилетел из Нью-Йорка. Он хотел пригласить всех музыкальных редакторов и журналистов Лондона.

— А достаточно ли только из Лондона? — спросил он, притащив еще кучу напитков из бара. — А если со всего мира? Но как мы их достанем? У них есть представительства в Лондоне?

Он хотел подключить к этому делу также всех журналистов, пишущих о путешествиях.

— Держу пари. Они будут писать статьи с публикациями в Новом году! Начало Нового года — это лучшее время для того, чтобы заказывать путевки.

И так он втянулся еще в одно дело, отложив автомобильный бизнес еще в более долгий ящик, но это опять-таки было разумным — потому что все автомобильные дела могли возродиться только после поправки дел с Паломой Бланкой. Поэтому он принял это решение, даже не рассуждая. Но следующее предложение уже его остановило.

— Как насчет среды? — предложил Томпсон, раскрыв свою записную книжку и положив ее перед собой. — Семнадцатое декабря. Мы не можем это откладывать, поскольку у нас еще куча дел, и еще потому, что надвигается Рождество. — Он даже застонал, подумав об этом. — О Боже, как же я ненавижу Рождество. Все останавливается. Никого не достанешь...

Катрина даже онемела, когда услышала это. Никогда еще в жизни не было у нее такого Рождества, она и не чувствовала его. Пусть даже и паб был украшен еловыми веточками и серпантинном, она даже и не подумала о празднике. В прошлые годы она в это время пекла пирожки, украшала дом, наряжала елку. Софи и Глория приходили со своими кавалерами, а Тодди изображал Санта-Клауса в больнице Вест-Хэмпстеда.

— Семнадцатое, — пробормотала она, глядя на Тодда. Еще раньше, по пути в Линкольн Инн, он рассказал ей про Руса и про его решение не лететь на Майорку в среду.

Инстинктивно она вздрогнула, с ненавистью подумав о задержке, несмотря на его обещание полететь туда в четверг или пятницу.

— Может быть, это и лучше подойдет Карьеру, — сказал он бодро. — Дадим ему время прийти в себя после путешествия. У нас еще есть время. До семнадцатого.

— Семнадцатого, — повторил Тодд, успокоив ее взглядом, ободрив ее улыбкой. — Мне это подходит, если это подойдет Катрине. — Ей нужно сделать большую часть работы.

После этого они сосредоточились на подборе соответствующих людей, рассылке приглашений людям, на которых Томпсон мог положиться, организации стендов для фотографий «Паломы Бланки», организации обедов, напитков и прочем.

Когда Катрина записала всю работу, которую ей предстояло сделать, она пожалела, что не сможет привлечь к этому Шарли, хотя об этом нечего было и думать. Она с ней уже разговаривала дважды, один раз на Майорке, после визита Томпсона, и прошлым вечером, когда они вернулись в Лондон. У Шарли был такой голос... Катрина нахмурилась и попыталась найти точные слова, чтобы описать голос Шарли. Взволнованный, удовлетворенный и даже немного завистливый, из-за того, что она не видела триумфа поездки Майка Томпсона, но и немного обеспокоенный...

— Я попрошу помочь Глорию и Софи, — сказала она. — Я позвоню им утром. — Она улыбнулась Томпсону и объяснила: — Это мои подруги. Здесь уже примешь любую помощь, ведь правда?

И вот наконец этот день завершился. Понедельник, восьмое декабря, и Тодду оставалось меньше недели до его новой встречи с Морони.

Вторник начался прекрасно, не предвещая никаких бед. Когда Герберт заехал за ними, Тодд и Катрина уже были готовы и ждали его, намереваясь провести час в офисе, перед тем как поехать в Линкольн Инн. Сюрпризы начались, как только Тодд открыл дверь в переднюю. На ступеньках стоял Герберт, помахивая газетой.

— Черт возьми, босс! Ну вы и темная лошадка. Я про это ничего не знал.

В газете, на седьмой странице, была помещена фотография «Паломы Бланки» и рядом фотография Энрико Барзини.

Заголовок гласил: «Международный концерт на новом роскошном курорте! «Палома Бланка», которая находится на Майорке, в будущем станет самым роскошным местом отдыха на Средиземном море. Она начнет свою курортную жизнь с постановки одного из самых блестящих концертов года».

Статья занимала треть страницы. Тодд прочитал ее вслух по пути в офис. Он прочитал ее дважды, а некоторые места и трижды. Он поддразнил Катрину:

— Бог ты мой! Ты, оказывается, импресарио!

И она тоже поддразнивала его, а заодно и себя, и на несколько минут они забыли про Морони и про их отчаянную борьбу со временем.

— Подожди моей встречи с Русом,— радостно улыбался Тодд.— Я возьму с собой эту газету на Майорку и покажу Карьеру. Представь его реакцию! Это наверняка поднимет цену. А это то, что нам надо.

Это было таким хорошим предзнаменованием, что они прибыли в офис в прекрасном настроении. Катрина обосновалась в главном помещении и начала обзванивать банкетных заправил, чтобы найти подходящих людей для пресс-конференции, а Тодд пошел к себе в кабинет и занялся разбором почты вместе с Сэлли.

Сэлли разозлилась на то, как развивались события в Килбурне.

— Ты должен сделать что-то,— говорила она, вся

красная и встревоженная.— Они увеличивают расходы, но уж я точно знаю, и неизвестно, что они еще собираются сделать.

— Я займусь этим после обеда,— пообещал он.— Вот только с юристами закончу.

Среди писем один конверт Сэлли оставила нераспечатанным. Письмо было из Парижа, с пометкой «конфиденциально». В конверте было письмо от Лапьера, в котором было требование о получении письменного предложения на «Палому Бланку» не позднее семнадцатого числа.

«Как согласовано», было сказано в письме, как будто соглашение было принято за бутылкой в баре, а не под угрозой смерти. Ненужное напоминание заставило Тодда покрыться холодным потом. И еще оно разозлило его. Ему захотелось позвонить по телефону и заорать в трубку:

— Идите вы к такой-то матери! Не стойте у меня за спиной! Я делаю все, что могу!

Но, выпив чашечку кофе, он немного успокоился. Хуже не будет, если он расскажет Лапьеру про «Барзини в „Паломе Бланке“!». Это создаст дополнительные гарантии. И, может, Лапьер имеет какое-то влияние на Морони. Конечно, это было только предположение, и он был в этом не уверен, но и на предположениях стоило играть, и он сыграл на нем, и, к его удивлению, разговор с Лапьером оказался небезрезультатным.

Маленький француз был очень заинтересован в концерте Барзини. Он, оказалось, был его поклонником. Тодд так удивился этому, что нечаянно предложил ему:

— Приходите на пресс-конференцию в следующую среду. Есть шанс, что Барзини там будет.

На секунду Лапьер замолчал. Потом он обдумал дату и замолчал снова.

Тодд знал, о чем он думает.

— У меня будет письменное предложение к тому времени,— уверенно произнес он.— Не беспокойтесь. Я прилагаю все усилия к тому, чтобы продать «Палому Бланку»!

И получил любопытный ответ.

— Я знаю,— сказал Лапьер. Не «Хорошо», или «Удачи вам», а просто: «Я знаю».

Тодд сначала ничего не понял. Только потом, когда

он поехал вместе с Катриной в Ливерпуль. Прокручивая в голове этот разговор и удивляясь тому, что кто-то из работающих на Морони оказался поклонником музыки, ему пришло в голову, что то самое ланьеровское «Я знаю» прозвучало очень странно. Но как следует обдумать это у него не хватило времени, потому что тут же другая мысль пришла ему в голову.

— Черт! Рус обещал позвонить мне! — Он взглянул на часы. — Ну, ладно, нечего волноваться, я сам позвоню ему из Килбурна.

Но даже этого не произошло. Он не попал в Килбурн. Сначала все участники встречи захотели обсудить статью в газете, и только через полчаса они приступили к работе. Во время рабочего обеда, состоявшего из сэндвичей, принесенных из паба напротив, в три часа дня Тодд отвел Фрэнсиса в сторону.

— Бог мой, Берни, неужели ты не можешь все проверить поскорее? Неужели необходимо обсасывать каждую мелочь? Сколько еще это все продлится?

— Мы и так замечательно продвигаемся, — запротестовал он. — С такой скоростью мы уже к вечеру получим готовые контракты.

И он оказался прав. В восемь часов, после того как шесть различных проектов были отпечатаны и отвергнуты, версия номер семь получила всеобщее одобрение. Ручки наконец были вытащены из карманов, мелькнули в воздухе, коснулись бумаги, и контракты были подписаны. «Барзини в „Паломе Бланке“!» официально вступил в жизнь!

Юристы восхищались тем, что они успели сделать это за столь короткое время. Карлинг вздохнул с чувством удовлетворения:

— Слава Богу, что нечасто нам приходится работать в таком диком напряжении...

— Напряжение! — фыркнул Тодд по пути домой. — Они и понятия не имеют о напряжении. Вечно эти юристы делают слонов из мух. Ведь все уже было согласовано с Томпсоном в Майорке.

— Ну да, спасибо, — сказала Катрина с негодованием. — А я-то думала, прости меня, что это я согласовала все в Джерси.

Он рассмеялся, она тоже, и снова на секунду они забыли о своих тревогах. На секунду они снова стали просто мужем и женой, как и любая другая пара.

Едем...
...нека...
...Я...
...сказал...
...на...
...просто...
...ваш дом...
...Морони...
...Хороший...
...Он...
...готовину...
...Не...
...еще много-много...
...Но через...
...Он...
...Сили...
...ний раз...
...рельзя...
...финансовым...
...номер...
...Да...
...Мэни...
...встречу...
...пойдет...
...Катрина...
...положил...
...Проблемы...
...Тодд...
...Смитсон...
...В общем...
...Но он...
...его как...
...Это...
...на газету...
...рее...
...каждое...
...ке...
...несколько...
...с чувством...
...Тодд...
...Я...

И вот домой, в наш дом. мягко сказала Катрина, когда машина подъезжала к дому. Когда они поднимаются по ступенькам, она взяла его за руку.

Я вспоминаю, как мы здесь прожили первый год, — сказала она. — Перед этим отпуском. Тогда мы поехали на Майорку. Кажется, мы тогда были сами собой, просто я и ты. — Она чуть было не сказала: «И Морони». Вместо этого она произнесла:

— Хороший был тогда год, верно ведь?

Он помотчал минутку, поворачивая ключ в замке, наполовину открыв дверь.

— Не беспокойся, — сказал он, обняв ее. — У нас еще много-много хороших лет впереди.

Но через десять минут все изменилось.

Он никогда не был таким разозленным, сказала Сэлли по телефону. — Он звонил три раза. Последний раз, когда он звонил, он сказал, что, если нельзя поговорить с тобой, он поговорит с твоим финансовым директором. Мне пришлось дать ему номер Мэнни.

— Да, ты правильно поступила.

— Мэнни перезвонил и сказал, что он назначил встречу на одиннадцать утра. Он сказал, что пойдет с тобой.

Катрина взглянула на его лицо, когда он положил трубку.

— Проблемы?

Тодд пожал плечами.

— Смитсон, из банка. Хочет встретиться утром. В общем, нечего беспокоиться.

Но он ошибался. Смитсон намеревался заставить его как следует побеспокоиться.

— Это просто последняя капля! — Смитсон указал на газету. Он читал ее, когда они приехали, или, скорее, перечитывал, и казалось, что он выучил наизусть каждое слово из статьи про Барзини в «Паломе Бланке». Сейчас газета лежала на столе, но он поднимал ее несколько раз, только чтобы отбросить ее обратно с чувством ярости и отвращения.

Тодд устало провел рукой по волосам.

— Я только что сказал вам, что сам концерт не

будет стоить нам ни пенни. Дело не в том, что я трачу большие деньги. И это не спекулятивное предприятие. Кроме того, я уверен, что вы будете довольны, если мы продадим «Палому Бланку».

Но полчаса спустя Смитсон оставался все таким же. Он Тодду никогда не нравится. По его мнению, Смитсон был противный, толстозадый, себялюбивый придурок. Они устали друг на друга с нескрываемой взаимной враждебностью. Тодд еще острее почувствовал потерю старика Гарри Ларкинса.

— Это отдельное дело не имеет ничего общего с банком,— со злостью говорил Смитсон.— Мы с самого начала ясно высказали наш взгляд. И мы не ждем от этого никакой прибыли. Но вы вложили в это дело часть ваших автомобильных средств и, я вижу, не собираетесь останавливаться. А теперь вы еще собираетесь потерять кучу денег с этим концертом!

Тодд чуть не ударил его.

— Это не я буду осуществлять постановку концерта,— прошипел он сквозь стиснутые зубы.— Это организация Майка Томпсона ставит концерт. Почитайте-ка повнимательнее! — Он указал ему на контракты, которые принес с собой.— Они были подписаны только вчера, но все здесь ясно написано, черным по белому.

Смитсон брезгливо оттолкнул контракты кончиками пальцев.

Тодд еще раз попытался убедить его.

— Может быть, вы подумали, что это плохая новость в газете. Нет. Это хорошая новость, и это только начало. На следующей неделе у нас будет пресс-конференция, и, создав соответствующую рекламу концерту, который состоится в феврале, мы проведем аукцион. К этому времени каждый, кто занимается отелями, будет знать о «Паломе Бланке»...

— Я не могу ждать так долго. Делайте аукцион сейчас.

Набравшись терпения, Тодд сосредоточился на своей задаче.

— Хорошо,— сказал он, так мягко, как только мог.— Я уже все запустил в действие. Я уже организовываю встречи со всеми людьми. Если бы вы не дернули меня сегодня утром, я бы уже сидел на перегово-

рах с «Альсруер. Веру-
тую на Майорку, что
— И кто же за это
— За что?

— Хотя бы за ваши
нительные расходы.
должны еще платить за
тите, тратите и тратите

мистер Тодд и это
к «Тодд Моторс» или
етесь этим вашим курс
— Да, я собираюсь
ри! — раздраженно
ему в лицо.

— Вы только наде
самого концерта. И пр
жен вас финансироват
мистер Тодд. Не прои
концерт в феврале...

— Как это я могу з
перешел в рычание.—
после этого концерта.
телей, желающих при
с прибылью, и все нап

— И сколько же э
будете решать? — хол
нял руку в знак протес
Ответ будет: я переста
ная с сегодняшнего дн

Тодд в ужасе огла
те взглянул на Мэнни
Смитсон сказал:

— Я вас неодно
ды...

— Я все вам
аукциона!

— А мне нужно,
— Не будьте ид

могу сделать этого
Мэнни чуть пода

— Мистер Сми
голосом.— Мистер

и все. Кроме того,
огромную сумму по

рах с «Ангелер, Вормак и Рус». И в пятницу я вылетаю на Майорку, чтобы посмотреть...

— И кто же за это платит?

— За что?

— Хотя бы за ваши билетикки? И все эти дополнительные расходы. И еще, ко всему прочему, вы должны еще платить за вашу пресс-конференцию. Тратите, тратите и тратите! Это все, что вы делаете, мистер Тодд, и это не имеет никакого отношения к «Тодд Моторс» или к «Оуэнс». Вы только и занимаетесь этим вашим курортом на Майорке...

— Да, я собираюсь продать его, черт вас побери! — раздраженно ответил Тодд, и жар бросился ему в лицо.

— Вы только надеетесь продать его. После этого самого концерта. И при этом ожидаете, что банк должен вас финансировать. Ну, так вот, это не пройдет, мистер Тодд. Не пройдет! И забудьте про этот ваш концерт в феврале...

— Как это я могу забыть про него? — Голос Тодда перешел в рычание. — У нас будет куча предложений после этого концерта. У нас будет толпа представителей, желающих приобрести отель. Мы продадим его с прибылью, и все наши проблемы завершатся!

— И сколько же это будет стоить нам, пока вы их будете решать? — холодно спросил Смитсон. Он поднял руку в знак протеста. — Нет уж, дайте мне сказать! Ответ будет: я перестану выплачивать вам деньги начиная с сегодняшнего дня!

Тодд в ужасе отшатнулся, как от удара. Он в тревоге взглянул на Мэнни.

Смитсон сказал:

— Я вас неоднократно просил сократить расходы...

— Я все вам покрою после этого дурацкого аукциона!

— А мне нужно, чтобы вы покрыли все это сейчас!

— Не будьте идиотом! — рявкнул Тодд. — Я не могу сделать этого сейчас!

Мэнни чуть подался вперед.

— Мистер Смитсон, — сказал он мягко, спокойным голосом. — Мистеру Тодду необходимо время, вот и все. Кроме того, его жена собирается унаследовать огромную сумму по завещанию отца.

Да, да,— горячо воскликнул Тодд. И это будет для меня настоящей удачей.

Да, уж вам она не помешает,— сказал резко Смитсон.— Вы должны нам два миллиона, и это гораздо больше того, о чем мы договаривались...

Да, это была не встреча великих умов. Смитсон не собирался дать себя уговорить. Он принял решение еще до их прибытия и оставался при своем мнении.

— Единственные чеки, которые мы будем принимать от вас в будущем, это чеки, касающиеся автомобильного бизнеса, но и здесь я потребую от вас счета. Чеки на что-либо еще приниматься не будут.

Тодд был в ужасе. В течение минуты он не мог говорить.

— Но вы сошли с ума,— запротестовал он.— Чем больше мы получим от аукциона, тем больше средств пойдет на автомобильный бизнес. Это ведь очевидно. Разве не так? — Не ожидая, пока Смитсон ответит, он заспешил: — Если получу восемнадцать миллионов, я все оплачу, включая те два миллиона, которые вам должен. И я получу гораздо больше от аукциона. Поэтому мне надо только продержаться до того момента, как...

— А это ваши проблемы. Меня интересует только то, что происходит сейчас. Если бы сейчас у вас было твердое предложение, тогда было бы другое дело...

Тодд взорвался.

— О Боже! У нас уже есть одно предложение.

— Да? — резко сказал Смитсон.— Вы мне не говорили. И сколько вам предлагают?

Ругаясь про себя, Тодд обхватил голову руками. Потом он попытался объяснить, что предложение Карьера было только началом.

— Никто ведь не начинает сразу с большой цены, верно? Вот поэтому-то я и хотел встретиться с ним...

У Тодда не было ни единого шанса выпутаться из этой ситуации.

— Девять миллионов! — Голос Смитсона перешел в визг.— Вы только что признали, что вам нужно вдвое больше! Боже мой, все обстоит еще хуже, чем я ожидал!

И уже ничто не могло помочь. Смитсон стучал пальцем по столу, Тодд возражал, но встреча, которая

и началась — то плохо, закончилась полной катастрофой, когда Смитсон сказал Мэнни:

— Мне нужны немедленные предложения, чтобы покрыть этот долг. Немедленные, понимаете? И письменные. Мне все это надоело.

Он обращался к Мэнни, а не к Тодду, делая таким образом Мэнни ответственным за все предложения, и эту ответственность Мэнни спокойно принял на себя: встреча была почти завершена.

Они ушли из банка молча, расставшись в атмосфере враждебности. Тодд даже не пожал руку Смитсона.

После этого они зашли в кафетерий через дорогу. Их настроение вряд ли могло быть хуже. Найдя свободный столик в углу, Тодд устало опустился на стул, а Мэнни подошел к прилавку и взял две чашечки кофе.

Тодд был в отчаянии. Он кусал губы, когда Мэнни поставил перед ним чашку кофе.

— Чего он ждет от нас? — спросил Мэнни, отодвигая стул. — Что, мне надо что-то подсчитать? Тебе нужно время, а времени он тебе не даст.

Время! Тодд рассмеялся с горечью. Через неделю он будет мертв, если Карьер или Рус не дадут ему письменного предложения. И теперь еще это! Все валилось на него сразу! У него не было даже возможности съездить в Килбурн. У него даже голова разболелась: он не знал, что ему делать в первую очередь.

— Дурак набитый, — бормотал он, беря сахар. — Если он не будет принимать чеки...

— А он и не будет. Ты же слышал, что он сказал. Тебе не разрешено тратить больше ни пенни на «Палому Бланку». И даже эта пресс-конференция...

— Но как я могу сейчас остановиться? — застонал Тодд, — что я скажу Томпсону? И нам ведь нужна эта пресс-конференция. Мы должны продолжать это дело. Аукцион — это единственный выход.

— Но Смитсон не будет ждать. Нам срочно нужен другой банкир.

— Тогда найди такого. Мы собирались увидеться с этим Друри, но он сказал «нет».

Мэнни вздохнул и посмотрел в окно: стекло замутилось от пара.

— Мы не так уж старательно обрабатывали Друри. Ну да, он сказал «нет», но есть разные типы этого

слова. Я чувствовал, что он хотел каких-то гарантий. Ты знаешь, что его беспокоило? «Паломой Бланкой».

— Вы два сапога пара,— буркнул Тодд. Ты тоже никогда в это не верил.

— А кто говорил, что я верил? Ты прав. В то, что ты будешь управлять «Паломой Бланкой», я не верил никогда, но я верю в телепередачу. И я верю в тебя. А ты ведь продаешь «Палому Бланку»? Глаза Мэнни засветились.— Это другое дело. Если я хочу сшить костюм, я иду к портному, если я хочу хорошо поесть, я иду в ресторан, если же я хочу что-то продать,— в его лице появилось одобрение,— ты — лучший купец из тех, кого я знаю. Таким образом, если я обращусь к Друри и скажу, что ты собираешься продать «Палому Бланку», он, может быть, перефинансирует тебя и заплатит Смитсону.

Тодд взглянул на него.

— Ты думаешь, у нас есть шанс?

— Если я смогу сообщить ему кое-какие хорошие новости, шанс будет.

— Ты имеешь в виду, какое-нибудь твердое предложение?

— Что же еще? Но не от этого же мошенника с Майорки, который хочет купить ее за полцены.

Избегая взгляда Мэнни, Тодд уставился в чашку с кофе. Он чувствовал, как таяла его надежда. У него было сильное желание рассказать ему про Морони и угрозу для его жизни, но он сдержался, зная, что, рассказав про Морони, ему придется рассказать и про Шарли. И вся гнусная история выплывет наружу. А Шарли этого не заслуживает. Она ведь зависит от его молчания. Он даже не хотел рассказать это Хэнку. Чем меньше людей будут знать про это, тем лучше. Поэтому вместо этой истории он стал говорить о том, как он планирует предоставить Карьеру исключительные права на аукционе.

— Я хочу, чтобы все это закрутилось, вот и все.

— Но девять миллионов? — сказал Мэнни с явным презрением.— Ты начинаешь с чересчур низкой цены.

Тодд уставился на него невидящим взглядом. «Девять миллионов — цена моей жизни».

Мэнни кивнул головой в сторону банка напротив.

— Он спустит курок, Тодди. Ты должен вернуться

с лучшим предложением ближе к реальной стоимости, и у тебя будет шанс. Тодд молчал. Никто

днем. — А без этого... выжить. Смитсон тебе вернуть свои деньги. Моторс», «Оуэнс», тв

— Все прошло... вернувшись в офис. — Смитсоном будет за... дить нас для других д

К счастью, у Кат... которыми она заним... момента как она при... К полудню они разош... но список Майка Том

— Мы должны р... зала Катрина, беря о... Сэлли, не говоря

взяв несколько карто... Все работали изо... сил. Мог ли он полу... сумму больше чем д... Рус? От него ни сло... отделение «Альсруер... было. Он позвонил... уехал куда-то по дел

— Тогда дайте... потребовал Тодд. М... в Лондоне и в Пар... принять решения. С... стях о «Паломе Бл... дело с их клиентами... говорил им о том... шанс — но все бл... в один голос отве... мистеру Руссу, как... вернется, а откуда... слова.

И, как...

с лучшим предложением от Карьера. Что-нибудь поближе к реальной стоимости. Дostaнь мне такое предложение, и у тебя будет новый банк.

Тодд молчал. Напряжение увеличивалось с каждым днем.

— А без этого,— сказал Мэнни,— ты не сможешь выжить. Смитсон тебя достанет. Он сделает все, чтобы вернуть свои деньги, он отберет у тебя все: «Тодд Моторс», «Оуэнс», твой дом — все.

— Все прошло прекрасно,— соврал он Катрине, вернувшись в офис.— Беспокоиться не о чем. Теперь со Смитсоном будет заниматься Мэнни, чтобы освободить нас для других дел.

К счастью, у Катрины было много других дел, которыми она занималась. И у Глории тоже, с того момента как она пришла в офис Катрине на помощь. К полудню они разослали сто тридцать приглашений, но список Майка Томпсона включал триста имен.

— Мы должны работать быстрее с почтой,— сказала Катрина, беря очередной конверт.

Сэлли, не говоря ни слова, присоединилась к ним, взяв несколько карточек к себе на стол.

Все работали изо всех сил, а Тодд думал изо всех сил. Мог ли он получить предложение от Карьера на сумму больше чем девять миллионов? А на чем стоял Рус? От него ни слова. Тодд позвонил в Лондонское отделение «Альсруер, Вормак и Рус», но там Руса не было. Он позвонил в Париж, но там сказали, что Рус уехал куда-то по делу.

— Тогда дайте мне кого-нибудь, кто в курсе,— потребовал Тодд. И он поговорил с другими людьми, в Лондоне и в Париже. Но никто, казалось, не мог принять решения. Он рассказал им во всех подробностях о «Паломе Бланке», он просил их обсудить это дело с их клиентами, сейчас, сегодня, без задержки, он говорил им о том, что они упускают прекрасный шанс — но все было бесполезно, потому что они в один голос отвечали: все будет тотчас же передано мистеру Русу, как только он вернется. Как только он вернется, а откуда он вернется, они не сказали ни слова.

И, как будто еще раз подчеркнув, что время на

исходе, позвонил Хэнк и сказал, что самое раннее, когда прибудет Карьер, — это утро субботы.

— В субботу? — в ужасе переспросил Тодд. — У меня ведь есть время только до среды!

Но Хэнк сказал, что он сделал все, что мог.

К четвергу Тодд обзвонил уже все фирмы по продаже собственности в Лондоне. Таких крупных, правда, как «Альсруер, Вормак и Рус», среди них не было, но он обговорил с ними проект, рассказал про концерт Барзини, пригласил их всех на пресс-конференцию и обещал сообщить подробности по почте.

Он сделал еще одну безуспешную попытку связаться с Русом в пятницу утром перед тем, как уехать в аэропорт и взять билет на самолет на Майорку. А Катрина до сих пор ничего не знала про Смитсона. Она была так обеспокоена получением письменного предложения для Морони, что Тодд боялся сказать ей, что Мэнни нужно предложение по более высокой цене и почти так же быстро. Поэтому он постарался придать светлый оттенок своей поездке.

— Конечно, Карьер очень хочет встретиться с нами. Проблем с этим не будет. Я вернусь завтра вечером с письменным предложением, не беспокойся.

К счастью, она была слишком занята своими делами, и, после того как она поцеловала его на прощанье, а Герберт повез его в аэропорт, она вернулась к своим делам — продолжала обзванивать всех, кто должен был присутствовать на конференции. Глория делала то же самое, просила и умасливала журналистов и туристических агентов прийти и послушать рассказ о «Барзини в „Паломе Бланке“!».

Действительно, в пятницу утром все работали как заведенные. В Джерси, обсудив проект с телевизионными компаниями всего мира, Майк Томпсон разговаривал с Осси Келлером, который был в Нью-Йорке.

— Нет, нет, нет! — закричал Осси в ответ на предложение, чтобы Барзини прилетел в Лондон на пресс-конференцию. — Наплевать мне на Конкорд. Это будет чересчур утомительно. Энрико нужны силы для концерта.

С искусством опытного дипломата Томпсон отступил. Вместо этого он предложил, чтобы Барзини снялся для короткого интервью, которое можно было

бы показать на экране.

— Ладно, мы с вами

И я здесь с вами

среди, в тот же день

Из странных

ну Антония и странных

ую очередь. Все га

произошло. Бар

Антонио заговорил

увидит весь мир.

— Но это будет

редил всех Хэнк, — с

сону то, что ему надо

В Париже Р

трубку после утомит

ни. Он только пожа

дворянского брата

в другом конце бара

— Может быть.

юшей неделе, а мо

не знает.

В банке на Тред

Тодд с Друри.

— Да, он перест

я этого не знаю? Ах,

кого вы хотите имет

педанта или человек

него это будет хоро

более осторожным.

И еще один чело

лил Рус. Его встреч

ему старт на прода

делю сразу же пос

продать «Палому Г

миллионов, он не

спижением ценн

покупателя.

— Кусок на д

своим друзьям в Х

Одно ваше сло

Цега возрастет в

известность.

А теперь, к

бы... на пресс-конференции. Осси на это со-

— Да, о, мы сможем сделать это в воскресенье. И я завтра организую заявление в газетах в следующую среду, в тот же день, как вы это проведете в Лондоне.

На стройселистве, на Майорке, Хэнк объяснял Дону Антонию и строителям, что им надо сделать в первую очередь. Все радовались тому, что должно было произойти. «Барзини в „Паломе Бланке“!». Глаза Дона Антонио засветились при мысли о том, что его здания увидит весь мир.

— Но это будет только в том случае, — предупредил всех Хэнк, — если мы сможем дать Майку Томпсону то, что ему нужно.

В Париже Вито Сартене положил телефонную трубку после утомительного разговора с Альдо Морони. Он только пожал плечами в ответ на вопрос своего двоюродного брата Пьетро Карлиони, который был в другом конце бара.

— Может быть, мы полетим в Лондон на следующей неделе, а может быть, и нет. Он еще этого не знает.

В банке на Треднидл-стрит Мэнни обсуждал дело Тодда с Друри.

— Да, он переоценил себя. Вы хотите сказать, что я этого не знаю? Ах, вы думаете, он этого не знает? Но кого вы хотите иметь клиентом, какого-нибудь сухого педанта или человека с мозгами? Он еще молод. Для него это будет хорошим уроком, в будущем он будет более осторожным...

И еще один человек работал не покладая рук. Филипп Рус. Его встреча с Лапьером в начале месяца дала ему старт на продажу «Паломы Бланки». Он закрутил дело сразу же после встречи на Монмартре. Решив продать «Палому Бланку» за семнадцать с половиной миллионов, он использовал свой обычный трюк со снижением цены для владельца и повышением для покупателя.

— Кусок на двадцать миллионов, — говорил он своим друзьям в Хилтоне, в Шератоне и в Хайатте. — Одно ваше слово — и я украду это местечко для вас. Цена возрастет в два раза, когда курорт приобретет известность.

А теперь, к его ужасу, курорт уже приобретал

известность. Что еще хуже, он вот-вот должен был стать знаменитым. Заголовки в газете о «Барзини в „Паломе Бланке“!» оказались для него ударом. И еще большим ударом был тот звонок Тодда, требующего все за «один из известнейших отелей мира».

Конечно, он связался с Лапьером.

— Я подумал, что вы — владельцы, — жаловался он. — Я подумал, что я буду иметь дело с вами.

Но Лапьер сделал вид, что не понял. У него не было никаких возражений против того, что делал Тодд. Он даже знал про этот концерт Энрико Барзини. Он все время говорил про это и не мог остановиться. Он надеялся получить приглашение.

Русу пришлось вернуться к клиентам и объяснить, что происходит. Он рассказал им все про «Барзини в „Паломе Бланке“!». Он обвинял в этом их.

— Я знал, что произойдет что-нибудь подобное, — кричал он в телефонную трубку. — У вас был шанс купить все это до того, как началась вся эта кутерьма. Разве я не оказался прав? Какой смысл тогда в моем предвидении, если вы, мужики, не поступаете так, как я говорю?

И пока он ругался, он готовился сделать следующий шаг.

— Они говорят, что передача будет показана в одиннадцати странах. Одиннадцати. Бог мой! Включая Штаты и Японию. Плюс видео! Плюс компакт-диски. Вы не сможете купить такую известность. Не сможете, потому что цена сразу возрастет. Я, правда, еще смогу украсть это для вас, но я хочу, чтобы речь шла о реальных деньгах, когда я буду вести переговоры с этими людьми. Ладно, обговорите и перезвоните мне...

Вот поэтому-то, после одних и тех же разговоров с шестью крупнейшими клиентами, Филипп Рус и избегал разговора с Тоддом.

— Пусть попотеет, — сказал он секретарше, когда она передала, что Тодд несколько раз звонил. — У меня будет предложение к понедельнику. Вот тогда я буду готов переговорить с ним.

Он даже и не сомневался, что эта сделка даст ему выгоду. Цена возрастет, ну и что? Он предупредил своих покупателей. Они не смогут его ни в чем обвинить. Он забыл о своем первом предложении в сем-

надцать с половиной миллионов. С такой рекламой «Палома Бланка» будет забита до отказа только тогда, когда откроется. А если это произойдет, она будет стоить по крайней мере на восемь миллионов больше. С точки зрения Руса, сделка становилась заманчивее день ото дня. В голове у него родилась идея о новой цене. Двадцать пять миллионов. Он еще раз перезвонил своим клиентам.

— Я полагаю, теперь вы должны быть готовы к цене в тридцать миллионов. — И, когда в ответ они застонали, он сказал: — И не говорите, что я вас не предупреждал. Правильно, подумайте еще, но мне нужно очень скоро услышать ваше решение.

Тем временем он подсчитывал возможную выручку. Три процента с покупателей и три процента с Тодда, и он получит полтора миллиона чистоганом.

Он не беспокоился, что Тодд может связаться с другими агентами. Он уже был в игре, и к тому же он был с большими связями, чем любой из его конкурентов. Он так часто одерживал над ними победу, что испытывал к ним только презрение. Но только одну возможность он упустил — что Хосе Карьер вступит в игру. Ему никогда не приходила в голову мысль о том, что Карьер не был каким-то маленьким дельцом. Карьер боролся за деньги для «Беллы Висты», а это было куда меньше того, что могла принести «Палома Бланка». Карьер действовал независимо, он не представлял большую корпорацию. Рус совсем даже не думал про Карьера и забыл про их случайную встречу в аэропорту.

А вот Карьер про это не забыл! Карьер благодарил Бога за эту встречу и думал о ней так же часто, как глядел на площадки «Беллы Висты». Это была конфетка. Здесь были площадки для гольфа, двенадцать теннисных кортов, четыре корта для бадминтона, три плавательных бассейна, великолепный ресторан, замечательные корпуса, шесть магазинов, в которых продавалась дорогая одежда и сувениры, сауна, гимнастический зал и магазин алкогольных напитков, который был открыт в любое время суток. «Белла Виста» обладала всеми возможностями. Кроме одной. Она была внутри страны и не имела выхода к морю.

— А кому нужен этот пляж? — ругался Карьер, когда об этом заходил разговор. — Разве вы не знаете,

что Средиземное море одно из самых загрязненных в мире? Вода просто ужасная! А если вы не подхватите какую-нибудь болезнь в море, ее запросто можно подхватить на пляже.

Но не отсутствие пляжа огорчало его гостей больше всего. Огорчало их отсутствие гавани, так как многие из постоянных клиентов имели свои собственные яхты.

Развитие дел в «Паломе Бланке» действовало на него как неразорвавшаяся граната. Он даже не знал, что место продавалось. Он обругал всех своих помощников.

— Мы — коренные жители Майорки! — кричал он на своего адвоката, хотя отец Карьера был из Южной Африки, а мать из Ибизы. — Это наш остров. Как ты думаешь, мы должны знать лучше, что тут происходит, чем какой-то пляжный заправила из Америки! А теперь он вступил в сделку с этим маленьким толстяком, автомобильным агентом из Лондона...

Больше года простое напоминание о «Паломе Бланке» буквально приводило Карьера в ярость. Различные события происходили одно за другим. Сначала прошел слух, что американец и его английский партнер испытывают финансовые затруднения. Это было очевидным — американец продал свою большую яхту, англичанин продал маленькую — деньги у них явно были на исходе. Потом Карьер столкнулся с Русом в аэропорту. Правда, Рус ни словом не обмолвился о том, что он делал на Майорке, но Карьер знал, что уж если Рус появился на острове, то кто-то что-то продает. И в тот же вечер его приятель-банкир ужинал у него в «Белле Висте» и случайно сказал, что маленький толстый англичанин собирается продавать свою виллу. Карьер уговорил своего приятеля-банкира изобрести какие-нибудь трудности, застопориться, притвориться, что такое решение может быть принято только в Мадриде. А уж после этого это был только вопрос времени для Карьера...

Не зная, что его первое предложение собираются отвергнуть, он решил ждать. В конце концов, он был первым отельным бизнесменом на острове. «Они сами придут ко мне», — говорил он себе.

И вот они пришли.

Евстречая
она пошла
газеты и
знии. «Тел
мир». —
утром, Кар
сказал: «На
конным и
даже взр
человечес
славным
люди счита
нимается
ря, он сам
возникла
карману.

Конечно, он
Бланку», но до
ступила. Тел
до двух час
«Паломе Б
ему рассказ

Но пока Кар
уныние. Тод
свое собствен
Смитсена. При
слово в слово

— Мне нуж
жет ничего для

Хэнк был в

— Карьеру

ном. А теперь

это не пойдет.

И Хэнк ока

иравилось.

Шел трети

в яхт-клубе в

поездка в гаван

нию, что уже

убраны. Карь

десять яхт.

— Да, кон

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Встреча прошла плохо для всех них. А для Карьера она пошла плохо, еще даже не начавшись. Местные газеты и телевидение уже пронюхали про концерт Бармири! — гласили заголовки. Принимая душ сегодня утром, Карьер действительно услышал, как журналист сказал: «Палома Бланка» должна стать самым роскошным и популярным отелем на острове». Карьер даже вздрогнул, словно от холода. Он был гордым человеком. Некоторые считали, что он был даже тиеславным человеком. Конечно, ему нравилось, чтобы люди считали его ведущим бизнесменом, который занимается всеми отелями на острове. Вообще-то говоря, он сам не переставал говорить об этом. Теперь же возникла угроза не только его положению, но и его карману.

Конечно, он посылал своих агентов в «Палому Бланку», но до сегодняшнего утра нога его туда не ступала. Теперь же он слонялся по строительству около двух часов, и сердце его то и дело уходило в пятки. «Палома Бланка» представляла собой все то, о чем ему рассказывали, — и даже больше.

Но пока Карьер пытался изо всех сил скрыть свои уныние, Тодд и Хэнк старались изо всех сил скрыть свою собственную тревогу. Тодд рассказал Хэнку про Смитсона. Присхав прошлым вечером, он передал ему слово в слово свой разговор с Мэнни.

— Мне нужно лучшее предложение. Мэнни не может ничего для меня сделать без этого.

Хэнк был в ужасе.

— Карьеру жутко не понравится эта идея с аукционом. А теперь мы еще настаиваем принять ее. Он на это не пойдет.

И Хэнк оказался прав. Карьеру это очень не понравилось.

Шел третий час переговоров, которые начались в яхт-клубе в десять тридцать. Потом последовала поездка в гавань, и работы были так близки к завершению, что уже почти все строительные машины были убраны. Карьер явно был испуган, увидев там пятьдесят яхт.

— Да, конечно, — сказал Хэнк легко. — Яхт-клуб

будет завершен и откроется в канун Нового года. У нас будет замечательный прием. Ты должен обязательно прийти.

— Спасибо, нет,— твердо отклонил предложение Карьер.— У нас будет свой праздник.

Но его пренебрежительность сменилась заинтересованностью, когда они поехали в основное здание. Огромные светильники в виде арок были возведены к концу рабочего дня, и везде куда бы он ни поглядел, наблюдалась активная деятельность.

— Все общественные помещения будут закончены к концерту,— сказал Хэнк, который не переставая комментировал каждую деталь по пути.— Но я хочу показать вам один из номеров.

В действительности, только один номер и был закончен, остальные были бетонные нештукатуренные кельи, что Хэнк спокойно и признал.

— Но все оборудование уже на складе. Дон Антонио организовал это все месяцы назад.

Тодд вспомнил свое быстрее решение. Дизайны уникального оборудования и аксессуаров принадлежал Дону Антонио, и все это должен был сделать специалист, который попросил плату вперед. Как раз это решение и стоило Хэнку «Мечты американца» и Тодду «Принцессы моря» — но когда он вошел с Хэнком в номер и увидел выражение лица Карьера, Тодд посчитал, что деньги были потрачены правильно. Дни «Беллы Висты» как самого роскошного отеля на Майорке были сочтены — и Карьер это знал.

Поэтому они вернулись в яхт-клуб, который слабо пахнул краской, клеем и лаком и где ждал Макс, готовый принять заказ на обед.

— Ты будешь представителем с ведущим правом на аукционе,— сказал Тодд, как только они сели за стол.— Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

— Нет, нет,— запротестовал Карьер.— Мне не нравится эта идея об аукционе. Я так дела не делаю.

— Тогда заплати нам хорошую цену сейчас, и аукциона не будет.

Карьер выглядел обиженным

— Я уже увеличил свое предложение,— ледяным тоном произнес он.

Так оно и было. После трехчасовых переговоров он поднял цену до двенадцати миллионов. Это

было существенно
достаточно.

Тодд говорил с
результатами. Но
окупится. Он говорил
иссякаемом источнике.

И не забыва
ки. — говорил он.
рый должен был
слушать кассету.

Но Карьер улет
дальше миллионов.
Нанотавилу

отчаянии, что сказа
— Ну скажи. Х
стоит в два раза б
даже не даешь нам

Вот этого не на
тревогу, и он чуть
сказано, то сказано.

Карьер же как ра
бы скрыть свое волн
подтверждались: ста
совых затруднениях.

почувствовал, что с
возможность. Владе
для него стать гла
Майорка до конца

и «Паломой Бланко
Но двенадцать милл
преталом. Это были

и которые он мог з
его в ужас. Он буд
бизнесменов...

Когда закончился
нулся и был все на те

— Ну, ладно, —
личием. — Тогда ни
тебе придется участ
ми.

Это, конечно, бр
нужно было купить
В этом он был у
не принимали цену

было существенное увеличение цены, но далеко не достигающее.

Тодд говорил о концерте Барзини и о том, какие результаты это даст. «Палома Бланка» полностью окупились. Он говорил о ценности видеорынка как о неиссякаемом источнике славы.

И не забывай о тех, кто слушает компакт-диски, — говорил он, обведя руками большой круг, который должен был показать, что скоро весь мир будет слушать кассету «Барзини в „Паломе Бланке“».

Но Карьер уперся на своем предложении в двенадцать миллионов.

Наполовину закончив еду, Тодд был уже в таком отчаянии, что сказал:

— Ну скажи, Хосе, начистоту, «Палома Бланка» стоит в два раза больше, и ты знаешь это. Ты ведь даже не даешь нам вернуть наши же деньги.

Вот этого не надо было говорить. Это выдало его тревогу, и он чуть не ударил себя по губам, но что сказано, то сказано.

Карьер же как раз сконцентрировался на том, чтобы скрыть свое волнение. Его сердце забилось. Слухи подтверждались: эта парочка была не просто в финансовых затруднениях, они были на грани разорения. Он почувствовал, что ему представляется великолепная возможность. Владеть «Паломой Бланкой» значило для него стать главным в турбизнесе на острове Майорка до конца своих дней. С «Беллой Вистой» и «Паломой Бланкой», никто не сможет поддеть его. Но двенадцать миллионов были для него абсолютным пределом. Это были все деньги, которые у него были и которые он мог занять. Идея аукциона приводила его в ужас. Он будет исключен из группы больших бизнесменов...

Когда закончился обед, Тодд ни на шаг не продвинулся и был все на том же месте, что и перед обедом.

— Ну, ладно,— сказал он с притворным безразличием.— Тогда ничего не получится. Жаль, тогда тебе придется участвовать в аукционе наравне со всеми.

Это, конечно, бросило Карьера в жар. Ему просто нужно было купить «Палому Бланку» до аукциона.

В этом он был уверен, но как бы это сделать? Они не принимали цену в двенадцать миллионов, но он

чувствовал, что сможет выиграть свой приз. Ах, если бы он мог позволить себе немного повысить цену! Слабая идея появилась у него в мозгу. Ему нужен партнер. Он бы, конечно, не хотел этого, но это было лучшее, что он мог сделать. И, в общем, все, что он мог сделать. Его единственная надежда.

— Вот что я вам скажу,— медленно произнес он, стараясь, чтобы не было заметно напряжение в его голосе.— Хуан Гонсалес завтра возвращается из Севильи. Ведь вы о нем, конечно, слышали?

Хэнк нахмурился.

— Какой Гонсалес, виноторговец?

Карьер улыбнулся. Самый крупный винодел в Испании, Хуан Гонсалес был необычайно богатым человеком. Он мог бы быть заинтересован в пассивном партнерстве. В конце концов, Карьер был уже хорошим клиентом, а «Палома Бланка» была бы еще одним местом распространения вин Гонсалеса. Эта идея дала Карьеру надежду, и он сказал:

— Хуан — мой хороший друг. Я хотел бы все это обсудить с ним. Почему бы нам снова не встретиться в понедельник?

Понедельник! Тодд колебался, тревожась о том, что должно было быть сделано в Лондоне, но больше всего его беспокоило получение письменного предложения в среду. И он махнул рукой на Руса. Что его больше всего раздражало, так это то, что в результате его разговора с Русом он остался одним действительно заинтересованным в проекте.

— Я ведь прошу только два-три дня,— сказал Карьер заискивающим голосом.

«Ты не знаешь, о чем просишь,— подумал Тодд мрачно.— Каждый день имеет значение». Он поглядел на Хэнка, который в ответ только слегка пожал плечами. Пытаясь получить хоть какое-нибудь преимущество, он сказал:

— Ладно, Хосе, я останусь до понедельника, но при одном условии.

Карьер поглядел на него.

— На встрече ты изложишь свое предложение в письменном виде.

И снова Тодд ляпнул лишнее.

Глаза Карьера заблестели. Его подозрения подтверждались. Поднявшись с кресла, он поднял руку.

— Как я могу принимать ваши условия, когда мы еще не договорились о цене? Посмотрим, как дальше пойдет дело, так ведь? — Он улыбнулся. — Почему бы вам не прийти ко мне в «Беллу Висту» на обед? Скажем, около часа?

После этого Тодд ругал себя за свою оплошность.

— Торговец на рынке справился бы лучше, — признался он Хэнку. — Я чересчур надавил на него. И проиграл дело.

И позже, когда он позвонил Катрине, он пытался избежать разговора об этом. Но она настояла на том, чтобы он все сказал ей. Он постарался представить информацию в наилучшем виде.

— Сейчас он готов заплатить двенадцать миллионов и поехал еще занять денег. Не беспокойся. В понедельник у меня будет письменное предложение.

К счастью, она была так занята, что поверила в его уверенность.

— Здорово, — сказала она, под впечатлением того, что предложение Карьера увеличивалось на миллион фунтов за час. — Нечего и говорить, что в понедельник ты его достанешь.

Тем временем, обнаружив, что многих из журналистов можно было застать по выходным, они с Глорией продолжали свою телефонную кампанию.

— Мы уже обзвонили сто четыре человека, — сообщила она с триумфом. — И мы будем звонить завтра весь день.

По крайней мере ей было чем заняться. А вот Тодд не мог ничего делать в воскресенье, он только волновался. Примерно в обеденное время он позвонил в Джерси, надеясь поболтать с Шарли и немножко поднять настроение. Но его надежда была начисто уничтожена после разговора с нею. Да, она была рада, что будет пресс-конференция. Она уже договорилась с Катриной, что будет ей там помогать.

— Боб был очень добр ко мне и дал мне отсрочку, — сказала она и вдруг неожиданно разрыдалась.

Слезы и всегда-то его нервировали, а уж тем более по телефону, и хуже всего — слезы Шарли. Шарли, а не кто-нибудь другой плакал сейчас! Не то чтобы она долго рыдала — через несколько секунд взяла себя в руки, — но ясно было, что напряжение, с каким она хранила свою позорную тайну, стало для нее слишком тяжелым грузом.

— Боб просто доверяет мне, без всяких гарантий,— сказала она.— Ты понимаешь? Он такой искренний. А я чувствую себя последней свиньей.

И тут Тодд услышал самое худшее.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, Тодд, честно. Даже и не думай об этом ни секунды. Это было мое решение, также как и твое, но... ну, понимаешь... я думаю, я не смогу жить с этим на моей совести до аукциона. До марта. Мне нужно сказать ему.

Сердце Тодда чуть было не остановилось. Прилипнув к телефонной трубке, он просил, умолял, но почувствовал, что угадал правду. Он и сам сомневался, что Шарли дотянет до марта. У нее тогда будет нервный срыв. Он вспомнил, как Катрина тревожилась за Шарли, но он отвел ее тревоги как беспричинные.

— Чепуха,— сказал он.— Шарли в порядке.

И еще раз Катрина оказалась права, а он — не прав.

В конце концов он сказал:

— Шарли, давай поговорим об этом после пресс-конференции. Мы все будем там. Приедет Хэнк, и мы вместе подумаем. Что-нибудь придумаем. Не беспокойся.

После чего он с горькой иронией подумал о том, что сказал «не беспокойся» Катрине, Шарли, Хэнку, тогда как сам беспокоился так, что едва мог спокойно рассуждать. А что касается ужина в среду — «в среду я буду уже мертв, если не получу предложения в письменном виде».

Он позвонил Мэнни, надеясь, что хотя бы Друри удалось как-то уговорить. Мэнни ответил вопросом:

— Начать с хорошей новости или с плохой?

Хорошей новостью было то, что Друри принял приглашение на пресс-конференцию. Плохой было то, что он был все еще в нерешительности насчет предложения Мэнни по перефинансированию. Даже услышав о том, что Карьер увеличил цену, Мэнни все еще оставался в сомнениях.

— Двенадцать миллионов — это недостаточно, Тодди. Еще одно нет — это что-то, чем я не могу рисковать в этой игре. Друри уже соблазнился, но тебе нужна бóльшая цифра, чем эта.— Он рассмеялся и попытался подбодрить Тодда.— Я все еще верю. Ты сделаешь это завтра.

Но по телефону
Позвони Карьеру.
что Гонсалес знает
— Он не знает
позже. Сейчас
Тодд был в
— Ты хочешь
Я узнаю в Лос-Анжелесе
Но, хотя он и не
придется остаться
венной на работе
Карьер, и, слушая
дать еще двадцать
Карьер в таком же
— Дай мне
сказал Карьер с тако
звучала как мо
нам об этом.
— Только не да

Тодд.

И Карьер услышал

— Может быть, с

Приходите на обед

ку.
Тодд чувствовал се
не могу связаться с
бы у меня только
Любой человек!

После этого он
делала его тревогу.

— Ты слышишь
Ох, Тодди!

Он почувствовал
уговаривать се

— Гонсалес пре
сказал ей, что

А Карьер просто
ключить сяду. С

говорил со мной

Наконец он на
разумно оценили

что Карьер, конеч
Конечно, Гонсалес

Тодду нужно с

Но пошеде льник вновь принес плохие новости.
Позвонил Карьер, чтобы сообщить первым делом,
что Гонсалес задержался в Мадриде.

— Он не приехал вчера, но я его жду сегодня
позже. Сегодня днем, если быть точным.
Тодд был в ярости.

— Ты меня морочишь! Я не могу здесь торчать.
Я улегаю в Лондон сегодня вечером.

Но, хотя он и взорвался от гнева, он знал, что ему
придется остаться. У него не было выбора. Его единст-
венной надеждой на письменное предложение был
Карьер, и, слушая его извинения и просьбу «подож-
дать еще двадцать четыре часа», он почувствовал, что
Карьер в таком же отчаянии, как и он сам.

— Дай мне шанс обсудить это дело с Хуаном,—
сказал Карьер с такой настойчивостью, которая уже
звучала как мольба.— Я уверен, это будет на пользу
нам обоим.

— Только не двенадцать миллионов,— отрубил
Тодд.

И Карьер уступчиво сказал:

— Может быть, с Хуаном пойдет по-другому?
Приходите на обед, я уверен, что мы заключим сдел-
ку.

Тодд чувствовал себя рыбой на крючке. «И я даже
не могу связаться с этим Русом,— подумал он.— Если
бы у меня только был другой вариант! Кто-нибудь!
Любой человек!»

После этого он позвонил Катрине. Сейчас она раз-
деляла его тревогу.

— Ты остаешься до завтра! Но завтра — вторник.
Ох, Тодди!

Он почувствовал, что в ее голосе был страх, и стал
угovarивать ее:

— Гонсалес представляет большие капиталы,—
сказал он, подбадривая одновременно и себя.—
А Карьер просто из штанов выпрыгивает, рвется за-
ключить сделку. Слышала бы ты, как он только что
говорил со мной по телефону.

Наконец они начали подбадривать друг друга. Они
разумно оценили ситуацию. Они сказали друг другу,
что Карьер, конечно, был очевидным покупателем.
Конечно, Гонсалес будет заинтересован, и, конечно,
Тодду нужно остаться до вторника. Тем временем

Катрина сообщила хорошие новости из Лондона. Приглашение на пресс-конференцию пригласили двадцать человек.

— И Майк пригласил еще больше людей, которые занимаются туризмом, агенты по недвижимости, с которыми ты разговаривал. Я думаю, человек пятьсот наберется.

Тодд вздрогнул при мысли о расходах. Перед ним встало лицо Смитсона.

Потом Катрина сказала:

— Да, и этот самый Рус звонил из своей конторы в Париже. Он сказал, не смог бы ты ему позвонить? Подожди секунду, я дам тебе номер.

Тодд знал номер наизусть, он звонил по нему слишком много раз. Что он и сказал Русу через десять минут.

— Где вы были? — закричал он. — Я думал, что мы уже заключим контракт к сегодняшнему дню.

Рус, правда, даже не извинился. Он сказал:

— Мой клиент попал в беду, мистер Тодд, поэтому я и бросил все. Я работаю так, что мои клиенты — в первую очередь.

И он начал распространяться о том, как спасал одного неудачливого клиента, который после его усилий стал в десять раз богаче. Никакой другой рассказ не произвел бы большего впечатления на Тодда. Он-то действительно был в беде. Ему действительно нужно было стать в десять раз богаче. Ему тоже нужен был Рус.

И поэтому, несмотря на то, что он сердился из-за потерянного времени и ему был противен снисходительный тон Руса, он был очень рад его предложению о встрече. Вопрос был в том, когда?

— Как насчет того, чтобы встретиться в Лондоне в среду? — спросил Рус. — Ваши люди пригласили меня на пресс-конференцию в обеденное время. Но, может быть, мы сможем встретиться заранее утром?

На этом и порешили.

Лучше поздно, чем никогда, подумал Тодд, повесив трубку.

Он сделал все, что мог. Никто другой не смог бы сделать больше. Сейчас он должен был ждать до завтра...

— Но я просто тороплюсь,— возражал Карьер.— Поэтому я и позвонил и попросил вас приехать пораньше. Оставайтесь и обедайте, как мои гости. Простомне надо идти, потому что мой рейс...— он замолчал и поглядел на часы,— через пятьдесят пять минут.

Они были в зале для коктейлей в «Белле Висте», большой комнате с красиво украшенным потолком и мраморными полами на двух уровнях. Тодду очень нужно было выпить, чтобы пережить удар от сообщения Карьера, что Гонсалес не прилетел вчера днем.

— Но именно поэтому я и лечу к нему,— настойчиво убеждал Карьер.— Я поужинаю с ним в Мадриде и встречусь с тобой на пресс-конференции завтра. Никак не пойму, чего вы суетесь. Я ведь не стал бы поднимать такую бучу из-за ничего?

Тодд и Хэнк обменялись тревожными взглядами. Извинение было правдивым. Они прибыли как раз в тот момент, когда портье выгружал чемоданы Карьера из машины.

Тодд сказал с нотой отчаяния в голосе:

— Но ты обещал подписать свое предложение сегодня. Поэтому я и остался. Я бы вернулся, чтобы...— Он остановился, поняв, что сказал слишком много, надеясь, что это прозвучало скорее возмущенно, чем испуганно.

Карьер подозвал официанта и заказал ему принести еще выпить гостям. Он подождал, пока официант соберет пустые бокалы и вернется в бар.

— Я таких обещаний не давал, мистер Тодд. Я надеялся, что мы сможем продолжить наши переговоры, но, к несчастью, Хуан задержался по делу.— Его лицо смягчила улыбка.— Поэтому я позвонил ему. Мы обсудили наше дело, мы еще обсудим его сегодня вечером, и я встречусь с вами в Лондоне завтра.

— С предложением,— сказал Тодд с мрачной подозрительностью в голосе.

— Ну конечно,— улыбнулся Карьер. Он говорил правду — Гонсалес задержался, они говорили по телефону и договаривались поужинать вместе. Он даже рассказал ему общий план будущей сделки, и Гонсалес ею заинтересовался. Тем временем Карьер принял решение насчет письменного предложения. Пускай еще

денек подергается. Они были в полном отчаянии насчет сделки. И он им предоставит право заключить ее. Но на его условиях и без всякого аукциона.

Вот в таком виде он все и оставил. Что бы Тодд ни говорил, Карьер отказывался давать им письменное предложение, но дал обещание написать такое завтра. После этого он уехал в аэропорт.

Они остались пообедать. Ничего больше не оставалось делать. Они заказали билеты на вечерний рейс в Лондон, и им еще надо было убить время до вылета. Тодд вчера ожидал, что он будет совсем в другом настроении.

Хэнк пытался успокоить его, как мог.

— Он блефует, заставляет нас попотеть от страха. Он завтра явится с предложением, не волнуйся.

Но Тодд волновался. И особенно волновался о том, как сказать Катрине.

— Она нормально среагирует, — сказал Хэнк, пытаясь убедить его. — Нормально, как только узнает, что завтра Карьер будет с предложением.

Даже если и так, Тодд все равно волновался насчет Морони.

— Ты даже не знаешь, явится ли он, — сказал Хэнк. — Кроме того, не будет же он убивать тебя на глазах у пятисот людей? И, в любом случае, ты ведь сказал, что должен прийти его адвокат. Мы сможем все ему объяснить. Мы действительно продаем «Палому Бланку». Этого ведь они хотят, правда?

Тодд рассеянно кивнул.

— И в любом случае беспокоиться не надо, Карьер прибудет с предложением в кармане...

Хэнк говорил все, что мог придумать, и после обеда, и весь день, но только позже, когда они сели в Боинг и полетели в Лондон, он наконец смог возродить в сердце Тодда надежду. Они говорили о завтрашней утре, и Тодд сказал, что, пока Катрина и Хэнк поедут прямо в Хилтон, он сможет часок поработать в офисе до встречи с Русом.

— Вот! — вдруг воскликнул Хэнк. — Рус!

Тодд посмотрел на него.

— Вот что взвинтит Карьера! Когда ты войдешь вместе с Русом! Вот что мы забываем. Они знают друг друга, ты помнишь?

Тодд уставился на него.

— Карьер-то дурак, но он так волнуется все, что мы только по Лицо Тодда про...
— Ах ты, черт...
— Я его матос...
Хэнк усмехнулся...
договориться с Русом...
И они оба рассмеялись...
Карьера. Это дало ему надежду...

— Сегодня великий...
— Ну, скижи это...
— Все читал про...
— И половина не...
будут писать.

Герберт хмыкнул...
— И какая програт...
Тодд рассказал ему...
мак и Рус» на Гросвет...
— А потом — в Х...
— Хорошо. А вы...
ничаєте?

— Немного, — при...
о другом предмете: ...
беспокоился, там был...
было в их руках, а пер...
чертова предложения...
рони... нервничал из-з...

И его нервозности...
были в офисе. Слили...
Она сразу же подскочи...
поздороваться с ним...
пуганно на него поспе...

— Доброе утро, С...
Она кивнула на...
его за руку.

— В твоём кабинете...
тала она, еще раз в...
вошел. Я не мог...
получить должок. Он...

— Тихо, тихо. На...

— Карьер-то думает, что он точно получит отель, но он так испугается, увидев Руса, что он подпишет все, что мы только подсуем ему.

Лицо Тодда просветлело.

— Ах ты, черт возьми!

— Я его малость подогрею до твоего прихода, — Хэнк усмехнулся. — Я скажу ему, что ты ушел, чтобы договориться с Русом персонально. Тогда он забегаает.

И они оба рассмялись, представив выражение лица Карьера. Это дало им хорошее настроение, какую-то надежду...

— Сегодня великий день, босс.

— Ну, скажи это еще раз.

— Все читал про это, да?

— И половины не прочел. Еще и завтра газеты будут писать.

Герберт хмыкнул, глядя в зеркало.

— И какая программа на утро?

Тодд рассказал ему про встречу в «Альсруер, Вормак и Рус» на Гросвенор-сквер.

— А потом — в Хилтоне.

— Хорошо. А вы как себя чувствуете? Нервничаете?

— Немного, — признался он, говоря совершенно о другом предмете: ведь не о пресс-конференции он беспокоился, там были Майк Томпсон и Катрина, все было в их руках, а переживал он из-за Карьера и этого чертова предложения. Он нервничал, что появится Морони... нервничал из-за встречи с Русом...

И его нервозность только возросла, когда они прибыли в офис. Сэлли ждала внизу, в рекламном зале. Она сразу же подскочила к двери и, вместо того чтобы поздороваться с ним и улыбнуться, как обычно, испуганно на него посмотрела.

— Доброе утро, Сэлли. Что случилось?

Она кивнула на дверь его кабинета и схватила его за руку.

— В твоём кабинете какой-то человек, — прошептала она, еще раз взглянув назад. — Он только что вошел. Я не могла остановить. Он сказал, пришел получить должок. Он сказал...

— Тихо, тихо. Насчет чего он пришел?

— Их там двое. Один в мастерские пошел.

У него опустилось сердце. Сначала он даже не поверил. Потом появился гнев, оттого что Морони все-таки решил уничтожить его. «Ведь в этом нет необходимости. Я сказал Лапьеру, что происходит. Я объяснил! Даже пригласил его на пресс-конференцию!» Он уставился на Сэлли, и ее тревога передалась ему. Потом он обрел дар речи.

— Только двое? А не четверо? Здоровые такие?

Она посмотрела на него с изумлением.

— Я только двоих видела. А что, ты их ждешь?

Он ожидал чего угодно, только не этого. «Только не того, что они придут сюда,— подумал он в ужасе.— Не сейчас, не так». Он понял, что разговор с Лапьером был бесполезен. В прошлый раз ведь было то же самое, и он тоже объяснил все Лапьеру, но это ничего не изменило. Морони все равно притащил своих бандитов. Глубоко вздохнув, он попытался собраться с мыслями.

Сэлли сказала:

— Он велел мне заниматься своими делами, пока он будет говорить с тобой.

Гнев даже заслонил страх в его душе. Он делал все возможное. Никто не смог бы сделать больше.

— Ах, вот как! — рявкнул он, так как гнев пересилил. — Ну, я им не позволю так врываться. Им придется подождать, пока Карьер придет сюда. — С этими словами он побежал за Сэлли, поднялся по ступенькам и распахнул дверь общего офиса. Дверь его собственного кабинета закрылась перед его носом. Бросившись наискосок по комнате, он так спешил, что задел бедром за угол стола Сэлли. Распахнув дверь, он устремился навстречу Морони. И вдруг он остановился. Мужчина, сидевший за его столом, был ему незнаком.

— А, мистер Тодд?

Тодд уставился на него, в поле его зрения попал хорошо скроенный костюм для деловых встреч, хорошая английская речь, очки в роговой оправе, лицо человека среднего возраста.

— Меня зовут Аткинсон,— сказал незнакомец, поднимаясь из-за стола.

— Да? — равнодушно сказал Тодд. Это имя ничего не говорило ему. Он не знал этого человека, он был уверен, что никогда раньше не видел его.

Слишком удивленный, чтобы сказать что-нибудь, он застыл у стола.

— Боюсь, я с плохими новостями. Я... м-м-м, — незнакомец кашлянул — Я представляю ваших банкиров. Я назначен на опись «Оузи» и «Тодд Моторс».

Неожиданные слова не сразу дошли до Тодда. Потом весь ужас новости дошел до его сознания, и Тодд покачнулся и схватился рукой за край стола.

— Естественно, у меня есть судебный чек, — сказал незнакомец, показав какие-то нестряс бумажонки и выложив их на стол.

Тодд вдохнул воздух в себя.

— Исполнитель!

Шагнув к столу, он рухнул на стул, чтобы не упасть.

— Боже мой, — сказал он тихо, уставившись на незнакомца. Он понял, что Сэлли вошла следом за ним. Она стояла в дверном проеме, поднесла ладонь к губам, и тревога ясно отражалась на ее лице. За ее спиной он видел Герберта, который входил в общий офис.

— Всегда это бывает ударом, я понимаю, — сказал незнакомец.

Тодд уже забыл, как его звали. В его голове еще недостаточно прояснилось, и он не мог осознать детали.

— Вы имеете в виду, вас назначил этот негодник Смитсон?

— Фактически суд. Процедура такова: банк обращается в суд, а затем...

— Вы только что приехали? Прямо с небес? Без предупреждения?

— Так и надо. Если предупредить заранее, можно все подчистить.

Тодд смотрел на него пустым взглядом.

— Вы понимаете, я должен забрать вашу контору. Весь ваш бизнес. Для защиты интересов банка. В надежде вернуть им деньги.

Сердце Тодда екнуло. Он понял, в чем была роль исполнителя, но его мысли были так далеко отсюда, что он почти не слушал объяснения незнакомца. Мокрой, вспотевшей рукой он пытался найти какие-то бумаги у себя на столе, а другой рукой схватился за телефон. Он поднял голову и увидел, что Сэлли все еще стоит в дверном проеме.

— Соедини меня с Мэнни Шайнером, пожалуйста. И не обращай внимания на то, что тебе там скажут. Мне нет дела, с кем он там, а если он на конференции...

— Кто такой Мэнни Шайнер? — перебил незнакомец.

Все еще глядя на Сэлли, Тодд ответил:

— Мой финансовый директор.

Когда Сэлли повернулась и побежала звонить, незнакомец сказал:

— Строго говоря, вы должны получить мое разрешение, прежде чем звонить кому-либо. И ни на один звонок не можете ответить без моего одобрения.

У Тодда на шее вздулись вены. Краска бросилась в его лицо. Его голос был хриплым от ярости.

— К черту! Это мой офис...

— Уже нет, — резко сказал незнакомец. — С того момента, как назначен исполнитель. Я могу здесь распоряжаться всем, пока не покрою банковские расходы или не ликвидирую бизнес. И вы ничего не сможете сделать.

Чтобы не дрожали руки, Тодд положил их на стол. И вдруг яркая молния вспыхнула у него в мозгу.

— Посмотрим! — рявкнул он, резко поднимаясь с кресла.

Сэлли закричала:

— Телефон!

— Такое отношение вам не поможет, — холодно произнес Аткинсон. — Поймите, пожалуйста, что сотрудничество со мной — в ваших интересах.

Тодд снова упал в кресло. Он ухватился за трубку. — Мэнни! — закричал он, но понял, что попал на телефонистку. Через минуту он услышал голос Мэнни. Сквозь зубы Тодд объяснил ему все, что произошло. Мэнни застонал, затем послышался шум, и ничего не было слышно. Потом Мэнни ругнулся и замолчал, как будто бы задумался. После чего произнес:

— Я здесь закругляюсь, но хочу, чтобы тебя там не было. Ты только все испортишь. Не начинай спорить. Поднимайся и уходи.

Тодд даже и подумать о таком не мог. Уходить? Только через его труп. Он посмотрел на офис, свой офис, в котором он вел свое дело. Через раскрытую дверь он видел Герберта, который стоял рядом со столом Сэлли. Его люди. А Мэнни тем временем все

еще говорил, что он больше навредит, чем делу поможет, но только половина из того, что говорил Мэнни, могла облегчить Тодду удар и чувство потери.

— Какие у тебя были планы на утро? — спросил Мэнни.

«Планы? Как же теперь он мог говорить о планах?»

— Давай в Хилтон, — говорил Мэнни. — Помоги Катрине.

Он представил, как стоит перед пятьюстами людьми и признается, что его дело опечатано, и застонал.

— Мэнни, я не могу пойти туда, мне надо быть здесь...

И тут Мэнни взорвался. Тодд никогда не видел, чтобы он так сердился. Он закричал жутким голосом. Отодвинув трубку от уха, Тодд слышал выражения, подобные «соберись», да и еще кое-что. Аткинсон их тоже слышал, потому что ехидная улыбка появилась на его лице, когда он подошел закрыть дверь. В следующую минуту ему чуть не поддали под зад, потому что Сэлли ворвалась в комнату. Два шага — и она оказалась рядом с Тоддом и яростно повернулась навстречу Аткинсону. Положив руку на плечо Тодду, она встала рядом с ним, готовая противостоять исполнителям, банкам, судам и кому угодно.

На лице Аткинсона появилось выражение безграничного удивления. Потом он слегка пожал плечами, подтянул брюки и опустился на стул.

Мэнни продолжал говорить с настойчивостью и успокаивал одновременно и себя, и Тодда, заставляя его сконцентрироваться на делах, а не поддаваться чувствам.

Аткинсон взглянул на часы.

Мэнни тем временем продолжал говорить:

— Поезжай в Хилтон и получи предложение от Карьера. И Друри может просто так зайти. Если он заплатит Смитсону, ты можешь сказать «прощай» исполнителям. Это можно сделать очень быстро. Но только в том случае, если ты получишь предложение сегодня. А без этого, Тодди, все. Все будет с тобой кончено.

Уставившись на фотографию «Паломы Бланки», Тодд очень четко вспомнил день, когда он впервые увидел это место.

— ...а теперь — вон оттуда, — говорил Мэнни. —

Я сейчас поеду и увижусь с ним, с этим. Как это, ты сказал?

Тодд бросил взгляд на незнакомца.

— Простите, я не расслышал, как вас зовут.

— Аткинсон. Фирма «Мэнли и Чамберс». Я уверен, что ваш финансовый директор слышал о нас. — Он поднялся, подошел к столу и протянул руку к телефону. — Я должен поговорить с ним.

Тодд передал ему трубку. Он вышел в общий офис, закрыл дверь, присел на минутку на краешек стола Сэлли, пытаясь собраться с мыслями. Сэлли была полна участия, предлагала сварить ему кофе, а Герберт переминался с ноги на ногу и был таким же несчастным и отчаявшимся, как и сам Тодд. Но он знал, что Мэнни был прав. Если бы он остался, его нервы бы не выдержали, и он в сотню раз ухудшил бы ситуацию.

— Нет, лучше всего будет, если я уйду, Сэлли, — сказал он, легонько потрепав ее по руке. — Мэнни уже выезжает. Он знает, что делать. Пусть он тобой тут руководит. — Он пошел к двери, но у выхода повернулся и посмотрел на нее. — Я вернусь, — сказал он.

Он спустился по лестнице вместе с Гербертом, который шел за ним по пятам, прошел через рекламный зал и вышел из здания.

— Я вернусь, — повторил он, садясь в машину.

Герберт ехал вперед, не дожидаясь инструкций. Он останавливался у светофоров на перекрестках, а потом продолжал ехать в сторону Вест-Энда, поглядывая на Тодда через зеркало.

Тодд плохо выглядел и плохо себя чувствовал. Ему просто необходимо было выпить. Было только половина десятого, но ему нужно было выпить, и он сказал об этом Герберту. Пять минут спустя они заехали в одну винную лавочку. Герберт вернулся скоро, притащив с собой бутылочку, завернутую в какую-то ткань, которую он переложил на заднее сиденье. Потом вытащил термос-фляжку из бардачка и протянул ее Тодду.

На секунду он вспомнил о том, как Лео, однажды наверху в «Ритце», в своем номере, говорил о своем лекарстве: «Половина на половину — лучшее средство от шока, старик». «Черт возьми, Лео! Я не могу принимать все это сейчас!»

Да, шок был действительно. Это была последняя капля. С тех пор, как Готтом, было похоронено. Через пару дней все кругом узнают про убийство. «Такие вещи не остаются долго в тайне. Мой престиж лопнул. Все кончено»

— Куда теперь, босс?

— Я не знаю, — глухо сказал он, и в голосе его прозвучало полное и окончательное поражение. Его единственной мыслью было раздаться горе с Катриной, но было бессмысленно ехать домой. Она наверняка уже уехала в Хилтон, и его отчаяние только усилилось оттого, что она сейчас была вся в делах и в волнении.

Герберт взглянул на него.

— Вам все еще нужно быть на Гросвенор-сквер в половине десятого?

Тодд уставился на него, он был уже неспособен принять какое-либо решение, он все еще пытался представить, как ему жить теперь, после того, что произошло. Он чувствовал себя униженным, злым и ботлым одновременно.

— Выпейте, шеф, — сказал Герберт ободряющим голосом. — И давайте немного поспим около Гайд-Парка.

Скотч и горячий кофе помогли. Второе помогло даже больше, чем первое. Потом было еще третье, которое уже состояло из чистого скотча, после чего он открыл в машине окно и вдохнул сырой воздух.

Но по крайней мере у него прояснилось в голове. Его мозг снова ожил, хотя его мысли разбегались в разные стороны и были полны всяких «если только» — «если только я бы смог продержаться еще три месяца, чтобы устроить этот аукцион». «Если бы у меня были эти три месяца».

Он вздрогнул, подумав, что ему предстоит быть на виду на пресс-конференции в наихудший день в его жизни. Полнейшее унижение. Он видел, как он сморгнет вниз с помоста, а другие лица смотрят на него снизу вверх — лицо Катрины, Хэнка, Шарли, Мэнни. Мэнни собирался еще привезти Друри. Да, сейчас будет хороший шанс. Он видел еще и другие лица. Карьер, Лапьер. **МОРОНИ!**

Он дернулся.

— Вы в порядке, шеф?

— Что?

— Может быть, остановиться? Поразмяться. У нас есть еще время.

Они пересекали мост через Серпентайн.

— Хорошо. Почему бы и нет?

Оставив Герберта в машине, он поднял воротник, чтобы защититься от прохладного воздуха, и пошел по тротуару. В воздухе ощущался запах дождя, и это делало ветерок скорее влажным, чем холодным. Серпентайн был таким же серым, как и небо. Парковые скамейки были пусты. Но этого он не замечал. Не видя ничего вокруг, он засунул руки в карманы и шел дальше с опущенной головой.

Он что-то бормотал про себя, пока шел и смеялся с горечью, думая о том, как он отчаянно настаивал на том, чтобы провести аукцион в марте. Теперь в этом не было никакого смысла. К марту «Толд Моторс» и «Оуэнс» прекратят свое существование. Все пойдет с молотка, чтобы заплатить этому негодяю Смитсону! Он даже мог бы отдать Карьеру «Палому Бланку» прямо сейчас. Это даже и лучше, чтобы покончить со всеми этими дурацкими делами. По крайней мере Шарли получит свои деньги. Тогда она сможет вернуть их. И все будет хорошо. «И Карьер будет очень доволен,— сказал он сам себе сухо.— Он ведь был в таком ужасе от аукциона».

Он остановился, повернулся и посмотрел в сторону машины, глядя скорее в пространство, чем на окружающие его предметы. И когда он сделал это, отчаянная идея продать все немедленно приобрела в его голове конкретные формы. Она была подсказана тем, что Карьер был против идеи аукциона. «Предположим, я пойду к Карьеру и скажу ему: «О'кей, к черту аукцион. Ты можешь получить все сегодня, если заплатишь другую...»

Стоя на краю моста, он отбросил ногой камешек и услышал, как он упал в воду. Машинально он смотрел, как расходятся круги по поверхности воды, но старался сконцентрироваться на этой своей мысли. Его единственным шансом спастись была немедленная продажа. Сегодня. Это был его последний шанс. Он думал о том, как много ему для этого понадобится. Два миллиона для Смитсона, девять для Морони, шесть для Шарли...

Не оспаривая
ответит Карьеру
нич. «О'кей, Асс
всемна...
аукцион».

Но и тогда К
А...
И еще раз...

воздух...
у него...
дней в кулаки...
с Карьером.

Рус! Он...
был бы...
что тут...
он поднимет...
Он взглянул...

тридцать!
Он побежал к

Рус выбрал о
ему Толд.

— Мое внут
надо начать с э
Это представляе
о том, что имен
Обслуживание. И
страицы...

Слова пролет
нужна была бро
Не было времени
что-нибудь, что
на пресс-конфере
что Русу правит
почти ни одного
прибытия. Рус пр
возможности.

Ему бы не
об его необяза
лефону. А сейча
что до чертиков
Вот так и Рус го

Не осознавая, что делает, он повернулся и стал медленно возвращаться к машине. Он представил, как отводит Карьера в сторону прямо на пресс-конференции. «О'кей, Хосе, ты можешь получить все сегодня за восемнадцать миллионов. Прямая пролажа. Забудь об аукционе».

Но и тогда Карьер все равно будет торговаться. А торговаться не было времени.

И еще раз он остановился. Даже при таком сыром воздухе он покрылся потом при мысли о том, как мало у него времени. Его руки дрожали. Его пальцы сжались в кулаки, когда он думал о препирательствах с Карьером.

Рус! Он вспомнил свой разговор с Хэнком. Вот Рус был бы хорошей приманкой. Если бы Карьер подумал, что тут замешан Рус, оставался небольшой шанс, что он поднимет цену. Один шанс!

Он взглянул на часы. Стрелки показывали десять тридцать!

Он побежал к машине...

Рус выбрал одну из фотографий, которые послал ему Тодд.

— Мое внутреннее чувство говорит мне, что надо начать с этой, которая на обложке брошюры. Это представляет собой что-то реальное. Говорит о том, что именно мы собираемся продать. Класс. Обслуживание. Исключительность. Теперь внутренние страницы...

Слова пролетали мимо ушей Тодда. Карьеру не нужна была брошюра. Не ко времени все это было. Не было времени. Но он молча слушал, боясь ляпнуть что-нибудь, что могло бы заставить Карьера не пойти на пресс-конференцию. И было также очевидным, что Русу нравился звук собственного голоса. Тодд почти ни одного слова не произнес с момента своего прибытия. Рус просто не предоставил ему такой возможности.

Ему бы не понравился Рус, даже не зная он об его необязательности, когда он говорил по телефону. А сейчас он ему не нравился из-за того, что до чертиков преуспевал. Все в конторе «Альсруер, Вормак и Рус» говорило о богатстве и преуспевании.

Приемный зал внизу олицетворял собой больше денег. В оранжерее была представлена самая большая коллекция экзотических цветов Лондона, если не считать Кью Гарденс. Стены с особыми покрытиями были украшены фотографиями самых престижных зданий в Европе. Рядом с кожаными креслами стояли низенькие столики, на которых стояли модели замечательных образцов недвижимости в Копенгагене и Корфу, Берлине, Бирмингеме, Лиссабоне и Лилле.

А наверху было еще круче. Тогда провели в конференц-зал, отделанный розовым деревом, он прошел по ковру десятидюймовой толщины и сел за стол, который был таким большим, что за него можно было усадить половину населения Соединенных Штатов. И в этом кабинете стоял Рус, вытянувший руку в приветственном жесте.

— Мистер Тодд! Ну, наконец-то!

Тодд хотел сказать: «Черт возьми, это не моя вина. Я бы встретился с тобой и раньше». Но вместо этого он улыбнулся и пожал руку Руса, оценив при этом изысканный шелковый костюм от Армани и к нему шелковый галстук... и загар... и фальшивую улыбку... и то, что Рус сам налил кофе из маленького серебряного кофейничка в дрезденские фарфоровые чашки.

Потом последовала длинная лекция о том, почему «Альсруер, Вормак и Рус» были наиболее удачливой и реальной агентской компанией по продаже недвижимости. Тодд беспокойно и нетерпеливо дергался в кресле. Он думал о том, как там Мэнни. Время шло быстро. Ему бы следовало ожидать Карьера в Хилтоне. Рус ему нужен был только для того, чтобы он пришел на пресс-конференцию — но Рус говорил о чем угодно, только не об этом.

— Таким образом, мы сделаем классический документ, — говорил он. — Он будет напечатан на бумаге с водяными знаками и будет в красивой кожаной обложке. — Он вдруг замолчал, увидев, что внимание клиента как-то рассеялось. — Что-нибудь не так, мистер Тодд?

— Нет, нет, вы говорите прекрасно, но... — Тодд взглянул на часы. — Просто я очень скоро должен быть в Хилтоне. — Он бросил на Руса тревожный взгляд. — Вы ведь придете, правда? Это здесь недалеко.

— Я постараюсь заглянуть к вам попозже, — про-

изнес Рус с ободряющей улыбкой — Должен сказать, что я заинтригован. Если уж говорить правду, я уже много думал над вашим маленьким проектом.

Тодд вздрогнул, чувствуя обиду от того, что самую большую ошибку в его жизни назвали «маленьким проектом».

— Конечно, этот ваш маленький концерт даст вам кое-какие плюсы.

Уже два раза он сказал слово «маленький»! Тодд начал медленно закипать от ярости. *«Ах ты, козел. Если бы ты мне не был так сильно нужен...»* Он выдавил улыбку.

— Едва ли это «маленький концерт», мистер Рус. Мы планируем аудиторию мирового значения, которая составит пятьдесят миллионов человек.

— Нет, это-то конечно, — искренне закивал Рус. — Я снимаю перед вами шляпу. Тут уже есть что продать. Вы не поверите, какую это создает огромную разницу. А тем более в наши дни. Хуже рынка просто не представишь. — Откинувшись назад в кресло, он показал рукой на цветную фотографию, висевшую на стене. — Видите ее? — спросил он, а потом замахал руками. — А, нет, это не та. Я думал, это снимок «Бич-Отеля» в Римини. Слышали когда-нибудь о нем?

Когда Тодд покачал головой в ответ, Рус не удивился. Он придумал это название только что.

— Продал его в прошлом месяце, — соврал он. — Замечательный отель. Прекрасно был размещен. Примерно такой же по размеру, как и ваш. Два года назад он потянул бы на тридцать миллионов. А в прошлом месяце он был продан за одиннадцать, и то только потому, что наша фирма проводила продажу. Владельцы сначала обратились в другую фирму до нас и получили предложение только на семь миллионов.

Убив одним ударом двух зайцев, он откинулся в кресле и наблюдал за эффектом, который вызвали его слова.

Тодд забыл о своем раздражении. Сердце у него упало. *«Значит, рынок настолько плох! Знает ли об этом Карьер? Боже мой, надеюсь, что нет».*

Получив удовольствие от столь очевидного испуга, Рус продолжал:

— Ну, не будьте таким мрачным, мистер Тодд. Я уверен, что у вас ситуация лучше. Для начала

вы пришли прямо к нам. Таким образом, это ставит вас в лидирующую позицию, и потом у вас еще предстоит эта телевизионная передача, и вы должны извлечь из нее все возможные преимущества. Таким образом, еще предстоит масса работы.— Вздыхнув, он повернулся в своем кресле и протянул руку за документом на столе у него за спиной.— Чем быстрее мы сделаем всю бумажную работу, тем скорее все у нас закончится.

— Бумажную работу?

— Просто стандартное соглашение.— Рус пододвинул Тодду напечатанный контракт.— Как только вы подпишете его, я запущу в действие всю машину. К сегодняшнему вечеру уже целая команда людей будет работать над этим.— Он протянул руку через стол и подал Тодду свою ручку.— Сегодня утром, я думаю, согласуем брошюру,— сказал он весело.— Вы прислали нам столько хороших фотографий, что мы их можем поместить и внутри ее, поэтому я подумал...

И он снова заговорил о каких-то посторонних предметах. У него были клиенты, которые больше гордились фотографиями своей собственности, чем даже фотографиями семьи. Это был тот урок, который он вбивал в голову своим помощникам: «Поймайте их на брошюре, и они подпишут контракт не задумываясь».

Однако было ясно, что этот маленький толстячок о чем-то думал!

— У вас какие-то проблемы, мистер Тодд?

По-прежнему держа ручку Руса в руке, Тодд поднял глаза от контракта.

— Это дает вам три процента от цены продажи, я правильно понял?

— Да, и, боюсь, это все,— вздохнул Рус. Он неопределенно пожал плечами: — Правда, я хотел бы получить больше. Мы ведь и заслуживаем больше. Это меня временами раздражает, но самая ценная часть работы — та, которую клиент никогда не видит. Вся работа как бы за сценой. Поверьте мне, что приходится попотеть до чертиков, но именно это как раз и создает такую разницу. Поэтому-то наши клиенты всегда и получают наилучшую цену. Я буду обговаривать этот проект по твердой цене в следующую пару месяцев. Тем же самым будет заниматься и остальная моя команда. Мы будем писать письма, звонить, прово-

дить встречи, использовать наши лучшие связи, подогреть почву для этого концерта Барзини. Потом мы получаем телевизионную передачу для широкого круга и после этого... — он усмехнулся, — ...мы бьем по ним аукционом. Как вы думаете, мистер Тодд? Выдержат ли ваши нервы аукцион?

Вопрос не мог бы быть задан в более неподходящий момент. Тодд как раз пытался отвлечься от мыслей о том, что он теряет, заключая сделку столь поспешно. Ему нужно было продать «Палому Бланку» сегодня. Это был его единственный шанс, а Рус напомнил ему об упущенных возможностях.

Рус рассмеялся.

— Вижу, что вы удивлены, но именно так я хочу сыграть эту партию.

Тодд не был удивлен. Он чувствовал странную боль в сердце. Слушая, как кто-то другой говорит об его собственных планах, он чувствовал, как нож вонзается в рану. Он положил ручку Руса на стол. Он хотел сказать: «Это именно то, что я хотел бы сделать». Вместо этого он посмотрел на Руса болезненным взглядом.

— Да, сэр, я планирую провести аукцион в марте, через три-четыре недели после телевизионной передачи. Но я должен сказать вам, что произойдет, мистер Тодд. Мы будем поднимать, поднимать и поднимать цену. — Рус важно кивнул головой. — Следите за моей мыслью: мы будем наращивать давление, и за несколько дней до аукциона кто-нибудь сделает нам как раз нужное предложение, поэтому мы можем отменить аукцион и избежать дополнительных расходов. — Он откинулся назад в кресле, сияя. — Итак, мистер Тодд, наши клиенты всегда получают самую высокую цену. Потому, что мы никогда не останавливаемся на достигнутом.

Тодд почувствовал себя таким несчастным, что не мог больше сидеть спокойно. То, что описывал Рус, было очевидным. Ему не надо было про это рассказывать. Он это знал! Резко отодвинув стул, он поднялся и подошел к окну, уставившись вниз, на Гросвенорсквер.

Донсэльз удивленный, Рус посмотрел на Тодда, потом на неподписанный контракт. От подписи Тодда зависела прибыль больше миллиона. И человек не подписал!

Чувствуя тревогу, Рус собрал все силы для последнего удара.

Да,— сказал он, стараясь говорить дружеским тоном.— Я знаю, о чем вы думаете. Вы сами себе задаете глобальный вопрос. Вы говорите себе: *а какая самая большая цена на «Палому Блинку»?*

Тодд отвернулся от окна и кивнул с несчастным видом.

— Да, вы правильно поняли,— мрачно сказал он и снова подошел к столу.

Рус позволил себе лукаво улыбнуться.

— Хорошо, то, что я намерен сделать сейчас,— сказал он уверенно,— это сделать небольшой прогноз вашей цены. Ну, так, предварительно. Да? Реальную сумму.— Он поднял руку предупреждающим жестом.— Запомните одну важную деталь. Фактически — после того, как мы сделаем все брошюры, разошлем все письма, обзвоним всех, проведем переговоры, после всей нашей тяжелой работы и вашего телевизионного представления. Другими словами, после всего этого, в марте. Так?

Тодд кивнул, не думая.

— И не забывайте о том, что я вам сказал о ситуации на рынке. Люди продают огели каждую минуту, даже пока мы с вами сидим здесь.

Тодд вздрогнул и забился поглубже в кресло.

— С другой стороны, вера горами движет — счастливо рассмеялся Рус.— Поэтому я делаю высокие ставки.— Он собрал силы для этого великого момента.— Ладно, тогда вот.— Позволив себе отвести глаза от Тодда, он взглянул в бумаги, которые лежали перед ним на столе.— В какой валюте вам, мистер Тодд? Испанские песеты, доллары США, рейхмарки, стерлинги...

— Стерлинги подойдут,— пробормотал Тодд.

Вытащив карманный калькулятор и положив его на стол перед собой, Рус начал набирать какие-то цифры.

— По сегодняшнему курсу — сказал он, поглядев на Тодда с улыбкой,— я был бы разочарован, если бы это не составило двадцать три миллиона английских фунтов.

Удар в глаз ошарашил бы Тодда меньше. Некоторое время он просто смотрел на Руса в немом изумле-

нии. Затем сдавленным голосом он повторил цифру, чтобы удостовериться, что он не ослышался.

— Двадцать три миллиона?

— Да, это моя оценка, — кивнул Рус с добродушной улыбкой.

Одна половина Тодда хотела плакать. Он хотел рвать на себе волосы и стискивать зубы. Но другая половина хотела, чтобы Катрина услышала Руса. И он хотел, чтобы это услышал Мэнни. Он хотел, чтобы это услышал этот негодяй Смитсон. Он говорил им это. Время, время, говорил он им. Разве нет? Боже, ведь он говорил им. Он был во всем прав, но они никогда не верили в «Палому Бланку».

— Мне кажется, мы говорим о чем-то вполне приемлемом, не так ли? — спросил Рус, поднимаясь с кресла и подходя к Тодду. — Итак, если вы просто подпишите соглашение, мы все запустим в движение. Как я уже сказал, мы сегодня сделаем брошюру...

Будучи в отчаянии от жестокой несправедливости жизни, Тодд обратил к небу умоляющий взгляд.

— Двадцать три миллиона, — простонал он. В его голосе звучало отращение. Он и чувствовал отращение. Он чувствовал бы себя лучше, если бы сумма составляла половину. Не таким острым было бы чувство потери. Теперь ему придется провести остаток жизни в мыслях о том, что могло бы быть.

— Двадцать три миллиона! — повторил он сквозь сжатые зубы.

Гнев Тодда весьма озадачил Руса. На секунду он почувствовал сильное искушение поднять цену до двадцати пяти миллионов и на этом закончить дело, но его опыт удержал его. Вместо этого он произнес скромным голосом:

— Это приблизительная оценка, конечно. Я слежу за вашими мыслями. Вы, конечно, полагаетесь на телевизионное представление, я это понимаю. Нет сомнений, что это поможет, может быть, даже больше, чем я думаю. — Через секунду раздумья его лицо осветилось. — Вы, конечно, может быть, и правы. Как только мы начнем аукцион, мы можем получить двадцать три с половиной или даже двадцать четыре миллиона.

Тодд поднял глаза и уставился на Руса. Рус нервно рассмеялся.

— Аукционы — это такая вещь. Иногда даже профессионалы входят в азарт. Но что нам нужно сделать сейчас, так это начать. Правильно? Нам нужна реальная цифра, а не взятая из воздуха.

Тодд заморгал. До этого момента он был погружен больше в свои мысли, чем в то, что говорил Рус. Но сейчас его внимание привлекло то, что Рус нервничал. В голосе Руса была вполне узнаваемая нотка. Он услышал свой собственный голос, когда на Майорке он пытался убедить Карьера. Нотка отчаяния.

Рус еще немного пододвинул контракт Тодду.

— Хотите еще немного кофе? — спросил он и сделал движение, чтобы подняться с места.

Тодд поднял глаза от документов. Когда Рус наклонился к нему, его лицо было достаточно близко от Тодда, и он заметил испарину на лбу Руса. Он был удивлен. Вопросы так и посыпались. «На нем этот легкий шелковый костюм, и тем не менее он вспотел. Почему это? Мне даже прохладно...»

— Кофе? — повторил Рус, но он смотрел на контракт, а не на кофейник.

И пока Тодд следил за взглядом Руса, проявились инстинкты, воспитываемые годами. Большую часть жизни он провел, продавая машины. Он был хорошим купцом. И вдруг он точно понял, почему вспотел Рус. *«Этот парень боится упустить сделку!»*

Он был так ошарашен, что почувствовал зашатавание. Давая себе время подумать, он взглянул на часы:

— М-м, нет... не надо кофе, спасибо. Не хочется. — Он пристально посмотрел на Руса. Еще одна мысль с предельной ясностью возникла у него в голове. «Если он хочет продать, значит, у него есть покупатель». Мысли, как ракеты, вспыхивали у него в голове. «У него уже есть покупатель на «Палому Бланку».

— Действительно не хотите? — спросил Рус, на этот раз показав на кофейник.

Убедившись в том, что его догадка была правильной, Тодд покачал головой.

— М-м... нет, спасибо. Мне действительно уже надо идти. Почему бы нам не пообсудить это попозже в Хилтоне?

С разочарованным видом Рус откинулся обратно в кресло.

— Вам действительно
зат Тодд. — Пресс-к
тину того, что мы со
прямо в глаза Русу
можете решить, что
— Уверен, что та
но его улыбка сразу
разочарование.

Сердце Тодда чу
груди. «У этого мер
три миллиона!» Он
решить, что ему де
но не было ни од
прямая продажа м
подчеркивал, как
который получал
ность и еще сотню
маленькую пьесу,
давца, а клиент бы
умаслить. Но Рус
был настолько см
спокойно. Он вст
него. Подняв гла
Руса. Поэтому он
стил в карман.

— Нет смысла

он. — Понимает

вообще не пона

— Не знает

лась у него на

Тревога бы

прибыл сюда о

сейчас из них

становка сил

был сейчас на

— Я не по

Тодд блефа

— У меня

Бланку», — ска

чить на пресс-

Рус рухнул

ние. Он не мо

квастался сво

что отсель вы

— Вам действительно нужно пойти со мной,— сказал Тодд.— Пресс-конференция даст вам лучшую картину того, что мы собираемся продать.— Он смотрел прямо в глаза Русу.— Ну, я не знаю, вы, например, можете решить, что вас это не очень интересует.

— Уверен, что такого не будет,— легко сказал Рус, но его улыбка сразу погасла, а в глазах появилось разочарование.

Сердце Тодда чуть ли не выпрыгивало у него из груди. «У этого мерзавца есть покупатель! За двадцать три миллиона!» Он был слишком взволнован, чтобы решить, что ему делать. Он заключил тысячи сделок, но не было ни одной такой, как эта. Это была не прямая продажа машины. Имея новый «ягуар», он подчеркивал, как замечательно владеть им, статус, который получал его владелец, надежность, выгодность и еще сотню других факторов. Он бы разыграл маленькую пьесу, в которой ему отводилась роль продавца, а клиент был покупателем, которого надо было умаслить. Но Рус разыгрывал другую пьесу, и Тодд был настолько смущен и измучен, что не мог усидеть спокойно. Он встал. Он взял контракт. Он поглядел на него. Подняв глаза, он увидел недовольство в глазах Руса. Поэтому он сложил напечатанные листки и опустил в карман.

— Нет смысла подписывать это сейчас,— объяснил он.— Понимаете, это... как бы сказать... может быть, вообще не понадобится. Я еще пока не знаю.

— Не знаете? — воскликнул Рус, и тревога появилась у него на лице. Он вскочил.— Это еще почему?

Тревога была настоящей. Тодд сделал паузу. Он прибыл сюда отчаявшимся и потерявшим надежду, но сейчас из них двоих он был более уверенным. Расстановка сил переменилась. По правде говоря, это Рус был сейчас на грани срыва.

— Я не понимаю...

Тодд блефанул.

— У меня уже есть одно предложение на «Палому Бланку»,— сказал он.— И еще одно я собираюсь получить на пресс-конференции.

Рус рухнул в кресло. На лице его появилось отчаяние. Он не мог поверить в то, что услышал. А он-то хвастался своим клиентам: «Никто даже и не знает, что отель выставляется на рынке». Это была часть

его игры. И вот — услышать о предложении! Что же случилось с твоими исключительными покупательскими правами? — спросят его разозленные клиенты. Последствия заходили уже даже дальше потери его счета в миллион фунтов. Его репутация уже ставилась на карту. Теперь вообще не будет прибылей в миллионы фунтов. Сглотнув, он глубоко вздохнул, откашлялся и сказал с недоверием:

— Вы были у другого агента?

— Нет, нет, эти люди занимаются отелями.

— И они сделали вам предложение?

— Полагаю, да.

— Но вы его пока не приняли? — быстро спросил Рус, еще раз выдав себя.

— Еще нет, — весело признал Тодд. — Но сегодня великий день!

Рус поднялся и подбежал к нему. Он положил руку на плечо Тодда, словно хотел задержать его.

— Но вы, конечно, не хотите спешить? Нам нужно обсудить...

— Мистер Рус, я ловлю вас уже две недели.

Крепко ухватившись за руку Тодда, Рус требовательно спросил:

— И сколько же вам предложили люди гостиничного бизнеса? — Он попытался вложить в голос все свое презрение.

— Ну, этого я вам не могу сказать.

— Но не двадцать три миллиона? — взорвался Рус. — Вы понимаете, сколько я вам предлагаю? Двадцать три миллиона.

Тодд взглянул на него.

— Это твердое предложение?

Рус отпустил руку Тодда. Он прикусил язык. Испугавшись разговоров о других покупателях, он сказал лишнее. Он планировал согласовать цену во время переговоров. Он уже представлял, как будет без конца звонить Тодду в январе и феврале, чуть-чуть повышая цену, как будто это было последствием переговоров, которые он якобы вел. Рус любил, чтобы клиенты думали, что он в поте лица отрабатывает свои денежные. Благодарным клиентам было известно, что они делают ему прекрасный подарок при заключении сделки на продажу, свободную от налогов большую сумму. Теперь, сказав то, что не надо было, он попытался

вновь занять
в котором, к
после конче
любви, и
эта цена пр
Преснуви
— Не сей
чарование, и
Попытка.

— Конеч
на такую цен
повысится в
вы говорили
и продаете. Я
прежде времен
под автобус? А
несет прибыли

Тодд промол
— Я ведь
вновь обрести
ропить события
Тодд снова
в нем просну
существенным
разрушил после
сегодня.

Рус сказал:
— Так вот,
— Подожди
сосредоточиться
ну, например,
вам скидку.

— Скидку?
— Почему
Тодд стал раз
и продолжал: —
или... — он по
Томпсона, — ...и
скажем, по край
скидку. Это ведь
Рус моргал, с

— Пять мил
ваю на сегодня.

вновь занять упущенную позицию. — Это такая сделка, в которой, как я полагаю, можно достичь данной цены после концерта, — сказал он. — И после всех этих телевизионных дел. Я это твердо говорю. И я скажу, что эта цена предварительная.

Проснувшаяся было надежда снова погасла.

— Не сейчас? — сказал Тодд, пытаясь скрыть разочарование, и сделал шаг к двери.

Попытка, однако, провалилась.

— Конечно, вы сейчас не можете рассчитывать на такую цену, — проворчал Рус. — «Паломы Бланка» повысится в цене только после всего того, о чем вы говорили. И мы все это знаем. Поэтому вы ее и продаете. Но вы не можете ожидать всех денег прежде времени, правильно? А вдруг Барзини попадет под автобус? А вдруг телевизионная передача не принесет прибыли?

Тодд промолчал, его сердце бешено забилося.

— Я ведь сказал вам, — произнес Рус, пытаясь вновь обрести прежнее преимущество, — не нужно торопить события.

Тодд снова уставился на него. На несколько секунд в нем проснулась безумная надежда. Теперь, одним существенным и неоспоримым возражением, Рус разрушил последний шанс продажи «Паломы Бланки» сегодня.

Рус сказал:

— Так вот, то, что я предлагаю...

— Подождите, — перебил Тодд, отчаянно пытаясь сосредоточиться, — Если что-нибудь произойдет... ну, например, сорвется концерт, я предоставлю вам скидку.

— Скидку?

— Почему бы и нет? — Ухватившись за идею, Тодд стал развивать ее. Потом помолчал секунду и продолжал: — В случае если концерт не состоится или... — он попытался вспомнить расписание Майкла Томпсона, — ...или его не покажут по телевидению... скажем, по крайней мере в пяти странах, я дам вам скидку. Это ведь будет справедливо, так?

Рус моргал, стараясь вникнуть в идею.

Немного придя в себя, Тодд усмехнулся.

— Пять миллионов с цены долой. Это я подписываю на сегодня. Твердое соглашение, и в нем две

цифры.— Он поглядел на Руса с триумфом.— Ничего ведь такого в этом нет, правда же?

Рус медленно опустился на стул.

— Никогда еще не заключал подобной сделки,— мягко сказал он. В его голосе чувствовался все возрастающий интерес. Сделка, заключенная сегодня, была ему также выгодна.— Мы поставили рекорд, решив все вопросы в один день. Ни Альсруер, ни Вормак не зарабатывали миллион фунтов в один день. Будет чем похвастаться на встрече директоров.— Он поглядел на Тодда.

— Итак, вы говорите — двадцать три миллиона, если концерт состоится, и восемнадцать миллионов, если...

— Нет,— весело перебил Тодд.— Я этого не говорил. Я ожидаю, что цифры будут больше. Это зависит от предложений, которые я получу в Хилтоне.

Рус взглянул на него.

— Я намереваюсь продать «Палому Бланку» сегодня, мистер Рус.

Рус почувствовал, что у него засосало под ложечкой.

— Я приеду,— быстро сказал он.— Но сначала я должен кое-кому позвонить.

Тодд отвернулся, чтобы скрыть волнение.

— Вы знаете, где меня найти? — спросил он, открывая дверь.

Рус крикнул ему вслед:

— Не подписывайте ничего, пока я не приеду. Я полагаюсь на ваше слово. Я приеду, как только смогу.

Тодд почти не замечал теперь, что было в приемной внизу. Когда он приехал сюда, он был поражен ее величиим, а сейчас, покидая приемную, он видел только пластинчатые стеклянные двери, ведущие на улицу. Выйдя из помещения, Тодд глубоко вдохнул свежий сырой воздух и, спускаясь по ступенькам, чуть было не запрыгал от радости. В лихорадочном волнении он начал искать глазами Герберта. Тодд попытался одним взглядом охватить площадь, он поднялся на мыски, он чуть не сломал шею, он смотрел налево и направо и, не найдя Герберта, отправился в Хилтон. Он бежал, замедляя бег, шел пешком, потом снова бежал.

С покрасневшим
Курдюком. Он
сам грядом. Он
открытого са
— Черт

минутку!
Тодд замахнулся

заднее сиденье.

— Я уж и так

Охля и едва пере

— Ладно. Я все

— Куда тороп

Тодд кинулся

отдыхаться. Он

дцать раз. Он

стоял. Он куда-то

миллиона. «Да

прибыли! Мы

он им об этом ска

Вспомог от вол

шил платок из кар

галстук и смахнул

Дождь, который

Но в машине Тод

внезапно выглянул

— Вы выгляди

чив дворники.— К

— Хорошо.—

берт, я чувствую

красно, просто

— А перед э

Герберт, обозна

Лейн.— А что

— Пусть ка

Герберт усмех

— Вот это

Но Тодд был

исполнителях

справляется

смаатривать

у нас на

для нас

имеют

Ну вот, на

С покрасневшим лицом, запыхавшийся, он был на Курзон-стрит одновременно с Гербергом, который ехал рядом, нажимая на клаксон и махая ему рукой из открытого окна.

— Черт вас побери, шеф! Остановитесь хоть на минутку!

Тодд задыхался и, ничего не ответив, плюхнулся на заднее сиденье.

— Я уж и фары включил,— пожаловался Герберт. Охая и едва переводя дыхание, Тодд сказал:

— Ладно, я все равно тебя не увидел.

— Куда теперь? В Хилтон?

Тодд кивнул, все еще ловя ртом воздух, чтобы отдышаться. Он взглянул на часы. Двенадцать тридцать ровно. Он опаздывал. Ну и что? Опоздание того стоило. Он куда угодно бы опоздал за двадцать три миллиона. *«Двадцать три миллиона! Пять миллионов прибыли! Мы спасены!»* Он представлял их лица, когда он им об этом скажет.

Вспотев от волнения и бега по улице, Тодд вытащил платок из кармана и вытер лоб. Он поправил галстук и смахнул пыль с пиджака.

Дождь, который собирался с утра, наконец пошел. Но в машине Тодд чувствовал себя так, как будто бы внезапно выглянуло солнце.

— Вы выглядите лучше,— сказал Герберт, включив дворники.— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо,— кивнул Тодд.— Все в порядке, Герберт, я чувствую себя хорошо, я чувствую себя прекрасно, просто прекрасно.

— А перед этим я за вас разволновался,— сказал Герберт, обогнав медленно ехавшую машину на Парк Лейн.— А что насчет этого идиота в вашем офисе?

— Пусть катится к чертовой матери.

Герберт усмехнулся.

— Вот это здорово! Пусть себе катится!

Но Тодд был в ужасе от мысли, что информация об исполнителях уже дошла до всех. Он подумал, как там справляется Мэнни? Наклонив голову, он стал рассматривать себя в зеркале. *«Господи, пожалуйста, у нас наконец появился шанс, пусть Мэнни выиграет для нас хоть немного времени. Даже сорок восемь часов имеют значение»...*— молился вслух Тодд.

Ну вот, наконец они прибыли на место.

— Удачи, шеф,— сказал Герберт, обернувшись через плечо.

— Спасибо,— ответил Тодд. И вдруг ему захотелось произнести что-то о том, сколько лет они работают вместе, и о том, что Герберт никогда не подводил его, и о том, как он ему благодарен, но все что он смог, так это улыбнуться ему.— Мы еще не разбиты, Герберт. Мы еще не разбиты.

Еще не дойдя до входа, Тодд уже слышал музыку, доносившуюся снизу. Повсюду висели огромные плакаты, рекламирующие «Палому Бланку», название которой было написано золотыми буквами на красном фоне. Глубоко вздохнув, он побежал вверх по ступенькам, надеясь найти Мэнни, но столкнулся с огромным количеством людей, которые оживленно болтали и смеялись. Веселый шум заглушал даже музыку внизу. Погруженный в серьезную беседу, Майк Томпсон поднял глаза и, увидев Тодда, помахаивал ему рукой. Ошарашенный, Тодд едва смог отреагировать на его приветствие. Напротив Майка он увидел Софи, которая держала бокал одного из гостей, пока тот возился с сигаретами и зажигалкой. Он увидел Дона Антонио, запрокинувшего голову и громко хохочущего. Он увидел Хэнка, но Хэнк стоял к нему спиной, разговаривая с Карьером. Он с тревогой разглядывал лица людей, пытаясь найти Мэнни.

Но Мэнни не было видно.

Он оглянулся вокруг и почувствовал гордость за Катрину, поняв, что все это устроила она. Он крутил головой во все стороны, чтобы как следует рассмотреть фотографии «Паломы Бланки» рядом с фотографиями добродушно улыбающегося Энрико Барзини. Он заметил мелькнувшую в толпе рыжую шевелюру Шарли. Проходящий мимо официант предложил ему бокал шампанского, который он машинально взял с подноса. Вдруг его неожиданно кто-то подтолкнул сзади локтем. Он обернулся и увидел Глорию.

— Правда, здорово? — спросила она, улыбнувшись, и на ее лице появились хорошенькие ямочки.— Пришли даже те, кого мы и не ждали.

Тодд огляделся: примерно в десяти шагах от него стоял один из бандитов Морони. Душа Тодда ушла в пятки, когда он узнал самого здорового

из тех, кто тогда ворвался в его дом. Но он заставил себя улыбнуться и помахать рукой проходившему мимо Лапьеру.

— Месье Тодд! — воскликнул Лапьер. — Должен вас поздравить. Здесь все-все. Я только что разговаривал с человеком из «Ле Фигаро».

Тодд едва слышал его.

— Что этот здесь делает? — закричал он со злостью и поднял глаза на здоровяка. — Убирайся, пока я тебя отсюда не вышвырнул!

Прежде чем здоровяк что-либо ответил, Лапьер положил руку на плечо Тодда.

— У вас есть что-нибудь для меня?

Несмотря на мягкий тон, в голосе явственно прозвучала угроза.

— Таким образом вы ничего не получите, — огрызнулся Тодд. — Выбросите его отсюда, или... — Он хотел сказать еще что-то, но почувствовал, как кто-то тронул его за локоть. Он повернулся и увидел Хэнка. Забыв о Лапьере и здоровяке, стоящем позади него, он схватил Хэнка за руку.

— Хэнк! Слава Богу! Нам нужно поговорить...

— Карьер здесь.

Раньше самым важным для них было присутствие на пресс-конференции Карьера. Теперь же Тодд даже думать об этом забыл. Он отвел Хэнка в сторону.

— Забудь про Карьера. Ты видел Мэнни Шайнера? Послушай, у меня только что была фантастическая встреча... — Он остановился и, бросив взгляд через плечо, увидел вокруг множество людей. — Господи! Нам нужно найти место, чтобы поговорить.

Они пошли в маленький кабинет, в котором было несколько стульев и стол, заваленный отзывами прессы. Тодд с силой хлопнул дверью. Потом подержал ее, проверяя, плотно ли она закрыта. В едином потоке слов он вывалил все, что произошло на встрече с Русом. И когда Тодд закончил, то почувствовал, как его волнение передается Хэнку.

— Двадцать три миллиона?

— У этого мошенника точно есть покупатель. Он ему собирался звонить, когда я ушел. Именно поэтому он и приезжал на строительство в прошлом месяце. Теперь он чуть не обделался от страха потерять сделку.

— Два покупателя! — Хэнк воздел руки к небу. — Карьер еще визжит насчет аукциона. Ему нужен твердый контракт, и сегодня.

Тодд рассмеялся.

— И он может получить его, но аукцион все равно будет. Сегодня. Ты свяжись с Карьером, а я возьму на себя Руса, как только он приедет сюда. Держать их нужно подальше друг от друга, но надо дать им понять, что они — конкуренты. Мы предложим им ту же самую сделку со скидкой в пять миллионов... — Тодд осекся, потому что в дверь отчаянно стучали.

Он открыл дверь, на пороге стояла Катрина. Тодд просто остолбенел. Он никогда прежде не видел жену такой красивой.

— Боже мой! — воскликнул он. На ней был ее голубой костюм. Тот голубой костюм, который ему так нравился, но сегодня она выглядела в нем совершенно иначе.

— Ну где ты был? — воскликнула Катрина.

— С Русом, — ответил Тодд, глядя на ее вырез. — Ты не видела Мэнни?

— Презентация через десять минут начнется! — возмутилась она.

— А вот и Мэнни, — сказал Хэнк, выглянув в открытую дверь.

И действительно, Мэнни был уже здесь и пытался пробиться сквозь толпу. Поймав тревожный взгляд Тодда, он подмигнул ему и повернулся, показав глазами на стоящего рядом человека.

— Вы ведь помните мистера Друри, — сказал Мэнни уверенно, но давая знак банкиру присоединиться к ним.

Тодд протянул ему руку.

— Добрый день, мистер Друри. Очень рад, что вы пришли.

— Я тоже этому рад, — сказал Друри. — Это памятный день для вас.

— Вы и половину всего не знаете, — сказал Тодд с чувством, глядя при этом на Мэнни. Он представил Друри Хэнку и Катрине и поспешно извинился. — Можно ненадолго оставить вас с Хэнком и моей женой? Мне нужно быстренько переговорить с Мэнни.

С этими словами он взял Мэнни за руку и нырнул обратно в толпу.

— Все нормально с пере... — начал Мэнни и снизил голос до шепота. — Я затасил огонь.

От волнения Тодд затряс Мэнни за плечо.

— Ты гений! Как тебе удалось...

— Наврал с три короба. Как еще? Вот, мошенником стал. — Я и Эйб Кацман. Я позвонил Эйбу по телефону и попросил о большом одолжении. Эйб притворился перед Аткинсоном, что он собирается дать нам большой кредит, но все отменилось из-за плохой славы...

Даже сознание того, что Аткинсон отложит дело только на двадцать четыре часа, не смогло убить эйфорию Тодда. Обняв Мэнни за плечи, он увлек его за собой вверх по лестнице. Люди толпились везде. Тодд ругал себя за то, что забыл все документы в офисе, но было бы глупо сейчас просить Друри уйти.

— Нам нужно отыскать тихое место, — сказал он. Они быстро поднимались по лестнице, пока не добрались до небольшого склада, забитого коробками и стульями для конференции. Втолкнув Мэнни внутрь, он поймал бегущего мимо официанта и сунул ему в руку двадцатифунтовую бумажку.

— Постой-ка здесь немного.

Потом Тодд захлопнул дверь у него перед носом и повернулся к Мэнни.

— У меня совершенно невероятное предложение! Подожди, послушай меня.

Глаза Мэнни широко раскрылись, пока он слушал. Он открыл было рот, но снова закрыл его. Он сунул руку под пиджак и схватился за сердце.

Не переводя дыхания, Тодд выхватил стул из угла и поставил его на пол.

Мэнни благодарно рухнул на него, он не сводил глаз с лица Тодда.

— Это действительно реально? — спросил Мэнни, как только смог вставить слово. В глазах его стоял вопрос, а в голосе — мольба. — У Руса есть клиент? Ты получил письменное предложение?

— Я думаю, мы сможем получить его. Он будет здесь с минуты на минуту. — Тодд глотнул воздуха и взглянул на Мэнни с триумфом. — Вот та самая хорошая новость, которую мы ждали, Мэнни. Вот она!

Они обнялись. Прошла почти целая минута, прежде чем кто-нибудь мог сказать хотя бы слово. Тодд заговорил первым:

— Ну что, Друри будет править бал?

— Что ж, по-твоему, он просто так сюда пришел? Но нам нужно предложение сегодня...

— Я получу его сегодня...

— В письменном виде...

— Да, да,— быстро перебил Тодд, в уме подсчитывая свои долги. Он с радостью расплатится с Шарли, и та успокоится. Еще раз сложив все цифры, он скинул со счетов Морони. Морони может подождать до того, как кончится концерт.— Мне нужно десять миллионов,— сказал он.— Завтра утром. Друри должен пойти на это, правда? В самом худшем случае мы получим восемнадцать миллионов. У него будет надежная поддержка...

— Эй,— возразил Мэнни.— Остановись-ка на минутку. Ты ведь даже не знаешь, на кого работает Рус. Назови мне имя его клиента, и я дам тебе ответ.

— Держу пари, что это какая-нибудь большая корпорация.

— Назови мне их, и я достану тебе деньги.

Тодд быстро начал соображать. Ведь оставалось так мало времени.

— Берни. Он ведь тоже должен быть здесь.

Мэнни рассеянно поглядел на него.

— А кто такой Берни?

— Берни Фрэнсис, мой адвокат. Ты его знаешь. Ты ведь знаешь Берни.— Он схватил Мэнни за плечи и затряс его.— Послушай, найди мне Берни и притащи его, чтобы мы смогли заключить соглашение. А может быть, у него в офисе есть стандартная форма? — Мысль Тодда перескакивала с одного предмета на другой.— Оставить место для имени и цифр. Мы потом заполним. Если нужно будет что-то напечатать, Катрина напечатает, а может быть, здесь, в отеле...

В дверь постучали. Разозлившись на то, что его прервали, Тодд рывком распахнул дверь, думая увидеть там официанта, но в дверях стояла Шарли. Ее лицо светилось. Он притянул ее к себе и обнял. Тодду захотелось сказать ей, что он заплатит ей завтра и что она в безопасности, но здесь был Мэнни, а Мэнни ничего об этом не знал.

— Тебе через пять минут выступать, Катрина с ума сходит, тебя ищет. Я просто случайно увидела, как ты заходил сюда.— Она наморщила лоб, взглянув сначала

ла на Мэнни, затем на коробки с ящиками, стоявшие в углу возле стены.— Что ты тут делаешь, а? — Не дождавшись ответа, Шарли потянула его к двери.— Ну, Тодди, пойдем же,— сказала она настойчиво. Потом остановила его на минутку и поправила галстук.

— Речь подготовил? — спросила Шарли строго.

Но самое последнее, о чем он думал в тот момент, была речь. Он почувствовал себя машинистом поезда-экспресса, который на большой скорости был внезапно остановлен. Рассеянно глядя вокруг, он начал похлопывать себя по карманам, ища записи.

— Да не волнуйся,— сказала она.— Просто скажи парочку приветственных слов. Представь Майка, Дона Антонио и Хэнка, и потом пусть Майк продолжит. Он все уже организовал.

— Хорошо,— ответил Тодд с благодарностью, глядя, как толпа постепенно заполняет конференц-зал. И куда бы он ни посмотрел, он везде видел полотнища с золотыми буквами на красном фоне: «Барзини в „Паломе Бланке“!»

— Удачи,— прошептала Шарли, сжав его руку.

Он кивнул и показал ей два скрещенных пальца.

Стоя на сцене, Тодд чувствовал, будто он вырос на десять футов. Он ощущал себя героем-завоевателем. В том настроении, в котором Тодд поднялся на кафедру, он смог бы выступить перед двумя палатами Парламента. И он говорил очень хорошо. Он даже шутил. Он полагался на случай. И когда он передал слово Майку Томпсону, его проводили громом аплодисментов.

Речь Майка блистала остроумием, он был прирожденным оратором и умел завладеть аудиторией.

Итак, Тодд сел на место, он с удовольствием слушал, радуясь тому, что рядом были Хэнк и Дон Антонио. Он смеялся над шутками Майка. Он слушал его с уважением. Вдруг погас свет и на экране появился Барзини и заговорил о концерте. Он с восхищением смотрел пятиминутный фильм Майка о «Паломе Бланке».

Прошло двадцать минут.

Потом полчаса.

Время от времени Глория открывала дверь и впускала какого-нибудь опоздавшего — но Филипп Рус не появлялся.

Тодд начинал нервничать. Он видел Карьера, сидящего в первом ряду, видел Лапьера. Он видел Катрину рядом с Друри, Мэнни и Берни, о чем-то разговаривавших вполголоса. Со своего места Тодд мог видеть весь зал. Но Руса нигде не было.

Презентация была рассчитана на сорок пять минут.

Тогда Тодда охватил дикий страх. Что, если Рус не появится? Или появится и скажет, что никакая сделка не состоится? Что, если...?

Его сердце оборвалось.

Ему не понравился Рус. Если уж быть честным, совсем не понравился. Он не доверял ему. Он бы и не поверил ему с...

Рус прошел через приемную, зная, что он должен купить «Палому Бланку», чтобы спасти свою собственную репутацию. Его уши до сих пор горели после телефонного разговора с Нью-Йорком. Клиенты не любили поспешных решений, и они не заставили его сомневаться в том, что недовольны. Дела пошли еще хуже, когда он узнал об огромном успехе Барзини в Нью-Йорке и о том, что газеты написали маленькие статейки про его концерт в «Паломе Бланке» — но Рус потерял лицо и прекрасно знал это.

Сейчас его намерения были самыми добрыми. Ему предложили цену в двадцать восемь миллионов фунтов стерлингов — *«но ни цента больше до телевизионной передачи»*, — он шел с намерением купить «Палому Бланку» за двадцать пять миллионов. Тогда он сможет похвастаться клиентам, что сэкономил для них три миллиона фунтов. Еще раз он мог оправдать свое доверие. Не говоря уже о том, что мог получить рекордную сумму денег.

Он добрался до верхней ступеньки на лестнице и поспешил в приемную, прошел мимо огромных фотографий Барзини и «Паломы Бланки», догадавшись, что все уже находятся за двойными дверями в конце коридора, но на полпути его поймала Глория.

— Добрый день. Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Меня зовут Рус, — ответил он, глядя на книжечку в ее руке.

Гром аплодисментов донесся из-за дверей.

Рус нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока Глория листала страницы в книжечке.

— Я встречался с мистером Тоддом сегодня утром,— сказал он.

Глория наконец нашла его имя в списке.

— Ах, да, мистер Рус, но думаю, что вы уже опоздали на презентацию.

Прежде чем он успел сказать что-то, двойные двери открылись, и люди устремились вниз в приемную. Рус был ошарашен таким количеством людей. Он представлял себе несколько десятков, а не сотен народа, и один-единственный взгляд на их лица сказал ему о том, что на них пресс-конференция произвела огромное впечатление. Из слов Глории он понял, что небольшой обед будет сервирован в холле. Он уже собирался сказать Глории комплимент, как увидел Тодда под руку с человеком, чье лицо ему показалось очень знакомым. Рус нахмурился и наконец вспомнил его имя. Карьер! Карьер из «Беллы Висты», на Майорке! Конечно. Ругнувшись про себя, Рус вспомнил, как Карьер боролся за то, чтобы выбить деньги для «Беллы Висты». Да. Карьер — это другой номер.

— А! — воскликнул Тодд с облегчением и повернулся к Русу.— Я полагаю, вы знакомы?

Они сухо улыбнулись друг другу, едва обменялись рукопожатием, как появился Хэнк и увел Карьера в столовую.

— Мы вас нагоним,— сказал Тодд им вслед и повернулся к Русу.

— У нас тут есть небольшой кабинет, где мы могли бы потолковать с вами,— произнес он, пропуская вперед Руса.— Садитесь, пожалуйста.

Никто из них не был так уверен в себе, каким притворялся. Рус сделал вид, что изучает фотографии «Паломы Бланки» на стене.

— Это что, ваш человек, который занимается отелями? — презрительно фыркнул он, садясь.— Карьер — мелочь пузатая. У него нет средств, чтобы выиграть в большой лиге.

— Однако не думаю, что вы знаете его партнера,— ответил Тодд, садясь с другой стороны стола.— Хуан Гонсалес? Винодел? Он владеет половиной Испании.

Они, как боксеры, завоевывали преимущества. Каждый подставлял другого. Замечание Тодда насчет

Гонсалеса крепко ударило по Русу, но тем не менее он заставил Тодда попервничать, притворяясь, что ему это безразлично. Тодд подумал, не поспешил ли он считать цыплят по осени.

Судья признал бы равный счет.

Если бы только они знали, как много у них общего. Рус должен был купить «Палому Бланку». Тодд должен был продать ее. Морони бы повесился, увидев их вместе. Он бы оценил юмор ситуации, поскольку, поставив Тодда в безвыходное положение, он, сам того не желая, послал к нему Руса в качестве спасителя. Морони бы потирал руки, радуясь своей шутке. Он бы даже сказал: «Мне свойственно помогать людям». А Лео бы потом играл на этой истории многие годы.

Но Тодд ничего не знал о встрече Руса на Мон-мартре...

А Рус ничего не знал об угрозах Морони в адрес Тодда...

Где-то там, в отеле, Катрина печатала так быстро, как только успевали ее пальцы. С одной стороны от нее стоял Берни Фрэнсис, который диктовал изменения к стандартному соглашению, с другой — Шарли. Время от времени они обменивались тревожными взглядами, потому что, хотя цифры и были исключены из того документа, который она печатала, Мэнни рассказал Катрине о суммах, которые были вовлечены в это дело, а она поделилась с Шарли. И женщины обнялись, сказав друг другу глазами то, что они боялись произнести вслух. «Неужели это возможно? Соглашение сегодня? На двадцать три миллиона?»

В столовой, за угловым столиком, в перерывах между закусками Мэнни имел беседу с Друри.

— Полагаю, что Рус работает на крупную корпорацию. Некоторые вещи говорят о том, что это «Эл, Дан и Брэдстрит», фирма мирового значения. Так что, если предположить, что мы правы, мы можем сделать следующий шаг...

— Это как раз то, что ты хотел, Хосе. Сделка сегодня. Но тебе придется очень сильно повысить цену... — говорил Хэнк Карьеру.

И за огромным столом, украшенным букетом цветов, Майк Томпсон рассказывал журналистам о том, какой грандиозный успех будет иметь фильм во всем мире.

— Да, конечно, я объездил весь свет, но должен сказать вам, я никогда не видел места красивее, чем «Паломы Бланка». На экране оно просто великолепно.

Неподалеку от них Софи пленяла журналиста из «Санди Таймс».

— Вы согласны, что наш архитектор — гений? — мурлыкала она, повернувшись к Дону Антонио, который сидел рядом с ней.

Тем временем, мелькая в проходе между столами, Глория проверяла, все ли бокалы наполнены, все ли гости довольны. Недовольным оказался лишь Хосе Карьер, которому явно не везло. Спустя полчаса он вернулся от телефона. Он просил Гонсалеса дать ему больше денег.

Хэнк смотрел, как Карьер садился на стул.

— Ну, что Хосе? Мне уже пора повидаться с Тодди. Нужно твое окончательное предложение.

Карьер выглядел самым несчастным человеком на земле. Люди вокруг смеялись, разговаривали и поднимали бокалы, а он чувствовал себя не в своей тарелке. Он был так уверен, что станет владельцем «Паломы Бланки». Он для этого прибыл в Лондон. Вылетая из Мадрида, он пообещал Гонсалесу:

— Мы получим ее за семнадцать, самое большое — восемнадцать.

Хуан был далеко не в восторге от его звонка.

— Ну? — настаивал Хэнк.

Карьер вытер влажные руки салфеткой.

— Двадцать четыре, — сказал он с болезненной гримасой. — Двадцать четыре миллиона.

Хэнк поднялся из-за стола.

— Это твой последний шанс, Хосе. Можешь поднять еще выше?

Покачивая головой, Карьер застонал, словно раненый зверь.

— Я сейчас вернусь, — произнес Хэнк, направляясь в приемную.

Тодд уже выходил из кабинета. Увидев Хэнка, он показал ему рукой на лестницу, и оба побежали вниз по ступенькам, но по пути столкнулись с Катриной и Шарли. Все четверо чуть было не упали.

— Ну? — потребовал ответа Тодд. — Сколько?

— Двадцать четыре миллиона. А ты?

— Двадцать пять!

Они смотрели друг на друга, и на их лицах были написаны радость и волнение. Все четверо обнялись.

Первым заговорил Хэнк.

— Карьер больше цену не повысит,— сказал он, задыхаясь.— Он бы и душу заложил за «Палому Бланку», но я догадываюсь, что Гонсалес на более высокую цену не пойдет.

И все они посмотрели на Тодда, ожидая его реакции, когда вдруг наверху появился Мэнни. Он поспешил вниз, чтобы присоединиться к ним.

— Ну? — спросил он, переводя взгляд с одного лица на другое. Мэнни прямо рухнул на ступеньки, узнав, как возросла ставка. Прошла минута, прежде чем он обрел дар речи. А потом посыпались вопросы:

— Так кого представляет Рус? Он сможет подписать от их имени?

— Он еще не назвал их имя, но он говорит, что они представляют одну из крупнейших корпораций в мире. Они перешлют подтверждение по факсу, в случае если мы примем их предложение.

Мэнни протянул Тодду руку, и Тодд помог ему подняться. Секунду они смотрели друг на друга. Потом Мэнни сказал:

— Итак? Ты собираешься еще тут стоять и болтать? Я думал, что ты купец!

Хэнк похлопал Тодда по плечу, Катрина наклонилась и поцеловала его, а Шарли улыбнулась ему своей дразнящей улыбкой.

Когда Тодд начал подниматься вверх по лестнице, он вспомнил, как Лео говорил ему: *«Я все еще верю, старик»*.

Воспоминание было таким ярким, что он чувствовал рядом присутствие Лео. «Я дам тебе адрес адвоката в Париже»,— сказал тогда Лео. Когда Тодд вошел в столовую, он увидел Лапьера и его компаньонов, сидящих за столиком. Он остановился, потом быстро направился к ним.

— Я вас предупреждаю,— он наклонился и почти приставил губы к уху Лапьера.— Первое, мне придется арестовать этих господ за то, что они воруют мою еду, и второе, скажите шефу, что мне положена скидка.

Лапьер с удивлением посмотрел на него.

Тодд продолжил:

— Он дал мне срок до апреля. Я плачу на месяц

раньше и получаю скидку. Так что вы лучше позвоните и скажите ему об этом.

— Но...— начал было Лапьер, но Тодд уже вышел из столовой. Он появился в приемной с таким решительным выражением лица, что Глория, увидевшая его возле дверей кабинета, воскликнула:

— Честное слово, у тебя свирепый вид. Я как раз принесла выпить тебе и твоему гостю. Я думала, что ты еще с ним.

— Да, я с ним,— сказал он, забрав у нее поднос и возвращаясь к дверям.

— Спасибо, Глория,— улыбнулся Тодд, и улыбка еще не сошла с его лица, когда он вернулся к Русу.

Но Рус никак не мог предполагать, что эта улыбка относилась к Глории. Он решил, что это улыбка торжества. Его сердце упало.

— Ну? — спросил он с тревогой.

И в этот короткий миг Тодд понял, что Рус может выложить на стол больше денег!

— Вы были правы,— сказал он.— Двадцать пять — это слишком много для Карьера.

Рус улыбнулся с облегчением и протянул руку за бокалом.

— Я ведь говорил вам...

— Но Гонсалес — один из самых богатых людей в Европе. Я вас предупреждал.

Улыбка на лице Руса погасла.

— Он готов заплатить больше, чем двадцать пять миллионов?

— Да, и при этом не надо платить ему комиссионных.

Возмущенный, Рус захлопнул дверь, как бы для того, чтобы Тодд не смог уйти.

— Больше двадцати пяти миллионов,— повторил Рус. Он даже застонал, представив реакцию своих клиентов. Они больше никогда не станут связываться с «Альсруер, Вормак и Рус». В ужасе он обратился к Тодду:

— Вы уже подписали что-то с Карьером?

Тодд перелистал бумаги, которые ему дала Катрина.

— Вот соглашение. Оно готово для подписания.

Рус рванулся вперед и схватил соглашение. Он быстро взглянул на него и вздохнул с облегчением,

увидев, что оно не подписано. Он насильно усадил Тодда в кресло.

— Разве мы не можем согласовать это здесь, между нами, без всех этих хождений туда-сюда. — он показал на закрытую дверь. — Я не дурак. Я еще немного подниму цену. — Он посмотрел Тодду в глаза. — Может быть, чуть-чуть подниму. — Рус сглотнул, ненавидя себя за то, что собирался сделать. Никогда раньше он не доходил до максимума. Он заставил себя говорить. — Но если я назову эту цифру, мне нужно ваше слово, что мы заключим сделку сейчас. Прямо здесь. Хватит торговаться. Что вы на это скажете?

— Это зависит от цифры.

— Ладно, ладно, но действовать будем таким образом. Правильно? Но больше я не подниму цену ни на пенни. Это предел всех пределов. Вы поняли меня?

Тодд посмотрел на него.

— Предположим, я скажу двадцать восемь миллионов? — продолжил он, глядя в лицо Тодду. — Это подойдет? Двадцать восемь миллионов и та же самая скидка, если с концертом будет что-нибудь не так. — Он взмахнул рукой. — Двадцать восемь миллионов с концертом, двадцать три миллиона без него?

Тодд ослабел от радости. Даже без концерта они заработают пять миллионов. А с концертом он и Хэнк получают каждый по пять миллионов.

— Что вы скажете, мистер Тодд?

— Но все равно ваш процент. Ведь, как мне кажется, вы работаете на покупателя...

— Забудьте про мой процент, — сказал Рус впервые в своей жизни. Эти слова вылетели у него, прежде чем он смог остановить себя.

— Хорошо, — ответил Тодд, показав на телефон. — Я предлагаю, чтобы вы созвонились с ними, и я принесу сюда факс. — Он показал на соглашение. — Ну что, вы рады?

Рус провел пальцем по странице, пробежал глазами по строчкам. Потом он перевернул страницу и то же самое проделал со вторым листом.

— Вроде бы нормально. А, подождите минутку... — Он нахмурился. — Дата обмена контрактами должна быть заполнена. Тут сказано после концерта...

— Я как раз думаю об этом. Концерт заканчивается в десять тридцать. Как насчет того, чтобы отпраздновать событие? Ваши клиенты должны приехать в качестве гостей. Думаю, им понравится Энрико Барзини, и мы сможем завершить нашу сделку в полночь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Необычайное волнение нарастало в Майорке уже начиная с декабря, а сейчас напряжение здесь было больше, чем в самой «Паломе Бланке». Семьдесят дней и ночей строители работали, пытаясь обогнать время, и каждые двадцать четыре часа возникало новое срочное дело. Планы менялись и уточнялись. Второй этаж основного здания еще не был полностью достроен, но снаружи казалось, что, попав на просторные террасы и пройдя по великолепным широким коридорам, попадешь в не менее великолепные номера. Пока это обман. Номера представляли собой пустые, с плохо оштукатуренными стенами и незаконченными полами помещения. Правда, на верхнем этаже было уже закончено около ста номеров, и когда наступил наконец долгожданный день, они уже были заселены музыкантами, певцами, телевизионщиками и техническими работниками, большинство из которых уже жили здесь по крайней мере три недели.

В общем, все, что можно было увидеть невооруженным глазом, было закончено. Огромная терраса с видом на море была достроена. Площадки были вылизаны, кроме тех, на которых в дальнейшем будут располагаться теннисные корты и закрытые бассейны, а также были готовы места для четырех тысяч счастливицев, которые получают билеты на величайший в мире концерт. Сцена и подсобные помещения были уже готовы. Оркестровая яма, встроенная на месте огромного, словно для олимпийских соревнований бассейна, была закончена, также как и студия для Майка Томпсона. И только гавань осталась неприкосновенной, поскольку была уже заполнена огромным количеством яхт, занявших все водное пространство вокруг.

В кухнях яхт-клубов чувствовалось большое ожив-

ление: шеф-повара и просто повара, посудомойщики и официанты готовились к великому дню.

«Палома Бланка» была в центре событий — смесь отеля, студии для съемки фильмов, телевизионная станция, студия звукозаписи и концертный зал, а ее жители находились в состоянии растущего напряжения. За один вечер Майорка должна была стать культурным центром Европы из-за концерта, который будет демонстрироваться во Франции и Германии, Голландии и Бельгии, Италии, Швейцарии, Испании и Соединенном Королевстве. И вполне понятное волнение, которое охватывает артистов перед представлением, а особенно таким, которое увидят миллионы людей, создавало импульс, который распространился далеко за пределы «Паломы Бланки».

Волнение чувствовалось везде — в Андраиксе и Карпедере, в Дейе и Салинасе — и на улицах Палмы, по которым Герберт вез Катрину из аэропорта.

Знамена и плакаты заполнили от края до края Маритим Променад. На людях были надеты майки с надписями «Барзини в „Паломе Бланке“!», и они читали утренние газеты, в которых были статьи про Барзини, и они завтракали в кафе, украшенных флажками «Барзини в „Паломе Бланке“!». Голос Барзини звучал в свежем утреннем воздухе, доносясь из громкоговорителей на каждом музыкальном магазинчике и из студии звукозаписи в городе.

— Здорово! — воскликнул Герберт. — Испанский Совет по туризму должен дать вам медаль.

Катрина усмехнулась.

— В своем роде это и есть медаль.

Огромное количество официальных представителей проделало путешествие из Мадрида, чтобы увидеть «Палому Бланку» своими глазами. Министерство культуры устроило прием в честь Барзини, на который он, вместе с Осси, прибыл в начале недели. Был создан специальный офис для прессы, в штате которого находилось четыре переводчика, которые помогали отвечать на вопросы журналистов всего мира. А Катрина просто сбилась с ног — работа с Майком Томпсоном, организация фотографий, проведение интервью, визитов в «Палому Бланку», встречи в аэропорту через ВИП. Каждую неделю к ней на помощь прилетала Шарли, но, имея ограниченные возможности из-за кон-

тракта с Бессби...
с чествова...
Рус с немцами...
выразили желани...
ли затем возмещ...
Герберт у...
— Как карма...

счастливы.
Он приехал д...
селону, чтобы с...
ехавшая без ост...
Глория теперь б...
державшая фронт...
в аэропорт.

— Будем над...
ливы. — Катрина...
остро доволен ре...
рады тому, что п...

— А шеф теп...
ки с двумя хвост...
берт махнул голо...
начала, в Килбу...

И это было п...
Энрико Барзини...
имным админис...
пожелают. То же...
сона, которую...
образом. Так ка...
им предоставля...
днем и по вечер...
гнезда». И все...
что было пожа...
«Бланка» была...
прекращал прод...
граммки то и де...
фии, записи, ко...
сом Барзини пр...

Каждый шко...
лучения приза «...
Местные «о...
вых членов.

И, так как т...
ные пресс-конфе...
нем. Его лицо...

тракта с Бобби Левитом, она могла оставаться только с четверга до воскресенья. И сверх того прибыл еще Рус с новыми владельцами, которые, после того как выразили желание проверить все собственноручно, были затем вовлечены в общую суматоху.

Герберт улыбнулся.

— Как карнавал, правда? Вроде Марди-Град. Все счастливы.

Он приехал две недели назад, через Францию и Барселону, чтобы собрать всех, и с ним была Глория, ехавшая без остановок прямо из Лондона. Именно Глория теперь была снова в их временном офисе — держащая фронт вместе с Шарли, пока Катрина ехала в аэропорт.

— Будем надеяться, что они все и будут счастливы. — Катрина скрестила пальцы. — Все готово. Майкстро доволен репетициями. Съемщики фильма будут рады тому, что получают.

— А шеф теперь стал чудом каким-то, вроде собаки с двумя хвостами. Знаешь, что я подумал? — Герберт махнул головой. — Я не видел его таким с самого начала, в Килбурне.

И это было правдой. Тодд стал всем для всех. Для Энрико Барзини и артистов он был самым гостеприимным администратором. Они получали все, что ни пожелают. То же относилось и к команде Майка Томпсона, которую никогда еще не размещали лучшим образом. Так как им приходилось есть в разное время, им предоставляли в распоряжение яхт-клуб по утрам, днем и по вечерам, с командой Хэнка из «Вороньего гнезда». И все там было так роскошно, что им не на что было пожаловаться. И, в то время как «Паломы Бланка» была полна весельем и суматохой, Тодд не прекращал продавать. Майки, сувенирные значки, программы то и дело появлялись в магазинах, а биографии, записи, компакт-диски и просто кассеты с голосом Барзини просто заволокли остров.

Каждый школьный хор соревновался за право получения приза «Барзини в „Паломе Бланке“!».

Местные «оперные» общества ощутили приток новых членов.

И, так как Тодд замечательно проводил ежедневные пресс-конференции, он сделался всеобщим любимцем. Его лицо мелькало в местных газетах чаще, чем

лица лидеров политики. По крайней мере на Майорке, сеньор Тодд стал фигурой значительной.

Катрина рассмеялась:

— Не думаю, что за эти пять недель он хоть разок поспал.

Герберт усмехнулся:

— Кому нужно спать? Вот что мы обычно говорили в старые добрые дни. Тем более, осталось уже немного, правда? Все произойдет сегодня вечером.— Он поглядел на нее в зеркало.— Так кого же мы встречаем сегодня утром? Наверняка какую-нибудь важную персону.

Она знала, что он имел в виду. За две недели он возил людей из аэропорта в «Палому Бланку» и обратно, и она редко сопровождала его. Она заколебалась:

— По правде говоря, это адвокат моего отца, но я не хочу, чтобы Тодди узнал об этом до вечера. Это сюрприз.

— А-а.

В его голосе слышались произнесенные вопросы, и она почувствовала себя неловко.

— Я заказала ему номер в отеле в Пагьере, поэтому мы отвезем его туда из аэропорта. Хорошо? И я еще хочу, чтобы ты заехал за ним и отвез его на концерт.

— Ты — босс,— усмехнулся он.— А ты знаешь, я несколько раз видел твоего отца. То и дело отвозил его в Хитроу. Он был занятым стариком. Ему бы все это понравилось. Это как раз то, что он любил.— Он бросил на нее быстрый взгляд.— Он бы до ужаса гордился тобой.

Катрина открыла было рот, чтобы ответить — сказать, что она сильно изменилась и теперь может понять, что заставляло ее отца суетиться, что он бы ей, может быть, сейчас даже понравился, но, прежде чем она успела сказать все это, Герберт перебил ее.

— Ух ты, черт! Погляди-ка!

Навстречу им, по противоположному ряду дороги двигалась армия частников — такси и других машин, и все они ехали от аэропорта.

— Вчера был просто бедлам,— сказал Герберт, взглянув на длинную очередь.— Но это покрывает все. Бог мой! Кажется, весь мир и еще полмира приехали на этот концерт.

— Bravo! — кричали люди, изо всех сил размахивая своими программками. — Bravo, бис!

Аплодируя в унисон, четыре тысячи человек поднялись с мест, и звук разнесся по освещенным горным склонам.

На сцене стоял Барзини, капли пота блестели у него на лбу. Он представил тех, кто пел в хоре, и вывел их на середину сцены, под огни рамп.

Толпа зааплодировала еще яростней, чем прежде, то сжимая, то разжимая ладони, и стоял такой шум, что он громом отдавался в ушах, и люди, стоящие рядом, не слышали друг друга.

В своей студии Майк Томпсон включал третью камеру.

Крики стали еще громче и наконец перешли в неистовый рев. Все зрители как один повскакивали со своих мест и кричали:

— Bravo! Бис!

Константин Леопарди, дирижер, повернулся на своем подиуме перед оркестром, поклонился публике, а над его головой тем временем звучал рокот восторга. Как и у Барзини, его улыбающееся лицо блестело от пота.

От криков восторга, казалось, раскалывается ночное небо и дрожат сосны, и пальмы, и миндальные деревья на горных склонах.

В ответ на взмах дирижерской палочки Леопарди, все музыканты тоже поднялись со своих мест.

В студии, со взглядом, по-прежнему прикованным к экранам, Томпсон махнул своему первому помощнику:

— Как там, в гавани?

— Хэнк прибыл. Он говорит, они готовы.

— Через шесть минут — фейерверк.

В гавани, еще не отдышавшись от пробежки в сотню ярдов, Хэнк расположился возле яхт-клуба, рядом с командой съемщиков, и глядел на стройные ряды яхт. Каждая яхта была освещена, а вдалеке еще виднелись другие корабли.

Сотни и сотни судов, океанских яхт, моторных лодок с экипажами на борту ждали его сигнала.

Он услышал, как позади него рев толпы смолк на секунду, а потом снова раздался взволнованный шум.

Он взглянул на оборудование для фейерверка и почувствовал прилив гордости, не только за себя, но и за всех — Тодда, Катрину, Шарли, Дона Антонио. Их работа и работа еще многих людей создала «Палому Бланку», а реальность превзошла все его невероятные мечты.

Вдруг шум, исходивший от публики, перекрылся звуком фанфар. Золотые нотки замерцали в ночном воздухе, и оркестр заиграл вступительные акты к арии Тореадора из «Кармен». Толпа зашумела, но шум смолк, когда оркестр начинал играть снова, и всех захватил ритм прекрасной музыки Бизе.

Хэнк чувствовал такой же триумф, как и все остальные. И еще он чувствовал волнение. Повернувшись, он увидел рядом зеленые глаза Шарли. Он улыбнулся.

— Правда, это великолепно?

— Просто фантастика! Все! И Барзини, и общая атмосфера, никогда еще не было такого вечера! — Она подхватила его под локоть и повела к яхт-клубу, прикрыв дверь, чтобы шум был не так слышен.

— Я должен быть там, снаружи, — возражал он.

— Через минуту пойдешь, — сказала она, обняв его рукой за шею и притянув его губы к своим.

— Эй? — выдохнул он, когда она отпустила его. — А это зачем?

— Не могу придумать правильные слова, — рассмеялась она. — Даже миллион *спасибо* звучит глупо и банально, когда и без всяких «спасибо» это миллион... я имею в виду... — Вздохнув, она озадаченно покачала головой. — О Бог мой! Ты видишь? Кто знает, что именно я имею в виду? Я, и не могу найти слов? Я бы в это не поверила. Я, ты ведь знаешь, никогда за словом в карман не лезу.

— Да ладно тебе, — рассмеялся он, наконец поняв, что она хотела сказать. Как только была заключена сделка, они решили, чтобы Шарли взяла миллион от их прибыли...

— Да что значит — ладно? — переспросила Шарли. — Как я могу? Я еще никак в себя не приду! — воскликнула она, схватив его за руки. — Нет, серьезно, это так благородно, не знаю, как сказать...

— А вот тебе и не надо было этого знать до нашего празднования.

— Катрина мне сказала это перед концертом. Она не могла больше держать это в секрете. Я пыталась найти тебя раньше...— Она переглотнула и посмотрела на него сияющими глазами.— И вот, я наконец решила, и что же я вижу? Ты какой-то грустный.

— Я?

— Да, ты. Ты смотрел на гавань таким печальным взглядом.

— Вовсе нет,— отрицал он, качнув головой.

— Ну, не морочь мне голову. Что случилось? Может быть, я смогу помочь, одолжу тебе немного денег?

Он рассмеялся и обнял ее.

— Я просто прощался, наверное,— сказал он.— Я продал вчера Максу «Воронье гнездо». Ты знала об этом?

— Нет! Никто не сказал мне об этом. Но, Хэнк, почему?

Он неопределенно пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, четырнадцать лет — уже достаточно. Майорка была для меня хорошим местом, но теперь она такой уже не будет.

— Ты уезжаешь?

Он кивнул.

— Думаю, да.

— И куда же ты поедешь? Обрато в Штаты?

Он покачал головой.

— В этом нет смысла. То место, где я вырос, больше не существует.— Он улыбнулся.— Я думаю, я куплю себе другую яхту и погляжу, что можно будет сделать. Один парень говорил мне о замечательном месте в Сейшеллах. Он сказал, что, может быть, продаст его.

Вдруг она поняла.

— Ты хочешь попытаться еще раз, так? Ты все еще ищешь другую «Палому Бланку»?

Он улыбнулся, как маленький ребенок, у которого появился секрет.

— Может быть. А ты? У тебя какие планы?

— Ты шутишь? — Она покачала головой.— Я еще никак в себя не приду от таких денег. Ну, я хочу сказать, ну и сумма! Я — миллионерша! А как еще говорят — «миллионерша»?

Он рассмеялся.

— Почему бы и нет?

— Может быть, люди думают, что это звучит как-то сексуально. Все равно, сначала мне надо пережить сегодняшний вечер.— Она усмехнулась.— А все могло бы кончиться тюрьмой.

Он посмотрел на нее.

— Ты еще не сказала Левиту?

Хотя Тодд и выплатил ей ее шесть миллионов плюс проценты на другой день, после того как Рус подписал соглашение, Шарли еще ощущала какую-то вину.

Она увидела, что он сомневается.

— Не бойся. Боб, конечно, будет немного в шоке, но, если я все объясню ему, он придет в норму.

— Будем надеяться, ты знаешь, что делаешь. Если он будет с тобою груб, я всегда смогу нанять яхту. Мы можем отчалить из гавани под покровом темноты.

Взгляд ее говорил о том, что она как будто бы соблазнилась, но, прежде чем она успела ответить, в дверь постучал один из операторов. Он показал пальцем на часы.

Взяв ее за руку, Хэнк, улыбаясь, тихонько подтолкнул ее к двери.

— Пора начинать фейерверк.

— Иду, иду, а ты не бойся. Ничто, просто ничто не сможет испортить сегодняшний вечер.

Шарли была права. После фейерверка начался прием, и празднества, казалось, будут продолжаться до рассвета. В полвторого ночи толпы людей на террасах все еще не собирались уходить. Убежав от людей, Катрина поднималась по главной лестнице, и тут ее поймал Хэнк.

— Ты видела Шарли?

— Я тебя везде ищу. Мы встречаемся в офисе. Давай, приходи.

— Она рассказала обо всем Левиту?

— Они там вместе с ним.

— Но я думал,— он остановился, увидев, что множество людей спускается по лестнице.— Она сказала, что мы там не нужны.

— Тодд не примет никаких *нет*.— Она рассмеялась и, взглянув вниз, увидела Софи и помахала ей рукой.— Боже, это совершенно невероятная ночь. Мы сделали это, Хэнк! Сделали! — И, когда он в ответ не улыбнулся, сказала: — С Шарли все будет в порядке.

— Мне надо...
— Ну-ка, тащи...
через две ступени...
он показывал паль...
— Где Шарли?
Тодд усмехнул...
— Не бойся, я...
Катрину за руку...
мужчинами.— Ша...
Тодд, распахнув д...
— Но что случ...
Закрыв дверь...
прижался к ней с...
— С Левитом...
ла должны наруш...
был самый искли...
когда-либо слыша...
— Черт побери...
чит, все эти страхи...
— Так Шарли...
кликнула Катрина...
— Ну, этого...
Левит ведь полу...
и будь здоров ка...
говоря об этом...
хорошо кончается...
— А ведь все...
спросила Катрина...
стоял рядом с бар...
Вытащив бутыл...
он улыбнулся То...
— Будь здоров...
Шарли?
— Она появи...
рались по ступен...
с твоим поклонн...
ну.— С этим пар...
что он сказал? И...
нат! Одна из мил...
— Да он всегд...
театралы. Они в...
...анские

— Мне надо было пойти...

— Ну-ка, тащи его вниз, — закричал Тодд, прыгая через две ступеньки. Раскрасневшись и запыхавшись, он показывал пальцем на Катрину. — Я видел...

— Где Шарли? — перебил Хэнк.

Тодд усмехнулся.

— Не бойся, не в «испанских сапогах»¹. — Взяв Катрину за руку, он повел ее в офис. Она шла между мужчинами. — Шарли скоро подойдет, — объяснил Тодд, распахнув дверь. — Бери бокал, Хэнк.

— Но что случилось?

Закрыв дверь, чтобы не было слышно шума, он прижался к ней спиной.

— С Левитом все прекрасно. Он сказал, что правила должны нарушаться в экстренных случаях, а это был самый исключительный случай, о котором он когда-либо слышал.

— Черт побери! — Хэнк уставился на него. — Значит, все эти страхи...

— Так Шарли все-таки могла сказать ему? — воскликнула Катрина, опускаясь на софу.

— Ну, этого я не говорил, — кашлянул Тодд. — Левит ведь получил обратно свои деньги, да еще и будь здоров какие проценты. Что он имел в виду, говоря об этом, так это то, что все хорошо, что хорошо кончается.

— А ведь все хорошо кончилось, правда же? — спросила Катрина, повернувшись к Хэнку, который стоял рядом с баром.

Вытащив бутылку шампанского из ведра со льдом, он улыбнулся Тодду.

— Будь здоров! Откроем сейчас или подождем Шарли?

— Она появится через секунду. Мы как раз продирались по ступенькам через толпу, когда столкнулись с твоим поклонником. — Тодд посмотрел на Катрину. — С этим парнем, Осси. Зараза какая! Ты знаешь, что он сказал? На какой замечательной женщине я женат! Одна из миллиона, сказал он.

— Да он всегда так, — рассмеялась она. — Он как все театралы. Они вечно суетятся. Не обращай внимания.

¹ Испанские сапоги — средневековое орудие пытки.
(Ред.)

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату влетела Шарли.

— Та-ра-ра! — прокричала она. — Ох, ну и сумасшедший дом там снаружи! — Захлопнув дверь, она улыбнулась Хэнку. — Я доверяю тебе открыть эту бутылку, чтобы отпраздновать мою свободу! — Поцеловав мимоходом Тодда, она вылетела на середину комнаты. — Я свободна, абсолютно свободна, проскочила, черт возьми! — Задохнувшись от восторга, Шарли рухнула на диванчик рядом с Катриной. — Но еще лучше то, что благодаря вам я до чертиков богата!

Катрина не могла больше сдерживаться.

— Богата? — повторила она, гордо подняв голову. — Знаешь, кто тут богатый?

Они все вопросительно взглянули на нее.

— Наконец установили размеры собственности Лео!

— Да ну? — задохнулся Тодд. — И никто мне не сказал!

— Да я тебя сегодня почти не видела.

— Значит, установили? — повторил он непонимающим голосом, уставившись на нее.

Все смотрели на Катрину. Пальцы Хэнка замерли на пробке от шампанского.

— Роша пришел на концерт, — объяснила Катрина, глядя на Тодда. — Он сейчас здесь.

— Пришел? Он здесь? Я не видел его.

Глубоко вздохнув, Катрина произнесла:

— Лео завещал мне четыре миллиона фунтов.

— Ух ты! — воскликнула Шарли.

— Ты шутишь! — сказал Хэнк.

— Черт возьми, — сказал Тодд сдавленным голосом и рухнул в кресло возле двери.

Хэнк открыл наконец бутылку, и шампанское выплеснулось из нее, прежде чем он успел подставить бокалы. Шарли бросилась к нему на помощь, по направлению к бару и на ходу ставя бокалы на поднос.

Тодд и Катрина остались на месте, обмениваясь взглядами, Тодд в замешательстве, а Катрина вне себя от волнения.

Шарли разносила бокалы: один Тодду, который не сказал на это ни слова. Прошло минуты две, прежде чем молчание нарушилось. Нарушила его Шарли.

— Четыре миллиона! — прошептала она, переда-

вая Катрине ее
будь здоров как
делать с этим

Глядя на муж
— Хэнк гово
шеллах. Почему
нужно на него?

Хэнк посмо
хищением.

— Вот это м
с настоящими де

— Великолеп
глядя на них сво

— Да, теперь
Они обменяли

с места.

— Предлагаю
за Лео.

— И за его д

— Кто знает
быть, даже за на

вая Катрине ее бокал.— Бог мой, Катрина! Это уж
будь здоров какое богатство. Что ты собираешься
делать с этими деньгами?

Глядя на мужа, Катрина сказала:

— Хэнк говорил о каком-то клочке земли в Сей-
шеллах. Почему бы нам не поехать туда, чтобы взгля-
нуть на него?

Хэнк посмотрел на нее с нескрываемым вос-
хищением.

— Вот это мысль. И на этот раз мы начнем дело
с настоящими деньгами...

— Великолепно! — перебила Шарли, взволнованно
глядя на них своими зелеными сверкающими глазами.

— Да, теперь уж мы ученые,— сказал Тодд.

Они обменялись взглядами, потом Тодд поднялся
с места.

— Предлагаю тост,— сказал он, подняв бокал.—
За Лео.

— И за его дочь,— сказала Шарли.

— Кто знает? — рассмеялась Катрина.— Может
быть, даже за нашу новую «Палому Бланку»!

Сент-Джеймс И.

С 31 Заложники удачи: Роман / Пер. с англ. В. Степанова — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1995.— 464 с.— (Золотой Купидон).
ISBN 5-87322-256-8

Амбиции — ужасная вещь. Жажда могущества заставляет человека взбираться все выше, в ослеплении не разбирая дороги, каждая из которых может закончиться обрывом.

Сирила Тодда, преуспевающего магната, которому завидовали все, неумное желание стать еще выше привело к краю пропасти. И в тот недобрый час сила любви удержала его от падения.

Иэн Сент-Джеймс — автор семи международных бестселлеров. «Писатель в высшей степени увлекательный», — отзывался о его книгах Нельсон Демиль.

С 4703000000—250
В 29(03)—95 Без объявл.

ББК 84.7 США

② Отзывы и предложения по изданию книг серии «Золотой Купидон» направлять по адресу: 103050. Москва. К-50, а/я № 43.

③ По вопросам реализации обращаться по адресу: 103030, Москва, Новослободская, 18, издательство «ОЛМА-ПРЕСС».

④ Тел. 973-49-53; 973-49-54

И. В. Сте-
464 с.—

для челове
и, каждая из
законодатель
о пропасти.
й.
есть интерв.
и о е о

84.7 СШ

Иэн Сент-Джеймс
ЗАЛОЖНИКИ УДАЧИ

Роман

Редактор *О. Хуциева*
Художественный редактор *А. Титова*
Технический редактор *Л. Володченкова*
Корректоры *С. Григорьева, А. Серянкин*

Лицензия ЛР № 070099 от 26.08.91 г.
Сдано в набор 04.05.95 г. Подписано в печать 04.07.95 г. Формат 84x108/32.
Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36.
Уч.-изд. л. 24,83. Тираж 30 000 экз. Изд. № 95—95—3К. Заказ № 770. С 250.

Издательская фирма «ОЛМА-ПРЕСС».
103030, Москва, ул. Новослободская, 18.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

161
162
163

Формы
Уч. пел. 12
Закл. 20

рпм

Эрин Дрейпер ЗАЛОЖНИКИ УДАЧИ

“Он галантно провел ее через боковой вход. Память его запечатлела все точно. Они очутились в маленьком баре, отделанном дубом и сверкающем медью. В камине мерцал огонь. Это создавало атмосферу уюта. Запах сосновых бревен мешался с запахом полированной мебели. На красивых панельных стенах висели картины, изображающие охоту. Глубокие кресла были отделаны ситцем. И - что было лучше всего - они были одни”.

Москва
ОЛМА-ПРЕСС

ДЛЯ
ВНЕШНЕГО
ПОЛЬЗОВАНИЯ

ИЛИ
ПОД
ПЕЧАТЮ

ПОД
ПЕЧАТЮ

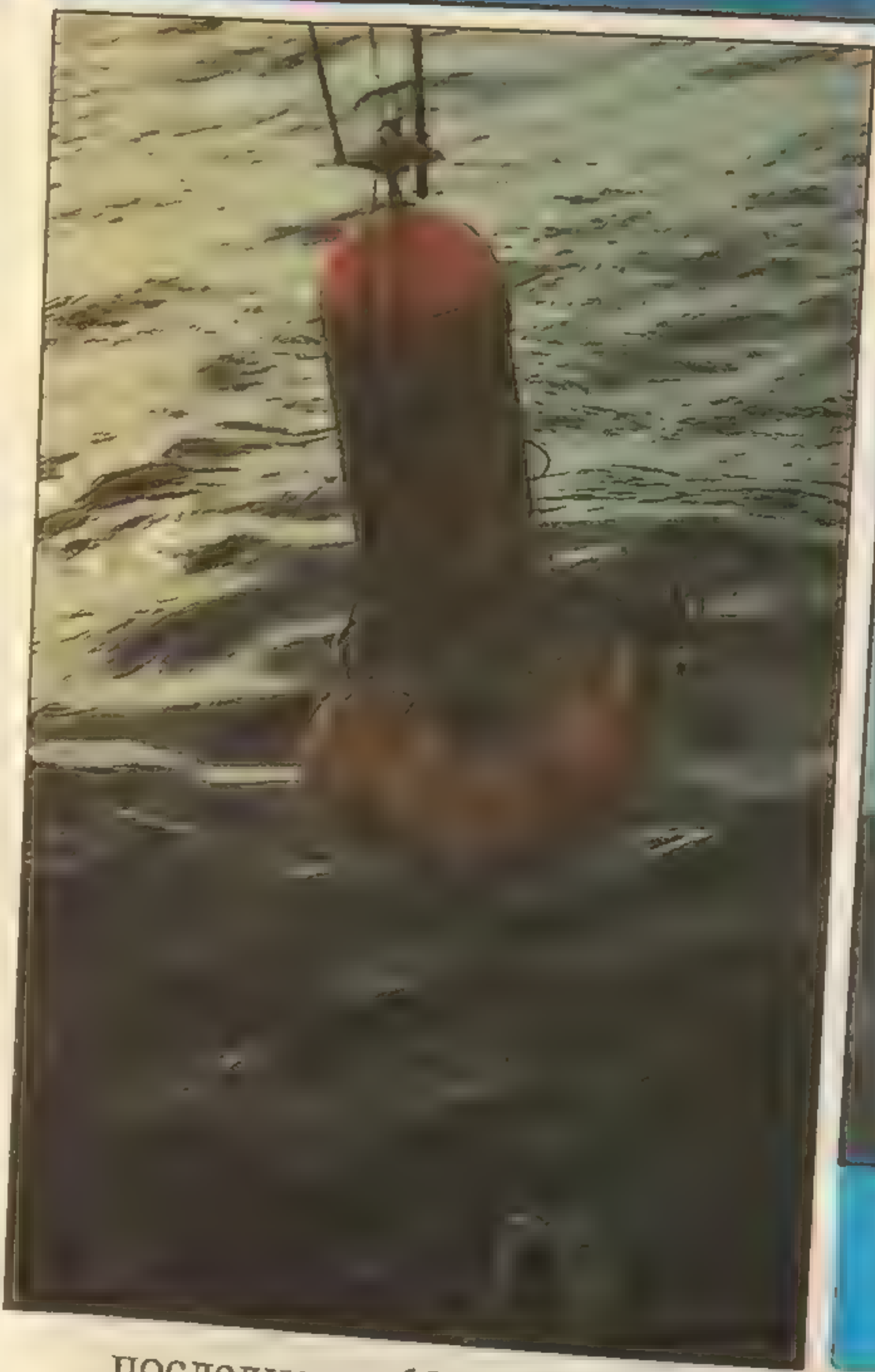
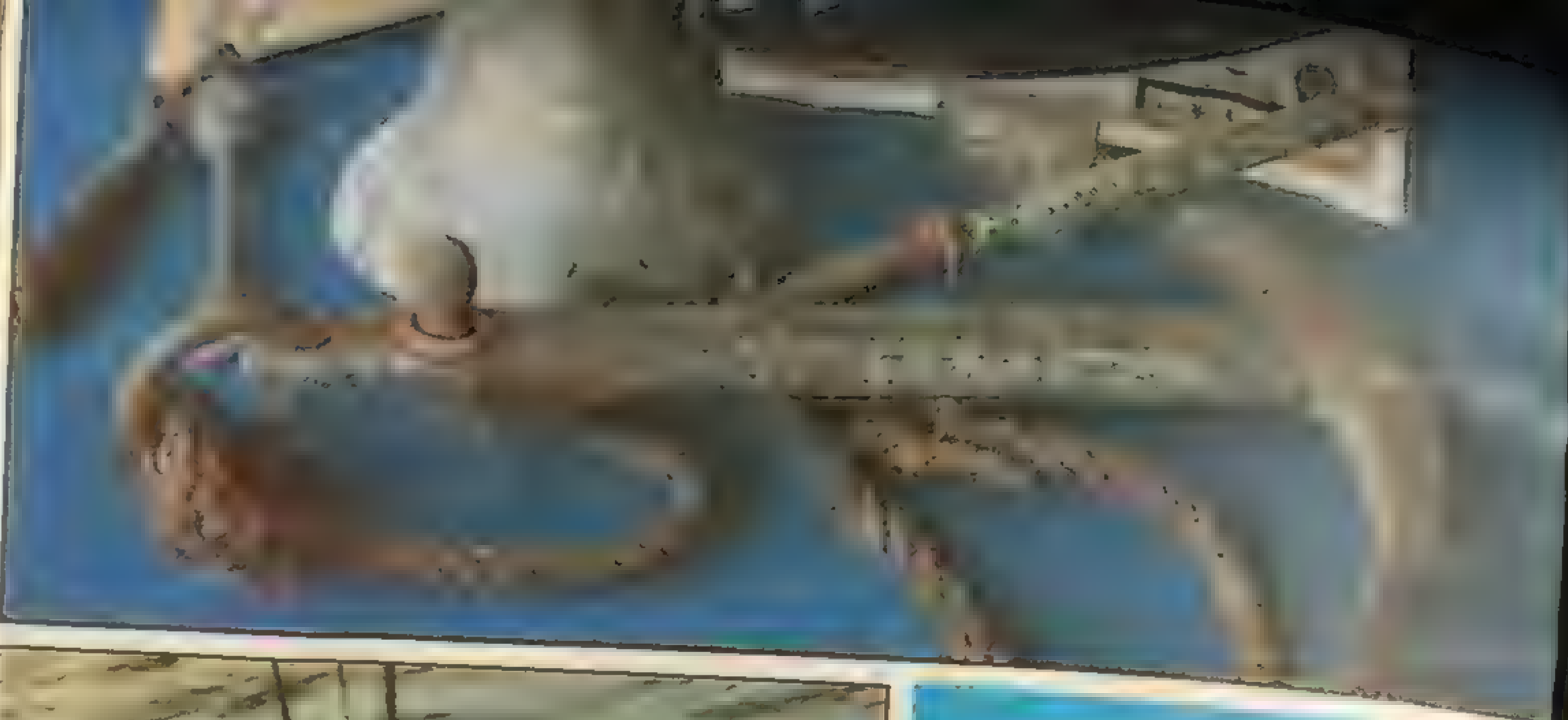

Мені
обрав Джим

ЗАЛЮЖНИКИ
УДАЧИ

ссии и од-
рт Пиллау.
: история...
репарации
ому Союзу.
не только
великолеп-
вательское
чил новое,
е имя, до-
наследст-
чательных
нзя" (1862-
Миклухо-
и "Витязя"
адмирала
Макарова.
од вымпе-
ук СССР,
просторам
сяч морс-
на карте
сографи-
бую глу-
п живых
та портах
ан мира.
ственной
дальних
ткрытий.
родилась
ининграде

последнего, 65-го рейса судна. Но лишь спустя 11 лет, в апреле 1990 года, Совет Министров России принял решение "О создании Музея Мирового океана в городе Калининграде". Калининград — крупный и перспективный центр научных исследований и освоения природных ресурсов океана, морской, торговый, рыбный и научный порт. Город выделил для музейного комплекса в центре, на набережной реки Преголи, территорию с двумя зданиями, которые

СБЕР

Лучшая подписка* в Сбере

* Лучшая среди продуктов на sber.ru по совокупности предоставляемых бонусов и скидок. Тарифный план от ПАО Сбербанк (далее — «ТП») — стоимость на набор продуктов услуг с указанием их перечня и условий предоставления (размера плат и/или иных условий), доступный для подключения в мобильном приложении «Сбербанк Онлайн» (0+). Подробнее об условиях предоставления ТП и продуктах услугах в него входящих, имеющихся ограничениях и иных условиях — на <https://sberprime.sber.ru/plus>. ПАО Сбербанк Генеральная лицензия Банка России на осуществление банковских операций № 1481 от 11.08.2015.

STAYER X H33 MY WOUNDS (EXTENDED MIX)

CLOUDRIVER – SQUALL LINE (EXTENDED MIX)

